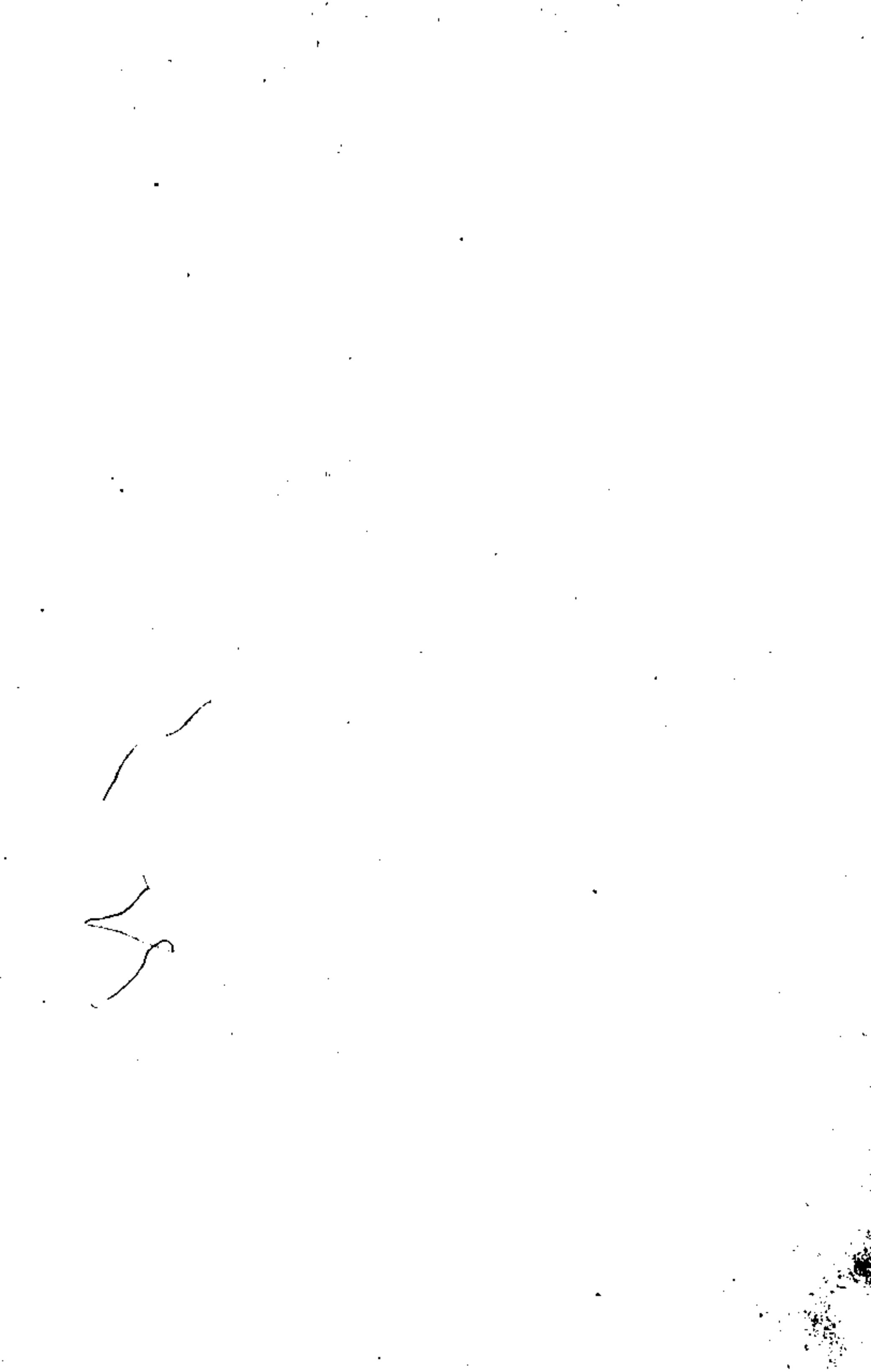

Библіотека „Общественной Пользы“.

А. А. Кауфманъ.

Переселеніе
и
колонизація.

С.-Петербургъ.
1905 г.

Библіотека „Общественной Пользы“.

А. А. Кауфманъ.

Переселеніе и колонизація.

С.-Петербургъ.
1905 г.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.

6 іюня 1904 года вышелъ новый „законъ о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ-земледѣльцевъ“, замѣнившій и отмѣнившій какъ основной переселенческій законъ 13 іюля 1889 года, такъ и позднѣйшіе, существенно видоизмѣнившіе его, законы 15 марта и 27 декабря 1896 года. На мѣсто того, сначала, „сдержанно-недоброжелательнаго“, позже сочувственнаго отношенія къ переселенію, но во всякомъ случаѣ—отношенія къ переселенію, единственно, *какъ къ факту,* которое лежало въ основѣ этихъ нынѣ отмѣненныхъ законовъ, законъ 6 іюня 1904 года выдвигаетъ на первый планъ новую, или вѣрнѣе—очень старую, но основательно-забытую точку зрѣнія на переселеніе, какъ на могущественное орудіе аграрной политики. Шестымъ іюня 1904 года, поэтому, заканчивается цѣлый періодъ исторіи русской переселенческой политики. Цѣлый періодъ заканчивается и въ другомъ отношеніи: комитетъ Сибирской желѣзной дороги и подготовительная его комиссія, сдѣлавшіе очень много для переселенческаго дѣла, съ 10 января 1904 г. сошли съ исторической сцены и уступили мѣсто „общеустановленному порядку“ вѣдомственной переписки и законодательнаго разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся переселенія.

Насталъ, поэтому, моментъ подвести итоги закончившагося періода исторіи нашихъ переселеній и нашей переселенческой политики; насталъ вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ, чтобы попытаться выяснить, на основаніи опыта этого періода, какую роль можетъ играть переселеніе съ точки зрѣнія той широкой аграрной политики, которую имѣли въ виду провести въ жизнь составители закона 6 іюня 1904 года. И сдѣлать это тѣмъ болѣе своевременно, что и въ общественномъ мнѣніи, и въ руководящихъ сферахъ, переселенческій вопросъ вновь выдвигается на слишкомъ видное мѣсто: на самыхъ

послѣднихъ дняхъ переселеніе выставлено однимъ изъ немногихъ пунктовъ программы совѣщанія И. Л. Горемыкина; съ другой стороны, „правильная постановка на широкихъ началахъ“ переселенія и разселенія поставлена однимъ изъ пунктовъ аграрной программы февральскаго съѣзда земскихъ дѣятелей. И авторъ, послѣ 15 лѣтъ литературно-научной и частью-практической работы въ области переселеній, считаетъ себя нравственно обязаннымъ выступить съ настоящею книгой, чтобы своимъ, къ несчастью, слишкомъ слабымъ голосомъ предостеречь противъ того увлеченія „широкими задачами“ переселенія, которое, повидимому, вновь смѣнило начинавшій было преобладать болѣе холодный и осторожный взглядъ на его будущность и возможное значеніе. Какъ читатель могъ-бы убѣдиться по нѣкоторымъ изъ его прежнихъ монографическихъ работъ, авторъ далеко не принадлежитъ, въ данномъ отношеніи, къ числу крайнихъ пессимистовъ; напротивъ, его оцѣнки колонизаціоннаго значенія ряда крупныхъ районовъ оказались далеко болѣе благопріятными, нежели оцѣнки другихъ, по большой части мѣстныхъ дѣятелей. И тѣмъ не менѣе, тщательный если не подсчетъ—такой подсчетъ невозможенъ и ни къ чему, кромѣ заблужденій и недоразумѣній, вести не можетъ, то оцѣнка имѣющагося теперь, уже достаточно обильнаго, фактическаго матеріала, приводитъ его къ положительному убѣжденію, что запасъ земель, годныхъ для переселенія при данномъ, конкретномъ контингентѣ желающихъ переселяться и при данной, конкретной, совокупности культурныхъ и хозяйственныхъ условій, крайне незначителенъ по сравненію съ существующею потребностью; говоря проще, что въ распоряженіи государства имѣется лишь очень немного—опять таки по сравненію съ потребностью—земель, годныхъ для переселенцевъ изъ наиболѣе нуждающейся въ улучшеніи условій крестьянскаго землевладѣнія, черноземной полосы; что при этомъ переселеніе связано съ колоссальнымъ рискомъ,—полную неудачу претерпѣваетъ въ настоящее время, по меньшей мѣрѣ, половина всѣхъ переселяющихся; что переселеніе, унося ничтожную долю годичнаго прироста населенія въ малоземельныхъ

мѣстностяхъ, не только не можетъ привести къ разрѣженію населенія и къ удаленію его избытка и такимъ образомъ улучшить земельно-хозяйственныя условія,—но неспособно даже задержать дальнѣйшаго ухудшенія этихъ условій и дальнѣйшаго обостренія кризиса крестьянскаго хозяйства. А отсюда—такіе практическіе выводы: пока люди переселяются и пока нѣтъ способа ихъ удержать отъ этого—надо возможно шире поставить заботы о переселяющихся и въ пути, и на новыхъ мѣстахъ, чтобы свести къ возможному минимуму колоссальный рискъ переселенія; разъ земли, въ концѣ концовъ, хватаетъ на ничтожную долю желающихъ переселяться, надо всѣми способами, кромѣ конечно запрещеній, стремиться къ тому, чтобы переселялись по возможности только тѣ, кто не можетъ быть устроенъ никакимъ инымъ способомъ. Но серьезнаго воздѣйствія на крестьянское хозяйство и благосостояніе можно и должно ожидать только отъ поднятія крестьянской культуры и культурности и въ болѣе узкомъ, и въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Это необходимо ясно и отчетливо сознать, и заблужденіе, въ данномъ случаѣ, является *вреднымъ* и *пагубнымъ* заблужденіемъ: лишь когда мы перестанемъ возлагать несбыточныя надежды на переселеніе, мы съ надлежащею энергіею примемся за столь необходимую экономическую и культурную работу, а съ другой стороны мечты о „широкомъ развитіи переселеній“ грозятъ разореніемъ все новымъ и новымъ десяткамъ и сотнямъ тысячъ крестьянъ, которые не найдутъ на „новыхъ мѣстахъ“ того, чего они здѣсь искали...

Пишущій эти строки не задавался цѣлью написать—въ первой части своей книги—исторію только что закончившагося періода нашей колонизаціонной политики: этотъ періодъ еще не успѣлъ отойти въ историческую перспективу, а съ другой стороны—авторъ стоялъ слишкомъ близко къ нѣкоторымъ сторонамъ переселенческаго дѣла, чтобы претендовать на роль историка; въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ, онъ смотрѣлъ на себя, скорѣе, какъ на свидѣтеля, показаніями котораго воспользуется будущій историкъ... Желая, въ то же

время, сдѣлать свою работу доступною для возможно широкаго круга читателей, авторъ всемѣрно заботился о сокращеніи того, что можно назвать научнымъ аппаратомъ—онъ до послѣдней крайности сокращалъ подстрочныя ссылки и избѣгалъ обширныхъ статистическихъ таблицъ, хотя личные научные вкусы больше всего тянули его именно въ сторону статистическаго анализа.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ по поводу одного досаднаго пробѣла въ использованномъ статистическомъ матеріалѣ. У автора въ рукахъ находятся отпечатанныя въ листахъ, но еще не вышедшія въ свѣтъ, богатѣйшія по содержанію статистическія данныя подворной описи крестьянскихъ поселковъ Степного края, выполненной экспедиціею по изслѣдованію Степныхъ областей. Противъ использованія этихъ таблицъ, до ихъ выхода въ свѣтъ, предъявилъ протестъ завѣдывавшій разработкою данныхъ подворной описи статистикъ экспедиціи П. А. Васильевъ, составляющій въ настоящее время сводный текстъ описанія переселенческихъ поселковъ Степного края. По совершенному убѣжденію пишущаго эти строки, протестъ этотъ лишенъ всякаго формальнаго и внутренняго основанія. Но такъ какъ онъ сопровождался, со стороны г. Васильева, угрозою прекратить свою работу, то авторъ исключилъ изъ рукописи и частью изъ корректуры написанныя по даннымъ экспедиціи страницы [1]). Соотвѣтственныя мѣста отмѣчены мною въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, здѣсь же я позволяю себѣ только замѣтить, что цифры экспедиціи ни въ одномъ случаѣ не заставили бы меня внести существенныхъ измѣненій или поправокъ къ выводамъ, основаннымъ на другомъ имѣющемся въ моемъ распоряженіи цифровомъ матеріалѣ, а только подтвердили бы и отчасти дополнили бы эти выводы.

Александръ Кауфманъ.

10 апрѣля.

---

[1]) Въ двухъ мѣстахъ, которыя уже были отпечатаны и которыхъ я не счелъ себя обязаннымъ перепечатывать, остались неисключенными небольшія ссылки на текстовыя описанія отдѣльныхъ переселенческихъ поселковъ, составлявшіяся статистиками экспедиціи попутно съ подворною описью.

Оглавленіе.

Часть вторая. Переселенія, ихъ причины и значеніе для народнаго хозяйства.

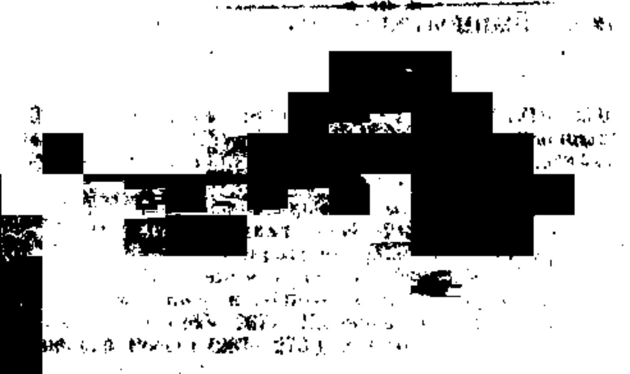
Приложеніе.

Переселенческій вопросъ въ литературѣ и общественномъ мнѣніи.

[redacted]

Приложеніе.

Переселенческій вопросъ въ литературѣ и общественномъ мнѣніи

[redacted]

Часть первая.

ГОСУДАРСТВО И ПЕРЕСЕЛЕНІЯ

1861—1904.

I.

Переселенія до и послѣ крестьянской реформы.

Переселенія русскихъ крестьянъ признаются многими за одну изъ характернѣйшихъ особенностей русскаго народнаго быта. Одни, оптимисты, видятъ въ нихъ проявленіе присущихъ нашему народу особыхъ колонизаторскихъ способностей, которыя помогли русскому сѣрому зипуну пріобщить къ культурѣ такія разнообразныя по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ мѣстности, какъ самарская степь и гористая тайга Уссурійскаго края, какъ вологодскій сѣверъ и предгорья Тянь-Шана. Другіе, пессимисты, подчеркиваютъ отрицательныя стороны и неблагопріятныя послѣдствія переселенческаго движенія и видятъ въ немъ специфическій продуктъ некультурности и инертности нашей крестьянской массы, даже какихъ-то особыхъ, характеризующихъ нашего мужика, бродячихъ инстинктовъ и наклонностей. И тотъ, и другой взглядъ, примыкая къ тѣмъ или инымъ, вѣрно отмѣченнымъ особенностямъ нашего переселенческаго движенія, въ самомъ корнѣ своемъ погрѣшаетъ противъ дѣйствительности: въ массовыхъ передвиженіяхъ земледѣльческаго населенія вовсе нельзя видѣть какой либо специфической русской особенности. Переселенія и колонизація играли первостепенно важную роль не только въ экономической, но и въ культурной и политической исторіи всѣхъ временъ и народовъ. «Исторія и соціологія—говоритъ извѣстный нѣмецкій экономистъ Филипповичъ [1])—должны разсматривать переселенія какъ важнѣйшее изъ миграціонныхъ движеній человѣчества; сущность этого движенія въ томъ, что нѣкоторая часть народа или племени выдѣляется изъ болѣе или менѣе замкнутаго, болѣе или менѣе обширнаго общественнаго союза и входитъ въ среду новаго, болѣе или менѣе ему чуждаго союза или создаетъ новый очагъ человѣческой культуры». А колонизація «всегда являлась однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ развитія человѣчества и вела за собою болѣе прочныя и длящіяся измѣненія, нежели завоеванія, нежели разрушеніе старыхъ или созданіе новыхъ государствъ; она распространяла культуру, достигшую извѣстнаго уровня, по лицу земли и перемѣщала ея центръ тяжести изъ

---

[1]) Handwört. der Staatswiss enschaften., 2-е изд., т. II, стр. 62, сл. Auswanderung.

*

однѣхъ частей свѣта въ другія; всѣ существенные моменты въ эволюціи государственной, общественной и хозяйственной жизни сопровождались обширными колонизаціонными движеніями или слѣдовали за такими движеніями» [1]).

Русское переселенческое движеніе не представляетъ чего либо исключительнаго и по своимъ размѣрамъ. Даже по абсолютной величинѣ своихъ переселеній Россія не занимаетъ перваго мѣста между другими странами, а тѣмъ болѣе—по ихъ относительной величинѣ, приведенной къ общей массѣ населенія. Мы не располагаемъ полными данными, которыя позволили бы намъ учесть размѣры русскихъ переселеній хотя бы за послѣднія 20—25 лѣтъ, такъ какъ переселеніе направляется въ разнообразнѣйшие районы, и для многихъ изъ послѣднихъ не существуетъ никакого, даже приблизительнаго учета переселенцевъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что главный переселенческій потокъ направляется въ настоящее время въ Сибирь; сибирское же переселеніе учитывается, начиная съ 1885 года, съ достаточною степенью приближенія. Съ 1885 до 1903 г. въ Сибирь прошло, по оффиціальнымъ даннымъ, до 1.900.000 человѣкъ. До 1890 года годовая цифра переселенцевъ колебалась между 25 и 50 тысячами; въ голодные 1891 и 1892 гг. она поднялась до 80—90 тысячъ, въ 1895 году до 120 тысячъ; въ 1896 году размѣры сибирскаго переселенія, подъ совокупнымъ вліяніемъ открытія движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ и рѣзко измѣнившейся въ благопріятную для переселенія сторону политики правительства, впервые превысило 200 тыс., и держались на этомъ уровнѣ до 1900 года включительно; съ 1901 года размѣры переселенія опять падаютъ и слѣдующіе три года колеблются между 100 и 120 тысячами человѣкъ. Все это—включая ходоковъ, значительное большинство которыхъ затѣмъ возвращалось на родину и либо вторично регистрировалось при окончательномъ переселеніи, либо оставалось на родинѣ и отказывалось отъ мысли о переселеніи. Если же, притомъ, имѣть въ виду значительное обратное переселеніе, то придется прійти къ заключенію, что приведенная выше итоговая цифра—1900 тысячъ душъ, или въ среднемъ 100 тыс. въ годъ, несмотря на возможные пробѣлы въ регистраціи переселенцевъ, скорѣе преувеличена, нежели преуменьшена. Переселеніе во всѣ остальные колонизаціонные районы—Новороссію, Предкавказье и Закавказье, оренбургскія степи, Туркестанъ, дало за тѣ-же 19 лѣтъ значительно меньшую цифру. Но если даже предположить, что во всѣ эти районы переселилось еще столько же переселенцевъ, то все же средняя годовая цифра русскаго переселенія за это время не превыситъ 200 тысячъ, т. е. приблизительно $^1/_7$% всего населенія или примѣрно одной десятой части его годичнаго прироста. Между тѣмъ, приблизительно за такой же по продолжительности періодъ времени 1881—1902 гг., эмигрировало изъ Германіи около 1.900.000 человѣкъ, изъ Соединеннаго Королевства—4.685.000 человѣкъ, что составляетъ для первой около

[1]) Тоже, т. V, стр. 136, сл. Kolonisation.

3%, для второго—около 10% всего населенія. Если же сопоставлять размѣры эмиграціи съ естественнымъ приростомъ населенія, то окажется, что въ цѣломъ рядѣ странъ—Италіи, Франціи, Англіи съ Шотландіею, Скандинавскихъ государствахъ — эмиграція уноситъ круглымъ числомъ отъ одной трети до половины этого прироста, не говоря уже о злосчастной Ирландіи, гдѣ эмиграція въ нѣсколько разъ превышаетъ естественный приростъ и ведетъ къ постепенному опустѣнію страны.

Итакъ, массовыя переселенія отнюдь не представляютъ собою специфически-русской особенности. Но все же они существенно отличаются отъ аналогичныхъ движеній въ Западной Европѣ и отъ европейской колонизаціи заморскихъ странъ. Колонизаціонное движеніе въ Западной Европѣ—какъ отмѣтилъ еще 25 лѣтъ тому назадъ кн. А. И. Васильчиковъ—«имѣетъ характеръ эмиграціи, т. е. выхода, которому соотвѣтствуетъ въ Америкѣ и Австраліи иммиграція, т. е. водвореніе, поселеніе,—а въ Россіи переселенія были издревле и остаются до сихъ поръ явленіемъ внутренняго народнаго быта, имѣющимъ значеніе простого перехода изъ однихъ мѣстъ жительства въ другія». Переселенцы изъ Западной Европы направляются либо въ чужестранныя государства, либо въ отдаленныя заморскія колоніи, слабо связанныя съ метрополіею и неизбѣжно стремящіяся порвать эту связь окончательно; Россія — говоря словами Ѳ. Г. Тернера— «обладаетъ въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ свободными землями, на которыя могутъ изливаться избытки сельскаго населенія, не только не разрывая связи со своимъ отечествомъ, но служа, напротивъ того, большему сплоченію этихъ дальнихъ странъ съ Россіею». Миграціи въ Западной Европѣ принимаютъ форму выселенія изъ страны, которая, подъ вліяніемъ извѣстной совокупности причинъ, становится тѣсна для своего населенія; русское переселеніе — послѣдній актъ того процесса колонизаціи русской государственной территоріи, который составляетъ такую существенную черту всей внутренней исторіи нашего отечества. И такое опредѣленіе остается правильнымъ, если даже говорить объ одной только Европейской Россіи. Вѣдь самое объединеніе ея территоріи подъ русскою властью завершилось лишь въ концѣ XVIII вѣка; южная часть ея, до того времени, либо находилась еще подъ иноземною властью, либо была подвержена набѣгамъ кочевыхъ племенъ, препятствовавшимъ колонизаціи. Только съ конца XVII вѣка заселились такія мѣстности, какъ югъ нынѣшней Курской губерніи, почти вся Харьковская, западная часть Воронежской; лишь въ первой трети XVIII вѣка линіи русскихъ поселеній подошли къ границѣ южныхъ степей, колонизація же заволжской степи началась только при Екатеринѣ II. Еще во второй трети XIX вѣка переселеніе шло главнымъ образомъ въ восточное и юго-восточное заволжье, частью—въ губерніи Воронежскую, Тамбовскую, Харьковскую и на сѣверный Кавказъ, а нѣсколько позже сильное переселеніе направилось въ новороссійскія степи. И притомъ переселеніе изъ многихъ мѣстностей Европейской Россіи началось въ то время, когда еще только заканчивалась ея собственная колонизація, и даже въ

настоящее время многія мѣстности, гдѣ водворяются переселенцы, въ то же время являются и очагами выселенія. Такъ, В. Н. Григорьевъ, одинъ изъ первыхъ мѣстныхъ изслѣдователей переселенческаго движенія, отмѣчаетъ, что переселенія изъ Рязанской губерніи начались въ то время, когда многія изъ селеній еще не имѣли здѣсь вполнѣ устойчиваго вида, когда вообще крестьяне далеко непрочно осѣли на мѣстахъ своей осѣдлости. Переселенія изъ Курской губерніи, по свидѣтельству земскаго своднаго статистическаго сборника, начались «какъ разъ съ того времени, когда закончился здѣсь процессъ колонизаціи». Въ южныхъ, сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи колонизаціонный процессъ въ настоящее время либо еще только заканчивается, либо даже еще болѣе или менѣе далекъ отъ своего завершенія,—и однако многія изъ этихъ губерній играютъ не послѣднюю роль въ числѣ мѣстностей, отпускающихъ переселенцевъ. Такъ, въ продолженіе 70-хъ годовъ новороссійскія губерніи приняли до 50 тыс. переселенцевъ и за то же время выпустили «на новыя мѣста» до 35 тыс. душъ; изъ губерній Самарской и Астраханской выселилось до 18 тыс., а вновь водворилось 14 тыс. душъ; изъ Уфимской и Оренбургской губерній, которыя въ то время были едва ли не главнымъ колонизаціоннымъ райономъ для выходцевъ изъ средней Россіи и приняли до 120 тыс. новыхъ поселенцевъ, выселилось за то-же время 36 тыс. душъ; въ пограничной съ Европейскою Россіею сибирской губерніи, Тобольской, за время съ 1893 по 1898 годъ было водворено болѣе 100 тыс. переселенцевъ,—а между тѣмъ въ одномъ только Алтайскомъ округѣ въ 1892 году было 20.800 душъ выходцевъ изъ названной губерніи.

Возвращаемся однако къ нити нашего изложенія. Существеннѣйшее отличіе русскаго переселенія отъ миграціонныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ другихъ странахъ, заключается, слѣдовательно, въ томъ, что избытки русскаго населенія переселяются не въ чужестранныя государства и даже не въ заморскія колоніи, а въ мѣстности, входящія въ составъ русской государственной территоріи и составляющія какъ бы прямое продолженіе районовъ, выпускающихъ переселенцевъ. Съ *экономической*, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, точки зрѣнія это различіе не особенно существенно: подъ понятіе «переселенія», Wanderung или Auswanderung, съ этой точки зрѣнія, въ одинаковой степени подходятъ и переходъ изъ одной общины въ другую, сосѣднюю, и переселеніе на отдаленнѣйшія окраины страны, и эмиграція въ заморскія колоніи или даже за границу: эмиграція—по словамъ того же Филипповича—есть фактъ не правовой, а соціальной жизни, и обычно сопровождающій западно-европейскую эмиграцію моментъ перемѣны подданства или гражданства не имѣетъ, въ данномъ случаѣ, существеннаго значенія. Но съ точки зрѣнія *народной экономіи* и *государственной политики* переселеніе внутри страны, выселеніе въ полунезависимую заморскую колонію, или эмиграція въ чужія страны—явленія отнюдь не однозначущія. «Тогда какъ другія державы—говоритъ Поль Леруа-Болье, — завладѣваютъ отдаленными землями, обычно отдѣляемыми отъ метрополіи тысячами миль, имѣ-

ющими совершенно иной климатъ, нерѣдко—совсѣмъ отличный характеръ производительности, а иногда даже непригодными для постояннаго пребыванія уроженцевъ метрополіи,—новыя территоріи, пріобрѣтенныя русскими, являются въ полномъ смыслѣ слова продолженіемъ Россіи. Онѣ непосредственно прилегають къ ней, представляя собою тѣ же степи, тѣ же лѣса, тотъ же континентальный климатъ; между этими необъятными азіатскими странами и Россіей есть разница только въ степени, а не въ основномъ характерѣ [1]),—и потому русскій переселенецъ не чувствуетъ себя покидающимъ отечество. Это, собственно говоря, не эмиграція, а простое перемѣщеніе (deplacement) или миграція».

Въ частности, отмѣченная особенность русскихъ переселеній, какъ весьма мѣтко указано А. М. Беркенгеймомъ въ его недавней работѣ о «Переселенческомъ дѣлѣ въ Сибири» [2]), сильнѣйшимъ образомъ вліяетъ на характеръ нашего переселенческаго законодательства и переселенческой политики русскаго правительства, передъ которымъ, именно благодаря этому, стоитъ несравненно болѣе сложная и трудная задача, нежели передъ правительствами странъ, которыя либо только выпускаютъ, либо только принимаютъ эмигрантовъ. «Въ нашемъ государствѣ—говоритъ г. Беркенгеймъ—совпадаютъ воедино страна, принимающая эмигрантовъ, со страною, отпускающею ихъ; одному и тому же правительству приходится заботиться какъ объ урегулированіи и нормированіи эмиграціи изъ внутреннихъ губерній, такъ и объ упорядоченіи иммиграціи въ другія области», «приходится согласовать интересы страны, выпускающей эмигрантовъ, съ интересами страны, принимающей иммигрантовъ»,—тогда какъ правительствамъ западно-европейскихъ или заморскихъ государствъ приходится считаться исключительно либо съ тою, либо съ другою стороною вопроса. «Изъ этого мы видимъ—продолжаетъ г. Беркенгеймъ — насколько осложняется роль нашего правительства, которому приходится согласовать интересы губерній Европейской Россіи, изъ которыхъ выходятъ переселенцы, съ интересами губерній Азіатской Россіи, куда направляются наши эмигранты», причемъ различныя въ зависимости либо отъ измѣняющихся обстоятельствъ мѣста и времени, либо отъ преобладающихъ въ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ тенденцій—точки зрѣнія на интересы районовъ выселенія могутъ и совпадать, и становиться въ противорѣчіе съ не менѣе разнообразными точками зрѣнія на интересы мѣстностей, куда направляются или могутъ направиться переселенцы. Господствовавшее еще недавно въ правительственныхъ сферахъ отрицательное отношеніе къ выселенію крестьянъ изъ Европейской Россіи, отражавшее по преимуществу интересы и взгляды земельнаго дворянства, находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными или мнимыми—этотъ вопросъ для насъ, въ данную минуту, не имѣетъ значенія—интересами такихъ колонизаціонныхъ районовъ, какъ киргизскія степи, Туркестанъ или Закавказье съ ихъ болѣе или менѣе густымъ и болѣе или менѣе культурнымъ туземъ

[1]) Это мнѣніе, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, можетъ быть принято лишь съ большими оговорками.

[2]) Журналъ „Землевѣдѣніе", 1902 г., вып. 1-й и 2—3.

нымъ населеніемъ,—и въ то же время стояло въ противорѣчіи съ интересами такихъ мѣстностей, какъ Алтайскій округъ или Уссурійскій край, колонизація которыхъ признавалась, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, желательною или даже необходимою. И наоборотъ: благопріятствующая переселеніямъ изъ средней Россіи тенденція, нашедшая себѣ рельефное выраженіе въ новомъ переселенческомъ законѣ 6 іюня 1904 года, пошла навстрѣчу тѣмъ экономическимъ мотивамъ, которые требовали заселенія района Сибирской желѣзной дороги, и тѣмъ, по преимуществу политическимъ, соображеніямъ, въ силу которыхъ признается необходимымъ внѣдрять русскихъ поселенцевъ въ Закавказье и Туркестанъ; но въ то же время, въ особенности въ Закавказьѣ, она легко можетъ оказаться въ рѣшительномъ противорѣчіи съ насущными интересами малоземельной части туземнаго населенія, нуждающагося въ расширеніи своего землевладѣнія насчетъ именно тѣхъ самыхъ запасовъ свободныхъ земель, которые разсматриваются какъ колонизаціонный фондъ для водворенія русскихъ переселенцевъ. И это противорѣчіе находитъ себѣ явственное выраженіе—между прочимъ—въ сужденіяхъ многихъ изъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности: комитеты наиболѣе малоземельныхъ мѣстностей желаютъ переселенія своихъ крестьянъ на свободныя казенныя земли тѣхъ губерній Европейской Россіи, гдѣ въ распоряженіи государства остались еще болѣе или менѣе обширныя земельныя площади или гдѣ могутъ быть пріобрѣтены, при содѣйствіи крестьянскаго банка, значительныя пространства частновладѣльческихъ земель; а комитеты такихъ губерній настаиваютъ на томъ, чтобы свободныя земли не были отдаваемы пришлымъ изъ другихъ мѣстностей переселенцамъ, а были предназначены цѣликомъ на удовлетвореніе земельныхъ нуждъ мѣстнаго малоземельнаго или вообще почему-либо нуждающагося въ землѣ [1]) населенія.

Въ этой именно сложности вопроса, обусловленной крайне сложнымъ и пестрымъ переплетеніемъ иногда согласующихся между собою, иногда взаимно противурѣчивыхъ, дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ, интересовъ мѣстностей выселенія и колонизаціонныхъ районовъ, кроется, слѣдуетъ думать, одна изъ основныхъ причинъ и крайней пестроты одновременно-дѣйствующихъ у насъ законовъ и правилъ о переселеніи изъ разныхъ мѣстностей и въ разные районы, и той неустойчивости, которая является характернѣйшею чертою нашего переселенческаго законодательства и нашей переселенческой политики. Эта же «двойственная роль нашего правительства, долженствующаго съ одной стороны оберегать интересы Европейской Россіи, какъ страны, изъ которой эмигрируютъ жители, а съ другой—интересы Азіатской Россіи, въ которую переселяются эти эмигранты», находитъ себѣ выраженіе и еще въ одной весьма существенной сторонѣ дѣла: «если—говоритъ тотъ же г-нъ Беркенгеймъ—въ мѣрахъ на-

[1]) Значеніе этой оговорки выяснится ниже, въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

шего правительства для нормированія переселеній изъ внутреннихъ губерній мы видимъ повтореніе того же, что ранѣе предпринималось правительствами другихъ странъ, мы не можемъ однако усмотрѣть той же строгой устойчивости въ проведеніи этихъ мѣръ, какая имѣла мѣсто у другихъ народовъ: ни мѣстныя власти, ни лица, командировавшіяся высшимъ правительствомъ для наблюденія за ходомъ переселенческаго дѣла, не были въ состояніи проявлять къ нашимъ переселенцамъ то безсердечіе, которое зачастую проявляется по отношенію къ иммигрантамъ въ другихъ иммиграціонныхъ странахъ. Для послѣднихъ иммигранты являются совершенно чужими, нерѣдко прямо нежелательными гостями; такой взглядъ на нашихъ переселенцевъ по существу вещей у насъ существовать не можетъ». Эта именно невозможность игнорировать насущные интересы *своихъ* крестьянъ, хотя бы и ослушавшихся закона или приказанія начальства, гнать ихъ назадъ на родину и этимъ обрекать ихъ на нищету и разореніе, приводила къ тому, что, «несмотря на строгія правила, распоряженія и циркуляры относительно самовольныхъ переселенцевъ, лишавшіе ихъ правъ на надѣлы и на какую бы то ни было помощь»,—мало того, грозившіе имъ насильственнымъ возвращеніемъ на родину,—«фактически каждый годъ издавались, въ концѣ концовъ, спеціальные циркуляры и секретныя распоряженія, разрѣшавшіе устраивать этихъ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ и предписывавшіе оказывать имъ помощь».

Нельзя наконецъ не отмѣтить и еще одной характерной черты русской колонизаціонной политики. Мы только что видѣли, что русскіе переселенцы—это *свои* крестьяне, къ которымъ русское правительство и русское общество не могли ни при какихъ обстоятельствахъ отнестись съ тою черствою жестокостью, какая возможна по отношенію къ чужестраннымъ иммигрантамъ. Но вѣдь и туземное населеніе мѣстностей, куда направляется русское переселеніе,—это тоже *свое* населеніе, къ которому ни русское правительство, ни русское общество не могутъ относиться такъ, какъ испанцы относились къ ацтекамъ или инкамъ и какъ англичане до сихъ поръ относятся къ чернокожимъ обитателямъ своихъ африканскихъ владѣній [1]). Въ русской колонизаціонной политикѣ немыслимы такія мѣры, какъ систематическое обезземеливаніе туземцевъ или какъ Kültüür-stelsel—крѣпостное право, введенное голландцами на островѣ Явѣ, въ которомъ ученый нѣмецкій авторъ [2]) видитъ «удачное рѣшеніе трудной задачи» урегулированія туземнаго землевладѣнія и привлеченія туземцевъ

1) „Общеизвѣстный фактъ,—говоритъ Wiedenfeld въ своей книгѣ „Die sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung",—наблюдаемый между прочимъ въ Сибири, что Россія въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ бережно относится къ имущественнымъ правамъ туземныхъ племенъ и относится къ нимъ совершенно такъ же, какъ къ своимъ подданнымъ русскаго происхожденія; о такой политикѣ по отношенію къ туземному населенію, какая наблюдается въ колоніяхъ другихъ государствъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи" (стр. 101, прим. 3).

2) Handw. der Staatsw., V, 146.

къ производительному труду. И въ этомъ отношеніи, правда, въ русской колонизаціонной политикѣ нельзя найти безусловной послѣдовательности: иногда, напримѣръ въ послѣднее время въ Закавказскомъ краѣ, насущные интересы туземнаго населенія приносились въ жертву обрусительнымъ видамъ общегосударственной политики, и ограниченные запасы свободныхъ земель отдавались подъ русскую колонизацію безъ вниманія къ нуждамъ и потребностямъ мѣстныхъ беззсмельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Иногда бережное отношеніе къ правамъ и интересамъ туземцевъ сталкивается съ тою «мягкостью» и «сердечностью» къ переселенцамъ, которая, какъ мы упоминали, вообще не допускаетъ послѣдовательнаго проведенія въ жизнь всякаго рода ограничивающихъ переселеніе законовъ и распоряженій: одною изъ любопытнѣйшихъ чертъ въ исторіи русскаго переселенія является вторженіе переселенцевъ, подъ видомъ аренды или подъ какимъ-либо инымъ предлогомъ, въ мѣстности, занятыя кочевыми или полуосѣдлыми туземцами; законное стремленіе центральной и особенно мѣстной власти оградить права и интересы туземнаго населенія парализуется въ такихъ случаяхъ невозможностью гнать переселенцевъ назадъ на родину или разорить самовольно осѣвшихъ новоселовъ,— и въ концѣ концовъ такіе самовольцы чаще всего устраиваются тамъ, гдѣ они осѣли, иногда съ серьезнымъ нарушеніемъ правъ и существенныхъ интересовъ туземнаго населенія. Но въ видѣ правила въ основу колонизаціи нашихъ окраинъ полагается безусловно правильный и съ гуманитарной, и, кажется намъ, съ политической точки зрѣнія принципъ: живи—и жить давай другимъ; другими словами—стремленіе согласовать интересы русской колонизаціи окраинъ съ законными правами и насущными интересами ихъ туземнаго населенія, не отнимая у него возможности не только вести хозяйство установившагося у него типа, но и развивать послѣднее въ направленіи большей культурности и интенсификаціи. А иногда эти права и интересы понимаются и мѣстною администраціею, пекущеюся прежде всего о «ввѣренномъ ей» населеніи, и даже самимъ законодателемъ, слишкомъ широко, — и такое чрезмѣрно широкое пониманіе, временами и мѣстами, является однимъ изъ существеннѣйшихъ тормазовъ, задерживающихъ переселеніе на ту или другую окраину [1]).

---

[1]) Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и не желая быть зачисленнымъ ни въ ряды обрусителей во что бы то ни стало, ни въ число крайнихъ сторонниковъ противоположнаго направленія, считаю нелишнимъ опредѣленно формулировать здѣсь же свой личный взглядъ на затронутый въ текстѣ вопросъ, къ которому я, можетъ быть, не буду имѣть случая вернуться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Взглядъ этотъ вполнѣ точно выражается приведеннымъ въ текстѣ принципомъ: живи и жить давай другимъ. Я безусловно не признаю, чтобы политическіе или какіе бы то ни было другіе интересы могли требовать, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, пренебреженія къ законнымъ правамъ и существеннымъ хозяйственнымъ интересамъ туземнаго населенія колонизуемыхъ районовъ—другими словами, чтобы для водворенія переселенцевъ слѣдовало и можно было отводить земли, необходимыя для удовлетворенія насущныхъ потребностей туземнаго населенія. Но въ то же время я счи-

Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы задались цѣлью дать полный историческій обзоръ русской переселенческой и колонизаціонной политики. Совершенно достаточно замѣтить, что политика какъ Московскаго, такъ и Петербургскаго правительства до начала XIX столѣтія опредѣлялась почти всецѣло политическою потребностью въ заселеніи окраинъ, какъ способѣ упроченія въ нихъ русскаго господства. Ради этой цѣли правительствомъ создавались линіи укрѣпленныхъ пунктовъ, служившихъ и средствомъ обороны противъ еще не замиренныхъ или не подчинившихся русскому государству племенъ, и центрами административнаго и фискальнаго управленія окраинъ. Чтобы связать эти пункты между собою и съ кореннымъ ядромъ государства, по важнѣйшимъ трактамъ устраивались ямскія поселенія, а чтобы снабдить служилое населеніе тѣхъ же пунктовъ провіантомъ и вообще необходимыми предметами потребленія, правительство заботилось о созданіи на окраинахъ земледѣльческаго населенія, пользуясь для этой цѣли и ссылкою, и «накликомъ» свободныхъ хлѣбопашцевъ, которымъ предоставлялись разнообразныя льготы и пособія и давалась въ пользованіе земля, съ обязанностью поставлять въ государеву казну опредѣленныя количества или опредѣленныя доли продукта. Попутно съ этою правительственною колонизаціею шла другая колонизація, которую покойный Ядринцевъ называетъ «вольнонародною». «Главную основу колонизаціи на востокѣ—говоритъ онъ—составляло земледѣльческое населеніе, усѣявшее край деревнями; безъ него ка-

---

таю совершенно неправильнымъ, чтобы туземцы, только потому, что они туземцы, сохраняли въ своемъ исключительномъ обладаніи необъятныя, слабо использованныя или вовсе неиспользованныя пространства земель, годныхъ для колонизаціи и слѣдовательно—могущихъ служить для удовлетворенія острой земельной нужды выходцевъ изъ другихъ, перенаселенныхъ частей государства; я тѣмъ дальше отъ этого послѣдняго взгляда, что, по моему глубокому убѣжденію, основанному и на немаломъ количествѣ личныхъ наблюденій, и на данныхъ мѣстныхъ хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій, эти огромныя пространства идутъ на пользу только богатому и вліятельному туземному меньшинству—аристократіи, держащей въ кабалѣ массу туземнаго населенія, и вовсе не нужны его бѣдной и даже среднесостоятельной массѣ. Я думаю наконецъ, что государство заинтересовано въ томъ, чтобы не допускать слишкомъ рѣзкой ломки сложившагося при извѣстной степени земельнаго простора хозяйства туземнаго населенія, и должно оставлять послѣднему возможность правильнаго развитія и интенсированія. Въ конечномъ же результатѣ я считаю безусловно правильнымъ тотъ принципъ, который въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ былъ положенъ въ основу русской колонизаціи киргизскаго края: оставлять туземному населенію—по детальномъ выясненіи условій его землевладѣнія и хозяйства—столько земли, сколько нужно, чтобы позволить *каждой* хозяйственной единицѣ вести хозяйство средняго размѣра и установившагося въ данной мѣстности типа, и въ то же время не закрывать передъ нимъ возможности перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ скотоводческаго хозяйства и къ земледѣльческому быту,—весь же избытокъ земли сверхъ исчисленнаго на указанныхъ основаніяхъ количества считать свободнымъ государственнымъ фондомъ, предназначеннымъ служить прежде всего и болѣе всего—потребностямъ переселенческаго и колонизаціоннаго дѣла.

зенная колонизація не имѣла бы поддержки и стерлась бы, какъ смѣлый очеркъ, какъ замысловатый планъ, не получившій реальнаго осуществленія, какъ право на землю, очерченное ремнемъ воловьей шкуры, охватившее неизмѣримыя пустыни, но попрежнему оставившее ихъ безплодными. Истинная основа жизни должна была лечь, когда въ землю завоеванныхъ странъ упало первое хлѣбное зерно завоевателя». Уходившіе на «новыя мѣста» не искали вольныхъ земель — земли въ то время было вдоволь и въ Европейской Россіи; они «брели врозь» отъ разныхъ проявленій политическаго, финансоваго и религіознаго гнета: «до отмѣны крѣпостного права—говоритъ А. А. Исаевъ (мы сказали бы скорѣе—до начала XIX вѣка) передвиженія вызывались особенно часто тѣми преслѣдованіями, которыя выпадали на долю крестьянъ: тяжелыя подати, бремя крѣпостничества, бродяжничество, расколъ и сектантство — вотъ причины, которыя гнали русскихъ людей за Волгу и Уралъ». Правительство, въ общемъ, относилось къ такой колонизаціи терпимо и даже благосклонно: всякаго рода бѣглые и самовольцы лучше и дешевле служили государственной цѣли заселенія окраинъ, нежели правительственная колонизація. И только когда служилые землевладѣльцы начинали слишкомъ громко жаловаться на опустѣніе своихъ помѣстій, или когда массовое бѣгство черныхъ людей начинало грозить ощутительнымъ сокращеніемъ государевыхъ доходовъ,— только тогда на границахъ Сибири ставились крѣпкія заставы и издавались указы, грозившіе бѣглецамъ жестокими московскими наказаніями.

Затѣмъ, первыя двѣ трети XIX столѣтія являются, по свидѣтельству оффиціальнаго источника[1]), эпохою, «въ теченіе которой правительство переходило отъ прежней системы заселенія къ новому направленію, при которомъ выгоды для заселяемаго края совмѣщались съ интересами самихъ колонизаторовъ». Послѣднимъ чистымъ представителемъ стараго направленія является вызванный всецѣло политическою необходимостью указъ 1799 года о заселеніи Забайкалья. Повелѣно было въ теченіе десяти лѣтъ переселить въ этотъ край 10.000 душъ, для чего на первый разъ было отпущено 100.000 рублей. Новое направленіе впервые ясно и опредѣленно выразилось въ запискѣ, представленной въ 1821 году Сперанскимъ, въ то время сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, въ сибирскій комитетъ: въ этой запискѣ указывалось на двоякую пользу для государства отъ добровольныхъ переселеній крестьянъ въ Сибирь, заключающуюся какъ въ возможности «заселять этотъ пустынный и малолюдный край», такъ и въ доставленіи крестьянамъ, «обитающимъ въ губерніяхъ, скудныхъ землями, потребнаго изобилія». Послѣдствіемъ этой записки явился указъ 1822 года о разрѣшеніи крестьянамъ всѣхъ губерній переселенія въ Сибирь, къ концу же 30-хъ годовъ новое направленіе нашло себѣ опредѣленное

---

[1]) „Колонизація Сибири въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ“, изд. канцел. комит. министровъ къ Париж. выставкѣ 1900 г., стр. 93.

и законченное выраженіе въ дѣятельности перваго министра государственныхъ имуществъ, гр. П. Д. Киселева, стройно и въ общемъ удачно организовавшаго переселенія государственныхъ крестьянъ изъ сравнительно густо населенныхъ мѣстностей на многоземельныя окраины имперіи. Конечно и тогда, какъ и въ 1822 году, правительство могло проявить активную заботливость лишь по отношенію къ той части крестьянскаго населенія, «которая не была связана личною зависимостью отъ помѣщиковъ» — по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ дѣло ограничивалось требованіемъ закона (св. зак. т. IX, ст. 1107), понуждавшаго помѣщиковъ переселять крестьянъ изъ густо заселенныхъ имѣній на свободныя земли въ другихъ имѣніяхъ, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, отобранія малоземельныхъ крестьянъ въ казенное вѣдомство — требованіе и угроза, остававшіяся, повидимому, мертвою буквой. Зато переселеніе государственныхъ крестьянъ, было поставлено широко и разсматривалось какъ мѣра общегосударственнаго значенія, въ одинаковой мѣрѣ отвѣчающая какъ нуждѣ малоземельныхъ крестьянъ въ расширеніи размѣровъ ихъ землевладѣнія, такъ и государственной потребности въ заселеніи окраинъ и въ болѣе равномѣрномъ размѣщеніи населенія. Переселеніе допускалось изъ всякаго общества, гдѣ на душу приходилось менѣе 5 дес. полевыхъ и усадебныхъ угодій, и такому числу крестьянъ, чтобы по разсчету на остающееся на мѣстѣ число душъ размѣръ надѣла поднялся до 5 десятинъ. Для водворенія переселенцевъ назначались такія губерніи и области, гдѣ на душу государственныхъ крестьянъ имѣлось казенной земли: въ нестепной полосѣ—болѣе 8 дес., въ степной — болѣе 15 десятинъ, и для переселенцевъ заранѣе заготовлялись особые участки. Разрѣшеніе переселенія и назначеніе участковъ зависѣло отъ министра государственныхъ имуществъ, который долженъ былъ заботиться, «чтобы переселенцы не были, сколько возможно, подвержены дальнимъ и затруднительнымъ переходамъ, и чтобы климатъ тѣхъ мѣстъ, куда они должны переселиться, по возможности менѣе отличался отъ климата, къ которому они привыкли на родинѣ». По полученіи разрѣшенія, крестьянамъ предоставлялось посылать ходоковъ для осмотра назначенныхъ участковъ, причемъ, если участки имъ не нравились, ходоки могли избирать другіе. Забота о переселенцахъ во время пути лежала на мѣстныхъ органахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, окружныхъ начальникахъ и полиціи, а иногда — и на особыхъ чиновникахъ, назначавшихся для сопровожденія партій. Имъ отводились безденежно «удобныя и просторныя денныя и ночныя обывательскія квартиры, причемъ обыватели склонялись къ безденежному прокормленію переселенцевъ»,—а лошади и скотъ безплатно паслись на общихъ пастбищахъ. Заболѣвшіе доставлялись на безплатныхъ обывательскихъ подводахъ въ ближайшіе города и помѣщались въ городскихъ больницахъ, съ платою отъ казны. На мѣстѣ новаго водворенія переселенцамъ безденежно отпускался лѣсъ, по сту корней на дворъ, а при неимѣніи строевого лѣса отводилось до трети десятины мелкаго лѣса для устройства мазанокъ и выдавалось без-

возвратно на первоначальное обзаведеніе и устройство жилищъ по 20 рублей на семью, а если не былъ отпущенъ лѣсъ—по 35 рублей. Переселенцы снабжались общественными плугами и другими земледѣльческими орудіями, съ потребнымъ количествомъ рабочаго скота, причемъ на заготовленіе инвентаря должно было затрачиваться не свыше 20 рублей на дворъ. Переселенцы пользовались льготами—отъ податей на 4 года. отъ постоя—на 6 лѣтъ, отъ рекрутчины—на 4 набора, и сложеніемъ всѣхъ недоимокъ. Наконецъ циркуляръ 1846 г. вмѣнилъ палатамъ въ обязанность выдавать переселенцамъ пособія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они не въ состояніи будутъ отъ продажи своего имущества выручить сумму, необходимую на путевые расходы, а также оказывать имъ въ пути, въ случаѣ необходимости, «вспоможеніе. даже съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ».

Чтобы оцѣнить ту теплую заботливость, которая нашла себѣ выраженіе въ «киселевской» организаціи переселеній, особенно интересно сопоставить тѣ правила, существенное содержаніе которыхъ нами только-что изложено, съ буквою и духомъ тѣхъ позднѣйшихъ узаконеній по переселенческому дѣлу, о которыхъ намъ придется говорить черезъ нѣсколько страницъ,—насквозь проникнутыхъ духомъ подозрительнаго недовѣрія и боязнью «преувеличенныхъ слуховъ и превратныхъ толкованій»... Недаромъ пламенный сторонникъ переселеній, А. А. Исаевъ, посвятилъ свою книгу памяти графа П. Д. Киселева,—недаромъ проекты планомѣрной организаціи переселенческаго дѣла и посейчасъ такъ часто сопровождаются и подкрѣпляются ссылками на киселевскую организацію, при которой, по словамъ отнюдь не оптимистически настроеннаго Ю. Э. Янсона, «переселеніе не было предоставлено самому себѣ, не было блужданіемъ безъ цѣли и помощи, не сопровождалось разореніемъ переселенцевъ и безплоднымъ исканіемъ новыхъ мѣстъ». Конечно, въ полномъ своемъ объемѣ эта организація не можетъ служить въ настоящее время идеаломъ даже для наиболѣе горячихъ сторонниковъ системы благожелательнаго попеченія о переселенцахъ—такія мѣры, какъ помѣщеніе переселенцевъ на безплатныхъ обывательскихъ квартирахъ, «склоненіе» жителей къ безплатному ихъ прокормленію, перевозка больныхъ на безплатныхъ обывательскихъ подводахъ, были возможны лишь при крѣпостномъ государственномъ и общественномъ строѣ и стали немыслимы послѣ 19 февраля 1861 года.

Намъ хорошо извѣстно, однако, во что нерѣдко вырождалась, въ дѣйствительности, созданная Киселевымъ система благожелательнаго попечительства. вообще, надъ государственными крестьянами. Не оставались ли, спрашивается, мертвою буквою и благія начинанія законодателя и центральной администраціи въ области переселенческаго вопроса?

Оффиціальные источники, дѣйствительно, свидѣтельствуютъ о томъ, что «примѣненіе вышеизложенныхъ правилъ сопровождалось неурядицами, вызванными разнообразными причинами». Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ достаточно полныхъ и достовѣрныхъ данныхъ, мы не можемъ опредѣленно сказать, были ли такія неурядицы общимъ

правиломъ или, напротивъ, рѣдкимъ исключеніемъ. Но повидимому приходится присоединиться къ оффиціальному, опять-таки, отзыву, что «результаты переселенія государственныхъ крестьянъ въ Сибирь въ 40-хъ и 50-хъ годахъ должны, въ общемъ, быть признаны весьма удовлетворительными». Въ этомъ убѣждають данныя, собранныя, уже въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, при мѣстномъ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства въ Сибири. Я лично посѣтилъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ нѣсколько десятковъ селеній, образованныхъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ «киселевскими» или, какъ они сами себя называли, «маршрутными» переселенцами; свѣдѣнія о нѣсколькихъ десяткахъ подобныхъ же селеній имѣются въ статистическихъ сборникахъ по Енисейской губерніи. Енисейскіе статистики положительно свидѣтельствуютъ, что «попытка организовать болѣе или менѣе правильно переселенія оказалась удачною, чему не мало способствовали: наличность значительнаго запаса удобныхъ земель и ихъ плодородіе; помощь, которую переселенцы получали во время пути или еще на родинѣ; заботы и матеріальная поддержка правительства по водворенія на мѣстахъ и, наконецъ, льготы, предоставлявшіяся переселенцамъ въ первые годы ихъ проживанія въ Сибири». Были, правда, и неудачи — есть селенія бѣдствующія, нѣкоторыя даже совершенно распались, главнымъ образомъ благодаря неудачному выбору мѣстъ для водворенія. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣста для поселенія были выбраны удачно (что въ то время было и не трудно, благодаря обилію земель въ лучшихъ мѣстностяхъ Сибири); поселки скоро достигали высокаго благосостоянія, и старики съ благодарностью вспоминаютъ о той заботливости, которою они были окружены во время переѣзда, при выборѣ мѣстъ для поселенія и при первоначальномъ хозяйственномъ устройствѣ.

О размѣрахъ переселенія, организованнаго на установленныхъ гр. Киселевымъ основаніяхъ, полныхъ свѣдѣній не сохранилось. Поддающееся учету количество переселившихся достигаетъ, за время съ 1837 по 1859 годъ, 58 тыс. семействъ, въ которыхъ числилось до 189 тыс. ревизскихъ душъ, съ женщинами же и дѣтьми численность переселившихся достигала, можно думать, 400 тыс. душъ. Сначала переселенцевъ направляли въ Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую губерніи, затѣмъ—въ Саратовскую и Оренбургскую, съ нынѣшними губерніями Самарскою и Уфимскою, въ Астраханскую губернію и на сѣверный Кавказъ, а въ началѣ 50-хъ годовъ переселеніе было направлено въ вышеназванныя три сибирскія губерніи. На расходы по переселенію ежегодно ассигновалось по 142 т. рублей. Параллельно съ этимъ, въ небольшихъ размѣрахъ, шло переселеніе крестьянъ помѣщиками и удѣльнымъ вѣдомствомъ въ южныя степныя имѣнія. Несмотря на запрещенія, шло и самовольное переселеніе, которое временами и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ достигало сравнительно большихъ размѣровъ: изъ Тамбовской губерніи съ 1838 по 1846 годъ самовольно выселилось 7876 душъ, изъ Полтавской, съ 1840 по 1847 г.,—2180 душъ. По закону такихъ самовольныхъ

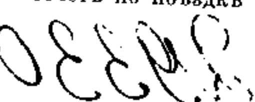
переселенцевъ надлежало «удерживать на прежнихъ мѣстахъ», т. е. возвращать въ мѣста приписки. Однако, приходилось считаться съ тѣмъ соображенiемъ, что возвращенiе самовольцевъ на родину «привело бы къ ихъ совершенному разоренiю, не принося при этомъ никакой пользы казнѣ», а потому и самовольнымъ переселенцамъ отводились земельные участки, впрочемъ безъ всякихъ льготъ и пособiй, и въ частности — съ возложенiемъ на нихъ обязанности выплатить всѣ недоимки и отбывать рекрутскую повинность на новыхъ мѣстахъ.

Однако, по свидѣтельству уже цитированнаго оффицiальнаго источника [1]), «представленiе о желательности содѣйствiя процессу естественнаго разселенiя народа по государственной территорiи въ то время не успѣло еще вполнѣ проникнуть въ сознанiе законодательныхъ сферъ». Стоило гр. Киселеву сойти со сцены, — и колонизацiонныя мѣропрiятiя правительства прiостановились, — отчасти благодаря Крымской войнѣ, заставившей сократить отпускавшiеся на переселенiе кредиты, главнымъ же образомъ—подъ влiянiемъ воззрѣнiй преемника гр. Киселева, не менѣе извѣстнаго М. Н. Муравьева, на крестьянскiй вопросъ и на задачи порученнаго его управленiю вѣдомства.

Наступила крестьянская реформа. По согласному мнѣнiю и ученыхъ изслѣдователей, и оффицiальныхъ сферъ, собственно съ этого времени начинается переселенiе въ *современномъ* его смыслѣ, ибо только условiя земельнаго устройства крестьянъ при освобожденiи создали благопрiятную почву для широкаго развитiя этого явленiя. «До крестьянской реформы 1861 года, говоритъ ст.-секр. А. Н. Куломзинъ [2]), переселенческаго движенiя, какъ явленiя народной жизни, у насъ не существовало; были переселенiя по вызову самого правительства, случался, и даже нерѣдко, переходъ отдѣльныхъ лицъ, подъ влiянiемъ исключительныхъ обстоятельствъ, въ малонаселенныя мѣстности, но сравнивать такiе случайные уходы съ современнымъ движенiемъ не представляется возможнымъ». Ту же, въ существѣ, мысль развиваетъ въ своей книгѣ А. А. Исаевъ: «до 1861 года—говоритъ онъ—на-лицо было еще мало условiй, которыя вызывали бы потребность въ значительныхъ переселенiяхъ: земли помѣщиковъ и крестьянъ составляли одну безразличную массу; населенiе было довольно рѣдко; повсюду было много неистощенныхъ пустырей. Надѣленiе крестьянъ провело пограничную черту между землями обѣихъ сторонъ; въ результатѣ получилось множество малоземельныхъ и безземельныхъ, которые на родинѣ рѣшительно не могутъ удовлетворительно вести свое хозяйство», — создалась, слѣдовательно, благодарная почва для широкаго развитiя переселенческаго движенiя.

Крестьянская реформа должна была поэтому имѣть своимъ прямымъ логическимъ послѣдствiемъ усиленныя заботы о развитiи и упорядоченiи переселенiя. На самомъ дѣлѣ оказалось обратное. Ни по-

[1]) „Колон. Сиб.". стр. 93.
[2]) Всеподданн. отчетъ по поѣздкѣ въ Сибирь въ 1896 г., стр. 7.

ложеніе 19 февраля, ни изданное пятью годами позже положеніе о государственныхъ крестьянахъ, не содержатъ «ничего, что намекало бы на переселеніе и на правила, его регулирующія» (Янсонъ). Съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости eo ipso уничтожалась обязанность помѣщиковъ заботиться о правильномъ размѣщеніи своихъ крестьянъ и о снабженіи ихъ землею. И въ то же время законъ не только не *обязываетъ* правительственную власть, но даже *не даетъ* ей, въ сущности, *права* не только *содѣйствовать* переселенію, но даже *разрѣшать* его. Положеніе 19 февраля установило только рядъ крайне стѣснительныхъ правилъ для перехода крестьянъ изъ однихъ обществъ въ другія: отъ увольняемыхъ требуется уплата всѣхъ недоимокъ, отказъ отъ участія въ мірскомъ надѣлѣ, обезпеченіе остающихся въ обществѣ членовъ семействъ и непремѣнная наличность пріемнаго приговора того общества, куда увольняемый желаетъ перейти; кромѣ того, выходъ изъ общества былъ затрудненъ рядомъ условій по отношенію къ уплатѣ выкупного долга, а крестьяне, не воспользовавшіеся выкупомъ, до истеченія девятилѣтняго срока временно-обязанныхъ отношеній могли выходить изъ общества не иначе, какъ съ согласія помѣщика. Право водворенія на казенныхъ земляхъ было предоставлено только нѣкоторымъ, точно перечисленнымъ въ законѣ, категоріямъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Тѣмъ-же, въ существѣ, правиламъ были подчинены и бывшіе государственные крестьяне съ прекращеніемъ надъ ними, въ 1866 году, попечительства учрежденій вѣдомства государственныхъ имуществъ: правила о пособіяхъ переселенцамъ этой категоріи были отмѣнены; государственнымъ крестьянамъ дозволялось ходатайствовать лишь при предъявленіи владѣнной записи о разрѣшеніи переселить часть членовъ общества на казенныя земли въ многоземельныя губерніи. И, чтобы яснѣе и рѣзче подчеркнуть рѣшительный поворотъ во взглядахъ правительства на переселенческое дѣло, въ томъ же 1866 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе «о неназначеніи на будущее время постоянныхъ кредитовъ на переселеніе крестьянъ» [1]).

Такимъ образомъ, то дѣятельное сочувствіе и содѣйствіе дѣлу разселенія крестьянъ, которое характеризовало переселенческую политику первой половины XIX столѣтія, со времени освобожденія крестьянъ окончательно смѣняется тѣмъ «пассивнымъ и по существу даже отрицательнымъ отношеніемъ къ вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ» [2]), которое красною нитью проходитъ черезъ всю исторію переселенческой политики въ послѣдующее за освобожденіемъ крестьянъ тридцатилѣтіе. Въ чемъ же — спрашивается — причина такого рѣшительнаго поворота, стоявшаго — какъ нынѣ признается оффиціально — въ рѣшительномъ противорѣчіи съ обусловленными крестьянскою реформою новыми жизненными потребностями? По сви-

[1]) Сибирск. жел. дорога, изд. канцел. комит. министр., 1903 г., стр. 332.

[2]) „Колониз. Сиб.“, стр. 96.

дѣтельству Ѳ. Г. Тернера — лица, котораго общественное положеніе достаточно гарантируетъ его полную освѣдомленность и отсутствіе такъ называемой «тенденціи», а также ряда новѣйшихъ оффиціальныхъ изданій [1]), такой характеръ переселенческой политики въ послѣдовавшее за освобожденіемъ время отнюдь не были случайностью. Въ моментъ освобожденія объ организаціи переселенческаго дѣла не позаботились, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ господствовавшихъ либерально-манчестерскихъ теорій. Въ то время — говоритъ г. Тернеръ [2])—«вовсе не имѣлось въ виду прикрѣплять всѣхъ крестьянъ къ занятіямъ на своей землѣ; полагалось, что избытокъ населенія будетъ находить занятія и заработки въ качествѣ работника какъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, такъ и въ различныхъ отрасляхъ нашей промышленной дѣятельности. Имѣлось въ виду, что крестьяне, сдѣлавшись свободными людьми, должны будутъ сами о себѣ заботиться, пріискивая средства для поддержанія своего благосостоянія. Путемъ арендованія сосѣднихъ помѣщичьихъ и казенныхъ земель и путемъ пріобрѣтенія земли, они могли восполнять недостаточность надѣла; затѣмъ, усиленные переходы рабочихъ на лѣтнее время изъ густо населенныхъ въ сосѣднія степныя губерніи могли доставить значительному числу мѣстныхъ жителей средства существованія; наконецъ, можно было ожидать, что улучшеніе культуры сдѣлаетъ землю болѣе производительною и потому дастъ возможность каждому домохозяину питаться на меньшемъ пространствѣ земли». Конечно, все сказанное предполагаетъ свободу располагать своими силами и своимъ трудомъ, — предполагаетъ, другими словами, ту самую свободу передвиженія, которой не дали крестьянамъ положенія 19 февраля. Составители положеній не упускали этого изъ виду. По свидѣтельству кн. А. И. Васильчикова [3]), они «не считали своего дѣла вѣковѣчнымъ и, чтобы регулировать дальнѣйшее разверстаніе

---

[1]) По свидѣтельству составителей книги „Колонизація Сибири въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ“, при освобожденіи крестьянъ „предполагалось, что крестьяне, освобожденные изъ личной зависимости отъ помѣщиковъ и надѣленные землею, не будутъ нуждаться для поднятія ихъ благосостоянія въ прежней правительственной опекѣ, и что отдѣльныя лица сельскаго состоянія найдутъ возможность обезпечить свое благосостояніе наемнымъ трудомъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ въ случаѣ, если бы доходность ихъ земли оказалась недостаточною для удовлетворенія ихъ потребностей“. Съ другой стороны, опасались, чтобы дарованіе освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ права переселенія на казенныя земли не привело къ развитію „вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи“; опасеніе это—по свидѣтельству оффиціальнаго источника—„раздѣлялось и большинствомъ помѣстныхъ владѣльцевъ, лишенныхъ послѣ 1861 года дарового труда крѣпостныхъ и поставленныхъ въ необходимость обращаться при обработкѣ своихъ земель къ наемному труду крестьянъ или сдавать свою землю въ аренду крестьянамъ же; при такихъ условіяхъ уходъ крестьянъ на многоземельныя окраины представлялся землевладѣльцамъ весьма нежелательнымъ, угрожая имъ возвышеніемъ цѣнъ на рабочія руки и уменьшеніемъ спроса на ихъ землю“ (стр. 96).

[2]) „Государство и землевладѣніе“, т. II, стр. 113—114.

[3]) Землевладѣніе и земледѣліе, стр. 858.

угодій и разселеніе жителей, предначертали, что по истеченіи 9 лѣтъ будетъ даровано крестьянамъ право вольнаго перехода. Принципъ былъ проведенъ въ положеніи о крестьянахъ утвердительно. Но, когда наступилъ девятый годъ, положеніе дѣлъ измѣнилось: другіе дѣятели и другія направленія взяли верхъ. Вольный переходъ казался многимъ просвѣщеннымъ людямъ предвѣстникомъ новой пугачевщины...; люди, направлявшіе судьбами русскаго народа, опасались, чтобы съ наступленіемъ 20 февраля 1870 года, въ первый день десятаго года, русскіе крестьяне не поднялись всѣ разомъ съ родныхъ своихъ пепелищъ, грабя и зажигая помѣщичьи усадьбы»... Уже въ эпоху подготовки крестьянской реформы выдвигались, какъ извѣстно, и вскорѣ выступили на первый планъ землевладѣльческо-дворянскіе элементы, которые не только опасались, что «крестьяне, получивъ свободу, массами станутъ бродить по всей Россіи», но имѣли и другія, гораздо болѣе серьезныя причины опасаться крестьянскихъ переселеній. «Крестьянская реформа—говоритъ г. Тернеръ — вызвала рѣзкій переломъ въ прежнемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ; предстояла необходимость измѣнить всѣ хозяйственныя привычки и порядки при замѣнѣ даровой работы наемнымъ трудомъ. А между тѣмъ отношенія хозяевъ къ рабочимъ пріобрѣтали весьма неудовлетворительный характеръ: жаловались на то, что трудно добыть рабочихъ, что свободный рабочій работаетъ плохо, что рабочіе не исполняютъ рабочихъ контрактовъ и т. п. Оставалось только одно — отдавать землю крестьянамъ въ наемъ». А между тѣмъ «*можно было опасаться, что при значительномъ развитіи переселенія трудность добывать рабочихъ еще усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ домовладѣлецъ потеряетъ и съемщиковъ на предлагаемую въ аренду землю и такимъ образомъ лишится единственной оставшейся въ его рукахъ вѣрной статьи дохода*. (Курсивъ нашъ. А. К.). Отдѣльныя лица—замѣчаетъ г. Тернеръ—могутъ изъ высшихъ побужденій жертвовать своими интересами на пользу общества; но цѣлые классы населенія всегда и вездѣ относятся къ экономическимъ вопросамъ съ эгоистической точки зрѣнія. Вотъ почему классъ землевладѣльцевъ смотрѣлъ у насъ въ то время недоброжелательно на переселенческій вопросъ; а такъ какъ это былъ классъ самый вліятельный, то его образъ дѣйствій отражался и на настроеніи правительства. То, что прежде, въ дореформенное время, казалось дѣломъ самымъ естественнымъ и необходимымъ, послѣ 1861 года стало представляться дѣломъ крайне опаснымъ, которое не только не слѣдуетъ поощрять, но которому слѣдуетъ даже препятствовать всѣми мѣрами. Вопросъ о переселеніи получилъ характеръ вопроса неблагонадежнаго: человѣку благонадежному, консервативному не слѣдовало и касаться его» [1]).

Такимъ образомъ, и теоретическія воззрѣнія, и интересы самаго вліятельнаго въ то время общественнаго класса одинаково побуждали правительство отрицательно относиться къ крестьянскимъ переселеніямъ,—и какъ законодательство, такъ и административная практика

---

[1]) Назв. соч., стр. 119—120.

60-хъ и 70-хъ годовъ всецѣло носятъ на себѣ отпечатокъ именно этого отрицательнаго отношенія. Лишь изрѣдка выступали на сцену интересы тѣхъ или другихъ окраинъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ требовавшіе усиленной колонизаціи, и подъ давленіемъ этихъ интересовъ правительство не только дозволяло, но иногда и поощряло переселеніе въ ту или иную мѣстность. Такъ, политическая необходимость въ заселеніи только-что присоединеннаго, въ то время, Приамурскаго края вызвала изданіе въ 1861 году особыхъ правилъ о поселеніи въ этомъ краѣ: въ Амурской и Приморской областяхъ было дозволено селиться всѣмъ вообще желающимъ, какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ. Законъ, правда, положительно оговаривалъ, что переселеніе «совершается желающими на собственный счетъ, безъ всякаго денежнаго пособія отъ казны», но достаточными приманками для переселенія на Амуръ являлись и значительный размѣръ надѣла — 100 дес. на семью, и широкія льготы въ податяхъ и повинностяхъ: переселенцы въ Приамурскій край освобождались на 10 рекрутскихъ наборовъ отъ воинской повинности, навсегда отъ подушной подати, на 20 лѣтъ — отъ всякихъ вообще платежей въ пользу казны; а для переселявшихся въ Южно-Уссурійскій край особыми правилами 1866 года установлена еще выдача ссудъ, до 100 рублей на семью, и запаса продовольствія на годъ со времени водворенія въ краѣ. Политическая же необходимость образованія русскихъ поселеній въ киргизскихъ степяхъ, въ особенности—заселенія намѣченныхъ въ степи проѣзжихъ трактовъ, побудила, затѣмъ, издать въ серединѣ 70-хъ годовъ особое положеніе о порядкѣ колонизаціи киргизской степи, согласно которому водворявшимся въ степи, на намѣченныхъ администраціею мѣстахъ, крестьянамъ предоставлялось, кромѣ разныхъ льготъ, безвозвратное пособіе въ 20 рублей на семью и лѣсной матеріалъ для построекъ. Интересы кабинета Его Величества, владѣльца Алтайскаго горнаго округа, требовали его заселенія въ видахъ доставленія кабинетскимъ заводамъ возможно большаго числа наемныхъ рабочихъ рукъ [1]), и это послужило основаніемъ къ изданію особыхъ правилъ 30 іюля 1865 года о переселеніи въ Алтайскій округъ — правилъ, которыя представляли собой «единственное для того времени узаконеніе, открывшее доступъ переселенцамъ изъ Европейской Россіи въ сравнительно менѣе отдаленный отъ ихъ родины районъ западной Сибири, отличающійся притомъ плодородіемъ почвы и представляющій всѣ данныя для успѣшнаго развитія земледѣльческой промышленности». Правила 1865 года не предоставляли переселенцамъ на Алтай никакихъ льготъ, кромѣ безплатнаго отпуска лѣса на постройки и топливо; но близость округа къ мѣстамъ выхода переселенцевъ и легкость полученія 15-десятиннаго надѣла или приписки къ охотно принимавшимъ переселенцевъ старожильскимъ обществамъ являлась и безъ особыхъ льготъ достаточною притягательною силою для стремившихся на новыя мѣста крестьянъ.

Но все это были лишь мѣры частнаго характера. Въ общемъ же

---

[1]) „Колон. Сиб.", стр. 333.

правительство въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ не выходило изъ своего «пассивнаго и даже отрицательнаго» отношенія къ крестьянскимъ переселеніямъ. Между тѣмъ, «теченіе народной жизни, по оффиціальному свидѣтельству [1])—создавало условія, въ силу которыхъ потребность въ переселеніяхъ стала въ пореформенную эпоху ощущаться крестьянами съ постоянно возрастающею силой». Если поэтому еще въ первой половинѣ XIX вѣка давало себя чувствовать во многихъ мѣстностяхъ извѣстное перенаселеніе,—то въ пореформенную эпоху избытокъ населенія «выступилъ съ особенною интенсивностью, совершенно заслонивъ собою, въ качествѣ основной причины выселеній, остальные мотивы уходовъ крестьянъ, какъ-то: недовольство существующимъ правовымъ строемъ (бѣгство крѣпостныхъ крестьянъ), стремленіе къ религіозной свободѣ (переселенія раскольниковъ) и т. п.». Поэтому, переселенія крестьянъ послѣ освободительной реформы не только не ослабѣли, но напротивъ — продолжали расти, охватывая все большее число губерній и направляясь все въ болѣе разнообразныя мѣстности. Достойно при этомъ замѣчанія, что Сибирь, въ настоящее время привлекающая громадное большинство переселенцевъ, въ первыя два десятилѣтія послѣ реформы играла въ переселенческомъ дѣлѣ самую незначительную роль. По даннымъ покойнаго Ядринцева, годовое число проходившихъ въ Сибирь переселенцевъ до средины 70-хъ годовъ только четыре раза (въ 1863, 1866, 1870 и 1872 гг.) достигало 500—700 семействъ; за двѣнадцатилѣтіе съ 1862 по 1873 г. въ Сибирь прошло всего только около 2.800 семей, въ пятилѣтіе же съ 1874 по 1878 г.—всего 8 семей. По другимъ, опубликованнымъ въ позднѣйшее время, оффиціальнымъ даннымъ размѣры переселенія въ Сибирь были нѣсколько больше; такъ, въ Алтайскій округъ было перечислено въ шестилѣтія: 1866—1871 гг. 3.691 душъ, 1872—1877 гг., 4.288 душъ, а всего за 12 лѣтъ—7.979 душъ; число переселенцевъ проживавшихъ въ томъ же округѣ безъ причисленія, къ 1876 году достигло 1.765 человѣкъ,—во всей же западной Сибири уже въ 1868 году насчитывалось свыше 8.000 душъ непричисленныхъ переселенцевъ.

Но во всякомъ случаѣ сибирское переселеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ играло совершенно незамѣтную роль въ общемъ переселенческомъ движеніи. Недаромъ авторы, писавшіе о крестьянскихъ переселеніяхъ въ началѣ и даже въ серединѣ 80-хъ годовъ,—Янсонъ, кн. Васильчиковъ, Южаковъ, Серповскій и др., — говорятъ о сибирскомъ переселеніи болѣе или менѣе вскользь, какъ о явленіи только зарождающемся, главное же вниманіе обращаютъ на переселеніе въ южныя и юго-восточныя степи и на Кавказъ [2]). И это понятно: необъятныя

1) Тамъ же, стр. 97—98.

2) „Колонизація черноземныхъ степей—писалъ г. Южаковъ въ 1886 году, доселѣ почти исключительно занимала вниманіе тѣхъ, кто писалъ по вопросу о колонизаціи. Кн. Васильчиковъ, проф. Янсонъ, г. Циммерманъ, Чаславскій, Ядринцевъ,—всѣ они трактовали о нашихъ черноземныхъ степяхъ, недостаточно населенныхъ и культивированныхъ. Въ тѣхъ слу-

дебри Сибири, этой извѣчной страны ссылки и каторги, при громадности разстояній и отсутствіи сколько нибудь устроенных путей сообщенія, не могли привлекать переселенцевъ, которые предпочитали направляться на менѣе удаленныя и лучше извѣстныя южныя и юго-восточныя окраины Европейской Россіи. Переселенія въ Сибирь могли развиваться только искусственнымъ путемъ, при помощи правительственныхъ «накликовъ», пособій и льготъ. Лишь только прекратились, поэтому, организованныя гр. Киселевымъ правительственныя переселенія въ Сибирь, движеніе переселенцевъ снова принимаетъ естественное направленіе: переселенцы заполняютъ Предкавказье—въ продолженіе 70-хъ годовъ въ одной только Кубанской области осѣло до 200 тысячъ «иногороднихъ», Уфимско-Оренбургскій край, за то же время принявшій до 120 тыс., и т. п. Только съ конца 70-хъ годовъ, когда южныя и восточныя степи начинаютъ обнаруживать признаки нѣкотораго переполненія переселенцами, возобновляется движеніе въ Сибирь, которая очень скоро становится главнымъ пріемникомъ переселенческаго движенія.

За исключеніемъ относительно незначительнаго движенія на Амуръ и на Алтай—замѣтимъ мимоходомъ, что большинство переселенцевъ, получавшихъ разрѣшеніе переселиться на Амуръ, не обладая ни энергіею, ни средствами для преодолѣнія трудностей безконечно длиннаго пути, осѣдало по дорогѣ, въ западной Сибири или въ Оренбургскомъ краѣ, — все переселенческое движеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ было самовольнымъ, нелегальнымъ. Одни изъ переселенцевъ получали пріемные приговоры въ старожильскихъ селеніяхъ, другіе селились въ видѣ арендаторовъ на казачьихъ и башкирскихъ земляхъ, третьи покупали или арендовали земли у частныхъ владѣльцевъ; огромное большинство переселенцевъ проживало по просроченнымъ паспортамъ или безъ всякихъ документовъ, терпя всякія непріятности «за безписьменность», невзносъ текущихъ платежей и недоимокъ, — нерѣдко же имъ приходилось предпринимать обратное переселеніе, по требованію губернскихъ властей о высылкѣ ихъ на родину [1]).

Правительство, конечно, не могло оставаться безучастнымъ свидѣтелемъ этого все возраставшаго самовольнаго переселенческаго движенія и создававшейся имъ неурядицы; время отъ времени ему приходилось легализировать положеніе крестьянъ, совершившихъ переселеніе, и допускать водвореніе на казенныхъ земляхъ лицъ, не имѣвшихъ на то права по дѣйствовавшему закону. Такъ изданными въ 1869, 1871 и 1876 гг. частными узаконеніями было разрѣшено водвореніе на казенныхъ земляхъ Уфимской и Оренбургской губерній крестьянъ съ дарственнымъ надѣломъ, а также,

---

чаяхъ, когда правительство поднимало вопросъ о переселеніяхъ, оно то же почти исключительно занималось черноземными степями—Кубань, Новороссія, Самарская и Оренбургская губерніи постоянно служили въ такихъ случаяхъ предметомъ заботъ правительства. Къ этому до такой степени привыкли, что, кажется вовсе, не замѣчали другихъ колоніальныхъ территорій...“ (Сѣв. Вѣстн. 1886 г.. авг., стр. 29—30),

[1]) „Колон. Сиб.“, стр. 104.

въ видѣ изъятія, «вообще тѣхъ крестьянъ, кои, по увольненіи изъ прежнихъ обществъ, прибыли въ Оренбургскій край»; а 9 ноября 1876 года было разрѣшено перечислить по мѣстамъ проживанія всѣхъ переселенцевъ, водворившихся до 14 декабря того же года въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, съ переводомъ на нихъ недоимокъ и разсрочкою уплаты ихъ на четыре года.

Ясно однако, что такого рода частныя узаконенія, кое какъ упорядочивавшія положеніе переселенцевъ, самовольно осѣвшихъ на той или другой окраинѣ, были далеки отъ общаго рѣшенія вопроса, который съ каждымъ годомъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Попытка такого разрѣшенія была сдѣлана въ 1868 году, изданнымъ въ административномъ порядкѣ циркуляромъ: крестьянамъ всѣхъ наименованій было предоставлено получать участки казенной земли въ Самарской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, причемъ отдѣльныя лица, желавшія поселиться въ этихъ губерніяхъ, должны были допускаться къ осмотру участковъ, а переселенія крестьянъ цѣлыми обществами могли быть разрѣшаемы губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями.

Созданныя этимъ циркуляромъ условія открывали казалось, широкій просторъ для развитія переселенія. Но циркуляръ дѣйствовалъ всего нѣсколько мѣсяцевъ и былъ въ томъ-же 1868 году фактически отмѣненъ новымъ циркуляромъ, изданнымъ съ цѣлью предотвратить усиленіе переселенческаго движенія, вызванное опубликованіемъ перваго циркуляра. «Ожидавшееся тогда—говоритъ оффиціальный источникъ [1])—скорое наступленіе девятилѣтняго срока по освобожденіи крестьянъ возбуждало опасенія въ смыслѣ возможности массовыхъ переходовъ крестьянъ въ восточныя губерніи», благодаря чему циркуляръ 1868 г. (конечно рѣчь идетъ здѣсь о первомъ циркулярѣ) «не могъ послужить основаніемъ для выработки какого либо законоположенія болѣе общаго характера, хотя въ этомъ смыслѣ и были составлены особою комиссіею предположенія, внесенныя въ главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія и оставленныя безъ движенія».

Замалчивать переселеніе становилось однако все труднѣе и труднѣе. Съ 1876 по 1881 годъ въ министерство государственныхъ имуществъ поступило свыше тысячи прошеній, отъ 11000 душъ, о разрѣшеніи переселенія и объотводѣ казенной земли—но прошеній этихъ нельзя было удовлетворить «по отсутствію на то законныхъ основаній», а «принятію какихъ либо рѣшительныхъ мѣръ по вопросу о регулированіи переселеній препятствовало опасеніе, чтобы предоставленіе крестьянамъ права водворенія на казенныхъ земляхъ не возбудило среди нихъ несбыточныхъ ожиданій общаго дополнительнаго надѣленія землею» [2]). Поучительна, въ этомъ отношеніи судьба ходатайства Черниговскаго земства о предоставленіи черниговскимъ крестьянамъ, вообще, права водворенія на казенныхъ земляхъ восточныхъ губер-

[1]) Тоже, стр. 102—103.
[2]) Тоже, стр. 104.

ній. Ходатайство это было отклонено комитетомъ министровъ; къ ходатайствамъ о переселеніи было признано нужнымъ и впредь относиться «съ величайшею осторожностью, дабы внушить населенію, что правительство, разъ устроивъ поземельный бытъ сельскаго населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ надобностей»; отклоненію ходатайства Черниговскаго земства и другихъ подобныхъ приписывалось особое значеніе, «вслѣдствіе повсемѣстно наблюдаемаго настроенія сельскаго населенія, которое на основаніи ложныхъ слуховъ и злонамѣренныхъ толкованій вездѣ ожидаетъ новой нарѣзки земли въ видахъ дополненія надѣловъ» [1]).

Тѣмъ не менѣе, уже черезъ два года правительство приступаетъ къ выработкѣ общаго переселенческаго закона — дѣйствовавшаго почти до послѣднихъ дней закона 13 іюля 1889 года. Уже самая медленность, съ какою велись необходимыя для этого подготовительныя работы — онѣ продолжались болѣе восьми лѣтъ — показываетъ, какъ неохотно правительство шло на уступки настоятельнымъ требованіямъ жизни, и какъ сильно въ его средѣ боролись противорѣчивые взгляды и теченія. Но жизнь требовала своего, и потому, почти одновременно съ началомъ этихъ работъ издаются, черезъ комитетъ министровъ, временныя правила 10 іюля 1881 года, — правила, въ которыхъ впервые выразилось «оффиціальное признаніе и узаконеніе этого явленія народной жизни». Въ основу этихъ правилъ была положена та самая широкая идея, которая такъ послѣдовательно проводилась въ переселенческой политикѣ графа Киселева. Переселеніе предполагалось дозволять всѣмъ вообще крестьянамъ, «владѣющимъ надѣлами, недостаточными для прокормленія семьи», — именно имѣющимъ, по разсчету на наличную душу, менѣе трети установленнаго положеніемъ 19 февраля высшаго или указного надѣла, — съ тѣмъ чтобы на долю оставшихся приходилось не свыше двухъ третей нормальнаго надѣла. Предполагалось «не только дать переселенцамъ возможность жить безбѣдно на своихъ новыхъ мѣстахъ, но содѣйствовать поднятію экономическаго положенія остающихся на мѣстахъ односельцевъ» [2]). Но эти широкіе принципы не получили опредѣленнаго выраженія въ текстѣ правилъ 10 іюля: они лишь уполномочиваютъ центральную власть разрѣшать переселеніе всѣмъ занимающимся хлѣбопашествомъ лицамъ, «экономическое положеніе которыхъ къ тому вынуждаетъ», основывая разрѣшеніе на изслѣдованіяхъ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій. Затѣмъ, также впервые послѣ гр. Киселева, правила 1881 года обѣщаютъ помощь переселенцамъ во время слѣдованія ихъ на новыя мѣста — въ видѣ особыхъ переселенческихъ конторъ, изъ правительственныхъ чиновниковъ и представителей мѣстныхъ земствъ, для содѣйствія переселенцамъ въ отысканіи земель, выдачи имъ матеріальныхъ пособій и

[1]) Тоже, стр. 106.
[2]) Тоже.

оказанія врачебной помощи во время пути. Впрочемъ, на первое время ограничились учрежденіемъ одной такой конторы въ Батракахъ (впослѣдствіи она была перенесена въ Сызрань), на пути переселенцевъ въ Уфимско-Оренбургскій районъ и въ западную Сибирь.

Временныя правила 1881 года, опять таки по оффиціальному свидѣтельству, «не достигли того упорядоченія переселенческаго движенія, къ которому стремилось правительство, такъ какъ, съ одной стороны, выходъ изъ обществъ, вслѣдствіе разныхъ затрудненій и хлопотъ, продолжалъ оставаться доступнымъ лишь сравнительно болѣе состоятельнымъ крестьянамъ, не особенно нуждавшимся въ переходѣ на новыя мѣста, а съ другой—продолжавшееся опасеніе вызвать преувеличенные размѣры переселенія не позволило ни обнародовать упомянутыхъ правилъ, ни провести въ нихъ какихъ либо мѣръ, преслѣдующихъ колонизаціонные интересы отдѣльныхъ районовъ». Ниже мы должны будемъ возвратиться къ вопросу, какъ фактически складывалось, при дѣйствіи правилъ 1881 года. переселенческое движеніе, теперь же мы обратимся къ исторіи разработки основного—до послѣднихъ дней —переселенческаго закона 13 іюля 1889 года. Сначала въ правительственныхъ сферахъ брало верхъ направленіе, сравнительно благопріятное для переселенія. Составлявшая первоначальный проектъ комиссія, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго ученаго и государственнаго дѣятеля П. П. Семенова. должна была признать, что переселенческое движеніе «представляется явленіемъ не случайнымъ, а вполнѣ естественнымъ, вызваннымъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ». Комиссія проводила, впрочемъ, довольно рѣзкое различіе между губерніями степными и нечерноземными съ одной стороны, и черноземными нестепными—съ другой. Въ первой группѣ мѣстностей, полагала комиссія, «общаго малоземелья не существуетъ, и только есть мѣстности, въ ближайшемъ сосѣдствѣ которыхъ не имѣется достаточнаго количества удобныхъ для хлѣбопашества угодій»; для такихъ мѣстностей предлагалось прибѣгать къ разселенію на остатки свободныхъ казенныхъ земель въ предѣлахъ губерній, а также на частновладѣльческія земли, по желанію конечно ихъ владѣльцевъ. Для густонаселенныхъ центральныхъ губерній черноземной полосы признавалось необходимымъ допустить выселеніе на окраины; безусловное право переселенія предполагалось предоставить крестьянамъ, получившимъ въ надѣлъ недоброкачественныя земли или имѣющимъ менѣе трети высшаго или указного надѣла; имѣющимъ отъ трети до половины—лишь при особо стѣсненномъ экономическомъ положеніи; переселенцамъ предполагалось предоставить рядъ льготъ въ отношеніи казенныхъ платежей, а также право на пособіе: со стороны земства мѣстностей вселенія—въ видѣ разсрочки земскихъ сборовъ и заимообразнаго отпуска хлѣба на продовольствіе, со стороны обществъ, откуда выходятъ переселенцы—въ видѣ «выводной платы» за оставляемые переселенцами надѣлы.

Еще шире посмотрѣли на дѣло «свѣдущіе люди», созванные въ началѣ царствованія императора Александра III, въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева. По убѣжденію

ихъ, законодательство должно было признать право каждаго сельскаго обывателя на свободный переходъ на новыя мѣста: однимъ, наиболѣе нуждающимся въ улучшеніи ихъ экономическаго положенія, оказывать содѣйствіе при переселеніи, всѣмъ остальнымъ предоставить переселяться на свой страхъ и рискъ. Право на содѣйствіе правительства предполагалось обусловить, вообще, разстроеннымъ экономическимъ положеніемъ тѣхъ или другихъ селеній, и такихъ переселенцевъ водворять, съ денежными пособіями отъ правительства, на казенныхъ земляхъ, ближайшихъ къ наиболѣе густо заселеннымъ губерніямъ; остальнымъ предполагалось предоставить право ходатайствовать объ отводѣ земли въ болѣе отдаленныхъ районахъ — Сибири, Средней Азіи и Закавказьѣ. Содѣйствіе переселенцамъ первой категоріи свѣдущіе люди считали необходимымъ различать отъ прямого *поощренія* переселенія, допуская послѣднее лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ — при необходимости скорѣйшаго заселенія окраинъ или при значительномъ избыткѣ рабочихъ рукъ въ какой либо мѣстности и особо стѣсненномъ экономическомъ положеніи крестьянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они отвергли обѣ намѣченныя комиссіею П. П. Семенова формы содѣйствія: обязательная уплата экономически разстроенными обществами выводной платы переселенцамъ могла бы помѣшать достиженію основной задачи переселенія—поднятія благосостоянія этихъ обществъ, а выдача пособій отъ земства нерѣдко зависѣла бы не отъ нужды крестьянъ, а отъ случайнаго состава гласныхъ. Со своей стороны, свѣдущіе люди высказывались за денежное содѣйствіе со стороны правительства,—и это тѣмъ болѣе, что цѣль переселенія малоземельныхъ и малоимущихъ крестьянъ имѣетъ общегосударственный характеръ, и что съ другой стороны переселеніе даетъ нуждающемуся крестьянину возможность стать на ноги и устраняетъ необходимость въ такихъ мѣрахъ, какъ постоянныя сложенія недоимокъ и кормежки при неурожаяхъ,—мѣрахъ, ослабляющихъ въ населеніи энергію и подрывающихъ въ немъ сознаніе, что оно должно своимъ трудомъ зарабатывать себѣ существованіе и средства для исполненія лежащихъ на немъ повинностей.

Такимъ образомъ, въ заключеніяхъ свѣдущихъ людей съ полною послѣдовательностью проводится тотъ самый принципъ свободы переселенія каждаго желающаго, за свой страхъ и счетъ, и содѣйствія переселенію, когда оно признается необходимымъ либо въ колонизаціонныхъ, либо въ аграрно-политическихъ видахъ, — который, по крайней мѣрѣ въ теоріи, выразился въ новѣйшемъ законѣ о переселеніи, утвержденномъ 6 іюня 1904 года. Въ отличіе, затѣмъ, отъ этого закона, свѣдущіе люди предполагали привлечь къ завѣдыванію переселенческимъ дѣломъ въ мѣстахъ выхода переселенцевъ мѣстныя земскія учрежденія. Но замѣнившій графа Игнатьева въ должности министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой рѣшительно отвергъ принципъ свободы переселеній, какъ нежелательный и вообще, и невозможный по недостатку годныхъ для поселенія казенныхъ земель,—а также всякое участіе земства въ веденіи переселенческаго

дѣла, и выставилъ діаметрально противоположные принципы: полное подчиненіе переселенія направленію правительства, съ предоставленіемъ администраціи останавливать переселеніе, когда оно предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли. Однако, гр. Толстой не отказывался отъ мысли о широкой и планомѣрной постановкѣ переселенія: собственно переселеніе въ другія мѣстности онъ предполагалъ организовать для семи наиболѣе въ томъ нуждающихся губерній черноземной полосы — Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Курской и Орловской, для трехъ малороссійскихъ—Черниговской, Полтавской и Харьковской и двухъ приволжскихъ — Симбирской и Казанской. Для ряда южныхъ, а также нѣкоторыхъ изъ среднихъ губерній, изобиловавшихъ свободными землями, гр. Толстой признавалъ желательнымъ не *переселеніе*, а *разселеніе* въ предѣлахъ тѣхъ-же губерній; то же—и по отношенію къ девяти западнымъ губерніямъ, откуда выселеніе крестьянъ признавалось недопустимымъ по политическимъ соображеніямъ, чтобы не ослабить въ западномъ краѣ русскаго элемента; подъ поселеніе наиболѣе нуждающихся крестьянъ, по избранію администраціи, гр. Толстой предполагалъ обратить казенныя земли Европейской Россіи, предоставивъ имъ широкія льготы въ денежныхъ платежахъ, облегченія въ отбываніи воинской повинности, а также заимообразныя ссуды на путевые расходы и обзаведеніе, съ разсрочкою уплаты.

Однако, для своего времени и идеи гр. Толстого показались слишкомъ смѣлыми и широкими. Уже совѣщаніе изъ министровъ, состоявшееся въ личномъ присутствіи императора Александра III, внесло въ эти положенія хотя и незначительныя, но характерныя для господствовавшихъ тенденцій измѣненія: такъ, въ пунктѣ, предусматривавшемъ предоставленіе переселенцамъ возможно широкихъ податныхъ льготъ, исключены слова «возможно широкія»; вмѣсто дальнѣйшаго образованія переселенческихъ конторъ рѣшено было ограничиться командированіемъ отдѣльныхъ довѣренныхъ лицъ, вмѣсто учрежденія—какъ предполагалъ гр. Толстой — особаго центральнаго учрежденія для завѣдыванія переселеніемъ, веденіе этого дѣла было возложено на министерство внутреннихъ дѣлъ, при участіи представителей отъ нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствъ. Однако, въ существѣ своемъ идеи графа Толстого остались незатронутыми,— и внося въ государственный совѣтъ проектъ закона, окончательно разработанный комиссіею подъ предсѣдательствомъ сенатора Плеве, впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Толстой имѣлъ еще возможность повторять, что «отводъ казенныхъ земель въ губерніяхъ Европейской Россіи предполагается для надѣленія наиболѣе нуждающихся лицъ сельскаго состоянія, получившихъ недостаточные или недоброкачественные надѣлы», и что участіе государства въ устройствѣ крестьянъ этой категоріи представляется дальнѣйшимъ преслѣдованіемъ задачи правительства «по устройству малоземельной части крестьянскаго населенія». Но государственный совѣтъ не пожелалъ отрѣшиться отъ того пассивно-недоброжелательнаго отношенія къ пе-

реселенію, какое установилось въ правительственныхъ и вліятельныхъ общественныхъ кругахъ со времени освобожденія крестьянъ. Государственный совѣтъ нашелъ, что «хотя прогрессивный, изъ года въ годъ, приростъ населенія заставляетъ правительство не закрывать возможности переселенія»,—но «въ обстоятельствахъ, вызвавшихъ первоначально переселенческій вопросъ, произошли перемѣны, подъ вліяніемъ которыхъ потребность въ переселеніяхъ значительно сократилась противъ прежняго: во 1-хъ, арендная плата за земельныя угодья нынѣ близко соразмѣряется съ доходностью этихъ послѣднихъ, а во-вторыхъ—дѣятельность крестьянскаго банка, облегчая до послѣдней степени пріобрѣтеніе земель, во многомъ содѣйствуетъ устраненію тѣхъ тяжелыхъ экономическихъ послѣдствій, которыя неразлучны съ встрѣчающимся по мѣстамъ малоземельемъ крестьянъ». На правительствѣ—заключалъ отсюда государственный совѣтъ—лежитъ обязанность скорѣе сдерживать переселеніе, нежели поощрять его посредствомъ оказанія переселенцамъ содѣйствія въ разныхъ видахъ»,—а такъ какъ притомъ «обсуждаемое законоположеніе подлежало обнародованію, то было признано необходимымъ озаботиться приданіемъ упомянутому закону такой формы, при которой онъ не могъ бы служить пищею какъ преувеличеннымъ надеждамъ, такъ и неосновательнымъ ожиданіямъ дополнительныхъ надѣловъ». Ставъ на эту точку зрѣнія, государственный совѣтъ переработалъ весь проектъ гр. Д. А. Толстого, начиная съ самаго его заглавія: проектъ именовался «правилами о переселеніи земледѣльческаго населенія на казенныя земли» и разрѣшалъ всѣмъ лицамъ этой среды ходатайствовать о такомъ переселеніи, предоставляя переселенцамъ разнообразныя льготы. По мнѣнію государственнаго совѣта, вопросу «надлежало придать болѣе скромную постановку, ограничившись изданіемъ постановленій, опредѣляющихъ собственно порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ признано полезнымъ и необходимымъ». По силѣ ставшихъ закономъ правилъ, казенная земля лишь въ Азіатской Россіи дается переселенцамъ непосредственно въ постоянное или безсрочное пользованіе, въ Европейской же Россіи отводится сначала лишь во временное арендное пользованіе, на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ, и лишь по истеченіи аренднаго срока «можетъ быть» оставляема за занимающими ихъ лицами въ безсрочное пользованіе, на одинаковыхъ основаніяхъ съ бывшими государственными крестьянами. По справедливому замѣчанію Ѳ. Г. Тернера [1]), «кратковременная аренда никогда не можетъ стать въ представленіи земледѣльца окончательною формою землевладѣнія, и потому не можетъ вызвать его на устройство прочной осѣдлости. Можно—заключаетъ г. Тернеръ—говорить о безсрочной арендѣ, или отвергая ее, можно говорить объ отдачѣ земли переселенцу въ собственность,—но отдача земли переселенцу въ *кратко-*

[1]) Назв. соч., стр. 289. Соображенія эти высказаны г. Тернеромъ не по поводу закона 13 іюня 1889 года, а по поводу проекта новаго устава крестьянскаго банка,—но, конечно, они всецѣло приложимы и къ разсматриваемому вопросу.

срочную аренду не имѣетъ уже никакого разумнаго основанія». Но требованія хозяйственной цѣлесообразности должны были уступить мѣсто требованіямъ той «сдержанной» политики, которую такъ отстаивалъ государственный совѣтъ: правило о краткосрочной арендѣ было включено въ законъ «въ тѣхъ видахъ, чтобы предупредить распространеніе ложныхъ слуховъ о новомъ надѣлѣ казенными землями, причемъ продолжительное и исправное арендное пользованіе выставлялось какъ достаточное оправданіе для обращенія земель, по окончаніи контрактнаго срока, въ надѣлъ бывшимъ арендаторамъ». Самый процессъ переселенія подчиняется такому воздѣйствію со стороны правительства, которое ставило его размѣры въ зависимость не отъ существующей жизненной потребности, а отъ возможности отвода переселенцамъ казенныхъ земель: переселеніе допускается не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія, даваемаго по соглашенію министерства внутреннихъ дѣлъ съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, вѣдающимъ казенныя земли, причемъ законъ подчеркиваетъ, что участки для водворенія переселенцевъ отводятся лишь тамъ, гдѣ «по состоянію этихъ земель» нарѣзка переселенческихъ участковъ будетъ признана возможною безъ ущерба для выгодъ казны», — лицамъ же, переселившимся безъ испрошенія разрѣшенія, законъ угрожаетъ возвращеніемъ въ мѣста приписки распоряженіемъ административныхъ властей. Въ просьбахъ о переселеніи, правда, разрѣшается указывать тѣ мѣстности, гдѣ просящіе желали бы водвориться, но «заявленія этого рода принимаются правительствомъ въ уваженіе лишь въ той мѣрѣ, насколько выполненіе ихъ будетъ признано удобнымъ и согласнымъ съ его видами». Существенныя облегченія законъ 13 іюля 1889 года создаетъ лишь въ отношеніи условій выхода переселенцевъ изъ обществъ: полученіе разрѣшенія на переселеніе освобождаетъ переселяющихся отъ нелегкой обязанности испрашивать увольнительные приговоры, недоимки же въ окладныхъ сборахъ, которыя еще по правиламъ 1881 года оставались на переселящихся, по закону 1889 года переводятся, вмѣстѣ съ выкупными платежами, на общества, изъ которыхъ выходятъ переселенцы, которыя за то получаютъ въ свое распоряженіе, безъ какой либо выводной платы, невыкупленные окончательно надѣлы, освобождающіеся вслѣдствіе переселенія. Нормы переселенческихъ надѣловъ по закону 13 іюля опредѣляются по соображенію съ условіями земледѣлія и производительностью почвы въ избранной мѣстности, а поземельные платежи — по соразмѣрности съ платежами коренного крестьянскаго населенія районовъ водворенія переселенцевъ, — причемъ выходцы изъ мѣстъ, гдѣ упразднена подушная подать, не облагаются ею и при водвореніи въ мѣстностяхъ, гдѣ такая подать еще существуетъ; всѣ вообще переселенцы освобождаются отъ казенныхъ платежей, въ Европейской Россіи—на два года, въ Азіатской—на три года въ полномъ и на три — въ половинномъ размѣрѣ; лицамъ, достигшимъ въ годъ переселенія призывного возраста, отбываніе воинской повинности отсрочивается: въ Европейской Россіи на два, въ Азіатской—на три года. На мѣстахъ водворенія переселенцы

имѣютъ право воспользоваться ссудами на продовольствіе и обсѣмененіе полей, не ожидая окончательнаго ихъ перечисленія. Оказаніе затѣмъ переселенцамъ болѣе значительнаго матеріальнаго воспособленія ставится закономъ 13 іюля въ зависимость отъ усмотрѣнія министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ: особымъ, остававшимся неопубликованнымъ, постановленіемъ закона, имъ предоставлено было оказывать, въ случаѣ необходимости, особое содѣйствіе «отдѣльнымъ переселенцамъ» выдачею имъ путевыхъ пособій, производствомъ денежныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе, пріобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій и наконецъ отпускомъ лѣсного матеріала для построекъ изъ казенныхъ дачъ, безвозмездно или за попенныя деньги. Какъ фактъ оставленія этихъ постановленій неопубликованными, такъ и самая редакція ихъ («отдѣльнымъ переселенцамъ»!) показываютъ, въ какія узкія рамки законодатель стремился поставить матеріальную помощь переселенцамъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что правила 13 іюля 1889 года имѣютъ существенное положительное значеніе въ исторіи нашей переселенческой политики: они были «первымъ по времени закономъ общаго содержанія, признавшимъ за переселеніями значеніе народной потребности, долженствующей быть удовлетворенною». Иное слѣдуетъ сказать о содержаніи правилъ. Нося явственный отпечатокъ недовѣрчиваго и недружелюбнаго отношенія законодателя къ данному явленію народной жизни, они отличаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнею неопредѣленностью, открывающею полный просторъ усмотрѣнію административной власти. «Касаясь наиболѣе существенныхъ моментовъ переселенческаго дѣла, какъ-то вопроса о выходѣ переселенцевъ съ родины, о водвореніи ихъ на новыхъ мѣстахъ, о льготахъ, на которыя они могли разсчитывать, законъ этотъ—по свидѣтельству оффиціальнаго источника [1]) не содержалъ однако постановленій болѣе или менѣе исчерпывающихъ какой либо изъ этихъ вопросовъ, а представлялъ собою лишь программу, отдѣльные пункты которой нуждались въ подробной разработкѣ для успѣшнаго проведенія въ жизнь».

Между тѣмъ, въ практической политикѣ правительства по отношенію къ переселенію продолжаетъ проявляться все та же двойственность. По прежнему, «подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сознанія, что уже невозможно долѣе предоставлять этотъ вопросъ самому себѣ, правительство рѣшалось на оказаніе нѣкотораго пособія переселяющимся, а съ другой стороны—подъ вліяніемъ опасенія, чтобы подобное содѣйствіе не вызвало нежелательное массовое передвиженіе народа, оно стремилось ограничить воспособленіе переселенію самыми тѣсными предѣлами»,—и направленіе правительственной политики сохраняло «характеръ не столько желанія содѣйствовать развитію и организаціи правильнаго переселенческаго движенія, сколько желанія поставить его въ возможно узкія границы» [2]).

---

[1]) Колониз. Сиб., стр. 117.

[2]) См. Вѣстн. Евр., 1897 г., мартъ, статья Ө. Г. Тернера, стр. 114—115.

Что законъ 1889 года не принесъ съ собою, въ этомъ отношеніи, какой либо перемѣны — объ этомъ свидѣтельствуютъ, прежде всего, погодныя цифры выдававшихся разрѣшеній на переселеніе: со времени изданія временныхъ правилъ 1881 года переселеніе было разрѣшено слѣдующему числу семействъ: въ 1881 году—15 семьямъ, въ 1882 г. — 1277, въ 1886 г. — 377, въ 1884 г. — 550, въ 1885 г. — 1277, въ 1886 г. — 5490, въ 1887 г. — 9094 и въ 1888 году—13109 семьямъ. Съ изданіемъ закона 1889 года число разрѣшеній не только не возросло, но значительно сократилось: въ 1889 году было разрѣшено переселиться 2000 семействамъ, въ 1890 г. — 7600, въ 1891 г. — такому же числу семей, начиная же съ начала 1892 года выдача разрѣшеній на переселеніе, какъ мы скоро увидимъ, была совершенно пріостановлена. Между тѣмъ, какъразъ вторая половина 80-хъ годовъ была временемъ особенно быстраго роста переселенческаго движенія. Переселеніе въ Сибирь, еще въ серединѣ 80-хъ годовъ не превышавшее 30—35 тысячъ въ годъ, въ 1889 году достигаетъ 40 тыс. душъ, въ 1390 году—49000, въ 1891 году—87000, въ 1892 году—92000 душъ. Но сибирское переселеніе и въ это время отнюдь не исчерпывало всего русскаго переселенческаго движенія. Въ теченіе 80-хъ годовъ продолжается не поддающееся даже приблизительному учету переселеніе въ восточныя и юго-восточныя степи Европейской Россіи, а также въ предкавказскій районъ, переполненіе котораго неустроенными «иногородними» къ началу 90-хъ годовъ достигаетъ своего апогея. Въ 1883 году въ глухой Тургайской степи основывается «вольный городъ» Кустанай; по мысли его основателей, онъ долженъ былъ сдѣлаться простымъ административнымъ центромъ съ населеніемъ въ 1000 семействъ; въ немного лѣтъ его населеніе втрое превысило предполагавшуюся норму и достигло 16000 душъ, и вокругъ него образовалась группа большихъ крестьянскихъ поселковъ, населеніе которыхъ къ 1896 году достигло девяти тысячъ. Около того же времени значительно усиливается и переселеніе въ Туркестанъ: къ 1 января 1891 года въ Сыръ-Дарьинской области имѣлось 19 русскихъ поселеній, въ которыхъ было водворено около 1500 семействъ, — изъ нихъ 13 селеній было образовано во второй половинѣ 80-хъ годовъ; въ голодные же 1891 и 1892 гг. въ край нахлынуло до 12000 переселенцевъ, образовавшихъ 23 новыхъ поселенія.

«Такимъ образомъ — говоритъ многократно цитированный оффиціальный источникъ — значительная часть крестьянъ продолжала переходить въ Сибирь (и другіе колонизаціонные районы) за свой счетъ и страхъ, и цѣль упорядоченія переселеній, которую преслѣдовалъ законъ 1889 года оставалась повидимому недостигнутою [1])». Самовольные переселенцы составляли въ это время отъ 60 до 85% всего переселенческаго движенія въ Сибирь, не говоря уже о такихъ колонизаціонныхъ районахъ, какъ Кубанская область или Тургайскія степи, гдѣ все переселеніе было исключительно

---

[1]) Колон. Сиб., стр. 117.

самовольнымъ. Судьба этихъ самовольныхъ переселенцевъ складывалась въ разныхъ мѣстностяхъ очень различно. Въ предкавказскомъ районѣ они остаются неустроенными и по настоящее время, и упорядоченіе, такъ или иначе, ихъ крайне неопредѣленнаго и тягостнаго положенія до сихъ поръ остается неразрѣшимою задачей. Въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ администрація, въ лицѣ, въ особенности, бывшаго Сыръ-Дарьинскаго губернатора, генерала Н. И. Гродекова, очень благопріятствовала устройству русскихъ поселеній, переселенцы получали и всякаго рода помощь, денежныя средства для которой извлекались изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, до смѣты главнаго штаба включительно, и, что особенно важно, имъ давались земли, «добровольно» уступавшіяся полуосѣдлыми киргизами подъ вліяніемъ «убѣжденій» и «настояній» уѣздной администраціи. Въ Тургайской области дѣло пошло не такъ гладко, и возникшія въ области поселенія въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ пробавлялись арендою киргизской земли, опираясь частью на негласную поддержку администраціи, частью—на то непреоборимое упорство, которое они противуставляли всѣмъ попыткамъ какъ киргизъ, которымъ скоро начали наскучивать слишкомъ навязчивые арендаторы,—такъ, временами, и той же самой администраціи, выжить ихъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя они занимали подъ свои поселенія. Что касается до сибирскихъ переселенцевъ, то большинство ихъ, до 60—70%, направлялось на кабинетскія земли Алтайскаго округа, куда ихъ привлекала, съ одной стороны, добрая слава этой «житницы Сибири», съ другой—сравнительная легкость устроиться и получить, въ томъ или другомъ видѣ, земельное обезпеченіе. Старожильскія селенія Алтая въ то время охотно принимали переселенцевъ: земли было вдоволь, ея не жалѣли; переселенцами даже дорожили, какъ дешевою рабочею силой; пріемъ въ общества, поэтому, давался либо за одно «угощеніе», либо за самую умѣренную вкупную плату, и только мѣстами, гдѣ нахлынувшіе массами переселенцы начинали слишкомъ одолѣвать старожиловъ, вкупная плата поднималась до болѣе высокихъ, иногда непосильныхъ для малосостоятельнаго переселенца размѣровъ, и возникали тѣ враждебныя отношенія между старожилами и переселенцами, которыя, быть можетъ, слишкомъ обобщала и подчеркивала литература конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Очень легко было переселенцамъ, въ то время, устраиваться и отдѣльными поселками. Земельныя отношенія на Алтаѣ, правда, и по сейчасъ въ довольно хаотическомъ состояніи,—но при изобиліи земли это не порождало затрудненій: переселенцамъ предоставляли выбирать любыя мѣста, болѣе или менѣе свободныя отъ пользованія старожиловъ, и затѣмъ обмежевывали облюбованныя ими земли, обыкновенно—съ большимъ запасомъ на будущее приселеніе. Иногда при этомъ возникали недоразумѣнія съ сосѣдними старожильскими обществами, иногда образованный участокъ чрезмѣрно переполнялся переселенцами, но въ общемъ все шло болѣе или менѣе гладко, и переселенцы, въ большинствѣ, весьма скоро получали главное, въ чемъ они нуждались, именно—прочное земельное устройство. Нѣко-

торое переполненіе Алтайскаго округа переселенцами, обусловленное впрочемъ исключительно земельнымъ неустройствомъ, стало обнаруживаться въ концѣ 80-хъ годовъ, а къ серединѣ 90-хъ годовъ оно стало выражаться въ рѣзкихъ формахъ и заставило прибѣгнуть къ обычной при всякихъ переселенческихъ недоразумѣніяхъ мѣрѣ—къ оффиціальному закрытію Алтайскаго округа для переселенцевъ.

Однако, мы забѣжали нѣсколько впередъ. Возвращаясь къ интересующему насъ въ настоящую минуту періоду 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, мы еще разъ повторимъ, что Алтай все это время оставался обѣтованною землею сибирскихъ переселенцевъ. Лишь меньшинство послѣднихъ шло на казенныя земли Тобольской и Томской губерніи; здѣсь переселенцы, по большей части, водворялись отдѣльными поселками— въ теченіе всего разсматриваемаго періода, съ 1880 по 1893 г., на казенныхъ земляхъ обѣихъ губерній въ такихъ поселкахъ водворилось, по произведенной А. А. Станкевичемъ и мною подробной описи, до 49.000 душъ; въ гораздо меньшей мѣрѣ, нежели на Алтаѣ, они приселялись къ селеніямъ старожиловъ. При какихъ условіяхъ происходило здѣсь ихъ земельное устройство—объ этомъ намъ придется говорить немного ниже, черезъ нѣсколько страницъ. Въ данную минуту для насъ важно то, что и въ районѣ казенныхъ земель, и на Алтаѣ, приходилось мириться съ фактомъ самовольнаго переселенія. «Въ виду невозможности примѣненія къ такому значительному числу самовольныхъ переселенцевъ требованія закона объ ихъ возвращеніи на родину административнымъ порядкомъ, правительству оставалось лишь прибѣгать къ неоднократно уже испытанному средству — именно къ причисленію къ мѣстамъ водворенія, на общемъ основаніи, всѣхъ переселенцевъ, перешедшихъ безъ установленныхъ разрѣшеній въ западную Сибирь [1])». Наконецъ, часть проходившихъ за Уралъ переселенцевъ, въ то время впрочемъ небольшая, начинала проникать въ киргизскія степи Акмолинской области; и здѣсь переселенцы проникали въ степь подъ видомъ аренды земель у киргизъ, заполняя главнымъ образомъ ближайшія къ границѣ Тобольской губерніи мѣстности Петропавловскаго и лучшую, центральную часть Кокчетавскаго уѣзда, также одного изъ переселенческихъ эльдорадо. Во все продолженіе 80-хъ годовъ мѣстная высшая администрація относилась къ переселенію и переселенцамъ крайне отрицательно, но всѣ ея старанія преградить переселенцамъ доступъ въ степь оставались безрезультатными, и въ концѣ концовъ, въ памятные 1891 — 1892 гг., всѣ самовольно возникшіе въ степи переселенческіе поселки получили оффиціальное признаніе и земельные надѣлы.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что цѣль «упорядоченія переселеній», подчиненія ихъ руководящему воздѣйствію государственной власти, дѣйствительно оставалась совершенно недостигнутою: переселеніе шло помимо и вопреки всякаго рода сдерживающимъ и воздѣйствующимъ мѣрамъ, и правительству оставалось только мириться

[1]) Колон. Спб., стр. 117—118.

съ совершавшимися фактами и принимать, хотя и неохотно, хотя, нерѣдко, съ большимъ и вреднымъ запозданіемъ, мѣры для устройства на мѣстахъ переселенцевъ.

Общему направленію переселенческой политики въ 80-хъ годахъ соотвѣтствовали и размѣры помощи, оказывавшейся переселенцамъ. Единственная переселенческая контора, учрежденная въ 1881 году въ Батракахъ, въ 1884 году была замѣнена нѣсколькими переселенческими чиновниками, командированными на пути слѣдованія переселенцевъ и въ центральные пункты районовъ водворенія. Эти переселенческіе чиновники дѣлали все, что могли, и даже, пожалуй больше, чѣмъ могли; въ это время прославился на всю Россію тюменскій чиновникъ И. П. Архиповъ, энергично и съ пользою для дѣла работали гг. Чарушинъ, Дуровъ и другіе. Но *могли* они сдѣлать очень мало, потому что «сдержанное» отношеніе правительства къ переселенческому движенію отражалось и на размѣрахъ средствъ, затрачивавшихся на помощь переселенцамъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ «для веденія переселенческаго дѣла въ Европейской Россіи и западной Сибири» отпускалось всего по 20.000 рублей въ годъ. Въ 1884 году размѣръ кредита былъ увеличенъ до 40.000 рублей, но въ слѣдующіе годы опять сокращенъ до 20.000 рублей. Послѣ изданія закона 13 іюля переселенческій кредитъ былъ увеличенъ до 80.000 рублей, изъ которыхъ 20 т. на регистрацію переселенцевъ и помощь имъ въ пути, а 60.000 рублей — на выдачу домообзаводственныхъ ссудъ. По офиціальнымъ даннымъ, за четырехлѣтіе 1890—1893 гг. изъ первой части переселенческаго кредита было израсходовано 87516 рублей,— другими словами, въ среднемъ на каждаго переселившагося было израсходовано, включая не только выдачу пособій и леченіе, но даже регистрацію, по 26 копѣекъ.

Между тѣмъ, нужда въ помощи разнаго рода была чрезвычайно остра—объ этомъ свидѣтельствуютъ уже данныя о размѣрахъ имущественнаго обезпеченія переселенцевъ и о продолжительности ихъ пути. По даннымъ г. Чудновскаго относительно алтайскихъ переселенцевъ, «весь путь совершался въ продолженіе 6—18 недѣль, смотря по исходному пункту переселенія»: тамбовцы находились въ пути 9—13 недѣль, рязанцы 11—13, пермяки 6—10, орловцы 13—16, воронежцы 10—18 недѣль и т. д.; по свидѣтельству В. А. Остафьева, «нѣкоторыя партіи переселенцевъ, вмѣсто того, чтобы совершить переѣздъ въ нормальныхъ условіяхъ въ 3—4 недѣли, совершали его въ 1½—2 мѣсяца»; по даннымъ моей подворной переписи въ переселенческихъ поселкахъ Томской губерніи, изъ общаго числа 4.307 переселенческихъ семействъ только 1.219 провели въ пути менѣе 6 недѣль; 1.077 семействъ затратили на дорогу отъ 6 до 8 недѣль, 955— отъ 8 до 10 недѣль, 635 семействъ — болѣе 10 недѣль. Огромный процентъ переселенцевъ шелъ, при этомъ, съ самыми ничтожными средствами. Около четверти (24,2%) всѣхъ томскихъ переселенцевъ *взяли изъ дому* не болѣе 50 рублей, еще четверть (26,3%) — отъ 50 до 100 р., а въ моментъ прибытія на мѣста почти половина (44,8%) не имѣла ни копѣйки. По даннымъ же—какъ мнѣ впрочемъ думается,

нѣсколько преувеличеннымъ—подворной переписи г. Станкевича въ тобольскихъ поселкахъ, 1.859 семействъ, или 44,5%, *пустились на переселеніе* совершенно безъ денегъ. Въ числѣ переселенцевъ было немало и такихъ, которые значительную часть пути, а то и весь путь, сдѣлали пѣшкомъ, везя на тачкѣ дѣтей и незатѣйливый багажъ; среди томскихъ переселенцевъ, зарегистрированныхъ мною, такихъ оказалось 133 семьи, или около 3% общаго количества описанныхъ дворовъ...

Если теперь припомнить болѣе или менѣе полное отсутствіе какихъ-либо систематическихъ заботъ объ условіяхъ передвиженія переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ, а также отсутствіе или крайнюю недостаточность остановочныхъ помѣщеній, медицинской помощи и заботъ о продовольствіи переселенцевъ въ узловыхъ пунктахъ переселенческаго движенія, — то легко представить себѣ, что̀ должны были претерпѣвать тогдашніе переселенцы во время своего многострадальнаго пути... Я уступаю здѣсь, однако, слово очевидцамъ.

Вотъ какъ описываетъ А. А. Исаевъ состояніе Тюменскаго переселенческаго пункта въ 1890 году—въ эпоху наибольшаго разгара переселенческаго движенія черезъ Тюмень. Барачныя помѣщенія—замѣтимъ мимоходомъ, что самое возникновеніе бараковъ было дѣломъ не правительственной, а частной иниціативы—«состоятъ изъ двухъ небольшихъ корпусовъ, служащихъ кухнями, и одного довольно большого зданія въ серединѣ, которое имѣетъ печь только въ одномъ отдѣленіи, бо̀льшая же часть его отопляема быть не можетъ. По другую сторону двора стоитъ довольно обширный сарай, сколоченный изъ заборнаго лѣса, съ щелями по верху; этотъ сарай можетъ служить пріютомъ только въ теплое время года и не защищаетъ отъ тѣхъ холодовъ, какіе нерѣдко бываютъ здѣсь даже позднею весной; въ противоположномъ углу двора стоитъ небольшая избушка, обращенная въ больничку. Въ этихъ помѣщеніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, можетъ быть втиснуто 1.000 человѣкъ, съ пренебреженіемъ, конечно, самыми начальными правилами гигіены. Но при этомъ для всего груза, который везутъ переселенцы, нѣтъ крытаго навѣса». Между тѣмъ, переселенцы должны были недѣлями ждать въ Тюмени открытія навигаціи, а потомъ—возможности попасть на пароходъ; большинство переселенцевъ просиживало въ Тюмени по 2—3 недѣли, нѣкоторые—по 4, 5 недѣль и больше; поѣзда, между тѣмъ, непрерывно подвозили новыхъ переселенцевъ, и въ результатѣ скопленіе въ Тюмени достигало весною 15—18 тысячъ человѣкъ. «Изъ вѣтвей, кое какъ прикрытыхъ грязною соломой и обставленныхъ мѣшками, они устраивали конурки, въ которыхъ помѣщались дѣти и больные, а взрослое населеніе располагалось на ночь въ повалку. Кто имѣлъ телѣгу, тотъ придѣлывалъ къ ней навѣсъ и устраивалъ шалашикъ для дѣтей. Благодаря продолжительной теплой погодѣ, такая жизнь была возможна; замѣтно было даже, что многіе не хотѣли идти въ баракъ, такъ какъ въ немъ было нѣсколько смертныхъ случаевъ». Но при суровой веснѣ 1890 года картина получилась совершенно другая: въ баракахъ, считая сквозной сарай, можно

*

было втиснуть только 1/10 всей массы; остальные располагались первоначально бивуаками на прилегающей равнинѣ; но уже чрезъ немного дней сказалась необходимость искать другого помѣщенія: дѣти начали заболѣвать десятками, и каждый день къ баракамъ привозили 10—15 дѣтскихъ гробовъ. Въ больницу при баракахъ помѣщали тифозныхъ; для оспенныхъ нужно было искать другого пріюта. Показались и дифтеритные—этихъ надо было устраивать также въ отдѣльномъ помѣщеніи. Кромѣ тяжкихъ заболѣваній, стали все чаще и чаще обнаруживаться болѣе легкія недомоганія, простудныя формы, которыя однако побуждали многихъ искать себѣ какого нибудь крова. Нѣкоторые изъ купцовъ уступали свои полуразрушенные сараи; многіе переселенцы укрывались въ неработавшихъ мельницахъ; болѣе состоятельные размѣщались въ городѣ, по квартирамъ, съ платою за каждую душу отъ 2 до 5 копѣекъ въ день. И все-таки многія тысячи должны были оставаться подъ открытымъ небомъ»... Въ 1891 и 1892 гг. оборудованіе Тюменской переселенческой станціи было значительно усилено, и тѣмъ не менѣе картина почти не измѣнилась къ лучшему: «въ распоряженіи переселенцевъ — говоритъ санитарный отчетъ [1]) — на переселенческомъ дворѣ находится 13 жилыхъ бараковъ, гдѣ съ большимъ рискомъ для здоровья могло помѣщаться 1.531 чел. Въ дѣйствительности, въ каждый баракъ втискивалось въ 4 — 5 разъ больше, такъ что многимъ приходилось стоять на ногахъ по цѣлымъ ночамъ. Люди лежали на двухэтажныхъ нарахъ и на полу, атмосфера была крайне испорчена, и ввести какое либо улучшеніе было невозможно. При такой скученности, только незначительная часть переселенцевъ могла пользоваться кровомъ; остальная толпа должна была оставаться на площади, на вѣтру, подъ дождемъ и въ грязи». «На зараженной почвѣ — говоритъ очевидецъ, Д. М. Головачевъ, — среди отбросовъ и изверженій, тѣснились другъ къ другу семьи, укрываясь отъ непогоды въ шалашахъ, наскоро устроенныхъ и прикрытыхъ тряпьемъ или соломой. Скверная вода изъ близлежащаго болота или изъ зараженной Туры служила имъ въ пищу. Санитарныя условія барачнаго двора были нисколько не лучше условій переселенческой площади», причемъ два заразныхъ барака, покойницкая, представлявшая изъ себя пароходную рубку (sic) небольшой величины, въ которую складывались гроба другъ на друга съ полу до потолка, находились въ томъ же дворѣ и были съ утра до вечера окружены сплошною стѣною народа. При баракахъ существовали небольшая баня и прачечная, но онѣ предназначались и для больныхъ, и для здоровыхъ, что необходимо давало извѣстный процентъ заболѣваній». Ко всему сказанному надо добавить особыя условія, созданныя неурожайнымъ 1892 годомъ; «естественныя условія, алчность хлѣботорговцевъ и пароходчиковъ повысили цѣну на хлѣбъ до небывалыхъ размѣровъ. Купленный въ западной Сибири хлѣбъ съ издержками провоза обходился максимумъ въ 55 — 60 коп. пудъ, а между тѣмъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ цѣна пуда ржаной муки доходила въ Тюмени до

---

[1]) Цитирую по Головачеву, „Вѣстн. Европы“, 1893 г., августъ.

1 руб. 80 коп... И вотъ, въ то время, какъ пароходы подвозили огромные транспорты хлѣба, а поѣзда день и ночь вывозили его съ пристаней, тысячи рабочихъ, разгружавшихъ хлѣбные грузы, нищіе изъ голодающихъ округовъ, ссыльные безъ роду и племени и переселенцы, въ количествѣ 18 тысячъ наводнившіе городъ, терпѣли всѣ ужасы голоднаго времени». Отсюда всѣ послѣдствія недостаточнаго питанія и прежде всего—«цынга, которою болѣютъ какъ взрослые, такъ и дѣти. Куриная слѣпота, характерный признакъ начальнаго періода цынги, была на станціи почти поголовной, такъ что одно время трудно было подобрать изъ среды переселенцевъ зрячихъ по вечерамъ на должности служителей при больницѣ. Являвшіеся въ амбулаторію переселенцы нерѣдко жаловались на то, что не ѣли по нѣскольку дней, такъ какъ продали и проѣли уже все свое имущество». Такъ же или еще хуже обстояло дѣло и въ другихъ пунктахъ. «Не лучшій пріютъ—говоритъ А. А. Исаевъ—имѣютъ переселенцы въ Томскѣ. Онъ загналъ ихъ въ непроходимое болото, отдаленное отъ города на 5 верстъ. Прошлою весною (писано въ 1890 году), во время разлива р. Томи, по двору переселенческихъ бараковъ ѣздили на лодкѣ; но если и не говорить о прошломъ, исключительномъ годѣ, и то вся эта мѣстность представляется трясиной, обильно покрытой болотными растеніями. Кто не попалъ въ бараки, тотъ располагается здѣсь-же подъ открытымъ небомъ, на мокрой и зыбкой почвѣ». «Въ дождливое время—говоритъ въ своемъ санитарномъ отчетѣ врачъ Пирусскій [1])—положеніе было невыносимое. Въ ненастье старики и женщины съ дѣтьми залѣзали на банный чердакъ, гдѣ хотя нѣсколько согрѣвала ихъ печная труба. Въ банѣ же помѣщались роженицы, плохо одѣтыя матери съ грудными дѣтьми и дряхлые старики... Только забитый нуждою до отупѣнія человѣческій организмъ, заключаетъ д-ръ Пирусскій, могъ выносить всю ту массу лишеній, нужды и страданій, какую, повидимому спокойно, несла вся эта иззябшая, голодная толпа съ охрипшими отъ крика дѣтьми, охающими стариками и изнемогающими больными»...

Еще болѣе удручающую картину представляло передвиженіе переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Правительство, съ изданіемъ закона 1889 года, установило для переселенцевъ значительно удешевленный тарифъ; но этимъ—если не считать случайныхъ и несистематическихъ попытокъ переселенческихъ чиновниковъ и отдѣльныхъ сердобольныхъ представителей мѣстной администраціи,—ограничивались въ то время всѣ заботы объ условіяхъ перевозки переселенцевъ. «Если въ скотскихъ вагонахъ—писалъ Н. М. Ядринцевъ въ 1891 году—существуетъ опредѣленное размѣщеніе, и на быковъ и лошадей полагается извѣстное пространство, если при провозѣ заботятся, чтобы скотъ былъ напоенъ и накормленъ, то, кажется, можно желать, чтобы та же предусмотрительность прилагалась и къ людямъ, и положеніе ихъ не было худшимъ. Кто видѣлъ, какъ наталкиваются въ вагоны переселенцы съ женщинами

[1]) Цитирую по Ядринцеву, сборн. „Путь-дорога“, стр. 60.

и дѣтьми, съ какою давкою, съ какою борьбою захватываютъ мѣста при тѣснотѣ и экономіи вагоновъ, до того, что иногда затаптываются и задушаются маленькія дѣти,—тотъ пойметъ справедливость этихъ требованій». Въ вагонѣ—пишетъ тотъ же Ядринцевъ двумя годами позже—«грязь и тѣснота. Мы всѣ знаемъ товарные вагоны, но никогда не разсматривали ихъ съ точки зрѣнія перевозки людей. Вагонъ этотъ на полтора аршина отъ земли, а на него приходится взлѣзть цѣлой семьѣ, съ дѣтьми; кладутся двѣ плахи, по которымъ представляется взбираться, причемъ многіе падаютъ». Въ вагонѣ люди помѣщаются кое какъ, въ повалку. На короткихъ станціяхъ люди не выходятъ даже за водой». Ночью, по словамъ очевидца, «переселенцы сначала сидѣли на отдѣльныхъ доскахъ, на которыя улечься нельзя; наконецъ утомленіе взяло свое, и буквально весь грязный полъ былъ покрытъ людьми, цѣлую ночь слышались вопли и плачъ дѣтей. Въ этой грязи и духотѣ невозможно было выдержать ночь даже здоровому вполнѣ человѣку...». То же самое было и на пароходахъ. «На курбатовскихъ пароходахъ—говоритъ покойный В. А. Остафьевъ—палубы закрыты только сверху, съ боковъ хлещетъ дождь и свищетъ вѣтеръ; да хорошо еще, если попадешь подъ крышу: иногда скопленіе настолько велико, что радъ гдѣ нибудь приткнуться; и здѣсь есть привиллегированный пассажиръ, а новоселъ можетъ сидѣть и на носу, и на кормѣ, и подъ лавкой...» Еще краснорѣчивѣе характеризуетъ тогдашніе пароходные порядки А. А. Исаевъ. «Переселенцевъ,—говоритъ онъ—берутъ всѣ пароходы на сибирскихъ рѣкахъ,—но кромѣ пароходовъ ихъ помѣщаютъ и на баржахъ; для этого въ баржѣ прорубаютъ нѣсколько оконъ. Хотя тюменскій чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ принимаетъ самое живое участіе въ посадкѣ переселенцевъ на суда и внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы они были размѣщены удовлетворительно, однако нѣтъ возможности достигнуть этой цѣли... Всѣ торопятся попасть на пароходъ; каждый готовъ провести эти 10-13 сутокъ въ самой ужасной обстановкѣ, чтобы только не оставаться долѣе въ Тюмени. И вотъ, подъ напоромъ просьбъ, моленій, увѣщаній на пароходы сажаютъ гораздо больше людей, чѣмъ позволяетъ обширность помѣщенія... Вентиляція чрезъ проходы палубы, загроможденные дровами, рѣшительно недостаточна, и при малѣйшемъ появленіи заразительной болѣзни она получаетъ быстрое распространеніе. Но на пароходахъ переселенцы помѣщаются еще очень хорошо сравнительно съ тѣми, которые перевозятся на баржахъ. На баржахъ провѣтриваніе такъ неудовлетворительно, что если бы даже каждый переселенецъ имѣлъ достаточно мѣста, то за 12-дневный путь не можетъ не обнаружиться сильная болѣзненность и смертность. Почти съ каждаго парохода и съ каждой баржи на пристаняхъ, ближайшихъ къ Томску, оставляется нѣсколько гробовъ, а десятки дѣтей съ оспой, дифтеритомъ, воспаленіемъ легкихъ пріѣзжаютъ въ Томскъ только для того, чтобы на томскомъ кладбищѣ прибавить нѣсколько свѣжихъ могилъ». Что значили для переселенцевъ безконечныя ожиданія на узловыхъ пунктахъ, особенно въ Тюмени, и какой ужасъ внушало имъ передвиженіе на пароходахъ и баржахъ,—

видно изъ того, что значительная часть переселенцевъ, добравшись до Тюмени, предпочитала покупать здѣсь лошадей и двигаться отсюда первобытнымъ, гужевымъ способомъ: въ числѣ переписанныхъ мною Томскихъ переселенцевъ оказалось такихъ 701 семья, около 16% общаго числа зарегистрированныхъ переселенцевъ. «Положеніе воднаго пути—говоритъ г. Головачевъ—было далеко не блестяще, и послѣднему долженъ быть предпочтенъ путь сухопутный. Но и тутъ—полная неурядица и отсутствіе какой либо помощи переселенцамъ... Въ 1892 году положеніе переселенцевъ ухудшилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть этого пути пролегала черезъ мѣстности Тобольской губерніи, пострадавшія отъ неурожая. Легко можно себѣ представить, что вынесли несчастные переселенцы, большая часть которыхъ не имѣла другого исхода, кромѣ милостыни. Особенно затруднительны переправы черезъ рѣки,—здѣсь неизбѣжно происходили задержки и скопленіе до нѣсколькихъ тысячъ.... Къ тому же—добавляетъ г. Головачевъ—появленіе лѣтомъ 1892 года холеры до крайности обострило положеніе переселенцевъ въ дорогѣ: туземное населеніе ставило вокругъ селъ и деревень карантины, такъ что переселенцы принуждены были обходить населенныя мѣста окольною дорогой, не имѣя возможности запастись даже хлѣбомъ и укрыться отъ непогоды и холодныхъ ночей»...

Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ на меня за эти нѣсколько длинныя выдержки—даваемая ими яркая характеристика неустроенія переселенческаго дѣла необходима мнѣ, чтобы наглядно показать, какъ много было сдѣлано для упорядоченія условій передвиженія переселенцевъ въ слѣдующій періодъ исторіи переселенческаго дѣла. Но мнѣ могутъ сдѣлать одно возраженіе: да полно, такъ ли все это было на самомъ дѣлѣ? не сгущали ли краски сердобольные радѣтели о переселенцахъ, какими были всѣ цитированные мною очевидцы? Такое сомнѣніе вполнѣ законно, потому что нѣтъ ничего легче, какъ обобщить случайно попавшуюся на глаза слишкомъ мрачную картину, обусловленную, можетъ быть, случайными и скоро преходящими обстоятельствами. Но подтвержденіемъ вѣрности этой картины являются неопровержимыя показанія статистическихъ цифръ—*цифръ смертности переселенцевъ.* На Тюменскомъ пунктѣ, въ 1892 году, умерло 938 человѣкъ переселенцевъ, изъ нихъ 552 человѣка внѣ бараковъ, безъ всякой помощи, на площади и по квартирамъ въ городѣ... Доканчивая писать эти строки, я вспоминаю имѣющуюся у меня фотографію, снятую А. А. Станкевичемъ, въ то время только что начинавшимъ работать по переселенческому дѣлу,—фотографію двора переселенческихъ бараковъ съ разставленными, одинъ къ другому, 38 переселенческими гробами... Въ такомъ ничтожномъ пунктѣ, какъ с. Абатское, въ теченіе одного только мѣсяца умерло 150 человѣкъ; на пароходахъ умирало по 30 и по 40 человѣкъ за одинъ рейсъ... Правда, эти данныя относятся къ одному только 1892 году—мнѣ могутъ возразить, что этотъ годъ былъ исключительный, не позволяющій дѣлать заключеній о смертности, вообще, переселенцевъ. Но у меня есть собранныя моимъ подворнымъ опросомъ данныя о смертности переселенцевъ Томской губерніи за весь

періодъ съ 1880 по 1893 годъ: въ 4307 семьяхъ, переписанныхъ мною, умерло въ пути 746 человѣкъ, и въ первый годъ по водвореніи на мѣстѣ—676 человѣкъ, всего 6,0% общаго состава этихъ семей въ моментъ ихъ выхода на переселеніе... До 1887 года, когда размѣры переселенія были незначительны, процентъ смертности былъ сравнительно умѣренный—отъ 1,8 до 2,3%; съ 1888 года онъ не падаетъ ниже 6,4%, а въ отдѣльные года поднимается до 7,5 (1891 г.) и даже 8,6% (1890 г.). Конечно, болѣзни и смерть косили преимущественно дѣтей: по даннымъ покойнаго Остафьева, изъ 1635 дѣтей до 8 лѣтъ, вышедшихъ въ составѣ описанныхъ имъ переселенческихъ семействахъ, въ пути умерло не менѣе 210 душъ, въ отдѣльныхъ же переселенческихъ партіяхъ, опрашивавшихся Остафьевымъ, дѣтская смертность достигала 30 и даже 40%/.

Не лучше обстояло дѣло и съ устройствомъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. За единственнымъ исключеніемъ планомѣрно организованнаго, начиная съ 1883 года, уссурійскаго переселенія, а также болѣе или менѣе случайныхъ проявленій попечительной заботливости со стороны отдѣльныхъ представителей мѣстной администраціи, переселенцы на мѣстахъ новаго водворенія были предоставлены на произволъ судьбы. Моментъ, которымъ заканчивалась всякая забота правительственной власти о переселенцахъ, — это былъ отводъ земли тѣмъ изъ нихъ, которые не желали или не имѣли возможности войти въ составъ старожильскихъ обществъ, а водворялись на свободныхъ участкахъ казенной земли. Но и это въ высшей степени важное дѣло въ то время было поставлено крайне неудовлетворительно. Еще правила 1881 года возложили на министерство государственныхъ имуществъ обязанность отводить переселенцамъ земельные участки въ семи южныхъ и юго-восточныхъ, степныхъ губерніяхъ. Но за весь періодъ времени съ 1881 по 1901 годъ во всѣхъ этихъ семи губерніяхъ было отведено переселенцамъ 402.000 десятинъ, приблизительно на 81.000 душъ мужского пола. Въ Сибири спеціальное учрежденіе для отвода земель переселенцамъ—такъ называемый западно-сибирскій переселенческій отрядъ—возникаетъ въ 1885 году, съ отпускомъ въ годъ всего по 40.000 рублей. Составъ отряда не превышалъ 15—20 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и межевыхъ техниковъ, и производителей работъ, т. е. лицъ, на которыхъ лежитъ самый выборъ площадей, годныхъ для водворенія переселенцевъ; а между тѣмъ отряду приходилось работать на протяженіи двухъ огромныхъ губерній западной Сибири—Тобольской и Томской, въ нѣкоторые годы заниматься и устройствомъ переселенцевъ въ Акмолинской и даже Семипалатинской областяхъ. На отрядъ было возложено, при этомъ, и самое водвореніе переселенцевъ, и такія побочныя работы, какъ образованіе оброчныхъ статей изъ тѣхъ земель, которыя признавались почему либо неподлежащими заселенію, и даже сдача ихъ въ аренду. Естественно, что работы отряда уже по абсолютнымъ ихъ количественнымъ результатамъ не могли удовлетворить потребности. За 8 лѣтъ съ его учрежденія по 1892 годъ включительно, площадь образованныхъ участковъ не превысила 722 тыс. десятинъ, что со-

ставляетъ кругомъ по 90 тыс. десятинъ или 6000 душевыхъ долей въ годъ, между тѣмъ какъ количество прибывавшихъ въ Сибирь переселенцевъ еще въ началѣ 90-хъ годовъ достигало 45.000 душъ мужского пола. Притомъ, почти половина общаго пространства отведенныхъ участковъ—до 285 тысячъ десятинъ, приходится на Акмолинскую и частью Семипалатинскую области, гдѣ въ 1891 и 1892 годахъ пришлось надѣлять землею, въ упрощенномъ порядкѣ, нахлынувшихъ въ степь самовольныхъ переселенцевъ, по большей части вовсе не попадавшихъ въ тогдашніе учеты переселенческаго движенія. Собственно же въ двухъ сибирскихъ губерніяхъ, за всѣ восемь лѣтъ, было отведено 431.000 десятинъ земли, въ томъ числѣ 308.000 дес. въ Томской и 123.000 дес. въ Тобольской губерніи. И если въ первой чины отряда безъ особыхъ затрудненій могли устраивать переселенцевъ на заранѣе заготовленныхъ участкахъ, то въ Тобольской губерніи отсутствіе такихъ заготовленныхъ участковъ вызывало серьезныя замѣшательства. Переселенцевъ приходилось направлять то на вовсе не обслѣдованныя, съ точки зрѣнія ихъ колонизаціонной пригодности, оброчныя статьи или на «переселенческія статьи», когда-то намѣченныя вовсе некомпетентными въ данномъ дѣлѣ землемѣрами старыхъ межеваній, то въ неразграниченныя казенно-крестьянскія дачи.

Само собою ясно, къ какимъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ должно было вести водвореніе переселенцевъ въ неразмежеванныхъ старожильскихъ дачахъ: переселенцы чаще всего садились не на тѣхъ частяхъ этихъ дачъ—а ихъ было, при тогдашнемъ просторѣ, немало,—которыя были свободны отъ старожильскаго пользованія, а напротивъ—на такихъ, лучшихъ по качеству угодій, которыя имѣли для старожиловъ, нерѣдко, насущное значеніе и были заняты ихъ угодьями. Не лучше обстояло дѣло и тогда, когда переселенцевъ приходилось направлять на переселенческія или оброчныя статьи: старые переселенческіе участки, нерѣдко, оказывались негодными для заселенія—и это при изобиліи, въ то время, вполнѣ пригодныхъ для того свободныхъ земель, — и притомъ онѣ состояли, сплошь и рядомъ, въ арендѣ у мѣстныхъ старожиловъ. Между тѣмъ, между моментомъ прибытія переселенцевъ въ какую нибудь мѣстность и моментомъ пріѣзда, для отвода имъ земли, чиновника западно-сибирскаго отряда обыкновенно протекало болѣе или менѣе продолжительное время—пока до свѣдѣнія чиновника дойдетъ о прибытіи переселенцевъ, пока онъ выберетъ время къ нимъ пріѣхать, за разнообразными лежащими на немъ другими дѣлами и порученіями!... Переселенцы за это время успѣвали обостроиться, очень часто—вспахать и засѣять землю, а при такихъ условіяхъ «приходилось думать—какъ оффиціально писали лица, стоявшія во главѣ отряда,—не объ образованіи участковъ, которые давали бы увѣренность въ прочности хозяйства новыхъ поселенцевъ, а объ отграниченіи для нихъ тѣхъ земель, которыя новоселы желали получить въ свое пользованіе»; при этомъ «желаніе переселенцевъ захватить въ предѣлы отводовъ разработанныя ими земли и тѣ, которыя они облюбовали, отразилось въ неправильныхъ формахъ образованныхъ участковъ; нѣкоторые участки вытянулись узкими полосами

на нѣсколько (и даже много! А. К.) верстъ, многіе участки не имѣли въ достаточномъ количествѣ существенныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ угодій». Съ другой стороны—нельзя было избѣжать и рѣзкихъ нарушеній интересовъ старожилаго населенія, приводившихъ иногда къ острымъ столкновеніямъ: дѣло доходило до того, что «старожилы умышленно, чтобы удержать за собою какой либо клочекъ, подвергали его обработкѣ и засѣвали хлѣбомъ, а переселенцы немедленно занимали тотъ же клочекъ постройкою своихъ избушекъ» [1]). Но практически самое главное—это все-таки то, что отводъ земель не поспѣвалъ за все возраставшимъ переселенческимъ движеніемъ. Наплывъ переселенцевъ усиливался съ каждымъ годомъ, и соотвѣтственно этому силы отряда становились все болѣе и болѣе недостаточными: все бо́льшую часть ихъ приходилось отдѣлять для работъ по водворенію переселенцевъ и соотвѣтственно—ослаблять тѣ силы, которыя моглибы заниматься систематическими работами по образованію переселенческихъ участковъ. Чѣмъ болѣе, такимъ образомъ, возрастало количество переселенцевъ, тѣмъ меньше становилось количество заблаговременно и планомѣрно заготовлявшихся участковъ. Наконецъ въ 1891 году, когда количество переселенцевъ достигло небывалой прежде цифры 90 тыс., отводомъ имъ земель долженъ былъ заняться весь наличный составъ отряда, и работы по заготовленію переселенческихъ участковъ пришлось совершенно пріостановить.

Мы просимъ прощенія у читателя, что сравнительно долго занимали его вниманіе такими—казалось бы—чисто техническими вопросами. Эти подробности имѣли важное практическое значеніе: тѣ осложненія и замѣшательства, которыя были обусловлены несоотвѣтствіемъ организаціи землеотводнаго дѣла съ насущными потребностями переселенческаго движенія, къ началу 90-хъ годовъ пріобрѣли настолько острый и тревожный характеръ, что правительство увидѣло себя вынужденнымъ прославившимся въ свое время циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 6 марта 1892 г. пріостановить если не переселенческое движеніе въ Сибирь—*это* было не въ его власти,—то во всякомъ случаѣ выдачу разрѣшеній на переселеніе, впредь до заготовленія достаточнаго количества переселенческихъ участковъ.

Какъ я уже сказалъ, циркуляръ 6 марта пріостановилъ выдачу разрѣшеній, но не пріостановилъ переселенія: въ 1892 году въ Сибирь прошло 92 тысячи человѣкъ—больше, нежели когда либо въ предшествовавшее время, въ слѣдующіе два года—по 60 слишкомъ тысячъ. Примѣнять ко всей этой массѣ самовольныхъ переселенцевъ угрозу закона 1889 года не было, очевидно, никакой возможности. Въ томъ же 1892 году дважды, 23 апрѣля и 26 октября, было поэтому испрошено Высочайшее разрѣшеніе на причисленіе и устрой-

[1]) Очень живую характеристику тогдашней земельной неурядицы въ Сибири, вышедшую, очевидно, изъ-подъ пера человѣка, близко знакомаго съ положеніемъ дѣла читатель можетъ найти въ статьѣ А. А. Ч. „Крестьянскія переселенія въ Сибирь"—„Русская Мысль" 1895 г., августъ, стр. 92.

ство самовольныхъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ,—и эта мѣра, заключавшая въ себѣ implicite признаніе полнаго фіаско намѣреній правительства взять въ свои руки переселенческое движеніе, повторялась затѣмъ и въ послѣдующіе годы.

Тотъ же 1892 годъ былъ однако началомъ рѣшительнаго поворота въ отношеніяхъ правительства къ переселеніямъ и переселенческому вопросу. Тѣ невѣроятныя бѣдствія, которыя приходилось выносить переселенцамъ во время пути, тѣ неурядицы, которыя сопровождали ихъ водвореніе и устройство на новыхъ мѣстахъ, не могли остаться неизвѣстными и русскому обществу, и центральному правительству: о нихъ громко кричала литература, въ лицѣ Ядринцева, Гл. Успенскаго, проф. Исаева и др.; о нихъ доносили переселенческіе чиновники, писали и мѣстныя губернскія власти, которыя не могли равнодушно относиться къ ужасамъ, совершавшимся на ихъ глазахъ. Общественный интересъ къ переселенческому дѣлу началъ находить себѣ выраженіе въ возникновеніи обществъ и комитетовъ для помощи переселенцамъ, въ организаціи на частныя средства санитарныхъ и регистраціонныхъ отрядовъ, гдѣ бо̀льшая часть работы исполнялась самоотверженною молодежью. Не осталось безучастнымъ и правительство: вслѣдствіе настоятельныхъ требованій командированнаго въ Тобольскую губернію, по случаю голода, сенатора кн. Г. С. Голицына, которому пришлось воочію видѣть всѣ ужасы тогдашняго переселенческаго движенія, къ дѣлу помощи переселенцамъ были привлечены средства учрежденнаго для помощи голодающимъ особаго комитета: изъ суммъ его было отпущено 40.000 рублей на ремонтъ и расширеніе переселенческихъ бараковъ въ Тюмени, столько же—на выдачу путевыхъ ссудъ переселенцамъ, и 67.000 рублей на санитарно-продовольственную часть—суммы, ничтожныя по сравненію съ милліонными отпусками послѣдующаго времени, но небывало-громадныя для разсматриваемаго періода нашей переселенческой политики.

II.

Комитетъ Сибирской желѣзной дороги и его переселенческая политика.

Въ концѣ предыдущей главы мы отмѣтили тѣ слабые признаки начинавшаго измѣняться отношенія правительства къ переселенческому движенію въ Сибирь, которые начали обнаруживаться въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, подъ впечатлѣніемъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя претерпѣвали десятки тысячъ переселенческихъ семей на своемъ многострадальномъ пути. Трудно сказать, съ какою быстротою совершился бы, при естественномъ ходѣ вещей, болѣе опредѣленный поворотъ въ переселенческой политикѣ. Возможно, что пассивно-безразличное отношеніе къ переселенію продержалось бы еще немало лѣтъ, и правительство лишь шло бы дальше по тому пути палліативныхъ мѣръ благотворительнаго характера, на который оно вступило подъ впечатлѣніемъ ужасовъ 1891 и 1892 года. Но на помощь явилось одно обстоятельство, не имѣвшее, казалось, непосредственнаго отношенія къ переселеніямъ и переселенческому вопросу: 19 мая, далеко на крайнемъ востокѣ, совершилась закладка Сибирской желѣзной дороги.

Мы уже видѣли, въ какомъ хаотическомъ положеніи оставалось переселенческое дѣло и—въ частности—переселеніе въ Сибирь во все время дѣйствія правилъ 1881 года и закона 13 іюля 1889 года. Серьезныя невыгоды такого ненормальнаго положенія, по оффиціальному свидѣтельству [1]), «выступили съ особою очевидностью послѣ разрѣшенія въ положительномъ смыслѣ вопроса о проведеніи чрезъ Сибирь сплошного желѣзнодорожнаго пути: сооруженіе этого пути должно было естественно оказать вліяніе на значительное усиленіе переселенческаго движенія», и слѣдовательно дѣлало окончательно недостижимою ту цѣль, которую преслѣдовала переселенческая политика 80-хъ годовъ—сдерживать, по силѣ возможности, переселенческое движеніе. Съ другой стороны, и самое отношеніе правительства къ этому явленію измѣнилось радикальнымъ образомъ: постройка желѣзной дороги лишь при условіи заселенія и промышленнаго развитія Сибири могла принести выгоду народному и государственному

---

[1]) „Колонизація Сиб.“, стр. 118—119.

хозяйству; «непосредственное отношеніе къ постройкѣ дороги имѣло стремленіе устранить непроизводительныя затраты, представляющіяся неизбѣжными при эксплоатаціи пути, пересѣкавшагося рядами пустынныхъ мѣстностей; далѣе, сама постройка могла покрыть громадныя израсходованныя на сооруженіе дороги суммы лишь при условіи цѣлесоотвѣтственнаго воздѣйствія государства на разселеніе по Сибири и на дальнѣйшее устройство въ этомъ краѣ непрерывно притекавшихъ изъ-за Урала колонизаціонныхъ элементовъ». Неудивительно, поэтому, что Высочайшимъ рескриптомъ, создавшимъ особый комитетъ Сибирской желѣзной дороги [1]), на этотъ комитетъ было возложено и высшее завѣдываніе дѣломъ заселенія Сибири, и что комитетъ въ первомъ же своемъ засѣданіи занялся вопросомъ о переселеніи въ Сибирь. По мѣткому замѣчанію г. Беркенгейма, роль комитета «до извѣстной степени совпала съ ролью правленія общества Тихоокеанской желѣзной дороги въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, или Центрально-Аргентинской дороги въ Аргентинской республикѣ, получившихъ отъ соотвѣтствующихъ правительствъ, одновременно съ концессіей на постройку желѣзной дороги, также и концессію на колонизацію полосы территоріи по обѣимъ сторонамъ линіи желѣзной дороги». Сибирь, со времени учрежденія комитета, стала разсматриваться, какъ «районъ Сибирской желѣзной дороги», заселеніе ея — какъ главное изъ «вспомогательныхъ предпріятій» дороги; сходство роли комитета съ ролью большихъ заморскихъ желѣзнодорожныхъ компаній нашло себѣ даже внѣшнее выраженіе въ томъ, что районъ колонизаціонной дѣятельности комитета первоначально предполагалось ограничить полосою опредѣленной ширины по обѣ стороны дороги; однако, уже въ первыхъ же правилахъ о переселеніи въ Сибирь, изданныхъ комитетомъ въ 1893 году, такое опредѣленіе колонизаціоннаго района было замѣнено перечисленіемъ уѣздовъ, пересѣкаемыхъ дорогой, и затѣмъ районъ мѣропріятій комитета постепенно охватилъ почти цѣлую Сибирь, киргизскія степи и даже нѣкоторыя мѣстности Европейской Россіи.

Такимъ образомъ, правительство какъ будто возвращается къ старой точкѣ зрѣнія: переселеніе въ Сибирь опять начинаетъ разсматриваться преимущественно съ точки зрѣнія интересовъ колонизуемой страны; комитетъ Сибирской желѣзной дороги—по словамъ того же А. М. Бергкенгейма—«естественно сдѣлался охранителемъ интересовъ Сибири тамъ, гдѣ интересы этой колоніи встрѣчались съ интересами Европейской Россіи, являвшейся по отношенію къ Сибири какъ бы метрополіею». Но комитетъ Сибирской желѣзной дороги, все-таки, не былъ ни колоніальнымъ правительствомъ, считающимся съ интересами и вліяющимъ на политику одной только колоніи; тѣмъ болѣе онъ не былъ желѣзнодорожною компаніею, не желающею знать ничего, кромѣ

[1]) Какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ по поѣздкѣ на дальній востокъ въ 1902 г., мысль учрежденія комитета и порученія ему завѣдыванія дѣломъ колонизаціи Сибири принадлежала С. Ю. Витте.

интересовъ предпринятаго ею «дѣла». Комитетъ сталъ въ ряды высшихъ государственныхъ учрежденій Россійской имперіи, а потому, съ одной стороны, имѣлъ возможность воздѣйствовать на переселеніе и въ мѣстностяхъ, выпускающихъ переселенцевъ, съ другой же стороны, не могъ оставить безъ вниманія и значеніе переселенческаго дѣла съ точки зрѣнія общерусскихъ экономическихъ и политическихъ интересовъ.

Первостепенно важное значеніе имѣли при этомъ два обстоятельства: во 1-хъ, то, что предсѣдательство въ комитетѣ, при самомъ учрежденіи его, было возложено Императоромъ Александромъ III на Цесаревича Николая Александровича, который оставилъ за собою предсѣдательство и по восшествіи на престолъ; во 2-хъ, то, что въ распоряженіе комитета былъ предоставленъ особый «фондъ вспомогательныхъ предпріятій Сибирской желѣзной дороги», главнымъ образомъ, для нуждъ колонизаціи Сибири; размѣръ этого фонда былъ опредѣленъ первоначально въ 14 милліоновъ рублей; затѣмъ, въ 1897 году, фондъ былъ усиленъ еще 7.900.000 рублями, въ 1901 году—5.264.600 рублями, а по израсходованіи также и этихъ суммъ, на усиленіе фонда ежегодно отпускалось отъ 3 до 4 милліоновъ рублей изъ общегосударственныхъ средствъ. Такимъ образомъ, комитетъ сразу получилъ финансовую возможность повести дѣло съ такою широтою, которая едва ли была бы мыслима при обычномъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ и ассигнованія суммъ, а личное предсѣдательствованіе въ комитетѣ Государя Императора ставило переселенческое дѣло—то самое дѣло, котораго еще наканунѣ «вовсе не слѣдовало касаться благонадежному и консервативному человѣку», подъ непосредственное покровительство верховной власти и обезпечивало, по оффиціальному признанію, «сочувственное къ нему отношеніе какъ центральныхъ учрежденій, такъ и мѣстной администраціи». Весьма важное практическое значеніе имѣло затѣмъ учрежденіе при комитетѣ особой подготовительной коммиссіи, все время своего существованія остававшейся подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. А. Н. Куломзина. Въ этой коммиссіи, замѣнившей въ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ Сибирскому комитету, обычныя письменныя сношенія между вѣдомствами, производилась предварительная разработка вопросовъ, которые должны были поступать на разрѣшеніе комитета, благодаря чему устранялась обычная волокита. А широкое употребленіе, которое предсѣдатель коммиссіи дѣлалъ изъ своего права приглашать въ ея засѣданія мѣстныхъ дѣятелей, причастныхъ къ тѣмъ или другимъ сторонамъ переселенческаго дѣла, приводило коммиссію въ несравненное болѣе близкое соприкосновеніе съ жизненною дѣйствительностью, нежели это было-бы возможно при обычномъ канцелярскомъ порядкѣ.

Мы уже говорили о томъ, что Сибирскій комитетъ, какъ высшее правительственное учрежденіе, не могъ оставить безъ обсужденія общегосударственнаго значенія дѣла колонизаціи Сибири. Въ частности, онъ не могъ не посчитаться съ тѣми опасеніями, которыя прежде доминировали въ правительственныхъ сферахъ, побуждая правительство стремиться не къ развитію, а наоборотъ—къ возможному огра-

ниченію переселеній. Въ ставшемъ историческимъ засѣданіи 8 марта 1895 года комитетъ рѣшительно отвергъ эти опасенія и сталъ на точку зрѣнія, безусловно благопріятную для переселеній. Поводомъ для принципіальнаго обсужденія вопроса послужила записка нижегородскаго губернатора, покойнаго Н. М. Баранова, въ которой причины переселенія сводилась къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ второстепеннаго значенія, между прочимъ—къ вліянію роста иностраннаго землевладѣнія, и предлагались ограничительныя мѣры, чтобы предотвратить неблагопріятные, довольно часто, результаты переселенія. По цѣлому ряду соображеній, комитетъ не присоединился къ выводамъ записки: министромъ внутреннихъ дѣлъ, покойнымъ И. Н. Дурново, было высказано, что причины, побуждающей крестьянъ искать счастья на далекихъ окраинахъ, слѣдуетъ искать ни въ чемъ иномъ, «какъ въ наблюдаемомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи малоземельѣ, въ связи съ проистекающимъ отсюда обѣднѣніемъ сельскаго населенія». Министръ финансовъ, С. Ю. Витте, подчеркнулъ что «выселеніе изъ Европейской Россіи за семь лѣтъ 300.000 душъ, при ежегодномъ естественномъ приростѣ приблизительно въ 1.500.000, не можетъ конечно, оказать невыгоднаго вліянія на экономическое развитіе страны, и «что переселеніе въ исторической жизни нашего отечества постоянно содѣйствовало распространенію и упроченію русской народности на окраинахъ государства». Основываясь на богатомъ опытѣ отечественной исторіи и руководствуясь изреченіемъ народной мудрости: «отъ добра добра не ищутъ», министръ финансовъ «не видѣлъ никакой опасности даже въ полной свободѣ переселеній, ограниченной лишь требованіями общественнаго спокойствія и порядка, такъ какъ нѣтъ никакихъ причинъ считать русскаго мужика искателемъ приключеній»,—и лишь въ виду временныхъ, преходящихъ условій считалъ необходимымъ сохранить за правительствомъ руководительство переселеніемъ съ тѣмъ, чтобы на правительствѣ лежало «содѣйствіе переселенію и направленіе его согласно видамъ государственной политики». Практически комитету пришлось въ томъ же засѣданіи разрѣшить вопросъ о томъ, какъ отнестись къ десяткамъ тысячъ продолжавшихъ идти въ Сибирь самовольныхъ переселенцевъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ только что передъ этимъ возобновило выдачу разрѣшеній на переселеніе,—и министръ внутреннихъ дѣлъ, И. Н. Дурново, считалъ, что «засимъ самовольный переходъ сельскихъ обывателей изъ Европейской Россіи въ Сибирь не долженъ быть допускаемъ, и что въ подлежащихъ случаяхъ цѣлесообразнѣе принять по отношенію къ этимъ лицамъ репрессивныя мѣры, заключающіяся въ обратномъ ихъ водвореніи, нежели излишнимъ послабленіемъ—быть можетъ—побудить и другихъ еще крестьянъ къ самовольному переселенію, въ большинствѣ случаевъ для нихъ разорительному». Но эта точка зрѣнія, всецѣло вытекавшая изъ основныхъ началъ закона 1889 года, не встрѣтила въ комитетѣ никакого сочувствія. Государемъ Императоромъ было высказано, что было бы «крайне нежелательнымъ возвращать обратно на родину

переселенцевъ, хотя и самовольно покинувшихъ мѣсто постоянной осѣдлости, потому что такіе выходцы, порвавъ всякія связи съ сельскими обществами, изъ коихъ они выселились, и обнищавъ по пути, едва ли будутъ охотно приняты вновь въ среду своихъ прежнихъ обществъ»; а занимавшій постъ вице-предсѣдателя комитета, Н. Х. Бунге напомнилъ, что «всѣ административныя мѣры, которыя принимались съ цѣлью остановить самовольное движеніе, оставались безуспѣшными, такъ какъ переселеніе лицъ земледѣльческаго класса изъ многихъ мѣстностей вызывалось самыми насущными потребностями», а потому «ставить имъ искусственныя въ семъ отношеніи преграды представляется, по убѣжденію Н. Х. Бунге, вполнѣ безцѣльнымъ». По мнѣнію Н. Х. Бунге, легшему въ основу всей послѣдующей переселенческой политики Сибирскаго комитета, «правительственное воздѣйствіе на переселенческое движеніе не должно имѣть цѣлью задерживать переселенцевъ, хотя бы и самовольно покинувшихъ родину, но *могло бы быть направлено къ тому, чтобы изъ года въ годъ повторяющееся перемѣщеніе сельскихъ обывателей носило характеръ болѣе сознательный и получило болѣе правильную постановку*» (курсивъ нашъ *А. К.*). И въ совокупности своей всѣ эти мысли нашли себѣ окончательное выраженіе въ рѣшеніи комитета: устроить въ Сибири и Степномъ краѣ всѣхъ самовольныхъ переселенцевъ, которые прибудутъ туда въ теченіе 1895 года, съ отводомъ имъ казенной земли и съ распространеніемъ на нихъ дѣйствія правилъ о пособіяхъ, и приступить къ обсужденію въ указанномъ направленіи вопроса «о допущеніи нѣкоторыхъ изъятій изъ дѣйствующаго закона» для переселенцевъ, направляющихся въ районъ Сибирской желѣзной дороги. «Подобная постановка вопроса — замѣчаетъ оффиціальное изданіе канцеляріи комитета министровъ—сразу положила конецъ всѣмъ опасеніямъ и колебаніямъ, которыя оказывали свое вліяніе еще при разработкѣ переселенческаго закона 1889 года».

Учрежденіе комитета Сибирской желѣзной дороги относится къ тому времени, когда совершенное истощеніе запаса заготовленныхъ участковъ заставило, какъ выше упомянуто, совершенно пріостановить легальное переселеніе въ Сибирь. Поэтому, комитетъ уже въ самыхъ первыхъ своихъ засѣданіяхъ долженъ былъ направить вниманіе на эту сторону дѣла и въ широкихъ размѣрахъ организовать землеотводныя работы. Мы упоминали выше, что съ 1885 г. до времени учрежденія комитета на землеотводныя работы отпускалось всего по 40.000 рублей въ годъ, причемъ за счетъ этого кредита производились не только образованіе участковъ, но также водвореніе на нихъ переселенцевъ и образованіе и сдача оброчныхъ статей. Съ 1893 года водвореніе переселенцевъ перешло къ органамъ министерства внутреннихъ дѣлъ и было совершенно отдѣлено отъ заготовленія переселенческихъ участковъ. На это послѣднее дѣло Сибирскій комитетъ въ первый же годъ своего существованія отпустилъ 229.550 рублей, и въ томъ же году было образовано четыре «временныхъ партіи» съ личнымъ составомъ изъ ста землемѣровъ и производителей работъ. Постепенно увеличиваясь, число партій достигло десят, составъ—

250 человѣкъ, размѣры кредита въ 1902 году достигли своей максимальной цифры 714.520 рублей,—всего же за 12-лѣтіе 1893—1904 гг. изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій было отпущено собственно на работы по образованію переселенческихъ участковъ 5.723.893 р. что составляетъ въ среднемъ по 477.991 руб. на каждый годъ этого періода—въ 12 разъ больше, нежели отпускалось до учрежденія Сибирскаго комитета. Къ указанной суммѣ надо прибавить однако еще и нѣкоторыя другія ассигнованія, имѣвшія непосредственное отношеніе къ дѣлу заготовленія земель для переселенцевъ: такъ, съ цѣлью выясненія площадей, могущихъ быть использованными для нуждъ русской колонизаціи въ киргизскихъ степяхъ, съ 1896 по 1902 г. работала большая статистическая экспедиція подъ руководствомъ извѣстнаго земскаго статистика Ф. А. Щербины, на содержаніе которой за все время было затрачено 244.970 рублей; на работы по осушкѣ болотистыхъ земель и на обводненіе переселенческихъ участковъ въ безводныхъ и маловодныхъ районахъ юго-западной Сибири и киргизской степи было отпущено съ 1895 по 1904 годъ 2.498.262 рубля. и такимъ образомъ общая сумма издержекъ на землеотводное дѣло достигаетъ за 12-лѣтній періодъ 8.467.125 рублей.

По мѣрѣ роста кредитовъ расширялся и районъ землеотводныхъ работъ. Первоначально такія работы были открыты только въ немногихъ, непосредственно пересѣкаемыхъ желѣзною дорогою, уѣздахъ Тобольской, Томской и Енисейской губерній и Акмолинской области. Съ 1896 года работы по образованію переселенческихъ участковъ открываются въ Иркутской губерніи, съ 1898 года—въ Тургайской области. Съ 1899 года начинаются землеотводныя работы въ Семипалатинской области, и въ томъ же году формируется особая партія для Уссурійскаго края. Съ 1900 года въ сферу землеотводныхъ работъ включается районъ Пермь-Котласской желѣзной дороги, въ предѣлахъ, на первый разъ, Вологодской и Пермской губерній,—а въ слѣдующемъ 1901 году открываются правильныя землеотводныя работы въ Амурской области. Наконецъ, въ 1904 году образованы новыя землеотводныя партіи: одна для Уральской области, другая—для юго-восточныхъ губерній Европейской Россіи. Ниже, во 2-й части этой книги, мы выяснимъ значеніе этого непрерывнаго расширенія района землеотводныхъ работъ съ точки зрѣнія основного въ колонизаціонномъ дѣлѣ вопроса—о размѣрахъ тѣхъ земельныхъ запасовъ, на которые можно разсчитывать для устройства переселенцевъ. Въ данную минуту для насъ важно только отмѣтить самый фактъ постепеннаго развитія землеотводныхъ работъ, характеризующій ту широкую постановку, которую Сибирскій комитетъ желалъ придать переселенческому дѣлу.

Результаты землеотводныхъ работъ за 12-лѣтній періодъ выражаются въ цифрѣ 11.500.000 десятинъ или около 620.000 душевыхъ долей—запасъ, достаточный для водворенія свыше 1.200.000 переселенцевъ обоего пола. Въ среднемъ на каждый годъ это даетъ почти по милліону десятинъ, или приблизительно 50.000 душевыхъ долей, и такимъ образомъ средняя годовая площадь отводимыхъ подъ за-

селеніе земель за время дѣятельности комитета почти вдесятеро превышаетъ соотвѣтствующую величину за восьмилѣтіе, непосредственно предшествовавшее его учрежденію.

Изъ приведенныхъ цифръ ясно, что за 12 лѣтъ, съ 1893 по 1904 годъ, было сдѣлано *много* для земельнаго устройства направляющихся въ Сибирь переселенцевъ. Но дѣлалось ли это *хорошо?* Это вопросъ, на который мнѣ труднѣе, нежели кому либо, дать опредѣленный и категорическій отвѣтъ, такъ какъ мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ пришлось очень близко стоять къ землеотводному дѣлу, и потому мое мнѣніе въ данномъ вопросѣ не можетъ притязать на безусловную объективность. Между тѣмъ, едва ли есть какая либо сторона въ современной организаціи переселенческаго дѣла, которая подвергалась бы столькимъ нападкамъ и обвиненіямъ, и въ печати, и въ правительственныхъ сферахъ. Насчетъ плохой постановки землеотводнаго дѣла ставилось рѣшительно все, что только не ладилось и не клеилось въ дѣлѣ устройства переселенцевъ въ Сибири: землеотводныя партіи обвиняли и въ томъ, что онѣ недостаточно внимательно отводятъ участки, слѣдствіемъ чего является плохое качество послѣднихъ и обусловливаемые этимъ случаи неудачнаго водворенія; и въ томъ, что онѣ плохо ищутъ земель и благодаря этому оставляютъ неиспользованными необъятныя пространства, годныя для заселенія. Въ укоръ землеотводнымъ партіямъ ставился и самый составъ ихъ, признававшійся недостаточно компетентнымъ для порученнаго имъ дѣла, и недостаточная детальность предварительныхъ изслѣдованій и съемокъ, и недостаточно научная постановка работъ собственно по сельскохозяйственной таксаціи земель. Въ новременной печати неудовлетворительная постановка землеотводнаго дѣла въ Сибири стала, можно сказать, общимъ мѣстомъ, и въ недостаткахъ ея многіе склонны искать чуть не коренной причины и сравнительно слабаго развитія переселенческаго движенія, и не всегда удовлетворительныхъ его результатовъ.

Скажу не обинуясь: въ землеотводномъ дѣлѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ сторонъ переселенческаго дѣла, отнюдь не все обстоитъ благополучно, и въ особенности—далеко не все обстояло благополучно въ первые годы дѣятельности временныхъ землеотводныхъ партій. Въ то время несомнѣнно наблюдалась и даже оффиціально констатировалась [1]) излишняя погоня за количествомъ заготовленныхъ участковъ, нерѣдко шедшая въ ущербъ ихъ качеству. Нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ коренныхъ ошибокъ, допущенныхъ въ первые годы землеотводныхъ работъ: въ маловодныхъ степныхъ районахъ Сибири и киргизскаго края не было обращено вниманія на трудности водоснабженія, благодаря чему было образовано и, къ сожалѣнію, заселено немало участковъ съ плохимъ водоснабженіемъ; затѣмъ, работы въ Акмолинской области въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велись

---

[1]) См. составленный при ближайшемъ участіи автора этой книги „Отчетъ предсѣдателя Высочайше учрежденной коммиссіи, командированной для изученія работъ по образованію переселенческихъ участковъ“. (И. И. Тихѣева, 1895 г.).

безъ точнаго учета киргизскаго землепользованія, благодаря чему образованіе переселенческихъ участковъ иногда нарушало существенные интересы киргизъ, иногда же, напротивъ, боязнь нарушить эти интересы принуждала оставлять безъ использованія массы земель, годныхъ для колонизаціи. Но эти два принципіальные недостатка устранены: первый—образованіемъ съ 1895 года особой гидрогеологической и гидротехнической экспедиціи, второй—организаціею статистической экспедиціи, преслѣдовавшей спеціальную задачу выясненія условій и нормъ киргизскаго землепользованія и хозяйства.

Перейдемъ теперь къ современному положенію дѣла. Чтобы стать на правильную точку зрѣнія въ вопросѣ о постановкѣ землеотводнаго дѣла, надо вспомнить, какъ это дѣло было поставлено, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ, и какъ оно и сейчасъ поставлено въ Аргентинѣ: предназначавшіяся для заселенія пространства, просто, сплошь нарѣзываются землемѣрами на правильные квадраты, и колонистамъ предоставлялось занимать, по своему выбору, тотъ или другой квадратъ; и немало русскихъ авторовъ—назову кн. Васильчикова, С. Н. Южакова и др., приводили такой способъ размежеванія какъ примѣръ, достойный подражания [1]). И у насъ переселенцамъ предоставляется выбирать между земельными участками, назначенными для заселенія; но самый выборъ земель производится на основаніи съемки внутренней ситуаціи и детальнаго осмотра земель лицами, имѣющими достаточную, въ видѣ правила, компетенцію въ этомъ дѣлѣ. Говорятъ, что съемки и осмотры производятся недостаточно подробно; но прежде всего многіе, мало знакомые со всѣми подробностями дѣла, смѣшиваютъ *предварительныя рекогносцировки*, производящіяся, дѣйствительно, лишь въ *очень* общихъ чертахъ и въ самомъ грубомъ масштабѣ, съ тѣми подробными съемками и тѣмъ детальнымъ изученіемъ земель, на основаніи которыхъ производится самое проектированіе переселенческихъ участковъ. Но и тѣ, кто не впадаетъ въ подобнаго рода недоразумѣніе, мнѣ кажется, тоже неправы, потому что степень могущей требоваться детальности работъ зависитъ и отъ мѣстныхъ условій, и отъ самихъ задачъ, которыя имѣются въ виду при съемкѣ и осмотрѣ земель: нѣтъ никакой надобности дѣлать все это особенно подробно, гдѣ надѣлъ отводится въ такомъ большомъ размѣрѣ, какъ это дѣлается въ Сибири для переселенцевъ; или гдѣ характеръ земель такъ однообразенъ, какъ это очень часто имѣетъ мѣсто и въ степныхъ, и въ лѣсныхъ колонизаціонныхъ районахъ; или гдѣ подъ заселеніе отводятся пространства съ совершенно еще не обозначившимися границами будущихъ угодій. А между тѣмъ, какъ разъ всѣ эти три условія, устраняющія необходимость въ особой детализаціи съемокъ, имѣютъ мѣсто въ большинствѣ районовъ, гдѣ произво-

---

[1]) „Межевыя работы—писалъ кн. Васильчиковъ,—должны быть по возможности упрощены. Для новыхъ поселеній нужны только генеральные планы съ означеніемъ межъ и живыхъ урочищъ: ни внутренней ситуаціи, ни различія по угодьямъ не требуется на первое время, потому собственно, что вслѣдствіе поселенія всѣ эти признаки немедленно измѣняются“ (Землевл. и земледѣл., стр. 983).

дится отводъ земель подъ заселеніе. Мнѣ лично неоднократно приходилось свѣрять съ натурой планы, составленные въ такомъ, казалось бы, недостаточномъ масштабѣ, какъ верста въ дюймѣ; и я долженъ былъ прійти къ убѣжденію, что верстовой масштабъ, при наличности перечисленныхъ выше условій, прекрасно передаетъ характеръ предназначаемыхъ подъ заселеніе земель. Затѣмъ—вопросъ о примѣненіи, при выборѣ земель подъ заселеніе, научныхъ методовъ изслѣдованія почвъ. Здѣсь положеніе пишущаго эти строки становится окончательно труднымъ. Говорить противъ примѣненія научныхъ методовъ, доказывать ихъ ненадобность, да еще не будучи спеціалистомъ,—не значитъ ли это давать самому себѣ testimonium paupertatis, признаваться въ незнаніи или непониманіи научныхъ методовъ и ихъ значенія? И тѣмъ не менѣе, я беру на себя смѣлость утверждать, что примѣненіе точныхъ научныхъ методовъ изученія почвы, климата и т. п. отнюдь не всегда и не вездѣ вызывается дѣйствительною необходимостью [1]). Въ самомъ дѣлѣ: спросите себя, читатель, какъ выбираетъ землю подъ распашку хозяинъ-практикъ—притомъ не только мужикъ, но и интеллигентный землевладѣлецъ, которому, можетъ быть, вовсе и не трудно было бы предпринять всякія точныя изслѣдованія? Онъ выбираетъ землю, просто, по тѣмъ или другимъ выработаннымъ практическимъ опытомъ признакамъ—внѣшнему виду почвы, характеру дикой растительности—говоря проще, онъ *распахиваетъ извѣстный клочекъ земли просто потому, что въ данной мѣстности уже издавна разрабатывается земля именно этого самаго или очень сходнаго типа.* Весь вопросъ, значитъ, въ томъ, можно ли при выборѣ земель подъ заселеніе опираться на существующій земледѣльческій опытъ? Для большей

---

[1]) Чтобы сказанное не показалось читателю чрезмѣрною ересью, позволю себѣ сослаться на слова цюрихскаго профессора Krämer'a въ извѣстномъ руководствѣ фонъ-деръ-Гольца Handbuch der gesamten Landwirtschaft (Tübingen 1890): Крэмеръ опредѣленно высказываетъ, что для практическихъ цѣлей объективное изслѣдованіе съ примѣненіемъ точныхъ пріемовъ непосредственнаго изученія почвы, въ видѣ правила, излишне. „Опытный и умѣлый оцѣнщикъ, говоритъ онъ, умѣетъ свести такое изученіе къ немногимъ, всегда доступнымъ способамъ: пара ручныхъ орудій—лопата и буръ, пузырекъ соляной кислоты и нѣсколько лоскутковъ лакмусовой бумажки въ видѣ правила замѣняютъ для него весь физическій и химическій аппаратъ, а на мѣсто точнаго опредѣленія мѣрою и вѣсомъ становится у него оцѣнка на основаніи непосредственныхъ впечатлѣній, которыя получаются путемъ зрѣнія, осязанія и обонянія. И только тамъ, гдѣ такого рода грубые методы изслѣдованія оказываются недостаточными и сельскій хозяинъ имѣетъ время, случай и умѣнье для того, чтобы заняться количественными опредѣленіями,—только тамъ онъ обращается къ болѣе точнымъ методамъ, при помощи которыхъ онъ можетъ опредѣлить количественное содержаніе въ почвѣ нѣкоторыхъ минеральныхъ частей“ (т. I, стр. 149). Если „зрѣніе, осязаніе и обоняніе“ признаются нормальными орудіями изслѣдованія почвъ въ Германіи и Швейцаріи, съ ихъ интенсивнымъ хозяйствомъ и высокою цѣнностью земли,—то при наличности указанныхъ въ текстѣ условій эти методы несомнѣнно будутъ достаточны въ Сибири, при залежномъ хозяйствѣ, огромномъ надѣлѣ и низкой цѣнности земли.

части мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ водворялись переселенцы, такой опытъ несомнѣнно существуетъ: участки образовывались или въ «междугранкахъ» между старожильскими селеніями, или по окраинамъ заселенныхъ районовъ, а при такихъ условіяхъ достаточно самой элементарной наблюдательности, чтобы рѣшить вопросъ о годности для культуры еще неразработанныхъ земель: каждый мѣстный крестьянинъ, каждый агрономъ или даже неагрономъ, немного присмотрѣвшійся къ мѣстнымъ условіямъ, отлично знаетъ тѣ двѣ - три древесныхъ и кустарныхъ породы, тотъ десятокъ-другой видовъ травъ, которыя растутъ на «добрыхъ» земляхъ, знаетъ также и тѣ не менѣе элементарные признаки, по которымъ можно заключить о негодности земли для разработки [1]).

Иначе ставится вопросъ, когда колонизація проникаетъ въ мѣстности, которыя по условіямъ климата, почвы и т. п. существенно отличаются отъ ближайшихъ районовъ земледѣльческой культуры, и въ которыхъ нѣтъ и мѣстнаго земледѣльческаго опыта. Уже и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Томской и Иркутской губерній землеотводныя работы подошли къ такимъ районамъ, климатическія условія которыхъ рѣзко отличаются отъ условій ближайшихъ земледѣльческихъ мѣстностей,—и тотчасъ же почувствовалась необходимость въ организаціи сравнительныхъ метеорологическихъ наблюденій и опытныхъ посѣвовъ. Еще острѣе дала себя почувствовать трудность выбора земель, пригодныхъ для земледѣльческой культуры, когда землеотводныя работы подошли къ обширной полосѣ средне-азіатскихъ кокпековыхъ и лёссовыхъ степей, съ ихъ совершенно своеобразными почвами и крайне сухимъ и жаркимъ климатомъ. Въ Акмолинской области на это не было своевременно обращено вниманія, чѣмъ отчасти и объясняются особенно частые, въ южныхъ уѣздахъ этой области, случаи образованія плохихъ участковъ,—и только въ самые послѣдніе годы сдѣланы попытки поставить дѣло на болѣе твердую почву, связавъ землеотводныя работы съ точнымъ изученіемъ мѣстныхъ почвъ. Въ такихъ мѣстностяхъ, какъ средняя часть Уральской области или Туркестанскій край, своеобразіе естественныхъ условій слишкомъ рѣзко бросилось въ глаза, и потому предпринятыя здѣсь, въ самое новѣйшее время, землеотводныя работы съ самаго начала связаны съ почвенными изслѣдованіями, метеорологическими наблюденіями и опытными посѣвами.

Изъ сказаннаго ясно, что столь распространенное убѣжденіе въ неудовлетворительной постановкѣ землеотводныхъ работъ въ Сибири имѣетъ подъ собою извѣстное фактическое основаніе. Я уже не буду

[1]) Да не подумаетъ читатель, чтобы я былъ вообще „противъ агрономической науки“ и въ частности—примѣненія ея къ дѣлу помощи переселенцамъ. Напротивъ—такую помощь я считаю одною изъ насущнѣйшихъ, если не насущнѣйшею нуждой переселенческаго дѣла; но я считаю ее нужной *въ моментъ организаціи хозяйства* поселившихся на „новыхъ мѣстахъ“ крестьянъ,—я совершенно излишней въ *моментъ выбора земель*, годныхъ для заселенія. Излишнею, повторяю, *если есть на лицо достаточный земледѣльческій опытъ*.

возвращаться къ вопросу о водоснабженіи—въ этомъ отношеніи ошибки первыхъ лѣтъ сознаны и, въ предѣлахъ возможности, исправлены. Нельзя также ни отрицать реальности фактовъ образованія плохихъ по качеству и составу угодій участковъ, ни умалять значенія этихъ фактовъ. Упомяну хотя бы о пріобрѣвшемъ печальную славу Селетинскомъ (отъ рѣки Селеты) районѣ, въ Акмолинскомъ уѣздѣ, гдѣ непригодною для заселенія оказалась цѣлая группа образованныхъ и частью успѣвшихъ заселиться участковъ. Но едва ли есть—мало того, по моему глубокому убѣжденію *безусловно нѣтъ основанія, обобщать* такого рода случаи, громадное большинство которыхъ относится притомъ къ первымъ годамъ періода широкихъ и систематическихъ землеотводныхъ работъ.

Такого рода обобщеніе объясняется весьма понятными, разсуждая психологически, причинами. Довольно значительная часть образованныхъ участковъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ не заселяется; естественнѣе всего предположить, что эти участки негодны для заселенія. Ходоки или переселенцы, осмотрѣвъ группу участковъ, отказываются на нихъ селиться; естественное объясненіе—что земли негодныя, неподходящія, что грунтъ земли плохой, климатъ холодный и т. п. Водворившіеся на участкѣ переселенцы въ теченіе ряда лѣтъ не могутъ достигнуть желательнаго благосостоянія,—самое простое и естественное для нихъ жаловаться на землю, на климатъ и тому подобныя условія. И вотъ, у людей, имѣющихъ постоянно дѣло съ переселенцами, естественно слагается представленіе о томъ, что участки *въ массѣ* негодны, что лица, выбиравшія землю подъ заселеніе, плохо исполнили свою нелегкую обязанность.

Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ отнюдь не такъ просто. Если значительная часть образованныхъ участковъ не заселяется, то это—почти исключительно участки въ таёжныхъ и урманныхъ районахъ Сибири и частью Приамурскаго края, заселенію которыхъ мѣшаютъ съ одной стороны — ихъ несоотвѣтствіе вкусамъ и хозяйственнымъ привычкамъ тѣхъ выходцевъ изъ южныхъ и среднихъ губерній Европейской Россіи, которые составляютъ главную массу переселенцевъ; съ другой — недоступность или трудная доступность значительнаго большинства пустующихъ участковъ. Не пугая такихъ піонеровъ, каковы напримѣръ раскольники, или вятскіе переселенцы, бездорожье было и остается рѣшительнымъ препятствіемъ для заселенія отводимыхъ въ тайгѣ и урманахъ земель переселенцами обычнаго типа. Въ 1901 году мнѣ пришлось видѣть на Иманѣ, и на Улахе, въ Уссурійскомъ краѣ, цѣлыя группы идеальныхъ по качеству и по составу угодій переселенческихъ участковъ;—но участки эти не только не заселялись, но даже не осматривались ходоками; и только на Улахе существовала деревня Каменка, образованная старовѣрами, которые поселились здѣсь въ разсчетѣ именно на то, что сюда не скоро попадутъ переселенцы—«никоніане». Чтобы сдѣлать участки доступными для заселенія, необходимо было бы одновременно съ обмежеваніемъ ихъ прокладывать хотя бы самыя первобытныя, но проѣзжія дороги, — но мы увидимъ ниже, что въ этомъ отношеніи до самаго послѣд-

няго времени дѣлалось очень мало. Затѣмъ, однако, и помимо бездорожья, самая отдаленность образуемыхъ въ тайгѣ и урманахъ участковъ отъ естественнаго базиса колонизацiи,—какимъ ранѣе являлись мѣстности съ болѣе или менѣе густымъ старожилымъ населенiемъ, служитъ немаловажнымъ препятствiемъ къ быстрому ихъ заселенiю: переселенцевъ не могли не устрашать и почти полная невозможность имѣть, не отрываясь отъ хозяйства, какiе-либо заработки, и большiя потери времени на доставку необходимаго провiанта, а также предметовъ домашняго обихода или хозяйственнаго инвентаря; наконецъ самыя условiя жизни, до постройки избъ, въ какихъ нибудь шалашахъ или землянкахъ, не могли не дѣйствовать самымъ устрашающимъ образомъ.

Переселенцы, далѣе, сплошь и рядомъ плохо устраиваются на отводимыхъ имъ участкахъ и даже доходятъ до совершеннаго разоренiя; тысячами семей въ годъ насчитываются обратные переселенцы, которые, отчаявшись въ возможности устроиться на новомъ мѣстѣ, идутъ назадъ на родину, гдѣ ихъ тоже ждетъ не болѣе веселая участь. Но опять-таки и это — не достаточное основанiе заключать *о плохомъ качествѣ отводимыхъ переселенцамъ земель.* Преуспѣянiе переселенца на новомъ мѣстѣ зависитъ отъ чрезвычайно сложной совокупности обстоятельствъ: прежде всего, участокъ долженъ соотвѣтствовать хозяйственнымъ привычкамъ и вкусамъ переселенца — и это не только въ общихъ чертахъ, но и во всѣхъ деталяхъ. Затѣмъ, наряду съ выборомъ *земли*, важенъ и подборъ *людей*—важно, чтобы переселенецъ попалъ въ сходную по этнографическимъ, бытовымъ, вѣроисповѣднымъ условiямъ среду; существенную роль могутъ сыграть и гораздо болѣе случайныя обстоятельства — какой нибудь одинъ смутьянъ можетъ замутить цѣлый поселокъ и создать въ немъ такiя взаимныя отношенiя между переселенцами, которыя будутъ имѣть слѣдствiемъ уходъ значительной части новоселовъ. Громадное значенiе имѣетъ также и то, *подъ какой годъ* попадутъ переселенцы: если имъ удастся застать пару хорошихъ урожаевъ, когда первый же небольшой посѣвъ можетъ обезпечить ихъ продовольствiемъ и даже нѣкоторыми денежными средствами, а хорошiй спросъ на трудъ гарантируетъ имъ изобильные заработки,—они хорошо устроятся и на посредственной землѣ; и напротивъ—попавшiе подъ два послѣдовательныхъ неурожая переселенцы, въ видѣ правила, обречены на разоренiе, какъ бы хороша ни была земля. И конечный выводъ изъ всего сказаннаго — что ни пустованiе участковъ, ни неудачи водворенныхъ на нихъ переселенцевъ, сами по себѣ, не даютъ твердаго основанiя заключать о плохомъ качествѣ образуемыхъ участковъ.

Остаются затѣмъ сообщенiя и отзывы болѣе или менѣе случайныхъ, оффицiальныхъ и партикулярныхъ наблюдателей, время отъ времени попадающiе въ повременную печать и въ оффицiальныя бумаги. Но, какъ я неоднократно имѣлъ случай убѣждаться и на собственномъ опытѣ, впасть въ ошибку случайному наблюдателю слишкомъ

легко: стоитъ ему попасть въ таёжный районъ въ случайно-дождливый годъ, или напротивъ—въ степь во время случайной засухи, и тайга ему покажется сплошнымъ болотомъ, степь—безплодною пустынею. Очень нелегко бываетъ разобраться и въ типахъ земель извѣстной мѣстности: попавъ въ Амурскую область, я былъ сначала склоненъ сплошь браковать чрезвычайно распространенныя здѣсь сыроватыя водораздѣльныя степи, и былъ крайне пораженъ, увидѣвъ такую степь сплошь засѣянною пшеницей; на пустынномъ югѣ Каинскаго уѣзда я искалъ удобныхъ земель по возвышеннымъ «уваламъ» или «гривамъ»,—а оказалось, что въ этой мѣстности, съ ея засушливымъ климатомъ, для культуры предпочитаются, напротивъ, болѣе низко расположенныя земли. Затѣмъ, сужденія случайныхъ наблюдателей слагаются, въ значительной мѣрѣ, подъ вліяніемъ отзывовъ и жалобъ крестьянъ. А это—источникъ далеко не достовѣрный: крестьянинъ, даже если ему живется хорошо, очень склоненъ жаловаться на то и на другое, особенно въ разговорѣ съ *бариномъ*, да еще съ такимъ, который имѣетъ какое нибудь отношеніе къ льготамъ и «пособіямъ». Позволю себѣ привести одинъ рѣзкій примѣръ—а такихъ примѣровъ сколько угодно,—показывающій, какъ легко впасть въ ошибку при оцѣнкѣ пригодности участка. Въ 1901 году мнѣ пришлось посѣтить поселокъ Ѳеодосіевскій, на Уссури. Жалобы водворенныхъ здѣсь переселенцевъ на совершенный недостатокъ годныхъ для разработки угодій вызвали цѣлую оффиціальную переписку, причемъ выѣзжавшее на мѣсто, по поводу этихъ жалобъ, должностное лицо телеграммою, въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ, требовало безотлагательнаго принятія рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію недостатковъ отведеннаго переселенцамъ участка. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, совмѣстно съ *этимъже* должностнымъ лицомъ и мѣстнымъ переселенческимъ чиновникомъ, мы осмотрѣли Ѳеодосіевскій участокъ и пришли къ *единодушному* убѣжденію, что жалобы переселенцевъ были совершенно неосновательны: въ участкѣ, кромѣ обширныхъ пространствъ мокроватыхъ степей, не менѣе 25 десятинъ на дворъ прекрасныхъ степныхъ и полустепныхъ, увальныхъ земель, непосредственно пригодныхъ для распашки.

Наконецъ, еще два слова по поводу недостаточно полнаго, будто бы, обслѣдованія земель дѣятелями переселенческихъ партій и допускаемыхъ ими при этомъ крупныхъ пропусковъ, ведущихъ къ тому, что значительная часть земель, годныхъ для колонизаціи, остается неиспользованною. Несомнѣнно, при тѣхъ рекогносцировочныхъ изслѣдованіяхъ, помощью которыхъ намѣчаются мѣста, интересныя въ колонизаціонномъ отношеніи, случаются болѣе или менѣе существенные пропуски — но такія рекогносцировки вовсе и не задаются цѣлью учесть всякій клочекъ удобной для заселенія земли [1]). Съ другой

---

[1]) Иногда допускается при этомъ, дѣйствительно, и болѣе серьезныя ошибки—такъ, колонизаціонная емкость Уссурійскаго края къ 1901 году признавалась мѣстными дѣятелями уже совершенно исчерпанною. Между тѣмъ, повѣрочныя рекогносцировки произведенныя въ 1901 и въ послѣ-

стороны, обширныя площади земель, по своимъ естественнымъ условіямъ годныя для заселенія, остаются неиспользованными потому, что поперекъ дороги землеотводныхъ партій становятся либо земельныя нужды мѣстнаго, русскаго или чаще—инородческаго, населенія, либо интересы лѣсоохраненія и лѣсного хозяйства,—причемъ, нельзя не признать, этого рода интересы и нужды сплошь и рядомъ понимаются *слишкомъ* широко и слишкомъ стѣснительно для переселенческаго дѣла. Но возводить все сказанное въ общее правило нѣтъ никакого основанія. Если претерпѣвающіе иногда невѣроятныя трудности и лишенія, рискующіе иногда здоровьемъ, а бываютъ случаи—и жизнью изыскатели не находятъ земель,—то это отнюдь не потому, чтобы они *не умѣли искать*, а тѣмъ болѣе—не потому чтобы они *не желали* и не стремились *найти* [1]).

Несомнѣнный и первостепенно важный фактъ, котораго громадное значеніе только понапрасну маскируется ссылками на плохую организацію землеотводнаго дѣла,—что *удобныя для заселенія земли становится все труднѣе разыскивать*. Несомнѣнный фактъ и то, что образуемые въ послѣднее время участки въ отношеніи почвы, легкости разработки, соотношенія угодій, конфигураціи, условій водоснабженія и т. п., далеко не соотвѣтствуютъ всей той совокупности требованій, которыя желательно было бы предъявлять въ интересахъ жаждущихъ земли переселенцевъ. Сравнительно незначительный и въ Сибири, и въ киргизскихъ степяхъ, и въ Приамурьѣ, запасъ первосортныхъ—если можно такъ выразиться—земель въ настоящее время совершенно исчерпанъ; землеотводнымъ партіямъ пришлось продвинуться частью въ маловодныя и засушливыя степи, съ сомнительными почвенными условіями, частью — въ дремучіе сибирскіе лѣса, съ ихъ суровымъ климатомъ, пресловутымъ «гнусомъ» и необходимостью расчищать угодья изъ подъ лѣса,—и приходится либо мириться съ недостатками образуемыхъ при подобныхъ условіяхъ переселенческихъ участковъ, либо поставить крестъ на переселенческомъ движеніи. Я лично, десять лѣтъ тому назадъ, рѣшительно браковалъ цѣлый рядъ переселенческихъ участковъ, образованныхъ въ 1893 году на окраинахъ Томской тайги, — и для того времени, я думаю, былъ совершенно правъ: при наличности гораздо лучшихъ, болѣе легкихъ для культуры и болѣе близкихъ къ старымъ поселеніямъ земель, на подтаёжные участки, дѣйствительно, никто не имѣлъ охоты селиться. Въ настоящее время подтаёжныя земли заселяются вполнѣ успѣшно, и въ частности—полностью заселились тѣ самые участки, которые десять лѣтъ тому назадъ я признавалъ рѣшительно негодными для заселенія.

Да не посѣтуетъ на меня читатель, что я столько времени занималъ его вопросомъ, имѣющимъ—на первый взглядъ—второстепенное значеніе и въ значительной мѣрѣ техническій характеръ. Если я это

дующія года, обнаружили совершенную невѣрность этого взгляда; въ Уссурійскомъ краѣ послѣ того найдены и еще будутъ найдены многія сотни тысячъ десятинъ вполнѣ удобныхъ для заселенія земель (объ этомъ см. во 2-ой части).

[1]) Объ этомъ см. тамъ-же.

сдѣлалъ, то отнюдь не потому, чтобы я увлекся своею личною близостью къ дѣлу и своимъ непосредственнымъ знакомствомъ со всѣми его деталями. Напротивъ — именно поэтому мнѣ было бы пріятнѣе *вовсе* не касаться этого дѣла. Я вошелъ въ эти подробности отчасти— исполняя нравственный долгъ по отношенію къ тѣмъ самоотверженнымъ работникамъ, которые за свой тяжелый и малозамѣтный трудъ не получали ничего, кромѣ слишкомъ легкой критики и осужденія, главнымъ же образомъ потому, что все изложенное имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о ёмкости Сибири и другихъ колонизаціонныхъ районовъ, которымъ намъ придется подробно заняться въ дальнѣйшемъ изложеніи. А затѣмъ—читатель самъ будетъ знать, какъ отнестись къ тому, что онъ прочелъ на предыдущихъ страницахъ: какъ къ неискусной адвокатской рѣчи, или какъ къ посильной попыткѣ автора по своему разумѣнію разобраться въ трудномъ вопросѣ, доставившемъ ему немало часовъ сомнѣній и тяжелаго раздумья.

Возвращаюсь однако къ характеристикѣ переселенческой политики послѣдняго двѣнадцатилѣтія. Огромный, сравнительно съ прежнимъ временемъ, количественный результатъ землеотводныхъ работъ сыгралъ въ этомъ отношеніи крупную роль. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ недостаточность запаса заготовленныхъ участковъ заставила совершенно пріостановить выдачу разрѣшеній на переселеніе. Въ первые годы по учрежденіи Сибирскаго комитета, когда оказалось легко возможнымъ нарѣзать милліоны десятинъ участковъ, притомъ въ наиболѣе привлекательныхъ для переселенцевъ мѣстностяхъ Сибири, «правительство,—какъ говорится въ одномъ циркулярѣ, на который намъ придется многократно ссылаться въ дальнѣйшемъ изложеніи, безъ особыхъ затрудненій могло не только разрѣшать переселеніе немалому числу сельскихъ обывателей, но и устраивать въ Сибири — безъ всякихъ ограниченій — крестьянъ, прибывшихъ туда самовольно». Въ эти годы колонизаціонная вмѣстимость Сибири казалась многимъ, практически, безпредѣльною, и потому заботы Сибирскаго комитета были направлены всецѣло въ сторону облегченія и поощренія переселеній.

Устраненіе постоянно ощущавшагося ранѣе остраго недостатка въ обмежеванныхъ участкахъ, годныхъ для водворенія переселенцевъ, въ связи, конечно, съ измѣнившимся отношеніемъ правительственныхъ сферъ къ сибирскому переселенію, имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ измѣненіе *порядка выдачи разрѣшеній* на переселеніе. По общему переселенческому закону 13 іюля 1889 года, изданному въ то время, когда недостатокъ въ землѣ, назначенной для заселенія, давалъ себя чувствовать, можно сказать, каждую минуту, выдача разрѣшеній на переселеніе зависѣла отъ соглашенія, по каждому случаю отдѣльно, двухъ министровъ— внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, причемъ участіе послѣдняго должно было гарантировать, для каждаго случая, наличность свободнаго земельнаго участка, на которомъ могли бы быть водворены ходатайствующіе о переселеніи. Благодаря значительному

развитію землеотводныхъ работъ, необходимость соразмѣрять, въ каждомъ случаѣ, выдачу разрѣшенія на переселеніе съ запасомъ заготовленныхъ участковъ практически устранилась: «такъ какъ въ районѣ Сибирской желѣзной дороги [1])—говоритъ оффиціальное изданіе канцеляріи комитета министровъ, переселенческіе участки имѣлись уже въ достаточномъ количествѣ, а въ будущемъ такіе участки, по установленному тотчасъ же вслѣдъ за учрежденіемъ Сибирскаго комитета порядку, должны были отмежевываться заблаговременно и передаваться въ вѣдѣніе мѣстныхъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, то представлялось возможнымъ, въ видахъ ускоренія выдачи разрѣшеній на переселеніе, поручить завѣдываніе этимъ дѣломъ одному министерству внутреннихъ дѣлъ». Получивъ, въ силу закона 15 апрѣля 1896 года, право самостоятельно разрѣшать переселеніе въ Сибирь, а вмѣстѣ съ тѣмъ—передовѣрять свои полномочія губернскимъ властямъ, министерство внутреннихъ дѣлъ широко воспользовалось этимъ правомъ и предоставило губернаторамъ собственною властью разрѣшать переселеніе въ Сибирь, за собою же оставило лишь общее руководительство дѣломъ переселенія.

На практикѣ однако, политика правительства съ того-же 1896 года, какъ въ данномъ, такъ и въ рядѣ другихъ частныхъ вопросовъ, которыхъ намъ предстоитъ коснуться ниже, пріобрѣтаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ, въ зависимости отъ измѣнившагося взгляда на колонизаціонную ёмкость Сибири. Послѣдняя, въ началѣ дѣятельности комитета, признавалась, практически, безпредѣльною, и вся политика комитета была направлена, какъ упоминалось, къ одной общей цѣли—возможно широкому развитію сибирскаго переселенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, вмѣсто прежнихъ 60—90 тысячъ въ годъ, число прошедшихъ въ Сибирь переселенцевъ въ 1895 году достигло 110, въ 1896 году 200 слишкомъ тысячъ человѣкъ, и въ будущемъ можно было ожидать дальнѣйшаго роста переселеній. Между тѣмъ, веденныя съ полною энергіею, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, землеотводныя и землеизыскательныя работы показали, что запасъ *непосредственно* пригодныхъ—я подчеркиваю слово непосредственно—для заселенія земель далеко не можетъ удовлетворить всего того спроса на землю, который возникъ бы при дальнѣйшемъ ростѣ переселенческаго движенія. Грозившее истощеніе запасовъ непосредственно годныхъ для колонизаціи земель побудило правительство принять рядъ серьезныхъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенію этихъ запасовъ: предпринято обслѣдованіе огромныхъ, дотолѣ совершенно не изслѣдовавшихся урманныхъ и таёжныхъ пространствъ Сибири; въ западно-сибирскія степи снаряжена гидротехническая экспедиція, которая въ маловодныхъ мѣстностяхъ разыскиваетъ воду, а въ болотистыхъ районахъ Барабы производитъ осушительныя работы; вновь допущено ранѣе пріостановленное, въ виду происходившихъ при этомъ замѣшательствъ, приселеніе переселенцевъ къ селеніямъ старожиловъ, съ предоставленіемъ

[1]) „Кол. Сибир.“, стр. 172—176.

имъ правъ на льготы и ссуды; постепенно расширялся самый районъ землеотводныхъ работъ, мало по малу охватившій всю Сибирь со степными областями. Но всѣ эти мѣры не обѣщали такого увеличенія земельныхъ запасовъ, которое сколько нибудь соотвѣтствовало бы предвидѣвшемуся росту переселенческаго движенія. И вотъ, правительство вновь вступаетъ на путь сдерживанія переселенческаго движенія, хотя—надо замѣтить здѣсь же—принимаемыя нынѣ ограничительныя или сдерживающія мѣры лишь на самый поверхностный взглядъ могутъ быть сопоставляемы съ мѣрами, практиковавшимися до 1893 года. Какъ *характеръ*, такъ—главное—*мотивы*, этихъ мѣръ теперь совершенно иные: до 1893 года правительство признавало широкое развитіе переселеній нежелательнымъ и во многихъ отношеніяхъ опаснымъ. Въ настоящее время развитіе переселеній и быстрое заселеніе Сибири считается, напротивъ, важною государственною задачей. Но правительство пришло къ тому убѣжденію, что сравнительная ограниченность имѣющихся въ его распоряженіи земельныхъ запасовъ *не допускаетъ* слишкомъ широкаго развитія переселеній и, въ частности, заставляетъ вести колонизацію Сибири въ болѣе медленномъ и осторожномъ темпѣ.

Мы уступаемъ однако слово оффиціальному источнику—именно приведемъ нѣсколько длинную выдержку изъ изданнаго въ началѣ 1897 года перваго циркуляра учрежденнаго только что передъ тѣмъ переселенческаго управленія, который до самаго послѣдняго времени сохранялъ руководящее значеніе и на который намъ еще не разъ придется ссылаться въ дальнѣйшемъ изложеніи [1]). «Усилившееся въ послѣдніе годы переселенческое движеніе—гласитъ этотъ циркуляръ, повело къ постепенному сокращенію земельныхъ запасовъ, приготовленныхъ для отвода переселенцамъ. Еще въ началѣ минувшаго лѣта (1896 г.) правительство, встрѣтивъ существенныя затрудненія въ устройствѣ переселенцевъ, вынуждено было не только пріостановить дальнѣйшую выдачу разрѣшеній на переселеніе, но и распорядиться задержаніемъ на родинѣ крестьянъ, уже получившихъ установленныя разрѣшенія. Несмотря на эти мѣры, общій итогъ зарегистрированныхъ въ 1896 году за Ураломъ переселенцевъ превысилъ 200.000 душъ обоего пола, и въ результатѣ явилось обратное движеніе, достигшее 12% означеннаго итога. Столь высокій процентъ обратныхъ переселеній объясняется главнѣйше тѣмъ, что за истощеніемъ запаса такъ называемыхъ «мягкихъ», т. е. уже бывшихъ подъ пашнею земель, остающіеся свободными участки не представляютъ прежнихъ благопріятныхъ условій для водворенія и хозяйства. Большинство этихъ участковъ требуетъ такихъ усилій и затратъ на очистку и корчеваніе лѣса или на поднятіе степныхъ цѣлинъ, которыя доступны только сильнымъ численностью работниковъ и зажиточнымъ крестьянскимъ семьямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти участки расположены въ далекомъ разстояніи какъ отъ населенныхъ мѣстъ, въ коихъ пере-

[1]) Цирк. 20 янв. 1897 г. № 1.

селенцы прежнихъ лѣтъ находили заработки и временный пріютъ у старожиловъ, такъ и отъ путей сообщенія и рынковъ, обезпечивающихъ осѣвшимъ переселенцамъ сбыть, а новоприбывшимъ покупку хлѣба. Впрочемъ, и такихъ участковъ въ ближайшихъ къ Европейской Россіи мѣстностяхъ за Ураломъ, въ губерніяхъ Тобольской и Томской, сохранилось незначительное количество,—а области Степного края, впредь до разрѣшенія сложнаго вопроса о поземельномъ устройствѣ мѣстныхъ инородцевъ, остаются закрытыми для переселенія. Нѣсколько большій запасъ участковъ имѣется въ отдаленной Енисейской губерніи; но переселеніе въ восточную Сибирь должно считаться какъ съ указанными выше неблагопріятными условіями водворенія, такъ и съ дороговизною и неудобствами дальняго пути», причемъ «одновременный наплывъ неустроившагося и мало обезпеченнаго люда, чрезмѣрно повысивъ и безъ того высокія мѣстныя цѣны на предметы первой необходимости, повлекъ бы за собою весьма тяжелыя послѣдствія».

Въ существенныхъ чертахъ эта картина, къ сожалѣнію, вѣрна и для настоящаго времени. «Если въ прежнее время,— таковъ былъ выводъ, который дѣлался изъ этихъ фактовъ—при достаточномъ запасѣ удобныхъ земель, правительство безъ особыхъ затрудненій могло не только разрѣшать переселеніе немалому числу сельскихъ обывателей, но и устраивать въ Сибири крестьянъ, прибывшихъ туда самовольно, то въ настоящее время обстоятельства обязываютъ принять всѣ мѣры къ сокращенію движенія, и кромѣ того—озаботиться надлежащимъ подборомъ переселенцевъ изъ лицъ и семей, приспособленныхъ къ естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ новыхъ мѣстъ водворенія». Для этого правительство становится на путь, намѣченный покойнымъ Н. Х. Бунге,—именно во главу угла своей политики ставитъ «развитіе болѣе сознательнаго отношенія къ переселенію самихъ крестьянъ, посредствомъ распространенія точныхъ свѣдѣній какъ о мѣстахъ, куда оно стремится, такъ и объ условіяхъ передвиженія, взамѣнъ тѣхъ неопредѣленныхъ и по большей части преувеличенно-заманчивыхъ слуховъ, которые безспорно являются одною изъ главнѣйшихъ побудительныхъ причинъ къ оставленію родины многими переселенцами».

Общеизвѣстный, въ самомъ дѣлѣ, фактъ, что переселенческое движеніе носило, а отчасти и продолжаетъ носить, въ значительной мѣрѣ, стихійный характеръ—достаточно вспомнить переселеніе изъ Пензенской губерніи, въ 1895 году, 3.600 семействъ съ 23.000 душами,— переселеніе, не имѣвшее передъ собою никакихъ прецедентовъ и сразу упавшее, послѣ 1895 года, до ничтожной цифры. Разъ въ какой либо мѣстности появилась «переселенческая горячка», люди оставляютъ родныя мѣста, сплошь и рядомъ, безъ сколько нибудь яснаго представленія о томъ, на что̀, нерѣдко даже—куда они идутъ, и что̀ ожидаетъ ихъ на новомъ мѣстѣ; на переселеніе пускаются то подъ вліяніемъ писемъ отъ родственниковъ и сосѣдей, изображающихъ «новыя мѣста», нерѣдко, въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ, то подъ вліяніемъ «распространяющихся среди крестьянъ, всегда

болѣе или менѣе далекихъ отъ истины слуховъ о сибирскомъ привольѣ, подъ вліяніемъ которыхъ переселенцы часто двигаются въ глушь совершенно наудачу, не имѣя дѣйствительнаго представленія даже о самой мѣстности, куда они направляются, и часто обманываясь въ своихъ ожиданіяхъ по приходѣ на новыя мѣста» [1]). Подобные слухи возникаютъ по всякому, иногда самому неподходящему поводу: какъ не разъ отмѣчалось и литературою, и оффиціальными источниками, и какъ мнѣ лично пришлось убѣждаться во время подворнаго изслѣдованія томскихъ переселенческихъ поселковъ, такимъ поводомъ служило и можетъ послужить *всякое* распоряженіе правительства, касающееся переселенія; даже извѣстный циркуляръ 6 марта 1892 года о *пріостановкѣ* переселенія въ Сибирь— и тотъ былъ многими понятъ, какъ «наклнкъ», приглашеніе переселяться.

Способомъ распространенія болѣе правильныхъ понятій объ условіяхъ переселенія и борьбы съ ходячими неправильными представленіями было избрано прежде всего—какъ на этомъ давно настаивала литература,—печатное слово. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была изданная въ 1896 году въ количествѣ 400.000 экземпляровъ, полуторакопѣечная книжка «Сибирское переселеніе». А затѣмъ за систематическую издательскую дѣятельность принялось вновь учрежденное переселенческое управленіе, которое выпускаетъ, съ одной стороны, справочныя книжки, предназначенныя служить для мѣстныхъ должностныхъ лицъ, могущихъ—какъ предполагается—повліять на настроеніе крестьянской массы; съ другой—очень недурно составленныя, въ общемъ, народныя 5-тикопѣечныя брошюры со свѣдѣніями о Сибири и объ условіяхъ переселенія и устройства на новыхъ мѣстахъ.

У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, да, пожалуй, и не можетъ быть данныхъ, чтобы судить, въ какой мѣрѣ распространились среди народныхъ массъ предназначенныя для нихъ изданія. Но во всякомъ случаѣ мы не возлагаемъ на этотъ способъ слишкомъ большихъ надеждъ: тотъ темный, малограмотный, притомъ зараженный переселенческой горячкой крестьянинъ, который даже объявленія съ прямыми *запрещеніями* понималъ въ смыслѣ *вызова* на переселеніе,— или просто не повѣритъ казеннымъ и частнымъ народнымъ брошюркамъ [2]),

---

[1]) „Колон. Сиб.",стр. 172—3.

[2]) Позволимъ себѣ привести чрезвычайно характерный отрывокъ изъ напечатаннаго въ 1899 году письма полуинтеллигентнаго крестьянина И. Е. Бѣлякова: „Когда я записывался — разсказываетъ г. Бѣляковъ,— то не имѣлъ яснаго понятія о томъ, что такое за страна Сибирь, а когда пошло дѣло въ ходъ, то я раздобылъ календарь, приложенный къ „Сельскому Вѣстнику" за 1890 и 1892 гг., изъ коего въ теченіе шести мѣсяцевъ узналъ, какъ умные и ученые люди жалѣютъ мужиковъ, въ числѣ коихъ и я не вѣрилъ убѣжденіямъ чиновника Голубева, Марусинова, изслѣдователя Зап. Сибири (имѣются въ виду извѣстные изслѣдователи и публицисты П. А. Голубевъ и С. П. Швецовъ-Марусинъ), полковника Надарова о Южно-Уссурійскомъ краѣ. Я такъ думалъ, что эти изслѣдователи не иначе, какъ *посланы изъ господскихъ дѣтей, они и конфузятъ*

или пойметъ прочитанное въ смыслѣ, наиболѣе отвѣчающемъ его преувеличеннымъ представленіямъ и мечтамъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ мѣры другого порядка, направленныя къ той же цѣли,— поощреніе и развитіе *ходачества*.

Какъ извѣстно, ходачество представляетъ собою явленіе, выработанное самою народною жизнью. Достаточно сказать, что, напримѣръ, изъ переселившихся за время 1880—1894 гг. 4.559 семей, опрошенныхъ лично авторомъ настоящей книги въ казенныхъ поселкахъ Томской губерніи, 870 семей, или почти одна пятая, прибѣгали къ предварительной посылкѣ ходоковъ или къ производству предварительныхъ развѣдокъ черезъ кого-либо изъ членовъ семьи (такъ называемое семейное ходачество). Но до образованія Сибирскаго комитета ходачество отнюдь не пользовалось сочувствіемъ правящихъ сферъ,— ходоки, по авторитетному свидѣтельству ст.-секр. Куломзина [1]), «признавались администраціею элементомъ весьма опаснымъ, мутящимъ населеніе». Однако, «разсказы о сибирскомъ привольѣ» и безъ ходоковъ проникали въ массы разнообразнѣйшими путями, и это приволье рисовалось мужицкому воображенію въ такихъ заманчивыхъ картинахъ, которыя нерѣдко разсѣевались, какъ миражъ, при первомъ же соприкосновеніи съ сибирскою дѣйствительностью. Отсюда, естественно, должна была родиться мысль, что лучшимъ средствомъ противъ необдуманнаго переселенія будетъ непосредственное, на мѣстѣ, ознакомленіе съ этою дѣйствительностью. И дѣйствительно: въ основу правительственной политики въ эпоху 90-хъ годовъ кладется совершенно позабытая-было мысль, что «сообщенія ходоковъ могутъ успѣшнѣе всего содѣйствовать уясненію для сельскихъ обывателей дѣйствительныхъ условій жизни въ Сибири и сообщить всему переселенческому движенію характеръ обдуманности и устойчивости». Уже въ 1894 году министерство внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ разъяснило, что посылка ходоковъ отъ лицъ, получившихъ разрѣшеніе переселиться, желательна

больно ту Сибирь, чтобы народъ не уѣзжалъ отъ помѣщиковъ. А со мной и вся партія такъ же судила". Впрочемъ, лично Бѣляковъ началъ питать нѣкоторыя сомнѣнія и дѣлиться ими со своей „партіей". „Но мои доброхоты и слушать меня не хотѣли,—одно только и говорятъ: поѣдемъ да поѣдемъ въ Сибирь. Тамъ баютъ: вотъ вчера ночевалъ у Петрушки Малитеннаго нищій, тамъ былъ и сейчасъ оттуда, видѣлъ своими глазами, какъ казна строитъ для прибылыхъ переселенцевъ цѣлыя села и деревни подъ одну крышу, а мѣстами большія казармы, чтобы на первый разъ помѣстить семей по 10, и потомъ казна выстроитъ на каждаго по дому". На урезониванія Бѣлякова „всѣ говорили, что Царь уже приготовилъ, только идите, дѣти, на землю отъ господъ,—они васъ просятъ у меня. „Я лучше—говоритъ—растворю одинъ амбаръ съ деньгами, а ужъ господамъ не дамъ опять крестьянъ; у меня въ Сибири земли много; солдатчества не буду требовать до 3-го поколѣнія; а о податяхъ и помину въ Сибири нѣтъ" („Русск. Бог." 1899, мартъ, стр. 3). И при этомъ „партія" Бѣлякова была поставлена въ исключительно благопріятныя, въ отношеніи возможности освѣдомиться, условія, ибо самъ Бѣляковъ, какъ видно изъ его „письма", былъ прекрасно знакомъ и съ законами и правилами о переселеніи, и съ литературой, и даже отчасти со статистическими данными о Сибири!

[1]) Отчетъ, стр. 29.

и заслуживаетъ поощренія; ходокамъ были предоставлены льготы по передвиженію, установленныя для переселенцевъ, и право зачислять за собою на два года осмотрѣнные ими участки. Тѣ же самыя начала получили санкцію въ законѣ 15 апрѣля 1896 года. Дальнѣйшія мѣры къ развитію ходачества явились слѣдствіемъ поѣздки въ Сибирь А. Н. Куломзина: въ его отчетѣ отмѣчены были нерѣдкіе случаи, когда ходоки вводили въ заблужденіе своихъ довѣрителей, иногда— по неумѣнію разобраться въ условіяхъ переселенія, иногда—по недобросовѣстности или даже изъ корыстныхъ видовъ, и рекомендовалось «семейное ходачество», какъ форма, способная дать каждому переселяющемуся наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія и выяснить степень соотвѣтствія условій водворенія на новыхъ мѣстахъ индивидуальнымъ потребностямъ каждой отдѣльной семьи. И вотъ, согласно мысли А. Н. Куломзина, закономъ 7 декабря 1896 года предоставлено *каждой семьѣ*, желающей переселиться въ Сибирь, право *раньше* исходатайствованія разрѣшенія на переселеніе посылать изъ своего состава ходока, съ правомъ на проѣздъ по удешевленному тарифу, на полученіе путевыхъ ссудъ и на зачисленіе за собою свободныхъ земель.

Законами 15 апрѣля и 7 декабря 1896 года посылка ходоковъ и, въ частности, *семейныхъ* ходоковъ была предоставлена усмотрѣнію переселяющихся. Но уже цитированнымъ циркуляромъ 20 января 1897 года губернскимъ властямъ было предложено не допускать переселенія въ Сибирь безъ предварительной посылки ходоковъ [1]; посылка же ходоковъ отъ обществъ и товариществъ переселенцевъ хотя и не была положительно запрещена, но обусловлена предварительнымъ разрѣшеніемъ губернскихъ присутствій, которымъ предложено было руководствоваться при этомъ «неоднократно преподанными имъ указаніями о нежелательности чрезмѣрнаго развитія переселеній» и, сверхъ того, слѣдить, чтобы ходоки обладали необходимою дѣловитостью и добросовѣстностью и избирались, по возможности, отъ небольшого числа общественниковъ, притомъ непремѣнно изъ собственной ихъ среды.

Циркуляръ 20 января 1897 года не только шелъ въ данномъ случаѣ, гораздо дальше закона, но прямо отмѣнялъ законъ 7 декабря 1896 года. Этимъ закономъ право на переселеніе было предоставлено каждому, пославшему семейнаго ходока и зачислившему за собою земельныя доли, если только онъ не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, и если остающіеся на родинѣ малолѣтніе и другіе члены семьи переселяющагося, неспособные къ работѣ, обезпечены своимъ содержаніемъ. *Законъ, такимъ образомъ, отмѣнялъ всякое требованіе предварительнаго разрѣшенія на переселеніе*: роль крестьянской администраціи сводилась къ простой, по смыслу закона обязательной выдачѣ желающимъ ходаческихъ свидѣтельствъ и къ замѣнѣ ихъ, потомъ, на проходныя переселенческія свидѣтельства. Циркуляръ

---

[1] Исключеніе изъ этого правила допускалось только для лицъ, ранѣе посылавшихъ ходоковъ или, по крайней мѣрѣ, указывающихъ въ своихъ ходатайствахъ на опредѣленные участки, по предварительномъ выясненіи ихъ свободности.

20 января, напротивъ, открываетъ губернской администраціи широкую возможность сдерживать и задерживать, по своему усмотрѣнію, переселенческое движеніе.

Уже въ засѣданіи 8 марта 1895 года Сибирскому комитету пришлось стать лицомъ къ лицу съ вопросомъ о наиболѣе желательномъ типѣ переселенцевъ, въ смыслѣ ихъ имущественной состоятельности. Въ цитированной выше запискѣ генерала Н. М. Баранова высказывался между прочимъ взглядъ, что «переселеніе должно быть разрѣшаемо только тѣмъ изъ сельскихъ обывателей, кои обладаютъ значительнымъ, въ крестьянской средѣ, имущественнымъ цензомъ». Взглядъ этотъ встрѣтилъ однако рѣшительнаго противника въ лицѣ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, И. Н. Дурново. «Опытомъ дознано— высказывалъ министръ—что лица, располагающія значительными матеріальными средствами, рѣдко стремятся покинуть родину, и что къ сему прибѣгаютъ преимущественно тѣ крестьяне, кои вынуждены къ тому бѣдственнымъ имущественнымъ положеніемъ. Закрывать для нихъ возможность улучшенія своего хозяйственнаго положенія едва ли можетъ входить въ задачи правительства». Еще рѣшительнѣе на ту же точку зрѣнія сталъ министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ, признавшій, по обще-экономическимъ соображеніямъ, желательнымъ, чтобы въ число переселенцевъ «входили по преимуществу такіе сельскіе обыватели, которые на родинѣ находятся въ бѣдственномъ положеніи, страдая отъ малоземелья и не имѣя на мѣстахъ осѣдлости никакихъ средствъ для улучшенія своего хозяйственнаго быта. Было бы полезно—заключалъ А. С. Ермоловъ,—изыскать пути для оказанія правительственнаго содѣйствія упомянутой категоріи крестьянъ въ стремленіи ихъ къ переселенію въ Сибирь, дабы они могли устроить свой бытъ на прочныхъ основаніяхъ и сдѣлаться земледѣльцами, въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ обезпеченными». Комитетъ не счелъ нужнымъ постановлять какого либо заключенія по поставленному такимъ образомъ вопросу. Равнымъ образомъ, не высказалась опредѣленно и подготовительная коммиссія, при обсужденіи проекта закона 15 марта 1896 года. «Коммиссія признала, что если бѣдность переселенца не можетъ быть свойствомъ, способствующимъ дѣлу колонизаціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ и выселеніе изъ Европейской Россіи лицъ болѣе зажиточныхъ, съ оставленіемъ на мѣстахъ болѣе слабыхъ общественниковъ, врядъ ли можетъ быть поощряемо правительствомъ» [1]),—а потому ни въ самый законъ, ни въ свои заключенія не включила никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно желательности переселенія преимущественно болѣе состоятельныхъ или наоборотъ — наиболѣе бѣдныхъ элементовъ. А между тѣмъ циркуляръ 20 января 1897 года, исходя изъ цитированныхъ выше соображеній, не только рекомендуетъ крестьянскимъ учрежденіямъ «не допускать переселеніе въ размѣрахъ, не оправдываемыхъ хозяйственнымъ положеніемъ даннаго общества», но кромѣ того еще обязываетъ ихъ «наблюдать, чтобы не высе-

[1]) Журн. засѣд. 26 января, 1 и 9 февраля 1896 г., стр. 10.

лялись семьи, кои по малочисленности состава или по бѣдности не могутъ разсчитывать на успѣшное устройство своего быта въ Сибири».

Неопредѣленность этихъ указаній открывала полный просторъ усмотрѣнію и даже произволу мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій, и ниже мы увидимъ, что учрежденія эти весьма широко воспользовались предоставленною имъ свободою «воздѣйствовать» на переселеніе. Что касается, въ частности, тоже не особенно опредѣленныхъ указаній по вопросу собственно о хозяйственной состоятельности лицъ, допускаемыхъ до переселенія, то на практикѣ — по оффиціальному свидѣтельству—выдача разрѣшеній на переселеніе была обусловлена требованіемъ отъ семей, желающихъ переселиться, извѣстнаго имущественнаго ценза. Та же практика, повидимому, выработала и норму этого ценза. Въ оффиціальномъ изданіи канцеляріи комитета министровъ [1]) упоминается о томъ, что еще «въ 1896 году нѣкоторыми начальниками губерній былъ сдѣланъ опытъ воспрепятствовать переходу въ Сибирь малоимущихъ крестьянъ, съ воспрещеніемъ имъ продавать ихъ хозяйства до предъявленія удостовѣренія въ наличности 300 рублей наличныхъ денегъ». И какъ свидѣтельствуютъ многіе комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, подобныя требованія продолжали предъявляться администраціей, если не вездѣ, то во многихъ губерніяхъ, до самаго послѣдняго времени.

Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе принципіальнаго вопроса, насколько измѣнившіяся условія колонизаціи Сибири заставляли, дѣйствительно, желать повышенія хозяйственной состоятельности переселенцевъ—я лично склоненъ отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Намъ важно только отмѣтить несоотвѣтствіе ограничительныхъ административныхъ распоряженій смыслу законовъ 15 апрѣля и 7 декабря 1896 года: послѣдніе, сами по себѣ, являлись рѣшительнымъ шагомъ къ предоставленію переселенію возможно большей свободы, тогда какъ административныя распоряженія и практика поддерживали прежнюю регламентацію и ставили разрѣшеніе переселенія въ болѣе или менѣе полную зависимость отъ усмотрѣнія и произвола крестьянскихъ учрежденій.

Была ли этими распоряженіями достигнута ихъ непосредственная цѣль,—иначе сказать, въ какой мѣрѣ они, дѣйствительно, задержали дальнѣйшій ростъ переселеній и способствовали повышенію средняго уровня хозяйственной состоятельности переселенцевъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что ростъ переселеній послѣ 1897 года дѣйствительно прекратился, и имѣются основанія думать, что нѣсколько повысился, во всякомъ случаѣ вначалѣ, и средній размѣръ ихъ имущественнаго обезпеченія. Мы видѣли, что количество прошедшихъ въ Сибирь переселенцевъ въ 1896 году достигло 200 тысячъ; послѣ того оно лишь два раза—въ 1898 и 1899 годахъ—нѣсколько превысило эту цифру, а въ слѣдующіе затѣмъ года упало приблизительно на половину. Съ другой стороны, процентъ безлошадныхъ дворовъ, колебавшійся среди

[1]) „Кол. Сиб.“, стр. 160.

переселенцевъ, прибывшихъ въ Сибирь отъ 1893 до 1896 гг., между 21 и 28, въ 1897 и 1898 годахъ падаетъ до 15 и 19%; процентъ дворовъ безъ рогатаго скота, съ 24—27 до 17 и 19%; процентъ дворовъ, не имѣвшихъ сельскохозяйственныхъ орудій, съ 35—33%, до 21 и 24%; а среднее на семью количество надѣльной земли, за время съ 1890 по 1895 годъ упавшее съ 3,6 до 2,1 дес., въ 1897 году поднимается до 2,4, въ 1898 г.—до 3,0 дес.

«Изъ приведенныхъ данныхъ—говоритъ оффиціальное изданіе канцеляріи комитета министровъ,—слѣдуетъ заключить, что въ серединѣ 90-хъ годовъ наблюдается довольно замѣтное пониженіе общаго уровня состоятельности выходцевъ изъ Европейской Россіи, — съ 1897 же года обращаетъ на себя вниманіе измѣненіе указанныхъ цифръ въ обратномъ направленіи. Облегчившійся съ постепеннымъ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги переѣздъ крестьянъ на новыя мѣста, а также и проникавшіе въ среду сельскихъ обывателей слухи о содѣйствіи выдачею ссудъ, двигали на переселеніе такіе элементы, которые ранѣе не рѣшались покидать родныя мѣста. Съ 1897 года паденіе средняго уровня состоятельности переселенцевъ смѣняется нѣкоторымъ его повышеніемъ. Къ сожалѣнію, для послѣдующаго за 1898 годомъ времени мы не располагаемъ подобными приведеннымъ выше массовыми данными,—да и вообще никакими точными цифровыми данными относительно состоятельности двигающихся въ Сибирь переселенцевъ. Въ самое послѣднее время министерство внутреннихъ дѣлъ неоднократно высказывало мнѣніе, что средній уровень благосостоянія переселяющихся опять нѣсколько понизился: «за послѣдніе годы—читаемъ мы въ мотивахъ новаго переселенческаго закона 6 іюня 1904 года — по единогласнымъ отзывамъ лицъ, завѣдывающихъ переселенческимъ дѣломъ, замѣчается нѣкоторое пониженіе имущественной состоятельности переселенцевъ въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ общаго оскудѣнія и упадка крестьянскаго хозяйства въ малоземельныхъ губерніяхъ», отчасти же и отъ того, что «все большій процентъ переселенческой массы составляютъ выходцы изъ бѣлорусскихъ губерній, по большей части приходящіе въ Сибирь съ совершенно ничтожными средствами или даже безъ всякихъ средствъ» [1]). Но сказанному противорѣчатъ многочисленныя, можно сказать, единодушныя указанія, разбросанныя въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,—указанія, позволяющія думать, что состоятельность переселенцевъ и въ настоящее время замѣтно превышаетъ средній уровень состоятельности крестьянъ покидаемыхъ ими мѣстностей, а также приводимыя во 2-й части этой книги статистическія данныя. Не подтверждается это мнѣніе и примѣрными оцѣнками средней состоятельности переселенцевъ, приводимыми и самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ представленіяхъ его по вопросу о ссудныхъ нормахъ и кредитахъ; по приблизительнымъ разсчетамъ министерства [2]), основаннымъ на наблю-

[1]) Журн. подгот. комиссіи 31 окт. и т. д. 1903 г. № 137, стр. 25.
[2]) Представленіе 9 нояб. 1903 г. № 11128, стр. 32—33.

деніяхъ его переселенческихъ чиновниковъ, средняя переселенческая семья приноситъ въ степныя мѣстности отъ 100 до 200 рублей, въ лѣсныя мѣстности, куда идетъ менѣе состоятельный контингентъ переселенцевъ—85 рублей и, такимъ образомъ, средняя состоятельность современныхъ переселенцевъ замѣтно выше, нежели она была по даннымъ статистическихъ изслѣдованій, произведенныхъ А. А. Станкевичемъ и мною приблизительно десятью годами раньше. Эти разсчеты, правда, тоже весьма гадательны и основаны болѣе на предположеніяхъ, нежели на точныхъ данныхъ. Но за отсутствіемъ болѣе точныхъ данныхъ и въ виду уже упомянутыхъ многочисленныхъ свидѣтельствъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ позволительно думать, что *эти* разсчеты въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію дѣлъ.

Впрочемъ, для насъ, въ данную минуту, это и не важно. Самое существенное для насъ—это то, что за циркуляромъ 20 января 1897 года дѣйствительно послѣдовали и пріостановка роста переселенческаго движенія, и нѣкоторое повышеніе имущественной состоятельности переселенцевъ. Совсѣмъ другой вопросъ, насколько это было результатомъ мѣръ, которыя были приняты министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ непосредственною цѣлью задержать ростъ переселеній и удержать отъ переселенія малосостоятельныхъ крестьянъ. Какъ мы увидимъ ниже, комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Но это—едва ли вѣрно. Оффиціально признается, что распоряженія мѣстныхъ властей о представленіи переселяющимися опредѣленнаго денежнаго ценза «повели лишь къ различнымъ злоупотребленіямъ или къ тому, что крестьяне, желавшіе уйти въ Сибирь, сообща собирали требуемую сумму и представляли удостовѣренія о наличности у нихъ необходимыхъ денегъ, по полученіи же разрѣшенія на продажу имущества собранныя суммы передавались затѣмъ другимъ крестьянамъ,—и такимъ образомъ въ концѣ концовъ удавалось получить желаемое разрѣшеніе всѣмъ собиравшимся въ путь» [1]). Я не думаю, конечно, утверждать, чтобы правительственная политика, въ данномъ отношеніи, не сыграла никакой роли,—напротивъ, ея роль была несомнѣнно очень важна и существенна,—но тутъ вліяли не тѣ прямыя запрещенія или сдержки, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящее время, а переселенческая политика во всей ея совокупности, особенно—поскольку она проявлялась въ размѣрахъ льготъ и ссудной помощи. Но въ особенности повліяли, несомнѣнно, мѣры, «клонившіяся къ возбужденію сознательнаго отношенія переселенцевъ къ предпринимаемому ими шагу», и на первомъ мѣстѣ—развитіе ходаческаго движенія.

Въ этомъ отношеніи цѣль, поставленная правительствомъ, была вполнѣ достигнута: еще въ 1896 году прошло въ Сибирь всего 11910 ходоковъ, которые составили 6% всего переселенческаго движенія и 43% къ числу прошедшихъ въ томъ же году пересе-

---

[1]) Колониз. Сибири, стр. 160; отчетъ ст.-секр. Куломзина, стр. 29—30.

ленческихъ семей. Въ 1898 — 1900 г. число ходоковъ колеблется между 53 и 55 тысячами, въ слѣдующіе же три года оно хотя и падаетъ, но параллельно съ паденіемъ размѣровъ, вообще, переселенческаго движенія, такъ что процентъ ходоковъ все время составляетъ, среднимъ числомъ, около одной четверти—отъ 22 до 27% всего переселенческаго движенія.

Изъ цифровыхъ данныхъ переселенческой регистраціи видно затѣмъ, что около четверти всѣхъ проходившихъ въ Сибирь ходоковъ—за время съ 1895 по 1898 годъ 27,6%—вовсе не возвращались на родину, а оставались въ Сибири и затѣмъ выписывали къ себѣ свои семьи. Изъ числа остальныхъ, возвратившихся на родину и проходившихъ черезъ регистрацію Челябинскаго переселенческаго пункта, зачислили за собою землю въ переселенческихъ участкахъ или получили пріемные приговоры въ старожильскихъ селеніяхъ, кругомъ, тоже около одной четверти—отъ 20 до 32%—общаго числа возвращавшихся ходоковъ,—а остальные, отъ 68 до 80% всего обратнаго ходаческаго движенія, возвратились на родину съ *отрицательнымъ* результатомъ, не зачисливъ за собою земли и отказавшись отъ мысли о переселеніи въ Сибирь. Въ дѣйствительности, надо замѣтить, процентъ безрезультатнаго ходачества еще больше, потому что значительная часть ходоковъ, зачислившихъ за собою землю, вернувшись на родину и со всѣхъ сторонъ обдумавъ дѣло, также отказывается отъ мысли о переселеніи; за 1898—1901 г.г. такіе случаи составили 36% всего числа случаевъ зачисленія за ходоками душевыхъ долей. Такимъ образомъ, сотни тысячъ ходоковъ совершили путешествіе понапрасну. «По вычисленію г. Пріймака — говоритъ по этому поводу г. Кирьяковъ, авторъ одной изъ новѣйшихъ работъ о переселеніи [1]), каждый ходокъ, въ среднемъ, тратитъ на путешествіе въ Сибирь до 3½ мѣсяцевъ времени и около 23 р. 50 к. денегъ. Такимъ образомъ, ненашедшимъ земли ходокамъ поѣздка въ Сибирь обошлась въ милліонъ слишкомъ рублей, уплывшихъ безслѣдно изъ мужицкихъ кармановъ, и безъ того, какъ извѣстно, нетолстыхъ. Правда—соглашается нашъ авторъ—ходоки, которые возвращаются на родину безъ земли, служатъ задерживающимъ переселеніе факторомъ, предупреждая неосторожныя и потому неудачныя выселенія; но эта жизненная наука слишкомъ дорого обходится тѣмъ, которые и безъ того находятся на порогѣ разоренія».

Г. Кирьяковъ не указываетъ однако никакихъ способовъ, которыми можно было бы замѣнить ходачество. Чтобы дать переселенцу возможность оріентироваться въ тѣхъ условіяхъ, которыя ожидаютъ его на «новыхъ мѣстахъ», предлагаются разнообразныя мѣры: изданіе и распространеніе описаній мѣстностей, отводимыхъ подъ переселеніе, разсылка подробныхъ описаній участковъ и т. п. Но ни эти, ни какія либо другія мѣры, думается намъ, не могутъ *замѣнить* ходачества: не говоря уже о безграмотности крестьянской массы и склонности ея или не вѣрить написанному и напечатанному, или по-

[1]) Кирьяковъ, Очерки пересел. движенія, М. 1902, стр. 144—5.

нимать читаемое въ смыслѣ, отвѣчающемъ желаніямъ и мечтамъ читателя,—никакія описанія, какъ бы они подробны ни были, не могутъ дать крестьянину того, что можетъ дать ему осмотръ предлагаемыхъ ему для заселенія земель,—они не въ состояніи отвѣтить на конкретный вопросъ: какая мѣстность и какой участокъ подойдутъ къ желаніямъ, вкусамъ и хозяйственнымъ привычкамъ такой-то переселенческой семьи или группы выходцевъ изъ такого-то села или деревни. А разъ это такъ, то нельзя говорить о связанныхъ съ ходачествомъ затратахъ, какъ о какой-то безцѣльной тратѣ послѣднихъ мужицкихъ грошей—напротивъ, это единственный способъ предовратить *гораздо* болѣе значительныя траты: если ходокъ отказывается отъ переселенія, этимъ предотвращается, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, обратное переселеніе, связанное съ совершеннымъ разореніемъ неудачно переселившейся семьи; если онъ пріискалъ землю—его семья будетъ переселяться прямо на уже зачисленный участокъ, и такимъ образомъ устранятся гораздо большія затраты и времени, и средствъ, которыя были бы неизбѣжны, если бы семья переселялась безъ предварительнаго ходачества и если бы ей приходилось ждать, гдѣ нибудь на переселенческомъ пунктѣ или въ уѣздномъ городѣ, пока глава семьи будетъ осматривать и выбирать участки. Вообще [1]) въ развитіи ходачества слѣдуетъ видѣть лучшій залогъ для приданія переселенческому движенію сознательности и обдуманности» и это—въ особенности при нашей массовой народной психологіи: никакой другой способъ, не можетъ разсѣять тѣхъ фантастическихъ представленій, которыя манятъ переселенца въ невѣдомую даль, и тѣхъ не менѣе преувеличенныхъ понятій о «накликахъ», «царскомъ пайкѣ», вообще всякихъ «пособіяхъ», которые играютъ, опять-таки, не послѣднюю роль въ эпидемическомъ, временами, ростѣ переселенческаго движенія. И намъ лично думается, что организація ходачества, какъ она была установлена законами 15 апрѣля и 7 декабря 1896 года,—едва ли не лучшее изъ всего, что было сдѣлано комитетомъ Сибирской желѣзной дороги: предоставить *свободу переселенія* всякому, кто лично убѣдился въ возможности устроиться на новыхъ мѣстахъ и обезпечилъ себя необходимою землею—такова основная мысль закона 7 декабря 1896 года—это, мнѣ кажется, такой идеалъ, дальше котораго едва ли можно идти при выяснившемся, въ настоящее время, положеніи вопроса о колонизаціонныхъ запасахъ страны. Но, какъ мы видѣли, законъ этотъ былъ фактически отмѣненъ путемъ циркулярныхъ распоряженій: *поощряемое*, по мысли закона, ходачество было превращено—въ чемъ едва ли была надобность—*въ обязательное*. Въ видѣ правила и мы признаемъ ходачество наиболѣе цѣлесообразнымъ, даже единственно цѣлесообразнымъ способомъ правильной и сознательной постановки переселенія. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ходачество было необходимо сдѣлать обязательнымъ: если переселенецъ изъ писемъ или словесныхъ сообщеній лицъ, безусловно заслуживающихъ довѣрія, имѣлъ возможность составить себѣ совершенно ясное

[1]) Кол. Сиб., стр. 171.

представленіе объ извѣстной мѣстности, если притомъ онъ путемъ телеграфныхъ и иныхъ сношеній обезпечилъ себя землею въ привлекающемъ его селеніи или въ интересующей его мѣстности, то нѣтъ основанія заставлять его во что бы то ни стало посылать ходока и слѣдовательно — уже вполнѣ понапрасну тратить и время, и деньги. Еще менѣе оправдывается установленное въ административномъ порядкѣ понужденіе къ посылкѣ, непремѣнно, семейныхъ ходоковъ. Характерны въ этомъ отношеніи цифры, сообщаемыя переселенческою регистраціею 1896 — 1900 годовъ: изъ цифръ этихъ видно, что «групповые» ходоки составляли въ 1896 году 3,6%, въ 1898 — 1900 годахъ — 6,5, 4,1 и 6,4% общаго числа ходоковъ, прошедшихъ черезъ Челябинскъ. Такимъ образомъ, семейное ходачество значительно преобладало (96,4% ходоковъ были ходаками отъ семей!) еще въ 1896 году,—слѣдовательно, *до* правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ его поощренію. И это воздѣйствіе оказалось безсильнымъ не только искоренить, но даже ослабить групповое ходачество,—процентъ групповыхъ ходоковъ за послѣднее трехлѣтіе не только не ниже, но замѣтно выше, нежели въ 1896 году, когда ходачество было свободно отъ административнаго воздѣйствія. Обстоятельство это показываетъ, что групповому ходачеству, при извѣстныхъ условіяхъ, принадлежитъ вполнѣ самостоятельная роль, изъ которой нѣтъ надобности стремиться вытѣснить его ходачествомъ семейнымъ. Не говоря уже о томъ, что групповое ходачество связано съ гораздо меньшими потерями времени и средствъ, нежели посылка ходока отъ каждой семьи, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію и то, что недобросовѣстные ходоки, которыхъ имѣлось въ виду устранить введеніемъ обязательнаго семейнаго ходачества, представляютъ собою скорѣе исключеніе, нежели общее правило, и что среди групповыхъ ходоковъ преобладаютъ люди, заслуживающіе достаточнаго довѣрія. А между тѣмъ групповой ходокъ, располагая болѣе значительными средствами и менѣе стѣсняясь временемъ, можетъ объѣхать гораздо большій районъ и тщательнѣе изслѣдовать условія переселенія, нежели ходокъ отъ отдѣльной семьи, нерѣдко вовсе не обладающій, притомъ, необходимою опытностью и сообразительностью. Конечно, было бы очень желательно устранить легкомысленныхъ и въ особенности недобросовѣстныхъ ходоковъ. Но и семейное ходачество отнюдь не представляетъ собой какой-либо безусловной гарантіи. А установленный административными распоряженіями контроль надъ ходоками земскихъ начальниковъ, открывая послѣднимъ широкій просторъ тормозить переселеніе, конечно, не можетъ быть признанъ достаточною гарантіею хорошаго подбора ходоковъ...

Сказанное если не подтверждается прямо, то во всякомъ случаѣ—не опровергается данными, приводимыми въ офиціальномъ изданіи канцеляріи комитета министровъ. «Чтó касается тѣхъ ходоковъ, читаемъ мы здѣсь [1]), которые зачисляютъ за собою выбранные ими участки въ Сибири (здѣсь, замѣтимъ, не дѣлается никакого различія между ходоками семейными и групповыми!) — то въ пользу ихъ

[1]) Стр. 171.

добросовѣстности говоритъ уже то обстоятельство, что значительная часть ихъ въ поискахъ удобныхъ мѣстъ проводитъ въ Сибири довольно продолжительное время, иногда свыше полугода, останавливаясь на заработкахъ у мѣстныхъ старожиловъ-крестьянъ или въ переселенческихъ поселкахъ и успѣвая иногда даже пріобрѣсти хозяйственныя постройки, обзавестись инвентаремъ и заготовить посѣвы прежде, нежели приступить къ переселенію своихъ семей»; констатируются и случаи вторичной отправки ходоковъ, послѣ неудачныхъ или недостаточно удовлетворительныхъ первоначальныхъ развѣдокъ, при чемъ иногда, даже послѣ второй неудачи, посылались ходоки въ третій разъ, и уже только послѣ упорныхъ, давшихъ дѣйствительно благопріятные результаты, развѣдокъ совершалось окончательно переселеніе партій и отдѣльныхъ семей».

Намъ кажется, что такая оцѣнка дѣятельности ходоковъ носитъ даже слишкомъ оптимистическій характеръ. *Добросовѣстность*, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлено сибирское переселеніе, поставлено притомъ не какими либо административными мѣропріятіями, а самымъ, такъ сказать, существомъ дѣла, отнюдь не является обезпеченіемъ *основательности* ходаческихъ развѣдокъ. Прежде всего, предлагаемые для заселенія участки настолько разбросаны не только по всему вообще необъятному колонизаціонному району, но и въ предѣлахъ отдѣльныхъ губерній и областей, даже отдѣльныхъ уѣздовъ, что исчерпывающимъ образомъ познакомиться съ ними ходоки, особенно при плохомъ состояніи дорогъ, не имѣютъ никакой возможности: осмотрѣвъ одну, двѣ, три группы участковъ, ходокъ поставленъ въ необходимость принять то или другое рѣшеніе: онъ или зачисляетъ за собою землю въ наиболѣе понравившемся ему участкѣ, или напротивъ—уѣзжаетъ домой, не продолжая своихъ поисковъ и часто ни зная о существованіи гораздо болѣе подходящихъ участковъ или не имѣя возможности до нихъ добраться. Мало того: не рѣдкость случаи, когда ходокъ, осмотрѣвъ и забраковавъ нѣсколько участковъ, затѣмъ зачисляется на кое-какъ осмотрѣнный, можетъ быть, гораздо худшій, или даже на вовсе не осмотрѣнный участокъ, иногда съ отчаянія, иногда просто за израсходованіемъ взятыхъ съ собою денегъ. Нечего уже и говорить о крайней трудности для ходока разбираться въ почвенныхъ, климатическихъ и всякихъ другихъ условіяхъ «новыхъ мѣстъ», которыя гдѣ нибудь, въ Степномъ краѣ или на Амурѣ сплошь и рядомъ не имѣютъ ничего общаго съ условіями его родины и къ которымъ онъ, однако, подходитъ съ выработавшимся примѣнительно именно къ этимъ условіямъ мѣриломъ: отсюда—слишкомъ частыя прискорбныя ошибки, извѣстныя всякому, кто имѣлъ дѣло съ переселенцами. Наконецъ, значительная часть ходоковъ возвращается прямо съ пути, не видавъ *никакихъ* земель, слѣдовательно, совершенно не выполнивъ своей задачи: въ 1895 году такіе неудачники составили 4,0%, въ 1896 г. 21,8%, въ 1898 г. 19,6%, въ 1899 г. 10,7% общаго числа ходоковъ, возвращавшихся черезъ Челябинскъ; они возвращаются иногда потому, что у нихъ иссякли деньги, иногда—подъ вліяніемъ свѣдѣній, полученыхъ отъ

переселенческихъ чиновниковъ, чаще всего—подъ впечатлѣніемъ разсказовъ попадающихся на пути обратныхъ переселенцевъ, неудачныхъ ходоковъ, мѣстныхъ старожиловъ, неблаговолящихъ къ переселенцамъ или, наоборотъ—искренно увлекающихся желаніемъ предостеречь отъ необдуманнаго шага. Во всѣхъ *этихъ* случаяхъ, очевидно, затраченные ходоками время и деньги являются чистымъ минусомъ и для нихъ, и для народнаго хозяйства. Но и вообще, въ виду сказаннаго выше объ условіяхъ, въ которыя поставлено ходаческое движеніе, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что даже въ случаяхъ, когда ходоки побывали на участкахъ, весьма значительная часть случаевъ ходачества съ отрицательнымъ результатомъ также должна быть отнесена въ чистый пассивъ ходаческаго движенія. въ однихъ случаяхъ отрицательный результатъ могъ бы замѣниться положительнымъ, если бы ходокъ имѣлъ возможность ознакомиться съ бо̀льшимъ количествомъ участковъ въ болѣе разнообразныхъ мѣстностяхъ Сибири и лучше оріентироваться въ мѣстныхъ условіяхъ; въ другихъ — самая необходимость въ ходачествѣ могла бы быть избѣгнута, если бы крестьяне на родинѣ могли получить болѣе точныя и опредѣленныя свѣдѣнія объ условіяхъ водворенія и въ частности—о характерѣ земель, предлагаемыхъ для заселенія. Кое что, несомнѣнно, могло бы быть сдѣлано въ этомъ смыслѣ въ формѣ распространенія печатныхъ свѣдѣній, непосредственнаго разъясненія чрезъ свѣдущихъ лицъ, совѣта и руководительства при самомъ выборѣ участковъ. Но главную роль въ этомъ отношеніи могутъ и должны играть переселенческіе пункты, расположенные на линіи Сибирской желѣзной дороги, а частью на грунтовыхъ и водныхъ путяхъ. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ лишь очень неполными данными о томъ, какъ пункты исполняютъ собственно эту, первостепенно-важную функцію. Г. Беркенгеймъ даетъ на этотъ вопросъ категорически-отрицательный отвѣтъ. «Насъ поразило, — говоритъ онъ—отсутствіе ясныхъ представленій и точныхъ свѣдѣній о Сибири и ея земледѣльческомъ хозяйствѣ у лицъ, стоящихъ непосредственно въ сношеніяхъ съ переселенцами... Неумѣнье и часто нежеланіе переселенческаго персонала давать толковые совѣты переселенцамъ по разнымъ вопросамъ переселенческаго дѣла бросается въ глаза каждому наблюдателю. Наибольшее участіе и наиболѣе толковые совѣты переселенцы встрѣчаютъ на переселенческихъ пунктахъ только у фельдшерицъ и акушерокъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, которыми обладаютъ эти лица по переселенческому дѣлу, слишкомъ ограничены. Хотя имѣются прямыя предписанія производителямъ работъ, обязывающія послѣднихъ давать знать переселенческимъ чиновникамъ о всѣхъ вновь образуемыхъ участкахъ, но фактически на переселенческихъ пунктахъ знаютъ объ этихъ участкахъ далеко недостаточно»; и въ конечномъ результатѣ «переселенцы предпочитаютъ за всѣми необходимыми имъ свѣдѣніями обращаться или къ обратнымъ переселенцамъ, или къ возвращающимся ходокамъ; особенно неблагопріятное вліяніе оказываютъ обратные переселенцы, которые зачастую доводятъ новыхъ переселенцевъ до того, что послѣдніе прямо изъ

Челябинска возвращаются обратно въ Россію» [1]). При всемъ моемъ уваженіи къ этому широко освѣдомленному и внимательному наблюдателю, я думаю однако что г. Беркенгеймъ въ данномъ случаѣ чрезмѣрно обобщаетъ наблюденные имъ отдѣльные случаи. Я не буду ссылаться въ данномъ случаѣ на свои личныя наблюденія, которыя имѣютъ тоже слишкомъ случайный характеръ и которыя, поэтому, было бы слишкомъ поспѣшно обобщать. Но упомяну хотя бы о томъ, что въ матеріалахъ по переселенческой статистикѣ, собранныхъ въ Акмолинской области экспедиціею Ф. А. Щербины, имѣется множество указаній на случаи избранія участковъ подъ вліяніемъ совѣтовъ и свѣдѣній, полученныхъ на переселенческихъ пунктахъ, часто, правда, отъ «переселенческой барышни» и т. п.,—но нерѣдко—и съ прямою ссылкой на г. Станкевича или кого-либо изъ другихъ переселенческихъ чиновниковъ. Если что можно поставить въ укоръ организаціи переселенческихъ пунктовъ,—это то, что справочная часть не выдѣлена—какъ отмѣчаетъ и г. Беркенгеймъ, въ особыя bureaux de renseignement, а лежитъ на обязанности тѣхъ самыхъ переселенческихъ чиновниковъ, на которыхъ возложенъ и рядъ другихъ, болѣе или менѣе сложныхъ, функцій по пріему, устройству и отправленію переселенческихъ партій. При отсутствіи спеціальной организаціи, полученіе свѣдѣній и справокъ становится, дѣйствительно, въ зависимость отъ случая—попадетъ ли переселенецъ на опытнаго и свѣдущаго переселенческаго чиновника, или на такого, который «не видалъ лично ни одного переселенческаго поселка и не имѣлъ даже элементарнаго понятія о Сибири и ея порядкахъ»; имѣетъ ли этотъ чиновникъ достаточно времени для пространныхъ объясненій или спѣшитъ по другимъ, болѣе неотложнымъ дѣламъ,—и т. п., и при такомъ отсутствіи организаціи совершенно естественно, что источникомъ свѣдѣній чаще является «переселенческая барышня», съ которою ходоки или переселенцы, по тѣмъ или другимъ поводамъ, приходятъ въ болѣе продолжительное соприкосновеніе. Съ другой стороны, на сцену выступаетъ и мужицкая психологія, въ силу которой ходокъ охотнѣе повѣритъ своему брату—обратному переселенцу, нежели наиболѣе освѣдомленному и благожелательному «барину».

Данныя челябинской статистической регистраціи о причинахъ безрезультатнаго ходачества, которыми мы, къ сожалѣнію, располагаемъ только за 1895—1898 гг., содержатъ одну весьма существенную рубрику—«неимѣніе разрѣшенія», которое послужило причиной безрезультатности ходачества: въ 1895 году въ 29,4%, въ три слѣдующихъ года въ 48,2, въ 25,7 и въ 9,9% всѣхъ зарегистрованныхъ случаевъ. Между тѣмъ, мы уже знаемъ, что законъ 7 декабря 1896 г. вовсе не требовалъ для посылки семейнаго ходока предварительнаго разрѣшенія, а предоставлялъ каждой желающей переселиться семьѣ право посылки такого ходока. Вопросъ о разрѣшеніи, по смыслу закона, могъ возникнуть только по отношенію къ ходокамъ другого типа—групповымъ, посылка которыхъ ставилась въ зависимость отъ

[1]) Землевѣдѣніе, 1902 г., кн. II—III, стр. 19—20.

разрѣшенія администраціи. Но число групповыхъ ходоковъ все время колебалось между 3,6 и 6,5%. Ясно, что значительная часть случаевъ «отсутствія разрѣшенія» относится къ ходокамъ семейнымъ. Это, очевидно, результатъ циркуляра 20 января 1897 года и предоставленныхъ губернаторамъ и крестьянской администраціи полномочій, въ силу которыхъ значительной части ходоковъ, въ силу тѣхъ или другихъ соображеній, было отказано въ ходаческихъ свидѣтельствахъ.

Сдѣланныя только-что замѣчанія приводятъ насъ, вообще, къ вопросу о самовольномъ переселеніи. По оффиціальнымъ даннымъ среди переселенцевъ, проходившихъ черезъ Челябинскъ, было:

	разрѣшенныхъ	самовольныхъ
въ 1894 году	22 %	78 %
» 1895 »	73 —	27 —
» 1896 »	56 —	44 —
» 1897 »	60 —	40 —
» 1898 »	56 —	44 —
» 1899 »	47 —	53 —
» 1900 »	66 —	34 —
» 1901 »	61 —	39 —
» 1902 »	59 —	41 —
» 1903 »	62 —	38 —

1894 годъ былъ послѣднимъ годомъ дѣйствія запретительнаго циркуляра 6 марта 1892 года—естественно, что самовольные переселенцы въ этомъ году составляли больше трехъ четвертей всего переселенческаго движенія. Въ 1895 году процентъ самовольныхъ рѣзко падаетъ, составляя немногимъ болѣе одной четверти, но въ слѣдующемъ же году онъ сильно возрастаетъ и за все послѣдующее восьмилѣтіе только однажды, въ 1900 году, опускается до трети, въ остальные же годы колеблется между двумя пятыми и половиной всего переселенческаго движенія.

Рѣзкое паденіе, въ 1895 году, процента самовольныхъ переселенцевъ стоитъ въ прямой зависимости отъ направленія, усвоеннаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое въ то время выдавало разрѣшенія на переселеніе «въ самыхъ широкихъ размѣрахъ»: до начала марта 1895 года было разрѣшено переселеніе 25.000 мужскихъ душъ, а до конца года имѣлось въ виду довести число разрѣшеній до 60.000, т. е. до средняго, въ то время, годового числа переселенцевъ. Казалось, послѣдующіе годы должны были привести за собой дальнѣйшее паденіе процента самовольныхъ, —это было бы естественнымъ логическимъ послѣдствіемъ политики, нашедшей себѣ выраженіе въ законахъ 15 апрѣля и 7 декабря 1896 года. Въ дѣйствительности число самовольныхъ въ слѣдующемъ же 1896 году поднимается почти до половины и съ тѣхъ поръ продолжаетъ держаться на болѣе или менѣе высокомъ уровнѣ. Правда, значительная доля самовольныхъ переселенцевъ приходится въ послѣдніе

годы на кабинетскія земли Алтайскаго округа, заселеніе которыхъ регулируется спеціальными узаконеніями, отражающими на себѣ не столько общегосударственную политику, сколько виды и хозяйственныя соображенія кабинета. Но эта, такъ сказать, сепаратная политика кабинета едва ли является, въ данномъ случаѣ, основнымъ опредѣляющимъ факторомъ—это видно хотя бы изъ того, что 1898 годъ, слѣдующій за совершенною пріостановкой выдачи разрѣшеній на переселеніе на земли Алтайскаго округа [1]), не отразился какимъ либо замѣтнымъ повышеніемъ процента самовольнаго переселенія. Сказанное, впрочемъ, подтверждается и оффиціальными цифровыми данными, собранными лѣтомъ 1903 года мѣстными органами переселенческаго управленія: главная масса самовольныхъ, дѣйствительно, оказалась въ Алтайскомъ округѣ, гдѣ ихъ насчитано до 160 тыс. человѣкъ; но и въ другихъ колонизаціонныхъ районахъ число самовольныхъ оказалось очень значительнымъ: такъ, въ хронически закрытыхъ для заселенія—какъ мы знаемъ—киргизскихъ областяхъ ихъ оказалось: въ Акмолинской 22 тыс., въ Тургайской 24 тыс.; а въ трехъ сибирскихъ губерніяхъ, открытыхъ для переселенія, было насчитано 45 тыс. самовольныхъ переселенцевъ.

Въ чемъ же, спрашивается, причина столь значительнаго, вопреки ожиданіямъ Сибирскаго комитета, развитія самовольныхъ переселеній? Отвѣтъ по этому вопросу даютъ намъ оффиціальные источники. «Для выясненія причинъ—говоритъ многократно цитированное изданіе канцеляріи комитета министровъ—вызывающихъ самовольные переходы крестьянъ въ Сибирь, могутъ послужить данныя, добытыя при поѣздкѣ въ Сибирь управляющаго дѣлами комитета Сибирской дороги (А. Н. Куломзина). Изъ данныхъ этихъ видно, что лишь незначительное меньшинство (именно 18% всѣхъ опрошенныхъ семей) самовольныхъ переселенцевъ рѣшилось сразу предпринять переселеніе на свой счетъ и страхъ, не желая возбуждать ходатайства о разрѣшеніи». Есть, правда, «мѣстности, преимущественно въ губерніяхъ ближайшихъ къ Сибири, какъ напр. Пермской и Вятской, гдѣ ходатайства о разрѣшеніи на переселеніе совершенно не практиковались, причемъ все переселенческое движеніе отсюда происходило исключительно самовольно» [2]). Но правиломъ является другое: «значительное большинство переселенцевъ—продолжаетъ оффиціальное изданіе, предпочитало сдѣлать попытку попасть въ Сибирь законнымъ путемъ, лишь впослѣдствіи отказываясь отъ своего намѣренія вслѣдствіе различныхъ препятствій, не зависѣвшихъ отъ его воли. Главнымъ изъ этихъ препятствій были задержки въ удовлетвореніи со стороны мѣстной администраціи ходатайствъ о выдачѣ имъ разрѣшеній», затѣмъ—«несочувственное отношеніе мѣстныхъ властей къ ходатайствамъ о переселеніи и отказъ въ выдачѣ разрѣшеній; въ послѣднемъ случаѣ самовольное отправленіе въ путь представлялось для крестьянъ иногда прямо неизбѣжнымъ въ виду того, что они часто распродавали свое

[1]) Цирк. м-ва в. д. 20 окт. 1897 г. № 12.

[2]) Отчетъ ст.-секр. Куломзина, стр. 30.

имущество немедленно вслѣдъ за подачей прошенія о дозволеніи имъ переселиться». Чрезвычайно ярко сказанное иллюстрируется данными, приводимыми, опять-таки, въ отчетѣ ст.-секр. Куломзина [1]). «Я уже указывалъ,—говоритъ авторъ отчета,—на разнообразіе взглядовъ земскихъ начальниковъ на переселеніе; нѣтъ сомнѣнія, что различныя воззрѣнія создаютъ и различныя отношенія этихъ лицъ къ обывателямъ, намѣревающимся переселиться. Одни земскіе начальники, по словамъ переселенцевъ, всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами стараются задержать переселеніе, что и служитъ нерѣдко главною причиною самовольныхъ уходовъ. Другіе, наоборотъ, покровительствуютъ переселенческому движенію, причемъ не останавливаются иногда даже передъ рекомендаціей ухода по паспортамъ, не ожидая разрѣшенія заявленнаго ходатайства о разрѣшеніи... Мотивовъ отказа въ переселеніи ходатайствовавшимъ не сообщается, и переселенцы совершенно не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, почему одному изъ ихъ односельчанъ было разрѣшено переселеніе, а другому отказано въ немъ». Произволъ земскихъ начальниковъ не перестаетъ проявляться даже и послѣ того, какъ переселенцы, наконецъ, получили желанное разрѣшеніе: по свидѣтельству А. Н. Куломзина, мѣстная администрація нерѣдко требуетъ, чтобы получившій разрѣшеніе какъ можно скорѣе оставлялъ родину, причемъ для ликвидаціи имущества «будто бы иногда назначается положительно невозможный срокъ, напр. въ 9 дней». Другіе земскіе начальники, наоборотъ, такъ долго задерживаютъ выдачу проходныхъ свидѣтельствъ, что иногда переселенцы уже теряютъ всякую надежду на полученіе проходнаго свидѣтельства и предпочитаютъ уходить, выправивъ потихоньку паспортъ, и слѣдовательно *при наличности разрѣшенія* разсматриваются какъ самовольные переселенцы [2])...

Все сказанное относится, правда, къ 1896 году, т. е. къ тому времени, когда вопросъ о разрѣшеніи переселенія въ Сибирь регулировался еще закономъ 13 іюля 1889 года. Въ 1896 году порядокъ выдачи разрѣшеній былъ значительно упрощенъ, а для желающихъ послать семейнаго ходока требованіе предварительнаго разрѣшенія было и вовсе отмѣнено и замѣнено требованіемъ простого удостовѣренія о томъ, что переселяющійся посылалъ ходока и черезъ него зачислилъ за собою землю. Но мы уже знаемъ, что законъ 7 декабря былъ въ значительной мѣрѣ отмѣненъ циркуляромъ 20 января 1897 года, который уполномочивалъ мѣстныя крестьянскія учрежденія «не допускать переселеніе въ размѣрахъ, не оправдываемыхъ хозяйственнымъ положеніемъ даннаго общества, наблюдая также, чтобы не выселялись семьи, кои по малочисленности состава или по бѣдности не могутъ разсчитывать на успѣшное устройство своего быта въ Сибири». Циркуляръ не устанавливалъ, такимъ образомъ, не только опредѣленнаго мѣрила для оцѣнки правъ ходатайствующихъ о переселеніи, но даже и единообразнаго порядка

---

[1]) То же, стр. 29.
[2]) Стр. 33.

разрѣшенія подобныхъ ходатайствъ, и такимъ образомъ широко раскрылъ для всякаго рода усмотрѣній двери, казалось бы, закрытыя закономъ 7 декабря 1896 года. Какъ сравнительно ни просты нынѣ дѣйствующія правила о ходачествѣ и переселеніи, тѣмъ не менѣе земскій начальникъ, не сочувствующій переселенію, имѣетъ полную возможность затормозить и посылку ходоковъ, и распродажу имущества, и выдачу проходныхъ свидѣтельствъ, вообще поставить желающихъ переселяться въ такія условія, при которыхъ имъ не будетъ никакого выхода, какъ пуститься въ путь безъ разрѣшенія. Сравнительно свѣжій разспросный матеріалъ, собранный экспедиціею по изслѣдованію Степныхъ областей въ переселенческихъ поселкахъ Акмолинской области, достаточно ясно показываетъ, въ какихъ безконечно разнообразныхъ формахъ и по настоящее время проявляется усмотрѣніе крестьянской администраціи.

Такимъ образомъ, одна изъ основныхъ задачъ, которую преслѣдовалъ Сибирскій комитетъ, шагъ за шагомъ упрощая порядокъ разрѣшенія переселеній, именно прекращеніе самовольнаго переселенія, осталась недостигнутой. Какъ мы знаемъ, общій переселенческій законъ 13 іюля 1889 г. грозилъ лицамъ, переселяющимся безъ установленнаго разрѣшенія, принудительнымъ возвращеніемъ на родину—угроза, впрочемъ, остававшаяся безъ практическаго примѣненія, такъ какъ ея дѣйствіе пріостанавливалось рядомъ послѣдовавшихъ, одно за другимъ Высочайшихъ повелѣній, разрѣшавшихъ причисленіе и надѣленіе землею самовольныхъ переселенцевъ. Конечно, оставить дѣло въ томъ же положеніи, т. е. сохранить угрозу возвращенія самовольныхъ переселенцевъ и систематически не приводить ее въ исполненіе, было невозможно,—но еще менѣе возможно было дѣйствительно возвращать на родину крестьянъ, переселившихся безъ соблюденія установленныхъ закономъ формальныхъ требованій. Необходимъ былъ, поэтому, коренной пересмотръ вопроса о судьбѣ самовольныхъ переселенцевъ. Какъ уже упоминалось, въ засѣданіи 8 марта 1895 года было предуказано и направленіе, въ которомъ долженъ былъ совершиться этотъ пересмотръ; была именно признана «крайняя нежелательность возвращенія обратно на родину переселенцевъ, хотя бы и самовольно покинувшихъ мѣста постоянной осѣдлости», и какъ цѣль правительственнаго воздѣйствія на переселеніе было указано «не задерживать переселенцевъ, хотя бы и самовольно покинувшихъ родину», но придать «изъ года въ годъ повторяющемуся перемѣщенію сельскихъ обывателей болѣе сознательный характеръ и болѣе правильную постановку».

Однако, при обсужденіи вопроса въ подготовительной комиссіи, въ 1896 году, эта точка зрѣнія нашла и противниковъ, которые указывали на вредъ, могущій проистечь отъ слишкомъ снисходительнаго отношенія къ самовольнымъ переселенцамъ, главнымъ образомъ въ виду начавшей выясняться уже въ то время ограниченности земельнаго фонда. Обратный взглядъ былъ рельефно и ярко выраженъ въ пространной рѣчи покойнаго иркутскаго генералъ-губернатора А. Д. Горемыкина—одного изъ тѣхъ немногихъ сибирскихъ

администраторовъ, которые проявляли живой интересъ и любовь къ крестьянскому и переселенческому дѣлу. «Существованіе самовольныхъ переселеній въ большихъ размѣрахъ, говорилъ А. Д. Горемыкинъ [1]), должно быть объяснено исключительно недостатками нашего переселенческаго законодательства, примѣнять которое на практикѣ оказывается невозможнымъ. Если среди переселенцевъ насчитывается значительное число самовольныхъ, то это прямо указываетъ на стѣснительность существующаго порядка выдачи разрѣшеній на переселеніе и на необходимость льготныхъ въ семъ отношеніи условій, но отнюдь не на злую волю переселяющихся, которые уклоняются отъ исполненія закона лишь вслѣдствіе крайней необходимости»... Поэтому «мѣры, принимаемыя правительствомъ по отношенію къ самовольному переселенію, не могутъ быть карательными, такъ какъ этого требуютъ не только гуманность, но и государственная польза: карательныя мѣры не могутъ остановить переселенческаго движенія и лишь дѣйствуютъ вреднымъ образомъ на хозяйственное положеніе переселяющихся, задерживая ростъ ихъ благосостоянія».

Подготовительная комиссія стала на промежуточную точку зрѣнія. Предвидя, что «фактически невозможно помѣшать отдѣльнымъ лицамъ отправляться въ Сибирь по паспортамъ, какъ бы для заработковъ, и тамъ ходатайствовать о водвореніи на казенныхъ земляхъ», комиссія въ своихъ дальнѣйшихъ сужденіяхъ исходила изъ необходимости, съ одной стороны, считаться съ существующимъ фактомъ, избѣгая при этомъ какъ принудительныхъ мѣръ, такъ и постоянно практиковавшихся отступленій отъ дѣйствовавшаго закона; а съ другой—дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы переселенцы твердо знали, что именно они теряютъ, оставляя старыя мѣста безъ установленнаго разрѣшенія»,—иначе сказать «обставить законный путь переселенія такъ, чтобы онъ представлялся особенно выгоднымъ передъ путемъ, сопряженнымъ съ обходомъ закона. Иначе сказать—таковъ былъ практическій выводъ комиссіи — такъ какъ переселеніе съ разрѣшенія правительства уже обезпечено извѣстными льготами, то надлежитъ установить ограниченіе этихъ льготъ для лицъ, переселяющихся безъ надлежащаго разрѣшенія». Прежде всего, коммиссія признала необходимымъ поставить непремѣннымъ условіемъ водворенія самовольныхъ переселенцевъ «наличность достаточнаго запаса свободныхъ, заготовленныхъ для переселенцевъ земель, такъ какъ только при этомъ условіи интересы получившихъ разрѣшеніе на переселеніе будутъ обезпечены въ достаточной мѣрѣ»; отсюда—постановленіе закона 15 апрѣля 1896 г., по силѣ котораго самовольные переселенцы водворяются на заготовленныхъ для переселяющихся участкахъ только въ томъ случаѣ, если таковые имѣются въ свободномъ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ, признано излишнимъ распространять на самовольныхъ переселенцевъ льготу по отвѣтственности за накопленныя на родинѣ недоимки, такъ какъ «при желаніи воспользоваться ею и при условіи, что переселеніе ихъ отвѣчаетъ видамъ

---

[1]) Журн. подг. ком. 26 янв., 1 и 9 февр. 1896 г., стр. 3 и слѣд.

правительства, такія лица могутъ всегда обратиться къ законному пути переселенія»: недоимки съ самовольныхъ переселенцевъ, поэтому, не слагаются, а только могутъ разсрочиваться на время до десяти лѣтъ, сообразно съ платежными средствами переселенцевъ. Не распространены на самовольныхъ переселенцевъ и льготы по отбыванію воинской повинности, — наконецъ самовольные переселенцы лишены права на удешевленный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ. Въ числѣ мѣръ противъ самовольныхъ переселеній было предложено и уменьшеніе размѣра ссудъ, по сравненію съ легальными переселенцами. Но комиссія нашла, что «уменьшеніе пособій могло бы вредно отразиться на прочности водворенія и даже, въ иныхъ случаяхъ, при особенно маломъ размѣрѣ, вызвать нецѣлесообразное употребленіе полученныхъ ссудъ, что конечно было бы крайне нежелательно»,—и признала вмѣстѣ съ тѣмъ, что лишеніе самовольныхъ переселенцевъ льготъ по отвѣтственности за недоимки, по отбыванію воинской повинности и по удешевленному проѣзду и безъ того должно «подавляющимъ образомъ дѣйствовать» на самовольное переселеніе. Собственно законъ 15 апрѣля не касается вопроса о ссудахъ. Но уже черезъ нѣсколько дней, 27 апрѣля 1896 г., дѣйствіе общихъ правилъ о ссудахъ распространено на самовольныхъ переселенцевъ. Впрочемъ, въ полномъ своемъ объемѣ и это постановленіе дѣйствовало недолго. Уже въ концѣ того же года, обсуждая способы къ сокращенію возросшаго быстрѣе, нежели дозволяли наличные и имѣвшіеся въ виду земельные запасы, переселенія, подготовительная комиссія сочла полезнымъ прекратить выдачу путевыхъ ссудъ самовольнымъ переселенцамъ; и закономъ 7 декабря 1896 года «въ видѣ временной мѣры» было постановлено, что самовольные, при своемъ слѣдованіи на переселеніе, не имѣютъ права на полученіе путевыхъ ссудъ. Но тѣмъ же закономъ была установлена и существенная льгота для самовольныхъ, въ случаѣ возвращенія ихъ на родину: обратнымъ переселенцамъ изъ самовольныхъ предоставлено, наравнѣ съ легальными, право безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ при возвращеніи ихъ въ Европейскую Россію.

Однако, въ этомъ отношеніи разсчеты подготовительной комиссіи не оправдались. Самовольное переселеніе, какъ мы знаемъ, не только не исчезло, но и не сократилось, и такимъ образомъ мотивы, толкавшіе на переселеніе, и препятствія, мѣшавшія переселенцамъ исхлопатывать «установленное разрѣшеніе», оказались сильнѣе того давленія, которое имѣлось въ виду оказать на переселяющихся путемъ ограниченія льготъ для самовольцевъ. На сцену выступалъ такимъ образомъ коренной вопросъ — о *водвореніи* самовольныхъ переселенцевъ, объ отводѣ имъ предназначенныхъ для заселенія государственныхъ земель. Мы уже видѣли, что водвореніе или неводвореніе самовольныхъ на переселенческихъ участкахъ по закону обусловлено наличностью земель «въ свободномъ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ». Какъ компетентно разъяснено, такая неопредѣленная редакція закона была не случайною: переселенческое движеніе вообще и самовольное переселеніе въ частности признавалось «явленіемъ столь своеобразнымъ въ подроб-

ностяхъ, столь измѣнчивымъ во времени, что для закона, призваннаго урегулировать это явленіе, необходимы довольно широкія рамки, чтобы охватить его вполнѣ своею регламентаціею и притомъ на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени», и «для успѣшности упорядоченія столь сложнаго бытового явленія, какъ переселеніе, признавалось необходимымъ предоставить правительственной власти возможно широкій просторъ» [1]). И такой просторъ открывался въ особенности выраженіемъ «въ свободномъ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ». По компетентному — опять-таки — разъясненію, выраженіе это оставляло открытымъ вопросъ, «слѣдуетъ ли понимать подъ свободными участками только тѣ, которые *въ данное время* не заняты переселенцами, имѣющими установленное разрѣшеніе, или же тѣ, которые признаются министерствомъ *вообще* непригодными для крестьянъ послѣдней категоріи. Такъ какъ при первомъ толкованіи самовольнымъ выходцамъ предоставлялся бы такой же широкій выборъ земель, какъ и получившимъ разрѣшеніе, и такимъ образомъ самая выдача разрѣшеній на переселеніе потеряла бы всякое значеніе», то уже циркуляръ 20 января 1897 года пріостановилъ отводъ земель самовольнымъ переселенцамъ и зачисленіе участковъ за самовольными ходоками. Впослѣдствіи же, тоже въ циркулярномъ порядкѣ, было разрѣшено устраивать самовольныхъ на переселенческихъ участкахъ,—но лишь «въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія» (продолжительное, не менѣе года, пребываніе въ Сибири, наличность признаковъ, свидѣтельствующихъ о прочномъ водвореніи, и т. п.). При этомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ крестьянскій начальникъ былъ обязанъ о водвореніи самовольнаго переселенца представить губернатору, который направлялъ дѣло въ министерство. Послѣднее, въ свою очередь, запрашивало начальство мѣста выхода переселенца, и въ случаѣ согласія его на перечисленіе самовольнаго переселенца сообщало объ этомъ, властямъ мѣста его жительства. Въ лучшемъ случаѣ, при подобной процедурѣ, самовольный переселенецъ долженъ былъ ожидать водворенія не менѣе двухъ лѣтъ...

На рубежѣ между вопросами переселенческой политики и мѣрами чисто-попечительнаго характера стоитъ вопросъ о *ссудахъ* переселенцамъ: по существу своему ссуды, естественно, относятся къ числу мѣръ послѣдней категоріи. Но правила о размѣрахъ и условіяхъ выдачи ссудъ всегда разсматривались и съ точки зрѣнія ихъ наблюдавшагося или предвидѣвшагося вліянія на размѣры и составъ переселенческаго движенія. «Установленіе правильной нормировки ссудъ—говоритъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ журналовъ, выше уже цитированномъ, подготовительная комиссія—является повидимому однимъ изъ немногихъ дѣйствительныхъ средствъ, имѣющихся въ рукахъ правительства для направленія и веденія колонизаціи сибирскаго края въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ интересамъ государственной политики».

[1]) Записка перес. управл. по проекту новаго перес. закона, стр. 18.

Приведемъ прежде всего погодныя данныя относительно размѣра суммъ, отпускавшихся на выдачу ссудъ переселенцамъ:

Года.	Рубли.
1894	300.000
1895	546.000
1896	1.890.811
1897	1.390.000
1898	1.380.000
1899	1.600.000
1900	1.400.000
1901	1.300.000
1902	1.300.000
1903	1.200.000

Въ общей сложности за десятилѣтіе 1894—1903 гг. на выдачу ссудъ переселенцамъ было, такимъ образомъ, ассигновано 12.306.811 рублей,—въ среднемъ на годъ по 1.230.681 рубля, если же считать одно только восьмилѣтіе 1896—1903 гг., то по 1.432.100 рублей. Въ среднемъ на каждаго переселившагося, безъ различія пола и возраста, было отпущено: въ 1894 году — съ небольшимъ 4 руб., въ 1895 году нѣсколько болѣе 5 руб.; въ 1896 году соотвѣтственная цифра поднимается до 9, въ 1897 году даже до 16 руб.; въ слѣдующіе два года она понижается до 7 руб., въ 1900 году — даже до 6 руб. съ небольшимъ. Въ 1901 — 1903 гг. размѣръ ссуднаго кредита остается, приблизительно, на томъ же уровнѣ, но развёрстывается на значительно сократившееся число переселенцевъ, — и потому на каждаго переселенца, безъ различія пола и возраста, эти года приходится уже 11—12 руб. ссудныхъ денегъ.

Сопоставленіе это, уже само по себѣ, даетъ право на предположеніе, что потребность въ ссудахъ исчислялась въ одни годы сравнительно широко, въ другіе — въ гораздо болѣе тѣсныхъ рамкахъ. И дѣйствительно—въ ссудной политикѣ Сибирскаго комитета обнаруживаются довольно замѣтныя колебанія.

Остановимся прежде всего, вкратцѣ, на *путевыхъ ссудахъ*. Въ 1894 году Сибирскимъ комитетомъ былъ установленъ тотъ общій принципъ, что размѣры путевыхъ ссудъ должны сообразоваться, въ каждомъ случаѣ, какъ съ протяженіемъ пути, предстоящаго переселенцамъ, такъ и съ способомъ передвиженія; наивысшій размѣръ путевыхъ ссудъ, выдаваемыхъ въ Тюмени и Челябинскѣ, былъ опредѣленъ въ 50 руб.—цифра, приблизительно сообразованная со стоимостью проѣзда, въ то время, отъ Тюмени до Омска или Томска; семьямъ, идущимъ въ среднюю Сибирь и на Амуръ, разрѣшено было выдавать, при прохожденіи черезъ Томскъ, дополнительныя пособія, въ размѣрѣ также до 50 рублей. Правила эти были существенно измѣнены въ 1899 году. Исходя изъ того соображенія, что сооруженіе Сибирской желѣзной дороги въ связи съ льготнымъ тарифомъ и другими мѣрами, принятыми для облегченія проѣзда переселенцевъ

въ Сибирь, привело къ значительному сокращенію расходовъ, связанныхъ съ передвиженіемъ переселенцевъ, а слѣдовательно и самой потребности въ ссудахъ,—Сибирскій комитетъ понизилъ максимальный размѣръ послѣднихъ до 30 руб.; самая выдача ссудъ ограничена моментомъ оставленія переселенцами желѣзной дороги, и только въ особо исключительныхъ случаяхъ допущено оказаніе ссудной помощи во время проѣзда по желѣзному пути. Фактически, впрочемъ, путевыя ссуды и до этого измѣненія ссудныхъ правилъ выдавались въ небольшихъ размѣрахъ и лишь меньшинству переселенцевъ: такъ, въ 1896 году—годъ наибольшей развитія ссудной помощи—путевыя ссуды были выданы лишь въ 5.872 случаяхъ, причемъ средній ихъ размѣръ не превысилъ 10 руб. на семью, а въ 1898 году путевыя ссуды получило лишь 4.786 семействъ, всего около одной пятой общаго числа переселенцевъ.

Ссуды на водвореніе въ послѣдніе годы передъ учрежденіемъ Сибирскаго комитета выдавались съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, министерства, въ размѣрѣ не свыше 200 рублей на семью. Нечего и говорить, съ какою проволочкою въ выдачѣ ссудъ былъ связанъ подобнаго рода порядокъ. Большою заслугою Сибирскаго комитета являются поэтому мѣры, принятыя ради упрощенія порядка разрѣшенія и ускоренія выдачи ссудъ. Уже правила 1894 года предоставляли губернскимъ и областнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ собственною властью разрѣшать ходатайства о ссудахъ, представляя дѣло на разрѣшеніе министерства лишь въ случаѣ необходимости выдать ссуду въ превышающемъ обычную предѣльную норму (см. ниже) размѣрѣ. Кредиты, назначенные для выдачи ссудъ, оставались, по правиламъ 1894 года, въ распоряженіи губернскихъ и областныхъ учрежденій, и лишь по разрѣшеніи каждой ссуды разрѣшенная сумма переводилась въ распоряженіе крестьянскаго чиновника, который былъ обязанъ лично выдать эту ссуду переселенцу. Переводъ разрѣшенныхъ въ ссуду денегъ, при существующихъ казначейскихъ порядкахъ, требовалъ въ каждомъ случаѣ довольно продолжительнаго времени; чтобы устранить эту проволочку, весною 1896 года министерству внутреннихъ дѣлъ было предоставлено отпускать въ непосредственное распоряженіе крестьянскихъ чиновниковъ авансы, до 3000 рублей каждому, съ тѣмъ, чтобы выдача ссудъ могла производиться немедленно по полученіи извѣщенія о разрѣшеніи ссуды губернскимъ или областнымъ учрежденіемъ. А въ концѣ того же года, положеніемъ 7 декабря, по мысли бывшаго въ Сибири лѣтомъ 1896 года А. Н. Куломзина былъ сдѣланъ дальнѣйшій важный шагъ: крестьянскимъ чиновникамъ предоставлено право выдавать по своему усмотрѣнію ссуды изъ упомянутыхъ авансовъ, въ размѣрѣ до 30 рублей на семью, предполагавшемся достаточнымъ для удовлетворенія первоначальныхъ, насущнѣйшихъ потребностей вновь прибывшаго переселенца,—и только выдача дополнительныхъ ссудъ сверхъ упомянутаго размѣра должна была, по прежнему, разрѣшаться губернскими и областными учрежденіями.

Ради экономіи мѣста мы не будемъ входить въ подробности от-

*

носительно подраздѣленія ссудъ по предметамъ; замѣтимъ только, что правила 1894 года удерживаютъ установившееся подраздѣленіе ссудъ на домообзаводственныя и продовольственныя. Затѣмъ, однако, это подраздѣленіе было признано нецѣлесообразнымъ: «существованіе особой категоріи ссудъ на продовольствіе порождало среди переселенцевъ взглядъ на подобныя ссуды, извѣстныя среди нихъ подъ названіемъ «харчевыхъ денегъ», какъ на своего рода «жалованье», вслѣдствіе чего подобной формулировкѣ выдачи ссудъ придавался совершенно нежелательный характеръ поощренія и вызова на переселеніе со стороны правительства» *). А такъ какъ къ тому же—и въ этомъ практически важнѣйшій мотивъ—опытъ выяснилъ, что получаемыя въ ссуду деньги въ дѣйствительности расходуются безъ всякаго отношенія къ тому, отпущены ли они на домообзаводство или на продовольствіе, то правила 1899 года объединяютъ выдачу ссудъ на домообзаводство и посѣвъ и совершенно не упоминаютъ о выдачѣ ссудъ на продовольствіе: переселенцы съ момента своего переселенія пріобрѣтаютъ право на продовольственныя ссуды изъ мѣстныхъ средствъ, выдача же такихъ ссудъ непричисленнымъ переселенцамъ допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ, при неурожаяхъ, съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Совершенно особое мѣсто занимаетъ помощь переселенцамъ лѣсными матеріалами или—точнѣе—безплатнымъ отпускомъ лѣса изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, о которой мы здѣсь только упомянемъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться къ ней въ дальнѣйшемъ изложеніи: переселенцамъ предоставляется право на такой отпускъ во всѣхъ случаяхъ, когда на отведенныхъ имъ участкахъ не имѣется достаточно лѣса, годнаго для построекъ, въ размѣрѣ не свыше 200 строевыхъ деревьевъ и 50 жердей на дворъ, и сверхъ того для бань по 20 и для ригъ и гуменъ по 60 деревьевъ. Ограничимся также простымъ упоминаніемъ о томъ, что фактическая невозможность для переселенцевъ, водворенныхъ въ удаленныхъ отъ казенныхъ лѣсовъ степныхъ мѣстностяхъ, воспользоваться своимъ правомъ на безплатный отпускъ лѣса вызвала устройство, начиная съ 1897 года, особыхъ лѣсныхъ складовъ, откуда лѣсъ отпускался переселенцамъ въ счетъ ссудъ,—а также о томъ, что начиная также съ 1897 года такимъ переселенцамъ выдаются, сверхъ обычныхъ домообзаводственныхъ ссудъ, еще особыя ссуды на устройство жилищъ,—мѣра, вызванная тѣми заболѣваніями, которыя вели за собою дурныя жилищныя условія переселенцевъ.

Коренной и въ то же время наиболѣе принципіальный вопросъ *о размѣрахъ ссудъ* разрѣшался подъ вліяніемъ соображеній двоякаго порядка: въ основаніе правилъ о ссудахъ—читаемъ мы въ отчетѣ комитета Сибирской желѣзной дороги за пятилѣтіе 1893—1897 гг.,—«положена мысль, что правительство заинтересовано въ поддержкѣ переселенцевъ, дабы они, устраиваясь на новыхъ мѣстахъ, возможно скорѣе дѣлались исправными домохозяевами и плательщиками пода-

---

¹) Колон. Сибири, стр. 254—5.

тей. Размѣръ выдаваемыхъ пособій—и здѣсь, очевидно, корень вопроса съ точки зрѣнія, собственно, переселенческой политики комитета—долженъ быть достаточнымъ для поддержки *средняго по состоятельности переселенца, но отнюдь не столь значительнымъ, чтобы выходцы изъ Европейской Россіи могли разсчитывать устроить свое благосостояніе на новыхъ мѣстахъ исключительно лишь благодаря этимъ ссудамъ»*. Комитетъ Сибирской желѣзной дороги «призналъ возможнымъ придать всѣмъ мѣропріятіямъ по оказанію помощи переселенцамъ значительно болѣе широкую постановку»; но вмѣстѣ съ тѣмъ признавалась необходимою «всемѣрная бережливость и осторожность, дабы оказываемыя переселенцамъ вспомоществованія не вселили въ нихъ, а черезъ нихъ—и въ оставшихся на родинѣ ихъ родственникахъ и землякахъ, увѣренности, что въ Сибири, благодаря помощи правительства, можно легко устроиться безъ всякихъ собственныхъ затратъ».

Въ первые годы дѣятельности комитета преобладало первое изъ выразившихся въ приведенныхъ отрывкахъ теченій. Поэтому, и ссудныя нормы были установлены — по тому времени — достаточно высокія: губернскимъ присутствіямъ было предоставлено разрѣшать своею властью домообзаводственныя ссуды въ размѣрѣ до 100 рублей (для Приамурскаго края 150 р.) на семью, что по цѣнамъ, существовавшимъ въ главныхъ тогдашнихъ районахъ водворенія (западная Сибирь и Акмолинская область), было достаточно для пріобрѣтенія наиболѣе необходимаго крестьянскаго инвентаря—пары лошадей, пары коровъ, двухъ телѣгъ, саней, сбруи необходимѣйшихъ земледѣльческихъ орудій и т. п.; въ случаѣ, необходимости, присутствія могли просить министерство внутреннихъ дѣлъ о выдачѣ дополнительныхъ ссудъ. Кромѣ того, переселенцамъ выдавались продовольственныя ссуды по нормамъ, установленнымъ для старожилаго населенія, и сѣменныя—на обсѣмененіе двухъ десятинъ. Уже въ то время, однако, сибирскія власти начинали указывать на недостаточность 100 рублевой предѣльной нормы и требовали повышенія ея до 150 или даже до 200 рублей на семью. На доводы въ пользу такого повышенія не были признаны достаточно убѣдительными, и 100-рублевая норма была удержана и въ пересмотрѣнныхъ правилахъ 27 апрѣля 1896 года. А съ конца того же года преобладаніе, какъ мы знаемъ, переходитъ ко второму, ограничительному теченію. Въ числѣ другихъ, уже извѣстныхъ намъ мѣръ къ сокращенію чрезмѣрнаго наплыва переселенцевъ, было намѣчено также и пониженіе размѣровъ ссудъ, которыя признавались однимъ изъ немаловажныхъ стимуловъ, способствовавшихъ усиленному росту переселенія въ Сибирь. Толькочто подтвержденная, весною 1896 года, 100-рублевая норма не была, правда, понижена. Но фактически она была отмѣнена состоявшимся 7 декабря того-же года положеніемъ Сибирскаго комитета, установившимъ предѣлъ первоначальной ссуды, выдаваемой по личному усмотрѣнію крестьянскаго чиновника, въ 30 рублей, а дополнительныхъ выдачъ, разрѣшаемыхъ губернскимъ или областнымъ учрежденіемъ,—

въ 20 рублей въ среднемъ на каждую водворяющуюся въ районѣ крестьянскаго чиновника семью,—иначе сказать, средній размѣръ ссудныхъ выдачъ переселенцамъ ограничивался 50 рублями на семейство. Предѣльный тридцати рублевый размѣръ первоначальныхъ ссудъ признавалось возможнымъ установить «безъ всякой боязни за то, что подобная ссуда не принесетъ помощи при домоустройствѣ, такъ какъ на эти деньги въ Тобольской губерніи, напримѣръ, можно купить хорошихъ лошадь и корову, что конечно представляется хорошимъ вкладомъ для хозяйства новосела». Что касается до двадцати рублеваго средняго размѣра дополнительныхъ выдачъ, то въ оправданіе его приводилось то соображеніе, «что въ промежутокъ времени между ссудами первоначальной и дополнительной вполнѣ можетъ выясниться состоятельность новоселовъ. Между тѣмъ, если окажется, что получившіе первоначальную ссуду успѣли надлежащимъ образомъ устроиться, то имъ должно быть отказано въ дальнѣйшемъ пособіи, и за счетъ ихъ представится возможнымъ выдать большее дополнительное пособіе дѣйствительно нуждающимся» [1]).

На практикѣ вновь установленный закономъ 7 декабря 1896 года порядокъ выдачи ссудъ былъ понятъ какъ простое пониженіе предѣльной нормы ссудъ,—чему впрочемъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ, опять-таки, циркуляръ 20 января 1897 года № 1, предписывавшій мѣстнымъ властямъ разъяснять переселенцамъ, что «правительственныя пособія выдаются лишь нѣкоторымъ изъ числа беднѣйшихъ переселенцевъ, и что въ настоящемъ (1897) году ссуды на обзаведеніе не будутъ превышать 30 рублей на дворъ». А между тѣмъ условія водворенія переселенцевъ въ Сибири значительно измѣнились къ худшему: переселенцамъ стали отводиться участки удаленные, заросшіе лѣсомъ и слѣдовательно — болѣе трудные для разработки; въ тоже время значительно сократилась возможность заработковъ, благодаря отдаленности участковъ; наконецъ и цѣны предметовъ небходимости стали значительно выше чѣмъ въ началѣ даннаго періода,—въ результатѣ потребность въ ссудахъ почувствовалась значительно сильнѣе, нежели въ первые годы дѣятельности Сибирскаго комитета. Если, такимъ образомъ, и при ничѣмъ неограниченномъ дѣйствіи правилъ 1894 года, съ 100-рублевою предѣльною нормою ссудъ, съ мѣста шли заявленія о недостаточности послѣднихъ, то тѣмъ громче стали раздаваться эти заявленія, когда размѣры ссудъ—при возросшей въ нихъ потребности—подверглись существенному сокращенію. Однако, заявленія эти не возымѣли дѣйствія и при послѣдовавшемъ въ 1899 году очередномъ пересмотрѣ ссудныхъ правилъ (мы забыли упомянуть, что правила эти утверждались, каждый разъ, на трехлѣтній срокъ). Правда, къ тому времени въ значительной мѣрѣ ослабѣли тѣ соображенія общей переселенческой политики, которыя были основ-

[1]) Журн. подг. ком. 1 ноября и т. д. 1896 г. № 37.

нымъ мотивомъ ограничительныхъ постановленій 1896 года: «послѣдовавшее упорядоченіе переселенческаго движенія совершенно устранило опасенія излишняго наплыва переселенцевъ, а потому вопросъ о нормѣ пособій разсматривался главнымъ образомъ сообразно выяснившимся на опытѣ потребностямъ жизни и условіямъ водворенія въ различныхъ районахъ заселенія». Но, оставаясь на этой точкѣ зрѣнія, министерство внутреннихъ дѣлъ «все же высказалось противъ повышенія, въ виду того что общее повышеніе разъ установленной и въ теченіе трехъ лѣтъ примѣнявшейся нормы не вызывалось бы соображеніями цѣлесообразности, требующими обезпеченія возможности выдачи болѣе значительныхъ пособій лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она вызывается дѣйствительною необходимостью». Министерство внутреннихъ дѣлъ считало достаточнымъ предусмотрѣть въ новыхъ правилахъ возможность повышенія ссудъ въ исключительныхъ случаяхъ—въ Приамурскомъ краѣ до 300, въ остальныхъ районахъ — до 150 р. Но подготовительная коммисія несогласилась и съ этимъ: исходя главнымъ образомъ изъ бюджетныхъ, финансовыхъ соображеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ — и изъ того своего основного принципа, что «правительство не устраиваетъ новоселовъ всецѣло насчетъ казны, а только оказываетъ имъ нѣкоторую помощъ въ дѣйствительно затруднительныхъ случаяхъ», она не нашла возможнымъ вводить въ правила указанія на повышеніе нормы ссудъ, даже для исключительныхъ случаевъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ оговорила въ своемъ журналѣ, что отсутствіе подобнаго рода указанія не помѣшаетъ министерству пользоваться предоставленнымъ ему правомъ разрѣшать ссуды въ повышенномъ сверхъ обычной, сохраненной въ прежнемъ размѣрѣ, нормы. Нѣсколько расширены были только права крестьянскихъ начальниковъ по выдачѣ предварительныхъ ссудъ; правила 1899 года предоставляютъ имъ право выдавать такія ссуды, опять таки въ исключительныхъ случаяхъ, и болѣе 30 рублей, не свыше однако 50 рублей на семью, съ обязательствомъ доносить въ каждомъ случаѣ объ обстоятельствахъ, потребовавшихъ выдачи ссуды въ повышенномъ сверхъ 30 рублей размѣрѣ.

Новый, довольно рѣшительный поворотъ въ вопросѣ о размѣрахъ ссудъ обнаружился при послѣднемъ пересмотрѣ ссудныхъ правилъ, весною 1903 года.

Тѣ мотивы, которые еще въ 1896 и 1899 гг. заставляли мѣстныя власти требовать повышенія ссудныхъ нормъ, не только не ослабѣвали съ теченіемъ времени, но напротивъ—давали себя чувствовать все съ большею силой. Естественно, что ко времени новаго пересмотра ссудныхъ правилъ голоса, требовавшіе повышенія размѣровъ ссудъ, стали раздаваться еще громче и настоятельнѣе. Переселенцамъ — писалъ напримѣръ Иркутскій генералъ-губернаторъ А. И. Пантелѣевъ, «вслѣдствіе заполненія лучшихъ и ближайшихъ къ желѣзной дорогѣ участковъ приходится нынѣ селиться на менѣе удобныхъ земляхъ, въ мѣстностяхъ нерѣдко почти сплошь покрытыхъ лѣсомъ, гдѣ обработка почвы представляетъ значитель-

ныя трудности и сопряжена съ крупными денежными расходами. Естественно, что при такихъ условіяхъ переселенцы вынуждены тратить всѣ средства на раздѣлку земли подъ пашни и на пріобрѣтеніе хотя бы простѣйшихъ земледѣльческихъ орудій,—устройство же жилища и обзаведеніе домашнимъ хозяйствомъ по необходимости отлагается на неопредѣленное время. Кромѣ того—заявилъ ген. Пантелѣевъ, цѣны на скотъ и предметы сельскаго хозяйства, которыми необходимо обзавестись переселенческой семьѣ въ первый же годъ по водвореніи, въ настоящее время значительно выше, нежели нѣсколько лѣтъ тому назадъ». Исходя изъ такихъ соображеній, Енисейское губернское присутствіе требовало повышенія ссудныхъ нормъ для трудныхъ таёжныхъ участковъ до 300 руб., для остальныхъ—до 200 руб., Иркутскій губернаторъ—до 150 руб.; Степной генералъ-губернаторъ желалъ повышенія нормы до 250 руб., Тобольскій губернаторъ—до 200 руб., Томскій губернаторъ—до 150 руб. при безплатномъ отпускѣ лѣса и до 200 руб.—въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣса не было возможности отпустить; наконецъ для Приамурскаго края признавалось необходимымъ довести норму, по меньшей мѣрѣ, до 250 руб. на семью. Министерство внутреннихъ дѣлъ, на этотъ разъ, рѣшительно высказалось за повышеніе размѣровъ ссудъ, причемъ стало на такую точку зрѣнія, которая принципіально отличалась отъ той, которой держались и Сибирскій комитетъ, и само министерство, во второй половинѣ 90-хъ годовъ. «До настоящаго времени,—разсуждало министерство, при выдачѣ переселенцамъ ссудъ имѣлось въ виду оказаніе лишь частичнаго воспособленія вновь возникающему въ Сибири хозяйству, въ предположеніи, что на переселеніе идутъ среднесостоятельныя семьи, имѣющія при выходѣ съ родины около 300 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пособія предназначались для переселенцевъ, осѣдающихъ въ легкихъ или среднихъ по трудности мѣстностяхъ Сибири; въ зависимости отъ одинаковыхъ, приблизительно, условій водворенія для разныхъ мѣстъ, былъ установленъ и одинаковый размѣръ ссудъ. Наконецъ, не было въ достаточной мѣрѣ предусмотрѣно повышеніе цѣнъ на предметы крестьянскаго хозяйства, обыкновенно являющееся послѣдствіемъ проведенія желѣзныхъ дорогъ». Между тѣмъ, «во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе дѣла за послѣдніе годы совершенно измѣнилось». Какъ справедливо указывало министерство, отдаленность заселяемыхъ въ настоящее время земель и трудность ихъ для разработки «неизбѣжно вводятъ переселенцевъ въ значительные расходы: на наемъ квартиры въ ближайшемъ населенномъ пунктѣ впредь до постройки, хотя бы вчернѣ, собственной избы, на продовольствіе до перваго урожая, т. е. на два-три года, и на кормъ скота не менѣе какъ въ теченіе года; къ этимъ тратамъ присоединяется и необходимый въ хозяйствѣ каждаго новосела расходъ на покупку сѣмянъ, особенно значительный въ заселяемыхъ нынѣ пустынныхъ мѣстностяхъ, гдѣ пудъ ржи иногда доходитъ до 4 и 5 рублей, въ то время какъ на рынкахъ цѣна не поднимется выше 1 р. 50 к.» Но что самое существенное съ наиболѣе интересующей насъ точки зрѣнія

общей переселенческой политики,—это то, что министерство теперь считаетъ нужнымъ «выдвигать на первый планъ облегченіе переселенія, по возможности, всѣмъ крестьянамъ, нуждающимся въ улучшеніи своего быта, независимо отъ имѣющихся у нихъ денежныхъ средствъ» [1]),—точка зрѣнія, которая, какъ мы скоро увидимъ, послѣдовательно проводилась во время подготовительныхъ работъ по составленію новаго переселенческаго закона 6 іюня 1904 года. Взамѣнъ господствовавшаго ранѣе принципа, въ силу котораго ссуды должны были оказывать лишь нѣкоторую помощь обзаведенію средне-состоятельнаго переселенца, теперь выдвигается совершенно иная точка зрѣнія—«допущеніе ссуды въ размѣрѣ, достаточномъ для того, чтобы неимущій переселенецъ могъ обзавестись хозяйствомъ». А такъ какъ размѣръ необходимыхъ для этого средствъ колеблется въ зависимости отъ разнообразнѣйшихъ мѣстныхъ условій, то выдвигается еще и другое новое начало, именно «установленіе упомянутаго размѣра примѣнительно къ стоимости водворенія въ томъ или иномъ районѣ и къ хозяйственнымъ особенностямъ текущаго года, наконецъ измѣненіе порядка выдачи ссудъ, съ цѣлью сдѣлать его болѣе гибкимъ и жизненнымъ». Проведеніе въ жизнь этого послѣдняго, въ существѣ безспорнаго, принципа предлагалось поручить «ближайшему къ населенію учрежденію»,—уѣздному съѣзду, потому что «только лицамъ, непосредственно соприкасающимся съ мѣстною жизнью, какими являются члены съѣзда, доступно вполнѣ жизненное представленіе объ особенностяхъ данной мѣстности и случая». За губернскими и областными учрежденіями преополагалось, поэтому, оставить уже только общій надзоръ за ходомъ дѣла; разрѣшеніе ссудъ въ предѣлахъ нормъ, опредѣленныхъ на каждый годъ и для каждой мѣстности по представленіямъ уѣздныхъ съѣздовъ, предоставлялось самимъ съѣздамъ, крестьянскимъ же начальникамъ предоставлялось выдавать переселенцамъ предварительныя ссуды въ значительно повышенномъ противъ прежняго размѣрѣ—до 100 рублей на семью.

Очень энергично эти предположенія защищались въ подготовительной комиссіи начальникомъ переселенческаго управленія А. В. Кривошеинымъ: послѣдній и здѣсь проводилъ ту новую точку зрѣнія, что «облегченіе возможности переселенія извѣстной части малоземельныхъ крестьянъ представляется задачей первостепенной государственной важности», и подкрѣплялъ свои соображенія еще однимъ многознаменательнымъ доводомъ: «суровыя условія жизни,—говорилъ г. Кривошеинъ, на многихъ вновь нарѣзаемыхъ таёжныхъ участкахъ могутъ привлечь только тѣхъ крестьянъ, которые не имѣютъ собственныхъ средствъ и потому наименѣе требовательны къ качеству отводимыхъ земель; земли эти не представляютъ ничего заманчиваго для выходцевъ изъ Европейской Россіи, обладающихъ извѣстнымъ достаткомъ, и многіе заготовленные въ послѣдніе годы участки долгое время остаются незанятыми».

Новыя предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ были раз-

---

1) Записка 22 апр. 1903 г., № 5011.

смотрѣны подготовительною комиссіею въ два пріема: весной 1903 г.[1]), въ особыхъ засѣданіяхъ, посвященныхъ пересмотру ссудныхъ правилъ,—и осенью, при разсмотрѣніи общей смѣты расходовъ на переселенческое дѣло[2]). И въ томъ, и въ другомъ засѣданіи мысль о значительномъ повышеніи ссудныхъ нормъ встрѣтила горячую поддержку со стороны А. В. Васильева, извѣстнаго публициста-славянофила, члена отъ контрольнаго вѣдомства въ подготовительной комиссіи: «въ двухмилліардной государственной росписи, — говорилъ г. Васильевъ, — всегда, казалось бы, могутъ найтись необходимыя для этого дѣла средства, даже если бы они требовались въ размѣрѣ, во много разъ превышающемъ нынѣшнія ассигнованія». Помощь правительства людямъ, своимъ переселеніемъ содѣйствующимъ дѣлу колонизаціи Сибири, г. Васильевъ признавалъ обязательною и съ нравственной, и съ юридической точки зрѣнія. «Разъ правительство приняло на себя заботы о правильномъ ходѣ переселенческаго дѣла, то надлежитъ принять мѣры и къ тому, чтобы переселяющіеся въ Сибирь крестьяне не погибали тамъ, за неимѣніемъ средствъ существованія, а устраивались при помощи правительства прочно и хорошо. И чѣмъ шире эта помощь будетъ оказываться, тѣмъ лучшіе результаты она дастъ, ибо твердо поставитъ на ноги многихъ тружениковъ на пользу земли русской и разовьетъ въ Сибири платежныя силы населенія на будущее время»...

Подготовительная комиссія не нашла возможнымъ столь же рѣшительно стать на новую точку зрѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ. Прежде всего, на сцену выступили, и теперь, финансовыя соображенія, а затѣмъ указывалось на то, что рѣзкій переходъ къ значительно повышеннымъ нормамъ «представляетъ весьма существенныя неудобства для правильнаго развитія переселенческаго дѣла; нельзя забывать, что слухъ о выдачѣ въ Сибири переселенцамъ значительно усиленныхъ пособій быстро разнесется среди крестьянскаго населенія Европейской Россіи, и тогда за Уралъ сразу хлынетъ такая волна переселенцевъ, что урегулировать ея теченіе едва ли окажется по силамъ и центральному вѣдомству, и мѣстнымъ органамъ». Указывалось и на то, что «едва ли было бы справедливо оказывать такую чрезвычайную помощь переселенческому населенію Сибири въ то время, какъ масса крестьянъ въ Европейской Россіи находится въ условіяхъ, нерѣдко гораздо худшихъ чѣмъ тѣ, въ которыя попадаютъ новоселы». И наконецъ, подготовительная комиссія нашла необходимымъ подчеркнуть, что Сибирскій комитетъ «не можетъ нести никакой отвѣтственности за неудачи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, ибо переселенцы идутъ въ Сибирь по доброй волѣ, безъ всякаго приглашенія со стороны правительства, на свой рискъ и страхъ».

Тѣмъ не менѣе, подготовительная комиссія во многомъ пошла навстрѣчу пожеланіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

---

[1]) Журн. 2 и 9 мая 1903 г. № 130.

[2]) Журн. 31 окт. и т. д. № 137, стр. 23 и сл.

Новыя ссудныя правила, утвержденныя 25-го іюня 1903 года, децентрализують дѣло разрѣшенія и выдачи ссудъ, предоставляя право разрѣшать ссуды, въ предѣлахъ нормъ, уѣзднымъ съѣздамъ; крестьянскимъ начальникамъ предоставляется выдача авансовыхъ ссудъ въ размѣрѣ до 50 рублей; при этомъ правила, обязывая крестьянскихъ начальниковъ наблюдать за правильнымъ употребленіемъ переселенцами выданныхъ ссудъ, предоставляютъ имъ выдавать даже разрѣшенныя ссуды частями, по мѣрѣ цѣлесообразнаго расходованія переселенцами ранѣе полученныхъ денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія «не могла не отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ единогласнымъ заявленіямъ сибирскихъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ о необходимости нѣкотораго повышенія высшей нормы ссудъ» и признала такое увеличеніе, «въ принципѣ, вполнѣ отвѣчающимъ, выяснившимся, потребностямъ», хотя и «подъ условіемъ необходимой сдержанности въ ассигнованіяхъ по сему предмету». Правила 25-го іюня 1903 года сохраняютъ однако старыя предѣльныя нормы,—150 рублей для Приамурья и 100 руб. для другихъ мѣстностей: подготовительная комиссія, въ принципѣ согласившись съ необходимостью увеличенія размѣровъ ссудъ и выработки различныхъ по мѣстностямъ нормъ на основаніи соображеній, выработанныхъ уѣздными съѣздами,—пришла къ тому, тоже, совершенно правильному заключенію, что безъ выполненія на мѣстахъ этой подготовительной работы «врядъ ли возможно устанавливать въ правилахъ о ссудахъ какое либо постановленіе о нормѣ высшаго размѣра ссудъ, а потому находила болѣе цѣлесообразнымъ отложить обсужденіе вопроса впредь до представленія уѣздными съѣздами заключеній по сему предмету, а въ правилахъ оставить существующія нормы ссудъ». Такимъ способомъ, имѣлось въ виду собрать, съ одной стороны, болѣе полный и конкретный матеріалъ для разрѣшенія вопроса о предѣльныхъ нормахъ ссудъ, а съ другой — испытать на практикѣ пригодность уѣздныхъ съѣздовъ для того нелегкаго дѣла, которое предполагалось возложить на нихъ. Мы сейчасъ увидимъ, что нѣкоторая нерѣшительность, проявленная въ данномъ случаѣ подготовительною комиссіею,—проявленная, притомъ, несмотря на категорическое удостовѣреніе присутствовавшаго въ засѣданіи Степного генералъ-губернатора, ген. Сухотина, что «крестьянскіе начальники и уѣздные съѣзды могутъ успѣшно и съ полнымъ знаніемъ дѣла опредѣлить стоимость водворенія и продовольствія на переселенческихъ участкахъ»,—имѣла весьма законныя основанія...

Однако, и не ожидая результатовъ предстоявшей уѣзднымъ съѣздамъ работы, подготовительная комиссія приняла весьма важное рѣшеніе въ смыслѣ повышенія размѣровъ ссудъ. Какъ въ свое время 100-рублевая норма была фактически понижена закономъ 7-го декабря 1896 г., обязавшимъ выдавать въ ссуду, въ среднемъ, не свыше 50 рублей на семью,—такъ теперь было допущено повышеніе размѣра выдаваемыхъ ссудъ, въ формѣ отмѣны упомянутаго ограниченія: подготовительною комиссіей было именно указано, что кредитъ на выдачу ссудъ въ 1904 году можетъ быть исчисленъ на основа-

нiи средняго разсчета по 100 рублей на каждую вновь водворяющуюся семью и по 50 рублей—на дополнительныя пособiя устроившимся въ прежнiе годы новоселамъ.

Въ теченiе лѣта 1903 года уѣздные съѣзды сибирскихъ губерній и Степного края, дѣйствительно, выработали и представили соображенія по вопросу о порайонныхъ ссудныхъ нормахъ. И здѣсь случилось то, что *должно* было случиться, что легко было предвидѣть въ виду той десятилѣтней практики ссуднаго дѣла, о которой читатель получитъ нѣкоторое представленiе на послѣдующихъ страницахъ. То «непосредственное знакомство» и съ естественными трудностями районовъ, и съ экономическими особенностями даннаго года, которое предполагалось присущимъ крестьянскимъ начальникамъ, не сдѣлали ихъ пригодными для того, чтобы съ дѣйствительнымъ знанiемъ жизни и жизненныхъ потребностей выполнить возложенное на нихъ, дѣйствительно трудное, дѣло. Было бы небезынтересно подвергнуть подробному критическому разсмотрѣнiю тѣ сотни листовъ печатной бумаги, въ которые вылились соображенiя и предположенiя двухъ десятковъ уѣздныхъ съѣздовъ Сибири и Степного края, но для этого мы не располагаемъ мѣстомъ. Достаточно того, что само министерство внутреннихъ дѣлъ, подвергнувъ доставленные съѣздами матерiалы нѣкоторому сравнительному разсмотрѣнiю, должно было совершенно отбросить ихъ и попытаться построить ссудныя нормы на данныхъ, собранныхъ совсѣмъ инымъ путемъ. Министерство объясняло это тѣмъ, что съѣзды и присутствiя «при разработкѣ порайонныхъ нормъ не имѣли единообразныхъ, строго выработанныхъ основанiй для сужденiя о признакахъ, влiяющихъ на хозяйственное устройство переселенцевъ». Намъ лично думается, что причина неудачи сдѣланной попытки лежитъ гораздо глубже—въ непригодности уѣздныхъ съѣздовъ, какъ таковыхъ, для даннаго, сложнаго и труднаго дѣла. Но какъ бы то ни было—для насъ важно то, что министерство внутреннихъ дѣлъ само признало полную неудачу сдѣланной попытки, признавъ необходимымъ выработанныя мѣстными административными коллегiями нормы «провѣрить путемъ установленiя общихъ основныхъ признаковъ, характеризующихъ хозяйство новоселовъ»,—для чего оно воспользовалось данными подворнаго обслѣдованiя, произведеннаго чиновниками особыхъ порученiй переселенческаго управленiя въ 134, принятыхъ за типичные, переселенческихъ поселкахъ. Однако, и эта работа не вполнѣ удалась. Самый выборъ поселковъ былъ сдѣланъ не особенно удачно, а главное—въ основу построенiя нормъ былъ положенъ едва ли правильный принципъ: стоимость хозяйственнаго обзаведенiя новоселовъ *въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ средней состоятельности уже совсѣмъ окрѣпшихъ новоселовъ*. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ входить здѣсь въ подробную критику этого принципа; неправильность его достаточно убѣдительно доказывается явною несостоятельностью полученныхъ конечныхъ выводовъ. Послѣднiе выразились въ предѣльныхъ нормахъ троякаго размѣра: для таёжныхъ районовъ—165 рублей, для лѣсистыхъ—235 рублей и

для степныхъ 255 и 350 рублей. Такимъ образомъ, *болѣе высокія* нормы получились для мѣстностей съ *болѣе легкими* условіями обзаведенія, а наиболѣе низкія—именно для тѣхъ таёжныхъ районовъ, тяжелыя условія которыхъ, какъ мы видѣли, всегда приводились какъ доказательство необходимости повышенія ссудныхъ нормъ. «Если въ степныхъ мѣстностяхъ Сибири—говорилъ въ осеннемъ засѣданіи подготовительной комиссіи Н. Н. Кутлеръ, директоръ департамента окладныхъ сборовъ—хозяйственное обзаведеніе и обходится переселенцу довольно дорого, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что тамъ урожаи получаются уже на второй годъ послѣ водворенія и даютъ прекрасные результаты, обезпечивающіе въ сравнительно короткое время извѣстное благосостояніе переселенцевъ. Въ урманѣ же и тайгѣ переселенцамъ приходится вести крайне тяжелый трудъ по обработкѣ земли изъ подъ лѣса, ожидая по 2—3 года перваго урожая и испытывая серьезныя матеріальныя и нравственныя лишенія. Изъ-за однихъ этихъ лишеній переселенцы, осѣдающіе въ таёжномъ районѣ, по справедливости должны получать правительственныя пособія въ наивысшемъ изъ выдаваемыхъ размѣровъ».

Естественно, что подготовительная комиссія и осенью 1903 года не нашла возможнымъ ни утвердить районныхъ нормъ, ни, тѣмъ болѣе, санкціонировать такъ блистательно доказавшій свою негодность порядокъ выработки ихъ уѣздными съѣздами крестьянскихъ начальниковъ. Но собранныя и сгруппированныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ фактическія данныя, при всей своей неполнотѣ и несовершенствѣ, достаточно убѣдительно доказывали «необходимость безпромедлительно, во многихъ случаяхъ, оказывать помощь въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ сіе предусмотрѣно по правиламъ о ссудахъ»,—а потому комиссія сочла возможнымъ для всѣхъ районовъ Сибири повысить предѣльный размѣръ ссудъ до 165 рублей, т. е. до той нормы, которая была исчислена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ предѣльная норма собственно для таёжныхъ районовъ.

Такимъ образомъ, 1903 годъ долженъ былъ явиться началомъ если не новаго, то во всякомъ случаѣ—значительно измѣненнаго курса въ области ссудной политики. Къ сожалѣнію, этотъ курсъ не успѣлъ получить практическаго осуществленія, такъ какъ злосчастная японская война вызвала и пріостановку переселенія въ Сибирь, и сокращеніе ссуднаго кредита,—и конечно трудно теперь сказать, когда переселенческое дѣло вообще и ссудное въ частности получатъ вновь нормальное теченіе. Чтобы покончить съ ссуднымъ вопросомъ, намъ предстоитъ, поэтому, сказать еще только нѣсколько словъ о томъ, какъ была поставлена выдача ссудъ на практикѣ. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что распредѣленіе и выдача ссудъ принадлежатъ къ числу наиболѣе слабыхъ сторонъ современной постановки переселенческаго дѣла,—и это вполнѣ понятно, съ одной стороны, въ виду тѣхъ противорѣчивыхъ теченій, борьба которыхъ такъ ясно отражалась на ссудной политикѣ центральнаго правительства, даже болѣе того—въ виду глубокаго внутренняго противорѣчія, которое лежитъ въ самомъ существѣ ссуднаго вопроса; съ другой стороны—въ виду неудовле-

творительности той мѣстной организаціи, которая должна была проводить въ жизнь предначертанія центральной власти по этому трудному и сложному вопросу.

Довольно любопытнымъ матеріаломъ для сужденія о томъ, какъ выполнялись эти предначертанія, могутъ служить уже цифровыя данныя о среднихъ размѣрахъ ссудъ, выдававшихся въ разныхъ мѣстностяхъ переселенцамъ. По даннымъ, собраннымъ канцеляріею комитета министровъ, по распоряженію ст.-секр. Куломзина, черезъ крестьянскихъ начальниковъ, за время съ 1893 по 1900 годъ включительно, общая сумма выданныхъ ссудъ достигаетъ 5,919,786 р., что составляетъ въ среднемъ 90 р. на воспользовавшую ссудой семью, со слѣдующими колебаніями по отдѣльнымъ губерніямъ и областямъ: въ Томской губерніи 83 р., въ Тобольской 113 р., въ Акмолинской области 83 р., въ Семипалатинской области 113 р., въ Енисейской губерніи 77 р. и въ Иркутской 92 р. Процентъ переселенцевъ, не получившихъ ссуды, достигалъ въ губерніяхъ: Тобольской 5,9%, Томской 12%, Енисейской 19%, въ Акмолинской области 17%, а процентъ переселенцевъ, получившихъ болѣе 100 рублей на семью, достигалъ, въ томъ же порядкѣ, 54,7, 22,5, 2,1 и 26,9%. Еще гораздо рѣзче колебанія поуѣздныхъ цифръ) Такъ, процентъ переселенцевъ, не получившихъ ссудъ, въ Каинскомъ уѣздѣ, Томской губерніи, не превышалъ 4,8%, въ Маріинскомъ поднимался до 19%; по Акмолинской области тотъ-же процентъ колебался между 6,4% въ Омскомъ и 20,4% въ Кокчетавскомъ уѣздѣ; по Енисейской—между 10,4% для Красноярскаго и 37,7% для Минусинскаго уѣзда. Переселенцы, получившіе въ ссуду болѣе 100 рублей, составляли въ Каинскомъ уѣздѣ, Томской губерніи 52,9%, тогда какъ въ остальныхъ двухъ уѣздахъ ссудъ въ такомъ размѣрѣ не выдавалось вовсе; не выдалалось ссудъ болѣе ста рублей на семью и въ двухъ уѣздахъ Акмолинской области—Кокчетавскомъ и Атбасарскомъ, тогда какъ въ Петропавловскомъ болѣе 100 руб. получили 48,4, въ Акмолинскомъ 59,3, въ Омскомъ—даже 85,8% общаго числа воспользовавшихся ссудами семей. Средніе поуѣздные размѣры ссудъ составляли въ Красноярскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи, 91 рубль въ Канскомъ, 73 рубля, въ Минусинскомъ 69 рублей; въ Каинскомъ уѣздѣ, Томской губерніи, средній размѣръ ссуды былъ 106 рублей, въ Маріинскомъ 64 рубля; въ Омскомъ уѣздѣ, Акмолинской области, средняя ссуда достигала 117 рублей, въ Кокчетавскомъ 61 рубль [1]).

Оффиціальное изданіе канцеляріи комитета министровъ [2]), появившееся въ 1900 году, объясняло такія колебанія въ размѣрахъ ссудъ прежде всего мѣстными условіями и въ томъ числѣ, на первомъ мѣстѣ, недостаткомъ строевого лѣса; затѣмъ—различіями въ экономической состоятельности водворявшихся въ разныхъ районахъ переселенцевъ, и лишь на послѣднемъ мѣстѣ упоминало о «вліяніи нѣко-

[1]) По даннымъ 1898 г. колебанія были еще гораздо болѣе рѣзки,—пичѣмъ не оправдываемыя различія въ размѣрѣ ссудъ были, очевидно, сглажены дополнительными выдачами.

[2]) Кол. Спб., стр. 263.

торыхъ особенностей въ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ тѣхъ лицъ, коимъ по закону поручена выдача ссудъ». Намъ кажется, напротивъ, что указанныхъ различій въ размѣрахъ ссудъ и въ числѣ случаевъ отказа въ нихъ нѣтъ *никакой* возможности связать съ какими-либо мѣстными особенностями. Мы не имѣемъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ данныхъ предполагать, чтобы обзаведеніе въ Енисейской или Иркутской губерніяхъ, съ ихъ таёжными участками и дорогими цѣнами продуктовъ и инвентаря, обходилось дешевле, нежели въ сѣверныхъ уѣздахъ Акмолинской области или на югѣ Тобольской губерніи; чтобы условія устройства въ лѣсистомъ Маріинскомъ уѣздѣ были легче, нежели въ степномъ Каинскомъ, или въ отдаленномъ отъ желѣзной дороги Кокчетавскомъ уѣздѣ—по сравненію съ лежащимъ у самой дороги Омскимъ. Равнымъ образомъ, едва ли имѣются положительныя основанія утверждать, чтобы иркутскіе и енисейскіе переселенцы, въ массѣ, были состоятельнѣе тобольскихъ или акмолинскихъ, маріинскіе и тарскіе—состоятельнѣе каинскихъ или омскихъ; имѣющіяся данныя по вопросу о тяготѣніи разныхъ элементовъ въ урманные или таёжные и въ степные районы позволяютъ предполагать противное. Болѣе существенное значеніе имѣетъ, на нашъ взглядъ, обстоятельство, указываемое въ другомъ, также оффиціальномъ изданіи [1],—именно то, что Тобольская и Томская губерніи и сѣверная полоса Акмолинской области заселялись, по преимуществу, при дѣйствіи 100-рублевой ссудной нормы, тогда какъ средне-сибирскія губерніи и южная часть Акмолинской области заселялись уже, преимущественно, при дѣйствіи ограничительнаго постановленія 7 декабря 1896 г., фактически вдвое понизившаго ссудную норму. Но главная причина колебаній въ среднихъ размѣрахъ ссудъ несомнѣнно заключается въ личныхъ усмотрѣніяхъ и воззрѣніяхъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которыхъ голосу, въ данномъ случаѣ, принадлежитъ рѣшающее значеніе: «указанныя выше колебанія, читаемъ мы въ только-что цитированномъ оффиціальномъ изданіи, имѣютъ мѣсто въ различныхъ участкахъ одного и того-же уѣзда, и только въ одномъ и томъ же участкѣ соотношеніе семей, получившихъ ссуду, съ общимъ ихъ числомъ, а равно и размѣръ ссуды на семью представляются довольно однородными. Подобное явленіе можно объяснить *только различнымъ отношеніемъ мѣстныхъ крестьянскихъ властей къ значенію ссудъ* [2]) въ крестьянскомъ обиходѣ, и въ этомъ различіи лежитъ, казалось бы, не послѣдняя (намъ думается даже первая. А. К.) причина колебаній въ размѣрахъ ссуды».

Посмотримъ же теперь, насколько такъ зазываемыя «крестьянскія учрежденія» оказались на высотѣ тѣхъ широкихъ полномочій, которыя предоставлены имъ въ столь важномъ дѣлѣ, какъ разрѣшеніе ссудъ. Уже изъ отчета ст.-секр. Куломзина, появившагося 8 лѣтъ тому

---

[1]) Стат. данн. по перес. дѣлу въ Сиб., изд. канц. к-та министровъ, 1898 годъ, стр. XXXI.

[2]) Курсивъ нашъ. А. К.

назадъ, мы узнаемъ, что требованіе закона о разсмотрѣніи внѣ очереди ходатайствъ о ссудахъ оставалось, въ значительной мѣрѣ, мертвою буквой: присутствія не справлялись съ этимъ дѣломъ, и напримѣръ въ Томскомъ присутствіи лѣтомъ 1896 года ожидало разрѣшенія 423 дѣла о пособіяхъ (а каждое дѣло, въ видѣ правила, касается десятковъ семействъ), изъ которыхъ значительная часть касалась переселенцевъ, водворившихся еще въ 1895 году. Узнаемъ также, что самое разсмотрѣніе ходатайствъ о ссудахъ было поставлено далеко не безукоризненно. Наиболѣе правильнымъ способомъ разбора ходатайствъ являлась бы поѣздка самого крестьянскаго чиновника на переселенческій участокъ и личный опросъ какъ ходатайствующихъ, такъ и ихъ однообщественниковъ; «но, къ сожалѣнію, говоритъ А. Н. Куломзинъ, — къ такому способу прибѣгаютъ лишь немногіе крестьянскіе чиновники; большинство ихъ довольствуется донесеніями волостныхъ старшинъ, которые, конечно, относятся къ дѣлу совершенно формально и опредѣляютъ размѣръ ссуды согласно заявленію ходатайствующаго, не вникая въ степень его дѣйствительной нужды». Изложенныя указанія и—повидимому—другія столь же неблагопріятныя свѣдѣнія о положеніи ссуднаго дѣла вызвали рядъ циркулярныхъ разъясненій относительно обязательности для крестьянскихъ чиновниковъ лично разбирать ходатайства переселенцевъ о ссудахъ и пособіяхъ. Но эти разъясненія едва-ли помогли дѣлу. Оставляя даже въ сторонѣ нерѣдко появляющіяся въ періодической печати, несмотря на строгость мѣстной цензуры, указанія на неудовлетворительную постановку дѣла разрѣшенія ходатайствъ о ссудахъ, мы имѣемъ и непререкаемыя оффиціальныя свидѣтельства, не оставляющія мѣста сомнѣнію въ томъ, что въ этомъ отношеніи со времени поѣздки ст.-секр. Куломзина измѣнилось очень немного. Такъ, Тобольское губернское присутствіе еще въ 1899 году свидѣтельствовало о той, по большей части, совершенно безцѣльной волокитѣ (sic), которую претерпѣваютъ ходатайства о ссудахъ,—безцѣльной потому, что «губернское управленіе, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, вынуждено полагаться на заключеніе крестьянскаго начальника о степени основательности возбужденнаго ходатайства о дополнительной ссудѣ, и потому дѣятельность въ этомъ отношеніи губернскаго управленія сводится къ провѣркѣ означенныхъ ходатайствъ лишь съ формальной стороны и на переписку затѣмъ въ своихъ журналахъ заключеній крестьянскихъ начальниковъ». Но нерѣдко представленія крестьянскихъ начальниковъ не выдерживаютъ даже такой формальной провѣрки; «губернское управленіе бываетъ вынуждено рядомъ запросовъ, обращенныхъ къ крестьянскимъ начальникамъ, выяснять дѣйствительное положеніе семьи, ходатайствующей о ссудѣ, — и тогда волокита становится еще болѣе тягостною для просителя, нужда котораго въ ссудѣ большею частью была дѣйствительною, но вслѣдствіе неумѣлости или небрежности уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій оставалась невыясненною передъ губернскимъ управленіемъ». Но конечно нормальная провѣрка лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ могла обнаружить «неумѣлость» и «небрежность», разъ таковыя укрывались

за точное исполненіе формальныхъ требованій законовъ и циркуляровъ. Въ дѣйствительности же эти свойства оставались (я, конечно допускаю возможность почтенныхъ исключеній и даже знаю нѣкоторыя изъ нихъ!) общимъ правиломъ въ дѣятельности мѣстныхъ органовъ, вѣдавшихъ ссудное дѣло,—и еще въ концѣ 1902 года начальникъ переселенческаго управленія высказывалъ въ подготовительной комиссіи, что замѣчаемые въ постановкѣ ссуднаго дѣла «чисто-техническія недочеты обусловливаются возложеніемъ сложныхъ, кроповыхъ и требующихъ особой тщательности обязанностей по выдачѣ ссудъ на крестьянскихъ начальниковъ», которое «за рѣдкими исключеніями, не выходятъ изъ предѣловъ формальнаго отношенія къ представляющему для нихъ второстепенное значеніе дѣлу оказанія ссудной помощи переселенцамъ. Въ какія формы облекалось и къ чему вело это «формальное отношеніе», достаточно ясно видно изъ слѣдующей характеристики ссудныхъ порядковъ Томской губерніи въ отчетѣ К. Е. Сувчинскаго — чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, ревизовавшаго въ 1900 году дѣятельность крестьянскихъ учрежденій по переселенческому дѣлу: «крестьяне, говоритъ онъ, обыкновенно подаютъ крестьянскимъ начальникамъ прошенія, препровождаемыя ими въ волостныя правленія, а послѣдніе черезъ сельскихъ писарей собираютъ данныя о числѣ скота, постройкахъ и запашкахъ просителей. Получивъ вѣдомости, крестьянскія начальники проставляютъ въ свободной графѣ цифры предполагаемыхъ къ выдачѣ пособій, причемъ *не рѣдко уменьшаютъ размѣры ссудъ не ознакомившись предварительно съ положеніемъ переселенцевъ на участкахъ* (курсивъ мой А. К.). Вѣдомости представляются въ губернское управленіе, которое зачастую тоже назначаетъ къ выдачѣ меньшія суммы, чѣмъ указываетъ крестьянскій начальникъ». Мы, конечно, отнюдь не думаемъ, чтобы личный выѣздъ крестьянскаго начальника на участки, самъ по себѣ, гарантировалъ правильное распредѣленіе ссудной помощи. Но что̀ сказать объ институтѣ, среди котораго «чисто-формальное отношеніе къ дѣлу» становится общимъ правиломъ, и представители котораго сокращаютъ размѣры ссудъ, не потрудившись какимъ бы то ни было способомъ ознакомиться съ положеніемъ переселенцевъ?

И этому то институту, совершенная непригодность котораго (опять-таки, я говорю объ *институтѣ*, а не объ отдѣльныхъ лицахъ!) неопровержимо доказывается какъ приведенными оффиціальными отзывами, такъ и оффиціально-же признаннымъ фіаско сдѣланной въ 1903 году попытки привлечь его къ дѣлу выработки ссудныхъ нормъ,—этому институту законъ ввѣрялъ почти неограниченную власть «вязать и рѣшить» въ такомъ сложномъ, кропотливомъ и отвѣтственномъ дѣлѣ... Мало того, законъ и распоряженія центральной власти обязывали этотъ институтъ «наблюдать за правильнымъ расходованіемъ переселенцами полученныхъ ими ссудъ», и для вящшаго наблюденія уполномочивали ихъ и задерживать выдачу разрѣшенныхъ ссудъ, и выдавать таковыя по частямъ, послѣ того, какъ крестьянскій чиновникъ или начальникъ убѣдится, что выданныя деньги затрачены

производительно... Мы имѣемъ опять-таки оффиціальныя свидѣтельства относительно того, во что, на практикѣ, вырождается это наблюденіе, и какой видъ получаетъ въ дѣйствительности частичная выдача ссудъ. Изъ отчета того-же г. Сувчинскаго мы узнаемъ, напримѣръ, что предварительныя 30-рублевыя пособія, «вопреки неоднократнымъ настояніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, выдаютъ всѣмъ безъ изъятія переселенцамъ и притомъ въ одинаковомъ размѣрѣ, по 30 рублей на семью;» при этомъ, «снабжая всѣхъ новоселовъ 30-рублевыми пособіями, крестьянскія начальники не пользуются предоставленнымъ имъ правомъ выдачи бѣднѣйшимъ семьямъ свыше 30 рублей, что объясняется, «съ одной стороны, желаніемъ избѣжать подробныхъ представленій въ губернское управленіе въ оправданіе выдачи ссудъ въ размѣрахъ выше нормальныхъ, а съ другой—возникшими сомнѣніями въ возможности выдавать къ первоначальнымъ ссудамъ въ 30 рублей еще по 20 рублей на семью». Въ такихъ же случаяхъ, когда крестьянскимъ начальникамъ выдавались недостаточные авансы, первоначальныя ссуды отпускались въ ничтожныхъ, иногда до смѣшного, размѣрахъ; такъ, изъ 1000 рублей, выданныхъ авансомъ одному изъ крестьянскихъ начальниковъ Канскаго уѣзда, были выданы ссуды: одной семьѣ 2 р. 70 к., 19 семьямъ по 5 рублей, 3 семьямъ по 6 р. 40 к., 38 семьямъ по 10 р.—12 р. 50 к., 29 семьямъ по 15 рублей, 1 семьѣ 16 р. 60 к., 1 семьѣ 20 р. и одной семьѣ 25 рублей; «вслѣдствіе столь незначительныхъ пособій—замѣчаетъ г. Сувчинскій,—бѣднѣйшія семьи, не имѣя возможности обзавестись жилищами и необходимымъ хозяйствомъ, провели все лѣто на заработкахъ, и такимъ образомъ водвореніе ихъ на отведенной землѣ было задержано на цѣлый годъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянскіе начальники очень широко пользуются и своимъ правомъ выдавать дополнительныя ссуды по частямъ; напримѣръ, переселенцы, водворенные весною 1898 года въ поселкѣ Крутовскомъ, Канскаго уѣзда, получили пособія—въ общей сложности до 80—90 рублей на семью—въ 5—8 пріемовъ, въ большинствѣ случаевъ отъ 8 до 15 р. въ одинъ разъ. «Не говоря уже о значительныхъ хлопотахъ, связанныхъ съ исходатайствованіемъ и полученіемъ пособій, небольшія ссуды расходуются по мелочамъ и существенной пользы не приносятъ, а между тѣмъ, составляя, въ общей сложности, все-таки большія суммы, онѣ ложатся на крестьянъ тяжелымъ бременемъ, когда наступаетъ время ихъ возврата». А вотъ и еще одно, на этотъ разъ уже не оффиціальное свидѣтельство—податного инспектора г. Райскаго, помѣщенное въ трудахъ Тобольскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. «Пособія—говоритъ г. Райскій,—выдавались такъ нераціонально, такими малыми долями и такъ несвоевременно, что на нихъ ничего другого, кромѣ привычки къ клянченью, пріобрѣсти было нельзя: на обсѣмененіе выдавалось только 7 р. 20 к., да еще въ то время, когда всѣ добрые люди отсѣялись; на домообзаводство 25—35 р., рѣдко 50—60 рублей сразу, да и то или среди зимы, а то, еще лучше, въ ноябрѣ. Теперь позволено спросить, что можетъ сдѣлать человѣкъ самъ 5, одна рабочая душа, съ

35 рублями, изъ которыхъ еще нужно отдать за харчи и квартиру? Остается одно — купить клячу за 20 р. (для нагляднаго доказательства, что деньги пошли въ дѣло) и ѣздить къ чиновнику всю весну и лѣто и клянчить о способіи, пока въ ноябрѣ опять не выйдутъ другіе 25 рублей»...

На рубежѣ между вопросами переселенческой политики и вопросами чисто-попечительнаго характера стоятъ, затѣмъ, вопросы земельнаго устройства переселенцевъ, которыхъ, впрочемъ, мы коснемся, какъ и всего дальнѣйшаго, только въ самыхъ общихъ чертахъ, чтобы не затягивать нашего и безъ того не въ мѣру разросшагося изложенія. Замѣтимъ только, что по утвержденнымъ 13 іюня 1893 года временнымъ правиламъ образованія переселенческихъ участковъ, какъ и по закону 13 іюля 1889 года, земля отводится въ постоянное,безсрочное пользованіе (безъ выкупа въ собственность) переселенцевъ, причемъ избраніе общинной или подворной формы пользованія зависитъ отъ рѣшенія простого большинства наличныхъ въ поселкѣ переселенцевъ. Все пространство отводимаго переселенцамъ участка предоставляется, безраздѣльно, подъ сельско-хозяйственное пользованіе; хотя при этомъ, по правиламъ 13 іюня 1893 года, участки должны быть обезпечены, по возможности, лѣсомъ, но пользованіе послѣднимъ не обставлено никакими ограниченіями. Отсюда, прежде всего, усиленное истребленіе лѣсовъ, особенно въ малолѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ и плохой лѣсной матеріалъ пріобрѣлъ значительную цѣнность, и при разносоставности водворенныхъ на участкахъ переселенцевъ и отсутствію между ними солидарности. Для борьбы съ лѣсоистребленіемъ принимались административнымъ путемъ тѣ или другія мѣры, въ родѣ «склоненія» новоселовъ къ составленію лѣсоохранительныхъ приговоровъ,—но мѣры эти оставались совершенно безрезультатными, и потому законами 22 іюня 1900 года и 17 декабря 1901 года было указано выдѣлять особые лѣсные надѣлы, съ ограниченіемъ размѣра ежегодной вырубки возможнымъ безъ истощенія насажденія количествомъ. Съ другой стороны, серьезныя неудобства и недоразумѣнія стали возникать между водворенными на участкахъ переселенцами въ области распредѣленія угодій въ тѣхъ не особенно рѣдкихъ случаяхъ, когда на одномъ переселенческомъ участкѣ водворялись переселенцы-подворники и переселенцы, склонные къ общинному владѣнію; бывали и такіе случаи, когда раздѣлъ на подворные отрубы производился наличными переселенцами до полнаго заселенія участковъ, съ явнымъ ущербомъ для тѣхъ семей, которыя приселялись позднѣе, а иногда и съ полною невозможностью доселить участокъ полнымъ числомъ душъ или семействъ. Въ виду этого, также 22 іюня 1900 года, были изданы особыя правила, которыми регулируется порядокъ перехода къ подворному владѣнію; на правительственные органы, въ лицѣ крестьянскихъ начальниковъ и особыхъ землемѣровъ, возложена обязанность содѣйствовать правильному, въ смыслѣ уравнительности, и цѣлесообразному, съ хозяйственной точки зрѣнія, осуществленію раздѣла; а въ виду наплыва въ Сибирь массы переселенцевъ

изъ западныхъ губерній и вытекающаго отсюда спроса на подворныя участки, тѣ же правила предписываютъ при самомъ образованіи большихъ участковъ выяснять исключительную или преимущественную ихъ пригодность для разбивки на хуторскіе отрубы, и въ то же время нарѣзывать и готовые хуторскіе участки.

Въ принципѣ обѣ эти мѣры заслуживаютъ, конечно, безусловнаго сочувствія. Необходимость государственнаго вмѣшательства ради сбереженія лѣса на крестьянскихъ надѣлахъ является общимъ мѣстомъ, — и остается только невыясненнымъ вопросъ, въ какой мѣрѣ мысль закона удалось осуществить на практикѣ. Не менѣе вѣрна и основная мысль правилъ о подворномъ и хуторскомъ владѣніи: если нельзя сочувствовать искусственнымъ мѣрамъ, направленнымъ къ разрушенію общиннаго землевладѣнія, то нѣтъ конечно никакого основанія втискивать въ общинныя рамки такихъ крестьянъ, которые на родинѣ привыкли къ подворному или хуторскому пользованію. Но на практикѣ эта совершенно вѣрная мысль выродилась или по крайней мѣрѣ грозила выродиться въ нѣчто совершенно иное. За изданіемъ правилъ посыпались отовсюду десятки приговоровъ о желаніи раздѣлиться на подворные участки; одна Акмолинская область за 1901 — 1902 года дала 41 приговоръ, въ общей же сложности до конца 1903 г. получилось 128 такихъ приговоровъ; казалось, нужно было только посылать побольше землемѣровъ, чтобы въ немного лѣтъ обратить чуть не всю Сибирь въ страну подворниковъ и хуторянъ. Но уже самая внезапность проявленнаго переселенцами стремленія къ хуторскому размежеванію съ достаточною ясностью свидѣтельствовала о томъ, что стремленіе это было внушено послушною предполагавшимся вѣяніямъ свыше администраціею Въ мѣстной прессѣ появлялись, не разъ, прямыя указанія на то, что хуторскіе приговоры составляются по предписанію администраціи, безъ яснаго пониманія смысла тѣхъ приговоровъ, на которыхъ настаивало начальство. Не менѣе положительныя указанія въ томъ же смыслѣ имѣются въ поселенныхъ описаніяхъ, составленныхъ экспедиціею по изслѣдованію степныхъ областей въ переселенческихъ поселкахъ Акмолинской области. Въ одномъ поселкѣ крестьяне прямо заявляютъ статистику, что приговоръ составили «согласно предписанію начальства»; въ другомъ составленіе приговора «не мѣшаетъ многимъ думать, что черезъ 12 лѣтъ земля будетъ передѣлена вновь»; «не понимали, по совѣсти сказать, — разсказываютъ крестьяне, что такое за подворно»; въ третьемъ статистику задается вопросъ: «а нельзя ли этотъ приговоръ опровергнуть»; въ четвертомъ заявляютъ, что «такъ не соглашались вовсе», и т. д... Естественно, что такого рода инспирированные приговоры, почти безъ исключенія, оставались на бумагѣ: за три года дѣйствія правилъ 1900 года было дѣйствительно разбито на хуторскіе отрубы всего шесть участковъ, да и то въ четырехъ случаяхъ крестьяне постановили еще два года пользоваться землею въ прежнемъ порядкѣ, «опасаясь, что при осу-

ществленіи проекта ихъ земельные распорядки только ухудшался»[1]), а въ одномъ пахатныя земли, просто, остались въ общинномъ владѣніи. Въ частности, въ Акмолинской области, гдѣ бумажное стремленіе къ хуторскому размежеванію проявилось, какъ упомянуто, съ особенною силой, произведенный въ 1903 году чиновниками переселенческаго управленія спеціальный опросъ выяснилъ что *ни одно* общество въ цѣломъ составѣ не желаетъ переходить къ подворному, а тѣмъ паче хуторскому пользованію. Какъ выяснилъ этотъ опросъ, хуторской или даже просто подворный раздѣлъ встрѣтилъ, благодаря разнокачественности земель, трудности ихъ раздѣлки, разновременности водворенія переселенцевъ и т. п. обстоятельствамъ, такія непреодолимыя практическія затрудненія, которыя вынудили даже переселенцевъ-подворниковъ принимать и удерживать на новыхъ мѣстахъ общинную форму землепользованія.

Перехожу теперь къ мѣропріятіямъ попечительнаго, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, характера. Они распадаются на двѣ главнѣйшихъ категоріи: заботы о переселенцахъ во время пути — и попеченіе о нихъ на мѣстахъ новаго водворенія.

Изъ мѣръ первой категоріи мы не будемъ подробно останавливаться на тѣхъ, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ мѣрахъ, которыя клонились къ удешевленію проѣзда переселенцевъ. Напомнимъ только читателю, что для переселенцевъ установленъ особый льготный тарифъ въ размѣрѣ четверти нормальнаго тарифа третьяго класса, причемъ дѣти моложе 10 лѣтъ перевозятся безплатно,— проѣздъ по этому тарифу обходился, приблизительно, въ одну треть нормальнаго тарифа IV класса. Мы не будемъ входить ни въ какія подробности и о томъ, что сдѣлано, частью на отпущенныя Сибирскимъ комитетомъ средства, частью по его иниціативѣ, для улучшенія условій слѣдованія переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ въ смыслѣ быстроты передвиженія, перевозки багажа, устройства вагоновъ и т. п., и остановимся нѣсколько подробнѣе лишь на одной сторонѣ дѣла—именно, на устройствѣ и содержаніи переселенческихъ пунктовъ и становищъ и на врачебно-продовольственной помощи переселенцамъ во время пути. Какъ мы уже знаемъ и какъ теперь оффиціально признается, до учрежденія Сибирскаго комитета «эти операціи носили характеръ чисто случайный и далеко не могли удовлетворять потребностямъ переселенцевъ». Въ 1894 году учреждается должность особаго завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ по линіи желѣзной дороги; число его помощниковъ, распредѣленныхъ по важнѣйшимъ пунктамъ дороги, къ 1902 году достигаетъ 14 человѣкъ; особая организація создается на входной сибирской станціи— Челябинскѣ, и ей поручается попеченіе о переселенцахъ при проѣздѣ ихъ *до* Челябинска. Начавшись въ 1894 г. съ суммы 76000 р., отпускъ средствъ на организацію пунктовъ и врачебно-продовольствен-

---

[1]) Записка пересел. управленія по проекту новаго закона о переселеніи (стр. 60—61).

ную помощь къ 1899 году достигъ 305 тыс., въ 1902 году 407 тыс., въ 1903 году — 565 тыс. рублей, всего же за десятилѣтіе было отпущено 2.956.632 рубля, не считая свыше нежели 400 тыс. рублей [1]), израсходованныхъ на содержаніе многочисленнаго персонала переселенческихъ чиновниковъ, которые, подъ руководствомъ извѣстныхъ дѣятелей, гг. Архипова и Станкевича, завѣдывали передвиженіемъ переселенцевъ и располагали для непосредственной работы многочисленнымъ, частью постояннымъ, частью ежегодно приглашавшимся, на время усиленнаго переселенческаго движенія, персоналомъ врачей, фельдшеровъ, фельдшерицъ, завѣдывающихъ хозяйственною частью, регистраторовъ и т. п., — персоналомъ, набиравшимся по преимуществу изъ учащейся молодежи. На счетъ вышеуказаннаго кредита содержалось въ 1903 году до 36 врачебныхъ и 20 фельдшерскихъ пунктовъ на линіи желѣзной дороги и до 25 пунктовъ внѣ линіи, по рѣкамъ и грунтовымъ путямъ. На каждомъ такомъ пунктѣ имѣются остановочныя помѣщенія для переселенческихъ семействъ, и оказывается безплатная медицинская помощь, причемъ для болѣе тяжелыхъ больныхъ, въ общей сложности по всѣмъ пунктамъ, имѣется до 170 больничныхъ кроватей; продовольственная помощь выражается въ продажѣ переселенцамъ, по заготовительнымъ цѣнамъ, съѣстныхъ припасовъ и горячей пищи, а частью и въ выдачѣ послѣдней безплатно. «Главное назначеніе врачебно-питательныхъ пунктовъ, писалъ еще въ 1896 году А. Н. Куломзинъ, — поддержаніе физическихъ силъ переселяющихся семей, и эту свою задачу они выполнили въ высшей степени успѣшно какъ путемъ оказанія медицинской помощи, такъ и выдачею съѣстныхъ припасовъ и преимущественно горячей пищи. Послѣдняя особенно необходима для переселенцевъ. Дѣйствительно, совершивъ въ вагонѣ переѣздъ въ нѣсколько тысячъ верстъ, при неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, и питаясь въ это время лишь сухою пищей, они являются на пунктъ, особенно женщины и дѣти, крайне изнуренными, т. е. въ такомъ видѣ, когда человѣкъ, вслѣдствіе плохого питанія, особенно склоненъ къ различнымъ заболѣваніямъ. Поэтому — замѣчалъ А. Н. Куломзинъ — полученіе на пунктахъ горячей пищи имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ она, по единогласному свидѣтельству врачей, лучшее профилактическое средство, предупреждающее желудочно-кишечныя заболѣванія» [2]). Дѣло помощи переселенцамъ въ пути и въ частности — снабженія ихъ горячею пищей, въ то время было еще въ самомъ зародышѣ. Ст.-секр. Куломзинъ, въ виду такого значенія горячей пищи, признавалъ необходимымъ выдавать ее на всѣхъ врачебно-питательныхъ пунктахъ, и очевидно имѣлъ въ виду безплатную ея раздачу: «выдача эта — писалъ онъ, нынѣ производится съ такою осмотрительностью и въ столь незначительныхъ размѣрахъ, что можно смѣло считать ее лишь простою

---

[1]) „Сибирская жел. дорога“, стр. 306.

[2]) Отч. 43—44.

замѣною лекарствъ, — о вредномъ же вліяніи этой незначительной помощи, въ смыслѣ развращающемъ, не можетъ быть и рѣчи». Эта мысль, какъ кажется, до сихъ поръ не получила полнаго осуществленія—по крайней мѣрѣ въ 1903 году безплатная раздача горячей пищи, въ видѣ правила, производилась лишь дѣтямъ до 10 лѣтъ, а взрослымъ—лишь при болѣзни и въ другихъ исключительныхъ случаяхъ. И несомнѣнно—замѣтимъ здѣсь же—этимъ до извѣстной степени парализуется значеніе продовольственной помощи: «взрослые переселенцы — писалъ въ концѣ 1902 года одинъ изъ переселенческихъ чиновниковъ [1]), весьма мало пользуются услугами столовой для себя лично», и притомъ пользуются ею тѣмъ менѣе, чѣмъ дальше отъѣзжаютъ на востокъ; не рѣдкость, повидимому, и такіе случаи, когда взрослые переселенцы, не взявъ на свою долю платныхъ порцій, затѣмъ вмѣстѣ съ дѣтьми потребляютъ отпущенныя послѣднимъ безплатныя порціи, и такимъ образомъ требованіе платы съ взрослыхъ ведетъ къ сокращенію питанія дѣтей. Для переселенцевъ, слѣдующихъ на дальній востокъ, съ 1900 года, сухимъ путемъ, черезъ всю Сибирь, рѣшено было включить стоимость продовольствія въ плату за проѣздной билетъ, и такимъ образомъ пользованіе горячею пищей было поставлено внѣ зависимости отъ ихъ личнаго произвола и желанія.

О размѣрахъ дѣятельности врачебно-питательныхъ пунктовъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ, заимствованнымъ изъ отчетности завѣдующихъ пунктами переселенческихъ чиновниковъ. За восьмилѣтіе 1894—1901 гг. на всѣхъ вообще пунктахъ останавливалось 2.747.882 человѣка; медицинская помощь была подана 519.000 больнымъ, въ томъ числѣ, впрочемъ, только 184.560 переселенцамъ, 164.000 новоселамъ и 171.000 старожиламъ,—изъ нихъ 493 тыс. амбулаторныхъ и 26.000 стаціонарныхъ; продовольственная помощь выразилась въ выдачѣ 3.947.000 порцій горячей пищи (въ томъ числѣ 3.073.000 порцій безплатно), 471 тыс. улучшенныхъ дѣтскихъ (молочныхъ) порцій и въ снабженіи переселенцевъ печенымъ хлѣбомъ въ количествѣ 106 тыс. пудовъ, изъ которыхъ 77.000 пудовъ розданы безплатно.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ, *какъ* поставлено врачебно-питательное дѣло на пути слѣдованія переселенцевъ въ Сибирь. Здѣсь приходится отмѣтить, что организація этого дѣла нѣсколько запоздала по сравненію съ возросшимъ быстрѣе, нежели ожидалось, переселенческимъ движеніемъ. Недостаточное оборудованіе движенія переселенцевъ вызвало, особенно въ 1896 году, большое скопленіе ихъ въ Челябинскѣ, а недостаточное развитіе этого пункта по сравненію съ числомъ скопившихся переселенцевъ поставило послѣднихъ въ условія, мало отличавшіяся отъ обстановки Тюменскаго пункта, въ эпоху наибольшаго переселенческаго движенія черезъ Тюмень. «Для перевозки переселенцевъ — писалъ очевидецъ, М. В. Григоровъ,—употребляются товарные вагоны,

[1]) Н. Н. Данилевскій, 12 ноября 1902 г. № 308.

совершенно неприспособленные для людей; хотя согласно правиламъ въ каждый вагонъ помѣщается до 40 человѣкъ, но на самомъ дѣлѣ эта цифра больше, иногда доходитъ до 50. Тѣснота въ значительной степени усиливается багажомъ переселенцевъ, а зыбки грудныхъ дѣтей вносятъ уже полнѣйшую невозможность помѣститься съ соблюденіемъ какого-либо удобства. Ночью не хватаетъ мѣста для всѣхъ, и многіе должны спать чуть не стоя. Отсутствіе какихъ либо приспособленій въ вагонахъ заставляетъ переселенцевъ или ѣхать въ темнотѣ, закрывши двери и отдушины, и буквально задыхаться, или открыть двери и окна, предоставивъ себя и свои семьи дѣйствію вѣтра и дождя. Недостатокъ питанія, тяжелыя условія передвиженія отзываются очень тяжело на здоровьѣ переселенцевъ: громадное число ихъ, особенно дѣтей, страдаетъ желудочными и кишечными болѣзнями; такіе больные принуждены оставаться въ вагонахъ, гдѣ нѣтъ отхожихъ мѣстъ, по 3—4 часа, необходимыхъ для пробѣга между станціями; грязь страшно усиливается, крестьянки на каждой станціи, гдѣ есть вода, моютъ бѣлье и развѣшиваютъ его для сушки въ тѣхъ же вагонахъ». Въ Челябинскѣ, въ маѣ 1896 г., «при скопленіи 20.000 переселенцевъ только немногіе могли укрыться въ имѣющихся на пунктѣ 2 баракахъ, всѣ же остальные оставались подъ открытымъ небомъ; они построили себѣ шалаши, но послѣдніе только давали нѣкоторое укрытіе, а не защищали отъ холода во время ночи и утренниковъ, въ дождь же и переселенцы и ихъ багажъ мокли. Тоже приходится сказать и о больницахъ: во время майскаго наплыва, когда въ Челябинскѣ накопилось до 20.000 человѣкъ, дѣйствовала больница на 8 кроватей, остальные больные лежали въ юртахъ, безъ половъ и безъ кроватей. Столовая—имѣлось всего два котла—хотя и дѣйствовала, но серьезно говорить о ея помощи не представляется возможнымъ» [1]).

Постановка дѣла передвиженія переселенцевъ и по сейчасъ не можетъ быть признана идеальною. Уже оффиціальныя цифры свидѣтельствуютъ о томъ, что несмотря на всѣ заботы объ упорядоченіи собственно передвиженія переселенцевъ, это послѣднее не обходится безъ задержекъ, которыя ведутъ за собой, временами, переполненіе переселенческихъ пунктовъ, особенно Челябинскаго. Нормальная ёмкость послѣдняго доведена до 2.850 человѣкъ, между тѣмъ еще въ 1899 году скопленіе переселенцевъ достигало 7.840, въ 1901 — 1903 гг. отъ 3.683 до 5.630 человѣкъ. «Принимая во вниманіе увеличенную за послѣдніе годы провозоспособность Сибирской желѣзной дороги, — писалъ въ концѣ 1903 года завѣдывающій Челябинскимъ пунктомъ, нѣтъ основаній предполагать въ будущемъ значительныхъ массовыхъ задержекъ въ

---

[1]) Вѣрность нарисованной въ приведенной цитатѣ картины подтверждается и данными „отчета" А. Н. Куломзина, благодаря настойчивымъ распоряженіямъ котораго оборудованіе Челябинскаго пункта было значительно подвинуто въ теченіе первой половины лѣта 1896 года, такъ что къ концу переселенческаго періода этого года пунктъ этотъ уже въ достаточной мѣрѣ удовлетворялъ своему назначенію.

Челябинскѣ,—тѣмъ не менѣе нѣкоторое переполненіе бараковъ возможно въ будущемъ, такъ какъ переселенцы иногда задерживаются здѣсь во избѣжаніе скопленія на послѣдующихъ, расположенныхъ по линіи Сибирской желѣзной дороги пунктахъ». Но эти скопленія и по продолжительности ихъ, и по обстановкѣ, въ которую при этомъ ставятся переселенцы, не могутъ идти ни въ какое сравненіе даже съ тѣмъ, что происходило на Челябинскомъ пунктѣ въ 1896 году, не говоря уже о Тюмени. Въ періодической печати и до настоящаго времени весьма обычны сообщенія о тѣхъ задержкахъ, которыя приходится претерпѣвать переселенцамъ, о плохомъ устройствѣ «приспособленныхъ» переселенческихъ вагоновъ, о плохомъ оборудованіи пунктовъ, о недостаткѣ медицинской помощи. Не умножая цитатъ, упомяну только о такомъ спокойномъ и безпристрастномъ наблюдателѣ, какъ г. Беркенгеймъ, который признаетъ, что даже новѣйшія заботы о переселенцахъ «ничто въ сравненіи съ заботами, проявляемыми по отношенію къ европейскимъ эмигрантамъ океанскими пароходными обществами, а также желѣзными дорогами заокеанскихъ иммиграціонныхъ странъ»; въ упрекъ организаціи передвиженія переселенцевъ г. Беркенгеймъ ставитъ и «крайнюю медленность движенія переселенческихъ поѣздовъ, и плохое—еще и теперь—устройство переселенческихъ вагоновъ».

Въ данномъ отношеніи, однако, мы затрудняемся присоединиться къ критикамъ современной организаціи разсматриваемой стороны переселенческаго дѣла. Г. Беркенгеймъ проводитъ невыгодную для послѣдней параллель между нею и организаціею перевозки западно-европейскихъ эмигрантовъ. Но тѣ самыя условія перевозки эмигрантовъ, которыя уважаемый изслѣдователь ставитъ въ примѣръ нашей переселенческой организаціи, еще въ самое послѣднее время описывались въ самыхъ непригляднихъ краскахъ въ талантливыхъ очеркахъ человѣка, лично бывшаго объектомъ попечительной заботливости перевозящихъ эмигрантовъ пароходныхъ компаній [1]). Отсюда я склоненъ сдѣлать двоякій выводъ: съ одной стороны—что пока не упразднилось различіе между состоятельными и бѣдными, послѣднимъ всегда придется переносить, при дальнихъ переѣздахъ, болѣе или менѣе неприглядныя условія помѣщенія, питанія и т. п.,—а потому оцѣнивать организацію перевозки переселенцевъ можно только съ относительной точки зрѣнія, сравнивая ихъ съ тѣми условіями, въ какихъ переселенецъ привыкъ жить, питаться и передвигаться. Съ другой стороны, какъ наблюденія автора только что упомянутой статьи, такъ тѣмъ болѣе—газетныя сообщенія о перипетіяхъ, испытываемыхъ иногда нашими переселенцами, слишкомъ случайны, чтобы на основаніи ихъ было возможно общее сужденіе объ условіяхъ передвиженія переселенцевъ; притомъ эти случайныя сообщенія—какъ иначе и быть не можетъ въ силу самой, такъ сказать, психологіи случайныхъ наблюдателей, касаются только такихъ ненормальныхъ, исключительныхъ случаевъ, которые, именно благодаря своей ненормальности и исклю-

---

[1]) „За счастьемъ и правдой", „Русск. Богатство" 1901 г.

чительности, обратили на себя вниманіе наблюдателя, и уже въ силу этого обстоятельства не могутъ быть широко обобщаемы. Допустимъ, что переселенческій поѣздъ во-время пришелъ въ Челябинскъ, переселенцы прошли черезъ регистрацію, переночевали въ теплыхъ баракахъ, затѣмъ безъ всякой задержки были посажены въ составленный, ну хотя бы изъ вагоновъ IV класса, поѣздъ. Такая картина не дастъ матеріала для газетной корреспонденціи. Только если поѣздъ перегруженъ, если въ переселенческой партіи много больныхъ, если переселенцы не получили во-время горячей пищи или медицинской помощи, если имъ пришлось нѣсколько лишнихъ дней провести въ узловомъ пунктѣ, въ ненормальной тѣснотѣ или подъ открытымъ небомъ, — только въ такомъ случаѣ случайный наблюдатель найдетъ о чемъ писать, и потому то общее представленіе, которое можно было бы составить себѣ по сообщеніямъ такихъ корреспондентовъ, *неизбѣжно* получитъ одностороннюю окраску. Конечно, переселенческіе вагоны и въ настоящее время не вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ даже элементарнаго—хотя бы по понятіямъ американскаго рабочаго, комфорта; движеніе поѣздовъ недостаточно быстро и согласовано, въ результатѣ дружный натискъ переселенцевъ въ весенніе мѣсяцы приводитъ иногда къ образованію заторовъ и заставляетъ переселенцевъ по нѣскольку дней ожидать возможности попасть на поѣздъ. Словомъ, организація передвиженія переселенцевъ и въ настоящее время далека отъ идеальнаго совершенства. Но намъ думается, что абсолютный критерій здѣсь неприменимъ. Нельзя забывать прежде всего, что при условіяхъ постройки и оборудованія нашихъ желѣзныхъ дорогъ и въ частности Сибирской безостановочное движеніе такихъ большихъ массъ было совершенно немыслимо; достаточно, если задержки сведены къ минимуму, и если переселенцы во время этихъ остановокъ поставлены въ сносныя условія. При оцѣнкѣ же послѣднихъ необходимо имѣть въ виду обычныя условія передвиженія русскаго крестьянина, напримѣръ на отхожіе заработки. Хорошо бы, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ въ супѣ курицу; но онъ будетъ радъ и черному хлѣбу, если его сосѣди питаются мякиной. Если же стать на такую, относительную точку зрѣнія, то придется признать, что передвиженіе переселенцевъ поставлено теперь достаточно удовлетворительно. Современныя условія передвиженія сибирскихъ переселенцевъ какъ небо отъ земли отличаются отъ условій передвиженія, скажемъ, отхожихъ рабочихъ въ Европейской Россіи, и врачебно-продовольственная организація Сибирскаго комитета съ избыткомъ осуществила для первыхъ то, о чемъ еще только мечтаютъ и ходатайствуютъ для вторыхъ сельскохозяйственные комитеты. Я лично не имѣлъ случая непосредственно знакомиться съ дѣятельностью врачебно-продовольственной организаціи — своимъ случайнымъ посѣщеніямъ отдѣльныхъ пунктовъ я не придаю, конечно, никакого значенія. Но слѣдя изъ года въ годъ—какъ приходилось мнѣ—за отчетами и ходатайствами лицъ, ведущихъ это дѣло на мѣстахъ, нельзя не видѣть самой теплой ихъ заботливости о переселенцахъ и ихъ неустаннаго стремленія къ всестороннему, во всѣхъ

мелочахъ, совершенствованію дѣла врачебно-продовольственной помощи переселенцамъ. «За 8 лѣтъ существованія переселенческой медицины на линіи,—говоритъ д-ръ Гордѣевъ, она преобразовалась въ стройную организацію, хорошо обставленную въ отношеніи больницъ и матеріальныхъ средствъ, и, благодаря высокому уровню работающаго персонала, въ большинствѣ проникнутаго здравыми общественно-санитарными тенденціями, широко развила медицинскую помощь окрестному населенію, далеко за естественные предѣлы своихъ районовъ [1])». Правда, авторъ этого отзыва состоялъ на службѣ переселенческаго управленія; но и тонъ этого отзыва, и прошлое д-ра Гордѣева достаточно ясно показываютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ оффиціальнымъ панегиристомъ, а съ дѣятелемъ, котораго мнѣнію можно придать безусловное довѣріе.

Но о значеніи тѣхъ или другихъ мѣръ лучше всего, конечно, судить не по какимъ либо частностямъ, не по отзывамъ и впечатлѣніямъ отдѣльныхъ лицъ,—а по *результатамъ*, а потому мы, чтобы не затягивать нашего изложенія, остановимся на точныхъ цифрахъ, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, олицетворяются эти результаты,—именно на цифрахъ смертности переселенцевъ. Мы приводили выше ужасающія цифры смертности въ предшествовавшій учрежденію Сибирскаго комитета періодъ. И эти именно поражающія цифры привели насъ къ твердому убѣжденію, что *тогдашніе* наблюдатели не преувеличивали ужасовъ тогдашняго переселенія. За 8 лѣтъ существованія, съ 1894 по 1901 годъ, врачебно-продовольственной организаціи Сибирскаго комитета, по совершенно точнымъ даннымъ, умерло въ пути 3642 человѣка—0,24% всего передняго и обратнаго движенія за то-же время (1.503,509 человѣкъ). Уже въ 1896 году процентъ смертности упалъ до 0,6, въ 1897—до 0,4, въ слѣдующіе года колебался между 0,17 и 0,23%. и только въ 1902 году поднялся до 0,36%.

Цифры эти, кажется намъ, не требуютъ комментаріевъ.

Далеко слабѣе организовано попеченіе о переселенцахъ на мѣстахъ ихъ водворенія. Вмѣсто стройной и послѣдовательно продуманной во всѣхъ своихъ частяхъ системы, въ общемъ вполнѣ достигающей поставленныхъ ею цѣлей—а такою мы признаемъ организацію помощи переселенцамъ во время пути, мы встрѣчаемся на мѣстахъ съ рядомъ разрозненныхъ мѣропріятій, каждое изъ которыхъ задумано и проведено то болѣе, то менѣе планомѣрно и систематично, но которыя въ совокупности не могутъ быть увязаны въ стройную и планомѣрную систему попеченія о переселенцахъ. Идя въ убывающемъ порядкѣ широты и планомѣрности замысла и осуществленія, мы должны остановиться сначала на двухъ группахъ мѣръ, по существу имѣющихъ между собою мало общаго—именно, на складахъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ и на дѣлѣ церковно-школьнаго строительства въ районахъ водворенія переселенцевъ.

---

[1]) Донесеніе 30 апр. 1902 г. № 725.

Сельскохозяйственные склады возникли первоначально въ 1895 году, въ вѣдомствѣ министерства земледѣлія, и около того же времени возникло нѣсколько складовъ по инниціативѣ отдѣльныхъ лицъ, больше крестьянскихъ чиновниковъ, главнымъ образомъ въ Тобольской губерніи, гдѣ дѣло помощи переселенцамъ въ то время находило горячую поддержку въ губернаторѣ Н.М. Богдановичѣ. Склады послѣдней категоріи существовали болѣе или менѣе продолжительное время, но въ конечномъ итогѣ имъ нельзя приписать особенно серьезнаго значенія. Не процвѣтали и склады министерства земледѣлія, отчасти по крайней ограниченности ихъ основного капитала, отчасти, можетъ быть, по отсутствію на мѣстахъ достаточной организаціи. Поэтому, въ 1897 году было рѣшено передать всѣ склады въ завѣдываніе переселенческаго управленія. И что, можетъ быть, было гораздо важнѣе—въ распоряженіе администраціи складовъ былъ предоставленъ значительный капиталъ, доведенный въ нѣсколько пріемовъ до 303.000 рублей. Обороты складовъ расли необычайно быстро и въ немного лѣтъ достигли весьма значительныхъ размѣровъ. Съ 1898 года по 1 сентября 1903 года складами было продано орудій и машинъ на 4.186.000 рублей, и сверхъ того—хлѣба и сѣмянъ на 1.105.000 рублей. О количествѣ распроданныхъ орудій даютъ понятія слѣдующія цифры:

	Продано штукъ въ нижеслѣд. года:		
	1898.	1900.	1902.
Плуговъ	2122	6127	7176
Изъ нихъ многолемешныхъ	—	—	360
Сабановъ (пермскихъ)	3291	8870	1597
Сѣнокосилокъ	51	525	1034
Конныхъ грабель	33	282	1062
Жатвенныхъ машинъ	134	416	1261
Вѣялокъ	318	272	603
Молотилокъ	80	57	157
Сѣялокъ	—	—	3

Сверхъ того, въ 1902 году было продано 8585 косъ, 8231 серповъ, запасныхъ частей на 13.273 рубля, желѣза 12.000 пудовъ и т. д.

Заслуга переселенческаго управленія въ дѣлѣ организаціи складовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Какъ важенъ былъ починъ, сдѣланный складами—это видно хотя бы изъ трудовъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, которые, разсуждая о помощи населенію въ дѣлѣ пріобрѣтенія улучшенныхъ орудій, почти всегда ссылаются на дѣятельность переселенческихъ складовъ. Но въ большинствѣ случаевъ комитеты даютъ и болѣе или менѣе суровую критику дѣятельности складовъ, примыкая въ этомъ отношеніи къ мѣстной печати, которая постоянно указывала на ихъ слишкомъ коммерческій характеръ, рѣзко отличающій ихъ отъ складовъ земствъ и т. п. учрежденій. Особенно рѣзкой критикѣ подвергъ дѣятельность складовъ томскій губернскій агрономъ І. К. Окуличъ въ засѣданіи Томскаго губернскаго комитета. По мнѣнію г. Окулича склады, до передачи ихъ переселенческому

управленію, были «отличнымъ связующимъ звеномъ между населеніемъ и агрономическимъ персоналомъ губерніи»...; складъ «былъ крестьянскою аудиторіей, сельскохозяйственнымъ музеемъ, продавалъ по своей цѣнѣ и не думалъ о барышахъ» [1]). «Переселенческое управленіе, продолжаетъ г. Окуличъ, поставило это дѣло на совершенно иныхъ основаніяхъ. Однимъ изъ девизовъ было и есть — *склады должны быть доходны*. Пойдя по этой дорогѣ, переселенческое управленіе закрыло склады въ Томскѣ, Маріинскѣ, Боготолѣ, Каинскѣ, Тарѣ, Ишимѣ,—склады остались лишь тамъ, гдѣ можно было ожидать прибыли, безотносительно до нужды въ складахъ. При расцѣнкѣ былъ примѣненъ также иной принципъ»: на плуги прибавляется 12—14%, на лобогрѣйки 17—18%, на сѣнокосилки 21 — 22% и т. д. Вообще, «управленіе складами придало этому дѣлу характеръ чисто-коммерческаго предпріятія; частные склады орудій нерѣдко продаютъ машины дешевле, чѣмъ онѣ отпускаются изъ казенныхъ складовъ, и такимъ образомъ забыто главное заданіе для подобныхъ складовъ—сдѣлать машины доступными для населенія». Управленіе складами мало обращаетъ вниманія на достоинство распродаваемыхъ имъ орудій, и потому «сибирская деревня наводнена теперь цѣлымъ рядомъ машинъ, иногда весьма сомнительнаго достоинства»; не сдѣлано ничего, чтобы развить мѣстное кустарное производство, не позаботились создать ремонтныхъ мастерскихъ и кадра монтеровъ,—словомъ, «склады переселенческаго управленія ничѣмъ не отличаются отъ частныхъ складовъ и не заключаютъ въ себѣ элементовъ общественно-агрономической работы» [2]). Другіе комитеты констатируютъ, что въ казенныхъ складахъ «накопляется масса орудій и машинъ, непригодныхъ по мѣстнымъ условіямъ, но высылаемыхъ разными фирмами съ большою готовностью и надеждою на сбытъ», и указываютъ на необходимость отказаться отъ коммерческихъ пріемовъ; указываютъ также на желательность упрощенія сложныхъ формальностей, которыми обставленъ отпускъ орудій и машинъ въ кредитъ; высказываютъ пожеланіе о большей публичности дѣятельности складовъ, хотя бы въ видѣ опубликованія

---

[1]) Въ этой своей части характеристика г. Окулича едва ли не грѣшитъ излишнимъ оптимизмомъ. Вотъ какъ характеризуетъ дѣятельность складовъ г. Новомбергскій, изслѣдовавшій переселенческіе поселки Тобольской губерніи въ 1897 году, въ тотъ моментъ, когда склады еще только передавались изъ министерства земледѣлія въ министерство внутреннихъ дѣлъ: „Склады эти—говоритъ онъ,—по характеру операцій ничѣмъ не отличаются отъ складовъ подобнаго рода вообще, т. е. преслѣдуетъ возможно большій сбытъ сельскохозяйственныхъ орудій. Безъ серьезнаго руководительства ленцы набрасываются на что попало—одни пріобрѣтаютъ совсѣмъ не- практичныя, дорого стоющія машины, другіе обзаводятся безполезными дешевенькими орудіями. Ближайшая администрація складовъ безразлично относится къ тому, какой, напримѣръ, плугъ возьметъ переселенецъ—рязанскій, воткинскій, пермянсу или крестьянскій Шарапова, Панфилова и т. д.“. Новомбергскій, Матеріалы для изуч. быта перес., водв. въ Тобольск. губ. Тобольскъ 1898, т. 1, стр. XXXI.

[2]) Труды Комитетовъ. Томская губ., 102—103.

ихъ годовыхъ отчетовъ [1]). Очень трудно, конечно, сказать, насколько эти указанія свободны отъ преувеличеній. Въ цитированномъ выше заявленіи агронома г. Окулича, можно, при желаніи, искать слѣдовъ «вѣдомственнаго антагонизма»; но рѣзкая критика г. Окулича не встрѣтила, въ средѣ губернскаго комитета, никакого возраженія. Между тѣмъ такіе факты, какъ огромность надбавокъ на цѣны, какъ закрытіе складовъ въ важныхъ переселенческихъ районахъ, если они оказывались малодоходными, удостовѣрены оффиціально, а просматривая отчеты и записки по складовому дѣлу, нельзя не замѣтить, что въ нихъ гораздо больше говорится о возстановленіи и ростѣ капиталовъ, о размѣрѣ сначала предвидѣвшихся, а потомъ получавшихся прибылей, нежели о культурно-хозяйственномъ значеніи складовъ. И это совершенно естественно, потому что переселенческіе склады не были—какъ земскіе—однимъ изъ звеньевъ связной агрономической организаціи, а были совершенно самостоятельнымъ предпріятіемъ, случайно пріуроченнымъ къ превосходно дѣлавшей свое прямое дѣло, но чуждой интересамъ сельскаго хозяйства и мало въ нихъ освѣдомленной организаціи. Едва ли не этимъ объясняется и не совсѣмъ вѣрное, на нашъ взглядъ, направленіе дѣятельности складовъ въ отношеніи рода распространяемыхъ ими орудій и машинъ. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, обороты переселенческихъ складовъ расли чрезвычайно быстро по продажѣ дорогихъ уборочныхъ орудій и машинъ; обороты по продажѣ обработочныхъ орудій—плуговъ и сабановъ, остаются приблизительно стаціонарными, какъ и въ отношеніи такихъ сравнительно недорогихъ машинъ, какъ вѣялки. Въ параллель приведемъ цифры, характеризующія дѣятельность склада Самарскаго губернскаго земства. За шестилѣтіе 1895—1901 гг. число проданныхъ имъ плуговъ возрасло съ 478 до 8851, число вѣялокъ—съ 67 до 539, число косилокъ съ жнейками—съ 24 до 627, молотилокъ съ 26 до 110, и т. д. А эта разница имѣетъ огромное значеніе. Она показываетъ прежде всего, что переселенческіе склады шли навстрѣчу главнымъ образомъ наиболѣе зажиточной части крестьянства — ни жатка, ни косилка не подъ силу бѣдному и среднесостоятельному переселенцу. Но важно и качественное значеніе разныхъ родовъ орудій: распространеніе плуговъ—предполагая ихъ, конечно, хорошо подобранными, является могущественнымъ способомъ улучшенія земледѣльческаго хозяйства. Такое же значеніе—въ смыслѣ улучшенія посѣвныхъ сѣмянъ—имѣетъ распространеніе вѣялокъ; до нѣкоторой степени оправдывается—пока не начало развиваться травосѣяніе,—распространеніе косилокъ, позволяющихъ использовать, въ засухи, такую траву, которой не беретъ коса. Но жнейки, молотилки, конныя грабли, вообще дорогія уборочныя орудія, занимающія большую часть оборотныхъ средствъ переселенческихъ складовъ, давая, конечно, извѣстныя выгоды покупающимъ ихъ зажиточнымъ домохозяйствамъ, не играютъ никакой роли въ смыслѣ улучшенія мѣстнаго земледѣльческаго хозяйства. Напротивъ—облегчая

[1]) Сводъ трудовъ комитетовъ по Сибири и пр., стр. 174—175.

уборку обширныхъ посѣвовъ, они являются добавочнымъ стимуломъ для распространенія хозяйства въ ширь и такимъ образомъ служатъ лишнимъ тормазомъ для той его интенсификаціи, которая уже стоитъ на очереди въ главныхъ переселенческихъ районахъ Сибири и на которой только и можетъ быть основано прочное благосостояніе и новоселовъ, и старожилаго населенія. Съ этой точки зрѣнія—какъ когда-то писалъ покойный Коржинскій, — «всѣ эти жатвенныя машины не служатъ выраженіемъ прогресса и раціональнаго хозяйства, а составляютъ просто орудіе усовершенствованнаго хищничества»....

И однако, мы не обинуясь относимъ и организацію складовъ къ числу несомнѣнныхъ заслугъ переселенческаго управленія. Гдѣ *ничего* не дѣлалось, тамъ важно уже сдѣлать починъ, и едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что эти склады широко раскрыли двери для проникновенія въ сибирскую деревню орудій и машинъ заводскаго производства; черезъ эту дверь, несомнѣнно, легче будетъ проникать и болѣе планомѣрному агрономическому воздѣйствію.

Другое крупное и систематически организованное дѣло—это, какъ мы упоминали, церковно-школьное строительство. Потребность переселенцевъ и въ школахъ, и въ особенности въ церквахъ, — это, по единодушному убѣжденію всѣхъ, кто имѣлъ дѣло съ переселенцами, одна изъ наиболѣе насущныхъ потребностей, и своевременное удовлетвореніе ея является однимъ изъ существеннѣйшихъ условій упроченія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Дѣятельность Сибирскаго комитета въ этомъ направленіи пошла, такимъ образомъ, навстрѣчу насущнѣйшей потребности переселенцевъ. Дѣло постройки церквей и школъ было организовано не на казенныя, а на частныя благотворительныя средства—былъ образованъ изъ частныхъ пожертвованій особый капиталъ, такъ называемый фондъ Императора Александра III, завѣдываніе которымъ возложено на подготовительную комиссію, подъ ревизіоннымъ надзоромъ государственнаго контроля. До 1 августа 1903 года въ фондъ поступило 1.823.137 рублей. Насчетъ этихъ суммъ, по оффиціальному подсчету, было оказано пособіе сооруженію 218 церквей, изъ которыхъ 146 къ тому времени были уже освящены, и приступлено къ сооруженію 184 школъ, изъ которыхъ 17 къ тому же времени еще не были закончены, а въ остальныхъ обучалось до 8000 дѣтей,—причемъ въ основу дѣла былъ положенъ весьма важный и, въ существѣ, правильный принципъ: требовать отъ населенія опредѣленнаго участія въ дѣлѣ, въ формѣ работы по вывозкѣ на постройки отпускавшихся казною безплатно лѣсныхъ и иныхъ строительныхъ матеріаловъ.

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ велось на практикѣ церковно-строительное дѣло. Замѣтимъ только, что вначалѣ оно было предоставлено почти безконтрольному вѣдѣнію крестьянскихъ чиновниковъ, причемъ въ числѣ лицъ, наиболѣе увлекавшихся этимъ дѣломъ, встрѣчается, наряду съ именами такихъ людей, какъ покойный А. В. Калачевъ, также и имя г. Моренгильда, дѣятельность котораго получила, въ концѣ концовъ, надлежащую уголовную квалификацію, — и что обусловленныя такою постановкою

дѣла неудачи повели за собою рядъ существенныхъ измѣненій въ организаціи дѣла, обезпечившихъ какъ необходимый техническій надзоръ, такъ и контроль за финансовою стороною дѣла. Мы не можемъ, однако, не остановиться на тѣхъ формахъ, въ которыя вылилось на практикѣ добровольное—по своей идеѣ—участіе самихъ переселенцевъ въ церковно-строительномъ дѣлѣ. И въ мѣстной печати, и въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ мы находимъ указанія, позволяющія думать, что это добровольное участіе, подъ давленіемъ всесильнаго крестьянскаго начальства, нерѣдко превращалось въ тяжелую обязательную повинность. «Постройки—пишетъ напримѣръ совѣтникъ областного правленія Т. И. Тихоновъ въ своемъ докладѣ Акмолинскому комитету,—подвигаются впередъ съ изумительною быстротою и экономіей. Вотъ эта-то «изумительная» быстрота и экономія едва ли можетъ быть одобрена и допускаема, если принять во вниманіе, что она достигалась на счетъ и за счетъ переселенцевъ-новоселовъ, недавно прибывшихъ въ Сибирь и далеко не устроившихъ своего хозяйства. Само собою разумѣется, что изумительно быстрой постройки не было бы, если бы новоселы *не были вынуждены* принять на себя многихъ работъ. Едва осѣвшихъ новоселовъ, еще не устроившихъ собственныхъ хозяйствъ, заставляютъ возить необходимый для церкви и школы лѣсъ за 80—150 верстъ, доставлять камень или приготовлять саманный или сырцовый кирпичъ для фундамента и производить много другихъ работъ. Въ однихъ случаяхъ новоселы отрывались на все лѣто отъ полевыхъ работъ, чтобы довозить необходимый для ихъ церквей лѣсъ; въ другихъ усердіе переселенцевъ, подгоняемое свыше, доходило до того, что за вывозкой матеріала для церкви упустили время для вывозки лѣса для собственныхъ построекъ. Такая изумительная быстрота и экономія при постройкѣ церквей и школъ—заключаетъ г. Тихоновъ,—не можетъ быть терпима, потому что она крайне разорительна для переселенцевъ, не говоря уже о томъ, что она нерѣдко и неосновательна» [1]). Совершенно такую же картину рисуетъ намъ и г. Новомбергскій, въ своемъ описаніи переселенческихъ поселковъ Тобольской губерніи: крестьянскимъ чиновникамъ—говоритъ онъ, «по невозможности войти во всѣ будничныя, повседневныя нужды переселенцевъ, приходится поневолѣ останавливаться на болѣе торжественныхъ и менѣе вопіющихъ нуждахъ голодной, больной, вымирающей массы. Такъ, не успѣли еще переселенцы водвориться, какъ уже строится саманная школа, по стоимости превосходящая хорошую деревянную, готовится всѣмъ поселкомъ въ горячее время полевыхъ работъ фундаментный кирпичъ подъ будущую церковь, или же сгоняются новоселы ловить плоты для устройства хлѣбозапаснаго магазина и т. п.,—и все это несмотря на то, что за отсутствіемъ мірскихъ мельницъ и недоступностью старожильскихъ употребляется пареное зерно вмѣсто муки,

---

[1]) Труды К-товъ. Акм. обл., стр. 31. Факты въ значительной мѣрѣ взяты изъ отчета ст.-секр. Куломзина (стр. 128—129)

что вслѣдствіе несвоевременнаго представленія къ ссудамъ большинству нечего ѣсть и нечѣмъ обсѣмениться» [1]).

Изъ другихъ видовъ помощи переселенцамъ на мѣстахъ водворенія упомянемъ прежде всего о дорожномъ дѣлѣ, которое заслуживало бы, несомнѣнно, перваго мѣста по своему значенію, но которое стоитъ не только не на одномъ изъ первыхъ, а скорѣе на одномъ изъ послѣднихъ мѣстъ по тому вниманію, которымъ оно пользовалось до сихъ поръ со стороны учрежденій, завѣдывающихъ переселенческимъ дѣломъ.

За время, предшествовавшее учрежденію Сибирскаго комитета, а также въ первые годы дѣятельности послѣдняго, переселенцы, если они не селились въ старыхъ селеніяхъ, водворялись либо на «междугранкахъ» между этими селеніями, вдоль и поперекъ изрѣзанныхъ протоленными старожилымъ населеніемъ полевыми или проселочными дорогами,—либо по сѣверной окраинѣ киргизскихъ степей, гдѣ характеръ мѣстности почти устранялъ необходимость въ искусственно-устроенныхъ дорогахъ. Совершенно измѣнилось положеніе дѣла, когда для переселенцевъ пришлось отводить земли въ таёжныхъ мѣстностяхъ Сибири и Приамурскаго края. Безусловная необходимость проложенія дорогъ въ такихъ мѣстностяхъ стала, можно сказать, общимъ мѣстомъ. Въ Уссурійскомъ краѣ мнѣ пришлось посѣтить группу переселенческихъ участковъ по среднему и верхнему теченію р. Улахе,—участковъ, по характеру угодій и легкости ихъ для разработки способныхъ удовлетворить самымъ неумѣреннымъ требованіямъ самыхъ притязательныхъ переселенцевъ; и, тѣмъ не менѣе, они не только не начинали заселяться, но даже не осматривались ходоками, исключительно въ силу полнаго отсутствія дорогъ, если не считать верховыхъ тропъ, доступныхъ только для китайцевъ, да еще для старовѣровъ, но совершенно непроходимыхъ для заурядныхъ переселенцевъ, съ ихъ семействами и скарбомъ... Въ Тобольской губерніи количество участковъ, которые по бездорожью приходится, пока, совершенно исключить изъ счета земель, доступныхъ для заселенія, по одному только Тарскому уѣзду достигаетъ 19000 душевыхъ долей. Сплошь и рядомъ пріемныя коммисіи прямо отказываются утверждать образованные землеотводными партіями участки или, принявъ, постановляютъ не открывать ихъ для заселенія, впредь до проложенія къ нимъ проѣзжихъ дорогъ. Иногда уже начавшіе заселяться участки покидаются новоселами исключительно изъ-за бездорожья, а «нерѣдко бездорожье служитъ и причиной заглазнаго зачисленія долей» ходоками, что, конечно, противорѣчитъ самой идеѣ ходачества и совершенно парализуетъ его значеніе; въ одномъ изъ таёжныхъ районовъ Маріинскаго уѣзда, Томской губерніи, «большинство отказовъ отъ водворенія проистекаетъ именно отъ того, что ходоки, вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ, сами не побывали на зачисленныхъ ими земляхъ». Вообще, по оффиціальному признанію, «значительная часть незаселенныхъ участ-

[1]) Новомбергскій, назв. соч., стр. XLVI.

ковъ западной и восточной Сибири лежитъ въ отдаленіи отъ какихъ-либо путей сообщенія, и эта отдаленность является одной изъ главныхъ причинъ медленнаго хода заселенія многихъ, вполнѣ удобныхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, участковъ» [1]).

И тѣмъ не менѣе, для сооруженія дорогъ до сихъ поръ сдѣлано чрезвычайно мало. Вначалѣ работы этого рода предпринимались по иниціативѣ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ дѣятелей, на случайно отпускавшіяся имъ, изъ разныхъ источниковъ, средства. Съ 1899 года на землеотводныя партіи возложена обязанность, параллельно съ образованіемъ участковъ въ тайгѣ, составлять предположенія о направленіи и приблизительной стоимости необходимыхъ дорогъ и представлять эти предположенія временнымъ комиссіямъ вмѣстѣ съ проектами отграниченія участковъ. Но для партій въ существующемъ ихъ составѣ изысканіе дорогъ оставалось дѣломъ побочнымъ, а по отсутствію въ нихъ спеціалистовъ-техниковъ онѣ являлись и мало подготовленными для этого дѣла. А главное—проложеніе дорогъ требовало и значительныхъ средствъ; между тѣмъ, за шесть лѣтъ, съ1897 по 1902 годъ, на устройство дорогъ въ таёжныхъ мѣстностяхъ Тобольской, Томской и Енисейской губерній было отпущено всего... 29,100 рублей; болѣе значительные отпуски начались только съ 1903 года, подъ вліяніемъ, можетъ быть, отчасти тѣхъ впечатлѣній, которыя были вынесены министромъ финансовъ С. Ю. Витте изъ поѣздки его въ Сибирь: на 1903 годъ было отпущено 86,000 рублей, на 1904 г.—130,000 р. Сравнительно больше были отпуски на дорожное дѣло по Уссурійскому краю, достигшіе за 1901—1902 гг. 95,000 рублей. Не удивительно, что юбилейное изданіе комитета Сибирской желѣзной дороги [2]) почти не находитъ ничего сказать по поводу этой крайне важной стороны переселенческаго дѣла, и только мимоходомъ упоминаетъ о «проведеніи, на отпущенные комитетомъ кредиты, колесныхъ дорогъ къ переселенческимъ поселкамъ, расположеннымъ въ таёжныхъ мѣстностяхъ». И результаты, достигнутые на счетъ такихъ ничтожныхъ средствъ, были тѣмъ ничтожнѣе, что для дорожнаго дѣла не было создано никакой спеціальной мѣстной организаціи. Устройство дорогъ поручалось либо техникамъ мѣстныхъ строительныхъ отдѣленій, либо (въ 1901 году въ Уссурійскомъ краѣ) случайно приглашеннымъ людямъ съ самою сомнительною техническою подготовкой, но чаще всего— все тѣмъ же крестьянскимъ начальникамъ или чиновникамъ. О строительныхъ отдѣленіяхъ не стоитъ, очевидно, много говорить; ихъ техники либо совсѣмъ уклонялись отъ дорожныхъ работъ въ переселенческихъ районахъ, въ виду ихъ слишкомъ мелкаго масштаба, либо составляли невѣроятныя смѣты, но большой части не получавшія утвержденія. Что получалось, когда дороги строились крестьянскими начальниками, «нерѣдко впервые имѣвшими дѣло съ подобнаго рода работами»,—объ этомъ мы имѣемъ, опять-таки, безусловно достовѣрныя

---

[1]) Представленіе м-ва в. д. 5 ноября 1902 г. № 10176.
[2]) „Сиб. ж. д", стр. 342 и 343.

оффиціальныя свидѣтельства: «старыя дороги—говоритъ переселенческое управленіе [1]), первоначально проводились неопытными лицами, безъ достаточныхъ предварительныхъ изслѣдованій, по неудобнымъ болотистымъ мѣстамъ, а корчевка если и производилась, то въ далеко не достаточныхъ размѣрахъ, и посему исправленіе такихъ дорогъ—о которомъ очень скоро пришлось подумать—оказывалось почти равносильнымъ проведенію новыхъ»... Только въ самое послѣднее время, одновременно съ нѣкоторымъ усиленіемъ кредитовъ, была сдѣлана попытка создать спеціальную дорожную администрацію: для Уссурійскаго края были учреждены особыя должности дорожныхъ техниковъ при землеотводной партіи, въ предбайкальской Сибири ближайшее завѣдываніе дорожными работами возложено на особыхъ техниковъ-десятниковъ, подъ общимъ наблюденіемъ техника съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, командированнаго переселенческимъ управленіемъ.

Если проложеніе дорогъ является conditio sine qua non успѣшнаго заселенія таёжныхъ районовъ, то для скораго устройства переселенцевъ, какъ въ сибирской тайгѣ и урманахъ, такъ и въ глухой, удаленной отъ мѣстностей съ окрѣпшими русскими поселеніями, киргизской степи, крайне важны еще и нѣкоторыя другія мѣры, способныя облегчить новоселамъ тяжелую борьбу съ суровою природой и другими неблагопріятными условіями, затрудняющими водвореніе и обзаведеніе хозяйствомъ. Я лично совершенно не сторонникъ такихъ мѣръ, какъ расчистка земли на казенный счетъ,—не сторонникъ потому, что такая помощь, оказанная въ достаточно серьезныхъ размѣрахъ, обременитъ переселенца слишкомъ большимъ добавочнымъ долгомъ, если же она будетъ безвозвратною, то, несомнѣнно, будетъ слишкомъ способствовать ослабленію тѣхъ стимуловъ личной иниціативы и самодѣятельности, которые являются однимъ изъ существеннѣйшихъ условій успѣха хозяйственной дѣятельности новоселовъ. Но крайне важное значеніе имѣли бы мѣры, способныя обезпечить переселенцамъ возможность дешево и безъ большой потери времени пріобрѣтать необходимые для первоначальнаго, по крайней мѣрѣ, обзаведенія предметы хозяйственнаго инвентаря, а также продовольственные продукты, въ видѣ, главнымъ образомъ, казенныхъ складовъ, гдѣ переселенцы могли бы пріобрѣтать продукты, сельскохозяйственныя орудія, домовые приборы и т. д. Только этимъ способомъ было бы возможно избавить новоселовъ отъ жестокой эксплоатаціи со стороны старожиловъ, нерѣдко и со стороны такихъ же новоселовъ, только прибывшихъ двумя-тремя годами раньше,—эксплоатаціи, выражатщейся и въ чрезмѣрно высокихъ цѣнахъ, и въ недоброкачественноси сбываемыхъ новоселамъ продуктовъ—въ особенности хлѣба, посѣвныхъ сѣмянъ и т. п. Крайне важно было бы позаботиться о жилищныхъ условіяхъ переселенцевъ въ первое время водворенія: переселенецъ, выбирающій мѣсто поселенія въ тайгѣ или въ глухой степи, не имѣетъ возможности поселиться, на время первоначальнаго обзаведенія, въ

[1]) Записка 5 ноября 1903 г. № 11015.

какомъ нибудь старожильскомъ селеніи, какъ это дѣлали переселенцы прежнихъ эпохъ; ему поневолѣ приходится селиться и селить свою семью на отведенномъ ему участкѣ, гдѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ—пока не готова, хоть вчернѣ, изба—приходится жить въ шалашѣ или землянкѣ. Крайне желательнымъ было бы, поэтому, устройство на каждой отдѣльно-стоящей группѣ вновь предназначаемыхъ къ заселенію переселенческихъ участковъ временныхъ бараковъ для переселенческихъ семействъ. Существенно необходимо, затѣмъ, позаботиться о культурной сторонѣ жизни новоселовъ, чтобы поставить ихъ по отношенію къ возможности почтовыхъ сношеній, церкви и въ особенности школѣ въ такія, все-таки, сравнительно благопріятныя условія, къ которымъ они успѣли привыкнуть у себя на родинѣ. Крайне необходимо позаботиться и о медицинской помощи новоселамъ. «Лѣсистыя мѣстности, говоритъ д-ръ Гордѣевъ въ уже цитированномъ отчетѣ, сырыя и болотистыя, даютъ большой процентъ лихорадочныхъ заболѣваній. Въ поселкахъ, гдѣ переселенцы не успѣли себѣ построить бревенчатые дома и живутъ въ землянкахъ, наблюдается цынга и ревматическія заболѣванія. Классическая грязь является причиною трахомы, чесотки и разнаго рода кожныхъ и паразитарныхъ заболѣваній. Непосильный трудъ, хроническое недоѣданье, плохая питьевая вода во многихъ мѣстностяхъ, наконецъ вообще тяжелыя экономическія условія, дѣйствуя ослабляющимъ образомъ, понижаютъ силу сопротивленія организма и способствуютъ всевозможнымъ болѣзнямъ: корь, скарлатина и дифтеритъ губятъ молодое поколѣніе, а тифъ и цинга взрослыхъ. Инфекціонныя заболѣванія узнаются долгое время спустя послѣ своего возникновенія и исчезаютъ, когда уже многіе перехвораютъ»,—и это совершенно естественно, при обусловливаемой недостаточностью сибирской сельской медицины невозможности для врачебнаго персонала ни своевременно являться на мѣста возникшей эпидеміи, ни оказать достаточную лечебную помощь, ни въ особенности—поставить больныхъ въ сносныя условія питанія, воздуха и ухода.

Во всемъ сказанномъ нѣтъ конечно, ничего новаго. Необходимость позаботиться о новоселахъ во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ не ускользала, въ частности, отъ вниманія мѣстныхъ дѣятелей и учрежденій, вѣдающихъ переселенческимъ дѣломъ. Но сдѣлано въ этомъ отношеніи крайне мало. Сравнительно посчастливилось медицинской части. Уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности Сибирскій комитетъ обратилъ вниманіе на крайнюю ея недостаточность въ Сибири, и по его инициативѣ были замѣтно увеличены и медицинскій персоналъ, и денежныя ассигнованія,—такъ что нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, наиболѣе счастливыя мѣстности Сибири поставлены теперь въ этомъ отношеніи—если судить по числу врачей и размѣрамъ денежныхъ отпусковъ—не въ худшія и даже въ лучшія условія, нежели нѣкоторыя, наименѣе благополучныя губерніи Европейской Россіи. Но вновь возникающіе въ послѣдніе годы переселенческіе поселки располагаются, въ видѣ правила, въ мѣстностяхъ, абсолютно недоступныхъ или весьма трудно доступныхъ для мѣстнаго медицинскаго персонала. Поэтому, въ послѣднее

время начали устраиваться спеціальные «поселковые» врачебно-питательные пункты; въ 1903 году на медицинскую помощь новоселамъ въ районахъ водворенія было отпущено 79.100 рублей, въ 1904 году—уже 105.215 рублей; на эти средства дѣйствовало 11 пунктовъ этого типа, въ томъ числѣ одинъ въ Тобольской губерніи, одинъ въ Акмолинской области, три въ Енисейской и шесть въ Томской губерніи. Уже однѣхъ этихъ цифръ (одинъ пунктъ на Тобольскую губернію!) довольно, чтобы судить о совершенной недостаточности медицинской помощи переселенцамъ, особенно если вспомнить, что одинъ врачебный пунктъ нормально обслуживаетъ районъ радіусомъ не болѣе 25—30 верстъ, и если имѣть въ виду разбросанность отдѣльныхъ группъ поселковъ по площади губерній и уѣздовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что медицинская помощь новоселамъ—пока еще въ зародышѣ, и недосягаемымъ для нея идеаломъ является та степень относительнаго совершенства, которая уже достигнута въ дѣлѣ врачебно-питательной помощи переселенцамъ во время ихъ передвиженія.

Въ области духовныхъ и культурныхъ потребностей, какъ мы уже знаемъ, тоже сдѣлано немало, въ формѣ церковнаго и школьнаго строительства на счетъ особаго, собраннаго изъ добровольныхъ пожертвованій фонда. Мы знаемъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, что въ построенныхъ на счетъ этого фонда школахъ обучается до 8.000 дѣтей. Но мы совершенно не знаемъ, *какъ* обучаются дѣти въ этихъ школахъ—имѣемъ ли мы здѣсь дѣло хотя бы съ министерскими начальными школами выработавшагося въ Сибири типа, или же, что̀ болѣе правдоподобно при тѣсной связи дѣла школьнаго строительства съ церковнымъ, съ церковно-приходскими школами и школами грамоты. Что̀ касается наконецъ до такихъ видовъ помощи новоселамъ, какъ устройство складовъ инвентаря и предметовъ потребленія, временныхъ бараковъ и т. д., то въ этомъ отношеніи дѣло не пошло дальше разрозненныхъ попытокъ, дѣлавшихся въ зависимости, иногда, отъ дѣйствительно выяснившейся особенно рѣзкой нужды, иногда—отъ личной иниціативы того или другого мѣстнаго чиновника. Еще изъ отчета А. Н. Куломзина мы узнаемъ объ устроенныхъ нѣкоторыми крестьянскими чиновниками Тобольской губерніи переселенческихъ складахъ, причемъ среди устроителей этихъ складовъ мы, опять-таки, встрѣчаемъ и имя такого дѣятеля, какъ А. В. Калачовъ, и имена Мореншильда и преемныхъ ему. Большинство этихъ складовъ, повидимому, имѣло очень непродолжительное существованіе. Въ самое послѣднее время были устроены продовольственные склады въ глухихъ переселенческихъ районахъ Тавдинскаго района, въ Туринскомъ уѣздѣ; въ 1903 году въ нѣкоторыхъ другихъ такихъ же районахъ «организованы продовольственные склады для переселенцевъ, а на отдаленныхъ таёжныхъ участкахъ построены бараки для первыхъ партій» [1]), и т. д. Во всякомъ случаѣ дѣло здѣсь не вышло изъ стадіи разроз-

[1]) Записка пересел. управленія 30 окт. 1903, № 10947.

ненныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ попытокъ, и болѣе серьезная и планомѣрная его организація всецѣло принадлежитъ—какъ признается и оффиціально—къ области будущаго.

Но едва ли не наиболѣе слабою стороною современной организаціи дѣла помощи переселенцамъ является совершенное отсутствіе агрономической помощи новоселамъ, если не считать очерченныхъ выше мѣръ снабженія ихъ улучшеннымъ инвентаремъ—мѣръ, которыя, не будучи введены въ планомѣрную систему агрономической помощи, и сами по себѣ могли оказать лишь очень ограниченное и не всегда цѣлесообразное воздѣйствіе на хозяйство новоселовъ.

Агрономическая организація въ Сибири — если вообще можно говорить здѣсь о такой организаціи—состоитъ изъ одного агронома на каждую губернію и область; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ распоряженіи агрономовъ имѣется нѣсколько инструкторовъ, но большею частью—только по спеціальнымъ отраслямъ хозяйства. Если вспомнить, что такое *сибирская* губернія, то безъ дальнѣйшихъ объясненій станетъ ясно, что дѣятельность этихъ агрономовъ не могла замѣтнымъ образомъ отразиться на положеніи сельскаго хозяйства.

Между тѣмъ, если вопросъ объ агрономической помощи имѣетъ важное значеніе для внутреннихъ губерній Европейской Россіи или для старожилаго населенія Сибири, то тѣмъ важнѣе онъ для новоселовъ-переселенцевъ, которые попадаютъ въ совершенно чуждыя имъ условія почвы, климата и т. п. и приспособляются къ этимъ условіямъ лишь цѣною многихъ жертвъ и неудачъ. До сравнительно недавняго времени, впрочемъ, главная масса переселенцевъ водворялась на свободныхъ земляхъ вблизи старожильскихъ селеній, и при организаціи своего хозяйства могла воспользоваться указаніями вѣкового опыта хозяйства старожиловъ: новоселы, въ видѣ правила, цѣликомъ принимали ихъ хозяйственные порядки и пріемы, иногда лишь внося свои частичныя поправки. При такихъ условіяхъ новоселы нуждались въ агрономической помощи лишь въ той же самой мѣрѣ, въ какой въ ней нуждается и вообще наше крестьянство, въ частности же—старожилое населеніе колонизаціонныхъ районовъ. Иначе стало дѣло, когда колонизація начала углубляться въ дебри сибирской тайги. Правда, естественныя условія послѣдней представляютъ много общаго съ естественными условіями лѣсистыхъ мѣстностей сѣверной и особенно сѣверо-восточной Россіи, а потому въ нихъ прекрасно устраиваются переселенцы, напримѣръ, изъ Пермской или Вятской губерній; нерѣдко, притомъ, водворяющіеся въ тайгѣ переселенцы имѣютъ возможность воспользоваться опытомъ издавна живущихъ въ тайгѣ заимщиковъ-старожиловъ. Но заимщики имѣются далеко не вездѣ, а въ тайгу идутъ отнюдь не одни только переселенцы-вятичи или пермяки, но также и выходцы изъ мѣстностей съ сравнительно мягкимъ климатомъ. «Пришедшіе издали переселенцы — говоритъ прекрасный наблюдатель, пасторъ Фрейбергъ [1]), обслѣдовавшій переселенческіе, поселки въ Тарскомъ урманѣ, въ боль-

[1]) Труды Комит. о нужд. с.-х. промышл., Тоб. губ., 385—387.

шинствѣ случаевъ не знаютъ, какимъ образомъ они здѣсь должны обрабатывать землю; здѣшняя почва и ея качества, а также климатическія условія здѣшней страны, имъ чужды; о томъ, какія породы хлѣбовъ здѣсь лучше пойдутъ, они не имѣютъ понятія; вслѣдствіе того, каждый культивируетъ именно то, къ чему онъ привыкъ на родинѣ, не спрашивая, возможно это здѣсь, или нѣтъ; такимъ образомъ онъ нерѣдко экспериментируетъ посѣвами безъ всякаго смысла и понятія, и не получая никакихъ урожаевъ, начинаетъ сомнѣваться въ томъ, будетъ ли подъ такими условіями, вообще, возможно жить въ урманѣ». Прямой выводъ отсюда—необходимость организованной агрономической помощи. «Переселенцы—продолжалъ г. Фрейбергъ,—хотя послѣ многихъ неурожаевъ пришли къ убѣжденію, что глубоко нельзя пахать, что выгоднѣе сѣять озимые хлѣба, чѣмъ яровые, но, несмотря на то, каждый вновь пришедшій въ урманъ принимается за безсмысленную экспериментировку; что же касается затѣмъ плодоперемѣнности, соотвѣтствующей составу земли и климатическимъ условіямъ, то въ этомъ господствуетъ полное незнаніе. Такія неблагопріятныя обстоятельства были бы, большею частью, отмѣнены, если бы къ трудной физической работѣ переселенца присоединился соотвѣтствующій разумъ, т. е. если бы агрономъ-спеціалистъ смотрѣлъ за земледѣліемъ»; такого рода помощь, въ отличіе отъ скорѣе вредныхъ, въ концѣ концовъ, нежели полезныхъ пособій и ссудъ, «подняла бы внутреннюю силу переселенцевъ, расширила бы ихъ самодѣятельность и примирила бы ихъ съ запятыми участками; а государству это стоило бы не дороже, чѣмъ ежегодная заготовка тысячъ пудовъ хлѣба, которые не всегда достигаютъ цѣли и прибавляютъ переселенцамъ все болѣе и болѣе долговъ».

Тѣмъ необходимѣе, конечно, агрономическая помощь въ такихъ колонизаціонныхъ районахъ, какъ Приамурье и особенно Уссурійскій край, а также киргизская степь. Чѣмъ дальше, въ киргизской степи, на югъ, тѣмъ меньше становится количество осадковъ,—на широтѣ Акмолинска оно въ полтора раза меньше, нежели на югѣ Тобольской губерніи, который тоже уже гораздо сильнѣе страдаетъ отъ засухъ, нежели большая часть губерній южной полосы Россіи; тѣмъ болѣе черноземныя почвы, болѣе или менѣе знакомыя выходцамъ изъ южныхъ губерній, уступаютъ мѣсто почвамъ лёссовымъ, песчанымъ, каменистымъ и т. п., — и въ результатѣ создаются такія условія, въ которыхъ плохо разбирается не только новоселъ, но даже и ученый агрономъ. Еще болѣе своеобразны и чужды для русскаго переселенца тѣ условія, которыя онъ встрѣчаетъ въ Приамурьѣ, и это—тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ побережью Тихаго океана. Достаточно указать на безснѣжныя зимы, устраняющія возможность культуры озимыхъ хлѣбовъ на громадную силу произрастанія, до крайности затрудняющую борьбу съ сорными травами; на избытокъ атмосферной и почвенной влаги во время произрастанія хлѣбовъ, дурно отражающійся на урожаѣ и особенно — на качествѣ зерна, на весьма обычное совпаденіе дождливаго періода съ временемъ уборки хлѣбовъ и травъ, наконецъ, въ зависимости отъ всего изложеннаго,

на широкое распространеніе грибныхъ растеній, изъ которыхъ такъ называемый «пьяный хлѣбъ», въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, въ послѣднее время пріобрѣтаетъ характеръ настоящаго народнаго бѣдствія. Обычные крестьянскіе пріемы зернового хозяйства и обработки земли при такихъ условіяхъ оказываются, особенно въ Уссурійскомъ краѣ, совершенно несостоятельными. И если для сибирской тайги можно было бы ограничиться самою простою, но только возможно подвижною агрономическою организаціей, въ видѣ разъѣздныхъ агрономовъ и, въ ихъ распоряженіи, возможно большаго числа инструкторовъ, съ предоставленіемъ имъ небольшихъ средствъ на производство простѣйшихъ метеорологическихъ наблюденій, закладку временныхъ показательныхъ, рѣже опытныхъ посѣвовъ и т. п.,—то для такихъ мѣстностей, какъ южныя киргизскія степи и Приамурье, гдѣ не существуетъ мѣстнаго, пригоднаго для русскихъ переселенцевъ, сельскохозяйственнаго опыта, гдѣ притомъ почвенныя и особенно климатическія условія не даютъ возможности примѣнять готовыя указанія той агрономической теоріи и практики, на которыхъ воспитывались наши агрономы, необходима болѣе сложная организація, которая дала бы возможность *создать* способы и пріемы хозяйства, соотвѣтствующіе мѣстнымъ естественнымъ условіямъ, но въ то же время—и экономическимъ особенностямъ русскаго крестьянскаго хозяйства.

Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи до самаго послѣдняго времени не было ничего сдѣлано. Попытка министерства земледѣлія получить средства для правильной постановки агрономической помощи въ Степныхъ областяхъ и въ Приамурскомъ краѣ не встрѣтила сочувствія. Подготовительная коммисія Сибирскаго комитета нашла болѣе цѣлесообразнымъ пріурочить агрономическія мѣропріятія къ сельскохозяйственнымъ складамъ переселенческаго управленія, возможно широко развивъ при нихъ демонстрированіе земледѣльческихъ орудій, а въ тѣхъ районахъ Сибири, гдѣ вслѣдствіе особенностей почвы новоселы плохо устраиваются, и устройство показательныхъ полей [1]).

Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы не даютъ свѣдѣній о томъ, что̀ сдѣлано складами въ данномъ направленіи. Но мы не думаемъ, чтобы отъ подобной постановки дѣла можно было ожидать замѣтныхъ результатовъ. Не говоря уже о томъ, что географическое распредѣленіе складовъ имѣетъ очень мало общаго съ географическимъ распредѣленіемъ тѣхъ мѣстностей, которыя наиболѣе нуждаются въ агрономической помощи; не говоря и о томъ, что организація показательныхъ полей—мѣра, совершенно недостаточная для такихъ мѣстностей, гдѣ необходимо еще *выработать* тѣ способы и пріемы сельскохозяйственной техники, которые могли бы быть пропагандируемы показательными полями,—не говоря обо всемъ этомъ, самая идея организаціи опытныхъ посѣвовъ и т. п. *при складахъ* едва ли можетъ считаться правильной: связь между складами и агрономическою организаціей должна, конечно, существовать,—но эта связь

---

[1]) Журн. 1902 г. № 125, стр. 61.

должна заключаться въ подчиненіи складовъ руководительству агрономической организаціи, чтобы первые дѣйствовали въ направленіи, намѣчаемомъ послѣднею; едва ли правильно ставить опытно-показательное дѣло—существеннѣйшую изъ обязанностей агрономической организаціи, въ положеніе какого-то придатка при складахъ, особенно въ той постановкѣ, которая придана имъ переселенческимъ управленіемъ; при такой постановкѣ дѣла сельскохозяйственные опыты неизбѣжно сохранятъ случайный характеръ и никогда не будутъ поставлены съ необходимою основательностью и систематичностью.

На этомъ мы заканчиваемъ нашъ, по необходимости, слишкомъ бѣглый и даже неполный обзоръ мѣръ въ области устройства переселенцевъ-новоселовъ на мѣстахъ ихъ водворенія. Читатель видитъ, что мы были правы, говоря о «болѣе или менѣе случайныхъ мѣрахъ хозяйственно-культурнаго порядка» и противуполагая ихъ планомѣрной и законченной организаціи дѣла помощи переселенцамъ во время ихъ передвиженія. Въ чемъ же, спрашивается, искать причинъ недостаточнаго развитія мѣръ культурно-хозяйственнаго порядка? Это—результатъ цѣлой совокупности условій. Прежде всего, отпуски на переселенческое дѣло, громадные по сравненію съ ничтожными суммами, которыя расходовались до учрежденія комитета Сибирской желѣзной дороги, были однако недостаточны, чтобы удовлетворить *всѣмъ* потребностямъ этого дѣла, въ задуманной комитетомъ широкой постановкѣ; поэтому, сравнительно широко удовлетворяя наиболѣе насущнымъ, кричащимъ нуждамъ, приходилось удѣлять слишкомъ мало вниманія другимъ, въ конечномъ счетѣ не менѣе важнымъ, но менѣе настоятельно заявлявшимъ о себѣ потребностямъ. Не безъ извѣстнаго вліянія была затѣмъ и слишкомъ узкая граница, которая была проведена для сферы дѣятельности Сибирскаго комитета: прямымъ дѣломъ послѣдняго признавалось только попеченіе о передвиженіи переселенцевъ, образованіе переселенческихъ участковъ, выдача ссудъ и т. п. Дорожное дѣло, медицинская помощь новоселамъ на мѣстахъ признавались уже *мѣстнымъ* дѣломъ, и попытки исхлопотать болѣе значительныя суммы на подобнаго рода мѣры или разбивались, или во всякомъ случаѣ—удовлетворялись лишь частично, въ виду того предположенія, что данныя потребности будутъ удовлетворены на счетъ мѣстныхъ земскихъ средствъ. А между тѣмъ эти мѣстныя средства,—даже и независимо отъ принципіальныхъ сомнѣній, которыя могло возбуждать привлеченіе ихъ къ удовлетворенію потребностей *пришлаго* населенія, были настолько ничтожны, что рѣшительно не допускали сколько-нибудь широкихъ расходовъ на удовлетвореніе нуждъ переселенческаго дѣла [1]). Наконецъ, очень существенное значеніе имѣло и еще одно обстоятельство, котораго мы уже неоднократно касались, по тому или другому частному поводу: *отсутствіе на мѣстахъ спеціальнаго органа*, который вѣдалъ бы хозяйственнымъ устройствомъ новоселовъ. Законодательство послѣдняго времени, сосредоточивъ высшее завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ въ рукахъ Сибирскаго комитета,

[1]) См. ниже, стр. 129—130.

подготовительной его коммисіи и переселенческаго управленія, возложило труднѣйшую задачу устройства переселенцевъ на мѣстахъ на мѣстные органы крестьянскаго управленія, поставивъ во главѣ угла крестьянскаго чиновника или начальника, созданнаго по образу и подобію земскихъ начальниковъ Европейской Россіи. Въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ мы находимъ много указаній на то, что крестьянскіе начальники, въ смыслѣ непрошенной опеки надъ крестьянами, мало отстали отъ своего прототипа—это призналъ, напримѣръ, Тобольскій губернаторъ г. Лаппа - Старженецкій [1]), обставившій это признаніе только тою оговоркой, что «факты вмѣшательства въ хозяйственную жизнь крестьянъ крестьянскихъ начальниковъ отнюдь не оправдываются существующимъ положеніемъ института крестьянскихъ начальниковъ и являются превышеніемъ ихъ правъ». А приведенныя выше указанія относительно роли крестьянскихъ начальниковъ въ церковно-строительномъ дѣлѣ и разрозненные намеки, въ изобиліи разбросанные въ описаніяхъ переселенческихъ поселковъ, составленныхъ экспедиціею по изслѣдованію Степныхъ областей, свидѣтельствуютъ о томъ, что крестьянскіе начальники и по отношенію къ новоселамъ проявляютъ тотъ-же произволъ, что и по отношенію къ старожилому населенію: достаточно упомянуть о крестьянскомъ начальникѣ, штрафующемъ крестьянъ на 6 рублей за неявку на производимую по его приказанію повѣрку общественныхъ пахотныхъ земель... И въ то же время, какъ мы видѣли, всевѣдущіе и всемогущіе, по идеѣ института, крестьянскіе начальники оказались безсильными воплотить въ жизнь тѣ мѣры попеченія о хозяйственномъ благоустройствѣ новоселовъ, проведеніе которыхъ возлагалось на нихъ высшимъ правительствомъ; мало того, они не могли или не желали даже исполнять какъ слѣдуетъ свои прямыя обязанности, чисто административнаго характера, какъ водвореніе переселенцевъ на участкахъ, учетъ свободныхъ и занятыхъ душевныхъ долей и т. п., результатомъ чего явилась, между прочимъ, совершенная невозможность произвести сколько нибудь точный подсчетъ количества свободныхъ душевыхъ долей въ колонизаціонныхъ районахъ Сибири и Степного края... Впрочемъ, намъ нѣтъ уже надобности останавливаться на этихъ частностяхъ, ибо мы имѣемъ новѣйшія оффиціальныя свидѣтельства относительно несостоятельности, вообще, института крестьянскихъ начальниковъ, какъ мѣстныхъ органовъ переселенческаго дѣла. «Правильно руководить дѣломъ, говоритъ переселенческое управленіе въ составленной въ 1904 году запискѣ,—затрогивашимъ интересы людей, переходящихъ изъ одной мѣстности государства въ другую или приходящихъ издалека и не избравшихъ еще окончательно новыхъ мѣстъ жительства, мѣстнымъ учрежденіямъ не подъ силу...; такія дѣла, какъ пріемъ переселенцевъ, временное ихъ размѣщеніе, выборъ и отводъ земель, послѣдующія заботы о созиданіи хозяйственнаго ихъ быта, настолько рѣзко отличаются отъ обычныхъ формъ адми-

[1]) Труды, Тоб. губ., 55.

нистративнаго и канцелярскаго производства, что должностныя лица общихъ присутственныхъ мѣстъ разрѣшаютъ ихъ на совершенно различныхъ основаніяхъ или теряются въ подобныхъ, выходящихъ изъ обычнаго ряда случаяхъ».

Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что однимъ изъ существеннѣйшихъ условій лучшей постановки дѣла, устройства новоселовъ на мѣстахъ, наряду съ выработкой болѣе широкаго и систематическаго плана дѣйствій и съ постановкой дѣла на болѣе широкую финансовую базу, является и совершенно иная мѣстная организація этого дѣла. Мы не будемъ повторять здѣсь общихъ мѣстъ о необходимости привлеченія къ этому дѣлу мѣстныхъ общественныхъ силъ и въ частности—уже существующихъ или могущихъ возникнуть земскихъ учрежденій. Намъ лично кажется, что участіе земства въ *этомъ* дѣлѣ имѣло бы меньшее значеніе нежели гдѣ бы то ни было. Если говорить о будущемъ земствѣ *районовъ водворенія* переселенцевъ, то съ одной стороны вѣдь въ тѣхъ пустынныхъ мѣстностяхъ, куда теперь направляются переселенцы, вовсе нѣтъ никакихъ мѣстныхъ общественныхъ силъ. Съ другой—для мѣстныхъ силъ, гдѣ онѣ есть, попеченіе о переселенцахъ вовсе не будетъ попеченіемъ о *своемъ, мѣстномъ* дѣлѣ; напротивъ, интересы мѣстнаго населенія, представляемые земскими учрежденіями, слишкомъ часто бываютъ антагонистичны съ интересами переселенцевъ: напомнимъ только о весьма обычныхъ мѣстныхъ ходатайствахъ о *закрытіи* свободныхъ земель губерніи, области или уѣзда для приходящихъ изъ другихъ губерній, областей или уѣздовъ переселенцевъ... Если же имѣть въ виду земства мѣстностей, *откуда идутъ* переселенцы, то вѣдь какое нибудь Золотоношское или Суджанское земство не будетъ *мѣстнымъ* земствомъ для Туринскаго урмана или Павлодарской степи. Самое большее, чего можно ожидать отъ самоотверженнаго земскаго дѣятеля, — это поѣздки вмѣстѣ съ ходоками или съ партіею переселенцевъ и участія въ выборѣ участковъ,—но даже въ этомъ дѣлѣ пирятинскій земецъ окажется не многимъ менѣе безпомощнымъ, нежели сопровождаемые имъ ходоки, потому что и ему не менѣе чужды сельскохозяйственныя условія арало-каспійскихъ степей или уссурійской тайги. Но дѣло вѣдь отнюдь не кончается, а только *начинается* выборомъ участка; заботы о переселенцахъ, притомъ *постоянныя, текущія* заботы требуются въ теченіе ряда лѣтъ, а ни отъ какого земскаго дѣятеля — исключенія будутъ уже не исполненіемъ общественнаго долга, а подвигомъ, на который способны лишь немногіе — нельзя ожидать, чтобы онъ все бросилъ и уѣхалъ на нѣсколько лѣтъ устраивать партію переселенцевъ. А если бы онъ на это и рѣшился—то всетаки на новомъ мѣстѣ онъ будетъ *чужимъ* человѣкомъ, и слѣдовательно его дѣятельность будетъ лишена именно тѣхъ преимуществъ близкаго знакомства съ мѣстными условіями, которыя составляютъ главную силу земскихъ учрежденій въ другихъ отрасляхъ ихъ дѣятельности.

Переселеніе, по нашему убѣжденію, есть дѣло *государственное*, и дѣло хозяйственно-культурной помощи переселенцамъ должно оставаться въ рукахъ государственныхъ органовъ—но только не

крестьянскихъ начальниковъ или ихъ съѣздовъ. «Намъ кажется, писали мы въ 1900 году, что и эта сторона переселенческаго дѣла должна быть ввѣрена особымъ должностнымъ лицамъ, для которыхъ, прежде всего, устройство переселенцевъ было бы такимъ же жизненнымъ дѣломъ, какимъ передвиженіе переселенцевъ является для Архиповыхъ и Станкевичей, и которые, будучи органами спеціально-переселенческихъ учрежденій, получали бы отъ нихъ то единообразное направленіе въ своей дѣятельности на пользу переселенія, котораго такъ недостаетъ нынѣшнимъ, болѣе или менѣе случайнымъ мѣстнымъ органамъ по части устройства переселенцевъ» [1]). Такіе органы появлялись, мѣстами и по временамъ, уже въ самомъ началѣ періода дѣятельности Сибирскаго комитета, въ видѣ особыхъ переселенческихъ чиновниковъ; но появлялись лишь тамъ, гдѣ еще не существовалъ институтъ крестьянскихъ чиновниковъ или начальниковъ, и затѣмъ уступали послѣднимъ свое мѣсто въ дѣлѣ административнаго и хозяйственнаго устройства новоселовъ. Однако, ясная для всѣхъ несостоятельность этого института побудила переселенческое управленіе все серьезнѣе думать о передачѣ функцій и административнаго, и въ особенности—культурно-хозяйственнаго устройства, особымъ переселенческимъ чиновникамъ. Сначала командировались переселенческіе чиновники въ отдѣльные, наиболѣе трудные переселенческіе районы «въ помощь крестьянскимъ начальникамъ»,—причемъ въ вѣдѣніе первыхъ выдѣлялись по преимуществу хозяйственныя функціи. А по закону 17 декабря 1901 года министерство внутреннихъ дѣлъ получило право поручать мѣстности съ преобладающимъ переселенческимъ населеніемъ завѣдыванію, во всѣхъ отношеніяхъ, чиновниковъ особыхъ порученій переселенческаго управленія. Въ 1903 году такихъ чиновниковъ имѣлось (не считая Приамурскаго края) 11, въ 1904 году число ихъ было доведено до 14-ти. Этотъ опытъ далъ вполнѣ удовлетворительные результаты: «названные чиновники—писало переселенческое управленіе въ концѣ 1903 года [2]), успѣшно содѣйствуютъ правильному ходу переселенческаго дѣла во ввѣренныхъ имъ районахъ: подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ къ многимъ пере-

---

[1]) „Въ мѣстной хроникѣ,—говоритъ г. Новомбергскій, изслѣдовавшій въ 1897 году переселенческіе поселки Тобольской губерніи и хорошо знакомый съ административными мѣстными порядками,—имѣются многочисленные и убѣдительные факты, иллюстрирующіе безсиліе ближайшей администраціи устроить бытъ переселенцевъ даже сообразно съ формальными указаніями дѣйствующихъ распоряженій начальства. Желательно было бы поэтому, чтобы новоселы до перехода ихъ на полный окладъ находились не въ завѣдываніи крестьянскихъ чиновниковъ, а особыхъ мѣстныхъ переселенческихъ чиновниковъ, которые могли бы лучше вникнуть въ нужды новоселовъ и отыскать наиболѣе удобный путь къ ихъ осуществленію. Только въ такомъ случаѣ заботы о переселенцахъ не будутъ отвлекать ближайшей администрація отъ руководительства жизнью старожилаго населенія, только тогда насущныя потребности пришлаго элемента найдетъ себѣ своевременное и законное осуществленіе безъ теперешнихъ матеріальныхъ потерь и нравственныхъ испытаній“ (наз. соч., стр. XLVI).

[2]) Записка 30 окт. 1903 г., № 10947.

селенческимъ участкамъ, ранѣе недоступнымъ, проведены дороги; путемъ провѣрки численности населенія переселенческихъ поселковъ, а также размѣровъ полученныхъ переселенцами ссудъ, количества занятыхъ и зачисленныхъ за ходоками и свободныхъ душевыхъ долей и т. п., устранены замѣчавшіеся прежде существенные недочеты; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ организованы продовольственные запасы для переселенцевъ, а на отдаленныхъ таёжныхъ участкахъ выстроены бараки для первыхъ партій; обезпечено своевременное и осмотрительное удовлетвореніе переселенцевъ ссудами, получили болѣе широкое развитіе ссуды на общеполезныя надобности, положено начало разнымъ предпріятіямъ, направленнымъ къ поднятію и укрѣпленію хозяйства новоселовъ».

При такихъ обстоятельствахъ приходится удивляться тому, что такого рода организація до сихъ поръ еще разсматривается какъ *суррогатъ* нормальнаго порядка завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ. Такъ, еще осенью 1903 года подготовительная комиссія исходила изъ той точки зрѣнія, что «дѣло водворенія переселенцевъ должно полностью вестись крестьянскими начальниками и, если до сихъ поръ наряду съ этими послѣдними къ той-же обязанности привлекались и другія лица, то это могло быть допущено только въ видѣ исключительной и временной мѣры, вслѣдствіе недостаточности состава мѣстной администраціи» [1]). Какъ мы старались показать, опытъ доказалъ совершенную непригодность сибирской крестьянской администраціи къ такому дѣлу, какъ устройство переселенцевъ,—негодность, вытекающую притомъ не изъ недостаточности числа крестьянскихъ начальниковъ, а изъ *принципіальной постановки* подобнаго рода должностей, самая суть которыхъ—во *властвованіи*, а не въ *заботливомъ попеченіи* о нуждахъ подчиненнаго ихъ власти населенія. И не касаясь принципіальнаго вопроса о будущихъ судьбахъ этого института, мы считаемъ крайне важнымъ, чтобы хозяйственно-культурныя заботы о переселенцахъ были поручены особымъ лицамъ, функціи которыхъ были бы не столько административными, сколько культурно-хозяйственными, и при выборѣ которыхъ обращалось бы вниманіе на соотвѣтственную теоретическую и практическую подготовку: первую лучше всего можетъ дать агрономическое образованіе, вторую—земская агрономическая или статистическая служба или стажъ, пройденный въ землеотводныхъ партіяхъ, который далъ бы будущему переселенческому чиновнику близкое знакомство съ тѣми землями, на которыхъ ему придется устраивать переселенцевъ. Конечно, существованіе переселенческихъ чиновниковъ не устраняетъ необходимости въ спеціальной агрономической организаціи, въ дорожныхъ техникахъ, въ особыхъ землеотводныхъ партіяхъ, и необходимая связь между отдѣльными сторонами переселенческаго дѣла вовсе не должна переходить въ поглощеніе одною стороною другихъ. Еще большею ошибкой было бы созданіе на мѣстахъ—какъ проектировалось въ самое послѣднее время—особыхъ переселенческихъ

[1]) Журн. 31 окт. и т. д. 1903 г., стр. 10.

управленій съ начальниками, помощниками, районными и участковыми чиновниками и т. п. Этимъ способомъ бюрократическій режимъ уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій былъ бы замѣненъ другимъ, еще болѣе сложнымъ бюрократическимъ режимомъ, который совершенно подавлялъ бы иниціативу и самостоятельность непосредственнаго исполнителя — участковаго переселенческаго чиновника.

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ того, что было задумано и сдѣлано для переселенческаго дѣла въ теченіе того періода, въ продолженіе котораго это дѣло находилось въ высшемъ завѣдываніи Сибирскаго комитета. Если теперь попытаться, въ заключеніе, въ немногихъ словахъ дать общую оцѣнку переселенческой политики разсмотрѣннаго періода, то, конечно, нельзя будетъ не признать, что въ этой политикѣ многое недодѣлано, многое несовершенно, многое проведено не съ достаточностью послѣдовательностью, кое въ чемъ направленіе, намѣченное закономъ, даже подверглось существеннымъ и не всегда благопріятнымъ измѣненіямъ въ порядкѣ циркуляровъ и административной практики. Но недостатки въ созданной Сибирскимъ комитетомъ постановкѣ переселенческаго дѣла являются, въ значительной мѣрѣ, недостатками, вообще, нашей современной дѣйствительности — если мало сдѣлано, до сихъ поръ, въ области культурно-хозяйственныхъ заботъ о переселенцахъ, то много ли сдѣлано въ этомъ смыслѣ, *вообще*, для русскаго крестьянскаго населенія?... Многія недодѣлки должны быть отнесены насчетъ того тяжелаго наслѣдія, которое Сибирскій комитетъ получилъ отъ предшествовавшаго продолжительнаго періода недовѣрчиво-сдержаннаго отношенія къ переселенческому движенію — такъ, многочисленныя ошибки, допущенныя въ первыя нѣсколько лѣтъ въ сферѣ землеотводнаго дѣла, были прямымъ слѣдствіемъ того, что правительство шло въ этомъ отношеніи не впереди, а въ хвостѣ переселенческаго движенія. Если наконецъ въ переселенческой политикѣ послѣдняго періода замѣчаются непослѣдовательность и колебанія, то это вытекало, въ значительной мѣрѣ, изъ тѣхъ *внутреннихъ* противорѣчій, которыя таитъ въ себѣ переселенческій вопросъ и которыя намъ придется подробно разобрать во второй части нашей книги: правительство, по тѣмъ или другимъ мотивамъ, *искренно желало* широко развить переселеніе въ Сибирь,—и ему пришлось всякими способами сдерживать его, потому что его желанія столкнулись съ неумолимымъ фактомъ—я повторяю, *фактомъ*—ограниченности тѣхъ земельныхъ запасовъ, которыми возможно располагать для надобностей переселенія; оно не менѣе искренно желало хозяйственнаго преуспѣянія переселенцевъ,—и должно было держать ссуды на уровнѣ, который и литература, и мѣстная администрація, имѣвшая дѣло съ переселенцами, признавали явно недостаточнымъ; *должно было* потому, что крупныя ссуды, облегчая новоселамъ первые моменты обзаведенія, либо обременили бы ихъ непосильнымъ

долгомъ, либо — ставши безвозвратными, грозили бы всѣми тѣми неблагопріятными послѣдствіями, которыми чревато, вообще, казенно-коштное переселеніе.

Но каковы бы ни были частные недостатки созданной Сибирскимъ комитетомъ постановки переселенческаго дѣла, не подлежитъ сомнѣнію, что эта постановка какъ небо отъ земли отличается отъ того, что дѣлалось—или, вѣрнѣе, что не дѣлалось—для переселенія въ эпоху, предшествовавшую учрежденію комитета. Переселенческое дѣло организовано комитетомъ съ небывалою прежде широтой. Тѣ 27 милліоновъ, которые были израсходованы на переселенческое дѣло за 11 лѣтъ [1]) дѣятельности комитета—это, можетъ быть, и не такъ много по сравненію съ возможными теоретическими разсчетами, — но это безконечно много по сравненію съ прежде отпускавшимися жалкими десятками тысячъ рублей; и безконечно много по сравненію съ тѣмъ, что дѣлалось у насъ, вообще, для поддержанія и развитія крестьянскаго хозяйства. Въ данную минуту насъ интересуетъ однако больше всего *общая переселенческая политика*,—а въ этомъ отношеніи самая важная и несомнѣнная заслуга комитета въ томъ, что онъ рѣшительно и, надо думать, навсегда отбросилъ ту точку зрѣнія полицейскаго недовѣрія, которая стояла въ основѣ переселенческой политики всего предшествовавшаго учрежденію комитета пореформеннаго періода; въ огромныхъ фоліантахъ матеріаловъ, по которымъ можно ознакомиться съ мотивами политики переселенческой политики комитета, нигдѣ нельзя найти ни малѣйшаго намека и на присущее предшествовавшему періоду стремленіе вліять на переселенческое движеніе въ интересахъ землевладѣльческаго класса,—хотя, какъ мы видѣли, такое стремленіе не оставалось безъ вліянія на дѣятельность тѣхъ земскихъ начальниковъ и присутствій, на которыхъ законъ возложилъ проведеніе въ жизнь своихъ предначертаній. Худо ли, хорошо ли велось дѣло,—во всякомъ случаѣ въ основѣ задумывавшихся и проводившихся Сибирскимъ комитетомъ мѣръ всегда лежали общегосударственные виды, съ одной стороны, и интересы переселяющихся, съ другой.

---

[1]) 1893—1903; мы не включаемъ 1904 года, какъ переходнаго, тѣмъ болѣе, что кредиты этого года были въ виду военныхъ обстоятельствъ сильно сокращены.

III.

Законъ 6 іюня 1904 года.

Уже въ послѣдніе годы дѣятельности Сибирскаго комитета, совпавшіе съ первыми годами XX вѣка, въ правительственныхъ сферахъ начали обнаруживаться теченія, позволявшія ожидать частью дальнѣйшаго, такъ сказать, количественнаго развитія и ушяренія переселенческой политики, частью—внесенія въ нее если не совсѣмъ новыхъ принциповъ, то во всякомъ случаѣ—такихъ, которые во всю пореформенную эпоху оставались на заднемъ планѣ.

Съ первой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія большой интересъ представляетъ всеподданнѣйшій докладъ бывшаго министра финансовъ, С. Ю. Витте, по поѣздкѣ его осенью 1902 г. на дальній востокъ. За 10 лѣтъ передъ тѣмъ впервые высказавшій мысль о необходимости связать постройку Сибирской желѣзной дороги съ колонизаціею Сибири, С. Ю. Витте теперь высказывается за усиленіе колонизаціи района желѣзной дороги. Существующій размѣръ переселенческаго движенія онъ признаетъ «не отвѣчающимъ ни дѣйствительной нуждѣ въ устройствѣ быта малоземельнаго крестьянства внутреннихъ губерній, ни потребности необъятныхъ областей Сибири въ земледѣльческой колонизаціи. Сибирь крайне малолюдна; желѣзная дорога, пролегающая по сравнительно заселенной полосѣ, сотнями верстъ проходитъ глухою тайгой или пустынными степями, лишь изрѣдка встрѣчая разбросанныя кое гдѣ поселенія. Въ губерніяхъ и областяхъ Сибири, прорѣзываемыхъ рельсовымъ путемъ, плотность населенія почти нигдѣ не превышаетъ 5 человѣкъ на 1 кв. версту, и ежегодный приливъ переселенцевъ даетъ всего 1 человѣка на 20—25 кв. верстъ». Сомнѣнія въ значительности запасовъ земель, пригодныхъ для колонизаціи, С. Ю. Витте отвергаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. «Дѣйствительно—говоритъ онъ—въ Сибири почти не осталось тѣхъ «мягкихъ» земель, на которыя садились переселенцы прежнихъ годовъ. Теперь преобладаютъ либо лѣсныя площади, которыя надо расчищать подъ пашню, либо никогда непаханныя степныя цѣлины, поднятіе которыхъ требуетъ отъ переселенца извѣстнаго

труда. Но Сибирь такъ обширна и такъ еще мало изслѣдована, что въ настоящее время количество земель, годныхъ для колонизаціи, едва ли можетъ быть опредѣлено сколько нибудь точно, всѣ же данныя за то, что количество это громадно». Прежде всего—необъятныя таёжныя и урманныя пространства. Сотни тысячъ удобныхъ десятинъ, обнаруженныя здѣсь при сравнительно слабомъ развитіи рекогносцировокъ землеотводныхъ партій, «даютъ полное основаніе предполагать, что при широкомъ развитіи работъ по изслѣдованію урманныхъ и таёжныхъ пространствъ въ нихъ найдутся большіе запасы удобныхъ для заселенія земель», и «опытъ уже показалъ, что большинство переселенцевъ при надлежащемъ трудѣ и средствахъ успѣшно устраивается въ тайгѣ». Дальнѣйшаго увеличенія земельнаго фонда С. Ю. Витте ожидалъ отъ развитія осушительныхъ и обводнительныхъ работъ, отъ использованія свободныхъ земель, обнаруженныхъ въ киргизскихъ областяхъ изслѣдованіями экспедиціи Ф. А. Щербины, и огромныхъ территорій Амурскаго и Уссурійскаго казачьихъ войскъ, отъ открытія для колонизаціи Забайкалья и т. п. «Все это, говоритъ онъ, вмѣстѣ взятое, повидимому опровергаетъ мнѣніе о томъ, что въ Сибири мало земли для переселенцевъ». Въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія колонизаціи Сибири С. Ю. Витте предлагалъ, съ одной стороны, облегченіе выхода переселенцевъ изъ Россіи, при дальнѣйшемъ однако развитіи мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы переселенцы не шли въ Сибирь съ преувеличенными надеждами, съ другой стороны—рядъ мѣръ къ развитію и дальнѣйшему упорядоченію переселенческаго дѣла въ Сибири. Съ этой цѣлью С. Ю. Витте рекомендуетъ расширить изслѣдованіе таёжныхъ и урманныхъ пространствъ Сибири, чтобы опредѣлить, между прочимъ, какія площади требуютъ предварительной расчистки силами самихъ переселенцевъ или—что ранѣе не предусматривалось—за счетъ государства; расширить также и дѣятельность землеотводныхъ партій, въ соотвѣтствіи съ потребностями государства въ преимущественномъ заселеніи тѣхъ или другихъ районовъ Сибири; увеличить ассигнованія на врачебно-продовольственную помощь, передвиженіе переселенческихъ партій и проч. Но едва ли не наиболѣе интересны—особенно по сопоставленію съ приведенными въ предыдущей главѣ данными о фактическомъ положеніи дорожнаго дѣла. обстоятельныя соображенія С. Ю. Витте о необходимости «озаботиться проложеніемъ въ Сибири цѣлаго ряда дорогъ, мѣстами желѣзныхъ облегченнаго типа, въ видѣ подъѣздныхъ путей къ сибирской магистрали, мѣстами грунтовыхъ, а отъ нихъ уже развить сѣть проселочныхъ». Какъ мы знаемъ, ассигнованія изъ суммъ Сибирскаго комитета на дорожное дѣло были до-нельзя ничтожны «въ томъ предположеніи, что устройство дорогъ можетъ производиться частью силами самихъ переселенцевъ, частью за счетъ мѣстныхъ земскихъ средствъ и натуральною повинностью старожильческаго населенія. Но опытъ показалъ—замѣчаетъ С. Ю. Витте, и здѣсь его соображенія пріобрѣтаютъ наибольшее значеніе и интересъ—что прибѣгать къ этимъ рессурсамъ далеко не всегда возможно. Новоселы въ теченіе первыхъ лѣтъ по ихъ водвореніи настолько еще слабы экономически, настолько заняты

расчисткою своихъ участковъ и постройками, что отвлекать ихъ на общественныя работы значило бы наносить непоправимый ущербъ ихъ будущему благосостоянію. Что же касается старожилаго населенія, то привлеченіе его къ натуральной дорожной повинности или къ усиленному обложенію едва ли было бы справедливо, такъ какъ дороги нужны главнымъ образомъ на мѣстахъ, никѣмъ еще не заселенныхъ, и, слѣдовательно, не принесутъ особой пользы самимъ старожиламъ. Желательно поэтому—заключаетъ С. Ю. Витте,—*въ мѣрѣ возможности* (курсивъ автора доклада) устройство хотя бы главнѣйшихъ грунтовыхъ дорогъ принять на средства государственнаго казначейства». Въ конечномъ итогѣ развитіе колонизаціи Сибири требовало бы дальнѣйшаго, притомъ весьма значительнаго увеличенія затратъ на переселенческое и колонизаціонное дѣло. «Но такія жертвы государственнаго казначейства, въ предѣлахъ возможныхъ по его состоянію затратъ, найдутъ себѣ оправданіе, съ одной стороны, въ той культурной роли, которую предназначено выполнить переселенцамъ въ дѣлѣ оживленія необъятной Сибири и разработки природныхъ богатствъ этого края, а съ другой—въ уменьшеніи въ Европейской Россіи излишковъ населенія».

Во второй части этой книги намъ придется подробно остановиться на вопросѣ о размѣрахъ тѣхъ земельныхъ запасовъ, которыми возможно располагать для цѣлей колонизаціи, и въ частности — на вопросѣ о пригодности сибирскихъ безпредѣльныхъ урмановъ и тайги для *большинства* переселенцевъ. Нашъ отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ, къ сожалѣнію, гораздо менѣе благопріятнымъ. Впрочемъ, и на практикѣ идеи С. Ю. Витте въ данномъ направленіи не получили осуществленія: землеотводныя работы въ Сибири не только не получили дальнѣйшаго развитія, но, напротивъ, начиная съ 1903 года, съ каждымъ годомъ сокращаются. И это сокращеніе работъ въ Сибири — слѣдствіе окончательно и, надо думать, безповоротно выяснившейся непригодности таёжныхъ и урманныхъ земель для выходцевъ изъ тѣхъ мѣстностей Европейской Россіи, которыя до сихъ поръ поставляли главную массу переселенцевъ и въ которыхъ наиболѣе остро ощущается самая потребность въ выселеніи.

Сказанное не умаляетъ, однако, крупнаго значенія доклада С. Ю. Витте, поскольку въ немъ подчеркивается необходимость болѣе широкой постановки *другихъ* сторонъ переселенческаго дѣла—врачебно-продовольственной помощи, передвиженія переселенческихъ партій, дорожнаго дѣла и т. п., и въ этомъ отношеніи указанія доклада не остались, повидимому, и безъ практическихъ послѣдствій: не превышавшая еще въ 1902 году 3.338.000 рублей, а въ 1903 году 3.419.000 рублей, смѣта расходовъ изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій Сибирской желѣзной дороги на 1904 годъ достигла суммы въ 4.947.000 рублей, т. е. возросла въ полтора раза; въ частности, ассигнованіе на дорожное дѣло, еще въ 1902 году не превышавшее 9000 рублей, въ 1903 году увеличено до 86.000, по смѣтѣ 1904 года—до 130.000 рублей.

Намъ слѣдовало бы теперь перейти къ другому теченію, которое

въ концѣ концовъ нашло себѣ выраженіе въ законѣ 6 іюня 1904 года, и которое мы, для краткости, можемъ назвать *аграрнымъ*. Но сначала мы должны сказать нѣсколько словъ о третьемъ теченіи, которое проще всего будетъ назвать *дворянскимъ*. Мы можемъ ограничиться по этому поводу нѣсколькими словами, потому что до сихъ поръ данное теченіе осталось почти безъ практическихъ послѣдствій.

Весьма естественно, что тотъ колоссальный запасъ пригодныхъ для культуры земель, который, какъ предполагалось, должны были открыть предпринятыя въ Сибири систематическія изслѣдованія и землеотводныя работы, не могъ не обратить на себя вниманіе какъ самого дворянства, такъ и тѣхъ административныхъ сферъ, которыя считали необходимымъ, въ государственныхъ интересахъ, способствовать поддержанію и развитію дворянскаго землевладѣнія. Попытки «насаждать» въ Сибири дворянское землевладѣніе бывали уже и раньше, но онѣ окончились такою жалкою неудачей, что даже сибирская администрація не всегда рѣшалась поддерживать возникавшія въ центрѣ предположенія о новыхъ попыткахъ въ томъ же направленіи. И во взглядахъ на этотъ вопросъ центральнаго правительства обнаруживаются крайне рѣзкія колебанія. Не далѣе какъ въ 1895 году была пріостановлена продажа казенныхъ земель въ Приамурскомъ краѣ, допущенная здѣсь еще по основному, изданному въ 1861 году, закону о колонизаціи этого края,—и настоянія мѣстныхъ властей о возобновленіи такой продажи оставались безрезультатными. А уже въ 1898 году, былъ выработанъ проектъ общаго для Сибири закона о такой продажѣ, который, пройдя черезъ особое совѣщаніе о нуждахъ дворянскаго сословія, 8 іюня 1901 года получилъ законодательную санкцію. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить здѣсь же, что по причинамъ, о которыхъ было бы длинно распространяться, законъ этотъ, до настоящаго времени, остался на бумагѣ, такъ какъ до сихъ поръ въ Сибири не образовано, кажется, ни одного дворянскаго имѣнія.

Въ ближайшихъ своихъ послѣдствіяхъ законъ 8 іюня могъ имѣть лишь косвенное или, лучше сказать, отрицательное значеніе для переселенческаго дѣла, сокращая тотъ и безъ того незначительный земельный фондъ, на который возможно разсчитывать въ интересахъ нашего переселенія. Непосредственное отношеніе къ переселеніямъ имѣли зато проекты, честь изобрѣтенія которыхъ принадлежитъ—судя по газетнымъ извѣстіямъ—саратовскому дворянину Н. А. Павлову. Сущность этихъ проектовъ очень проста: дворянинъ-землевладѣлецъ беретъ на себя заботы о прінсканіи земли для подобранной имъ группы переселенцевъ изъ ближайшихъ къ его имѣнію деревень, руководитъ развѣдками ихъ ходоковъ, сопровождаетъ переселенческую партію во время ея передвиженія на выбранное ею мѣсто, содѣйствуетъ ея хозяйственному устройству, и за это... получаетъ на льготныхъ условіяхъ участокъ земли, примѣрно въ 2000 десятинъ, по смежности съ надѣломъ опекаемыхъ имъ крестьянъ. Нельзя, къ сожалѣнію, не отмѣтить, что этотъ проектъ нашелъ себѣ полное сочувствіе въ Саратовскомъ дворянскомъ собра-

нiи, въ которомъ нашлось всего 5 голосовъ противъ проектированнаго г. Павловымъ новаго способа облагодѣтельствованія нуждающихся дворянъ. Мало того—были сдѣланы даже попытки къ проведенію въ жизнь этого проекта, которыя, впрочемъ, пока не имѣли, повидимому, практическихъ результатовъ. Если мы, тѣмъ не менѣе говоримъ о проектѣ г. Павлова то, съ одной стороны, потому, что этотъ проектъ и вообще характеренъ для нѣкоторыхъ теченій и для нѣкоторыхъ элементовъ нашего дворянства; съ другой же стороны—и потому, что отзвуки этихъ идей, какъ-то странно дисгармонирующіе съ тѣми широкими аграрными идеями, о которыхъ намъ придется говорить сейчасъ, появляются и въ тѣхъ проектахъ новаго переселенческаго закона, которые, въ концѣ концовъ, вылились въ формѣ правилъ 6 іюня 1904 года.

Обращаемся теперь къ исторіи этого закона.

Основная его идея, какъ она формулируется оффиціально, это—«улучшеніе, при помощи переселенія, условій землепользованія и хозяйства крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній»; переселеніе, по идеѣ новаго закона, разсматривается «какъ одно изъ средствъ для улучшенія быта коренного малоземельнаго населенія», и лишь на второе мѣсто ставится задача «усиленія русской мощи на отдаленныхъ окраинахъ государства».

Какъ видитъ читатель, эта основная идея—та самая идея, которая впервые была опредѣленно формулирована Сперанскимъ въ 1821 г. и выражена въ указѣ 1822 года, и которая нѣсколько позже нашла себѣ систематическое и планомѣрное осуществленіе въ дѣятельности графа П. Д. Киселева. Въ пореформенную эпоху, въ теченіе тридцати лѣтъ, въ практической переселенческой политикѣ господствовало «сдержанное и даже отрицательное отношеніе» къ крестьянскимъ переселеніямъ. Тѣмъ не менѣе, мысль сдѣлать изъ переселенія орудіе государственной аграрной политики была жива въ правительственныхъ сферахъ — мы находили ее и въ мотивахъ временныхъ правилъ 1881 года, и въ заключеніяхъ «свѣдущихъ людей», и въ трудахъ всѣхъ тѣхъ коммисій, которыя подготовляли общій переселенческій законъ 1889 года. Та же мысль усиленно пропагандировалась литературою, она же находила себѣ выраженіе и въ земскихъ ходатайствахъ, а въ послѣднее время—въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Мы знаемъ уже, что Сибирскій комитетъ внесъ въ переселенческую политику совершенно новую ноту, и созданная имъ постановка переселенческаго дѣла — при всѣхъ ея частныхъ недодѣлкахъ — какъ небо отъ земли отличается отъ того печальнаго положенія дѣла, какое существовало до учрежденія комитета. Но, какъ мы знаемъ, въ основу этой постановки были положены совершенно спеціальныя цѣли — заселить и оживить районъ Сибирской желѣзной дороги, и эта задача, какъ оффиціально признается, временно оставила въ тѣни аграрныя задачи. «Въ настоящее время, читаемъ мы въ мотивахъ новаго закона — любой крестьянинъ, желающій переселиться, каковы бы ни были раз-

мѣры земельнаго обезпеченія какъ его самого, такъ и общества въ составѣ котораго онъ числится, можетъ воспользоваться дешевымъ тарифомъ на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, льготами въ податяхъ и повинностяхъ, разнаго рода пособіями и другими видами содѣйствія со стороны правительства»; для этого онъ долженъ только исполнить требованіе закона 7 декабря 1896 года относительно предварительной посылки ходока. «При такихъ условіяхъ естественно, что на переселеніе идутъ отовсюду, безъ разбора: какъ изъ тѣхъ черноземныхъ губерній, въ которыхъ густота населенія, при существующихъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ, достигла крайняго предѣла ёмкости страны для сельскаго хозяйства, такъ и изъ такихъ районовъ, гдѣ выселеніе идетъ параллельно съ вселеніемъ новыхъ переселенцевъ и гдѣ о недостаткѣ земель не можетъ быть и рѣчи».

Идея воспользоваться переселеніемъ для улучшенія быта малоземельнаго населенія внутреннихъ губерній, повидимому, выплыла на первый планъ благодаря извѣстнымъ событіямъ, происходившимъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ лѣтомъ 1902 года. Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, первоначальныхъ моментовъ зарожденія этой идеи. Но уже въ трудахъ Полтавскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности имѣются указанія на то, что еще осенью 1902 года мѣстнымъ губернскимъ присутствіемъ былъ разработанъ проектъ планомѣрнаго выселенія изъ Полтавской губерніи безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Въ мартѣ 1903 года проектъ этотъ былъ подвергнутъ обсужденію особымъ совѣщаніемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища министра А. С. Стишинскаго, а въ маѣ—подготовительною комиссіей А. Н. Куломзина [1]), причемъ и совѣщаніе, и комиссія, какъ и слѣдовало ожидать, не нашли возможнымъ «ограничивать разсмотрѣніе возникшаго вопроса рамками одной Полтавской губерніи, какъ занимающей далеко не послѣднее мѣсто въ экономическомъ отношеніи среди губерній черноземной полосы». Признавъ желательнымъ и на будущее время удержать установленный Сибирскимъ комитетомъ порядокъ свободнаго переселенія въ Сибирь, совѣщаніе и комиссія признали необходимымъ сохранить казенныя земли Европейской Россіи въ распоряженіи правительства съ тѣмъ, чтобы допускать переселеніе на эти земли исключительно только изъ такихъ малоземельныхъ обществъ, разрѣшеніе которыхъ представляется, по соображеніямъ экономическимъ, аграрнымъ и политическимъ, наиболѣе отвѣчающимъ правительственнымъ задачамъ». «Наряду съ мѣропріятіями по изслѣдованію и расширенію земельнаго колонизаціоннаго фонда въ Европейской Россіи, коммисія проектировала также «особый льготный порядокъ переселенія, въ связи съ улучшеніемъ землепользованія остающагося на мѣстахъ населенія и увеличеніемъ земельнаго обезпеченія наиболѣе нуждающихся въ томъ домохозяевъ».

Выработанныя подготовительною комиссіею предположенія встрѣ-

[1]) Журн. засѣд. и слѣд. 23 мая № 134.

тили въ существѣ полное сочувствіе Сибирскаго комитета. Но комитетъ, признавъ, что выработанный комиссіею порядокъ льготнаго переселенія, въ виду своей новизны и сложности, долженъ быть примѣненъ, на первое время, въ видѣ опыта, и для выполненія этого опыта намѣтивъ все тѣ же, Черниговскую и Полтавскую губерніи, — нашелъ однако, что предположенія подготовительной комиссіи «являются лишь первыми шагами по пути, намѣчаемому новыми запросами народной жизни и требованіями правильной земельной политики» — иначе сказать, указалъ на необходимость *общаго* пересмотра вопроса о задачахъ и постановкѣ переселенческаго дѣла[1]). Вопросъ, во всей его совокупности, былъ вновь разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ А. Н. Куломзина, изъ трехъ министровъ и нѣсколькихъ генералъ-губернаторовъ; совѣщаніе это выработало окончательный проектъ новаго переселенческаго закона, который, въ нѣсколько переработанномъ государственнымъ совѣтомъ видѣ, 6 іюня 1904 года получилъ законодательное утвержденіе.

Новый переселенческій законъ—повторяемъ—исходитъ прежде всего изъ стремленія воспользоваться переселеніемъ, какъ однимъ изъ способовъ улучшенія быта малоземельнаго населенія внутреннихъ губерній. Намъ нечего напоминать о томъ, какъ остро поставился въ послѣдніе годы и въ общественномъ мнѣніи, и въ жизни вопросъ объ оскудѣніи нашего крестьянства. Какъ признаютъ составители новаго закона, серьезное и прочное улучшеніе быта крестьяскаго населенія можетъ быть достигнуто лишь на почвѣ усовершенствованія сельскаго хозяйства. Но для усовершенствованія хозяйства требуется, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и широкомъ правительственномъ содѣйствіи, значительное время. Между тѣмъ, «въ экономическомъ положеніи нѣкоторыхъ мѣстностей черноземной Россіи замѣчаются, подъ вліяніемъ малоземелья, угрожающія явленія, при которыхъ требуется быстрая, неотложная помощь особенно нуждающейся въ землѣ части населенія». Средствомъ для оказанія подобной помощи и предполагается сдѣлать переселеніе. Но разъ это такъ, и разъ земельные запасы, которыми можно располагать для цѣлей разселенія, ограничены,—то необходимо принять мѣры къ тому, чтобы переселялись, по возможности, именно тѣ, кто больше всего нуждается въ улучшеніи своего благосостоянія. «Если — говорятъ составители закона 6 іюня — причиной оставленія родины является дѣйствительная невозможность, для извѣстныхъ категорій крестьянъ, инымъ путемъ улучшить свое пошатнувшееся хозяйство, то естественною заботою правительства должно быть содѣйствіе переселенію всѣхъ желающихъ. Но если уходятъ не только нуждающіеся, а и такія лица, переселеніе которыхъ представляется въ интересахъ внутреннихъ губерній Имперіи нежелательнымъ, то, конечно надлежитъ не только прекратить содѣйствіе, оказываемое нынѣ этимъ выходцамъ, наравнѣ съ малоимущими, но и самый уходъ ихъ обставить усло-

[1]) Журн. к-та 15 января 1903, № 71, стр. 21—22.

віями, которыя, по возможности, сократили бы размѣръ подобнаго переселенія».

Чтобы разобраться въ вопросѣ о томъ, какое переселеніе *слѣдуетъ* и какое *не* слѣдуетъ признать желательнымъ, — составители закона останавливаются на довольно прочно установившемся въ литературѣ вопроса различіи между абсолютнымъ и относительнымъ малоземельемъ, какъ причинами переселенія [1]). Абсолютное малоземелье—это такое, при которомъ самая незначительность надѣловъ исключаетъ возможность перехода къ тѣмъ высшимъ пріемамъ хозяйства, какіе мыслимы при данной совокупности бытовыхъ и экономическихъ условій; иначе сказать, такое, которое не можетъ быть устранено никакимъ инымъ способомъ, какъ расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія. Относительное малоземелье — это такое, которое вытекаетъ изъ уже наступившаго кризиса существующей системы хозяйства и которое само собою устранится, разъ осуществится уже стоящій на очереди переходъ къ слѣдующей, высшей по порядку, ступени развитія сельскохозяйственной культуры. Въ *такихъ* случаяхъ переселеніе — какъ выражаются составители новаго закона — «является бѣгствомъ отъ культуры»; оно мало полезно и для переселяющихся, для которыхъ и на новомъ мѣстѣ скоро наступитъ кризисъ первобытныхъ хозяйственныхъ системъ, и для остающихся, такъ какъ оно не врачуетъ, а только затягиваетъ на болѣе продолжительное время мучительной сельскохозяйственный и экономическій кризисъ и отсрочиваетъ наступленіе рѣшительнаго момента измѣненія хозяйственной системы.

Основная идея новаго закона—обратить переселеніе въ средство улучшенія быта абсолютно-малоземельной части крестьянскаго населенія, переселеніе же относительно-малоземельныхъ элементовъ признается—и совершенно, на нашъ взглядъ, правильно—нежелательнымъ явленіемъ. Наряду съ этимъ составители новаго закона считаются и съ политическими мотивами побуждающими, съ одной стороны, стремиться къ усиленному заселенію Приамурья, Туркестана, Закавказья и т. п., а съ другой — наоборотъ—отрицательно относиться къ выселенію крестьянъ изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Европейской Россіи; въ особенности нежелательнымъ составители закона признаютъ выселеніе крестьянъ русскаго происхожденія изъ западныхъ губерній, съ ихъ преобладающимъ не-русскимъ населеніемъ.

Однако, ради приведенія переселенческаго движенія въ соотвѣтствіе съ вышеуказанными видами, новый законъ, по крайней мѣрѣ въ его мотивахъ, отнюдь не имѣетъ въ виду возвращаться къ системѣ запретительныхъ мѣръ и искусственныхъ стѣсненій. «Какъ ни мало стѣснительны—говорятъ составители новаго закона—требованія дѣй-

[1]) См. нашу статью „къ вопросу о причинахъ и т. д. русскихъ переселеній“ въ „Сборн. Правовѣдѣнія“, т. VIII. Подробнѣе намъ придется говорить о причинахъ переселенія въ одной изъ слѣдующихъ главъ этой книги. Здѣсь мы касаемся этого вопроса лишь поскольку это было необходимо для уясненія принципіальной точки зрѣнія составителей новаго закона.

ствующихъ узаконеній, тѣмъ не менѣе значительная часть переселяющихся не выполняетъ и ихъ и предпочитаетъ уходить даже и нынѣ въ качествѣ самовольныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ будущемъ запретительныя мѣры не удержатъ отъ переселенія, а только заставятъ уходить тайкомъ, распродавъ за безцѣнокъ имущество и землю. Установленное дѣйствующими правилами требованіе предварительнаго разрѣшенія на переселеніе, въ связи съ формальнымъ дѣленіемъ переселенцевъ на законныхъ и незаконныхъ (самовольныхъ), не отвѣчая требованіямъ жизни и существу дѣла, никогда не достигало и не достигнетъ цѣли. Правительство въ дѣлѣ переселенія можетъ только различать, насколько послѣднее отвѣчаетъ государственнымъ цѣлямъ, и сообразно съ этимъ устанавливать размѣры оказываемаго переселяющимся содѣйствія и поощренія». Отсюда прямой выводъ: «установленіе такого порядка, при которомъ никому не возбранялось бы на свой счетъ и рискъ переселяться въ свободно избираемыя мѣстности. но правительственная помощь оказывалась бы не всѣмъ вообще переселенцамъ, а только тѣмъ изъ нихъ, переселеніе которыхъ представляется желательнымъ либо въ интересахъ землеустроительнаго дѣла во внутреннихъ губерніяхъ», либо въ государственныхъ видахъ заселенія тѣхъ или иныхъ политически важныхъ окраинъ.

Этотъ именно принципъ провозглашается въ 1-ой статьѣ новыхъ правилъ о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ-земледѣльцевъ: крестьянамъ и живущимъ хлѣбопашествомъ мѣщанамъ, желающимъ переселиться въ мѣстности, заселеніе которыхъ вызывается видами правительства, или выходящимъ изъ обществъ, добровольное выселеніе изъ которыхъ признается, вслѣдствіе особо неблагопріятныхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, желательнымъ, могутъ быть оказываемы при переселеніи правительственное содѣйствіе и льготы, ближайшее опредѣленіе которыхъ и составляетъ затѣмъ все содержаніе новаго закона.

Однако, эта безусловно правильная въ принципѣ точка зрѣнія не вполнѣ выдержана даже въ мотивахъ новаго закона: въ запискѣ переселенческаго управленія говорится не только о *прекращеніи содѣйствія,* оказываемаго лицамъ, переселеніе которыхъ не вызывается видами правительства, но и о томъ, чтобы «самый уходъ ихъ *обставить условіями, которыя по возможности сократили бы размѣръ подобнаго переселенія»* (курсивы мои. А. К.). Неудивительно, что и въ самомъ законѣ провозглашенный его составителями принципъ не проведенъ съ достаточною полнотою и послѣдовательностью. *Разрѣшенія на переселеніе*, дѣйствительно, не требуется. Но по ст. 3-ей новаго закона, лица, желающія воспользоваться содѣйствіемъ правительства, обращаются съ ходатайствомъ о томъ въ административныя присутствія уѣздныхъ съѣздовъ, которыя, въ случаѣ признанія ходатайствъ заслуживающими удовлетворенія, выдаютъ просителямъ *разрѣшенія на переселеніе съ содѣйствіемъ правительства.* Итакъ, разрѣшеніе все-таки требуется. Правда, это, по идеѣ, не разрѣшеніе *на переселеніе*

а скорѣе нѣчто въ родѣ свидѣтельства на право воспользоваться правительственнымъ содѣйствіемъ. Но при всемъ своемъ теоретическомъ интересѣ, это различіе едва ли будетъ имѣть какое либо *практическое* значеніе, и требованіе «разрѣшенія на переселеніе съ содѣйствіемъ правительства» будетъ не менѣе, а скорѣе болѣе стѣснительно, нежели прежнее требованіе простого разрѣшенія на переселеніе. *Болье*, и даже значительно болѣе, стѣснительно потому, что прежній законъ 7 декабря 1896 года предоставлялъ *каждому желающему* послать ходока и зачислить за собою душевыя доли, послѣ чего онъ получалъ уже не зависѣвшее отъ чьего-либо усмотрѣнія (по крайней мѣрѣ по смыслу закона!) *право* на полученіе проходного свидѣтельства. По новому же закону выдача или невыдача свидѣтельства на переселеніе съ содѣйствіемъ правительства зависитъ отъ разнообразныхъ и нерѣдко невѣсомыхъ соображеній уѣзднаго съѣзда, которому новый законъ, въ его окончательной редакціи, предоставилъ, въ данномъ отношеніи, безграничный просторъ. Новый законъ не знаетъ далѣе терминовъ «самовольные переселенцы» или «переселенцы, прибывшіе безъ установленнаго разрѣшенія». Но по отношенію къ лицамъ, переселившимся въ Сибирь и Степное генералъ-губернаторство безъ соблюденія условій, установленныхъ правилами для зачисленія въ разрядъ поощряемыхъ переселенцевъ, остаются въ полной силѣ всѣ тѣ ограничительныя постановленія, которыя были установлены закономъ 15 апрѣля 1896 г. для «лицъ, переселившихся безъ испрошенія надлежащаго разрѣшенія»: имъ предоставляются— что впрочемъ, и совершенно понятно—значительно меньшія льготы, (не слагаются недоимки, не отсрочивается отбываніе воинской повинности и т. п.), не дается права на льготный тарифъ; водвореніе ихъ на казенныхъ земляхъ допускается лишь въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и въ томъ лишь случаѣ, если земли имѣются «въ свободномъ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ», причемъ изъ соображеній, изложенныхъ въ запискѣ переселенческаго управленія [1]), можно заключить, что для непоощряемыхъ переселенцевъ предполагается закрыть не только тѣ земли, которыя въ данное время могутъ потребоваться для поощряемыхъ переселенцевъ, но и вообще всѣ тѣ, которыя признаются пригодными для переселенцевъ послѣдней категоріи. И въ этомъ отношеніи переселенцы, воспользовавшіеся своимъ «естественнымъ—по мотивамъ закона—правомъ» на выселеніе, но не попавшіе въ категорію поощряемыхъ, ставятся новымъ закономъ въ худшее положеніе, нежели самовольные переселенцы по закону 15 апрѣля 1896 года: этотъ послѣдній если не обязывалъ, то во всякомъ случаѣ *уполномочивалъ* администрацію устраивать самовольныхъ переселенцевъ во всѣхъ колонизаціонныхъ районахъ, гдѣ только имѣлись свободныя земли. Новый законъ ограничиваетъ администрацію въ данномъ отношеніи, дозволяя ей устраивать переселенцевъ, не попавшихъ въ категорію поощряемыхъ, только въ Сибири (т. е. въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ) и въ Степномъ генералъ-губерна-

---

[1]) Стр. 18.

торствѣ. Не поощряемые переселенцы *могутъ* значить, если на то будетъ воля министерства, быть устроены въ Сибири или въ Степномъ генералъ-губернаторствѣ,—но ни въ какомъ случаѣ *не могутъ* быть устроены ни въ Приамурьѣ—если бы имъ туда удалось добраться, ни въ Тургайской области, ни въ Закавказьѣ, пока эти мѣстности не зачислены въ разрядъ «заселяемыхъ по видамъ правительства». Между тѣмъ, самовольное (по терминологіи новаго закона—непоощряемое) переселеніе, конечно, не прекратится, — и возникаетъ вопросъ, какова будетъ судьба такихъ переселенцевъ?

Намъ думается, что всѣ разсмотрѣнныя постановленія новаго закона, затрудняющія переселеніе по сравненію съ прежде существовавшимъ порядкомъ и ставящія всѣхъ переселенцевъ, кромѣ сравнительно небольшой группы поощряемыхъ, въ худшія условія, нежели въ какія ранѣе были поставлены самовольные поселенцы,—вовсе не вытекаютъ изъ тѣхъ идей, которыя провозглашены какъ основной мотивъ новаго закона. Разъ право каждаго искать наилучшаго примѣненія для своего труда признается несомнѣннымъ; разъ ограничительныя мѣры признаются безсильными удержать отъ переселенія; разъ, вообще, переселеніе, хотя бы и не поощряемое, представляетъ собою фактъ,—переселенца нельзя ставить въ такія условія, которыя создавали бы прямыя затрудненія успѣшному его устройству на новыхъ мѣстахъ. Строго проводя различіе между поощряемыми переселенцами и переселенцами, идущими хотя и свободно, но безъ поощренія, было бы вполнѣ умѣстно дать выраженіе этому различію въ размѣрахъ оказываемаго правительствомъ непосредственнаго содѣйствія въ видѣ ссудъ и т. п., но ни въ какомъ случаѣ не дѣлать для нихъ гдѣ невозможнымъ, гдѣ крайне затруднительнымъ, пріисканіе необходимыхъ для ихъ водворенія земель.

Остановимся теперь на установленномъ закономъ 6 іюня порядкѣ разрѣшенія переселенія или—употребляя терминологію новаго закона—опредѣленія правъ переселенцевъ на поощреніе со стороны правительства. Поощреніемъ—какъ мы уже знаемъ—пользуются переселенцы, идущіе въ мѣстности, заселеніе коихъ вызывается видами правительства, или изъ мѣстностей и обществъ, выселеніе изъ которыхъ признается желательнымъ вслѣдствіе особо неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій. По ст. 2 закона, тѣ и другія мѣстности опредѣляются соглашеніемъ трехъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и финансовъ, а въ отношеніи мѣстностей, находящихся въ военномъ управленіи (Туркестанъ), еще и военнаго. Но и въ предѣлахъ отдѣльныхъ мѣстностей, признанныхъ нуждающимися въ разрѣженіи населенія, переселеніе окажется необходимымъ лишь для извѣстной части обществъ, и притомъ лишь до такихъ размѣровъ, чтобы оставшееся населеніе было болѣе или менѣе обезпечено надѣльною землею; съ другой стороны, даже и въ такихъ мѣстностяхъ переселеніе, по ограниченности запасовъ годныхъ для колонизаціи земель, не можетъ явиться панацеей для всѣхъ ищущихъ земельнаго простора. Поэтому, при рѣшеніи вопроса о томъ, кому, въ предѣлахъ каждой данной мѣстности, должно быть оказано поощреніе

къ переселенію, приходится считаться съ индивидуальными условіями каждаго отдѣльнаго селенія, гдѣ обнаружится стремленіе къ выселенію. Въ получившей законодательную санкцію редакціи новыхъ правилъ объ этомъ прямо не говорится. Но что это такъ, — это ясно изъ редакціи 1-й статьи, гдѣ говорится объ «*обществахъ*» добровольное выселеніе изъ коихъ признается желательнымъ. А разборъ правъ обществъ и отдѣльныхъ членовъ ихъ на правительственное поощреніе возлагается на административныя присутствія уѣздныхъ съѣздовъ.

Итакъ, *мѣстности* намѣчаются соглашеніемъ трехъ или четырехъ министровъ, отдѣльныя *селенія* и *дворы*, пользующіеся поощреніемъ, опредѣляются уѣздными съѣздами. Трудно, конечно, что либо возразить противъ предоставленія центральной власти по своему непосредственному усмотрѣнію опредѣлять тѣ мѣстности, «заселеніе которыхъ вызывается видами правительства», — т. е. такія, гдѣ всякій переселенецъ, откуда бы онъ ни пришелъ, признается желаннымъ гостемъ и пользуется преимуществами поощряемаго переселенія: центральная власть лучше, нежели кто либо, освѣдомлена о тѣхъ общегосударственныхъ, экономическихъ, политическихъ и иныхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ можетъ быть признано преимущественно-желательнымъ заселеніе той или иной отдаленной окраины. Иначе стоитъ дѣло съ опредѣленіемъ мѣстностей поощряемаго выселенія. Министры и министерства, очевидно, не располагаютъ всею совокупностью данныхъ, на основаніи которыхъ можетъ быть правильно разрѣшенъ вопросъ о преимущественной желательности или нежелательности выселенія изъ извѣстной губерніи или уѣзда, — и имъ придется обращаться за этими свѣдѣніями, а можетъ быть и за готовыми предположеніями, на мѣста. Источникомъ такихъ свѣдѣній будутъ, конечно, губернаторъ и губернское присутствіе, — а въ такомъ случаѣ рѣшеніе вопроса о мѣстностяхъ поощряемаго выселенія станетъ въ полную зависимость отъ личнаго взгляда губернатора и тѣхъ нѣсколькихъ «особъ», изъ которыхъ состоитъ присутствіе. Рѣшеніе вопроса объ обществахъ, откуда будетъ поощряться выселеніе, поставлено въ прямую зависимость отъ уѣзднаго съѣзда. Проектъ закона, выработанный особымъ совѣщаніемъ, давалъ съѣздамъ хоть нѣкоторыя, болѣе или менѣе опредѣленныя, указанія: онъ предоставлялъ право на переселеніе малоземельнымъ обществамъ, предписывая съѣздамъ удовлетворять, въ первую очередь, ходатайства, поступающія изъ тѣхъ сельскихъ обществъ, откуда выразила желаніе переселиться наибольшая часть домохозяевъ, а при невозможности удовлетворить всѣхъ желающихъ переселиться изъ этихъ обществъ обязывалъ отдавать предпочтеніе наименѣе состоятельнымъ семьямъ, въ достаточной степени обезпеченнымъ рабочею силой. Въ редакціи правилъ, получившей законодательную санкцію, не осталось никакихъ руководящихъ указаній, кромѣ совершенно общаго и до крайности расплывчатаго указанія на «особо неблагопріятныя хозяйственныя условія». Очевидно, что отзывы присутствій и рѣшенія уѣздныхъ съѣздовъ, при такихъ условіяхъ, не будутъ доступны какому-бы то ни было объектив-

ному контролю, и въ послѣднемъ счетѣ вопросъ о «поощреніи» или «непоощреніи» будетъ разрѣшаться въ зависимости отъ личнаго взгляда небольшой группы губернскихъ чиновниковъ или земскихъ начальниковъ, въ зависимости отъ того, насколько эта группа будетъ отражать на себѣ взгляды и интересы тѣхъ слоевъ мѣстнаго общества, которые такъ или иначе заинтересованы въ вопросѣ о переселеніи. Мы видѣли, какъ сильно вліяли взгляды земскихъ начальниковъ даже при дѣйствіи закона 7 декабря 1896 года, который сводилъ роль земскаго начальника, въ сущности, къ весьма простому дѣлу — выдавать каждому желающему ходаческіе и проходные документы. Можно себѣ представить, какой просторъ для усмотрѣній и настроеній откроется при дѣйствіи новаго закона, который предоставляетъ уѣздному съѣзду неограниченное право признать, или не признать, ходатайства о «поощреніи» подлежащими удовлетворенію. *Какъ* правильно организовать разборъ мѣстностей и обществъ, откуда желательно переселеніе,—это вопросъ въ высшей степени трудный, и о трудность его разрѣшенія разобьется, пожалуй, всякая система предварительнаго разрѣшенія, будетъ ли это разрѣшеніе на переселеніе, какъ требовалось закономъ 1889 года, или разрѣшеніе на переселеніе съ поощреніемъ отъ правительства, какое установлено вновь изданнымъ закономъ. Болѣе правильное и всестороннее разрѣшеніе даннаго вопроса могло бы быть достигнуто въ томъ случаѣ, если бы къ обсужденію его были привлечены земскія учрежденія, даже какъ они существуютъ по дѣйствующему земскому положенію 1890 года: они, конечно, болѣе освѣдомлены въ хозяйственныхъ условіяхъ своей мѣстности, нежели губернскія присутствія, и менѣе близки специфическимъ интересамъ помѣстнаго дворянства, нежели коллегія земскихъ начальниковъ; въ лицѣ своихъ агрономовъ, статистиковъ, экономическихъ совѣтовъ и т. п., они располагаютъ притомъ готовою исполнительною организаціею, которая могла бы быть пріурочена и къ выясненію на мѣстахъ вопроса о потребности въ переселеніи. Но сказать, что земство сдѣлало бы это дѣло *лучше*, нежели уѣздный съѣздъ,—это не значитъ еще сказать, что оно сдѣлало бы его *хорошо*: не только нынѣшнее, но и всякое другое земское собраніе и его исполнительные органы неизбѣжно будутъ отражать на себѣ если не матеріальные интересы, то во всякомъ случаѣ— взгляды и настроенія своихъ избирателей, и легко можетъ случиться, что въ одномъ уѣздѣ переселеніе будетъ поощряться при такихъ же точно условіяхъ, при которыхъ оно, всего въ парѣ десятковъ верстъ, но въ границахъ другого уѣзда, будетъ признаваться не заслуживающимъ никакого сочувствія и поддержки. Мы не въ состояніи намѣтить такой организаціи этого дѣла, которая гарантировала бы, съ одной стороны, достаточную близость его къ мѣстнымъ условіямъ и жизненнымъ требованіямъ, а съ другой—устранила бы вліяніе мѣстныхъ и временныхъ интересовъ и настроеній и обезпечила бы единообразіе въ примѣненіи общихъ принциповъ закона, обусловливаемое государственнымъ характеромъ дѣла переселенія. Намъ думается только, что разрѣшенія этой дилеммы надо искать въ со-

вмѣстной дѣятельности земскихъ учрежденій съ агентами центральнаго переселенческаго управленія, на обязанности которыхъ лежало бы, съ одной стороны, быть представителями общей переселенческой политики, а съ другой—снабжать и населеніе, и мѣстныя учрежденія всѣми тѣми свѣдѣніями объ условіяхъ переселенія и водворенія на новыхъ мѣстахъ, которыхъ земскія учрежденія не имѣютъ въ своемъ распоряженіи.

Ограничиваясь затѣмъ простымъ упоминаніемъ о ст. 5 новыхъ правилъ, которая ставитъ для переселенцевъ въ Закавказье и Туркестанъ извѣстныя вѣроисповѣдныя ограниченія, и ст. 6, предоставляющей извѣстныя преимущества отставнымъ и запаснымъ солдатамъ и ихъ семьямъ,—мы остановимся на слѣдующихъ, 7 и 8 статьяхъ, касающихся первостепенно-важнаго вопроса о ходачествѣ. Постановка вопроса о ходачествѣ въ новомъ законѣ принципіально отличается отъ существовавшей—по крайней мѣрѣ номинально—по закону 7 декабря 1896 года; по этому послѣднему посылка ходока была *правомъ* каждаго желающаго переселиться, и посылавшій ходока тѣмъ самымъ пріобрѣталъ *право* на переселеніе. По новому закону посылка ходока становится привиллегіей лицъ, уже получившихъ «разрѣшеніе на переселеніе съ содѣйствіемъ правительства». Но она остается обязательною для всякаго, желающаго переселиться: лица, получившія разрѣшеніе на переселеніе съ содѣйствіемъ правительства, *обязаны*—таковъ точный текстъ ст. 7 правилъ—послать ходоковъ, и лишь послѣ зачисленія за ними подлежащаго количества земель, или по представленіи пріемнаго приговора имъ выдаются проходныя свидѣтельства на переселеніе. Въ предыдущей главѣ мы уже указывали на громадное значеніе ходачества, какъ единственнаго, въ видѣ правила, средства предотвратить возможныя при этомъ переселеніи пагубныя ошибки; но вмѣстѣ съ тѣмъ указывали и на то, что дѣлать ходачество *безусловно обязательнымъ* нѣтъ основанія, такъ какъ бываютъ случаи, когда крестьянская семья или группа переселенцевъ и помимо ходачества—напримѣръ черезъ ранѣе переселившихся родственниковъ и сосѣдей—располагаетъ достаточно ясными и достовѣрными представленіями о новыхъ мѣстахъ и возможностью получить пріемный приговоръ или зачислить за собой душевыя доли. Намъ нѣтъ необходимости подробнѣе останавливаться здѣсь на этомъ собственно вопросѣ. Отмѣтимъ только два частныхъ, очень цѣлесообразныхъ измѣненія, которыя вноситъ новый законъ въ постановку вопроса о ходачествѣ. Въ то время, какъ прежде требовалась посылка ходоковъ *отъ каждой семьи* и лишь въ видѣ исключенія допускалась посылка ходока отъ группы семействъ,—новый законъ ставитъ посылку ходока отъ нѣсколькихъ семей-однообщественниковъ, съ утвержденія земскаго начальника, на одну доску съ посылкой семейныхъ ходоковъ, возвращаясь такимъ образомъ къ тому типу артельнаго или общественнаго ходачества, который былъ выработанъ народной жизнью и послужилъ прототипомъ для законодательныхъ мѣръ въ томъ-же направленіи. Для насъ только не совсѣмъ ясно, почему право

посылки группового ходока ограничивается лишь группами крестьянъ-однообщественниковъ: толковый и добросовѣстный ходокъ можетъ быть избранъ и группою крестьянъ, подобравшихся изъ нѣсколькихъ насосѣднихъ селеній. Мы оставляемъ также открытымъ вопросъ, насколько толковость и добросовѣстность ходока гарантируется вмѣшательствомъ земскаго начальника. Но самый принципъ мы не можемъ не привѣтствовать: толковый, добросовѣстный и снабженный достаточными средствами ходокъ отъ группы домохозяйствъ, конечно, лучше справится со своимъ дѣломъ, нежели стѣсненные временемъ и средствами, притомъ далеко не всегда достаточно толковые и энергичные, ходоки отъ отдѣльныхъ семей, причемъ каждой отдѣльной семьѣ отправка артельнаго ходока обойдется значительно дешевле. Другое существенно-важное измѣненіе или дополненіе состоитъ въ томъ, что выдача проходныхъ свидѣтельствъ, по ст. 8 новаго закона, можетъ производиться и безъ возвращенія ходоковъ на родину. Эта небольшая поправка—впрочемъ уже и ранѣе допущенная циркулярнымъ путемъ—превращаетъ *ходачество*, для массы случаевъ, въ частичное или *постепенное переселеніе*, что опять-таки совершенно раціонально и цѣлесообразно зачислившему землю или получившему пріемный приговоръ ходоку нѣтъ никакого резона непремѣнно возвращаться на родину за проходнымъ свидѣтельствомъ: сплошь и рядомъ онъ предпочтетъ просто выписать къ себѣ семью, а тѣмъ временемъ заняться постройкой дома, подготовкой земли къ посѣву и вообще устройствомъ новаго хозяйства.

Громадное принципіальное и практическое значеніе имѣютъ затѣмъ статьи новаго закона (9, 10 и 11), касающіяся вопроса о судьбѣ надѣльныхъ земель, оставляемыхъ переселенцами. По ст. 13 закона 13 іюля 1889 года, невыкупленные окончательно надѣлы, освобождавшіеся вслѣдствіе переселенія крестьянъ, должны были передаваться безвозмездно въ распоряженіе обществъ, съ переводомъ на нихъ какъ выкупныхъ платежей, такъ и недоимокъ выбывающихъ членовъ общества—постановленіе, которое относилось притомъ, по точному смыслу закона, къ мѣстностямъ какъ съ общиннымъ, такъ и съ подворнымъ владѣніемъ. Нечего и говорить, что такое постановленіе находилось въ полномъ противорѣчіи съ общимъ крестьянскимъ законодательствомъ, предоставляющимъ владѣльцамъ подворныхъ участковъ право распоряженія ими безъ согласія общества. Распространеніе изложеннаго правила на подворныхъ владѣльцевъ было, вѣроятно, простымъ редакціоннымъ недосмотромъ, который и былъ исправленъ циркулярными разъясненіями министерства внутреннихъ дѣлъ. На практикѣ же продажа переселяющимися подворныхъ участковъ практиковалась вездѣ и давала переселенцамъ-подворникамъ главную массу средствъ для переселенія и устройства на новыхъ мѣстахъ. Но такая продажа встрѣчала цѣлый рядъ формальныхъ препятствій [1]), вытекающихъ изъ юридической постановки

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ кн. А. А. Риттиха. «Зависимость крестьянъ отъ общины и міра». Спб. 1903.

нашего крестьянскаго подворнаго владѣнія и до крайности затруднявшихъ или даже дѣлавшихъ вовсе невозможнымъ совершеніе крѣпостныхъ актовъ на отчуждавшіеся подворные участки. Фактически переуступка такихъ участковъ совершалась разными незаконными способами—это обусловливало, конечно, крайнюю шаткость совершавшихся переселенцами-подворниками продажъ, и въ связи съ тою нуждою, которая заставляла переселенца торопиться съ продажею земли, и съ тѣмъ отсутствіемъ конкурренціи покупателей, которое обусловливалось черезполосностью и необмежеванностью подворныхъ участковъ, вело къ тому, что подворные участки переселенцевъ продавались за безцѣнокъ, и переселяющимся удавалось ликвидировать лишь небольшую часть тѣхъ денегъ, которыхъ дѣйствительно стоила ихъ надѣльная земля. Итакъ, постановленіе закона 1889 г. о безвозмездной передачѣ переселенцами обществамъ надѣльныхъ земель по отношенію къ подворнымъ участкамъ оставалось мертвою буквой. Но и по отношенію къ общинникамъ оно соблюдалось далеко не всегда. И переселенцы-общинники нерѣдко, если не въ большинствѣ случаевъ, переуступали свои надѣлы за денежное вознагражденіе: это практиковалось, напримѣръ, въ такихъ обществахъ, которыя со времени освободительной реформы не производили передѣловъ; это было заурядным явленіемъ по отношенію къ усадебнымъ землямъ, которыя по самому закону состоятъ въ потомственномъ владѣніи отдѣльныхъ дворовъ. Но то же довольно часто практиковалось и въ обществахъ, періодически передѣляющихъ надѣльныя земли: душевые надѣлы переселенцевъ передавались кому-либо изъ остающихся, съ вѣдома и согласія общества, за опредѣленное денежное вознагражденіе. Новый законъ, прежде всего, желаетъ легализировать этотъ фактъ и устранить формальныя затрудненія къ возмездной передачѣ переселенцами участковъ надѣльной земли. Но при этомъ приходилось принять во вниманіе, «что разрѣшеніе переселяющимся уступать свои надѣлы, взятое само по себѣ, окажется выгоднымъ лишь самимъ переселенцамъ. Остающимся на мѣстахъ малоземельнымъ крестьянамъ подобное разрѣшеніе очевидно не можетъ облегчить пріобрѣтеніе земли уходящихъ. Участки послѣднихъ, несомнѣнно, попрежнему будутъ скупаться не малоземельными, а наоборотъ—сравнительно многоземельными крестьянами, такъ какъ исключительно послѣдніе обладаютъ необходимыми для сего денежными средствами, и такимъ образомъ лишь усилится экономическое неравенство между зажиточною и малоимущею группами деревенскаго населенія. Борьба съ этимъ явленіемъ мѣрами свойства запретительнаго—по справедливому замѣчанію составителей новаго закона—очевидно невозможна: она на практикѣ поведетъ только къ обходу закона при помощи фиктивныхъ сдѣлокъ и подставныхъ лицъ,—и единственнымъ цѣлесообразнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ облегчить переходъ означенныхъ земель къ наименѣе зажиточнымъ крестьянамъ можетъ явиться только выдача правительствомъ денежныхъ ссудъ для уплаты вознагражденія за освобождающіеся надѣлы».

Изъ такихъ общихъ принциповъ исходитъ какъ проектъ особаго со-

вѣщанія, такъ и переработанная государственнымъ совѣтомъ, окончательная редакція новаго закона. Но въ окончательной редакціи внесены и здѣсь довольно существенныя измѣненія, изъ которыхъ одно, наиболѣе принципіальное, едва ли можетъ вызвать особенное сочувствіе. Какъ по проекту, такъ и по окончательной редакціи, подворно-наслѣдственные участки, а въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ — усадебныя земли, могутъ быть отчуждаемы переселяющимися обществу или однообщественникамъ, за условленное вознагражденіе. Что касается угодій общиннаго пользованія, то по проекту право пользованія отдѣльныхъ домохозяевъ участками полевой земли могло быть уступаемо за условленное вознагражденіе: или обществу—безсрочно, или однообщественникамъ—съ согласія общества—временно, впредь до ближайшаго передѣла. По окончательной редакціи закона полевые участки передаются переселяющимися обществу, за опредѣляемое по добровольному соглашенію вознагражденіе, въ случаѣ же невоспослѣдованія соглашенія участокъ можетъ быть переданъ однообщественнику на срокъ до ближайшаго передѣла, за условленное вознагражденіе, съ возложеніемъ на лицо, принимающее участокъ, всѣхъ лежащихъ на немъ обязательствъ и платежей. Не входя въ пространныя разсужденія относительно характера и свойства правъ общины и отдѣльныхъ ея членовъ на надѣльныя угодья, остановимся только на чисто *практической* сторонѣ вопроса и отмѣтимъ, что такое рѣшеніе его едва ли соотвѣтствуетъ аграрно-политическимъ тенденціямъ новаго закона. Переселяющимся достаточно будетъ предъявить къ своему обществу непріемлемыя требованія и получить отказъ, чтобы пріобрѣсти право передать свои полевые надѣлы не обществу, а отдѣльнымъ зажиточнымъ односельчанамъ; а затѣмъ ужъ этимъ послѣднимъ нетрудно будетъ на неопредѣленное время затормозить слѣдующій передѣлъ и такимъ образомъ надолго остаться хозяевами оставляемой переселяющимися земли. Съ этой точки зрѣнія, нельзя не отдать рѣшительнаго предпочтенія первоначальному проекту совѣщанія: правильнѣе всего и наиболѣе согласно съ общими тенденціями новаго закона было бы предоставить обществу безусловное право принимать въ свое распоряженіе оставляемую переселенцами надѣльную землю и допустить передачу ея отдѣльнымъ общественникамъ лишь при отказѣ отъ нея общества; вопросъ же о размѣрахъ вознагражденія, при отсутствіи добровольнаго соглашенія, могъ бы разрѣшаться на основаніи оцѣнки, сдѣланной компетентнымъ учрежденіемъ.

Переработкѣ въ окончательной редакціи подверглись и статьи новаго закона, касающіяся выдачи ссудъ для уплаты переселяющимся за уступаемыя ими надѣльныя земли. Въ проектѣ этому вопросу былъ посвященъ цѣлый рядъ статей, въ томъ числѣ нѣкоторыя — весьма важнаго принципіальнаго значенія: таково, напримѣръ, указаніе ст. 12 проекта, что ссуды отдѣльнымъ домохозяевамъ выдаются лишь при томъ условіи, чтобы ихъ подворные участки, вмѣстѣ съ пріобрѣтенною отъ переселяющихся землею, не превышали опредѣленной нормы, установляемой для каждой мѣстности комитетомъ министровъ на основаніи постановленій губернскихъ присут-

ствій, которыя въ свою очередь должны были основываться на заключеніяхъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Проектъ, такимъ образомъ, совершенно правильно подчеркивалъ основную цѣль закона—довести землевладѣніе малоземельныхъ дворовъ до извѣстной, болѣе или менѣе достаточной нормы. Проектъ содержалъ также опредѣленныя указанія относительно срока ссудъ, размѣровъ роста и погашенія и т. п., а также относительно той доли стоимости переселенческой земли, которая можетъ выдаваться въ ссуду: эта доля опредѣлялась въ 60% установленной мѣстнымъ уѣзднымъ съѣздомъ оцѣнки, и повышеніе ея до 75% допускалось лишь при условіи выраженнаго обществомъ желанія улучшить свое землепользованіе раздѣленіемъ всей или части надѣльной земли на отрубные участки, существеннымъ устраненіемъ черезполосности угодій, разселеніемъ остающихся въ обществѣ домохозяевъ отдѣльными поселками и т. п. Въ окончательной редакціи вопросу о ссудахъ посвящена одна коротенькая статья—11-ая, содержащая лишь общее указаніе на то, что сельскимъ обществамъ, а также лицамъ, пріобрѣтающимъ земли отъ переселенцевъ, могутъ быть выдаваемы ссуды на основаніяхъ и въ порядкѣ, опредѣляемыхъ по соглашенію министровъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія. Введеніе въ законъ подробныхъ постановленій объ основаніяхъ и порядкѣ выдачи ссудъ было признано излишнимъ на томъ основаніи, что «въ значительной своей части они касаются порядка производства ссудъ и пособій на различныя меліоративныя работы и, слѣдовательно, не имѣютъ прямой связи съ переселенческимъ законодательствомъ». Говоря вообще, довольно трудно согласиться съ подобною постановкой дѣла, которая и здѣсь весь центръ тяжести вопроса переноситъ въ область административнаго распоряженія. Большинство тѣхъ постановленій, которыя не нашли себѣ мѣста въ окончательной редакціи закона, касаются вѣдь не какихъ нибудь подробностей, а такихъ первостепенно-важныхъ вопросовъ, какъ размѣры ссудъ по отношенію къ оцѣночной стоимости земли, какъ самый порядокъ оцѣнки земли: вѣдь не второстепенная подробность, будетъ ли оцѣнка производиться учрежденіемъ, могущимъ претендовать на дѣйствительную компетентность въ оцѣночныхъ вопросахъ, или просто уѣзднымъ съѣздомъ земскихъ начальниковъ!—или какъ условія роста и погашенія ссудъ. Законъ, въ его окончательной редакціи, не указываетъ даже, что ссуды могутъ быть выдаваемы только малоземельнымъ пріобрѣтателямъ переселенческихъ надѣловъ, и такимъ образомъ оставляетъ невыясненными именно тѣ существеннѣйшія условія, отъ которыхъ зависитъ и практическая осуществимость проектированныхъ мѣръ, и значеніе ихъ съ аграрно-политической точки зрѣнія. Но одно въ измѣненіяхъ, внесенныхъ въ окончательную редакцію закона, заслуживаетъ полнаго сочувствія: это то, что изъ текста закона не только исключенъ всякій намекъ на зависимость размѣровъ правительственнаго воспособленія при покупкѣ переселенческихъ надѣловъ отъ принятія обществами мѣръ къ улучшенію землепользованія [1]), но даже опредѣ-

[1]) Къ числу такихъ воспособленій нельзя отнести податныхъ льготъ, предоставляемыхъ новымъ закономъ (мн. гос. сов., п. IV) обществамъ,

ленно высказано, что такія мѣры «не имѣютъ прямой связи съ переселенческимъ законодательствомъ». Уничтоженіе черезполосности, разселеніе слишкомъ большихъ обществъ—все это несомнѣнно хорошо и желательно; трудно возражать и противъ разбивки надѣльной земли на хуторскіе участки, если такая мѣра, дѣйствительно, отвѣчаетъ желаніямъ даннаго общества. Но было бы крайне нежелательно, чтобы принятіе или непринятіе обществами такихъ мѣръ вліяло на размѣры ссудъ, на пріобрѣтеніе переселенческой земли и, слѣдовательно, vice versa—чтобы повышеніе размѣра ссудъ разсматривалось какъ способъ оказать давленіе на крестьянскія общества и побудить ихъ къ согласію на тѣ или другія, признаваемыя за желательныя, улучшенія. Всякія улучшенія хороши, если они предпринимаются по свободной и сознательной иниціативѣ заинтересованныхъ обществъ или подворныхъ владѣльцевъ; современная аграрная политика допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ не только давленіе, но даже и прямое принужденіе,—но въ такихъ случаяхъ государственная или иная власть беретъ на себя и самое осуществленіе мѣръ (напр. развёрстаніе черезполосности), принимаемыхъ противъ желанія всѣхъ или части заинтересованныхъ лицъ. Но едва ли можно ожидать чего либо хорошаго, если приговоры о желаніи улучшить землепользованіе будутъ даваться подъ давленіемъ увеличенныхъ ссудъ: предпринятыя подъ такимъ давленіемъ улучшенія либо останутся на бумагѣ, и общества вовсе не подумаютъ исполнять составленныхъ ими приговоровъ, либо эти улучшенія будутъ на практикѣ извращены или даже просто стерты напоромъ жизненныхъ потребностей и отношеній.

Гораздо менѣе новаго представляютъ постановленія новаго закона, касающіяся условій водворенія и устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Такъ, въ отношеніи приселенія переселенцевъ къ старожильскимъ обществамъ, не получившимъ поземельнаго устройства—явленіе весьма распространенное, особенно въ Сибири,—остается въ силѣ правило, установленное еще закономъ 1897 года: такое приселеніе допускается по приговорамъ сельскихъ обществъ, но съ утвержденія крестьянскихъ начальниковъ, обязанныхъ сообразоваться съ земельнымъ обезпеченіемъ принимающихъ переселенца крестьянъ,—постановленіе, цѣль котораго предупредить легкомысленное допринятіе слишкомъ большого числа переселенцевъ и могущее проистечь отсюда чрезмѣрное стѣсненіе землепользованія самихъ старожиловъ. Что касается до переселенцевъ, водворяемыхъ на отдѣльныхъ участкахъ казенной земли, то, по ст. 15 новыхъ правилъ, казенныя земли отводятся имъ: въ Европейской Россіи—на одинаковыхъ основаніяхъ съ бывшими государственными крестьянами, въ Азіатской — въ постоянное, неотчуждаемое надѣльное пользованіе, безъ выкупа въ собственность. Въ послѣднемъ случаѣ новый законъ, такимъ образомъ

привявшимъ мѣры къ улучшенію землепользованія—такія льготы, конечно, законны и умѣстны.

ничего не измѣняетъ по сравненію съ закономъ 13 іюля 1889 года. Совсѣмъ другое по отношенію къ переселенцамъ въ Европейской Россіи—новый законъ, прежде всего, не знаетъ установленнаго закономъ 1889 года періода предварительной аренды: правило о такой арендѣ—говорятъ составители закона—«было издано въ тѣхъ видахъ, чтобы предупредить распространеніе среди крестьянскаго населенія ложныхъ слуховъ о новомъ надѣлѣ казенными землями», при современной же постановкѣ переселенческаго дѣла «упомянутое правило естественно утрачиваетъ свое значеніе». По новому закону переселенцы и въ Европейской Россіи получаютъ казенную землю прямо въ надѣлъ, притомъ не на правахъ безсрочнаго пользованія, съ безсрочнымъ же платежомъ, какъ по закону 1889 года, а на выкупъ и на правѣ собственности. «Едва ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ—читаемъ мы по этому поводу въ мотивахъ новаго закона [1]), существованіе въ одной и той же мѣстности, у лицъ того же крестьянскаго сословія, по отношенію къ той же надѣльной землѣ, въ однихъ случаяхъ права собственности, а въ другихъ—права безсрочнаго владѣнія; для переселенцевъ будетъ совершенно непонятно, почему предоставляются имъ земли въ безсрочное пользованіе, тогда какъ ничѣмъ, въ сущности, не отличающіеся отъ нихъ сосѣдніе крестьяне-старожилы пользуются землею на правѣ выкупа».

Нормы надѣленія переселенцевъ, по ст. 15 новаго закона, опредѣляются по соображенію съ мѣстными сельскохозяйственными условіями и производительностью почвы, не превышая предѣльныхъ нормъ надѣленія мѣстнаго крестьянскаго населенія. За исключеніемъ этой послѣдней оговорки, безусловно правильный принципъ соразмѣрности надѣла съ мѣстными сельскохозяйственными условіями и съ производительностью почвы былъ выраженъ и въ законѣ 13 іюля 1889 г. но оставался мертвою буквой: на практикѣ установлялись единообразныя нормы надѣленія переселенцевъ, которыя и примѣнялись огульно по громаднымъ, нерѣдко крайне разнообразнымъ по условіямъ природы и сельскаго хозяйства районамъ; достаточно напомнить о 15-десятинной нормѣ, которая, будучи установлена въ качествѣ предѣльной для Сибири и Степного края, а нѣсколько позже и для Приамурья, шаблонно примѣняется и въ Тобольской губерніи, гдѣ и старожильское населеніе, въ настоящее время, имѣетъ мѣстами уже гораздо меньше земли, и въ южныхъ уѣздахъ Акмолинской области, гдѣ плохія климатическія условія и преобладаніе скотоводческаго хозяйства оправдывали бы, можетъ быть, и гораздо болѣе высокую норму, и въ Семипалатинской области, въ районахъ ирригаціоннаго хозяйства, которое, несомнѣнно, позволило бы обойтись и значительно меньшимъ надѣломъ.

Начала закона 1889 года воспроизводятся и въ ст. 16 новыхъ правилъ, ставящей избраніе формы пользованія землею въ зависимость

---

[1]) Записка особ. совѣщанія, стр. 57.

отъ рѣшенія простого большинства водворившихся переселенцевъ. Вторая часть сотвѣтствующей статьи закона 1889 года, установлявшая, при общинной формѣ пользованія, круговую поруку по казеннымъ платежамъ, въ новомъ законѣ, само собою разумѣется, отсутствуетъ, а по силѣ особой, 17 статьи новаго закона переселенцы освобождаются отъ круговой поруки даже при водвореніи въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ круговая порука еще не упразднена для старожилаго населенія.

Совершенно новою, по сравненію съ закономъ 1889 года, является ст. 18-ая новаго закона, касающаяся вопроса о выдѣлѣ отдѣльнымъ домохозяевамъ причитающейся имъ части земли въ отдѣльные хуторскіе отрубы. Мы уже знаемъ, что вопросъ о поощреніи среди переселенцевъ подворнаго и, въ частности, хуторского владѣнія очень занималъ, въ послѣдніе годы, учрежденія, прикосновенныя къ переселенческому дѣлу; мы знаемъ также, какія практическія послѣдствія имѣлъ спеціальный законъ 22 іюня 1900 года, облегчавшій переселенцамъ разбивку земель на хуторскіе отрубы и обѣщавшій имъ, при этомъ, содѣйствіе крестьянскихъ начальниковъ и правительственныхъ землемѣровъ: посыпавшіеся десятками приговоры, свидѣтельствовавшіе, казалось бы, о единодушномъ желаніи переселенцевъ поскорѣе разверстаться на хуторскіе отрубы, оказались, въ дѣйствительности, плодомъ излишняго усердія мѣстныхъ администраторовъ. И тому самому вѣдомству, которое еще за годъ или за два передъ тѣмъ такъ горячо пропагандировало хуторской раздѣлъ, пришлось пріти къ убѣжденію, что «искусственное насажденіе хуторскаго землевладѣнія въ большинствѣ районовъ Сибири, впредь до собранія достаточныхъ данныхъ для сужденія о достоинствахъ этой формы при мѣстныхъ условіяхъ земледѣльческой культуры, едва ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ» [1]). Новый законъ поэтому, ставитъ себѣ болѣе скромную задачу—идти навстрѣчу стремленію къ переходу на хуторское землевладѣніе и хозяйство отдѣльныхъ болѣе предпріимчивыхъ членовъ сельскихъ обществъ, предоставляя имъ требовать выдѣленія причитающейся имъ части земли въ хуторскіе отрубы; по ст. 18 новаго закона, эти требованія удовлетворяются лишь когда это возможно безъ ущерба какъ для остальныхъ, уже водворенныхъ переселенцевъ, такъ и для дальнѣйшаго заселенія участка, — причемъ разрѣшеніе споровъ и недоразумѣній, возникающихъ при выдѣлѣ, а также и вообще «споровъ и недоразумѣній по поводу распредѣленія между переселенцами земель и угодій», возлагается на мѣстныя крестьянскія учрежденія. Въ существѣ своемъ эти постановленія покоятся на совершенно правильномъ основаніи. Но выясненіе вопроса объ «ущербѣ» — дѣло крайне сложное и совершенно непосильное не только для мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій, т. е. все для тѣхъ же крестьянскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ,—но даже, пожалуй, и для несравненно болѣе компетентнаго въ данномъ отношеніи персонала агрономическихъ и земле-

---

[1]) Записка перес. управленія, стр. 63.

устроительныхъ учрежденій. Мало того—возникающіе споры и недоразумѣнія будутъ, въ видѣ правила, неразрѣшимы и по существу, такъ какъ выдѣлъ болѣе или менѣе *неизбѣжно* будетъ связанъ съ обезцѣненіемъ остающихся въ общемъ пользованіи земель... Гораздо правильнѣе было бы, поэтому, заранѣе заготовлять для «предпріимчивыхъ» домохозяевъ — много ихъ, во всякомъ случаѣ, не будетъ! — отдѣльные хуторскіе участки; въ такомъ только случаѣ осуществленіе вполнѣ законнаго стремленія отдѣльныхъ лицъ къ полученію отрубныхъ участковъ будетъ возможно безъ ущерба для ихъ менѣе «предпріимчивыхъ» односельчанъ и для общаго хода заселенія участковъ. Нельзя не замѣтить затѣмъ, что редакція послѣдней части 18-й статьи правилъ не вполнѣ ясна: крестьянскія учрежденія, какъ будто бы, привлекаются къ разрѣшенію не только недоразумѣній, возникающихъ при выдѣлѣ хуторскихъ отрубовъ, но и вообще «споровъ и недоразумѣній по поводу распредѣленія между переселенцами земель», А если это не простая обмолвка, то этимъ постановленіемъ открывается безграничный просторъ для вмѣшательства крестьянскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ въ земельные распорядки переселенческихъ общинъ,—вмѣшательства, едва ли соотвѣтствующаго существу тѣхъ правъ, которыя законъ предоставляетъ обществамъ крестьянъ-переселенцевъ какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи.

Обращаясь затѣмъ къ послѣдней группѣ статей новаго закона, касающейся податныхъ льготъ и пособій переселенцамъ, нельзя не отмѣтить радикальнаго измѣненія, вносимаго этимъ закономъ въ постановку вопроса о недоимкахъ. По закону 13 іюля 1889 г. недоимки переселенцевъ по казеннымъ платежамъ и продовольственнымъ ссудамъ переводились на общества, изъ которыхъ выходили переселенцы, за исключеніемъ одной четверти ржи и получетверти овса или ячменя на каждую ревизскую душу, которыя слагались со счетовъ. По новому закону (ст. 21), состоящія на переселенцахъ недоимки по казеннымъ сборамъ и въ общеимперскій продовольственный капиталъ слагаются со счетовъ цѣликомъ, продовольственныя же недоимки обращаются въ запасы по мѣсту новаго водворенія переселенцевъ, со сложеніемъ ихъ со счетовъ прежнихъ обществъ (ст. 22). Въ остальномъ постановленія новаго закона о льготахъ и пособіяхъ переселенцамъ воспроизводятъ постановленія дѣйствовавшихъ законовъ о переселеніи, лишь до нѣкоторой степени расширяя предоставляемыя переселенцамъ льготы. Такими льготами являются: перевозка переселенцевъ и ходоковъ по пониженному тарифу; освобожденіе отъ казенныхъ платежей и земскихъ денежныхъ сборовъ—въ мѣстностяхъ, «заселеніе коихъ вызывается видами правительства», на пять лѣтъ, въ остальныхъ — на три года (по закону 1889 года срокъ этой льготы былъ 3 и 2-лѣтній), съ обложеніемъ въ теченіе слѣдующихъ стольких же лѣтъ въ половинномъ размѣрѣ, и отсрочка переселенцамъ, имѣющимъ при водвореніи болѣе 18 лѣтъ, отбыванія воинской повинности на три года (по закону 1889 г. такой срокъ былъ установленъ для Азіатской Россіи, для Европейской срокъ этой льготы былъ двухлѣтній). Что касается до пособій и ссудъ, то

новый законъ ограничивается простымъ упоминаніемъ, что пособія могутъ быть оказываемы: а) выдачею путевыхъ ссудъ, б) выдачей ссудъ на общественныя надобности и на хозяйственное устройство, и в) безмезднымъ отпускомъ лѣсного матеріала для построекъ, — и ссылкою на только что утвержденныя новыя ссудныя правила 25 іюня 1903 года, поставившія вопросъ о ссудахъ на гораздо болѣе широкія, по сравненію съ прежними годами, основанія.

Мы упомянули, что новый законъ нѣсколько увеличиваетъ льготы переселенцамъ (конечно только «поощряемымъ»—непоощряемые, напомнимъ читателю, подчиняются въ данномъ отношеніи всѣмъ тѣмъ постановленіямъ, какія дѣйствовали до 6 іюня 1904 года по отношенію къ переселенцамъ, именовавшимся самовольными). Но это—лишь для мѣстностей, въ которыхъ дѣйствовалъ общій переселенческій законъ 13 іюля 1889 года. Для мѣстностей, ранѣе пользовавшихся особыми привилегіями (напр. для Приамурскаго края), а нынѣ также подчиняемыхъ дѣйствію новаго закона, размѣръ льготъ, напротивъ, значительно сокращается. И ст. 26 новаго закона содержитъ совершенно правильную оговорку о томъ, что лица, переселившіяся въ такія мѣстности или получившія ходаческія свидѣтельства до времени обнародованія закона, сохраняютъ право на всѣ предоставленныя имъ дѣйствовавшими ранѣе спеціальными законами особыя льготы и преимущества.

Сказаннымъ исчерпываются существеннѣйшія положенія новаго переселенческаго закона. Мы видимъ, что законъ этотъ почти не касается вопроса объ *организаціи* переселенческаго дѣла, если не считать многократныхъ упоминаній о тѣхъ или другихъ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на мѣстную администрацію и на крестьянскія учрежденія. Мы видѣли, однако, что новый законъ даетъ лишь самыя общія начала «новой постановки переселенческаго дѣла», представляетъ собою лишь нѣкоторую схему, скелетъ, съ котораго измѣненія, сдѣланныя въ окончательной редакціи, сняли послѣдніе остатки живого мяса. Все наиболѣе важное законъ предоставилъ усмотрѣнію и соглашенію «подлежащихъ вѣдомствъ», и слѣдовательно какъ дѣйствительное направленіе переселенческой политики, такъ и выполненіе той сложной системы попечительныхъ мѣропріятій, которая намѣчается въ первоначальной запискѣ составителей, будетъ всецѣло зависѣть отъ того, какъ будетъ организовано переселенческое дѣло въ общемъ и въ мѣстномъ его завѣдываніи.

Въ области *общаго* завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ если не самимъ закономъ 6 іюня, то во всякомъ случаѣ—въ нѣкоторой, не вполнѣ ясной по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи источникамъ, связи съ этимъ закономъ послѣдовала существенная и, на нашъ взглядъ, прискорбная перемѣна—фактическое упраздненіе Сибирскаго комитета и подготовительной при немъ комиссіи. Собственно распоряженія о закрытіи Сибирскаго комитета, повидимому, не было,—но имѣется Высочайшее повелѣніе 20 января 1904 года, предписывающее «предоставить разрѣшеніе ежегодныхъ на колонизаціонное дѣло кредитовъ общеустановленному теченію»; и это Высочайшее повелѣніе

получило распространительное толкованіе, такъ что со времени его изданія «общеустановленное теченіе» получили не только смѣтныя дѣла, но и другіе вопросы, ранѣе входившіе въ компетенцію комитета. Что сдѣлаетъ для переселенія «общеустановленный порядокъ» — это, конечно, трудно сказать. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Сибирскій комитетъ сдѣлалъ для него очень много, и къ числу не послѣднихъ заслугъ его принадлежала именно замѣна «общеустановленнаго порядка» бумажныхъ сношеній въ подготовительной стадіи и окончательнаго разрѣшенія въ учрежденіи, безконечно далекомъ отъ дѣйствительной жизни, живымъ обсужденіемъ въ подготовительной комиссіи А. Н. Куломзина,—причемъ непосредственное участіе въ этомъ обсужденіи, хотя бы и совѣщательное, мѣстныхъ работниковъ переселенческаго дѣла вносило въ сужденія и выводы комиссіи широкую жизненную струю, далекую отъ обычной канцелярской и законодательной рутины. И намъ думается, что въ интересахъ переселенческаго дѣла было не *уничтоженіе* этого порядка, а, напротивъ, дальнѣйшее *развитіе* его,—обращеніе если не самого Сибирскаго комитета—учрежденія слишкомъ тяжеловѣснаго, то подготовительной его комиссіи, въ постоянное учрежденіе, на которомъ лежало бы не только разсмотрѣніе законодательныхъ и смѣтныхъ дѣлъ, но и общее внѣвѣдомственное руководство и наблюденіе за правильнымъ и согласованнымъ ходомъ переселенческаго дѣла.

Мотивомъ упраздненія Сибирскаго комитета выставляется, между прочимъ, «новая постановка переселенческаго дѣла, когда все завѣдываніе послѣднимъ сосредоточится въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ». Собственно, законъ 6 іюня 1904 года не содержитъ указаній на такое сосредоточеніе. Такая идея нашла себѣ опредѣленное выраженіе въ выработанномъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, одновременно съ первоначальнымъ проектомъ новаго переселенческаго закона, проектѣ мѣстныхъ переселенческихъ управленій,—проектѣ, который покоился кромѣ того, еще и на извѣстной идеѣ покойнаго В. К. Плеве—идеѣ децентрализаціи. Мы не будемъ подробно касаться этого проекта,—не будемъ потому, что онъ остался и—повидимому—останется безъ практическихъ послѣдствій. Замѣтимъ только, что проектъ переселенческихъ управленій представляетъ собою рѣзкій примѣръ того, какъ извѣстная идея можетъ выродиться въ прямую свою противоположность: въ видахъ *децентрализаціи* были проектированы три или четыре мѣстныхъ переселенческихъ управленія съ начальниками, при нихъ—помощниками, разнообразными спеціалистами, канцеляріями и т. п., съ губернскими и районными чиновниками, и на самомъ низу этой четырехстепенной лѣстницы были поставлены мелкія сошки—мѣстные переселенческіе чиновники, т. е. тѣ собственно люди, въ которыхъ лежитъ, по существу дѣла, самый центръ тяжести попеченія о переселенцахъ на мѣстахъ, и которыхъ—если правильно понимать идею децентрализаціи,—слѣдовало поставить какъ можно болѣе независимо и самостоятельно. Управленіямъ этимъ предполагалось подчинить притомъ и землеотводныя партіи, на нихъ же возло-

жить агрономическую помощь переселенцамъ, не говоря уже о медицинѣ и дорожномъ дѣлѣ, которыя и безъ того состоятъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Словомъ, вмѣсто децентрализаціи создавалось сосредоточеніе всего дѣла въ рукахъ какихъ то мѣстныхъ департаментовъ, съ длинною іерархіей чиновниковъ и, конечно. съ безконечною канцелярскою перепиской. «Для сношенія съ управленіями командированныхъ на мѣста лицъ—говорилъ министръ земледѣлія, А. С. Ермоловъ, въ засѣданіи особаго совѣщанія по переселенческому дѣлу — потребуется немногимъ меньше времени, чѣмъ для переписки съ центральными органами. Въ то же время за разрѣшеніемъ многихъ наиболѣе важныхъ вопросовъ необходимо будетъ обращаться въ центральныя учрежденія,—и такимъ образомъ проектируемыя учрежденія могутъ только создать линію посредствующихъ инстанцій и врядъ ли упростятъ и ускорятъ рѣшеніе переселенческихъ дѣлъ». Впрочемъ, проектъ переселенческихъ управленій былъ весьма слабо поддержанъ и самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который счелъ необходимымъ подвергнуть проектъ дальнѣйшей разработкѣ, въ направленіи все той же «децентрализаціи», какъ ее понималъ авторъ проекта губернской реформы: «новыя учрежденія—заявлялъ онъ—должны прежде всего отвѣчать мѣстнымъ потребностямъ и дѣйствовать въ полномъ единеніи съ существующими на мѣстахъ установленіями»; министръ внутреннихъ дѣлъ, такимъ образомъ рѣшительно разошелся съ проектомъ своего министерства. основная идея котораго сводилась именно къ тому, чтобы выдѣлить переселенческое дѣло на мѣстахъ водворенія переселенцевъ изъ вѣдѣнія «существующихъ на мѣстахъ установленій». Совѣщанію А. Н. Куломзина, конечно, не осталось ничего другого, какъ признать «несвоевременнымъ высказывать окончательное сужденіе объ организаціи мѣстныхъ учрежденій, завѣдывающихъ переселеніемъ»... Пока на этомъ дѣло и остановилось, и надо надѣяться, что реформа завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ на мѣстахъ послѣдуетъ не въ направленіи такой децентрализаціи, какая была проектирована министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Что касается до завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ въ мѣстахъ выхода переселенцевъ, то мы уже знаемъ, что дѣло это всецѣло сосредоточено въ рукахъ «существующихъ на мѣстахъ установленій», т. е. губернскихъ присутствій и коллегій земскихъ начальниковъ. Мы высказали также нашъ взглядъ на подобнаго рода постановку дѣла,—взглядъ, всецѣло подтверждаемый, какъ мы сейчасъ увидимъ, наблюденіями такого компетентнаго учрежденія, какимъ въ данномъ случаѣ конечно является переселенческое управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ; и намъ остается еще въ краткихъ словахъ коснуться одной идеи, которая вынырнула-было въ періодъ подготовки новаго переселенческаго закона. Это—идея учрежденія такъ называемыхъ «почетныхъ переселенческихъ посредниковъ». Исходною точкою соображеній министерства внутреннихъ дѣлъ, въ данномъ случаѣ, является выясненная опытомъ неспособность института земскихъ начальниковъ справиться съ такимъ сложнымъ и труднымъ дѣломъ,

какъ организація переселенія, да еще переселенія поощряемаго, на мѣстахъ выхода переселенцевъ. «При значительной обремененности большинства этихъ должностныхъ лицъ служебными дѣлами необходимые совѣты переселяющимся, внимательное руководство ими, основанное на добросовѣстномъ изученіи данныхъ о районахъ водворенія, и другія подобныя обязанности часто оказываются для названныхъ лицъ непосильными. При такихъ условіяхъ выдвигается вопросъ о желательности привлекать, по мѣрѣ надобности, къ участію въ дѣлѣ общей организаціи выселенія и другихъ мѣстныхъ дѣятелей, заслуживающихъ довѣрія правительства и въ то же время близко знакомыхъ съ условіями окружающей ихъ крестьянской среды». Къ сожалѣнію, въ поискахъ за способомъ осуществленія этой, въ существѣ, совершенно правильной идеи, министерство остановилось на идеѣ г. Павлова, о «совмѣстномъ переселеніи дворянъ съ крестьянами, — идеѣ, нашедшей себѣ откликъ въ средѣ дворянства нѣкоторыхъ другихъ губерній». Уже извѣстная читателю схема г. Павлова признается «глубоко жизненною въ своей основѣ,—разъ у руководителей переселеніемъ съ успѣхомъ послѣдняго будутъ связаны серьезные личные интересы, можно быть увѣреннымъ въ самомъ ревностномъ отношеніи ихъ къ дѣлу. Устройство частновладѣльческихъ хозяйствъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ степени обезпеченности ихъ рабочими силами, а потому руководители партій, несомнѣнно, приложатъ всѣ усилія, чтобы переселенцы водворились возможно прочнѣе». Казалось бы, это разсужденіе говоритъ само за себя: *прочно устроившійся* переселенецъ не только не является поставщикомъ рабочей силы, но наоборотъ—самъ прибѣгаетъ къ найму, а потому, очевидно, что не *прочно устроившіеся* переселенцы нужны г. Павлову и сочувственно принявшимъ его мысль дворянамъ Саратовской и другихъ губерній... А между тѣмъ, именно эта мысль лежитъ въ основѣ идеи почетныхъ должностей «переселенческихъ посредниковъ». Контингентъ переселенческихъ посредниковъ предполагалось выбирать изъ «мѣстныхъ дѣятелей», по рекомендаціи собраній предводителей и депутатовъ дворянства; приманкой же для нихъ ставилась, кромѣ высокаго класса должности, надежда на полученіе земли въ переселенческихъ районахъ: «вполнѣ естественно и справедливо, чтобы эти лица, потрудившіяся на пользу государственнаго дѣла и лично ознакомившіяся съ районами водворенія, являлись преимущественными кандидатами на полученіе отграничиваемыхъ казною частновладѣльческихъ участковъ»....

Къ счастью, институтъ «почетныхъ» переселенческихъ посредниковъ, въ которомъ страннымъ образомъ переплелась идея почетной государственной службы съ идеями дворянина Павлова, попеченіе о переселенцахъ съ попеченіемъ о дворянахъ, желающихъ дешево получить казенную землю, не нашла себѣ мѣста въ новомъ переселенческомъ законѣ. Государственный совѣтъ «не могъ съ увѣренностью высказаться относительно цѣлесообразности учрежденія проектируемыхъ должностей почетныхъ переселенческихъ посредниковъ, такъ какъ права и обязанности означенныхъ должностныхъ лицъ недо-

статочно выяснены въ проектѣ», и потому «затруднился одобрить это предположеніе, какъ требующее еще дальнѣйшей предварительной разработки». Будемъ надѣяться, что идея эта окончательно канула въ Лету, и что само дворянство почувствуетъ, какъ неумѣстно мнимою заботливостью о переселенцахъ прикрывать заботы о надѣленіи дворянъ землею, которая могла бы пойти на пользу тѣхъ же переселенцевъ.

Такимъ образомъ, мы подробно разсмотрѣли существеннѣйшія постановленія и мотивы новаго переселенческаго закона,—подробно, поскольку это было необходимо для выясненія тѣхъ идей и принциповъ, выраженіемъ которыхъ явился законъ 6 іюня 1904 года. Очень трудно дать какую либо общую оцѣнку этого закона. Мы отнюдь не присоединяемся къ той безусловно отрицательной оцѣнкѣ, какую даетъ ему такой знатокъ переселенческаго дѣла, какъ Ѳ. Ѳ. Воронововъ [1]): она относится не столько къ *существу идей*, нашедшихъ себѣ выраженіе въ новомъ законѣ, сколько къ слишкомъ неясной и неопредѣленной окончательной его *редакціи*. «Переселенческій вопросъ—говоритъ г. Воронововъ—главнымъ образомъ вопросъ экономическій, вопросъ голода, хлѣба, сноснаго существованія, а въ новомъ законѣ на главномъ мѣстѣ выступаютъ интересы населенія мѣстностей, соотвѣтствующихъ видамъ правительства, и привиллегіи національности, службы и т. п. Если человѣкъ принадлежитъ къ привиллегированной группѣ, онъ получаетъ право и помощь селиться и работать на новомъ мѣстѣ, а если выступаетъ даже болѣе нуждающійся, но не обладающій извѣстными внѣшними отличіями,—тѣмъ паче католикъ, лютеранинъ, эстонецъ, литовецъ, мордвинъ,—нѣтъ участія къ его нуждѣ, какъ бы велика она ни была». Мы, конечно, отнюдь не сторонники тѣхъ племенныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій, которыя, между прочимъ, содержатся въ новомъ законѣ,—но *не въ нихъ суть* этого закона. Мы съ другой стороны считаемъ совершенно законнымъ стремленіе государства заселять, по преимуществу, тѣ или другія окраины, привлекая туда переселенцевъ льготами и всякаго рода поощреніемъ—конечно, не предрѣшая этимъ вопроса о томъ, *какія* окраины и *почему* должны усиленно колонизоваться. А главное—уважаемый критикъ новаго закона оставилъ безъ вниманія самую суть его, которая въ сущности вполнѣ совпадаетъ съ тою именно идеей, которую и г. Воронововъ желаетъ положить въ основу переселенческой политики. Вѣдь тѣ «привиллегированныя группы», принадлежность къ которымъ даетъ право на поощреніе и помощь—это выходцы изъ обществъ, «добровольное выселеніе изъ коихъ признается желательнымъ *вслѣдствіе особо неблагопріятныхъ хозяйственныхъ условій*»—значитъ, именно голодающіе и не находящіе себѣ мѣста на родинѣ. Правда, эта мысль въ окончательной редакціи новаго закона выражена слишкомъ слабо; правда, слишкомъ многое «отнесено къ области государственнаго управленія»,—но *идея* новаго закона отъ этого не измѣняется. «До из-

---

[1]) „Наша Жизнь" 1904 г., № 6 (11 дек.).

данія закона 6 іюня—говорятъ «Русскія Вѣдомости», [1]) руководящимъ принципомъ было всегда воздѣйствіе на бытовой фактъ,—измѣнялось лишь отношеніе къ нему. Теперь, съ изданіемъ закона 6 іюня, переселенія разсматриваются не только какъ цѣль, но и какъ средство правительственной дѣятельности». причемъ на первый планъ выдвигаются двѣ задачи: заселеніе нѣкоторыхъ мѣстностей... и «выселеніе крестьянъ изъ другихъ мѣстностей, въ цѣляхъ улучшенія хозяйственныхъ условій и благосостоянія сельскаго населенія»; въ окончательной редакціи закона эти двѣ задачи ставятся рядомъ, но изъ мотивовъ закона ясно, что первостепенное значеніе составители закона придавали именно второй, аграрно-политической задачѣ.

Итакъ, основной, существеннѣйшій принципъ новаго закона не вызываетъ существенныхъ возраженій. Полнѣйшаго сочувствія заслуживаетъ стремленіе составителей новаго закона согласовать этотъ принципъ съ другимъ, не менѣе важнымъ принципомъ, на необходимости осуществленія котораго издавна настаивала наша литература, — съ принципомъ свободы переселеній; совершенно правильно и то теоретическое построеніе, въ которомъ составители новаго закона думали найти примиреніе того и другого принципа: «наряду съ свободнымъ переселеніемъ, какъ дѣломъ частной инціативы и риска, строго различать переселеніе, поощряемое правительствомъ, какъ орудіе общеземельной политики».

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о томъ, *какъ* эти совершенно правильные принципы проведены въ постановленіяхъ и мотивахъ новаго закона. На сцену, при детальной разработкѣ закона, выступила прежде всего преувеличенная вѣра во всевѣдѣніе и всемогущество административнаго механизма, въ лицѣ, главнымъ образомъ, губернскаго присутствія и уѣзднаго съѣзда земскихъ начальниковъ; законъ предполагаетъ, что «государственное управленіе» можетъ и точно намѣтить районы желательнаго выселенія, и въ каждомъ такомъ районѣ точно выяснить, какія именно общества и какія именно домохозяйства наиболѣе нуждаются въ разселеніи. Но, независимо отъ этого, пришлось встрѣтиться и съ трудностями совершенно объективнаго свойства—трудностями, о которыя несомнѣнно разобьется *всякая* «широкая» переселенческая политика: съ недостаткомъ земельнаго фонда, пригоднаго для переселенцевъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ съ наибольшею интенсивностью проявляется стремленіе къ выселенію. Вѣдь свобода переселенія—этого не надо забывать—есть *не просто свобода идти куда угодно* и дѣлать что угодно—это есть *свобода полученія земельнаго надѣла*, полученія государственной земли. Если бы запасы земель были неограничены, то дѣло было бы, конечно, очень просто: предоставить переселяться каждому желающему и давать ему земельный надѣлъ; а поощряемымъ переселенцамъ, кромѣ того, оказывать экстренныя льготы и пособія. Но, чтобы широко поставить, такимъ способомъ, переселенческое движеніе,—для этого понадобились бы ежегодно, во всякомъ случаѣ, *десятки милліоновъ* десятинъ. Этихъ

[1]) № 249, 1904 года.

десятковъ милліоновъ десятинъ *нѣтъ* и *не будетъ*. Какъ ни стараться объ усиленіи землеотводныхъ работъ, какіе десятки и сотни милліоновъ ни расходовать на расчистку тайги, на орошеніе пустынь, на осушку болотъ и т. п., подъ заселеніе будетъ поступать какая нибудь десятая часть того количества земли, которое потребовалось бы при широкомъ и *дѣйствительно* свободномъ переселенческомъ движеніи. А разъ мало земли, то неизбѣжно возникаетъ такая дилемма. *Или* надо дѣйствительно предоставить свободу переселенію,—тогда наряду съ малоземельными элементами на переселеніе двинутся и такіе, переселеніе которыхъ отнюдь не можетъ быть признано желательнымъ съ точки зрѣнія «помощи наиболѣе нуждающемуся, стѣсненному, не находящему себѣ мѣста», населенію—и этотъ массовый наплывъ въ какихъ нибудь два-три года не оставитъ ничего для тѣхъ милліоновъ дѣйствительно ненаходящихъ себѣ мѣста, которымъ не посчастливится въ эти первые годы урвать кусокъ подходящей къ ихъ требованіямъ земли. *Или* надо поставить на первый планъ задачу устройства наиболѣе малоземельныхъ элементовъ,—и въ такомъ случаѣ отказаться отъ послѣдовательнаго проведенія принципа свободы переселенія. Составители закона 6 іюня 1904 года выбрали этотъ послѣдній исходъ, и въ результатѣ явился законъ, не только не расширяющій свободы переселенія, но наоборотъ—*значительно суживающій*, какъ мы пытались показать, свободу переселенія, существовавшую при дѣйствіи закона 7 декабря 1896 года; желающіе переселиться—если они не попали въ группу поощряемыхъ—лишены ранѣе принадлежавшаго всѣмъ и каждому права ходачества, съ обмѣномъ затѣмъ ходаческаго свидѣтельства на проходной переселенческій документъ; а переселяющіеся безъ поощренія поставлены въ худшія условія, нежели прежніе самовольные переселенцы. О свободѣ переселенія не можетъ, такимъ образомъ, быть и рѣчи. Вопросъ только, можно ли надѣяться на удачный выборъ «поощряемыхъ». Задача эта и вообще безгранично трудна, разъ число малоземельныхъ измѣряется милліонами, а имѣющіеся земельные запасы позволяютъ устраивать, въ лучшемъ случаѣ, сотни тысячъ. И на удовлетворительное ея разрѣшеніе тѣмъ менѣе основанія надѣяться, что механизмъ, которымъ имѣется въ виду воспользоваться для сортировки желающихъ переселяться, весьма мало приспособленъ къ тщательному, правильному, безпристрастному и вездѣ одинаковому выполненію этой функціи. Всемогущій по своей идеѣ, этотъ механизмъ безсиленъ выполнить то трудное дѣло, которое на него возлагаетъ законъ 6 іюня. И не случайность, что на первую очередь поощряемаго выселенія назначены всего двѣ губерніи—Черниговская и Полтавская: выборъ этотъ былъ сдѣланъ, очевидно, подъ вліяніемъ условій и потребностей, имѣющихъ мало общаго съ интересами собственно переселенческаго дѣла и аграрной политики... напомнимъ опредѣленное заявленіе подготовительной комиссіи о «невозможности ограничивать разсмотрѣніе возникшаго вопроса рамками одной Полтавской губерніи, какъ занимающей далеко не послѣднее мѣсто въ экономическомъ отношеніи среди губерній черноземной полосы». И еще менѣе можно сомнѣваться

въ томъ, что не соображеніями общегосударственной аграрной политики будутъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ губернскія присутствія и уѣздные съѣзды земскихъ начальниковъ: въ лучшемъ случаѣ въ основѣ ихъ дѣйствій будутъ лежать тѣ или другія случайныя настроенія и впечатлѣнія, въ худшемъ—болѣе или менѣе прикрытые мѣстные землевладѣльческіе интересы.

Какой же выходъ изъ всего сказаннаго? Намъ лично думается, что при данномъ ограниченномъ размѣрѣ земельныхъ запасовъ, имѣющихся въ распоряженіи государства, совершенно правильно поставленный составителями новаго закона вопросъ не можетъ получить другого, кромѣ отрицательнаго рѣшенія: согласовать *дѣйствительную* свободу съ руководительствомъ переселеніемъ соотвѣтственно преслѣдуемымъ государствомъ аграрно-политическимъ цѣлямъ нѣтъ возможности. А такъ какъ задача выбора элементовъ, наиболѣе нуждающихся въ переселеніи, всегда останется крайне трудно выполнимою, а вѣрнѣе и вовсе не выполнимою, — то лучше всего было бы отказаться отъ рѣшенія этой задачи и возвратиться къ политикѣ Сибирскаго комитета: *считаться съ переселеніемъ, какъ съ фактомъ* народной жизни, и стараться лишь о томъ, чтобы этотъ несомнѣнно тяжелый и болѣзненный фактъ приносилъ тѣмъ, кого увлекаетъ переселенческая волна, возможно меньше бѣдъ и страданій; предоставить каждому желающему свободу переселенія, но обставить послѣднее такими условіями, которыя свели бы къ минимуму связанныя съ переходомъ на новыя мѣста неизвѣстность и рискъ неудачи; для этого если не требовать ходачества,—это, мнѣ кажется, излишнее, то во всякомъ случаѣ всѣми возможными способами поощрять и облегчать его, помогая ходокамъ или сознательно выбрать себѣ подходящую землю, или сознательно отказаться отъ мысли о переселеніи,—а затѣмъ допускать до переселенія всѣхъ, кто такъ или иначе найдетъ себѣ мѣсто для водворенія и обезпечитъ за собою земельный надѣлъ. Что касается до аграрно-политическихъ задачъ, то рѣшенія ихъ, какъ я постараюсь показать въ послѣдующихъ главахъ, не слѣдуетъ искать въ переселеніи... Единственнымъ пріемомъ «поощренія» могло бы быть, въ крайнемъ случаѣ, повышеніе размѣра ссудъ; но даже и этотъ способъ «поощренія» возбуждаетъ немало сомнѣній и связанъ съ немаловажною опасностью. Подробнѣе мнѣ придется касаться и этого вопроса, опять таки, въ послѣдующихъ главахъ. Здѣсь укажу на одно: гдѣ бы ни искать основныхъ причинъ переселенія,—не можетъ однако подлежать сомнѣнію, что денежныя пособія и ссуды являются также однимъ изъ мотивовъ, могущихъ способствовать усиленію переселенческаго движенія. И увеличеніе ссудъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ онѣ могли бы служить серьезнымъ поощреніемъ, легко можетъ вызвать переселенческое движеніе въ размѣрахъ, во много разъ превышающихъ ёмкость тѣхъ земель, которыя могутъ быть предназначены для водворенія переселенцевъ...

Часть вторая.

ПЕРЕСЕЛЕНІЯ,

ихъ причины и значеніе для народнаго хозяйства.

I.

Причины переселенiй и ихъ возможное вліяніе на крестьянское землевладѣніе и хозяйство въ мѣстахъ выхода переселенцевъ.

Необыкновенная сложность вопроса о причинахъ переселенія не укрылась отъ самыхъ первыхъ мѣстныхъ изслѣдователей переселенческаго вопроса. «Производя изслѣдованіе переселенческаго движенія на мѣстахъ выхода переселенцевъ, говоритъ В. Н. Григорьевъ еще въ 1885 году, мы старались прислушаться къ говору мѣстныхъ жителей объ этомъ явленіи, къ ихъ объясненіямъ причинъ движенія; но изъ всего слышаннаго трудно вывести хоть сколько нибудь устойчивое заключеніе по интересующему насъ вопросу. Одни утверждали, что малоземелье гонитъ крестьянъ изъ ихъ родныхъ селеній; но, говоря такъ, они совершенно противорѣчили себѣ, объясняя выходъ на новыя земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ сравнительно съ бывшими помѣщичьими, владѣющими худшимъ надѣломъ: они доходили до такихъ странныхъ увѣреній, что помѣщичьи крестьяне поставлены въ экономическомъ отношеніи лучше, нежели бывшіе государственные, благодаря близости къ нимъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, дающихъ имъ возможность мѣстныхъ заработковъ... Другіе, не желая признать первой причины, указываютъ на какой-то «переселенческій зудъ», видя въ этомъ основную причину движенія. Одни утверждаютъ, что идетъ съ родины бѣднякъ и пропойца, другіе не сомнѣваются, что чуть ли не одни богачи составляютъ контингентъ переселенцевъ. Нѣкоторые видятъ едва ли не исключительную причину движенія въ легковѣріи крестьянина къ заманчивымъ вѣстямъ изъ далекихъ, но обильныхъ мѣстъ, но есть и такіе. которые увѣрены въ осмотрительности крестьянина. Словомъ, даже у мѣстныхъ жителей, близко видѣвшихъ движеніе, но не охватившихъ достаточнаго числа фактовъ, масса мнѣній, исключающихъ другъ друга—очевидно, приведенныя сужденія зависятъ отъ тѣхъ случаевъ переселенія, съ какими приходилось сталкиваться ихъ автору». Самъ г. Григорьевъ отказывается отъ категорическаго отвѣта на вопросъ о причинахъ переселенія. И, однако, очень многимъ этотъ вопросъ и

до сихъ поръ продолжаетъ казаться чрезвычайно простымъ, можно сказать азбучнымъ, и, чтобъ правильно его рѣшить, не требуется, по мнѣнію многихъ, ничего, кромѣ простой добросовѣстности и безпристрастія. «Пусть сытые бездѣльники—восклицаетъ г. Исаевъ въ одной изъ своихъ многочисленныхъ статей [1]) по переселенческому вопросу, говорятъ о какомъ-то бродячемъ инстинктѣ русскихъ людей, который гонитъ ихъ изъ насиженнаго гнѣзда и мѣшаетъ развитію чувства домовитости. Мы должны знать, должны твердо помнить, что, за рѣдкими исключеніями, всѣхъ этихъ людей гонитъ только нужда»... «Малоземелье, недостаточность душевого надѣла,—говоритъ извѣстный изслѣдователь переселенческаго дѣла въ Алтаѣ, г. Чудновскій, — всеобщій, повсемѣстный фактъ, и фактъ, прежде всего и главнымъ образомъ вызывающій переселеніе.» Очень часто мы встрѣчаемся съ подобнымъ взглядомъ и въ отзывахъ оффиціальныхъ лицъ: «опросъ какъ лицъ, завѣдывающихъ переселенческимъ дѣломъ въ Сибири,— говоритъ А. Н. Куломзинъ въ отчетѣ по поѣздкѣ въ Сибирь въ 1896 году,—такъ и сотенъ самихъ переселенцевъ, привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что не можетъ быть двухъ мнѣній о причинахъ, которыя заставляютъ нашего крестьянина идти искать счастья и новой осѣдлости за тысячи верстъ отъ дому: идетъ онъ оттого, что, *по его убѣжденію* (курсивъ нашъ. А. К.), «домъ хлѣбомъ не накормитъ; жить въ немъ весело, да ѣсть въ немъ нечего»—какъ объяснилъ мнѣ одинъ переселенецъ». Наконецъ приведу на выборъ еще одну цитату—изъ появившейся, можно сказать, на-дняхъ статьи г. Бѣлевскаго въ журналѣ «Русское Богатство». «Разъ люди—говоритъ г. Бѣлевскій,—сотни тысячъ людей, во всѣхъ концахъ Россіи, ликвидируютъ хозяйство и задешево распродаютъ свою немудрую «худобу», чтобы пуститься въ тысячеверстныя странствованія, это значитъ, что дома жить нельзя, что дома въ глаза глядитъ нищета, что дома даже изумительно низкій уровень потребностей русскаго крестьянства оказывается неудовлетворимо высокимъ».

Ничего не можетъ быть естественнѣе, нежели такое представленіе. Оно само собою должно было возникнуть у каждаго, кто ставилъ себѣ вопросъ о причинахъ переселеній: если крестьянинъ разрываетъ связь съ родиной и идетъ искать счастья въ невѣдомую даль, то ясно, что его гонитъ безысходная нужда; а источникъ нужды исконнаго земледѣльца, русскаго крестьянина, естественнѣе всего было искать въ безземельѣ или недостаточности земельнаго надѣла. А съ другой стороны, это представленіе является лишь отраженіемъ взгляда на дѣло, преобладающаго въ сознаніи самихъ переселяющихся или желающихъ переселяться крестьянъ. «На вопросъ—говоритъ А. Н. Куломзинъ въ томъ же отчетѣ, настойчиво задаваемый мною переселенцамъ о причинѣ, двинувшей ихъ на оставленіе родины, отвѣты варіировались: «отъ безземелья», «жить не причемъ», «мало земли было», «землею наголодались», «тѣсно стало», «земли добиваться шли», «на землю захотѣлось», «подъ деревнями больше

[1]) Сѣв. Вѣстн. 1895 г., янв.

мѣста было, чѣмъ подъ пашнями», «кола вырубить негдѣ», «утѣсненіе скотинѣ» и т. п.,—но во всѣхъ этихъ отвѣтахъ, въ сущности, заключался одинъ: неимѣніе или недостатокъ земли вообще, или какихъ либо отдѣльныхъ угодій. Иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, указывалось на недоброкачественность земли или на какую либо случайную причину, въ родѣ перехода сосѣдняго имѣнія, гдѣ крестьяне привыкли арендовать угодья, въ руки такого владѣльца, который прекратилъ аренды». А изъ 3.708 переселенческихъ дворовъ, опрошенныхъ мною въ поселкахъ Томской губерніи, болѣе двухъ третей — 2.624 семьи, отвѣчали указаніемъ на недостаточность размѣра земельнаго надѣла, дурное качество почвы, односторонній составъ угодій, дороговизну и трудность арендованія земли — все разные синонимы малоземелья; а еще 542 семьи указали просто на «невозможность существовавать» на родинѣ, очевидно, подразумѣвая все ту же основную причину «невозможности существованія»— безземелье или недостатокъ земли.

Но что́ такое — спросимъ себя прежде всего — та тѣснота, то малоземелье, которое, по господствующему мнѣнію, является основною причиною переселеній. Вопросъ этотъ — самой первостепенной важности, и установить на него правильную точку зрѣнія необходимо *даже въ непосредственныхъ интересахъ переселенческаго дѣла:* мы уже упоминали въ предыдущей главѣ объ антагонизмѣ интересовъ между мѣстностями выселенія и районами вселенія переселенцевъ,— а этотъ антагонизмъ коренится главнѣйшимъ образомъ именно въ необыкновенной расплывчатости понятія малоземелья. Малоземельными признаютъ полтавцы или куряне съ надѣломъ въ 1—2 десятины на душу, и на этомъ основаніи для нихъ требуютъ права переселенія на казенныя земли юго-восточной Россіи, въ Сибирь, въ киргизскія степи. Но недостаточно обезпеченнымъ землею признается и самарецъ съ 5—6 десятинами, сибирякъ съ 10—12 десятинами на душу, казакъ, киргизъ или бурятъ съ 100—150 десятинами на домохозяйство,—и на этомъ основаніи мѣстные администраторы и мѣстныя земства стараются сохранить для этихъ, мѣстныхъ малоземельныхъ имѣющіяся свободныя земли. А между тѣмъ, отвѣтить на этотъ вопросъ въ высшей степени затруднительно. «Понятіе о недостаткѣ земли у переселенцевъ, говоритъ А. Н. Куломзинъ на той же страницѣ, откуда заимствованы и вышеприведенныя цитаты, чисто субъективное, и на эту причину одновременно ссылаются какъ лица, имѣвшія на родинѣ почти одни усадебныя мѣста, такъ и крестьяне съ 4 или даже 8-десятинными полевыми надѣлами на наличную душу». И съ такимъ же разнообразіемъ въ пониманіи терминовъ «малоземелье», «недостаточность земельныхъ надѣловъ», мы встрѣчаемся и въ мнѣніяхъ оффиціальныхъ и не оффиціальныхъ наблюдателей и изслѣдователей переселенческаго движенія. Мы встрѣчаемся, въ видѣ исключенія, и съ узкимъ пониманіемъ этихъ терминовъ. Такъ смотритъ на вопросъ, напримѣръ, Самарская губернская администрація, поскольку она хлопочетъ о переселеніи на казенныя земли губерніи мѣстныхъ крестьянъ-дарственниковъ, а

*

также бывшихъ крѣпостныхъ, отказавшихся отъ надѣла и перечислившихся въ мѣщанское сословіе. Такъ смотритъ Полтавскій сельскохозяйственный комитетъ, который къ числу малоземельныхъ элементовъ, имѣющихъ право на правительственное поощреніе при переселеніи, относитъ прежде всего безземельныхъ и усадебниковъ, затѣмъ—имѣющихъ не свыше трехъ десятинъ земли на наличное домохозяйство. Въ видѣ правила, однако, понятіе малоземелья, какъ причины переселеній, ставится гораздо шире. Сравнительно умѣреннымъ приходится признать мнѣніе, признающее задачею аграрной политики поддержаніе размѣровъ землевладѣнія, по разсчету на наличное населеніе, на томъ самомъ уровнѣ, какой былъ установленъ крестьянскими положеніями шестидесятыхъ годовъ. «Если въ 1861 году, говоритъ В. М. Андреевскій въ докладѣ Тамбовскому губернскому собранію 1894 года,—считалось нужнымъ дать по 2,48 десятинъ на ревизскую душу, то нѣтъ основанія предполагать что тотъ же человѣкъ въ 1894 году можетъ обходиться 1,87 десятинами»... Съ тою же точкой зрѣнія мы нерѣдко встрѣчаемся и въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. «Благодаря естественному возрастанію населенія—говоритъ напримѣръ Радомысльскій уѣздный комитетъ, и чрезмѣрному дробленію земельныхъ участковъ, земледѣліе, при настоящемъ его состояніи, все менѣе становится способнымъ удовлетворять жизненныя потребности села; душевая земельная норма безостановочно понижается, а въ то же время ремесла и промыслы не развиваются, и источниковъ, которые обезпечивали бы населеніе въ достаточной мѣрѣ постоянными заработками, не имѣется. Часть населенія неизбѣжно должна искать выхода изъ труднаго положенія и находитъ таковой частью въ прикупѣ сосѣднихъ владѣльческихъ земель, частью въ выселеніи на новыя мѣста»...

Мы не останавливаемся на вопросѣ, достаточны ли были въ свое время нормы надѣленія крестьянъ, установленныя положеніемъ 19 февраля 1861 года. Но возможно ли изъ одного только того факта, что извѣстная норма, на наличный дворъ или на наличное домохозяйство, признавалась необходимою въ 1861 году, заключать, что та же норма остается необходимою и по истеченіи сорока лѣтъ? Абсурдность этого вывода становится ясна сама собою, если считаться не съ однимъ лишь настоящимъ моментомъ, когда если не практически, то по крайней мѣрѣ ариѳметически, возможно еще довести землевладѣніе всѣхъ крестьянъ до нормъ крестьянскихъ положеній 1861 года, но говорить о необходимости *постоянно* разрѣжать населеніе, чтобы поддерживать размѣры его землевладѣнія все на томъ же неизмѣнномъ уровнѣ. *Такая* задача не можетъ быть разрѣшена ни милліонными переселеніями, ни даже переходомъ всей вообще территоріи страны во владѣніе трудового земледѣльческаго населенія; для этого пришлось бы до безконечности развивать ту систему территоріальнаго распространенія, которая въ настоящее время, надо думать, уже переступила за свои крайніе предѣлы. Если же отъ такой, чисто практической точки зрѣнія обратиться къ существу дѣла, то нельзя вѣдь забывать, что *всякая норма примѣнима лишь при*

данныхъ условіяхъ хозяйства, въ послѣднемъ счетѣ опредѣляемыхъ именно густотою населенія. «Извѣстно, говорилъ Чаславскій 30 лѣтъ тому назадъ, что увеличеніе населенія въ какой бы то ни было мѣстности и связанное съ нимъ стѣсненіе въ земляхъ всегда вынуждаютъ переходъ къ новой системѣ хозяйства»; а новая система хозяйства, въ свою очередь, допускаетъ соотвѣтственно большую густоту населенія и слѣдовательно мирится съ соотвѣтственно меньшими размѣрами земельнаго надѣла. Конечно, для перехода къ новой системѣ хозяйства требуется наличность извѣстныхъ знаній и средствъ, и при недостаткѣ ихъ необходимый по условіямъ населенности переходъ можетъ оказаться неосуществимымъ. Но въ такомъ случаѣ и причины бѣдственнаго положенія населенія придется искать не въ недостаточности земельнаго надѣла, а въ бѣдности и некультурности, а о переселеніи и другихъ мѣрахъ увеличенія площади землевладѣнія придется говорить уже не какъ о единственномъ способѣ помочь горю, а только какъ о временномъ суррогатѣ другихъ мѣръ; придется войти въ сравнительную оцѣнку того, что, въ концѣ концовъ, обойдется дешевле, и что обѣщаетъ дать болѣе ощутительные и болѣе прочные результаты.

Но, конечно, и самая исходная точка зрѣнія, лежащая въ основѣ разсматриваемой постановки вопроса, не можетъ быть признана свободною отъ возраженій. Горячій сторонникъ теоріи количественнаго расширенія крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, А. В. Пѣшехоновъ, совершенно основательно отмѣчаетъ «излишнее довѣріе къ «нормальному» надѣлу, опредѣленному положеніемъ 1861 г.». Г. Пѣшехоновъ лично думаетъ, и несомнѣнно съ большою долей основанія, что отведенная бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ земля «съ самаго начала была недостаточна не только для того, чтобы крестьяне могли использовать всѣ свои силы, но и для того, чтобы удовлетворить свои потребности, поддержать даже тотъ уровень жизни, какой для нихъ доступенъ былъ при крѣпостномъ правѣ» [1]). И съ такою точкой зрѣнія мы встрѣчаемся, хотя нечасто, и въ сужденіяхъ земствъ и сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Еще въ 1881 году Курское земство обращало вниманіе на то, что «средній душевой надѣлъ въ губерніи составляетъ лишь $2^1/_2$ дес., между тѣмъ какъ по ст. 24—83 уст. о благоустр. въ казен. селен. надѣлъ даже въ 5 дес. на душу уже представляетъ достаточный поводъ требовать переселеній». А отсюда прямой выводъ: отказаться отъ всякихъ *исторически* сложившихся нормъ и опредѣлить, такъ сказать, *раціональныя* нормы и предѣлы того малоземелья, которое давало бы право на переселеніе или вообще—на расширеніе землевладѣнія. «Въ трудахъ самихъ комитетовъ—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—можно найти другія, болѣе устойчивыя и болѣе справедливыя основанія для нормировки правъ на государственную помощь при переселеніяхъ. Количество земли, которое крестьянская семья при данномъ хозяйственномъ уровнѣ можетъ обработать соб-

---

1) „Нужды дер.“, II, 33 и 78.

ственными силами,—это максимумъ, которымъ могутъ быть опредѣлены ея права; количество земли, которое необходимо, чтобы обезпечить ея существованіе—это минимумъ, которымъ должны опредѣляться обязанности государства. Найти предѣлы — думаетъ г. Пѣшехоновъ,—для каждой мѣстности и даже для каждой семьи не такъ уже трудно, а между тѣмъ только въ этихъ предѣлахъ и можетъ быть раціонально разрѣшенъ земельный вопросъ».

Намъ думается, что поставленная такимъ образомъ задача не только трудна, но даже болѣе — неразрѣшима, по крайней мѣрѣ при современныхъ методахъ статистико-экономической науки,— и въ этомъ нетрудно убѣдиться, сопоставивъ хотя бы нѣсколько изъ дѣлавшихся попытокъ установленія теоретическихъ или раціональныхъ нормъ. По словамъ Чаславскаго, «съ своихъ надѣловъ средства для существованія могутъ имѣть только такіе крестьяне, которые получили не менѣе 4-хъ десятинъ на душу, т. е. бóльшая часть государственныхъ крестьянъ,—крестьяне же бывшіе помѣщичьи, даже тѣ, которые имѣютъ 2, 2½ и до 3 десятинъ, не могутъ получить съ своихъ надѣловъ даже необходимыхъ продовольственныхъ средствъ, какъ бы ни были хороши земли». Кн. А. И. Васильчиковъ, исходя изъ принципа, что «нормой для надѣла должна служить средняя пропорція, выведенная изъ того пространства, какое можетъ быть обработано крестьянскою семьей при обыкновенномъ среднемъ ея составѣ», приходилъ къ заключенію, что такой средній надѣлъ можно полагать въ 10—15 дес. на дворъ или 5—7 дес. на ревизскую душу. Если затѣмъ перебрать труды мѣстныхъ комитетовъ, то окажется, напримѣръ, что Мензелинскій комитетъ (Уф. губ.) «призналъ необходимымъ довести надѣлы крестьянъ до необходимой нормы—9 десятинъ на душу, дающей возможность примѣненія въ хозяйствѣ какихъ либо улучшенныхъ пріемовъ и прокормленія семьи, коровы и лошади»; предсѣдатель Нижегородской уѣздной земской управы А. А. Остафьевъ въ основу своихъ соображеній кладетъ разсчетъ губернскаго агронома, по которому «надо до 25 дес. на дворъ для существованія»; Балашовскій уѣздный комитетъ принимаетъ «минимальное для раціональнаго хозяйства количество земли» въ 30 десятинъ на средній крестьянскій дворъ или почти 10 десятинъ на наличную мужскую душу [1]). Приведу еще примѣрные разсчеты, сдѣланные департаментомъ окладныхъ сборовъ для комиссіи объ оскудѣніи центра, хотя бы по тремъ юго-восточнымъ губерніямъ: исходя изъ числа десятинъ подъ хлѣбомъ, какое можетъ убрать одинъ работникъ въ теченіе періода уборки, департаментъ опредѣлялъ нормальное количество пахотной земли для Самарской губерніи въ 22 дес., для Уфимской въ 23 дес., для Оренбургской 28 дес., а всей надѣльной земли 27, 51 и 52 десятины. Уфимскіе земскіе статистики, въ отвѣтъ на запросъ крестьянскаго банка, вычислили предѣльныя рабочія нормы для лѣсного района губерніи въ 37 дес., для степного въ 41 дес. на дворъ, губернскій же экономическій совѣтъ нашелъ не-

[1]) Труды, Сарат. 349, Нижег. 4, Уф. 21.

обходимымъ округлить эти цифры до общей на всю губернію нормы въ 50 десятинъ. Въ то же время составители земскихъ статистическихъ сборниковъ по сѣвернымъ уѣздамъ Самарской губерніи опредѣляютъ нормальную рабочую площадь пахотной земли въ 9—12 десятинъ на дворъ; экономическая комиссія Самарскаго земства принимала потребность крестьянъ губерніи въ землѣ не превышающею 5 десятинъ на душу или 15 дес. на средній надѣльный дворъ, а уфимскіе статистическіе сборники признаютъ достаточнымъ земельное обезпеченіе въ 18 десятинъ на дворъ или на домохозяйство. Достаточно сопоставить между собою приведенныя цифры, чтобы убѣдиться въ крайней шаткости всѣхъ тѣхъ разсчетовъ, которые приводили къ столь несоизмѣримымъ заключеніямъ. И достаточно сопоставить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ цифръ съ дѣйствительными размѣрами надѣльнаго землевладѣнія, чтобы убѣдиться въ томъ, что подобные разсчеты могутъ имѣть лишь академическое значеніе. Теоретическая норма исчисляется для Нижегородской губерніи въ 25 дес. на дворъ или около 8 дес. на наличную мужскую душу, для Саратовской въ 10 десятинъ, для Уфимской въ 9 десятинъ. А средніе дѣйствительные размѣры надѣльнаго землевладѣнія не превышаютъ въ Уфимской губерніи 4,4 дес., въ Нижегородской 2,2 дес., въ Саратовской 2,6 дес. Для нормальнаго обезпеченія населенія землею, согласно вышеприведеннымъ разсчетамъ, потребовалось бы въ Уфимской губерніи приблизительно удвоить, въ Нижегородской и Саратовской — учетверить размѣры надѣльнаго землевладѣнія, что было бы достижимо—даже предполагая ликвидацію всего мѣстнаго государственнаго и частнаго землевладѣнія, лишь при выселеніи приблизительно половины всего населенія. А за такую мѣру не рѣшаются высказаться даже самые рѣшительные сторонники переселеній. «Это было бы — говоритъ г. Пѣшехоновъ, — равносильно новому переселенію народовъ. Не говоря уже о невыполнимости подобнаго плана рѣшенія задачи, онъ и по существу представляется нецѣлесообразнымъ до нелѣпости. Осуществить его значило бы отказаться отъ большей части того, что нажито тысячелѣтнею культурою, и въ частности промѣнять мягкія и удобренныя земли на безплодные солончаки и лѣсныя дебри» [1]). А если это такъ, то очевидно, что приходится самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть нормы, которыя могли бы получить практическое осуществленіе лишь при «нецѣлесообразномъ до нелѣпости» развитіи переселеній. Но и независимо отъ вопроса о практическомъ значеніи подобнаго рода нормъ, онѣ доступны серьезнымъ принципіальнымъ возраженіямъ. Сравнительно болѣе устойчива, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, норма, вычисленная по потребительному принципу: конечно, надѣлъ крестьянина-земледѣльца *долженъ* удовлетворять его потребностямъ... Но самые пріемы опредѣленія потребительныхъ нормъ, какъ я пытался доказать въ другомъ мѣстѣ [2]), отличаются крайнею неточностью, и

[1]) l. c., стр. 78.

[2]) „Нар. Хозяйство“, 1902 г., апр., ст., „Къ вопросу о бюджетн. изслѣдованіяхъ“.

конечные выводы подлежатъ огромнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ ничтожнѣйшихъ ошибокъ въ опредѣленіи такихъ пока еще точно не установленныхъ величинъ, какъ размѣры душевого потребленія или средняя урожайность надѣльныхъ земель. А главное, потребительная норма, построенная, очевидно, *на существующей при данныхъ хозяйственныхъ условіяхъ урожайности*, заключаетъ въ себѣ все ту же основную petitio principii: она предрѣшаетъ, что нечего и думать о повышеніи производительности земли,—что такое повышеніе или невозможно, или по крайней мѣрѣ менѣе выгодно, нежели переселеніе. Еще болѣе сомнительна возможность исходить изъ нормъ, построенныхъ по рабочему принципу. На основаніи такихъ нормъ можно опредѣлять, напримѣръ, размѣръ купчаго участка для тѣхъ сравнительно зажиточныхъ, стоящихъ уже на границѣ сельской буржуазіи, крестьянъ, которыми преимущественно занимается крестьянскій банкъ,—но нельзя рѣшать вопросовъ, относящихся къ землевладѣнію крестьянскихъ массъ, а слѣдовательно и къ переселенію. Что это такъ, въ этомъ нетрудно убѣдиться изъ того простого соображенія, что распространяющіяся въ настоящее время въ крестьянской массѣ усовершенствованія относятся главнымъ образомъ къ облегченію обработки земли и уборки урожая; всякое *такое* усовершенствованіе ведетъ къ значительному повышенію нормъ, построенныхъ по принципу использованія всей рабочей силы крестьянскаго семейства; и если бы мы предположили на минуту всеобщее распространеніе заводскихъ плуговъ, притомъ еще многолемешныхъ, жатвенныхъ машинъ и молотилокъ, то нормы крестьянскаго землевладѣнія пришлось бы увеличить во много разъ, т. е. прійти къ явно абсурдному результату.

Но главное возраженіе противъ всѣхъ подобнаго рода попытокъ опредѣленія нормальныхъ размѣровъ крестьянскаго земельнаго обезпеченія, это опять-таки лежащая въ основѣ ихъ petitio principii, что *размѣры крестьянскаго землевладѣнія должны быть сообразованы съ существующими экономико-техническими условіями сельскаго хозяйства*, иначе сказать, предположеніе неизмѣнности этихъ условій. Вѣдь общее правило, напротивъ, что «увеличеніе населенія и связанное съ нимъ стѣсненіе въ земляхъ всегда вынуждаютъ переходъ къ новой системѣ хозяйства». Еще тотъ-же Чаславскій указывалъ на то, что, при крайнемъ разнообразіи размѣровъ земельнаго обезпеченія, «у крестьянъ разныхъ категорій, даже живущихъ бокъ о бокъ, могутъ встрѣчаться совершенно разнородныя культуры и системы; такъ, въ центральной полосѣ Самарской губерніи, на юго-восточной окраинѣ Екатеринославской губерніи у государственныхъ крестьянъ можно найти еще перелоги, между тѣмъ какъ у помѣщичьихъ хозяйство уже трехпольное». А между тѣмъ, этотъ фактъ, вполнѣ подтвержденный позднѣйшими земско-статистическими изслѣдованіями, совершенно отнимаетъ почву у всякаго рода разсчетовъ земельнаго дефицита, основанныхъ на существующихъ въ данное время хозяйственныхъ порядкахъ...

Конечно, указанныя обстоятельства не могли укрыться отъ вниманія изслѣдователей переселенческаго движенія и теоретиковъ-экономистовъ. «Малоземелье—соглашается г. Пѣшехоновъ [1]), понятіе условное. Площадь, на которой можно расположиться съ трехпольемъ, совершенно недостаточна при залежной или подсѣчной системѣ. То, что земледѣльцу представилось бы широкимъ земельнымъ просторомъ, въ хозяйствѣ скотовода можетъ сказаться самымъ острымъ малоземельемъ». Съ другой же стороны «системы хозяйства, господствующія въ разныхъ мѣстностяхъ, опредѣляются конечно не только тѣмъ, сколько крестьяне получили или имѣютъ земли на душу,—но и цѣлымъ рядомъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ, естественныхъ, техническихъ и общественныхъ условій. И если мы будемъ считаться съ этими системами какъ съ фактомъ, то повсемѣстность жалобъ на малоземелье намъ уже не покажется чѣмъ-то явно несообразнымъ. Напротивъ—невозможность для крестьянина при данныхъ размѣрахъ земельной площади использовать, съ одной стороны, рабочую силу въ своемъ хозяйствѣ, а съ другой — найти въ немъ достаточный источникъ для удовлетворенія своихъ потребностей—а въ этомъ заключается малоземелье—представится для насъ совершенно очевиднымъ». Все это совершенно вѣрно,—но если это вѣрно, то «причина переселенія, «малоземелье», говоря словами г. Маслова, разростается въ цѣлый рядъ причинъ соціальнаго и экономическаго неустройства огромной части крестьянскихъ хозяйствъ»; понятіе *малоземелья* теряетъ всякое опредѣленное содержаніе и сводится къ простому circulus vitiosus: переселеніе — слѣдствіе малоземелья, а малоземелье — это такая «совокупность причинъ соціальнаго и экономическаго неустройства», при которой крестьяне считаютъ себя малоземельными и видятъ выходъ въ переселеніи... Съ другой же стороны, разъ это такъ, то едва ли правильно, «считаться съ существующими системами, какъ съ фактомъ»; напротивъ — нельзя ни на минуту забывать, что *именно въ этихъ системахъ— корень зла*, и что съ устраненіемъ этого корня устранятся и тѣ болѣзненные симптомы, которые ощущаются населеніемъ въ формѣ малоземелья. Конечно, разъ внутреннія причины вызвали извѣстную болѣзнь, приходится стремиться и къ временному облегченію ея симптомовъ. Но въ *данномъ* случаѣ симптоматическое лѣченіе представляетъ и серьезную опасность: оно отвлекаетъ отъ коренныхъ причинъ вниманіе какъ правительства и общества, такъ—и это особенно важно—самого болѣющаго «малоземельемъ» населенія.

Однако, мы забѣжали далеко впередъ. Возвращаясь къ нити нашего изложенія, мы должны совершенно отказаться установить точный предѣлъ того малоземелья, въ которомъ принято видѣть основную причину переселенческаго движенія. Намъ приходится поэтому отказаться отъ какой либо точной постановки вопроса и раз-

---

[1]) l. c., стр. 25—26.

сматривать его въ той самой общей его формѣ, какъ онъ обыкновенно выставляется сторонниками даннаго взгляда. Переселяются малоземельные—очевидно, значитъ, тѣ, у кого *меньше* земли, нежели у *не* переселяющихся. Но и въ такой общей формѣ этотъ взглядъ не выдерживаетъ критики фактовъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно взглянуть на цифровыя данныя о распредѣленіи переселенцевъ по мѣстамъ ихъ выхода. Мы увидимъ, что изъ 67 тысячъ семей переселенцевъ, зарегистрированныхъ за десятилѣтіе 1884—1893 г., $10^1/_2$ тыс. дала Курская губернія; за нею слѣдуютъ: Тамбовская съ $6^1/_2$, Воронежская съ $5^1/_2$, Вятская, Самарская и Пермская, давшія каждая отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ тысячъ, Полтавская и Рязанская—отъ 3 до $3^1/_2$ тыс. Въ Алтайскомъ округѣ—въ то время принимавшемъ почти двѣ трети всего сибирскаго переселенія, по даннымъ 1892 года первыя два мѣста удержатъ за собою тѣ же двѣ губерніи—Курская съ 35 и Тамбовская съ 37 тыс. душъ. Но непосредственно за ними стоитъ Тобольская съ 20 тысячами душъ; рядомъ съ Воронежскою губерніею стоитъ Пермская, за Рязанскою слѣдуютъ Вятская и Самарская, и т. д. Въ послѣднее время роль отдѣльныхъ губерній въ переселенческомъ движеніи очень измѣнилась, и потому въ итоговыхъ цифрахъ за 16-лѣтній періодъ 1885—1900 гг. размѣщеніе губерній по числу выпущенныхъ переселенцевъ оказывается значительно инымъ. На первое мѣсто становится Полтавская губернія, выпустившая за 16 лѣтъ 156 тыс. душъ переселенцевъ; за нею слѣдуетъ Курская, съ 142 тыс., Черниговская съ 103 тыс., Тамбовская съ 94 тыс., Воронежская, выпустившая 69 тыс., затѣмъ Орловская, Самарская, Пензенская и Вятская, давшія отъ 50 до 60 тысячъ, Харьковская съ 49 тысячами, Пермская съ 38 тысячами, затѣмъ — губерніи Витебская, Могилевская, Саратовская и Рязанская, выпустившія, каждая, по 31—32 тысячи переселенцевъ. Наконецъ, по самымъ свѣжимъ изъ имѣющихся данныхъ—именно даннымъ Челябинской регистраціи за четырехлѣтіе 1899—1902 гг., въ числѣ 18 губерній, давшихъ, каждая, свыше 10000 душъ переселенцевъ, окажутся: Полтавская съ 68 тыс., Могилевская съ 43 тыс., Курская, Черниговская и Витебская съ 37—39 тыс., Воронежская, Харьковская и Тамбовская съ 26—27 тыс., Екатеринославская съ 22 тыс., Самарская съ 19 тыс., Минская и Орловская съ 17 тысячъ наконецъ губерніи Вятская, Пензенская, Пермская, Саратовская, Таврическая и Херсонская, давшія каждая отъ 11 до 15 тысячъ.

Всѣ источники единодушно свидѣтельствуютъ такимъ образомъ, что переселенцевъ выпускаютъ не однѣ только мѣстности, страдающія болѣе или менѣе несомнѣннымъ малоземельемъ, но и такія губерніи какъ Вятская, Пермская, Тобольская, Саратовская, Таврическая, Екатеринославская и т. д. — губерніи, гдѣ объ избыткѣ рабочихъ рукъ и малоземельѣ, казалось бы, не можетъ быть и рѣчи; гдѣ напротивъ, значительная часть удобной площади остается до сихъ поръ неразработанною и гдѣ земледѣліе страдаетъ скорѣе отъ недостатка,

нежели отъ избытка рабочихъ рукъ. Въ подстрочномъ примѣчаніи [1]) мы приводимъ наиболѣе характерныя данныя относительно размѣровъ земельнаго обезпеченія для нѣсколькихъ губерній съ наиболѣе значительнымъ выселеніемъ, — а также для ряда губерній съ относительно ничтожнымъ развитіемъ переселеній. Въ числѣ первыхъ мы находимъ и Полтавскую губернію, занимающую одно изъ послѣднихъ мѣстъ по среднимъ размѣрамъ надѣльнаго землевладѣнія и первое—по относительному количеству дворовъ съ минимальными размѣрами земельнаго надѣла; и рядъ губерній съ нѣсколько большимъ среднимъ размѣромъ надѣла и съ умѣреннымъ процентомъ малоземельныхъ дворовъ,—и такія губерніи, какъ Вятская или Самарская, съ высокимъ среднимъ размѣромъ надѣловъ и ничтожнымъ процентомъ малоземельныхъ. А сопоставляя смежныя и приблизительно сходныя по общимъ условіямъ природы и хозяйства губерніи, мы находимъ, что такія крайне малоземельныя губерніи, какъ Кіевская и Подольская, даютъ ничтожный процентъ выселеній по сравненію съ нѣсколько лучше обезпеченными Полтавскою и Черниговскою; что Самарская губернія, одна изъ самыхъ богатыхъ землею, даетъ гораздо больше переселенцевъ, нежели сравнительно малозе-

---

1) А. Губерніи съ наибольшими размѣрами переселенія.

	Число переселенцевъ за 1885 г. 1900 „ (тысячъ)	за 1899 г. 1902 „ (тысячъ)	% дворовъ съ надѣломъ менѣе 2 дес. на наличн. душу (по данн. 1877 г.).	Средн. размѣръ крестьянскаго надѣла (по данн. 1900 г.).
Полтавская	156	68	36,1	1,5
Курская	142	39	14,8	1,8
Черниговская	103	37	17,3	2,0
Тамбовская	94	26	11,9	2,0
Воронежская	69	27	10,6	2,4
Орловская	59	17	6,3	1,8
Самарская	54	19	4,1	4,5
Вятская	50	13	2,8	4,6
Пензенская	50	12	15,9	2,1
Харьковская	49	28	13,7	1,9
Пермская	38	11	15,7	4,7
Могилевская	32	44	0,9	1,9
Саратовская	31	13	17,9	2,6

Б. Губерніи съ малыми размѣрами переселенія.

Подольская	2	7	29,8	1,2
Кіевская	14	15	19,1	1,2
Волынская	6	7	5,5	1,7
Нижегородская	9	1	11,7	2,2
Виленская	13	14	0,5	1,9
Минская	16	17	1,4	2,3
Херсонская	16	15	7,2	2,3
Таврическая	6	14	5,3	3,6

мельная Саратовская, что почти не знающая переселенческаго движенія Нижегородская губернія по степени надѣльной обезпеченности крестьянъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ Тамбовскою, занимающею одно изъ первыхъ мѣстъ по размѣрамъ переселенческаго движенія, и т. д.

Если прослѣдить по картѣ мѣстности, отпускающія переселенцевъ, то онѣ сгруппируются въ два, а въ самое новѣйшее время—въ три купныхъ района. Одинъ изъ нихъ—средне-русскій районъ, сравнительно малоземельный и густонаселенный; онъ охватываетъ всю черноземно-нестепную область, протянувшись на сѣверо-востокъ до Симбирской губерніи и захватывая на югѣ часть малороссійскихъ губерній; къ этому району въ послѣднее время примыкаетъ другой, также сравнительно густонаселенный и малоземельный районъ,—именно сѣверо-западныя, бѣлорусскія губерніи. Другой исконный переселенческій районъ, въ общемъ рѣдко населенный и богатый землею, обнимаетъ заволжскія—восточныя и сѣверо-восточныя губерніи Европейской Россіи, а также прилегающую къ нимъ съ востока Тобольскую губернію. Если для средне-русскаго и бѣлорусскаго переселенческихъ районовъ еще можно было говорить, безъ особыхъ оговорокъ, о малоземельѣ, какъ объ основной причинѣ выселеній, то говорить о малоземельѣ Тобольской, Самарской, Вятской, Уфимской, губерній, было болѣе нежели рисковано. Для одной изъ губерній этой категоріи вопросъ о причинахъ выселеній былъ еще четверть вѣка тому назадъ, въ 1881 году, подробно разработанъ однимъ изъ авторитетнѣйшихъ земскихъ статистиковъ, Н. Н. Романовымъ,—и всѣ собранныя имъ данныя «не даютъ основанія заключать, что въ Вятской губерніи гдѣ либо составляетъ причину совершающихся крестьянскихъ переселеній собственно малая величина крестьянскихъ надѣловъ». — «Величина посѣва на душевой надѣлъ,—говоритъ г. Романовъ,—отнюдь не меньше въ мѣстностяхъ выселеній, чѣмъ у старожиловъ тѣхъ мѣстностей, въ которыя водворяются переселенцы». Причины выселеній нельзя искать и въ дурномъ качествѣ земли—напротивъ, «мѣстности водворенія переселенцевъ въ Вятской губерніи [представляютъ, вообще, низшія достоинствомъ почвы, чѣмъ мѣстности выселеній». Причина переселеній,—таковъ выводъ г. Романова изъ кропотливаго анализа фактовъ,—коренится въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: «покидаемыя переселенцами земли болѣе или менѣе хороши, но урожаи съ нихъ стали уже гораздо хуже прежнихъ и часто бываютъ плохи. Земли эти потеряли значительную часть своей цѣнности отъ вѣковой дурной обработки и очень недостаточнаго удобренія; постепенно, введеніемъ улучшенной системы хозяйства или хотя бы только усиленнымъ удобреніемъ, плодородіе ихъ могло бы быть возстановлено. Но крестьяне для этого средствъ не имѣютъ и потому выселяются». И въ Самарской, Уфимской, Тобольской, Пермской губерніяхъ не можетъ быть рѣчи ни о маломъ количествѣ, ни о безплодіи надѣльныхъ земель; дѣло тоже въ невозможности продолжать вести хозяйство старыми, экстенсивными способами, уже успѣвшими проявить свое исто-

щающее вліяніе на почву. И вотъ, являются попытки противопоставить восточную полосу выселеній средне-русскому переселенческому району. Первую—сколько я знаю—такую попытку дѣлаетъ г. Гурвичъ въ своей, къ сожалѣнію, слишкомъ мало извѣстной книгѣ «Переселенія крестьянъ въ Сибирь». Давая общепринятое объясненіе выселенію изъ центральнаго района—именно, выводя переселеніе отсюда изъ «вліянія недостаточности земельнаго надѣла» и изъ его послѣдствій—г. Гурвичъ основную причину выселеній изъ восточнаго района видитъ «въ кризисѣ экстенсивной земледѣльческой культуры». Еще недавно крестьянинъ не имѣлъ здѣсь надобности удобрять землю—онъ пахалъ плодородныя цѣлины или залежи, успѣвшія возстановить свои силы продолжительнымъ отдыхомъ; сократившійся просторъ дѣлаетъ такое хозяйство невозможнымъ: цѣлины распаханы, залежи не успѣваютъ отдохнуть и возстановить свои производительныя силы, урожаи рѣзко падаютъ,—и земледѣлецъ вынужденъ либо перейти къ хозяйству съ удобреніемъ, либо искать новыхъ, болѣе привольныхъ мѣстъ. «Для всякой земледѣльческой мѣстности—говоритъ г. Гурвичъ,—рано или поздно наступитъ моментъ, дѣлающій необходимымъ переходъ отъ болѣе легкихъ формъ хозяйства къ болѣе сложнымъ и менѣе выгоднымъ. Невозможность удерживать ихъ дольше на старомъ мѣстѣ заставляетъ крестьянина подаваться въ ширь, на свободныя территоріи, еще не знающія земледѣльческой культуры». И такимъ образомъ—заключаетъ нашъ авторъ,—«если для россійскаго (т. е. средне-русскаго. А. К.) крестьянина переселеніе является выходомъ изъ крайне ненормальнаго экономическаго положенія,—въ переселеніяхъ изъ зауральской полосы мы видимъ, напротивъ, проявленіе подмѣченнаго изслѣдователями закона народнаго разселенія».

Какъ читатель увидитъ ниже, авторъ этой книги также строго различаетъ *двоякаго рода причины* переселеній, обозначая причины одной категоріи терминомъ «абсолютное», другой—«относительное малоземелье». Но г. Гурвичъ идетъ дальше и противопоставляетъ другъ другу два крупныхъ *района* выселеній, пріурочивая къ одному изъ нихъ дѣйствіе одной, къ другому—дѣйствіе другой группы причинъ. Такое противоположеніе—на первый взглядъ неизбѣжно вытекающее изъ особенностей населенности, землевладѣнія и хозяйства того и другого района, встрѣчается и до сихъ поръ въ литературѣ вопроса; не вполнѣ послѣдовательно, но оно проводится также и въ мотивахъ новаго переселенческаго закона 6 іюня 1904 года [1]). И тѣмъ не менѣе, такое противоположеніе едва-ли можно признать правильнымъ. Переселеніе изъ юго-восточныхъ губерній есть, несомнѣнно, послѣдствіе культурнаго кризиса; но *послѣднею* причиной этого кризиса

---

1) Записка особаго совѣщанія, стр. 30 и 32. Мы говоримъ, что точка зрѣнія эта проводится въ мотивахъ новаго закона не вполнѣ послѣдовательно, потому что немного ранѣе подробно мотивируется нѣсколько иная точка зрѣнія на вопросъ, весьма близкая къ той, которая была нами высказана въ нашей статьѣ „Къ вопросу о проч. и вѣр. будущ. русск. перес.“ и которая проводится нами на слѣдующихъ страницахъ.

все же является сократившійся просоръ, другими словами—недостатокъ земли. Если надѣлъ въ 8, 12, 15 десятинъ и очень великъ по сравненію съ надѣломъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ среднихъ губерній, то такой надѣлъ уже очень малъ, если его сравнивать съ тѣмъ безграничнымъ просторомъ, при которомъ складывалось залежное хозяйство юго-восточныхъ и сибирскихъ степей или подсѣчное хозяйство русскаго сѣвера. Именно это *сравнительное* или *относительное* малоземелье заставляетъ крестьянина либо переходить къ высшей ступени культуры, либо переселяться. И переходъ, скажемъ, къ правильному трехполью, уже столѣтіе назадъ завершившійся въ центральной Россіи, кажется въ высшей степени труднымъ гдѣ-нибудь въ юго-восточныхъ степяхъ—кажется труднымъ не только самимъ крестьянамъ, но и радѣющимъ объ ихъ интересахъ интеллигентнымъ дѣятелямъ, даже спеціалистамъ-агрономамъ. Съ другой стороны, и для выходцевъ изъ средне-русскаго района лишь въ меньшинствѣ случаевъ можно говорить объ абсолютномъ безземельѣ или малоземельѣ: абсолютная нужда въ землѣ, дѣйствительно, гонитъ на переселеніе бывшихъ дворовыхъ, освобожденныхъ безъ земли, безземельные дворы изъ мѣстностей съ подворнымъ владѣніемъ, владѣльцевъ сильно раздробившихся подворныхъ участковъ, бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ на дарственномъ или «нищенскомъ» надѣлѣ; абсолютный недостатокъ въ землѣ гонитъ съ родины тѣ семьи, которыя уходятъ изъ-за невозможности добиться передѣла; объ абсолютной тѣснотѣ можно говорить, когда причиною переселенія является невозможная конфигурація надѣла, создающая безконечныя потравы или затрудняющая использованіе отдаленныхъ и чрезполосныхъ частей надѣловъ. Но абсолютно малоземельный элементъ имѣется и въ заволжской полосѣ,—достаточно напомнить о тѣхъ десяткахъ тысячъ бывшихъ дворовыхъ и дарственниковъ, устройствомъ которыхъ озабочены Самарская губернская администрація и мѣстное земство; о многочисленномъ контингентѣ бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ въ Пермской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, а также о такъ называемыхъ башкирскихъ припущенникахъ, и указать на то, что крестьяне, получившіе не свыше 2 десятинъ на душу, составляютъ въ Самарской губерніи 4,1%, въ Оренбургской 6,0, въ Уфимской 10,4%, въ Пермской даже 15,7%—больше, нежели въ большинствѣ отпускающихъ переселенцевъ губерній средне-русской полосы. Съ другой стороны, и среди выходцевъ изъ этой послѣдней абсолютно малоземельные элементы составляютъ скорѣе меньшинство, нежели большинство. Точныхъ и исчерпывающихъ данныхъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ,—приходится довольствоваться частью отрывочными данными, полученными при производившихся въ разное время и въ различныхъ условіяхъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, частью данными, хотя и сплошного характера, но не могущими, по способу собиранія свѣдѣній, претендовать на достаточную достовѣрность и точность. Къ этой послѣдней категоріи относятся неоднократно цитированныя оффиціальныя «статистическія данныя по переселенческому дѣлу», собранныя въ 1898 году и относящіяся слишкомъ къ 93 тысячамъ переселенческихъ семействъ,—данныя, которыхъ

точность особенно сомнительна въ вопросѣ о размѣрахъ землевладѣнія, требующемъ, по самому существу дѣла, особенно точнаго выясненія и допускающемъ, въ зависимости отъ самой постановки вопроса, очень разнообразные по степени полноты и точности отвѣты. По этимъ даннымъ средній размѣръ надѣльнаго обезпеченія 93 тысячъ переселенческихъ дворовъ не превышалъ 2,7 десятинъ, падая въ отдѣльные годы до 2,1 и даже 1,8 десятины, а въ другіе поднимаясь до 3, въ 1888 году даже до 4-хъ десятинъ. Болѣе претендовать на точность могутъ данныя, собиравшіяся при статистической регистраціи переселенцевъ на Челябинскомъ пунктѣ,—данныя, извѣстныя намъ, къ сожалѣнію, только за пять лѣтъ, именно за 1894—1896 и 1898—1899 гг. Главнѣйшіе выводы изъ этихъ данныхъ могутъ быть изображены въ видѣ слѣдующей небольшой таблички.

	Въ среднемъ на имѣвшій землю дворъ приходилось десятинъ.					
	1894	1895	1896	1898	1899	Въ итогѣ за пять лѣтъ.
У всѣхъ вообще переселенцевъ .	2,9	4,5	5,1	4,3	5,0	4,7
У выходцевъ изъ главныхъ районовъ выселенія:						
Сѣверн. черноземнаго . .	2,3	4,2	5,2	3,8	4,2	4,1
Средн. „ . .	2,4	3,3	3,3	2,8	3,7	3,5
Восточн. и юговосточн. .	4,3	4,9	4,7	4,1	5,4	4,8

Поражаетъ, прежде всего, рѣзкій скачокъ отъ 1894 къ слѣдующимъ годамъ—средній размѣръ землевладѣнія переселенцевъ, составлявщій въ 1894 году всего 2,9 дес., въ слѣдующіе года колеблется между 4,3 и 5,1 дес. Въ условіяхъ переселенческаго движенія мы не находимъ объясненія для такого скачка—вѣроятно, разница объясняется условіями самого изслѣдованія: можетъ быть, недостаточною выработанностью, въ первомъ году регистраціи, самихъ методовъ опроса,—можетъ быть и тѣмъ, что въ табличномъ матеріалѣ за 1894 годъ не выдѣлены—какъ выдѣлялись позже—семьи, не давшія показаній о размѣрахъ своего земельнаго надѣла. Какъ бы то ни было, неточность или нехарактерность данныхъ за 1894 годъ не можетъ подлежать сомнѣнію, и, наоборотъ, данныя за слѣдующіе года внушаютъ достаточное довѣріе, между прочимъ и потому, что они достаточно близко подходятъ къ цифрамъ, полученнымъ А. А. Станкевичемъ и мною при сплошномъ подворномъ опросѣ въ переселенческихъ поселкахъ Тобольской и Томской губерній: по даннымъ г. Станкевича, тобольскіе переселенцы имѣли въ среднемъ на надѣльный дворъ по 4,5 дес., томскіе переселенцы, изслѣдованные мною,—по 5,9 десятины [1]).

[1]) Къ сожалѣнію, по причинѣ, которая будетъ объяснена въ предисловіи, я лишенъ возможности использовать здѣсь цифры, собранныя экспедиціей по изслѣд. степн. обл. по переселенческимъ поселкамъ степного края.

Было бы въ высшей степени интересно сопоставить эти данныя съ данными относительно землевладѣнія всего вообще крестьянскаго населенія мѣстностей, отпускающихъ переселенцевъ. Къ сожалѣнію, правильно выполнить эту задачу крайне затруднительно или даже невозможно. Въ одной изъ своихъ прежнихъ работъ авторъ этой книги сопоставлялъ среднія цифры землевладѣнія переселенцевъ съ средними для 23 губерній размѣрами землевладѣнія по земско-статистическимъ даннымъ, сведеннымъ г. Благовѣщенскимъ. Разница получалась огромная, ибо средній размѣръ землевладѣнія на надѣльный дворъ по земскимъ даннымъ 11,8 десятинъ. Но такого рода сопоставленіе, очевидно, не правильно: 11,8 дес.—это средняя цифра по нѣсколькимъ десяткамъ губерній, принадлежащихъ къ разнообразнѣйшимъ, по условіямъ земледѣлія и хозяйства, районамъ, какъ отпускающимъ, такъ и не отпускающимъ переселенцевъ. Нѣсколько правильнѣе будетъ сопоставить данныя о среднемъ земельномъ обезпеченіи переселенцевъ изъ разныхъ районовъ со средними данными о землевладѣніи соотвѣтствующихъ районовъ или еще лучше—тѣхъ губерній въ этихъ районахъ, которыя дѣйствительно отпускали переселенцевъ. Соотвѣтственныя цифры имѣются для четырехъ губерній сѣверно-черноземнаго района: Тамбовской 9,4 дес., Орловской 8,1 дес., Курской 8,9 дес., Черниговской 8,7 дес., по одной переселенческой губерніи средне-черноземной полосы, Полтавской,—6,0 дес.; по двумъ губерніямъ южнаго и юго-восточнаго районовъ—Саратовской 12,5 и Самарской 20,5 дес. Крайне рѣзкою разница остается только по южнымъ и юго-восточнымъ губерніямъ,—что заставляетъ даже усомниться въ точности относящихся къ этимъ районамъ цифръ земельнаго обезпеченія переселенцевъ [1])—Но если считать эти цифры достаточно вѣрными и характерными,—то онѣ явятся лишнимъ доказательствомъ невозможности противополагать восточную полосу выселеній, какъ районъ, гдѣ переселеніе обусловливается *не* малоземельемъ, средне-русскому району: 4,8 дес. на надѣльный дворъ—это для Самарской или Саратовской губерніи несравненно болѣе острое малоземелье, нежели 4,7 дес. для сѣвернаго чернозема или 3,5 дес. для Полтавской губерніи... Впрочемъ, и по сѣверному и среднему черноземнымъ районамъ переселенцы оказываются имѣющими вдвое меньше надѣльной земли, нежели все вообще населеніе соотвѣтствующихъ губерній. Но и такой способъ сопоставленія еще весьма далекъ отъ совершенной правильности, потому что въ общія погубернскія цифры входятъ—не говоря уже о разницѣ между отдѣльными уѣздами и мѣстностями—какъ хуже обезпеченные землею, бывшіе помѣщичьи, такъ и бывшіе государственные крестьяне. Не имѣя возможности сдѣлать по первоисточникамъ тѣхъ детальныхъ сопоставленій, которыя были необходимы для точнаго выясненія занимающаго насъ вопроса, обратимъ вниманіе читателя только на одно обстоятельство: именно на то, что 4,2 дес.—средній размѣръ земельнаго обезпеченія

[1]) Для этого района болѣе всего вѣроятны показанія площади одной пашни, вмѣсто всей площади надѣльной земли.

переселенцевъ изъ сѣверно-черноземнаго района въ 1895 году—это приблизительно полуторный, а 5,2 дес.,—среднее земельное обезпеченіе выходцевъ изъ того же района въ 1896 году—почти двойной размѣръ высшаго, на ревизскую душу, надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ такихъ губерній, какъ Курская, Орловская, Тамбовская и т. п.,—т. е. *размѣръ, приблизительно соотвѣтствующій среднему земельному обезпеченію* наличнаго домохозяйства у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Не меньшее, если не большее значеніе, нежели среднія цифры, имѣетъ группировка переселенческихъ семействъ по размѣрамъ землевладѣнія. И здѣсь, къ сожалѣнію, приходится имѣть дѣло съ далеко не полнымъ цифровымъ матеріаломъ. Въ переселенческихъ поселкахъ Томской губерніи, по подворной описи 1894 г., изъ 3,912 дворовъ, давшихъ точныя свѣдѣнія о размѣрахъ землевладѣнія на родинѣ, около одной пятой части, или 21,9%, были безземельными или имѣли не свыше одной десятины; почти треть—30,6%—имѣла отъ 1 до 3 дес.; около одной шестой—15,7% — имѣло отъ 3 до 5 десятинъ, т. е. земельное обезпеченіе, болѣе или менѣе приближающееся къ среднему земельному обезпеченію бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ центральныхъ губерніяхъ; наконецъ землевладѣніе почти трети—32,8%, превышало эту послѣднюю величину, причемъ 13,8%, или около одной седьмой всего числа, имѣло свыше десяти десятинъ и, слѣдовательно, могло быть отнесено къ числу изобильно надѣленныхъ землею.

Нѣсколько иныя цифры даетъ намъ челябинская регистрація 1894—1896 и 1898 и 1899 годовъ:

% дворовъ.	У всѣхъ зарегистрирован. переселенцевъ.	У выходцевъ изъ районовъ: сѣверно-черноземн.	средне-черноземн.	восточн. и юго-восточ.
Безземельн. и съ надѣл. до 1 десят.	21	24	27	21
Съ надѣл. 1—3 дес.	29	32	39	28
„ „ 3—5 „	19	18	18	18
„ „ болѣе 5 „	30	27	16	32
Изъ нихъ имѣющихъ болѣе 10 дес.	6,0	3,2	1,2	6,7

Цифры эти, прежде всего, являются дальнѣйшимъ опроверженіемъ существованія какой либо принципіальной разницы между восточнымъ и средне-русскими районами: процентъ абсолютно-малоземельныхъ переселенцевъ изъ восточнаго хотя и нѣсколько ниже, нежели среди переселенцевъ изъ сѣверно-черноземнаго района,— но разница эта болѣе нежели уравновѣсится, если принять во вниманіе различное значеніе *десятины* въ центрѣ и въ заволжскихъ степяхъ. Если теперь разсмотрѣть какъ общія для всѣхъ вообще переселенцевъ цифры, такъ и въ отдѣльности цифры для главнаго района выселеній—сѣвернаго черноземнаго, то окажется, что землевладѣніе около одной пятой общаго числа зарегистрированныхъ переселенцевъ болѣе или менѣе приближалось къ принятой нами для сопоставленія нормѣ—

къ среднему обезпеченію бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ полный надѣлъ,—а почти треть имѣла земельные надѣлы, превышавшіе эту среднюю норму, и слѣдовательно уже ни въ какомъ случаѣ не могла быть отнесена къ числу малоземельныхъ элементовъ мѣстнаго крестьянскаго населенія. Замѣтно менѣе благопріятно распредѣленіе переселенцевъ по средне-черноземному району, но здѣсь вѣдь и средній размѣръ земельнаго обезпеченія значительно ниже, нежели въ сѣверно-черноземномъ районѣ.

Небезполезно, затѣмъ, привести на справку нѣсколько цифръ, могущихъ дать понятіе о размѣрахъ землевладѣнія на западѣ Европы. Такое сопоставленіе поможетъ намъ пролить свѣтъ на дѣйствительный характеръ «малоземелья» переселенцевъ изъ средней полосы Россіи. Изъ поземельной статистики извѣстно, что во Франціи 84,7% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 10 гектаровъ, или 9,15 дес. каждая,—въ среднемъ же у этихъ 84,7% приходится по 2,6 гект., или 2,4 десятины; 38% общаго числа землевладѣльцевъ имѣетъ не свыше одного гектара, или 0,9 дес. на семью. Въ Баденѣ 72% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 3,6 гект., еще 17,5 —отъ 3,6 до 7,2% гектара каждый; въ Бельгіи почти двѣ трети 65% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 0,55 гект. на семью. Очевидно, что если мѣстности средней Россіи, выпускающія переселенцевъ, кажутся намъ малоземельными, то съ точки зрѣнія французскаго, фламандскаго или баденскаго поселянина, ведущаго, при помощи искусственныхъ удобреній, крайне интенсивное, почти огородное хозяйство съ плодосмѣннымъ сѣвооборотомъ и стойловымъ содержаніемъ скота, тѣ же средне-русскія губерніи показались бы столь же богатыми землею, какъ изобилуютъ землею, на взглядъ нашего переселенца, зауральскія или сибирскія губерніи! И въ средней Россіи, такимъ образомъ, малоземелье является только *относительнымъ*: какъ для тобольскаго или самарскаго крестьянина не было бы рѣчи объ «утѣсненіи», если бы онъ промѣнялъ залежное хозяйство или пестрополье на правильное, хотя бы на первый разъ безнавозное трехполье, или началъ чередовать свои посѣвы съ чернымъ паромъ,—такъ крестьянинъ средней полосы могъ бы существовать безбѣдно, если бы имѣлъ возможность и сумѣлъ перейти отъ пестрополья или отъ трехполья безъ навоза къ навозному трехполью, или обратился къ травосѣянію тамъ, гдѣ чрезмѣрное расширеніе запашекъ создало недостатокъ въ естественныхъ покосахъ и выгонахъ. Говорятъ, что онъ этого не можетъ и не умѣетъ сдѣлать. Намъ придется остановиться на этомъ возраженіи черезъ нѣсколько страницъ—пока намъ достаточно замѣтить, что самарскій крестьянинъ чувствуетъ себя совершенно такимъ же безпомощнымъ передъ своими четырьмя или шестью, тобольскій—передъ своими восемью или десятью десятинами, какъ курянинъ или полтавецъ передъ одною или двумя десятинами на душу,—и что наша агрономія также точно не выработала соотвѣтствующаго современнымъ условіямъ сѣвооборота для самарскихъ или акмолинскихъ степей, какъ она не выработала его для Тульской или Черниговской губерніи.

Конечно, все это отнюдь не можетъ претендовать на особенную новизну. Еще кн. Васильчиковъ высказывалъ убѣжденіе, что «коренная причина, стѣсняющая сельское хозяйство» средне-русской черноземной полосы и заставляющая жителей «искать промысловъ и работъ на чужихъ земляхъ, лежитъ не столько въ малоземельѣ, сколько въ распущенности и закоснѣлости земледѣлія, живущаго, если можно такъ выразиться, на образцахъ и примѣрахъ прошлаго невозвратнаго простора и разгула»... Гораздо ближе и главное—конкретнѣе подходитъ къ вопросу В. Н. Григорьевъ, разбирая вопросъ о причинахъ выселеній изъ южныхъ, черноземныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи. «Непремѣннымъ условіемъ выхода на новыя земли является—говорилъ онъ,—несоотвѣтствіе количества надѣльной земли съ рабочими силами переселенцевъ». Формулировка, позволяющая предположить наличность *абсолютнаго* малоземелья. Но дальше авторъ останавливается передъ противурѣчащимъ приведенному объясненію фактомъ, что переселенческое движеніе, принявшее въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи такіе значительные размѣры, почти не существуетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, гдѣ и количество надѣльной земли меньше, и качество ея значительно хуже, нежели на югѣ. «Крестьянинъ юга губерніи—говоритъ по этому поводу г. Григорьевъ—почти исключительно земледѣлецъ»; на сѣверѣ «незначительное количество земли давно уже выработало для крестьянина.... типъ полупромысловаго крестьянина, занимающагося плотничествомъ и другими заработками на мѣстѣ и на сторонѣ». Еще важнѣе, съ нашей точки зрѣнія, другое: въ южныхъ уѣздахъ «обработка надѣльной земли и самая система полеводства *гораздо ближе стоятъ къ первобытнымъ способамъ веденія хозяйства*: тогда какъ въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьянская пашня вездѣ разбита на три поля, на югѣ Раненбургскаго уѣзда до послѣдняго времени много пестрополья; въ Рязанскомъ уѣздѣ весь навозъ идетъ на поля, въ южныхъ уѣздахъ масса паровыхъ полей остается безъ удобренія.... въ Рязанскомъ уѣздѣ дѣлаютъ двѣ или три вспашки при посѣвѣ овса, три вспашки для озимаго хлѣба и 4—5 разъ перепахиваютъ подъ просо; въ южныхъ уѣздахъ вспашка просяного поля рѣдко производится болѣе трехъ разъ, ржаного и ярового—обыкновенно только два раза и т. д.». Понятно—заключаетъ почтенный изслѣдователь, «что плохая (въ южныхъ уѣздахъ) обработка почвы, плохое удобреніе полей, пестрополье и *переживаемый или только что пережитый сельскохозяйственный моментъ замѣны его трехпольемъ*,—все это не можетъ не отразиться на мѣстномъ крестьянинѣ; быстро падающіе урожаи и временное сокращеніе посѣвовъ должны усиливать переселенческое движеніе. *Для Рязанскаго и другихъ уѣздовъ сѣвера губерніи пора такого кризиса миновала*» (курсивы мои. А. К.).

Вотъ гдѣ наиболѣе глубокое рѣшеніе вопроса объ основной причинѣ переселеній изъ средне-русскаго района: причина эта—*кризисъ существующей системы хозяйства*; переселеніе растетъ именно тамъ, гдѣ крестьянство переживаетъ критическій моментъ замѣны безнавознаго парового хозяйства навознымъ трехпольемъ, или гдѣ назрѣло введеніе траво-

сѣянія, слѣдовательно—замѣна трехполья слѣдующею высшею формою хозяйства, и оно останавливается по миновании этого кризиса. Конечно, самый кризисъ есть результатъ перенаселенія и недостатка въ землѣ,—но перенаселенія *не абсолютнаго*, а *относительнаго*, и относительнаго же, а не абсолютнаго малоземелья, и дальнѣйшее сокращеніе земельнаго простора, заставляя населеніе найти выходъ изъ кризиса, тѣмъ самымъ способствуетъ сокращенію или даже прекращенію переселенческаго движенія. «Излишекъ или недостатокъ населенія данной мѣстности—говорилъ другой, тоже многократно цитированный изслѣдователь, Н. Н. Романовъ, можно правильно опредѣлять только въ отношеніи со всѣми существующими условіями народнаго хозяйства». И указанія такого же характера въ изобиліи разбросаны въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. «Исторія переселенческаго вопроса—говоритъ напримѣръ Виленскій уѣздный комитетъ, ясно доказала, что многіе крестьяне съ 5-десятиннымъ и большими надѣлами бросали свои земли и переселялись въ Сибирь, тогда какъ другіе съ значительно меньшими надѣлами, благодаря побочнымъ производствамъ, крѣпко привязывались къ своей землѣ и живутъ въ извѣстномъ довольствѣ,—а это подтверждаетъ, что благосостояніе крестьянина во многомъ зависитъ отъ его интеллектуальной производительности, но вовсе не отъ малоземелья». Рядъ комитетовъ Кіевской губерніи—какъ извѣстно одной изъ наиболѣе малоземельныхъ—не признаетъ потребности въ переселеніи по тому соображенію, что «Кіевская губернія находится въ такихъ благопріятныхъ почвенныхъ, климатическихъ и экономическихъ условіяхъ, что для прироста своего населенія она даетъ еще достаточно средствъ и заработковъ, въ особенности если осуществится значительное улучшеніе крестьянскаго хозяйства»; Роменскій комитетъ «не признаетъ, чтобы теперь существовало малоземелье въ размѣрахъ угрожающихъ существованію спокойствію общества»—для массы населенія «не въ малоземельѣ бѣда, а въ плохой обработкѣ земли и въ отсталости пріемовъ хозяйства: если вмѣсто 40 пудовъ съ десятины получить 80, то это равносильно расширенію землевладѣнія вдвое, а 80-пудовый урожай не есть что либо недосягаемое и не предѣлъ урожайности»... [1])

Итакъ, повторяю, противополагать другъ другу средне-русскій и восточный, заволжскій переселенческій районъ нѣтъ основанія. И въ томъ и другомъ районѣ переселеніе, для главной массы переселенцевъ,—результатъ одной и той же основной причины: *относительнаго перенаселенія и проистекающаго изъ него малоземелья,—и кризиса существующей въ той или другой мѣстности системы хозяйства и полеводства;* будетъ ли относительное малоземелье выражаться въ цифрахъ 50 (у кочевниковъ!) 25, 15, 10, 5 или 2 десятины на душу, — будетъ ли переживающая кризисъ система пастбищною, залежною, пестропольною, паровою безъ удобренія или даже навознымъ трехпольемъ, — это уже частности, не измѣняющія

---

[1]) Труды, Вилен. 89, Кіев. 298, 65, Полт. 776—7.

существа указываемой мною основной причины переселеній. И вездѣ этотъ кризисъ рисуется сознанію населенія въ видѣ остраго малоземелья: киргизъ, переживающій кризисъ кочевого скотоводства, или сибирякъ, утратившій возможность свободной заимки земель и оставшійся на 15-десятинномъ надѣлѣ, такъ же убѣжденно и съ такимъ же основаніемъ жалуется на «тѣсноту», какъ самарецъ, сидящій на четырехъ или пяти десятинахъ или тулякъ на полуторадесятинномъ на наличную душу надѣлѣ.

Понятія абсолютнаго и относительнаго малоземелья имѣютъ, съ нашей точки зрѣнія, фундаментальное значеніе для сужденія какъ о *причинахъ* переселеній, такъ и о возможномъ *вліяніи* ихъ на крестьянское землевладѣніе и хозяйство. И для насъ чрезвычайно важно точно установить значеніе каждаго изъ этихъ терминовъ, какъ мы будемъ употреблять ихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи: подъ *абсолютнымъ* малоземельемъ мы будемъ разумѣть обезпеченность землею, значительно меньшую противъ существующаго въ данной мѣстности средняго размѣра землевладѣнія, — такое положеніе крестьянскаго землевладѣнія, при которомъ *ничтожные размѣры надѣловъ исключаютъ самую возможность перехода къ высшимъ пріемамъ хозяйства*,—при которомъ надѣлы могли бы стать достаточными лишь при столь высокихъ и интенсивныхъ культурахъ, которыя совершенно не отвѣчаютъ современнымъ или возможнымъ въ ближайшемъ будущемъ экономическимъ и культурнымъ условіямъ страны. Абсолютно малоземельныя общества — это тѣ, для которыхъ, по свидѣтельству департамента земледѣлія «нельзя допустить возможности не только введенія улучшенныхъ системъ полеводства, но и вообще сколько нибудь правильной полевой культуры», и которыхъ экономическое положеніе, поэтому, не можетъ быть улучшено никакими другими способами, кромѣ увеличенія размѣровъ надѣльнаго землевладѣнія. Подъ *относительнымъ* малоземельемъ мы разумѣемъ, такъ сказать, субъективную форму, въ которой ощущается населеніемъ кризисъ выработавшагося при извѣстной густотѣ населенія и при извѣстныхъ среднихъ размѣрахъ землевладѣнія хозяйственнаго строя, — кризисъ, который самъ собой минуетъ, когда устарѣлые способы и пріемы хозяйства уступятъ мѣсто другимъ, требуемымъ данными условіями населенности и землевладѣнія,—который устранится съ переходомъ, такъ сказать, на слѣдующую по порядку ступень хозяйственнаго и культурнаго развитія.

Но не академическій ли характеръ имѣетъ, спрашивается, проводимое нами различіе между двумя видами малоземелья? Вѣдь для того, чтобы осуществился переходъ на слѣдующую культурно хозяйственную ступень, нужна не только необходимость и доброе желаніе, но также и *возможность*, обусловливаемая въ свою очередь наличностью необходимыхъ знаній и матеріальныхъ средствъ. А гдѣ ихъ взять нашему крестьянину, при его слишкомъ извѣстной некультурности и бѣдности, граничащей съ нищетою? А разъ онъ не имѣетъ ни матеріальныхъ, ни духовныхъ средствъ, то не является ли переселеніе и для такого крестьянина единственнымъ исходомъ

изъ невыносимаго положенія вещей? Очень многіе отвѣчаютъ утвердительно на поставленный такимъ образомъ вопросъ. «Несомнѣнно— говоритъ Ѳ. Г. Тернеръ [1]), разбирая формулированную авторомъ этой книги теорію абсолютнаго и относительнаго малоземелья, улучшеніе культуры во многихъ случаяхъ было бы въ состояніи нейтрализовать ощущаемое въ данный моментъ малоземелье,—но въ мѣстностяхъ, въ которыхъ приходится не болѣе 2 десятинъ на хозяйство, улучшеніе культуры составляетъ отвлеченное понятіе, ибо тутъ приходится уже почти переходить къ садовой и огородной культурѣ» [2])...

Но дѣйствительно ли возможность интенсификаціи хозяйства — *только отвлеченное понятіе?* Мы не можемъ, къ сожалѣнію, входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса,—для этого пришлось бы написать отдѣльную книгу не меньшаго размѣра, нежели предлагаемая читателю. Но для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что некультурность нашего крестьянина не есть непреодолимое препятствіе къ осуществленію тѣхъ хозяйственныхъ улучшеній, необходимость которыхъ вызывается самою жизнью: наше хозяйство вообще и сельское хозяйство въ частности никогда не стояло неподвижно на одномъ мѣстѣ, и нынѣ достигнутымъ въ каждой данной мѣстности пріемамъ и системамъ сельскаго хозяйства предшествовали другія, которыя въ свое время такъ же точно казались единственно возможными, какъ теперь кажутся нынѣ существующіе способы и пріемы. И вездѣ — и въ залежной, и въ пестропольной, и въ трехпольной полосѣ среди крестьянства замѣчаются прогрессивныя теченія, замѣчаются факты, которые доказываютъ, что крестьяне весьма охотно усваиваютъ необходимыя хозяйственныя улучшенія, разъ они убѣдились въ ихъ выгодности: достаточно напомнить быстрое развитіе травосѣянія въ нѣкоторыхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, гигантскій ростъ маслодѣлія въ юго-западной Сибири, вызвавшій уже и здѣсь появленіе и быстрое распространеніе травосѣянія, или феноменально быстрое распространеніе улучшенныхъ орудій и машинъ вездѣ, гдѣ дѣйствуютъ казенные или земскіе склады. «Мудрено доказывать — говоритъ, въ нѣсколько иной связи, А. И. Чупровъ, недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ послѣ того, какъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ многія тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи съ успѣхомъ осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлію—перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ,—дальнѣйшіе шаги уже гораздо легче». [3])...

---

[1]) Назв. соч., стр. 145.

[2]) Отмѣтимъ небольшую обмолвку: г. Тернеръ говоритъ о мѣстностяхъ, гдѣ приходится по 2 дес. *на хозяйство*—очевидно, рѣчь идетъ о мѣстностяхъ съ землевладѣніемъ по 2 дес. *на душу* мужского пола, какъ видно между прочимъ и изъ поясненій, приводимыхъ г. Тернеромъ въ подстрочномъ примѣчаніи. А это—существенная разница, ибо едва ли кто либо согласится съ тѣмъ, что 2 десятины на душу или приблизительно шесть десятинъ на семью не могутъ обезпечить населенія иначе, какъ при огородной культурѣ.—

[3]) См. „Русск. Вѣд.“, 1904 г., №№ 89, 98 и 125, статьи „Мелкое земледѣліе въ Россіи и его основныя нужды“.

Крестьянину недостаетъ, правда знаній,—эти знанія ему *должны* быть доставлены,—пути для этого уже намѣчены земскою агрономическою организаціей, которая требуетъ только количественнаго развитія и необходимыхъ средствъ. Крестьянину недостаетъ средствъ,—но необходимость затраты крупныхъ средствъ на улучшеніе крестьянскаго хозяйства и вообще—на поднятіе крестьянскаго благосостоянія въ настоящее время едва ли въ комъ либо возбуждаетъ сомнѣнія,—да вѣдь безъ крупныхъ затратъ невозможно и количественное распространеніе крестьянскаго землевладѣнія. Но главное: если улучшеніе хозяйства—*отвлеченное* понятіе, то какія мѣры—какія *серьезныя, реальныя* мѣры, могли бы замѣнить такое улучшеніе? Расширеніе землевладѣнія, въ частности переселеніе? Но даже такой сторонникъ переселеній какъ г. Пѣшехоновъ, рѣшительно отвергаетъ то «новое переселеніе народовъ», которое одно только и могло бы привести къ достаточному разрѣженію населенія во всѣхъ «относительно» перенаселенныхъ мѣстностяхъ. А между тѣмъ, чтобы позволить тоболяку благоденствовать при залежномъ хозяйствѣ, курянину—при безнавозномъ паровомъ хозяйствѣ, вологжанину—при трехпольѣ съ навознымъ удобреніемъ, не хватило бы никакихъ земельныхъ запасовъ, и даже полный раздѣлъ между крестьянами всей территоріи Европейской Россіи не привелъ бы къ сколько нибудь существенному улучшенію положенія вещей. Остается такимъ образомъ альтернатива: либо признать возможность и настоятельную необходимость коренного улучшенія крестьянскаго хозяйства и направить въ эту сторону все вниманіе общества и государства,—либо признать положеніе безысходнымъ и спокойно ожидать полнаго экономическаго упадка нашего крестьянства...

Установивъ такимъ образомъ основную причину переселеній — относительное малоземелье и кризисъ существующей системы земледѣльческаго хозяйства, намъ не трудно будетъ объяснить себѣ тотъ фактъ, что среди переселенцевъ замѣтно, а еще недавно очень сильно преобладали сравнительно хорошо обезпеченные землею, бывшіе государственные крестьяне. По даннымъ Томскаго переселенческаго пункта за 1884—1893 гг. въ числѣ прошедшихъ черезъ Томскъ переселенцевъ значится бывшихъ государственныхъ 1.008 семей, бывшихъ помѣщичьихъ—5.489, другихъ наименованій 2.524 семьи. Въ изслѣдованныхъ авторомъ этой книги поселкахъ Томской губерніи оказалось бывшихъ государственныхъ 2.121 семья, бывшихъ помѣщичьихъ 1.850, удѣльныхъ 170 семей, въ переселенческихъ поселкахъ Алтайскаго округа, изслѣдованныхъ статистическою экспедиціею общества любителей изслѣдованія Алтая — бывшихъ государственныхъ 10.202, помѣщичьихъ 4.355, крестьянъ всѣхъ другихъ наименованій 557 семействъ [1]), по даннымъ челябинской статистики за 1898 и 1899 гг. первыхъ 25.799, вторыхъ 20.667, бывшихъ удѣльныхъ 1.131 семья. До извѣстной степени это явле-

[1]) Здѣсь также не могли быть использованы данныя экспедиціи по изслѣдованію Степн. обл.).

ніе можетъ быть отнесено на счетъ значительнаго участія въ переселеніи, особенно въ прежніе годы, сѣверо-восточныхъ губерній, гдѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нѣтъ или очень мало. Но преобладаніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ не исчезаетъ и въ томъ случаѣ, если разсматривать опубликованныя данныя о переселенцахъ изъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Такъ по даннымъ земскихъ изслѣдованій, выселилось:

	Изъ Рязанской губ.: Душъ.	Въ % къ населенію	Изъ Курской губерніи: Душъ.	Въ % къ населенію
Бывшихъ государств. четв.	4.569	13	7.702	8,4
„ „ душев. . . .	11.143	5	3.661	4,7
„ помѣщичьихъ.	6.726	4	6.819	5,5

Въ трехъ уѣздахъ Самарской губерніи, по которымъ имѣются соотвѣтственныя данныя, процентъ переселившихся составляетъ: въ Бузулукскомъ у государственныхъ 4,3%, у удѣльныхъ 0,5, у помѣщичьихъ 0,2%; по Бугульминскому уѣзду соотвѣтственныя цифры 2,5, 6,5 и 1,0%, по Бугурусланскому 3,8, 4,4 и 1,7%; среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ Вятской губерніи, по свидѣтельству г. Романова, имѣющихъ вдвое большіе земельные надѣлы, нежели у живущихъ по смежности съ ними бывшихъ удѣльныхъ, переселенія достигаютъ значительнаго развитія, тогда какъ, напротивъ, у удѣльныхъ переселенія были, въ общемъ, очень незначительны.

Преобладаніе среди переселенцевъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ можетъ быть, до извѣстной степени, сведено къ дѣйствію ряда побочныхъ обстоятельствъ, отмѣченныхъ г. Григорьевымъ и другими земскими статистиками: бóльшаго у бывшихъ государственныхъ крестьянъ прироста населенія, менѣе развитыхъ мѣстныхъ заработковъ и меньшей возможности арендованія внѣнадѣльной земли, большей состоятельности, открывающей имъ большую возможность предпринимать переселеніе. Но всѣ эти обстоятельства не могли бы замаскировать дѣйствіе основной причины переселеній, если бы эта причина дѣйствительно заключалась въ абсолютно-недостаточномъ размѣрѣ земельныхъ надѣловъ: среди переселенцевъ все-таки должны были бы преобладать не *болѣе*, а *менѣе* обезпеченныя землею группы крестьянъ. Но разсматриваемое явленіе сразу утрачиваетъ свой парадоксальный характеръ, если свести основную причину переселеній къ *относительному* перенаселенію и къ обусловленному имъ сельскохозяйственному кризису: тогда окажется, что бывшіе помѣщичьи крестьяне менѣе выселяются именно вслѣдствіе того, что они получили меньшіе земельные надѣлы, и что критическая эпоха, благодаря этому, наступила и миновала для нихъ раньше, нежели для бывшихъ государственныхъ. На такую зависимость бóльшаго развитія переселеній среди государственныхъ крестьянъ отъ еще переживаемаго ими, а у бывшихъ помѣщичьихъ уже закончившагося, хозяйственнаго кризиса указываетъ, правда мимоходомъ, и В. Н. Гри-

горьевъ въ своемъ изслѣдованіи Рязанскихъ переселеній [1]). А составители земскаго статистическаго сборника по Ставропольскому уѣзду свидѣтельствуютъ, что «всѣ крестьянскія общины на четвертномъ государственномъ надѣлѣ и всѣ помѣщичьи на выкупѣ почти безъ исключенія пашутъ паровое поле по три раза, между тѣмъ какъ государственные и удѣльные, имѣющіе сравнительно большій надѣлъ, обработку парового поля ведутъ двойною вспашкой». Это, конечно, частность,—но частность, на конкретномъ фактѣ иллюстрирующая подмѣченное еще Чаславскимъ общее явленіе: хозяйство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, очутившись передъ стѣною дѣйствительнаго малоземелья, нашло себѣ выходъ въ качественномъ улучшеніи земледѣлія, устранившемъ необходимость въ переселеніи, тогда какъ бывшіе государственные крестьяне еще не могутъ порвать съ пережитками первобытнаго экстенсивнаго хозяйства и потому продолжаютъ переселяться [2]).

Исходя изъ той-же основной причины переселеній—относительнаго перенаселенія и кризиса данной системы хозяйства, намъ нетрудно будетъ объяснить и то двойное переселенческое движеніе, которое наблюдается въ довольно многихъ мѣстностяхъ Европейской и даже Азіатской Россіи: тѣ 15, 8, даже 5 десятинъ на душу, которыя вызываютъ кризисъ, а слѣдовательно и переселеніе, въ Тобольской, Уфимской или Самарской губерніяхъ,—еще огромный просторъ и большая приманка для бывшаго помѣщичьяго крестьянина среднихъ губерній, получившаго $2^3/_4$ дес. на ревизскую душу и имѣющаго нынѣ 4—5 десятинъ на дворъ. И останься переселенецъ при принесенныхъ съ собою съ родины хозяйственныхъ пріемахъ, его благосостояніе было бы обезпечено на нѣсколько поколѣній. Но на практикѣ дѣло обстоитъ не такъ: переселенцы на новыхъ мѣстахъ регрессируютъ въ своемъ хозяйствѣ, усваиваютъ тѣ несравненно болѣе первобытные пріемы и системы полеводства, какіе сложились здѣсь при уже отходящемъ или отошедшемъ въ область прошлаго безграничномъ просторѣ [3]). И тотъ 15-десятинный переселенческій надѣлъ, котораго, скажемъ, при трехпольѣ съ удобреніемъ хватило бы на много поколѣній, при залежномъ хозяйствѣ скоро становится тѣснымъ для переселенца, а при 8 или 10 десятинахъ на душу для него наступаетъ такой же точно кризисъ, какой двинулъ его на первое переселеніе.

Повторяю еще разъ: основною причиною переселеній является, вообще говоря, относительное малоземелье и обусловливаемый имъ кризисъ данной системы земледѣльческаго хозяйства. *Рядомъ* съ этою

1) Назв. соч., стр. 83.

2) Приведенныя соображенія справедливы собственно для того момента, къ которому относятся легшія въ основу ихъ фактическія данныя. Всѣ цитированные земскіе сборники относятся къ 80-мъ годамъ — съ тѣхъ поръ, въ той или иной мѣстности, кризисъ могъ закончиться у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и напротивъ у бывшихъ помѣщичьихъ могъ наступить новый кризисъ и повлечь за собой новыя переселенія.

3) Объ этомъ подробнѣе см. ниже, въ гл. III-й.

основною причиной, несомнѣнно играетъ роль и абсолютное малоземелье или абсолютная нужда въ землѣ—нужда, неустранимая никакими улучшеніями крестьянскаго надѣльнаго хозяйства. Казалось бы, такая абсолютная нужда должна гнать съ родины несравненно большее число переселенцевъ, нежели относительное малоземелье. Но въ дѣйствительности это не такъ: съ одной стороны, абсолютно-малоземельные, если они не успѣли обосновать своего благосостоянія на чемъ-либо другомъ, кромѣ земледѣлія, *не имѣютъ средствъ*, чтобы переселяться. Съ другой стороны, значительная часть абсолютно-малоземельнаго или безземельнаго населенія настолько отстала отъ земли, что для нея уже не возникаетъ и вопроса о переселеніи. Сошлюсь только на одинъ примѣръ—на крайне малоземельное горнозаводское населеніе Пермской и другихъ сѣверо-восточныхъ губерній. Населеніе это совершенно не участвуетъ въ переселенческомъ движеніи, и вопросъ о его переселеніи возникаетъ лишь тогда, когда прекращается работа на заводахъ, дававшихъ ему обезпеченный, хотя и не легкій и, можетъ быть, не выгодный заработокъ. Да и то—далеко не всегда, потому что горнозаводское населеніе даже и при сокращеніи или прекращеніи заработковъ отнюдь не стремится къ полученію земельнаго надѣла и къ переходу на земледѣльческое хозяйство. Въ 1903 году надвигался кризисъ горнозаводской промышленности въ Оренбурго-Уфимскомъ районѣ, и администрація очень старалась о томъ, какъ бы устроить заводскихъ крестьянъ на земельные надѣлы. А между тѣмъ населеніе Авзянопетровскихъ и нѣкоторыхъ другихъ заводовъ наотрѣзъ отказалось отъ связаннаго съ переселеніемъ отвода земельнаго надѣла; рабочіе вездѣ выражали твердую увѣренность, что либо возобновятся заводскія работы, либо явятся другіе, подобные же заработки, и потому рѣшительно не желали переселяться и переходить къ земледѣльческому хозяйству.

Затѣмъ, дѣйствіе общихъ причинъ—абсолютнаго или относительнаго малоземелья—очень часто обостряется и осложняется: иногда—одностороннимъ составомъ угодій, именно отсутствіемъ или недостаткомъ естественныхъ покосовъ, выгоновъ, лѣса—отсутствіе покосовъ въ сѣверныхъ губерніяхъ создаетъ малоземелье при весьма значительныхъ общихъ размѣрахъ земельнаго надѣла; иногда—безплодностью или вообще плохимъ качествомъ почвы, размываніемъ надѣльной земли оврагами, занесеніемъ ея песками, плохимъ водоснабженіемъ; иногда—неудобною конфигураціею, растянутостью или чрезполосностью надѣловъ и проистекающими отсюда столкновеніями изъ-за потравъ, затруднительностью унаваживанія дальнихъ пашенъ, трудностью правильной ихъ обработки, иногда наконецъ—отсутствіемъ по близости земель, способныхъ служить для крестьянъ арендным фондомъ и вытекающею отсюда дороговизною, вообще—стѣснительностью условій арендованія.

Но всѣ эти причины, сами по себѣ, образуютъ лишь *почву*, на которой можетъ развиться, но можетъ и не развиться переселенческое движеніе. Онѣ создаютъ ненормальное, нерѣдко нестерпимое положеніе, изъ котораго необходимо нуженъ *какой-нибудь* выходъ.

Но онѣ еще вовсе не предрѣшаютъ, что такимъ выходомъ будетъ *непремѣнно переселеніе*, а не усиленное развитіе отхожихъ заработковъ или городского и фабричнаго отхода, не арендованіе государственныхъ или частновладѣльческихъ земель и т. п. Чтобы развивающаяся на этой почвѣ потенціальная энергія превратилась въ кинетическую, требуется еще какой либо толчекъ—которымъ можетъ послужить то или другое второстепенное, нерѣдко случайное обстоятельство. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ неурожаи: «въ бѣдственные годы неурожаевъ, писалъ еще 20 лѣтъ тому назадъ г. Григорьевъ, всѣ хроническія неудобства особенно обостряются, сильнѣе ощущаются всѣми, а тѣмъ болѣе чисто-земледѣльческими мѣстностями. Въ такіе годы вѣсти, доходящія изъ хлѣбородной и просторной стороны, особенно привлекательны. Зажиточный мужикъ, проѣвшій въ голодный годъ кой-какія запасенныя средства, продаетъ остальное, надѣясь въ хлѣбородной странѣ прочнѣе обставить себя и дѣтей на случай такого несчастья; хозяйство средняго крестьянина сильно расшатано неурожаемъ,—онъ также спѣшитъ въ мѣста, гдѣ дешевъ хлѣбъ, гдѣ трудъ, прилагаясь къ плодородной почвѣ, болѣе производителенъ; замотавшійся бѣднякъ и безысходная нужда идутъ туда же—«хуже не будетъ», и въ концѣ концовъ каждый неурожай сопровождается рѣзкимъ увеличеніемъ числа переселенцевъ. Такую же роль могутъ играть разныя случайныя бѣдствія въ родѣ пожара, наводненія, продажи имущества за недоимки; разныя обстоятельства, ведущія къ сокращенію арендпаго фонда—напримѣръ, появленіе въ какой либо мѣстности сахарныхъ заводовъ, переходъ помѣщиковъ отъ арендаторскаго хозяйства къ экономической запашкѣ,—или сокращеніе подспорныхъ заработковъ крестьянъ; сильно разросшіяся семьи нерѣдко уходятъ съ родины изъ-за невозможности добиться передѣла—въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, толчекъ къ выселенію даетъ отобраніе части земли при состоявшемся передѣлѣ. «Ѣдутъ въ Сибирь—говоритъ авторъ многократно цитированной статьи, г. С. Ф.,—главнымъ образомъ или разорившіеся, или стоящіе наканунѣ разоренія, и гонитъ ихъ туда стремленіе поправить свое упавшее или падающее хозяйство и найти на сибирскихъ земляхъ приложеніе своимъ силамъ»; притомъ—*въ особенности* стоящіе *наканунѣ* разоренія, потому что—по въ высшей степени вѣрному замѣчанію одного изъ членовъ Полтавскаго губернскаго комитета—«сознаніе о нуждѣ, о возможности ея усиленія, угнетаетъ домохозяевъ, стоящихъ на рубежѣ обезпеченія и нищеты, быть можетъ, въ большей мѣрѣ, чѣмъ менѣе обезпеченныхъ землею, но уже приспособившихся къ существующимъ условіямъ» [1]). Но изъ формулированнаго подобнымъ образомъ общаго правила наблюдаются и многочисленныя исключенія. Среди переселенцевъ немало и такихъ, которые вовсе не испытывали никакого недостатка въ землѣ и никакой нужды, а оставляютъ родину въ предвидѣніи еще только могущаго наступить утѣсненія, или для того, чтобы найти большій просторъ для рабочихъ силъ своей семьи

---

[1]) Полтав. 71.

и для своего капитала. «Для семей состоятельныхъ—говоритъ тотъ же г. С. Ф., мотивы переселенія могутъ быть иногда и случайные: ѣдутъ и къ роднымъ, и изъ-за семейныхъ несогласій, или религіозныхъ побужденій; нѣкоторые ищутъ приложенія для своего капитала въ какомъ либо предпріятіи на сибирской почвѣ—богатые таврическіе овцеводы ищутъ, напримѣръ, земель подъ выпасъ овецъ, вологодскіе и архангельскіе зыряне-охотники изъ печерскихъ лѣсовъ перебираются въ сибирскую тайгу исключительно изъ-за охоты, и т. п. Есть среди переселяющихся и совершенно исключительный типъ переселенцевъ-колонизаторовъ—преимущественно, замѣтимъ отъ себя, изъ раскольниковъ и сектантовъ: они забираются въ самые глухіе углы и живутъ тамъ лишь до тѣхъ поръ, пока нѣтъ вблизи сосѣдей, а разъ послѣдніе появились, эти неспокойные люди идутъ дальше и ищутъ новаго уединенія» [1]). Не можетъ затѣмъ подлежать сомнѣнію, что переселеніе иногда принимаетъ стихійный, почти эпидемическій характеръ, и тогда, вслѣдъ «за людьми», съ мѣста снимаются сотни и тысячи семей, для которыхъ переселеніе, въ сущности, не вызывается никакою разумною необходимостью и сознательнымъ разсчетомъ. Что это такъ—въ этомъ достаточно убѣждаетъ уже возможность такого факта, какъ переселеніе изъ Пензенской губерніи, въ одномъ только 1895 году, 23 тысячъ человѣкъ, тогда какъ до того переселеніе ни въ одномъ году не достигало даже трехъ тысячъ. Не можетъ при этомъ подлежать сомнѣнію, что поводомъ къ такому эпидемическому переселенію являются нерѣдко, если не въ видѣ правила, попавшіе въ народную среду преувеличенные, нерѣдко и совершенно фантастическіе слухи о невѣдомыхъ краяхъ и о великихъ милостяхъ, ожидающихъ переселенцевъ. Многіе изъ писавшихъ по переселенческому вопросу склонны если не вовсе отрицать, то до послѣдней степени умалять значеніе подобныхъ слуховъ и вообще психологическаго, такъ сказать, фактора. «Вѣрно, говоритъ авторъ тоже многократно цитированной статьи, г. Бѣлевскій, что при томъ повальномъ невѣжествѣ, изъ котораго народъ, несмотря на все свое желаніе, не можетъ выбиться, у него нѣтъ достаточныхъ знаній ни своего отечества, ни тѣмъ болѣе отдаленной Сибири, ея климата и хозяйственныхъ условій. Вѣрно, что изголодавшійся человѣкъ становится падкимъ ко всякимъ слухамъ и толкамъ, сулящимъ ему жизненныя блага». Но—по убѣжденію г. Бѣлевскаго—«въ современномъ движеніи въ Сибирь эти факторы не играютъ почти никакой роли: Сибирь исхожена ходоками вдоль и поперекъ; вернувшіеся неудачники пускаютъ про нее худую славу, которая, какъ извѣстно, не лежитъ,—и движеніе тѣмъ не менѣе растетъ и растетъ. Существуютъ, слѣдовательно, вѣскія для того причины» [2]).

---

[1]) l. c., стр. 129.

[2]) „Рус. Бог.“ 1904 г., августъ стр. 2. Отмѣтимъ маленькую неточность. Какъ мы уже знаемъ, переселенческое движеніе теперь не только не растетъ, но въ послѣднее время значительно сократилось—и ростъ его пріостановился подъ вліяніемъ именно той „дурной славы“, которую создали Сибири ходоки и обратные переселенцы.

Мы не видимъ, со своей стороны, никакого основанія *противополагать* значеніе слуховъ и «нелѣпыхъ толковъ» инымъ, «болѣе вѣскимъ причинамъ». Одно другому не мѣшаетъ. Хозяйственное положеніе крестьянъ—безразлично, отъ какихъ причинъ—крайне тяжело и не нормально; *крестьянину нуженъ выходъ* изъ этого положенія. *Но почему онъ хватается именно за переселеніе?*—почему онъ переселяется въ одномъ году изъ Пензенской, въ другомъ—изъ Витебской губерніи? въ одномъ году въ Семирѣчье, въ другомъ—въ Приамурскій край? Вотъ, здѣсь и выступаютъ на сцену «слухи и нелѣпые толки», и отрицать ихъ громадное значеніе—такая же ошибка, какъ видѣть въ нихъ единственную или главную причину переселенія. Чтобы рѣшиться на переселеніе, крестьянину нужно имѣть представленіе о томъ, *что дастъ ему переселеніе.* Точныхъ свѣдѣній ему неоткуда взять, и нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни предосудительнаго, если его рѣшеніе основывается сплошь и рядомъ на непровѣренныхъ, чаще всего невѣрныхъ, нерѣдко и неправдоподобныхъ слухахъ, ласкающихъ его распаленное дѣйствительнымъ или мнимымъ земельнымъ голодомъ воображеніе [1]). Достаточно прочесть приведенный на стр. 63, въ подстрочномъ примѣчаніи, отрывокъ изъ письма крестьянина Бѣлякова, чтобы увидѣть, какую роль играютъ въ переселенческомъ движеніи фантастическіе слухи и толки. Или вотъ другая, тоже глубоко-жизненная характеристика переселенческой психологіи, принадлежащая перу человѣка, наблюдавшаго переселенцевъ на одномъ изъ крупныхъ сибирскихъ проходныхъ пунктовъ: «что въ Сибири земли много—говоритъ этотъ наблюдатель, г. Омельченко,—про это говорятъ рѣшительно всѣ источники, даже богомолки. Но какого качества земля, какіе порядки обработки и пользованія землею,—на этотъ счетъ показанія нѣсколько расходятся: иные ходоки хвалятъ землю, другіе подвергаютъ строгой критикѣ; въ однихъ письмахъ лаконически утверждаютъ: «хорошо—былъ два года урожай», въ другихъ категорическое заявленіе: «нѣтъ способовъ съ землей». Этимъ свѣдѣніямъ свято вѣрятъ, принимая ихъ съ буквальною точностью, хотя и не прочь понять по-своему смыслъ отрицательныхъ о Сибири свѣдѣній—«хуже не будетъ». Это «хуже не будетъ» по своимъ практическимъ послѣдствіямъ равносильно «хорошо»—и неопредѣленное рѣшеніе куда нибудь уйти у большинства принимаетъ оформленный видъ въ мечтѣ о сибирскомъ многообиліи» [3])... Не трудно представить себѣ, какъ дѣйствуютъ на такую психологію разсказы и слухи о всевозможныхъ «новыхъ кустахъ», «зеленыхъ» или «китайскихъ клинахъ»—странахъ, текущихъ молокомъ и медомъ, съ молочными рѣками и кисельными берегами. Но наиболѣе сильнымъ стимуломъ къ переселенію, опять таки несомнѣнно, являются слухи о «пособіяхъ» и другихъ

---

[1]) „Бывшее въ Себежскомъ уѣздѣ одно время движеніе къ переселенію—свидѣтельствуетъ мѣстный сельскохозяйственный комитетъ,—было вызвано скорѣе разными преувеличенными слухами о Сибири и распространеніемъ переселенческихъ брошюръ“ (Витебская 515).

[3]) „Міръ Божій“ 1900, авг., стр. 7.

видахъ правительственной помощи. Опять таки и этому нечего удивляться, потому что «пособія», льготы и т. п.—весьма серьезный факторъ, съ которымъ *нельзя* не считаться, разъ рѣшается вопросъ о переселеніи. Бѣда только въ томъ, что и здѣсь достигающіе до крестьянъ слухи и толки передаютъ дѣйствительность, обыкновенно, въ крайне преувеличенномъ и даже совершенно извращенномъ видѣ. Такой компетентный свидѣтель, какъ А. Н. Куломзинъ [1]), въ числѣ причинъ рѣзкаго повышенія, въ 1896 году, размѣровъ переселенческаго движенія на первомъ мѣстѣ ставитъ «преувеличенные слухи не только среди сельскихъ обывателей, *но и среди администраціи* (курсивъ нашъ. А. К.), о тѣхъ мѣрахъ воспособленія переселенцамъ, которыя въ связи съ сооруженіемъ Сибирской желѣзной дороги принимаются комитетомъ этой дороги». Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, вызывавшіе усиленное переселеніе слухи и толки лишь преувеличивали *дѣйствительные* факты. Въ другихъ случаяхъ поводомъ къ переселенію являлись факты, измышленные народнымъ воображеніемъ или по крайней мѣрѣ искаженные имъ до неузнаваемости. Въ числѣ сибирскихъ переселенцевъ очень многіе, какъ приходилось слышать ст.-секр. Куломзину, а также и мнѣ въ томскихъ поселкахъ, ссылались на выставленную въ волостныхъ правленіяхъ «бумагу», на какой-то «царскій указъ», приглашавшій, якобы, переселяться; эта «бумага» оказалась циркуляромъ... имѣвшимъ цѣлью *удержать* крестьянъ отъ необдуманнаго переселенія. Самъ г. Бѣлевскій — на этотъ разъ, очевидно, по личнымъ наблюденіямъ, разсказываетъ о томъ, какъ повліяло въ Могилевской губерніи опубликованіе правилъ переселенія, также весьма стѣснительныхъ, которыя были выработаны министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1894 году. «Дѣйствіе этой ограничительной по цѣли публикаціи,—говоритъ онъ,—было довольно неожиданно: со всѣхъ концовъ губерніи въ Могилевъ потянулись люди, чтобы получить разрѣшеніе на переселеніе. Одно слово, касавшееся видимо наболѣвшаго мѣста и исходившее отъ власти, вызвало пожаръ, точно искра, упавшая въ горючій матеріалъ; пошли обычные фантастическіе толки, напримѣръ, что государыня купила себѣ въ Сибири большое имѣнье и вызываетъ теперь крестьянъ, и въ концѣ концовъ, создалась такимъ образомъ эпидемія»... Можно ли послѣ этого утверждать, что «въ современномъ движеніи въ Сибирь такого рода факторы не играютъ никакой почти роли»?..

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ, въ которомъ многіе были склонны видѣть чуть не основную причину переселеній—на свойственныхъ, якобы, русскому крестьянину бродячихъ инстинктахъ и на отсутствіи у него крѣпкой связи съ землею и деревней. Въ такой общей и категорической формулировкѣ взглядъ этотъ не имѣетъ за себя фактическихъ основаній или доказательствъ, и еще покойный Янсонъ справедливо высказалъ, что «искать коренной причины переселеній въ какомъ-то бродяжничествѣ, какъ принадлежности народнаго характера», — значитъ про-

[1]) „Отчетъ", стр. 22.

являть «полное непризнаніе законовъ общественнаго развитія». Но было бы несправедливо и противорѣчило бы фактамъ отрицать за этимъ моментомъ *всякое* значеніе. Если остановиться, сначала, на одномъ только «вторичномъ переселеніи», а тѣмъ болѣе—на переселеніи въ третій, въ четвертый и т. д. разъ, то оно въ значительной мѣрѣ объясняется тѣми особыми,—притомъ отнюдь не специфически-русскими, свойствами, которыя развиваются во многихъ изъ переселенцевъ. «Однимъ изъ наиболѣе общихъ свойствъ жизни въ колоніяхъ—говоритъ Рошеръ [1]), является господствующая здѣсь лихорадочная дѣятельность—я сказалъ бы даже непосѣдливость (Heimatlosigkeit); разъ человѣкъ ради выгоды рѣшился на такой страшно рискованный шагъ, какъ переселиться за океанъ и поставить на карту все, что онъ имѣетъ,—то онъ сравнительно легко, ради новой выгоды, рѣшится на новое переселеніе». Психологическіе мотивы, этого явленія въ высшей степени разнообразны. Съ одной стороны, говоря словами А. Н. Куломзина, «сельскіе обыватели, рѣшившись покинуть насиженыя мѣста, дѣлаются обыкновенно крайне разборчивыми и требовательными къ новымъ [2])»; водворившись на хорошемъ мѣстѣ, переселенецъ не перестаетъ мечтать о «мѣстахъ получше»; въ поискахъ за этимъ лучшимъ переселенецъ очень часто оставляетъ хорошее и нерѣдко только проигрываетъ и даже разоряется. Всякому, имѣвшему дѣло съ переселенцами въ мѣстахъ новаго ихъ водворенія, извѣстны, какъ и мнѣ, десятки случаевъ, когда вторичное переселеніе не можетъ быть объяснено никакими другими мотивами: «не поглянулось чего-то», говорятъ о такихъ ушедшихъ оставшіеся на мѣстѣ новоселы, сами совершенно довольные условіями жизни «на новыхъ мѣстахъ». И мнѣ вспоминается одинъ характерный примѣръ этого рода, на который я наткнулся въ 1903 году, во время поѣздки по Челябинскому уѣзду: хуторскій участокъ въ 60 десятинъ, на великолѣнномъ черноземѣ, во всѣхъ отношеніяхъ безупречный, отведенный на двѣ, до сихъ поръ нераздѣлившихся семьи. Я не засталъ мужиковъ на этомъ участкѣ—они, оказывается, опять ушли смотрѣть «новыя мѣста»; а ихъ старуха-мать, съ которою мнѣ пришлось разговаривать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, чуть не въ ноги стала кланяться, когда я предложилъ оставить ея сыновьямъ записку и предостеречь ихъ отъ явно необдуманнаго шага. Довольно многіе склонны идеализировать «культурныхъ кочевниковъ»—употребляя выраженіе Рошера, видя въ нихъ «весьма замѣчательный типъ піонеровъ русской колонизаціи». По мнѣнію, напр., г. Гурвича [3]) — это люди, въ которыхъ «еще не угасла искра предпріимчивости, заставившая ихъ много лѣтъ тому назадъ оставить свою родину и пуститься на поиски за лучшей долей на далекой чужбинѣ». *Такого* рода піонеровъ, конечно, немало—главнымъ образомъ среди засельщиковъ сибирской тайги и въ особенности среди

---

[1]) Kolonien, стр. 73.
[2]) Отчетъ, стр. 50.
[3]) l. c. стр. 58.

раскольниковъ и сектантовъ. Но гораздо болѣе распространенъ тотъ типъ переселенцевъ, за которымъ я, по крайней мѣрѣ, не склоненъ признавать *никакихъ* заслугъ, и который чаще всего встрѣчается въ киргизскихъ степяхъ: типъ переселенцевъ, которые живутъ въ извѣстной мѣстности лишь до тѣхъ поръ, пока кругомъ не распаханы цѣлинныя степи, а затѣмъ, снявъ сливки или даже пѣнки, идутъ въ другое, третье, четвертое мѣсто, въ погонѣ все за новыми и новыми цѣлинами. Это иногда—заурядный, среднесостоятельный переселенецъ, который садится въ какомъ нибудь Кустанаѣ и Кокчетавѣ съ самымъ искреннимъ намѣреніемъ устроиться прочно, но затѣмъ снимается и уходитъ послѣ первыхъ же, вызванныхъ частью климатическими невзгодами, частью безобразнымъ хозяйствомъ, неурожаевъ; но нерѣдко—и переселенецъ-спекулянтъ, который вовсе и не помышляетъ о прочномъ водвореніи, а садится съ яснымъ планомъ—пожить, пока есть цѣлины и пока дешева аренда, а затѣмъ идти въ другое мѣсто за новыми дешевыми цѣлинами. Мнѣ пришлось близко наблюдать переселенцевъ этого типа въ прославившемся въ свое время Кустанайскомъ переселенческомъ районѣ. Между прочимъ, въ нѣсколькихъ поселкахъ и хуторахъ я производилъ и подворный опросъ; изъ опрошенныхъ мною 410 дворовъ, какъ оказалось, 172 двора успѣли раньше пожить въ какомъ либо одномъ, 88—въ двухъ, 27—въ трехъ, четырехъ, даже пяти или шести мѣстахъ. Я былъ въ Кустанайскомъ районѣ всего черезъ 15 лѣтъ съ того момента, какъ началась его колонизація; и тѣмъ не менѣе, масса переселенцевъ успѣла перебраться изъ города Кустаная въ поселки, изъ поселковъ на хутора, изъ Кустаная, поселковъ и хуторовъ—въ Кокчетавскій уѣздъ и въ Семирѣченскую или Сыръ-Дарьинскую область. «Какъ изъ Россіи уйдутъ—говорятъ сами переселенцы о такихъ—я не могу назвать ихъ иначе—бродячихъ элементахъ, точно народъ другой становятся: все думаютъ, гдѣ бы получше мѣсто найти»... И я не могу не вспомнить объ одномъ старикѣ, котораго я видѣлъ въ одномъ изъ поселковъ Сыръ-Дарьинской области, и который на своемъ вѣку построилъ уже восемнадцатую хату... [1]).

Такимъ образомъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что извѣстныя бродячія наклонности, недостаточно крѣпкая связь съ насиженными мѣстами, играютъ серьезную роль въ числѣ причинъ *вторичнаго* переселенія. Нѣчто подобное можно однако констатировать, въ нѣкоторой части случаевъ, и при первоначальномъ переселеніи. Еще И. А. Гурвичъ [2]) отмѣчалъ тотъ фактъ, что «встрѣчаются переселенцы, которые большую часть года проводили внѣ дома, на промысловыхъ заработкахъ; если подобный образъ жизни входитъ въ привычку, продолжаясь изъ года въ годъ, то связь переселенца съ землей неминуемо ослабѣваетъ», и онъ сравнительно легко, иногда слишкомъ легко, поддается дѣйствію мотивовъ, толкающихъ его на

---

[1]) См. у Ѳ. Г. Тернера, назв. соч., т. II, стр. 222—223. Подробные объ этомъ вопросѣ см. ниже, въ гл. III этой книги.

[2]) l. c., стр. 83.

переселеніе. Но главное, вѣдь и сама Европейская Россія — страна, заселеніе которой только что закончилось, а частью еще и продолжается; въ мѣстностяхъ, гдѣ переселеніе началось въ то время, когда еще только что заканчивалась ихъ собственная колонизація, весьма естественно встрѣтиться и съ тою чрезмѣрною подвижностью, которая такъ характерна для азіатскихъ переселенческихъ районовъ. Изслѣдователь переселеній изъ Рязанской губерніи, В. Н. Григорьевъ, приводитъ рядъ фактовъ, показывающихъ, «насколько непрочно осѣли на мѣстахъ своей осѣдлости» крестьяне тѣхъ мѣстностей, которыя въ то время уже выпускали переселенцевъ. Составители земскаго статистическаго сборника по Бузулукскому уѣзду [1]) констатируютъ, что «крестьянское населеніе этого уѣзда до сихъ поръ не можетъ считаться еще вполнѣ осѣдлымъ, прочно укрѣпившимся на своихъ излюбленныхъ мѣстахъ,—оно до сихъ поръ переходитъ съ мѣста на мѣсто, ища «лучшихъ новыхъ земель». И конечно не случайность, если именно Самарская губернія даетъ Кустанайскому и т. п. районамъ наибольшій контингентъ переселенцевъ бродячаго типа; какъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству земскихъ статистиковъ [2]), «существуетъ еще масса бродячихъ переселенцевъ, которые постоянно переходятъ съ одного мѣста на другое, бросая одну землю и требуя другую, болѣе удобную»,—такъ выходцы изъ Самарской и т. п. губерній остаются такими же бродячими и по переселеніи въ предѣлы Азіатской Россіи.

Какъ разнообразны мнѣнія относительно *причинъ* переселенія—по крайней мѣрѣ относительно основныхъ его причинъ — такъ разнообразны и взгляды относительно возможнаго его вліянія на землевладѣніе и хозяйство населенія мѣстностей, отпускающихъ переселенцевъ. «Одни боятся—говоритъ Поль Леруа-Болье [3]), какъ бы сильная и постоянная эмиграція не отняла отъ цивилизованныхъ странъ, гдѣ населеніе возрастаетъ медленно, извѣстной части ихъ мощи и жизненности,—другіе надѣются, что хорошо направленная эмиграція избавитъ страны съ слишкомъ быстрымъ ростомъ населенія отъ избытка рукъ, не находящихъ себѣ занятій, и отъ паразитирующаго населенія. Оба эти мнѣнія—замѣчаетъ Леруа-Болье, коренятся въ той основной мысли, что эмиграція имѣетъ рѣшающее и глубокое вліяніе на движеніе населенія, что она можетъ дѣйствовать какъ регуляторъ, и что разрѣшая переселеніе, благопріятствуя ему или запрещая его, можно поддерживать въ давно заселенныхъ странахъ ту пропорцію между капиталомъ и населеніемъ, которую разсматриваютъ какъ наиболѣе благопріятную для общественнаго прогресса». Между тѣмъ «эмиграція, говоря вообще, не имѣетъ столь глубокаго и радикальнаго вліянія; она вліяетъ на движеніе населенія, чаще всего,

---

[1]) Стр. 14.
[2]) Стат. сбор. стр. 18.
[3]) „La colonis. chez les peuples modernes", 5 изд., т. II, стр. 477—484.

лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ; она не можетъ ни урегулировать, ни длящимся образомъ задержать его». И это прежде всего потому, что самъ естественный приростъ населенія не есть что либо постоянное: напротивъ, опытъ показываетъ, что населеніе, въ видѣ правила, не только не убываетъ, но особенно сильно возрастаетъ въ такихъ странахъ, которыя даютъ массовую эмиграцію—усилившійся естественный приростъ съ избыткомъ перевѣшиваетъ выселеніе». Но если эмиграція не можетъ имѣть значенія радикально дѣйствующаго средства, то не можетъ ли она быть признана за необходимый и полезный паллиативъ въ періоды, когда ненормальное состояніе соціальнаго организма порождаетъ симптомы остраго перенаселенія? «нѣтъ ли возможности, пользуясь ею цѣлесообразно, съ надлежащею умѣренностью, привести къ улучшенію положенія трудящихся массъ, къ повышенію уровня заработной платы и этимъ путемъ ослабить вліяніе промышленнаго кризиса? Мы не думаемъ — отвѣчаетъ Леруа-Болье на этотъ вопросъ, чтобы эмиграція и въ такомъ смыслѣ могла имѣть рѣшительное вліяніе»: уровень заработной платы зависитъ отъ безчисленнаго множества причинъ экономическаго, политическаго, финансоваго характера, и простое измѣненіе предложенія рабочихъ рукъ не можетъ повліять на этотъ уровень. А главное—«выселеніе, совершающееся *навсегда* (fait définitif), — плохое лекарство противъ временнаго недомоганія. Кризисъ, вмѣсто того, чтобы быть ослабленнымъ, только затягивается на неопредѣленное время и возвращеніе къ нормальному положенію вещей только затрудняется».

Мы отнюдь не поклонники Леруа-Болье и его школы — школы крайняго манчестерскаго либерализма,—и тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что приведенныя соображенія французскаго экономиста совершенно правильно резюмируютъ суть вопроса о вліяніи переселенческаго движенія. Конечно — mutatis mutandis, въ соотвѣтствіи съ земледѣльческимъ, по преимуществу, характеромъ нашихъ переселеній. А затѣмъ—съ существенными ограниченіями, въ зависимости отъ основной причины, вызывающей переселеніе.

Въ предыдущемъ изложеніи мы старались выяснить разницу между двумя видами малоземелья: абсолютнымъ и относительнымъ — т.-е. такимъ въ которомъ проявляется, въ сущности, лишь кризисъ данной системы земледѣльческаго хозяйства. При абсолютномъ малоземельѣ—читаемъ мы въ мотивахъ новаго переселенческаго закона [1]), переселеніе весьма часто бываетъ единственнымъ исходомъ; «ничтожные размѣры надѣловъ, по большей части, исключаютъ самую возможность перехода къ высшимъ пріемамъ хозяйства, осуществимаго, во всякомъ случаѣ, лишь въ извѣстной постепенности; между тѣмъ многіе надѣлы, если и могутъ быть достаточными для удовлетворенія насущныхъ потребностей крестьянской семьи, то лишь при столь высокихъ культурахъ, которыя совершенно не отвѣчаютъ современнымъ экономическимъ условіямъ страны. Совсѣмъ иначе — про-

[1]) Записка особаго совѣщанія, стр. 32.

должаютъ составители новаго закона, обстоитъ дѣло въ мѣстностяхъ, гдѣ малоземелье имѣетъ лишь относительный характеръ. Здѣсь, дѣйствительно, переселеніе является *бѣгствомъ отъ культуры*, такъ какъ малоземелье можетъ быть вполнѣ устранено введеніемъ тѣмъ болѣе совершенныхъ формъ хозяйства, переходъ къ которымъ въ настоящее время уже вполнѣ подготовленъ. Выселяясь при подобныхъ условіяхъ, крестьяне выигрываютъ мало: тотъ кризисъ первобытныхъ системъ полеводства, отъ котораго, въ сущности, они ушли съ родины, скоро наступитъ для нихъ и на мѣстахъ новаго водворенія. Еще меньше пользы это выселеніе принесетъ оставшимся, такъ какъ только отсрочитъ для нихъ переходъ къ болѣе совершеннымъ пріемамъ обработки земли, которые одни могутъ обезпечить имъ устойчивое благосостояніе». И такой взглядъ на значеніе переселеній въ условіяхъ относительнаго малоземелья давно уже высказывался нашими экономистами, притомъ безъ различія направленій. «При широкомъ и привольномъ владѣніи, говоритъ кн. Васильчиковъ [1]), земледѣлецъ всегда имѣетъ возможность облегчить свой трудъ, прибѣгая къ разнымъ уловкамъ залежнаго или ляданнаго хозяйства; но вопросъ въ томъ, извлекаетъ ли онъ больше пользы изъ этихъ системъ полеводства на 20 десятинахъ, чѣмъ изъ трехпольнаго сѣвооборота на 10?.. По нашему разумѣнію, всѣ эти экстенсивныя культуры, которыми такъ соблазняются наши хлѣбопашцы, составляютъ для нихъ чистый убытокъ и разстраиваютъ ихъ собственныя хозяйства, пашни и луга». Съ такими же, по существу, взглядами мы встрѣчаемся и въ противоположномъ лагерѣ. «Считать эмиграцію въ широкихъ размѣрахъ—говоритъ К. Ф. Головинъ на страницахъ «Русскаго Вѣстника» [2]), неизбѣжнымъ исходомъ изъ нашего теперешняго положенія значило бы не исправить его, а увѣковѣчить, по крайней мѣрѣ на все то время, пока хватитъ у насъ удобныхъ земель для заселенія... Развитіе промышленности въ каждой странѣ, какъ и всякій успѣхъ, бываетъ плодомъ усилій, созданныхъ суровою необходимостью»; а съ другой стороны обиліе земли «не предохраняетъ населеніе отъ голода, и какъ разъ тамъ, гдѣ надѣлы всего обширнѣе и гдѣ дешевле съемочныя земли, мѣстному земству всего чаще приходится испрашивать и давать ссуды на продовольствіе жителей»...

Въ приведенныхъ отрывкахъ мы находимъ лишь неясные намеки на ту точку зрѣнія, которую мы будемъ подробно мотивировать на послѣдующихъ страницахъ. Тѣмъ конкретнѣе тотъ анализъ возможныхъ послѣдствій выселенія въ условіяхъ относительнаго малоземелья, который далъ еще въ 1880 году Н. Н. Романовъ [3]) въ своей работѣ о «переселеніяхъ крестьянъ Вятской губерніи». Въ числѣ причинъ выселеній г. Романовъ одно изъ первыхъ мѣстъ отводитъ недостатку лѣса. Но районы выселенія «и сейчасъ нисколько не улучшились въ лѣсномъ отношеніи,—они именно пред-

---

[1]) Назв. соч., стр. 992—993.
[2]) 1881 г., ноябрь, стр. 214—215.
[3]) l. c., стр. 240—4, 250—1, 271, 313, 318—19 и др.

*

ставляютъ въ губерніи образцы ненормальнаго положенія крестьянскихъ хозяйствъ при безлѣсьи». Далѣе: «недостатка пахотной земли въ мѣстностяхъ выселеній въ Вятской губерніи вообще нѣтъ, а скорѣе есть ея излишекъ, который крестьяне не въ состояніи засѣвать и обрабатывать»,—причемъ «особенно этотъ излишекъ пахотныхъ угодій проявляется у тѣхъ сельскихъ обществъ, изъ которыхъ много крестьянъ выселилось... Слѣдовательно, отъ переселеній увеличивается излишекъ такой земли, которая крестьянамъ не нужна, вслѣдствіе чего многія полосы полей, принадлежащія переселенцамъ, остаются по выходѣ ихъ изъ общества непроизводительно лежащими пустырями». Чтобы переселеніе при такихъ условіяхъ могло благопріятно повліять на крестьянское хозяйство, «существенно необходимы перемѣны въ составѣ угодій крестьянскаго землевладѣнія этихъ мѣстностей. Но этого-то благопріятнаго результата выселеній нигдѣ пока въ Вятской губерніи не замѣчается. Выселенія только увеличиваютъ крестьянскіе надѣлы, но не измѣняютъ ихъ состава, и потому отъ нихъ нѣтъ никакихъ выгодныхъ послѣдствій». При такихъ условіяхъ усиленное выселеніе можетъ повлечь за собой только одно—возвратъ къ залежной системѣ; но это—«шагъ назадъ въ ихъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Если Крестьяне—продолжаетъ г. Романовъ, дѣлаютъ такой шагъ, то это только показываетъ всю ихъ несостоятельность вводить какія либо дѣйствительныя улучшенія въ своемъ хозяйствѣ»,—несостоятельность, проистекающую изъ ихъ бѣдности; а «противъ этой-то бѣдности переселенія не представляютъ дѣйствительнаго и вѣрнаго средства, потому что оставляемыя переселенцами истощенныя земли не приносятъ дохода, пока плодородіе ихъ не возстановится послѣ значительныхъ затратъ на ихъ удобреніе или пока онѣ не пролежатъ, напримѣръ, 15—20 лѣтъ безъ эксплоатаціи». И конечный выводъ уважаемаго изслѣдователя сводится къ тому, что «такъ какъ не въ малоземельѣ заключаются основныя причины переселенія крестьянъ Вятской губерніи, то и не въ увеличеніи землевладѣнія нужно видѣть дѣйствительное улучшеніе ихъ быта». И на ту же точку зрѣнія стало, очевидно подъ прямымъ вліяніемъ работы г. Романова, Вятское земство; еще въ 1895 году, въ отвѣтѣ своемъ на запросъ министерства земледѣлія, оно указываетъ на необходимость мѣръ, при помощи которыхъ «населеніе постепенно пріучалось бы извлекать бóльшія выгоды отъ своего хозяйства не путемъ расширенія владѣній, а черезъ усиленіе и улучшеніе культуры земли»; мало того,—оно возбуждаетъ даже вопросъ объ «освобожденіи крестьянъ отъ излишка земли въ тѣхъ случаяхъ, когда доходность земли не покрываетъ расходовъ». Правда, самъ П. Н. Романовъ не проводитъ изложеннаго взгляда съ полною послѣдовательностью. Въ той же книгѣ, черезъ нѣсколько десятковъ страницъ, онъ высказываетъ, что «безъ содѣйствія правительства и земства переселеніямъ крестьянъ не могутъ быть достаточными никакія другія мѣры улучшенія крестьянскаго быта». Коль скоро—говоритъ г. Романовъ, не настало еще время вводить улучшенную систему земледѣльческаго хозяйства, а между тѣмъ оказывается, что и нынѣшняя

система не даетъ крестьянамъ достаточныхъ средствъ существованія, представляется только одно средство поднять упавшее экономическое благосостояніе крестьянъ: «изъ тѣхъ сельскихъ обществъ, у которыхъ вся земля эксплоатируется по трехпольной системѣ, но по недостатку удобренія совершенно истощена и не даетъ достаточныхъ урожаевъ,—выселить приблизительно такую часть домохозяевъ, чтобы остальные члены общества получили возможность хотя бы отчасти практиковать залежное хозяйство». Мы лично, должны признаться, отказываемся пройти по тому шаткому мостику, который уважаемый изслѣдователь пытается перекинуть между діаметрально-противорѣчащими другъ другу: съ одной стороны — конкретными положеніями, основанными на близкомъ и вдумчивомъ изученіи мѣстныхъ условій, а съ другой—надеждами на возможное, въ будущемъ, благотворное вліяніе переселеній. Но допустимъ даже, что противорѣчія нѣтъ, и что не достигавшееся въ прошломъ можетъ быть достигнуто въ будущемъ. *Но при какихъ условіяхъ* могутъ быть достигнуты, въ какой-либо мѣстности, ожидаемые г. Романовымъ результаты? «Для этого необходимо выселять изъ такой мѣстности весьма значительную часть нынѣшняго числа жителей и этимъ путемъ доводить крестьянское землевладѣніе, напримѣръ, до двойного размѣра сравнительно съ нынѣшнимъ»...

Но приблизительно то же самое приходится сказать и о всякой другой мѣстности, гдѣ коренная причина переселенія заключается въ относительномъ малоземельѣ. Возьмемъ, въ видѣ примѣра, хотя бы Самарскую губернію. Что можетъ дать ей выселеніе, скажемъ одной шестой, четвертой, даже третьей части населенія, или, что по существу тоже самое, соотвѣтственное расширеніе надѣльнаго землевладѣнія насчетъ имѣющихся въ губерніи запасовъ свободныхъ казенныхъ или какихъ бы то ни было другихъ земель?.. *Рѣшительно ничего.* Вѣдь причина бѣдственнаго положенія самарскихъ крестьянъ не въ томъ, что имъ нечего пахать, не въ томъ, что у нихъ мало земли, — а въ томъ, что земля даетъ въ среднемъ 34,2 пуда ржи и 22,9 пудовъ овса съ десятины, а весьма часто даетъ и полные неурожаи. Если надѣлы увеличатся на четверть или треть,—крестьяне въ полосѣ господства пестрополья останутся при томъ же пестропольѣ; въ лучшемъ случаѣ они смогутъ, время отъ времени, давать окончательно выпаханнымъ полосамъ кратковременный отдыхъ, который не въ состояніи будетъ сколько нибудь замѣтно повысить производительность земли. Если тоже случится въ той части Самарской губерніи, гдѣ существуетъ уже трехпольное хозяйство, но гдѣ поля не удобряются за недостаткомъ сѣнокосовъ и выгоновъ или за необходимостью расходовать навозъ на топливо,—такое увеличеніе площади надѣла не дастъ крестьянамъ ни того топлива, которое избавило бы ихъ отъ необходимости сжигать навозъ, ни тѣхъ сѣнокосовъ, которые позволили бы имъ получать большее количество навоза. Благосостояніе, которое принято считать спутникомъ многоземелья и экстенсивнаго хозяйства, въ дѣйствительности наблюдается лишь при томъ безграничномъ

номъ просторѣ, который въ настоящее время даже въ Сибири отошелъ въ область преданій и при которомъ первобытныя формы хозяйства только и могутъ давать хорошіе результаты. Населеніе нашихъ юго-восточныхъ губерній уже давно не знаетъ этого благосостоянія,—оно уже давно переживаетъ кризисъ господствующей здѣсь экстенсивной системы хозяйства. Оно переживаетъ его теперь, при пяти или четырехъ десятинахъ на душу, какъ переживало его уже въ 1873 году, когда на душу приходилось по 6 или 8 десятинъ,—и возвращеніе землевладѣнія къ той же пропорціи не вывело-бы его изъ этого кризиса. Возвратиться къ прежнему благосостоянію, при тѣхъ же первобытныхъ пріемахъ хозяйства, оно могло бы развѣ только въ томъ случаѣ, если бы размѣры его землевладѣнія были доведены до 12,15 десятинъ на наличную душу, — т.-е. при условіи выселенія въ однихъ мѣстностяхъ половины, въ другихъ — и двухъ третей наличнаго населенія.

Но тоже самое, по существу, мы найдемъ и въ густонаселенномъ центрѣ Европейской Россіи. Мы не будемъ уже останавливаться на тѣхъ случаяхъ, когда переселеніе вызывается такими причинами, какъ крайняя растянутость надѣла, черезполосность надѣльныхъ земель съ владѣльческими, образованіе овраговъ или занесеніе надѣльныхъ земель сыпучими песками, наконецъ совершенное отсутствіе или крайняя недостаточность естественныхъ покосовъ. Само собою ясно, что переселеніе въ какихъ бы то ни было размѣрахъ не остановитъ роста овраговъ или движенія сыпучихъ песковъ, не устранитъ черезполосности или граничныхъ неудобствъ. Но даже оставляя въ сторонѣ этого рода слишкомъ ясные случаи,—мы не видимъ, чтобы переселеніе, при среднихъ размѣрахъ землевладѣнія даже въ самыхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ средней Россіи, вело или могло вести къ длящемуся улучшенію хозяйственнаго положенія остающихся на родинѣ крестьянъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ причина—оставаясь въ сферѣ вопросовъ землевладѣнія и сельскаго хозяйства—бѣдственнаго положенія среднерусскаго крестьянства? Несомнѣнно въ низкой производительности земли. А эта низкая производительность обусловливается на границѣ степного чернозема—первобытными способами эксплоатаціи земли, выродившимися въ безпорядочное пестрополье; въ трехпольномъ районѣ—ростомъ пахотной площади насчетъ кормовой, сокращающимъ до послѣдней крайности возможность унаваживанія полей. Только съ устраненіемъ этихъ коренныхъ причинъ низкой производительности почвы можно бы надѣяться на ея повышеніе. Но мы не встрѣчали указаній на то, чтобы переселеніе вело за собой возвратъ отъ пестропольнаго хозяйства къ переложному съ достаточно продолжительнымъ срокомъ залежности; или на то, чтобы часть пахотной земли, оставленной переселенцами, была запущена подъ покосъ и выгонъ, и чтобы такимъ способомъ было возстановлено равновѣсіе между пахотною и кормовою площадью. Совершенно ясно, что существенное измѣненіе условій сельскохозяйственной культуры въ томъ или другомъ изъ указанныхъ направленій, а слѣдовательно—и замѣтное повышеніе произво-

дительности земли, могло бы имѣть мѣсто лишь при огромныхъ размѣрахъ выселенія: залежное хозяйство въ какой нибудь Харьковской или Екатеринославской губерніи могло бы быть возстановлено при увеличеніи размѣровъ надѣльнаго землевладѣнія, примѣрно, до 8—10 десятинъ на наличную мужскую душу,—и приблизительно при увеличеніи землевладѣнія въ такой же пропорціи,—слѣдовательно при выселеніи примѣрно двухъ третей, минимумъ половины населенія, можно было бы существенно повысить урожайность и въ трехпольной полосѣ.

Итакъ, какую бы мѣстность, какой бы типъ крестьянскаго хозяйства мы ни взяли,—результатъ всюду получается одинъ и тотъ же: *существенное* улучшеніе крестьянскаго благосостоянія могло бы получиться лишь при такомъ огромномъ выселеніи, которое было бы способно въ немного лѣтъ разрѣдить населеніе вдвое или втрое; выселить изъ Европейской Россіи пришлось бы для этого, притомъ въ короткое время—уже не милліоны, а десятки милліоновъ человѣкъ. А между тѣмъ,—говоря словами А. И. Чупрова—выселеніе вмѣстѣ со всѣми другими способами приращенія земельной площади «можетъ совершаться и совершается лишь медленно,—настолько медленно, что оно далеко не поспѣваетъ за естественнымъ приростомъ населенія». Но если бы переселеніе могло уносить весь текущій прирость, даже уносить извѣстную часть уже наличнаго—при данномъ уровнѣ хозяйства—избытка населенія, если бы оно было въ три, въ пять разъ больше достигавшагося до настоящаго времени максимума,—все это, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, совершенно неосуществимыя мечты—оно все-таки не могло бы оказать никакого *радикальнаго* воздѣйствія на условія крестьянскаго земледѣлія и хозяйства, а слѣдовательно—и на крестьянское благосостояніе,—оно все-таки оставалось бы лишь палліативомъ, радикальнаго же рѣшенія вопроса все-таки приходилось искать не въ переселеніи и вообще—*не въ количественномъ расширеніи* площади крестьянскаго землевладѣнія, *а въ качественномъ улучшеніи* крестьянскаго хозяйства.

Каково же, спрашивается, значеніе этого палліатива? Сторонники переселенія, даже сравнительно умѣренные, думаютъ, что переселеніе и вообще расширеніе крестьянскаго землевладѣнія способно—даже и въ роли подобнаго палліатива—оказать серьезное вліяніе на крестьянское благосостояніе. «Вѣдь если техника,—говоритъ г. Пѣшехоновъ [1]),—представляетъ изъ себя множитель, которымъ оперируетъ крестьянское хозяйство, то земля служитъ для него множимымъ. Произведеніе же—а имъ является въ данномъ случаѣ благосостояніе многомилліонной трудящейся массы, при одновременномъ наростаніи обѣихъ опредѣляющихъ его величинъ,—измѣнится несравненно рѣзче и острѣе, чѣмъ если будетъ наростать которая нибудь изъ нихъ въ отдѣльности. Если площадь земли очень мала, то нуженъ очень быстрый и потому, быть можетъ, неосуществимый подъемъ культуры, чтобы достигнуть сколько-нибудь замѣтнаго эффекта. Увеличьте эту площадь, хотя бы въ ограниченныхъ предѣлахъ,—и тогда нужны

[1]) l. c., стр. 31.

будутъ несравненно меньшія усилія, чтобы обезпечить экономическое положеніе крестьянства и тѣмъ открыть его хозяйству путь безграничнаго совершенствованія».

Я безусловно присоединяюсь къ заключительному положенію г. Пѣшехонова для тѣхъ случаевъ, гдѣ площадь надѣльнаго землевладѣнія, дѣйствительно, *«очень мала»*, и гдѣ поэтому для полученія замѣтнаго эффекта дѣйствительно нуженъ слишкомъ быстрый и потому неосуществимый, подъемъ культуры,—т. е. для случаевъ *абсолютнаго* малоземелья. Но я не могу согласиться съ нимъ для всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ *относительнымъ* малоземельемъ—иначе сказать, гдѣ переселенія происходятъ при болѣе или менѣе близкихъ къ среднимъ, по каждой данной мѣстности, размѣрамъ землевладѣнія.

Что прежде всего даетъ переселеніе, разъ оно происходитъ лишь въ такихъ размѣрахъ, которые, не допуская возврата къ чистымъ формамъ уже отжившаго свой вѣкъ экстенсивнаго хозяйства, позволяютъ только еще въ теченіе нѣкотораго времени держаться за существующій типъ хозяйства, негодность котораго, въ сущности, и является коренною причиною переселенія?..... Очевидно, переселеніе, не устраняя причины кризиса, не можетъ сколько нибудь замѣтно поднять и благосостоянія крестьянъ. Въ лучшемъ случаѣ оно можетъ на короткое время *задерж іть дальнѣйшій упадокъ* крестьянскаго благосостоянія и поддержать послѣднее на нѣкоторомъ стаціонарномъ уровнѣ. Но что такое, въ концѣ концовъ, то крестьянское благосостояніе, которое можетъ быть временно поддержано при помощи переселенія?... Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ поразительно низкая урожайность пахотныхъ земель, хроническое недоѣданіе и періодическія голодовки, колоссальная недоимочность,—вообще вся слишкомъ хорошо извѣстная совокупность признаковъ, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе экономическое разстройство русскаго крестьянства...

Но, по справедливому, конечно, убѣжденію сторонниковъ переселенія, необходимыя коренныя измѣненія въ хозяйствѣ и культурности населенія не могутъ совершиться по волшебству. Отсюда—необходимость, параллельно съ культурными мѣрами, также и въ мѣрахъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, въ томъ числѣ и въ широко организованномъ переселеніи, «причемъ оставшееся населеніе—мы цитируемъ здѣсь докладъ А. Н. Терскаго въ трудахъ Кіевскаго уѣзднаго комитета [1]),—неминуемо станетъ въ лучшія условія для благодѣтельнаго воздѣйствія на него» при помощи мѣропріятій культурнаго порядка. И въ то же время увеличеніе площади землевладѣнія, дѣйствуя параллельно съ культурными мѣрами, быстрѣе и полнѣе улучшитъ самое благосостояніе крестьянъ: «увеличьте эту площадь, хотя бы въ ограниченныхъ предѣлахъ, и тогда будутъ нужны несравненно меньшія усилія, чтобы обезпечить экономическое положеніе крестьянства и тѣмъ открыть его хозяйству путь дѣйствительно безграничнаго совершенствованія»...

---

[1]) Кіевская 707—8.

Расширеніе землевладѣнія путемъ, между прочимъ, переселенія—и воздѣйствіе на крестьянскую культуру разсматриваются такимъ образомъ, какъ два *параллельныхъ* ряда мѣръ, направленныхъ къ достиженію единой цѣли: мало того—мѣры перваго порядка разсматриваются, какъ необходимое условіе возможности провести въ жизнь всякое сколько-нибудь серьезное улучшеніе крестьянской культуры. Въ дѣйствительности расширеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія и улучшеніе крестьянской культуры, если только имѣть въ виду случаи *относительнаго* малоземелья, не только не могутъ быть разсматриваемы, какъ явленія, параллельно дѣйствующія, а тѣмъ болѣе—какъ другъ друга обусловливающія, — это, скорѣе, явленія *полярныя* другъ другу. Азбучная истина, что «увеличеніе населенія и связанное съ нимъ стѣсненіе въ земляхъ всегда вынуждаютъ переходъ къ новой системѣ хозяйства» (Чаславскій), и обратно—коренное измѣненіе системы хозяйства наступаетъ *исключительно* при увеличеніи населенія и при связанномъ съ нимъ стѣсненіи въ земляхъ. Совершенно вѣрно, что для улучшенія крестьянскаго хозяйства недостаточно одной необходимости—нужны еще знанія и матеріальныя средства. Но вѣдь и наоборотъ: для улучшенія хозяйства недостаточно знаній и матеріальныхъ средствъ,—*необходимо еще и давленіе фактора нужды*, фактора малоземелья, безъ котораго ни знанія, ни матеріальныя средства не будутъ направлены въ сторону качественнаго улучшенія крестьянскаго хозяйства. Пока крестьянинъ будетъ имѣть какую либо возможность—а возможность эту и даетъ переселеніе—продолжать вести хозяйство издавна-принятыми первобытными или вообще экстенсивными путями, до тѣхъ поръ онъ не пожелаетъ пріобрѣтать тѣхъ знаній, которыя помогли бы ему улучшить свое хозяйство; мало того—онъ будетъ относиться къ улучшеніямъ съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ,—а средства, какія попадутся ему въ руки, онъ направитъ не на *улучшеніе*, а исключительно на *расширеніе* своего хозяйства. Только когда ему будетъ «некуда податься», «некуда поширится»,—только тогда онъ направитъ всю свою энергію въ другую сторону,—въ сторону коренного улучшенія своего хозяйства. И это—не гипотеза, а фактъ. Въ одной и той же мѣстности, при несомнѣнно равныхъ условіяхъ умственнаго и культурнаго развитія и при отсутствіи разницы въ матеріальной обезпеченности, сплошь и рядомъ наблюдаются существенныя различія въ способахъ и пріемахъ крестьянскаго хозяйства, въ зависимости исключительно отъ размѣровъ надѣльнаго обезпеченія. Такъ, еще Чаславскій указывалъ, что «въ центральной полосѣ Самарской губерніи, на ю.-в. окраинѣ губерніи Екатеринославской, у государственныхъ крестьянъ можно найти перелоги, между тѣмъ какъ у помѣщичьихъ хозяйство уже трехпольное; у колонистовъ-болгаръ на берегу Азовскаго моря, близь Бердянска, при большомъ надѣлѣ, хозяйство переложное, между тѣмъ какъ рядомъ у помѣщичьихъ крестьянъ трехпольное». В. Н. Григорьевъ—какъ мы знаемъ—констатировалъ, что въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи, отличающихся большими надѣлами и черноземною почвой, «обработка надѣльной земли и самая система полеводства ближе стоятъ

къ первобытнымъ способамъ хозяйства». Въ южныхъ, черноземныхъ, изобилующихъ непосредственно-пригодными для культуры землями, уѣздахъ Тобольской или Пермской губерній продолжаетъ еще господствовать залежно-паровое хозяйство, тогда какъ на сѣверѣ, гдѣ обиліе лѣса затрудняло разрастаніе хозяйства вширь, уже давно упрочилось трехполье съ удобреніемъ. Крестьяне въ сравнительно богатыхъ землею мѣстностяхъ остаются еще подъ вліяніемъ выработавшейся при большомъ просторѣ привычки къ расширенію, во что бы то ни стало, своихъ запашекъ. Въ виду этой именно привычки они *не считаютъ* даже *нужнымъ* усиленно обрабатывать землю, пока передъ ними еще открыта возможность увеличить свой приходный бюджетъ—хотя бы себѣ въ убытокъ!—путемъ увеличенія посѣвной площади; въ то же время они *и не могутъ* затратить на обработку единицы площади болѣе значительнаго количества труда, такъ какъ имъ приходится распредѣлять свой трудъ между слишкомъ большимъ количествомъ занятыхъ ихъ посѣвами единицъ. И только потерявъ возможность искать спасенія въ расширеніи землепользованія, крестьянское хозяйство начинаетъ искать себѣ выходъ—и находитъ его въ качественномъ улучшеніи земледѣлія. Вотъ почему кн. А. И. Васильчиковъ признавалъ «грубой ошибкой» взгляды тѣхъ, кто, «потворствуя и льстя инстинктивному стремленію русскихъ крестьянъ къ расширенію владѣній, полагаютъ, что чѣмъ больше отведено будетъ земли подъ крестьянскія поселенія, тѣмъ выше будетъ благосостояніе крестьянъ», и положительно утверждалъ, что «всѣ эти экстенсивныя культуры, которыми такъ соблазняются русскіе хлѣбопашцы, составляютъ для нихъ чистый убытокъ и разстраиваютъ ихъ собственное хозяйство»...

Говорятъ, что крестьянское хозяйство не можетъ достаточно быстро эволюціонировать—что ему недостаетъ необходимыхъ для этого знаній и матеріальныхъ средствъ. Но матеріальныя средства, разъ они необходимы, *должны* найтись,—«дополнительныя затраты, говоритъ А. И. Чупровъ въ уже цитированныхъ статьяхъ, вызываемыя повышеніемъ интенсивности хозяйства... будутъ покрываться тѣмъ же, чѣмъ покрываются въ настоящее время въ малоземельныхъ хозяйствахъ расходы на прикупку недостающаго хлѣба или на арендованіе чужихъ земель»,—а также, добавимъ отъ себя, расходы на переселеніе. И эти средства, конечно, найдутся, разъ и въ средѣ самого населенія, и въ обществѣ, и въ правящихъ кругахъ упрочится убѣжденіе въ томъ, что крестьянское хозяйство *не можетъ* оставаться на данномъ низкомъ качественномъ уровнѣ; они найдутся тѣмъ скорѣе, чѣмъ раньше мы откажемся отъ надежды достигнуть чего-нибудь серьезнаго путемъ переселенія. И въ частности, тѣ все возрастающіе милліоны, которыхъ требуетъ переселеніе,—тѣ милліоны, которые придется затрачивать на расчистку, осушку, орошеніе, выдачу переселенцамъ ссудъ, чтобы поддерживать переселеніе хотя бы на уровнѣ послѣднихъ лѣтъ, оказали бы гораздо болѣе сильное и главное—болѣе длящееся воздѣйствіе на крестьянское хозяйство, если бы были затрачены на *качественное* его улучшеніе и на повышеніе его интенсивности. Говорятъ, затѣмъ, о недостаткѣ знаній. Но много ли,

до сихъ поръ, было сдѣлано, чтобы распространить среди народа знанія вообще и въ частности—тѣ спеціальныя знанія, которыя помогли бы ему поднять свое хозяйство?.. Даже земства, въ сущности, пока еще только намѣчаютъ тѣ способы и пріемы, при помощи которыхъ можно воздѣйствовать на крестьянское хозяйство. А между тѣмъ само по себѣ крестьянское хозяйство отнюдь не такъ невоспріимчиво къ возможнымъ улучшеніямъ, какъ это думаютъ многіе, даже искренніе друзья нашего народа. Даже совершенно предоставленное самому себѣ, оно прогрессировало, хотя и медленно, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобы этотъ несомнѣнно наблюдавшійся въ прошломъ прогрессъ остановился или замедлился въ будущемъ. И всякое агрономическое воздѣйствіе, всякій толчокъ извнѣ, приносило и приноситъ чрезвычайно обильные плоды, разъ пропагандируемое улучшеніе вызывается дѣйствительно насущною потребностью или явною выгодой для населенія. Я уже напоминалъ, нѣсколько выше, объ и безъ того извѣстныхъ читателю фактахъ, свидѣтельствующихъ о способности крестьянскаго хозяйства къ прогрессивному развитію [1]). Упомяну здѣсь еще только объ одномъ мелкомъ, но чрезвычайно характерномъ фактѣ, на который мнѣ пришлось натолкнуться при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ въ Сибири. Въ 1890 году мнѣ пришлось встрѣтиться на восточной окраинѣ Томской губерніи съ единичными случаями посѣва какого-то новаго сорта ржи—«ровно озимая рожь, говорили мнѣ крестьяне, только сѣется весной». Черезъ четыре года—въ 1894 году, этотъ сортъ, подъ названіемъ «ржи-весновки», во всей восточной и средней части губерніи совершенно вытѣснилъ прежнюю рожь-ярицу; и необыкновенно быстрое распространеніе этого улучшеннаго сорта ржи было результатомъ скромной попытки Минусинскаго музея, раздавшаго нѣсколько пудовъ улучшенныхъ сѣмянъ крестьянамъ ближайшихъ къ Минусинску деревень. Неопровержимые факты свидѣтельствуютъ, такимъ образомъ, что крестьянское хозяйство вполнѣ доступно прогрессивному воздѣйствію,—разъ послѣднее идетъ навстрѣчу *сознанной* потребности даннаго хозяйственнаго момента. И нельзя сомнѣваться въ томъ, что крестьянское хозяйство окажется способнымъ и на болѣе коренныя перемѣны,—для этого нужно съ одной стороны усилить воздѣйствіе и возвести его въ планомѣрную и связную систему; но съ другой, конечно, нужно, чтобы само населеніе *убѣдилось въ необходимости* реформировать свое хозяйство въ извѣстномъ направленіи. А оно убѣдится въ этомъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ раньше оно потеряетъ вѣру въ спасительную силу переселеній.

Итакъ, мы убѣдились въ томъ, что при относительномъ малоземельѣ—напомнимъ еще разъ, что мы понимаемъ этотъ терминъ очень широко—переселеніе неспособно повести за собою коренного улучшенія положенія крестьянъ, и что даже въ качествѣ палліатива оно приноситъ, въ сущности, лишь очень сомнительную пользу, не разрѣшая, а только растягивая и затягивая болѣзненный кризисъ.

Совершенно иначе стоитъ, конечно, вопросъ при *абсолютномъ*

---

[1]) Стр. 182.

малоземелье, — терминъ, который, впрочемъ, имѣетъ также лишь условное значеніе: надѣлъ въ 2—3 десятины на душу, который я лишь съ большими оговорками согласился бы признать даже относительно-недостаточнымъ для Курской губерніи,—будетъ крайне малъ гдѣ нибудь въ Оренбургской губерніи, а тѣмъ болѣе въ Сибири. И при такомъ, абсолютно-недостаточномъ размѣрѣ надѣла мыслимо, конечно, повышеніе производительности земли до такихъ предѣловъ, при которыхъ десятина въ Курской губерніи, пять десятинъ въ Уфимской или 10 десятинъ въ Тобольской будетъ прокармливать крестьянскую семью. Но *такая* возможность, дѣйствительно, остается совершенно абстрактною,—какое нибудь, скажемъ, плодосмѣнное хозяйство съ искусственными удобреніями, которое могло бы отлично прокормить семью съ пятидесятиннаго надѣла, такъ же мало мыслимо въ Уфимской губерніи, какъ гдѣ нибудь въ Полтавской или Кіевской — переходъ къ садовому хозяйству, при которомъ кіевскій хохолъ благоденствовалъ бы на половинѣ десятины. И тутъ, и здѣсь для устраненія абсолютнаго малоземелья есть *только одинъ*, количественный путь: либо увеличить площадь земельнаго надѣла, либо удалить съ него избыточную часть населенія и такимъ образомъ довести до приблизительно достаточнаго уровня надѣльное обезпеченіе той части крестьянъ, которая останется «на старомъ мѣстѣ» и не порветъ своей связи съ землей. Г. Гурвичъ, какъ мы знаемъ, первый противопоставилъ переселеніе при условіяхъ абсолютнаго малоземелья переселенію относительно-малоземельныхъ крестьянъ, видя въ первомъ «выходъ изъ крайне ненормальнаго экономическаго положенія», во второмъ—«вполнѣ разумное проявленіе народнаго культурнаго консерватизма». Мы старались выше доказать, что культурный консерватизмъ, побуждающій крестьянъ переселяться въ условіяхъ относительнаго малоземелья, отнюдь не можетъ быть признанъ *разумнымъ*, если разсматривать вопросъ съ точки зрѣнія возможныхъ послѣдствій переселенія. Что̀ касается абсолютнаго малоземелья, то существованіе послѣдняго, конечно, ненормально. Но переселеніе, какъ выходъ изъ *такихъ* условій землевладѣнія, приходится признать вполнѣ нормальнымъ, какъ нормально при такихъ условіяхъ и бѣгство населенія изъ деревни въ города, какъ нормальны были бы самыя широкія мѣры къ расширенію его надѣльнаго землевладѣнія. Но, конечно, переселеніе вѣроятно, разумно и желательно для такихъ крестьянъ лишь постольку, поскольку они не успѣли еще порвать если не юридической, то фактической связи съ землею и земледѣліемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—утратить вкуса, способности и привычки къ земледѣльческому труду [1]). «Всегда и вездѣ—справедливо замѣчаетъ Саратовскій губернскій комитетъ—будетъ оставаться въ наличности извѣстная часть населенія, не тяготѣющая къ землѣ, которая не станетъ выселяться для земледѣльческаго труда». Переселеніе *такихъ* элементовъ не только маловѣроятно, — оно и нежелательно, потому что они имѣютъ мало шансовъ на успѣшное и прочное устройство на новыхъ мѣстахъ.

---

1) См. выше, стр. 186.

Какъ мы увидимъ въ послѣдующихъ главахъ, результаты переселенія зависятъ не только отъ объективныхъ, но и отъ субъективныхъ условій, и крестьянинъ, порвавшій съ земледѣльческимъ хозяйствомъ и сдѣлавшійся фабричнымъ или горнозаводскимъ рабочимъ, перенесшій центръ тяжести своего хозяйства въ кустарный промыселъ, привыкшій къ жизни въ батракахъ или на отхожихъ промыслахъ, будетъ, въ видѣ правила, плохимъ переселенцемъ и не упрочитъ своего благосостоянія и на «новыхъ мѣстахъ». И только тѣ изъ абсолютно малоземельныхъ крестьянъ, которые сохранили прочную связь съ землей и земледѣльческимъ хозяйствомъ,—которые, напримѣръ, вели хозяйство въ качествѣ арендаторовъ или испольщиковъ, будутъ не только вѣроятнымъ, но и желательнымъ колонизаціоннымъ элементомъ. Другимъ придется устраиваться какъ-нибудь иначе...

Уже здѣсь, такимъ образомъ, на сцену выступаетъ рѣзкое противурѣчіе между аграрными задачами переселенія и колонизаціонными соображеніями, или иначе сказать—возможными результатами переселенія. Съ аграрной точки зрѣнія наиболѣе раціонально переселеніе абсолютно-малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ—а между тѣмъ значительный, вѣроятно преобладающій элементъ среди этихъ крестьянъ составляютъ такіе, которые не будутъ имѣть ни охоты переселяться, ни тѣхъ свойствъ, отъ которыхъ зависитъ положительный результатъ переселенія. Но еще гораздо рѣзче,—по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ — выступаетъ это противурѣчіе, если имѣть въ виду не размѣры земельнаго обезпеченія, а степень имущественной состоятельности переселенцевъ,—признакъ, какъ мы знаемъ, лишь до извѣстной степени, но отнюдь не необходимо параллельный признаку земельнаго обезпеченія.

Посмотримъ, прежде всего, *кто переселяется фактически*. Свидѣтельскія, такъ сказать, показанія и здѣсь чрезвычайно противорѣчивы. «Одни утверждаютъ — писалъ еще въ 1885 году В. Н. Григорьевъ, имѣя въ виду «голосъ мѣстныхъ жителей объ этомъ явленіи», что идетъ съ родины бѣднякъ и пропойца, другіе не сомнѣваются, что чуть не одни богачи составляютъ контингентъ переселенцевъ». Разнорѣчивые отзывы можно услыхать, при опросахъ, и отъ самихъ переселенцевъ; одни говорятъ, что въ Сибирь идетъ «одна бѣднота», такъ какъ «богатому и дома хорошо»; другіе, напротивъ, — что въ Сибирь идутъ одни болѣе состоятельные, ибо «бѣднотѣ тронуться не съ чѣмъ»; третьи—что двигаются «середняки», «ровненькіе», такъ какъ богатому «незачѣмъ», бѣдному—«не съ чѣмъ идти»... Не меньшею пестротою отличаются показанія литературы и общественнаго мнѣнія, поскольку оно выражалось, напримѣръ, въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Для однихъ самый фактъ переселенія служитъ доказательствомъ того, что «дома жить нельзя, что дома въ глаза смотритъ нищета, что дома даже изумительно низкій уровень потребностей русскаго крестьянина оказывается неудовлетворимо высокимъ» [1]); другіе убѣждены въ томъ, что пересе-

[1]) Бѣлевскій въ „Русск. Бог.", 1904, августъ, стр. 2.

ленія «извлекаютъ отъ насъ крестьянъ зажиточныхъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ стоящихъ надъ уровнемъ окружающей толпы, разсудительныхъ, хозяйственныхъ и трудолюбивыхъ, — т.-е. самый лучшій элементъ» [1]). А. И. Кошелевъ, въ своей рецензіи на работу В. Н. Григорьева, констатируетъ тотъ фактъ, что «всего меньше уходило и уходитъ со старыхъ мѣстъ крестьянъ средняго достатка». А по господствующему или во всякомъ случаѣ весьма распространенному въ литературѣ вопроса мнѣнію, переселяются главнымъ образомъ именно среднесостоятельные крестьяне. И такое мнѣніе, уже разсуждая a priori, представляется наиболѣе правдоподобнымъ. «Съ деньгами, вообще, — говорилъ А. А. Исаевъ жизнь можетъ быть обставлена бо̀льшими удобствами въ Россіи, нежели въ Сибири», а слѣдовательно—переселяться имъ, дѣйствительно, незачѣмъ. Съ другой же стороны «нужда — это тоже крестьянскій афоризмъ—гонитъ, нужда и не пускаетъ». Для переселенія нужны средства—какъ на болѣе или менѣе долгій, болѣе или менѣе трудный путь, такъ и на то, чтобы кое какъ обзавестись на новомъ мѣстѣ; этими средствами бѣднѣйшіе элементы не располагаютъ, — а между тѣмъ далеко не всякій рѣшится идти въ далекую Сибирь пѣшкомъ, везя дѣтей на тачкѣ, въ разсчетѣ единственно на могущій случиться на новомъ мѣстѣ заработокъ. И какъ вліяетъ въ этомъ направленіи факторъ нужды,—можно наглядно видѣть изъ данныхъ, приведенныхъ въ сводномъ статистическомъ сборникѣ Курскаго губернскаго земства: среди переселившихся въ губерніи Предкавказья, въ Заволжскій край, въ Донщину и Таврію—вообще въ ближайшіе колонизаціонные районы, безлошадные составляли 28,7, 30,2 и 25,3%, домохозяева съ тремя и болѣе лошадьми—7,4, 4,6 и 5,4%; среди переселенцевъ, рѣшившихся идти въ далекую Сибирь—первые всего 1,5%, вторые 32,3%. Нужда *«гнала»* одинаково и въ Сибирь, и куда нибудь въ Донскую область, — но нужда *«не пускала»* въ Сибирь, мало препятствуя переселенію въ европейскіе колонизаціонные районы. Затѣмъ однако нужда и болѣе или менѣе неразрывно связанная съ нею безхозяйственность ослабляютъ и самые мотивы къ переселенію: «Картинность слуховъ о сибирскомъ просторѣ—говоритъ Н. Я. Новомбергскій—не увлекаетъ совсѣмъ безхозяйственныхъ, настоящій деревенскій пролетаріатъ. Безхозяйному не на что̀ двинуться, да и охоты пожалуй мало искать Богъ знаетъ гдѣ земли, съ которой у него связь уже въ значительной мѣрѣ порвана. Земли добивается еще тотъ, кто не успѣлъ освободиться отъ ея власти, для кого земля источникъ не только матеріальнаго, но нравственнаго и эстетическаго удовлетворенія»... При томъ же «сознаніе о нуждѣ, о возможности ея усиленія, угнетаетъ хозяевъ, стоящихъ на рубежѣ обезпеченія и нищеты, быть можетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ менѣе обезпеченныхъ землею (а слѣдовательно — для данной мѣстности — въ видѣ правила и бѣднѣйшихъ), но уже приспособившихся къ существующимъ условіямъ» [2]).

---

[1]) Полтавская 285.

[2]) Полтавская 71.

Какъ бы то ни было, но еще г. Гурвичъ опредѣленно высказывалъ, что «преобладающимъ элементомъ въ современномъ переселенческомъ движенiи слѣдуетъ считать крестьянъ средняго достатка; бѣднѣйшiе крестьяне составляютъ среди переселенцевъ меньшинство; еще слабѣе участiе богатыхъ крестьянъ, что объясняется съ одной стороны ихъ малочисленностью, а съ другой—болѣе благопрiятными для нихъ условiями быта на родинѣ» [1])...

Совершенно очевидно, что точный отвѣтъ на вопросъ о томъ, *кто* переселяется, можно получить только на основанiи массоваго статистическаго матерiала; безъ этого—говоря словами В. Н. Григорьева, «даже у мѣстныхъ жителей, близко видѣвшихъ движенiе, но не охватившихъ достаточнаго числа фактовъ», исключающiя другъ друга мнѣнiя «зависятъ отъ тѣхъ случаевъ переселенiя, съ которыми приходилось сталкиваться ихъ автору».

Къ сожалѣнiю, единственный *сплошной* массовый матерiалъ, дающiй свѣдѣнiя, между прочимъ, о хозяйственномъ положенiи переселенцевъ на родинѣ—именно статистическiя данныя, собранныя канцелярiею комитета министровъ черезъ крестьянскихъ начальниковъ, представляется слишкомъ неточнымъ, и пользованiе имъ, въ данномъ вопросѣ, могло бы привести къ невѣрнымъ заключенiямъ [2]). Поэтому, мы приведемъ въ нижеслѣдующихъ табличкахъ данныя мѣстныхъ экспедицiонныхъ изслѣдованiй, относящiяся къ немногимъ отдѣльнымъ колонизацiоннымъ районамъ, но зато могущiя претендовать на далеко большую достовѣрность.

Вотъ, прежде всего, данныя по переселенческимъ поселкамъ Томской губернiи, по подворной описи, произведенной мною въ 1894 году.

	У всѣхъ описанныхъ переселенц.	У прибывшихъ до 1887 года.	У прибывшихъ съ 1888 по 1983 годъ.
Въ среднемъ на семью было:			
рабочихъ лошадей	1,5	2,0	1,4
дойныхъ коровъ	1,2	1,8	1,1
десятинъ посѣва	3,7	4,9	3,4
% семей: безлошадныхъ . .	19,8	5,9	21,9
съ 2 болѣе и лошадьми . .	42,1	57,1	39,2

---

[1]) См. также „Отчетъ ст.-секр, Куломзина", стр. 2—3.

[2]) Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сравнить среднiе размѣры посѣвной площади: для тобольскихъ переселенцевъ 2,3 и томскихъ 2,1, и цифры процента безлошадныхъ дворовъ — 30 и 25%, съ приведенными въ текстѣ, несомнѣнно болѣе точными (хотя-бы уже потому, что ошибка въ смыслѣ *преувеличенiя*, какъ всѣмъ извѣстно, совершенно неправдоподобна) цифровыми данными экспедицiонныхъ изслѣдованiй.

Отмѣтимъ пока огромную разницу между переселенцами болѣе ранняго и болѣе поздняго періода,—разницу, объясняемую тѣмъ, что до 1887 года преобладали выходцы изъ сѣверо-восточныхъ, во второмъ — изъ центральныхъ губерній (откуда между прочимъ ясно, что разница въ размѣрахъ посѣвной площади, численности скота и т. п. далеко еще не равнозначуща разницѣ въ степени благосостоянія переселенцевъ). А затѣмъ перейдемъ къ даннымъ о тобольскихъ переселенцахъ, по подворной описи г. Станкевича и по позднѣйшему изслѣдованію Н. Я. Новомбергскаго:

	Въ среднемъ на дворъ имѣли: десят. пос.	лош.	% дворовъ безъ рабочаго скота.
По даннымъ г. Станкевича:			
прибывшіе до 1883 года . .	3,7	2,0	11,0
въ 1883—1885 гг.	2,7	1,5	9,4
„ 1886—1888 „	3,2	1,5	15,8
„ 1889—1891 „	3,2	1,3	17
„ 1892—1893 „	3,2	1,3	27
За все время	3,2	1,5	18,1
По даннымъ г. Новомбергскаго:			
Въ 1887—1897 гг. въ Ишимскомъ у.	2,5	1,1	35,6
Въ 1887—1897 гг. „ Тюкалинск. у.	2,0	1,3	26,2

Всѣ цифры здѣсь, такимъ образомъ, замѣтно ниже, нежели у томскихъ переселенцевъ,—и это потому, что Тобольская губернія—по словамъ г. Новомбергскаго—играетъ роль «перваго этапа, черезъ который переваливаютъ наиболѣе состоятельные»; что въ частности Тобольская губернія «усиленно рекомендуется переселенческими чиновниками какъ мѣстность, находящаяся ближе къ мѣсту выселенія неимущихъ, а слѣдовательно — и болѣе доступная при ничтожныхъ средствахъ, оставшихся отъ пути». А затѣмъ и среднія величины, и въ особенности процентъ безлошадныхъ, измѣняются, съ теченіемъ времени, въ неблагопріятную сторону: весьма рѣзкій скачокъ отъ группы пришедшихъ до 1883 года къ группѣ 1883—1885 гг., объясняемый, вѣроятно, также появленіемъ на сценѣ выходцевъ изъ новыхъ колонизаціонныхъ районовъ, смѣняется затѣмъ постепеннымъ пониженіемъ среднихъ величинъ и повышеніемъ процента безлошадныхъ, характеризующимъ уже *дѣйствительное* пониженіе благосостоянія переселенцевъ [1]).

[1]) Мы располагаемъ, кромѣ того, еще данными челябинской регистраціи переселенцевъ за 1894—1897 гг. (за послѣдующіе два года соотвѣтственныя данныя, почему то, не попали въ печатные сборники), — но мы не приводимъ ихъ въ текстѣ главнымъ образомъ потому, что и они едва ли могутъ притязать на достаточную внутреннюю достовѣрность; переселенецъ въ фазисѣ переселенія наиболѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы преуменьшать свое хозяйственное положеніе на родинѣ, — тѣмъ болѣе заинтересованъ, что статистическая регистрація переселенческаго пункта слишкомъ близко, если не по существу, то по времени и мѣсту, связывается съ чисто практическими вопросами о пособіяхъ, дешевомъ тарифѣ, указаніи земли и т. п. Что

Чтобы имѣть затѣмъ возможность извлечь изъ приведенныхъ цифръ отвѣтъ на занимающій насъ въ данную минуту вопросъ — какіе именно, въ смыслѣ состоятельности, элементы даютъ главную массу переселенцевъ, приведемъ въ нижеслѣдующей табличкѣ взятыя изъ земскихъ подворныхъ описей [1]) данныя, изображающія обезпеченность рабочимъ скотомъ крестьянъ нѣсколькихъ изъ тѣхъ губерній, которыя отпускаютъ или отпускали наибольшее число переселенцевъ:

Средпія и малорусскія губерніи.	Среднее число головъ рабоч. скота.	% дворовъ безъ рабоч. скота.	Восточныя губерніи.	Среднее число головъ рабоч. скота.	% дворовъ безъ рабоч. скота.
Черниговская.	1,8	22,2	Самарская.	2,8	12,4
Полтавская . .	0,8	34,2	Пермская .	1,5	29,3
Воронежская .	1,7	21,7	Вятская. . .	1,3	17,1
Курская . . .	1,6	25,0			
Рязанская . .	1 2	23,7			
Тамбовская . .	1,6	11,3			

Сопоставленіе съ этими данными приведенныхъ выше цифръ обезпеченности скотомъ переселенцевъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ, прежде всего, мнѣніе, будто *главный* контингентъ переселенцевъ берется изъ наименѣе состоятельныхъ группъ крестьянства: процентъ дворовъ, не имѣвшихъ рабочаго скота, даже среди томскихъ и тобольскихъ переселенцевъ—а они, въ среднемъ, далеко бѣднѣе алтайскихъ и акмолинскихъ — въ общемъ, не выше, нежели среди всего вообще населенія тѣхъ мѣстностей, которыя отпускаютъ переселенцевъ. А сопоставленіе среднихъ цифръ лошадности показываетъ, что обезпеченность переселенцевъ рабочимъ скотомъ въ среднемъ не ниже, нежели средняя обезпеченность скотомъ всего населенія губерній, отпускающихъ переселенцевъ. Казалось бы, этимъ подтверждается господствующее мнѣніе, что переселяются, по преимуществу, среднесостоятельные элементы. Но такое заключеніе можетъ быть принято лишь съ большими оговорками, — оно вѣрно лишь *какъ статистическая средняя,* но далеко не выражаетъ

это такъ,—въ этомъ не трудно убѣдиться, сопоставивъ съ помѣщенными въ текстѣ данными экспедиціонныхъ изслѣдованій слѣдующія среднія цифры, извлеченныя изъ данныхъ челябинской регистраціи: среднее число головъ рабочаго скота за четырехлѣтіе для всѣхъ вообще прошедшихъ переселенцевъ 1,2, для выходцевъ изъ районовъ сѣвернаго черноземнаго 1,2, средняго черноземнаго 0,9, восточнаго и юго-восточнаго 1,5, нечерноземныхъ губерній 1,1; % безлошадныхъ дворовъ, соотвѣтственно,—27,1, 23,5, 36,2, 21,9, 28,4; % дворовъ съ 3 и болѣе головами рабочаго скота 8,3, 9,5, 4,4, 12,9, 8,7. Данными экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей мы, по объясненной въ предисловіи причинѣ, лишены возможности воспользоваться.

[1]) Цифры мы беремъ изъ „Сводн. сборн." г. Благовѣщенскаго.

дѣйствительной сущности занимающаго насъ явленія. Въ дѣйствительности пестрота цифръ вполнѣ соотвѣтствуетъ пестротѣ тѣхъ мнѣній, которыя мы выше излагали,—и это вполнѣ естественно, потому что каждое изъ этихъ мнѣній, страдая, можетъ быть, излишнею обобщенностью, исходя изъ наблюденій, «не охватившихъ достаточнаго числа фактовъ», базируетъ однако на дѣйствительныхъ наблюденіяхъ и дѣйствительныхъ фактахъ, которые и находятъ себѣ массовое отраженіе въ приведенныхъ цифрахъ: мы видимъ изъ послѣднихъ, что на переселеніе двигается, кромѣ среднесостоятельныхъ дворовъ, и безхозяйная бѣднота, преодолѣвая всѣ трудности и препятствія, вытекающія изъ недостатка средствъ; временами и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ составляя лишь незначительный процентъ, эта бѣднота въ другое время и въ другихъ мѣстностяхъ даетъ до четверти всѣхъ переселенцевъ. Видимъ, что въ переселеніи участвуютъ, притомъ отнюдь не въ видѣ случайныхъ исключеній, и наиболѣе состоятельные элементы крестьянскаго населенія, которыхъ особенно много на Алтаѣ и въ Акмолинской области.

Столь пестрое по своимъ основнымъ причинамъ и непосредственнымъ мотивамъ, переселенческое движеніе оказывается не менѣе пестрымъ и по имущественной состоятельности переселяющихся. Какіе же, спрашивается, изъ столь разнообразныхъ по имущественной состоятельности элементовъ, имѣющихъ своихъ представителей среди переселенческой массы, должны быть признаны наиболѣе желательными съ аграрно-политической точки зрѣнія, вообще — съ точки зрѣнія возможныхъ ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ послѣдствій переселенія?

Вопросу о переселеніи, по преимуществу, состоятельныхъ, или наоборотъ, бѣднѣйшихъ элементовъ придается громадное значеніе, — и преобладаетъ въ настоящее время тотъ взглядъ, что аграрныя задачи переселенія требуютъ выселенія если не исключительно, то главнымъ образомъ бѣднѣйщихъ элементовъ. «Въ настоящее время—читаемъ мы въ мотивахъ къ первому проекту новаго переселенческаго закона [1]), переселеніе нерѣдко отвлекаетъ лучшія семьи и приводитъ къ разрушенію наиболѣе достаточныхъ и прочныхъ хозяйствъ на мѣстахъ выхода»; между тѣмъ, «правительственственное содѣйствіе такимъ лицамъ наравнѣ съ малоимущими домохозяевами, при естественной ограниченности свободнаго земельнаго запаса, едва ли можетъ найти себѣ оправданіе», такъ какъ переселеніе такихъ элементовъ «не отвѣчало бы интересамъ внутреннихъ губерній,—т. е. не достигалась бы главная цѣль задуманной постановки дѣла». И проектъ закона, внесенный въ государственный совѣтъ, содержалъ прямое указаніе «отдавать предпочтеніе наименѣе состоятельнымъ семьямъ». Составители новаго закона всецѣло шли въ этомъ отношеніи навстрѣчу настоятельнымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія, и напримѣръ въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ принципъ переселять «не болѣе состоятельныя, а наоборотъ—самыя бѣд-

[1]) Стр. 16—17.

ныя, малоземельныя, неимущія семьи» разсматривался какъ до очевидности ясный, а потому не требующій особаго обоснованія, выводъ изъ того неоспоримаго положенія, что «переселеніе необходимо сдѣлать мѣрой государственной помощи малоземельнымъ крестьянамъ».

Въ третьей главѣ мы должны будемъ подробно остановиться на вопросѣ о значеніи состоятельности переселенцевъ, какъ условія успѣшнаго ихъ устройства на «новыхъ мѣстахъ». Здѣсь намъ достаточно констатировать непримиримое, въ данномъ случаѣ, противурѣчіе между видами аграрной политики, какъ ихъ принято понимать, и условіями успѣшнаго устройства переселенцевъ, какъ оно формулировано въ нижеслѣдующихъ словахъ Ѳ. Г. Тернера [1]): «въ интересахъ мѣстностей, откуда направляется переселеніе, желательно, чтобы изъ нихъ выходили люди, не могущіе прокормить себя при существующихъ условіяхъ. Съ другой стороны мѣстности, куда идетъ переселеніе, открывая широкое поле свободному проявленію самостоятельнаго хозяйства переселенцевъ, желали бы получить людей, возможно болѣе способныхъ выполнить задачу быстрой и привольной колонизаціи края, т. е. хорошихъ, старательныхъ хозяевъ». По справедливому, въ значительной мѣрѣ, замѣчанію почтеннаго автора, «общій государственный интересъ заключается въ примиреніи этихъ двухъ, повидимому противуположныхъ, потребностей — съ государственной точки зрѣнія наиболѣе желательно, чтобы выселялись лица, нуждающіяся въ улучшеніи своего благосостоянія, но въ то-же время не утратившія своей хозяйственной самостоятельности»... Иначе сказать, теоретически наиболѣе правильнымъ является переселеніе тѣхъ именно *среднесостоятельныхъ* элементовъ, которые—какъ мы видѣли—всегда составляли главное ядро переселенческаго движенія. Но господствующій въ литературѣ и обществѣ взглядъ не ищетъ такого примиренія и останавливается на простѣйшемъ, на первый взглядъ, рѣшеніи вопроса — способствовать переселенію *беднѣйшихъ* элементовъ малоземельнаго крестьянства.

Такой взглядъ могъ казаться вполнѣ правильнымъ при еще недавно существовавшихъ условіяхъ переселенія. Но теперь условія совершенно иныя: селиться приходится либо въ дремучей тайгѣ, либо въ глухой киргизской степи; обзаведеніе обходится значительно дороже, гораздо дольше приходится дожидаться результатовъ перваго посѣва, — вообще, чтобы упрочить свое хозяйство, переселенцу требуется гораздо больше средствъ, благодаря отдаленности новыхъ поселеній отъ заселенныхъ мѣстностей. И въ то-же время до послѣдней степени сократилась возможность стороннихъ заработковъ. Переселеніе для беднѣйшихъ элементовъ возможно, при такихъ условіяхъ, *только* на казенный счетъ. И въ соотвѣтствіи съ этимъ идея казенно-коштнаго переселенія съ каждымъ годомъ сильнѣе распространяется въ административныхъ сферахъ и въ общественномъ мнѣніи, неразрывно связываясь съ идеей переселенія беднѣйшихъ элементовъ. «Переселять—писалъ еще въ 1894 году А. И. Скворцовъ, придется тѣхъ,

[1]) l. c., стр. 303.

*

которымъ плохо живется дома, кто успѣлъ уже разориться и рѣшается на переселеніе, потому что ничего не осталось терять. Чтобы эти переселенцы могли устроиться па новыхъ мѣстахъ сколько нибудь сносно, нужно, слѣдовательно, государственное пособіе, проще говоря — прямо переселеніе на государственный счетъ». И такъ же категорически высказываются многіе мѣстные комитеты. «По отношенію къ неимущимъ крестьянамъ — говоритъ одинъ изъ нихъ, должны быть выработаны правила, по которымъ расходы въ пути и устройство на новомъ мѣстѣ полностью были бы отнесены на государственную казну». Довольно многіе комитеты, правда, надѣются впослѣдствіи взыскать съ новоселовъ затраченныя на переселеніе и обзаведеніе деньги. Но г. Пѣшехоновъ[1]) совершенно справедливо возражаетъ, что при такой постановкѣ дѣла «на землю опять были бы возложены непосильныя обязательства». И единственный отсюда выходъ, разъ желать переселенія неимущихъ крестьянъ, — конечно тотъ, къ которому приходитъ г. Пѣшехоновъ: «необходимо сразу идти на безвозвратные расходы».

Меня нисколько не устрашаютъ тѣ финансовыя соображенія, которыя побуждаютъ, напр., проф. Скворцова высказаться противъ казенно-коштной организаціи переселеній. Разъ крестьянское хозяйство дѣйствительно переживаетъ тяжелый кризисъ, и разъ этотъ кризисъ можетъ быть устраненъ при помощи извѣстныхъ пожертвованій, передъ этими пожертвованіями—какъ бы они ни были велики—нельзя останавливаться. Но послѣ всего сказаннаго выше, для насъ прежде всего большой вопросъ: *въ эту ли сторону* слѣдуетъ направлять государственныя средства? И это даже въ томъ случаѣ, если бы казеннокоштность переселенія, сама по себѣ, не вела за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій. А она несомнѣнно ведетъ ихъ за собой. Не подлежитъ, прежде всего, сомнѣнію—да и не можетъ быть иначе, разъ считать крестьянъ способными къ самому простому разсчету, что щедрая правительственная помощь, и въ особенности безвозвратная, будетъ новымъ стимуломъ къ увеличенію размѣровъ переселенія, — а мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что возможность такого увеличенія безусловно исключается размѣрами нашихъ земельныхъ запасовъ. Слишкомъ широкая правительственная помощь — писалъ въ 1896 году А. Н. Куломзинъ[2])—«способна искусственнымъ образомъ усилить приливъ въ Сибирь переселенцевъ, тогда какъ будущее переселенческаго движенія требуетъ особливой осторожности къ поступательному его развитію. Я убѣжденъ, — прибавлялъ г. Куломзинъ, и здѣсь, кажется намъ, центральный пунктъ вопроса—что залогъ успѣха всего колонизаціоннаго и переселенческаго дѣла лежитъ единственно въ томъ, чтобы въ Сибирь шелъ народъ энергичный, бодрый, сознающій свои дѣйствія и поступки». Но именно этихъ, первостепенно важныхъ условій не будетъ на лицо, разъ переселеніе сдѣлается казенно-кошт-

---

1) l. c. стр. 85.
2) „Отчетъ“, стр. 184—5.

нымъ. Это—истина, доказанная всею практикой и западно-европейской колонизаціи, и русскаго переселенія. «При тѣхъ неустранимыхъ требованіяхъ — говоритъ Рошеръ[1]), которыя природа молодой колоніи ставитъ къ личнымъ свойствамъ колонистовъ, избытокъ правительственной помощи легко можетъ стать еще болѣе вреднымъ, нежели недостаточность ея». Нѣкоторые—напр. кн. А. Васильчиковъ—возстаютъ на этомъ основаніи даже противъ безплатнаго отвода земельнаго надѣла: «можно безусловно признать — говоритъ онъ[2]), что безплатный земельный надѣлъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ собственниковъ имѣетъ на нихъ самихъ и на народное хозяйство такое же зловредное дѣйствіе, какъ и всякое даровое подаяніе, развивая тунеядство и праздношатаніе, привлекая людей легкомысленныхъ, неспособныхъ къ прилежному труду»... Я лично не рѣшаюсь высказаться по данному частному вопросу, такъ какъ слишкомъ мало знаю фактовъ, способныхъ освѣтить его. Въ Самарской и Уфимской губерніяхъ мѣстные дѣятели, причастные къ переселеніямъ, болѣе или менѣе единодушно утверждаютъ, что переселенцы, купившіе землю черезъ крестьянскій банкъ, гораздо прочнѣе устраиваются, нежели надѣленные казенною землею, и видятъ въ этомъ аргументъ противъ безплатнаго надѣла. Остается однако вопросомъ, является ли эта разница результатомъ именно безплатности надѣленія или просто — меньшей состоятельности тѣхъ переселенцевъ, которые садятся на казенныя земли, по сравненіи съ покупщиками крестьянскаго банка. Но вредное вліяніе казеннокоштности въ болѣе широкомъ смыслѣ слова не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, такъ какъ подтверждается несомнѣнными фактами и свидѣтельствами. Я не буду, уже говорить о казеннокоштномъ переселеніи уссурійскихъ казаковъ, которые «пріѣхали—не пожелали строить себѣ ни избъ, ни дворовъ, такъ что начальство вынуждено было нагнать къ нимъ китайцевъ для этихъ построекъ»—казачья колонизація, особенно на дальнемъ востокѣ, и помимо казеннокоштности отличается такими особенностями, при которыхъ нельзя удивляться ея плачевнымъ результатамъ. Но опытъ казеннокоштнаго переселенія въ Уссурійскій край былъ сдѣланъ въ началѣ 80-хъ годовъ и по отношенію къ крестьянамъ. И покойный Ф. Ф. Буссе[3]), дѣятель, котораго народолюбіе стоитъ, опять-таки, внѣ сомнѣній, на основаніи точнаго подворнаго опроса констатируетъ, что «наростаніе посѣвовъ у казенно-коштныхъ переселенцевъ идетъ гораздо медленнѣе, такъ что въ общемъ выводѣ мы безъ большой ошибки можемъ принять это запаздываніе на 3 года, сравнительно съ успѣхомъ хлѣбопашества у своекоштныхъ переселенцевъ»; что «въ первый годъ казеннокоштные засѣяли менѣе одной трети той площади, которую засѣяли своекоштные, несмотря на то, что щедрое обезпеченіе казны снимало съ нихъ тягостныя заботы о продовольствіи семьи и о заведеніи хозяйственнаго

---

[1]) l. c., стр. 49.
[2]) Назв. соч., стр. 906, 989.
[3]) „Перес. крест. моремъ въ Усс. край“, стр. 139, 151 и др.

инвентаря — заботы, которыя отнимали много времени и труда у своекоштныхъ, въ ущербъ запашкѣ»; что вообще казеннокоштные— несравненно худшіе хозяева, нежели своекоштные; у своекоштныхъ «и въ бѣдной обстановкѣ видны заботы хозяина и приложеніе упорнаго труда», тогда какъ казеннокоштный довольствуется самымъ убогимъ жилищемъ, самымъ плохимъ хлѣвомъ и изгородью. И въ конечномъ выводѣ Ф. Ф. Буссе приходитъ къ тому заключенію, что «безвозмездная помощь приноситъ весьма мало пользы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вредъ, пріучая нерадиваго хозяина разсчитывать не столько на свою энергію и трудъ, сколько на подачку». И нельзя, намъ кажется, привести болѣе краснорѣчиваго и въ то же время болѣе убѣдительнаго по своей безстрастной объективности свидѣтельства, какъ нижеслѣдующій отрывокъ изъ уже цитированнаго письма крестьянина Бѣлякова, напечатаннаго въ «Русскомъ Богатствѣ». «Вотъ мы перебились кое-какъ—говоритъ г. Бѣляковъ, пособіемъ первую зиму, которая была у насъ за великій праздникъ: день и ночь картамъ спокою не давали, а по ночамъ отъ конца и до конца наскрозь деревни хороводы водились, и уже получили мы 62 рубля, а на Бурковомъ участкѣ, 8 верстъ отъ насъ, говорятъ, и по 150 рублей получили, да еще на третье подали по 100 рублей. И вотъ наша молодежь и веселилась по всей ногѣ, а старики на печи протерли о кирпичи всѣ плечи у послѣднихъ рубашонокъ, и не думали о будущей веснѣ и посѣвѣ — такъ и думали, что сѣмена ко дню посѣва будутъ готовы либо изъ Омска, а то прикажутъ богатому старожилу отворить амбары»...

И это — при тѣхъ ничтожныхъ, въ сущности, ссудахъ, которыя давались переселенцамъ и даются имъ по настоящее время — при *ссудахъ* притомъ, а не безвозвратныхъ пособіяхъ!.. Не трудно себѣ представить, какъ отразится на переселенческой психологіи полная *казеннокоштность* переселенія и устройства на новыхъ мѣстахъ! А между тѣмъ, никакое казеннокоштное переселеніе не обезпечитъ переселенцевъ навсегда — неизбѣжно наступитъ моментъ, когда имъ придется перейти на собственное иждивеніе. Для этого надо работать энергично и упорно,—тѣмъ упорнѣе, чѣмъ дальше колонизація продвигается вглубь тайги и дикихъ киргизскихъ степей, и казеннокоштность, ослабляя стимулы къ такому энергичному и упорному труду, въ концѣ концовъ лишь самымъ пагубнымъ образомъ отразится на благосостояніи новоселовъ.

Такимъ образомъ, противорѣчіе между необходимостью переселять бѣднѣйшихъ крестьянъ и трудностью для нихъ устраиваться на «новыхъ мѣстахъ» не можетъ быть разрѣшено на почвѣ казеннокоштнаго переселенія, а тѣмъ болѣе—на почвѣ крупныхъ ссудъ, которыя либо обратятся фактически въ безвозвратныя пособія, либо задавятъ новоселовъ непосильными платежами. Намъ лично думается, что выхода изъ этого противорѣчія слѣдуетъ искать на другой сторонѣ поставленной дилеммы. Надо спросить себя: дѣйствительно ли аграрныя задачи переселенческой политики требуютъ переселенія именно *бѣднѣйшихъ элементовъ*? Утвердительный отвѣтъ на этотъ

вопросъ ставится какъ аксіома, но въ сущности никто не сдѣлалъ даже попытки подкрѣпить его какими либо доказательствами. Переселеніе «необходимо сдѣлать мѣрой помощи малоземельнымъ крестьянамъ»—а потому надо переселять «самыя малоземельныя, неимущія семьи»... Намъ кажется, что изъ перваго, безусловно правильнаго положенія можно сдѣлать только одинъ выводъ: что желательно переселеніе *изъ малоземельныхъ обществъ*. Но изъ него совершенно не вытекаетъ желательность переселенія не только самыхъ бѣдныхъ, но даже—наиболѣе малоземельныхъ *дворовъ*. Вѣдь разсуждая, на первый разъ, совершенно схематически, важно только одно: чтобы изъ перенаселенной мѣстности ушелъ излишекъ населенія, и чтобы оставленная ушедшими земля равномѣрно распредѣлилась между остающимися. Мало того: уходъ безземельныхъ или обладавшихъ минимальными надѣлами дворовъ—именно потому, что они безземельные и малоземельные, не поможетъ довести до нормы землевладѣніе остающихся дворовъ. Они если и выиграютъ, то лишь поскольку они освободятся отъ конкурренціи ушедшихъ при арендованіи частновладѣльческихъ земель и при продажѣ на сторону своей рабочей силы; но вѣдь задача переселенческой политики именно въ томъ и состоитъ, чтобы устранить самую необходимость продажи рабочей силы и аренды внѣнадѣльной земли, поскольку такая аренда носитъ не коммерческій, а продовольственный характеръ. И напротивъ—земля, оставшаяся отъ ушедшихъ многоземельныхъ дворовъ, если ею цѣлесообразно распорядиться, можетъ пополнить земельный дефицитъ въ нѣсколько разъ бо́льшаго числа малоземельныхъ и избавить ихъ отъ необходимости и арендовать землю, и продавать свою рабочую силу. Конечно, этимъ дворамъ нужно будетъ имѣть и увеличенный инвентарь, и вообще средства для эксплоатаціи земли. Но если остающіеся на мѣстѣ не окончательно забросили хозяйство, то у нихъ есть нѣкоторый инвентарь, и расходы на его пополненіе и на оборотный капиталъ, или даже—для вовсе забросившихъ хозяйство—на полное обзаведеніе будутъ несравненно меньше, чѣмъ расходы на переселеніе и обзаведеніе на «новыхъ мѣстахъ». Для Акмолинской области, по отнюдь не могущимъ претендовать на точность исчисленіямъ мѣстной администраціи, стоимость обзаведенія колеблется между 460 и 580 рублями, по разсчетамъ переселенческихъ чиновниковъ между 364 и 500 рублями; для Тобольской губерніи—по исчисленіямъ первой между 365 и 550 рублями, по разсчетамъ вторыхъ, между 250 и 425 рублями; всѣ эти цифры, предполагая ихъ приблизительно вѣрными, должны быть значительно повышены для среднесибирскихъ губерній и по крайней мѣрѣ удвоены для Приамурскаго края. Къ этимъ цифрамъ, изображающимъ во всякомъ случаѣ минимальную стоимость обзаведенія и тѣмъ болѣе—существованія до перваго урожая (въ разсчетъ принималась только стоимость хлѣба!), надо прибавить еще стоимость самого передвиженія и затраты ходоковъ, надо прибавить еще расходы изъ государственныхъ средствъ на организацію передвиженія переселенцевъ, на обмежеваніе земель и т. п., которые значительно—можетъ быть, въ нѣсколько разъ—возрастутъ, если

будутъ въ широкихъ размѣрахъ предприняты тѣ оросительныя и осушительныя работы и расчистки въ сибирской тайгѣ, которыя были бы необходимы, чтобы хоть сколько нибудь замѣтно увеличить размѣры земельнаго колонизаціоннаго фонда и соотвѣтственно раздвинуть тѣ тѣсные предѣлы, въ которые теперь поставлено переселенческое движеніе. При умѣренномъ разсчетѣ стоимости ирригаціи въ 50 рублей на десятину и предполагая, что переселенцы будутъ получать на душу—какъ это установлено закономъ для Туркестанскаго края,—всего по три десятины орошенной земли, расходы по одному лишь искусственному орошенію составятъ по 450 рублей на семью, могущую быть водворенной въ районахъ ирригаціоннаго хозяйства... Очевидно, что сумма этихъ затратъ съ большимъ избыткомъ покроетъ стоимость пополненія инвентаря и оборотнаго капитала даже самыхъ несостоятельныхъ хозяйствъ, если они, оставшись дома, получать землю переселившихся, болѣе состоятельныхъ сосѣдей. Нѣсколько иначе поставится вопросъ въ мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ, гдѣ остающимся на мѣстѣ придется, такъ или иначе брать на себя выплату цѣнности тѣхъ земельныхъ участковъ, которые достанутся имъ отъ ихъ переселившихся односельчанъ; но нельзя вѣдь забывать, что въ пассивъ переселенія надо ставить и цѣнность тѣхъ государственныхъ земель, которыя получаютъ переселенцы. Эта цѣнность, въ видѣ правила, не поддается даже приблизительному учету, но она не можетъ быть пренебрегаема государствомъ, которое должно предусматривать, что земля, можетъ быть, въ данный моментъ очень мало стоющая, можетъ пріобрѣсти, въ будущемъ, большое значеніе и болѣе или менѣе высокую цѣнность. Прійти къ какому либо точному числовому выводу изъ сказаннаго очень трудно; но вполнѣ правдоподобнымъ будетъ то общее заключеніе, что переселеніе малоземельной крестьянской семьи обойдется не дешевле, а при общинномъ владѣніи—значительно дороже, нежели устройство ея на родинѣ, на землѣ, оставленной болѣе состоятельными, двинувшимися на переселеніе. У недостаточныхъ элементовъ нашего крестьянства нѣтъ, правда, собственныхъ средствъ для такого устройства,—но у нихъ нѣтъ собственныхъ средствъ и для переселенія, и слѣдовательно потребность въ государственной помощи останется неизмѣнною и въ томъ, и въ другомъ случаѣ. Но устройство на родинѣ малоземельныхъ и—въ видѣ правила—бѣднѣйшихъ семей представляетъ гораздо меньше риска, нежели ихъ переселеніе. Затраты на переселеніе—это, въ значительной степени, ставка ва-банкъ; результаты его зависятъ и отъ свойствъ земли—а эти свойства становятся тѣмъ менѣе благопріятными, чѣмъ дальше идетъ колонизація, и отъ случайностей первыхъ урожаевъ, и отъ соотвѣтствія отведенной земли индивидуальнымъ потребностямъ новосела, и отъ тысячи разнообразнѣйшихъ случайностей,—и при всемъ этомъ переселенецъ долженъ ожидать «на новомъ мѣстѣ» очень скораго наступленія такого же, по существу своему, кризиса, какой уже разъигрался въ мѣстностяхъ, выпускающихъ переселенцевъ. Не послѣднюю, если не первую роль, играютъ и индивидуальныя свойства пересе-

ляющихся—въ особенности ихъ энергія и предпріимчивость. Между тѣмъ, и не будучи поклонникомъ «сельской буржуазіи», приходится признать, что бѣднѣйшіе, болѣе или менѣе утратившіе хозяйственную самостоятельность, элементы, въ видѣ правила, въ меньшей степени обладаютъ этими важными для колонизатора свойствами, нежели дворы болѣе состоятельные, и окончательно утратятъ эти свойства, если ихъ переселеніе будетъ совершаться на казенный счетъ.

И нашъ конечный выводъ, что съ точки зрѣнія аграрныхъ задачъ переселенія важно только одно: чтобы переселеніе происходило изъ малоземельныхъ, и именно — изъ абсолютно-малоземельныхъ обществъ или мѣстностей. *Кто* будетъ изъ такихъ мѣстностей переселяться—это съ аграрной точки зрѣнія безразлично, разъ только будутъ приняты мѣры къ тому, чтобы земля переселяющихся переходила въ руки дѣйствительно нуждающихся въ расширеніи своего землепользованія элементовъ: бѣдные и малоземельные не менѣе выиграютъ отъ выселенія болѣе состоятельныхъ и лучше обезпеченныхъ землею дворовъ, нежели они могли бы выиграть отъ собственнаго переселенія, и во всякомъ случаѣ больше, нежели болѣе состоятельные дворы выиграли бы отъ выселенія бѣднѣйшихъ. Разъ это такъ, то на первый планъ выступаютъ условія успѣшности устройства и обзаведенія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. А съ этой точки зрѣнія, при современныхъ условіяхъ, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: конечно, болѣе состоятельные элементы лучше приспособлены къ роли переселенцевъ и колонизаторовъ, нежели ихъ бѣдные, а тѣмъ болѣе совершенно неимущіе сосѣди.

Разумѣется, мы безконечно далеки отъ мысли сочувствовать какимъ бы то ни было принудительнымъ мѣрамъ, направленнымъ къ тому, чтобы *удержать* бѣднѣйшіе элементы отъ переселенія. Но сказаннаго на предыдущихъ страницахъ достаточно, чтобы высказаться и противъ всякаго искусственнаго *поощренія* — въ особенности на почвѣ принципа казенно-коштности—переселенія бѣднѣйшихъ элементовъ: въ этомъ нѣтъ необходимости съ точки зрѣнія аграрныхъ задачъ переселенія, и это безусловно нежелательно съ точки зрѣнія ближайшихъ задачъ и результатовъ переселенія и колонизаціи.

II.

Переселенія и государственный земельный фондъ.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что возможное вліяніе переселеній на хозяйственную и культурную жизнь нашего земледѣльческаго населенія оцѣнивается крайне разнообразно. Но не подлежитъ сомнѣнію, что о дѣйствительномъ, серьезномъ вліяніи переселеній можно было бы говорить лишь при огромномъ развитіи переселенческаго движенія. «Чтобы выселеніями крестьянъ—говоритъ Н. Н. Романовъ,—дѣйствительно и вполнѣ достигалась цѣль улучшенія экономическаго быта всего населенія какой-нибудь мѣстности, необходимо выселять изъ такой мѣстности весьма значительную часть нынѣшняго числа жителей и этимъ путемъ доводить крестьянское землевладѣніе, напримѣръ, до двойного размѣра по сравнительно съ нынѣшнимъ». В. Н. Григорьевъ полагаетъ, что «усиленіе переселенческаго движенія оказало бы благотворное вліяніе на остающееся крестьянское населеніе» не только улучшеніемъ ихъ земельныхъ условій, — оно подняло бы крайне низкую заработную плату и понизило бы страшно возросшую земельную ренту. Но «при настоящихъ размѣрахъ движенія послѣдніе два результата его едва замѣтны, да и самое улучшеніе земельныхъ условій ощутительно только для небольшого числа общинъ». Что справедливо для отдѣльныхъ губерній и уѣздовъ, то справедливо и для ихъ совокупности, т.-е. для всего того огромнаго района, гдѣ даетъ себя чувствовать дѣйствительное или кажущееся, абсолютное или относительное малоземелье. Мы знаемъ, что естественный приростъ населенія въ Европейской Россіи достигаетъ въ настоящее время, приблизительно, двухъ милліоновъ въ годъ. Чтобы только задержать возрастаніе населенія и такимъ образомъ противодѣйствовать хотя бы дальнѣйшему обостренію малоземелья, пришлось бы, значитъ, усилить въ нѣсколько разъ переселеніе противъ максимальнаго, когда либо достигавшагося, дѣйствительнаго размѣра. Какіе же милліоны населенія пришлось бы перебросить за Уралъ, чтобы оказать какое либо радикальное вліяніе на условія землевладѣнія и хозяйства въ перенаселенныхъ или признаваемыхъ за перенаселенныя мѣстностяхъ!.. «Выселить въ

Сибирь, писалъ П. А. Гурвичъ еще въ 1889 году, 1/5 часть населенія средней черноземной полосы—значило бы потратить массу средствъ не для того, чтобы рѣшить вопросъ, а для того только, чтобы его отсрочить. Чтобы произвести *прочное* улучшеніе, потребовалось бы переселеніе чуть не половины всѣхъ наличныхъ жителей средней черноземной полосы. О подобномъ переселеніи милліоновъ народа въ короткій срокъ и разсуждать серьезно нельзя; если же разсрочить эту операцію на много лѣтъ, тогда придется переселить въ Сибирь уже не половину, а чуть чуть не всю Россію, ибо населеніе вѣдь постоянно увеличивается» [1])... И необходимость переселить, для радикальнаго улучшенія условій землевладѣнія и хозяйства крестьянъ, не милліоны, а десятки милліоновъ людей, приводитъ въ ужасъ не однихъ только скептиковъ—къ числу которыхъ принадлежалъ г. Гурвичъ. Передъ такою перспективою отступаютъ даже самые рѣшительные сторонники переселеній, и напр. г. Пѣшехоновъ высказывается за переселеніе «лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо для того, чтобы устроить избыточную часть населенія и регулировать земельныя отношенія въ мѣстахъ выселенія». Однако, и въ такихъ, нѣсколько съуженныхъ, конечно до послѣдней степени неопредѣленныхъ границахъ, годичные размѣры переселеній должны исчисляться милліонами. «Едва ли можно преувеличить размѣры необходимыхъ переселеній, — писалъ покойный Н. А. Карышевъ, если принять цифру 30% за норму дворовъ, нуждающихся въ нихъ. А въ этомъ случаѣ изъ 70 милліоновъ сельскаго населенія 50 губерній пришлось бы переселить около 20 милліоновъ душъ обоего пола, т.-е. около 3 милліоновъ семействъ. Если положить хотя бы только 20 десятинъ на дворъ» (а въ дѣйствительности на дворъ отводится, съ включеніемъ неудобныхъ земель, около 50—55 десятинъ. А. К.), то для соотвѣтственнаго развитія переселеній понадобилось бы отвести около 60 милліоновъ десятинъ, «т.-е. пространство, равняющееся приблизительно Австро-Венгріи и больше Германіи и Франціи въ отдѣльности» [2])...

Итакъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что переселеніе можетъ стать серьезнымъ факторомъ въ экономической жизни нашего крестьянства только въ томъ случаѣ, если размѣры переселенческаго движенія во много разъ возрастутъ противъ цифръ, достигавшихся даже въ годы максимальнаго развитія сибирскаго переселенія. Но возможно ли расчитывать на такое возрастаніе? Не представляется ли оно—даже оставляя въ сторонѣ вопросъ объ его желательности—неосуществимою утопіей? а слѣдовательно не будутъ ли утопіей и тѣ надежды, которыя возлагаются на благодѣтельное вліяніе переселеній? Мы уже видѣли въ первый части нашей книги, что въ періодъ дѣятельности Сибирскаго комитета правительство признавало массовое заселеніе Сибири первостепенно-важною государственною задачей. Но ему пришлось убѣдиться въ невы-

[1]) Назв. соч., стр. 101—102.
[2]) „Русское Богатство", 1893 г., авг., стр. 7.

полнимости этой задачи, — убѣдиться въ томъ, что ограниченность земельныхъ запасовъ Сибири допускаетъ и въ будущемъ лишь такое же, если не еще болѣе медленное, постепенное заселеніе, какое происходило естественнымъ путемъ, при безразличномъ или даже враждебномъ отношеніи правительства къ переселенію. И мы видѣли, что невозможность разсчитывать на достаточные запасы земли привела къ извращенію до неузнаваемости основной идеи новаго переселенческаго закона 6 іюня 1904 года—идеи свободнаго, гдѣ нужно поощряемаго, массоваго переселенія, какъ средства улучшенія условій землепользованія и хозяйства въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи.

Ограниченность земельныхъ запасовъ Сибири!.. Это представленіе плохо мирится съ тѣмъ необъятнымъ просторомъ, какой мы привыкли связывать съ названіемъ «Сибирь»; сомнѣнія въ возможности развить наши переселенія до любыхъ размѣровъ кажутся абсурдомъ, если вспомнить о тѣхъ милліонахъ и даже десяткахъ милліоновъ квадратныхъ верстъ, какія занимаетъ территорія Россійской Имперіи, и изъ которыхъ лишь ничтожная доля принадлежитъ къ районамъ сколько-нибудь густого заселенія. «Періодъ нашихъ разселеній и колонизаціи Сибири—писалъ Н. М. Ядринцевъ въ 1-мъ изданіи своей книги «Сибирь какъ колонія»[1]), не прекратился, но только начинается»; въ частности, «въ Сибири весьма много свободныхъ земель, представляющихъ всѣ удобства для земледѣлія и скотоводства, слѣдовательно — огромный выборъ этихъ земель для переселенца». И этотъ взглядъ до настоящаго времени можетъ быть признанъ господствующимъ въ литературѣ и въ общественномъ мнѣніи. На чемъ же, однако, основывается подобный взглядъ?.. Главною его опорой являются общія представленія о необъятности нашей территоріи и о безпредѣльности пустынныхъ ея пространствъ,—представленія, которыя находятъ себѣ конкретное выраженіе въ разныхъ ариѳметическихъ выкладкахъ, исходящихъ изъ огромныхъ цифръ пространства тѣхъ частей Сибири и другихъ нашихъ азіатскихъ владѣній, которыя, по условіямъ географической широты, могутъ предполагаться годными для культуры. «Если — говоритъ Ядринцевъ,— мы представимъ себѣ хоть часть пространства, занимаемаго Тобольскою и Томскою губерніями, а именно среднюю черноземную полосу, безусловно пригодную къ заселенію, населенною такъ же, какъ Европа, то мы получимъ, что край этотъ можетъ пропитать не менѣе 51,360,000 жителей если же населить ее подобно Франціи и Англіи, то гораздо больше»[2]). Приблизительно такимъ же пріемомъ, десять лѣтъ спустя, исчислялъ колонизаціонную ёмкость Сибири А. А. Исаевъ. «Чтобы не впасть въ преувеличеніе—говорилъ онъ—мы будемъ считать пригодною для культуры только ту часть Сибири, которая лежитъ на югъ отъ 60° параллели: тогда получаемъ огромную площадь,—до 6 милліоновъ квадратныхъ верстъ. Если предположить,

---

[1]) Стр. 161.
[2]) Стр. 159.

что изъ этой площади цѣлая треть, по малому количеству выпадающей влаги, гористости и разнымъ другимъ причинамъ, не можетъ быть мѣстомъ развитой земледѣльческой культуры; если предположить далѣе, что на остальныхъ двухъ третяхъ этой площади плотность населенія никогда не превысить 15 душъ на одну кв. версту,—и то будетъ возможно поселить въ Сибири до 60 милліоновъ душъ, тогда какъ въ настоящее время ея населеніе не превышаетъ $4^1/_2$ милліоновъ». Впрочемъ, черезъ нѣсколько десятковъ страницъ аналогичные, по методу, разсчеты приводятъ г. Исаева къ несравненно болѣе скромнымъ результатамъ: на территоріи двухъ западно-сибирскихъ губерній и трехъ средне-азіатскихъ (точнѣе—степныхъ киргизскихъ) областей оказывается возможнымъ размѣстить съ удобствомъ всего до 2.080.000 семей,—а такъ какъ наличное населеніе не превышало въ то время 900 тыс. семей, то оставалось мѣсто еще для 1.200 тыс. семействъ или примѣрно для 7 милліоновъ душъ переселенцевъ [1]). Но дальше всѣхъ, въ этомъ направленіи, пошелъ внутренній обозрѣватель одного изъ нашихъ толстыхъ журналовъ, опредѣлявшій колонизаціонную ёмкость Сибири ни много ни мало, какъ въ 100 милліоновъ душъ. По мнѣнію обозрѣвателя, всякія сомнѣнія «должны быть приписаны недостаточному знакомству съ Сибирью. Полоса тундръ (?) опускается очень далеко на югъ вслѣдствіе изобилія лиственныхъ (?) лѣсовъ, которые поддерживаютъ излишнюю влажность атмосферы. Вырубка части этихъ лѣсовъ уменьшитъ полосу тундръ. Съ тѣмъ вмѣстѣ наблюденія показываютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ Сибири, которыя обыкновенно считаютъ вовсе неудобными для культуры (напр. около Нарыма и Сургута), нѣкоторые крестьяне очень успѣшно занимаются хлѣбопашествомъ и огородничествомъ». И эта неопровержимая аргументація приводитъ обозрѣвателя къ тому категорическому заключенію, что «главная бѣда не въ тѣхъ недостаткахъ, которыми будто бы страдаетъ внѣшняя природа Сибири, а въ отсутствіи серьезныхъ мѣропріятій относительно переселенческаго дѣла» [1]).

Откуда же однако исходили тѣ сомнѣнія, отъ которыхъ думали отдѣлаться столь дешевыми и простыми аргументами? — Прежде всего, приходится упомянуть о мѣстной сибирской прессѣ, которая уже давно начала предостерегать противъ преувеличенныхъ оцѣнокъ колонизаціонной вмѣстимости Сибири. Она настоятельно подчеркивала, что огромныя пространства вдоль линіи сибирской желѣзной дороги «вовсе не представляютъ сплошной мѣстности, удобной для поселеній, и въ значительной мѣрѣ негодны для земледѣльческой культуры. Мѣстами это болота, къ сѣверу переходящія въ сплошныя тундры, а на югѣ въ безводныя степи; самый черноземъ здѣсь неглубокъ, быстро выпахивается и требуетъ особыхъ пріемовъ обработки, совершенно чуждыхъ большинству переселенцевъ»; она настаивала на томъ, что «Сибирь въ переселеніяхъ не можетъ играть прежней (даже прежней!) исключительной роли», и что «въ будущемъ роль Си-

---

1) „Перес. въ русск. нар. хоз.“, стр. 74—171.

2) „Русская Мысль“ 93, 11, 187—8.

бири еще уменьшится. Ближайшія, наиболѣе удобныя мѣста ея и теперь заселены, а Тобольская, напримѣръ, губернія приближается къ положенію внутреннихъ, начиная страдать отъ тѣхъ же золъ, что и Россія» [1]).

Затѣмъ, въ концѣ 80-хъ и началѣ 90 годовъ на сцену выступили мѣстные изслѣдователи — участники того обширнаго изслѣдованія крестьянскаго землепользованія и хозяйства, которое было выполнено въ то время въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ. Не беря на себя смѣлости категорически рѣшать, можетъ ли Сибирь принять милліонъ, десять или сто милліоновъ переселенцевъ, они настойчиво предостерегали противъ подобныхъ вышеприведеннымъ ариѳметическихъ упражненій. Они указывали на то, что громадная часть площади Сибири — даже если имѣть въ виду одну только культурную ея полосу,—занята необитаемыми горными странами, огромными болотами, обширными безводными степями или непроходимыми дебрями тайги и598 урмановъ, вообще пространствами, пригодность которыхъ для заселенія возбуждаетъ весьма и весьма сильныя сомнѣнія; что разбросанные среди этихъ пространствъ населенные районы, по большей части лентами протянувшіеся вдоль рѣкъ и большихъ дорогъ, сравнительно очень необширны и далеко не всегда привлекательны, въ смыслѣ удобствъ для земледѣльческаго хозяйства; что во многихъ изъ этихъ районовъ наблюдаются уже признаки перенаселенія,—конечно перенаселенія относительнаго, при данномъ экстенсивномъ хозяйствѣ, но тѣмъ не менѣе признаки, заставляющіе относиться къ вопросу о дальнѣйшемъ заселеніи этихъ районовъ съ крайнею осторожностью. Если взять для примѣра Иркутскую губернію, то въ трехъ ея южныхъ округахъ или уѣздахъ насчитывалось 18 милліоновъ десятинъ свободныхъ земель—изъ нихъ 12 милліоновъ къ югу отъ бывшаго сибирскаго тракта, 6 милліоновъ—къ сѣверу отъ того же тракта. Но что̀ такое представляли собою эти необъятныя свободныя пространства? «Непригодность для земледѣльческой колонизаціи — говоритъ изслѣдованіе, значительной части перваго изъ этихъ двухъ пространствъ дѣлается очевидною при первомъ взглядѣ на карту. Почти все это пространство оказывается занятымъ такъ называемою «альпійскою горною страной»,—гдѣ «единственно доступными для земледѣльческой колонизаціи могутъ служить лишь нѣкоторыя удобныя къ тому рѣчныя долины». Менѣе категорически высказывается изслѣдованіе по поводу сѣвернаго района; тѣмъ не менѣе «уже самое положеніе главной пустопорожней площади среди земель занятыхъ, замыкающихъ ее почти непрерывнымъ кольцомъ и вдающихся въ нее болѣе или менѣе широкими языками всякій разъ, когда къ тому является удобный случай, заставляетъ думать, что она не была заселена вслѣдствіе неблагопріятныхъ естественныхъ условій»; и на основаніи сказаннаго изслѣдованіе считаетъ возможнымъ «почти съ полною увѣренностью сказать, что изъ 18 милліоновъ десятинъ пусто-

[1]) Цитирую по „Хроникѣ внутр. жизни" „Русск. Богатства", 1893, февраль, стр. 82—84.

порожнихъ земель пригодною для земледѣльческой колонизаціи можетъ оказаться лишь сравнительно небольшая часть, болѣе же точный отвѣтъ могутъ дать лишь детальныя мѣстныя изслѣдованія»...

Открывшіяся, начиная съ 1893 года, систематическія землеотводныя и землеизыскательныя работы заставили внести много частныхъ поправокъ въ высказывавшіеся скептиками взгляды относительно земельныхъ запасовъ Сибири и въ частности —относительно годности для заселенія безпредѣльной тайги и урмановъ. Но *въ общемъ* какъ эти работы, такъ и опытъ значительно возросшаго, въ 90-хъ годахъ, сибирскаго переселенія, вполнѣ подтвердили необходимость относиться къ вопросу о земельныхъ запасахъ нашихъ азіатскихъ владѣній съ крайнею осторожностью. Черезъ посредство оффиціальныхъ источниковъ и литературы скептическій взглядъ на колонизаціонное будущее Сибири начинаетъ проникать даже въ иностранную спеціальную литературу. «Западная Сибирь, говоритъ авторъ появившейся пять лѣтъ тому назадъ книги о «сибирской желѣзной дорогѣ въ ея хозяйственномъ значеніи», г. К. Виденфельдъ, лично посѣтившій Сибирь и добросовѣстно изучившій весь относящійся къ данному вопросу матеріалъ,—«западная Сибирь въ ея пригодныхъ для колонизаціи частяхъ можетъ быть признана уже достаточно населенною; во всѣхъ остальныхъ частяхъ Сибири, кажущихся пустынными по абсолютной населенности, кромѣ немногихъ мѣстностей на юго-востокѣ киргизской степи и западнаго Забайкалья, возможность массовой колонизаціи исключается уже самими климатическими условіями, такъ что здѣсь можно ожидать только очень медленнаго роста населенія. *Мѣста* въ Сибирь имѣется, правда, еще на многіе милліоны людей, и конечно можно расчитывать, что по мѣрѣ успѣховъ колонизаціи постепенно будутъ раздвигаться и границы, нынѣ поставленныя ей самою природой; но не смотря на какія бы то ни было правительственныя мѣры, этотъ процессъ растянется на десятилѣтія и столѣтія, а не сконцентрируется въ немногіе годы, какъ до сихъ поръ еще продолжаютъ пророчествовать нѣкоторые фанатики Сибири (Sibirienenthusiasten), совершенно пренебрегая указаніями дѣйствительности, и какъ повидимому продолжаетъ еще вѣрить русскій народъ, несмотря на всякаго рода оффиціальныя и частныя свидѣтельства» [1]). И это тѣмъ болѣе, что, по справедливому замѣчанію другого иностранца, проф. О. Аугагена, въ лѣсисто-болотистой полосѣ Сибири «нѣтъ возможности разомъ заселять произвольно большихъ количествъ земли при томъ подборѣ почти совершенно неимущихъ людей, которые въ настоящее время представляютъ собою главный колонизаціонный матеріалъ. Вновь образуемый переселенческій участокъ не можетъ быть слишкомъ удаленъ отъ базиса, представляемаго болѣе ранними поселеніями,—иначе легко можетъ случиться, что переселенецъ, не имѣвшій въ первые годы по водвореніи собственнаго хлѣба, въ теченіе долгой зимы отрѣзанный отъ всего остального міра, впадетъ въ крайнюю нужду и окончательно разорится, если только ему не удастся своевре-

[1]) Wiedenfeld, Die Sib. Bahn in ihrer wirtschaftl. Bedeut., стр. 79, 111.

менно бѣжать въ такія мѣста, гдѣ бѣднякъ можетъ расчитывать на помощь болѣе зажиточнаго или гдѣ о немъ будетъ заботиться правительство». Иначе сказать: «земля въ Сибири, конечно, есть,—но условія ея колонизаціи настолько тяжелы, что массовое заселеніе не можетъ обѣщать достаточно хорошихъ результатовъ».

И тѣмъ не менѣе, и въ оффиціальныхъ сферахъ, и въ литературѣ, и въ широкихъ общественныхъ кругахъ, мы до сихъ поръ еще встрѣчаемъ ту самую фанатическую вѣру въ наше безпредѣльное колонизаціонное будущее и въ возможность широкаго развитія нашихъ переселеній, которая, по вѣрному замѣчанію нѣмецкаго автора, возможна лишь при совершенномъ нежеланіи считаться съ указаніями дѣйствительной жизни. До сихъ поръ еще предъявляются всяческіе отводы къ такимъ грознымъ предостереженіямъ, какъ огромное безрезультатное ходачество и устрашающій процентъ обратнаго переселенія; до сихъ поръ еще многіе думаютъ, что обыкновенною причиной неудачи переселенцевъ является «общее неустройство всего дѣла, полное незнаніе особенностей участковъ, которые отводятся переселенцамъ» [1]); еще въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ 1902 года говорятъ о какой-то «практикуемой теперь политикѣ заселенія сомнительныхъ по негодности участковъ» [2]), и надѣются, что правильная организація землеотводныхъ работъ позволитъ развить переселеніе до тѣхъ огромныхъ размѣровъ, при которыхъ оно, дѣйствительно, могло бы стать серьезнымъ факторомъ въ эволюціи крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Еще въ концѣ 1902 года С. Ю. Витте—государственный дѣятель, которому, очевидно, нельзя отказать въ освѣдомленности о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, въ своемъ отчетѣ по поѣздкѣ въ Сибирь настаивалъ на усиленіи колонизаціи района сибирской желѣзной дороги и признавалъ «въ корнѣ несправедливымъ» мнѣніе, что въ Сибири запасъ земель, пригодныхъ для колонизаціи, уже близокъ къ истощенію. «Сибирь—говоритъ С. Ю. Витте—такъ обширна и такъ еще мало изслѣдована, что въ настоящее время количество земель, годныхъ для колонизаціи, едва ли можетъ быть опредѣлено сколько нибудь точно, всѣ же данныя (?) за то, что количество это громадно». По отношенію къ лѣсной Сибири въ этомъ убѣждаютъ результаты таежныхъ обслѣдованій, веденныхъ землеотводными партіями: «обнаружены сотни тысячъ десятинъ (подумайте, читатель, что такое *сотни тысячъ* десятинъ, когда для сколько нибудь широкаго развитія переселеній требовались бы *десятки миллiоновъ!*), вполнѣ пригодныхъ подъ заселеніе и нынѣ, большею частью, заселенныхъ». Весьма распространенъ до настоящаго времени, а можетъ быть еще и господствуетъ этотъ оптимистическій взглядъ и въ нашей періодической печати, даже въ лицѣ наиболѣе интересующихся вопросами крестьянскаго хозяйства и наиболѣе въ нихъ освѣдомленныхъ ея представителей. «Въ настоящее время—говоритъ, напримѣръ, В. А. Розенбергъ въ одной изъ своихъ статей, вошедшихъ въ

---

[1]) „Сѣв. Вѣстн.“ 1896, дек., стр. 204.

[2]) Орловская 373.

сборникъ «Очерки по крестьянскому вопросу» [1]), — признается уже безспорнымъ, что урманныя и таёжныя пространства могутъ принять—и не въ отдаленномъ будущемъ, а въ наше время, весьма большое количество рядовыхъ переселенцевъ. Можно спорить о томъ, какіе районы Европейской Россіи въ состояніи воспользоваться Сибирью для цѣлей земледѣльческой колонизаціи (а вѣдь это—замѣтимъ въ скобкахъ—рѣшаетъ весь вопросъ: Сибирью *не* могутъ пользоваться именно тѣ районы, которые наиболѣе нуждаются въ массовомъ переселеніи!). Но нельзя отрицать, что въ теченіе еще многихъ лѣтъ переселенія крестьянъ въ Сибирь будутъ составлять крупное явленіе въ хозяйственной жизни страны». Но едва ли не дальше всѣхъ въ данномъ направленіи пошелъ французскій экономистъ, Поль Леруа-Болье, въ своей дожившей уже до пятаго изданія книгѣ о «колонизаціи у современныхъ народовъ». По убѣжденію г-на Леруа-Болье, распространившіеся въ нѣмецкой географической и экономической литературѣ неблагопріятныя оцѣнки колонизаціонной вмѣстимости Сибири не могутъ быть приписаны ничему иному (такъ-таки ничему иному, читатель!) «какъ существующему въ образованныхъ кругахъ Германіи предубѣжденію противъ русскаго духа и русской цивилизаціи»... Соглашаясь на послѣднюю уступку — что «Сибирь не достигнетъ до населенности въ сотню милліоновъ жителей», г. Леруа-Болье убѣжденъ однако въ томъ, что она «достигнетъ по меньшей мѣрѣ до 40—50 милліоновъ и пріобрѣтетъ огромную силу экспортнаго производства» [2])...

Попытаемся однако разобраться въ этомъ первостепенно-важномъ и—какъ все-таки видитъ читатель—спорномъ вопросѣ; попытаемся если не *учесть*—для этого нѣтъ никакихъ положительныхъ основаній, кромѣ болѣе или менѣе произвольныхъ ариѳметическихъ исчисленій,—то приблизительно *оцѣнить* тѣ земельные запасы, на которые можно разсчитывать въ цѣляхъ развитія переселенческаго движенія. Нѣкоторыя указанія въ этомъ направленіи—если говорить, пока, объ одномъ только сибирскомъ переселеніи — даетъ намъ уже исторія землеотводныхъ работъ за время дѣятельности комитета Сибирской желѣзной дороги, когда землеотводному дѣлу впервые было посвящено серьезное вниманіе. Погодные результаты этихъ работъ могутъ быть представлены въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Десятинъ. (тысячъ)	Душ. долей. (тысячъ)	Среднее число душ. долей на одного работника.	Средняя стоимость отвода одной доли, копѣекъ.
Въ 1893 году . .	806	43	359	626
» 1894 » . .	1595	86	715	280
» 1895 » . .	772	38	315	814
» 1896 » . .	751	44	272	1429
» 1897 » . .	977	56	288	1549

1) Стр. 192.
2) l. c., стр. 438.

	Десятин.	Душ. долей.	Среднее число душ. долей на одного работника.	Средняя стоимость отвода одной доли, копѣекъ.
	т ы с я ч ъ.			
» 1898 » . .	728	37	168	2556
» 1899 » . .	1049	93	200	2051
» 1900 » . .	1709	83	321	1144
» 1901 » . .	912	51	191	1668
» 1902 » . .	945	57	214	1724
» 1903 » . .	954	47	196	2085

Казалось бы, на первый взглядъ, результатъ довольно утѣшительный: результаты землеотводныхъ работъ, рѣзко колеблясь отъ одного года къ другому, не проявляютъ однако никакой общей тенденціи къ пониженію, чѣмъ, повидимому, рѣшительно исключается возможность говорить о какомъ либо истощеніи земельныхъ запасовъ. Но это справедливо лишь по отношенію къ абсолютнымъ цифрамъ. Мы знаемъ прежде всего, что какъ число лицъ, занятыхъ землеотводнымъ дѣломъ, такъ и сопряженные съ нимъ расходы, въ концѣ разсматриваемаго періода были значительно (число лицъ—вдвое, затраты—приблизительно вчетверо) больше, нежели въ его началѣ,—другими словами, заготовленіе того же, въ среднемъ, количества участковъ требуетъ въ настоящее время свыше нежели двойной затраты труда и вчетверо большихъ расходовъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ среднемъ за первые три года одна душевая доля обходилась въ 4 р. 19 к., въ послѣдующіе годы—въ 14 р. 71 к.; на одного работавшаго заготовлялось въ первые три года 163, въ слѣдующія восемь лѣтъ—всего 255 душевыхъ долей... А между тѣмъ даже и такіе результаты, въ последнее время, достигались лишь благодаря извѣстному пониженію требованій, предъявляемыхъ къ отводимымъ подъ заселеніе землямъ: за истощеніемъ запасовъ лучшихъ и легко доступныхъ для разработки земель, въ настоящее время отводятся подъ заселеніе, а затѣмъ и заселяются такія земли, худшія по почвѣ, болѣе трудныя для разработки и т. д., какихъ еще немного лѣтъ тому назадъ вовсе не рѣшались отводить подъ заселеніе. И пусть не смѣшиваетъ читатель этого неизбѣжнаго пониженія требованій съ неразборчивымъ или невнимательнымъ отношеніемъ къ выбору земель подъ заселеніе: каковы бы ни были дефекты современной организаціи и постановки землеотводнаго дѣла,—во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что выборъ земель теперь производится съ несравненно большею тщательностью, нежели въ первыя нѣсколько лѣтъ систематически-поставленныхъ землеотводныхъ работъ...

Дальнѣйшимъ показателемъ все возрастающей трудности пріисканія земель, годныхъ для заселенія, является тотъ фактъ, что землеотводныя работы, первоначально сосредоточивавшіяся въ сравнительно небольшомъ районѣ, въ настоящее время разбросались по чрезвы-

чайно обширной территоріи [1]). Лишь разбросавъ работы по необъятному пространству, обнимающему 11 губерній и областей, удавалось въ послѣдніе годы удовлетворять тому же, приблизительно, спросу на участки, какой еще недавно съ избыткомъ удовлетворялся земельными запасами нѣсколькихъ уѣздовъ. А въ самое послѣднее время въ сферу землеотводныхъ работъ вошли, кромѣ того, Уральская область, три юго-восточныя губерніи Европейской Россіи, Семирѣченская область,—и нѣтъ *никакой* надежды на то, чтобы такое расширеніе района работъ привело къ увеличенію ихъ абсолютной результатности: самое большое, о чемъ можно мечтать,—это поддержаніе запаса заготовляемыхъ участковъ, въ теченіе еще немногихъ лѣтъ, приблизительно на томъ-же уровнѣ.

Это—одна сторона дѣла. А другая, не менѣе важная, заключается въ слѣдующемъ: центръ тяжести землеотводныхъ работъ—если говорить пока только о коренной Сибири—окончательно перенесся изъ степныхъ въ лѣсные, въ частности — въ таёжные районы. Въ 1899 году были собраны подробныя свѣдѣнія о заготовленныхъ въ шестилѣтіе 1893—1898 гг. переселенческихъ участкахъ, съ качественною ихъ характеристикой. Сведенныя по двухлѣтіямъ и по тремъ главнѣйшимъ типамъ участковъ, эти данныя представляютъ такую картину постепеннаго измѣненія характера земель, отводимыхъ подъ заселеніе въ 4-хъ сибирскихъ губерніяхъ:

Типы участковъ.	На каждыя 100 душевыхъ долей приходится въ участкахъ, образованныхъ въ двухлѣтія:		
	1893—94	1895—96	1897—98
Степные	33,2	17,3	0,9
Лѣсо-степные	58,3	51,4	47,0
Лѣсные	8,4	31,3	52,0

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что измѣненіе въ характерѣ отводимыхъ подъ заселеніе въ Сибири земель шло и дальше въ томъ же направленіи. Нѣкоторый запасъ земель степного или полустепного типа можетъ, правда, поступить подъ заселеніе по мѣрѣ завершенія поземельнаго устройства старожилаго населенія, въ видѣ ли обязательнаго доприселенія переселенцевъ въ многоземельныя общества, сохранившія излишнюю сверхъ нормы землю,—или въ видѣ обрѣзковъ, которые будутъ поступать въ распоряженіе государства и использоваться имъ для образованія переселенческихъ участковъ. Но сколько нибудь замѣтную величину такіе обрѣзки и приселенія могутъ составить только въ Алтайскомъ округѣ,—хотя и здѣсь, въ Бійскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, уже почти законченномъ землеустройствомъ, обрѣзковъ не получилось вовсе, доприселенія—всего на 5 тыс. мужскихъ душъ; ничего нельзя предвидѣть въ этомъ смыслѣ и въ Кузнецкомъ уѣздѣ,

[1]) См. стр. 49.

*

очень мало—въ Змѣиногорскомъ, и только уѣзды Томскій (кабинетская часть) и Барнаульскій представляютъ еще нѣкоторый просторъ для водворенія переселенцевъ: въ первомъ изъ нихъ, уже законченномъ поземельнымъ устройствомъ, освободилось излишковъ до 450 тыс. десятинъ, и до 14 тыс. душъ можетъ быть приселено къ селеніямъ, сохранившимъ въ надѣлѣ излишнія земли. Что касается до района казенныхъ земель, то, напримѣръ, въ Тобольской губерніи по тѣмъ тремъ юго-западнымъ уѣздамъ, гдѣ теперь идетъ землеустройство, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо излишкахъ—здѣсь вопросъ идетъ почти исключительно о *прирѣзкахъ* къ малоземельнымъ старожильскимъ селеніямъ; въ гораздо болѣе богатой землею Томской губерніи за 7 лѣтъ землеустройства выяснилось всего до 100 тысячъ десятинъ излишковъ, и приблизительно въ такихъ же пропорціяхъ — въ лучшемъ случаѣ—будутъ освобождаться излишки и въ другихъ, еще не затронутыхъ поземельнымъ устройствомъ, частяхъ коренной Сибири.

Этотъ источникъ, значитъ, не дастъ для колонизаціи сколько нибудь значительныхъ количествъ земли. Весь разсчетъ на казенныя земли коренной Сибири, — но онѣ, какъ я уже упоминалъ, будутъ давать исключительно лѣсные участки. Землеотводныя работы теперь уже окончательно передвинулись изъ степныхъ въ лѣсные уѣзды западно-сибирскихъ губерній и въ средне-сибирскія губерніи, отличающіяся, вообще, и большею лѣсистостью, и еще болѣе суровымъ климатомъ; въ этихъ лѣсныхъ районахъ, какъ можно думать съ извѣстною долею увѣренности, землеотводныя работы, мало по малу углубляясь въ тайгу, еще въ теченіе многихъ лѣтъ могли бы давать болѣе или менѣе значительный запасъ земель для заселенія. Но фактически землеотводныя работы въ лѣсныхъ районахъ, какъ мы увидимъ ниже, въ послѣднее время сокращены до самыхъ послѣднихъ предѣловъ, потому что образуемые въ такихъ мѣстностяхъ участки совершенно не соотвѣтствуютъ потребностямъ подавляющей массы переселенцевъ.

Опредѣленіе колонизаціонной ёмкости извѣстной территоріи—задача весьма нелегкая и открывающая просторъ для разнообразнѣйшихъ ошибокъ. Самые взгляды на колонизаціонную годность тѣхъ или другихъ типовъ земель сплошь и рядомъ мѣняются, то въ одну, то въ другую сторону, въ зависимости либо отъ усовершенствованія методовъ выясненія вопроса, либо отъ указаній опыта, заставляющихъ иногда повышать, иногда понижать оцѣнку извѣстныхъ мѣстностей или типовъ земель,—либо наконецъ отъ уже отмѣченнаго выше пониженія требованій, обусловливаемаго истощеніемъ земельнаго фонда. Пишущему эти строки неоднократно приходилось убѣждаться и въ ошибочности собственныхъ оцѣнокъ, приходилось содѣйствовать раскрытію и чужихъ ошибокъ. Но возможное вліяніе подобнаго рода погрѣшностей, при современномъ положеніи нашихъ знаній о колонизаціонныхъ районахъ Сибири, далеко не безпредѣльно, и опытъ болѣе нежели десятилѣтняго опыта землеотводныхъ работъ и систематическаго заселенія района Сибирской желѣзной дороги несомнѣнно даетъ право на болѣе или менѣе опредѣленные выводы,

могущіе видоизмѣниться въ частностяхъ, но никакъ не въ существенномъ своемъ содержаніи. Посмотримъ же теперь, каковы эти выводы.

Начнемъ съ земель степного типа. Главный запасъ ихъ, какъ видно изъ только что сказаннаго о коренной Сибири, могутъ дать киргизскія степи. Именно онѣ, наравнѣ съ благодатнымъ Алтаемъ, издавна сильнѣе всего привлекали переселенцевъ; къ району киргизскихъ степей принадлежатъ такія «переселенческія эльдорадо», какъ Кустанай—этотъ, когда-то, «вольный городъ», заселившійся, въ полномъ смыслѣ слова, съ американскою быстротою; какъ Кокчетавскій уѣздъ, уже 30 лѣтъ не теряющій своей популярности; какъ «прошумѣвшія» когда-то Мусино, Кресты и другія урочища на Ишимѣ, которыхъ никакія усилія всевластной мѣстной администраціи не могли оградить отъ натиска самовольныхъ переселенцевъ. И сопоставленіе необъятнаго ихъ пространства—площадь одной только Акмолинской области превышаетъ 47 милліоновъ десятинъ—съ крайне рѣдкимъ кочевымъ ихъ населеніемъ и съ его, относительно, ничтожнымъ скотоводствомъ должно, казалось бы, привести къ тому неопровержимому заключенію, что эти области «заключаютъ достаточно простора какъ для водворенія немалаго еще количества переселенцевъ, такъ и для дальнѣйшаго развитія скотоводства» [1]). Что же, спрашивается, дали и что обѣщаютъ дать киргизскія области для колонизаціи? За 11 лѣтъ форсированныхъ землеотводныхъ работъ общая площадь образованныхъ участковъ не достигла даже трехъ милліоновъ десятинъ: по Акмолинской области 2145 тыс., по Тургайской 702 тыс., по Семипалатинской—100 тыс. десятинъ. И я не рискую ошибиться, если скажу, что эти области ни въ какомъ случаѣ—предполагая данныя или могущія быть предвидѣнными сельскохозяйственно-техническія и экономическія условія—не дадутъ еще такой же площади земель, годныхъ для крестьянской колонизаціи. Чтобы въ этомъ убѣдить читателя, остановимся нѣсколько подробнѣе на тѣхъ указаніяхъ, которыя даетъ практика землеотводныхъ работъ и изысканій въ Степномъ краѣ.

По естественнымъ условіямъ этотъ край довольно рѣзко раздѣляется на двѣ полосы: сѣверную—примѣрно до 50-ой параллели, и южную, захватывающую какъ всю остальную часть бывшихъ «областей сибирскихъ и оренбургскихъ киргизъ», такъ и необъятныя степи сѣвера Туркестанскаго края. Сѣверная полоса—естественное продолженіе самарскихъ, оренбургскихъ и западно-сибирскихъ степей. Постепенно измѣняясь и, въ общемъ, ухудшаясь въ направленіи съ сѣвера на югъ, ея естественныя условія, въ частности черноземная почва и *сравнительно*—я подчеркиваю это «сравнительно»—умѣренный климатъ ставятъ переселенца-южанина въ приблизительно подходящую къ его привычкамъ и хозяйственному опыту обстановку. И, тѣмъ не менѣе, еще покойный Ядринцевъ [2]) предостерегалъ противъ увлеченія степною колонизаціей, отмѣчая неудовлетворительность водоснабженія, распростра-

---

[1]) Отчетъ ст.-секр. Куломзина, стр. 166.
[2]) Сиб. какъ кол., 2-ое изд.. стр. 237.

ненность солонцеватыхъ земель, отсутствіе лѣса и ссылаясь на крайне неудачный опытъ образованія въ степи русскихъ поселеній, сдѣланный мѣстною администраціею въ 1878 году. А въ 1896 году А. Н. Куломзинъ [1]) свидѣтельствовалъ, что «къ водворенію переселенцевъ въ Омскомъ и особенно въ Петропавловскомъ уѣздахъ надлежитъ относиться съ крайнею осторожностью, въ виду недостатка въ нихъ годной для питья воды. Опытъ заселенія ихъ въ 1895 и 1896 годахъ оказался не совсѣмъ удачнымъ, такъ какъ на нѣкоторыхъ участкахъ новоселамъ, въ ожиданіи устройства колодцевъ съ хорошею водой, подолгу приходилось пользоваться горько-соленою, что и послужило одною изъ причинъ развитія у нихъ въ широкой степени цынги». А главное—при поискахъ земель, пригодныхъ для водворенія переселенцевъ, приходится считаться съ правами и интересами туземнаго, киргизскаго населенія. Разсуждая чисто-ариѳметически, населеніе это чрезвычайно рѣдко, и изъятіе изъ его пользованія даже очень значительной части территоріи не могло бы причинить ему замѣтнаго ущерба. Но фактически киргизы уже въ большей или меньшей мѣрѣ отошли отъ чисто-кочевого быта; ихъ зимовки, сѣнокосы и зарождающіяся запашки располагаются наиболѣе густо именно въ самыхъ лучшихъ, по качеству угодій и водоснабженію, мѣстностяхъ; свободными остаются хотя огромныя пространства, но преимущественно съ плохимъ составомъ угодій или съ недостаточнымъ водоснабженіемъ, и въ конечномъ итогѣ возможность водворенія крестьянъ-перессленцевъ въ Степномъ краѣ сокращается до послѣдней степени.

Какъ бы то ни было, но, взглянувъ на карту, напримѣръ, Акмолинской области, мы видимъ, что переселенческіе участки и поселки располагаются болѣе или менѣе густо лишь въ сравнительно небольшихъ по площади районахъ: въ сѣверной половинѣ Омскаго уѣзда, въ средней части Петропавловскаго, въ средней и западной части Кокчетавскаго, на сѣверныхъ окраинахъ Акмолинскаго и Атбасарскаго; такую же картину представляетъ Кустанайской уѣздъ, Тургайской области,—и въ каждомъ изъ этихъ уѣздовъ огромныя пространства остаются совсѣмъ безъ русскихъ поселеній. Изслѣдованіе этихъ пространствъ давало либо безусловно отрицательные, либо крайне ограниченные результаты. Такъ, обслѣдованіе, произведенное въ 1903 году въ юго-западной части Омскаго уѣзда, охвативъ до 800.000 десятинъ, обнаружило всего *одно* урочище, годное для устройства осѣдлаго поселенія; все остальное обрекогносцированное пространство признано пригоднымъ исключительно для пастбищно-скотоводческаго хозяйства. Совершенно не затронута землеотводными работами также и непосредственно прилегающая къ указанной мѣстности, огромная Восточная волость, Кокчетавскаго уѣзда; составляя по площади почти треть уѣзда, она состоитъ сплошь изъ солонцеватыхъ пастбищъ, и незначительное, имѣющееся здѣсь, коли-

[1]) Отчетъ, стр. 173.

чество земель, годныхъ для культуры, далеко недостаточно даже для удовлетворенія, въ будущемъ, потребностей мѣстныхъ киргизъ. На крайнемъ западѣ Петропавловскаго уѣзда въ 1902 году было обрекогносцировано до 2.150.000 десятинъ; «естественныя условія Кушмурунской волости — читаемъ мы въ отчетѣ объ этомъ изслѣдованіи, найдены изслѣдователемъ малоблагопріятными для колонизаціи, въ виду преобладанія глинистыхъ, солонцеватыхъ и известковатыхъ почвъ; сравнительно лучшія условія найдены только въ сѣверной части волости, гдѣ и намѣчено пять участковъ. Равнымъ образомъ малоудобныя земли преобладаютъ и въ районѣ Средней волости. Значительныя площади земель, пригодныхъ для заселенія, обнаружены въ западной ея части, въ полосѣ, располагающейся по лѣвому берегу Ишима», на пространствѣ до 110.000 десятинъ. Въ южной части Кустанайскаго уѣзда, гдѣ огромный земельный просторъ позволялъ—казалось—разсчитывать на устройство десятковъ, а то и сотенъ тысячъ переселенцевъ, работы землеотводной партіи дали тоже весьма неудовлетворительные результаты: во многихъ районахъ, гдѣ имѣлись значительные излишки, таковыхъ «не оказалось возможнымъ использовать въ виду сомнительныхъ качествъ или даже явной непригодности почвы, невозможности разсчитывать на удовлетворительно водоснабженіе и т. п. обстоятельствъ»,—во всемъ этомъ, впрочемъ, изслѣдованіе 1902 года только подтвердило оцѣнку южной части уѣзда, данную въ 1896 году авторомъ настоящей книги, а нѣсколько позднѣе—статистиками экспедиціи Ф. А. Щербины.

Читатель видитъ, какъ трудно, при такихъ условіяхъ, строить какіе либо огульные разсчеты относительно колонизаціонной ёмкости даже такой сравнительно благопріятной мѣстности, какъ сѣверная полоса киргизскихъ степей. Какъ ни огромно количество еще неиспользованныхъ свободныхъ земель въ предѣлахъ этой полосы—русскую колонизацію ея приходится считать, въ общихъ чертахъ, почти законченною. Болѣе значительный запасъ земель, годныхъ для колонизаціи, можно разсчитывать найти еще только въ сѣверной части Уральской области, лишь съ 1904 года включенной въ сферу землеотводныхъ работъ. Недобранные—если можно такъ выразиться—годные для заселенія остатки въ предѣлахъ сѣверныхъ уѣздовъ Тургайской и Акмолинской областей во всякомъ случаѣ не превысятъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ десятинъ; я не знаю, будетъ ли это двѣсти, пятьсотъ или восемьсотъ тысячъ,—но во всякомъ случаѣ это будетъ ничтожное количество по сравненію какъ съ общею площадью сѣверныхъ киргизскихъ степей, такъ тѣмъ болѣе—по сравненію съ тѣми запасами степныхъ земель, которые были бы необходимы для широкаго развитія переселенческаго движенія.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ несравненно болѣе обширною по пространству южною полосою киргизскихъ степей. Южнѣе, примѣрно, 50-й параллели, разстилаются необъятныя степи-пустыни арало-каспійскаго бассейна, которыя, при всемъ разнообразіи условій геологическаго строенія, рельефа и почвы обладаютъ, однако, однимъ общимъ свойствомъ: крайне сомнительною пригодностью для земле-

дѣльческой культуры. Весьма неблагопріятны, прежде всего, метеорологическія условія этой полосы, въ особенности—въ отношеніи количества осадковъ: постепенно уменьшаясь по направленію къ югу, количество осадковъ приблизительно за 49—50° падаетъ до такого низкаго уровня, который совершенно исключаетъ возможность земледѣльческой культуры иначе, какъ съ искусственнымъ орошеніемъ. А затѣмъ—крайне сомнительны и почвы этой полосы: черноземъ не заходитъ дальше сѣверной окраины Акмолинскаго и Атбасарскаго уѣздовъ, а дальше тянутся каменистыя, солонцеватыя, глинистыя, песчаныя и т. п. почвы,—вообще, такія почвы, которыя, при данныхъ климатическихъ условіяхъ, болѣе или менѣе безнадежны съ точки зрѣнія земледѣльческаго хозяйства. Я намѣренно говорю не о полной непригодности, а только о «крайне сомнительной пригодности» этой полосы для земледѣльческой культуры: съ одной стороны, типы почвъ здѣсь очень мало изучены, сельскохозяйственный опытъ почти отсутствуетъ, и потому можно допустить, что болѣе тщательныя и научно поставленныя естественно-историческія и агрономическія изслѣдованія, какъ они начинаютъ ставиться теперь, прольютъ нѣсколько иной свѣтъ на сельскохозяйственную пригодность этихъ почвъ; съ другой стороны, можно мечтать, конечно, и объ искусственномъ орошеніи. Но результаты дѣлавшихся до сихъ поръ попытокъ привлечь къ изслѣдованію степей научные методы (упомянемъ, напримѣръ, объ изслѣдованіяхъ проф. Гордягина) не позволяютъ надѣяться и въ будущемъ на слишкомъ широкія перспективы. Что же касается до искусственнаго орошенія, то широкое развитіе ирригаціи, по естественнымъ условіямъ, возможно только по окраинамъ той горной страны, которая замыкаетъ съ юга и юго-востока средне-азіатскія степи; на всемъ остальномъ пространствѣ послѣднихъ запасы воды, годной для искусственнаго орошенія, настолько ограничены, что ихъ не хватитъ даже и для постепенно переходящаго къ земледѣлію и, мѣстами, уже широко развившаго ирригаціонную культуру туземнаго, киргизскаго населенія.

Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ попытки проникнуть съ землеотводными работами въ южную полосу киргизскихъ степей давали весьма неутѣшительные результаты. Такъ рекогносцировочныя изслѣдованія, предпринятыя въ 1903 году въ двухъ южныхъ уѣздахъ Акмолинской области, дали «почти безъ исключенія отрицательные результаты. Въ предѣлахъ Акмолинскаго уѣзда была ближайшимъ образомъ изучена мѣстность, прилегающая къ урочищу Кара-агачъ, общею площадью до 115.000 десятинъ; изъ этой площади, представляющей собой гористое пространство съ разбросанными среди горъ незначительными равнинами, свыше половины признано годнымъ исключительно для пастьбы скота, нѣкоторая часть—немногимъ менѣе четверти, находится подъ лѣсными зарослями (которыя, замѣтимъ, при естественныхъ условіяхъ мѣстности подлежатъ самому тщательному сохраненію),—на остальной же, примѣрно, четвертой части преобладаютъ песчаныя и супесчаныя почвы, при данныхъ климатическихъ условіяхъ весьма ненадежныя; вполнѣ пригодными для земледѣлія признано всего 9 небольшихъ площадей, общею площадью не

свыше 1850 десятинъ». А между тѣмъ данное урочище было выбрано для рекогносцировки именно какъ особенно пригодное, по слухамъ, для заселенія... Въ Атбасарскомъ уѣздѣ рекогносцировочное изслѣдованіе 1903 года охватило въ нѣсколько разъ болѣе обширный районъ,— но также дало безусловно отрицательные результаты; напримѣръ, «долина Терсъ-аккана, за исключеніемъ сравнительно небольшой площади, примыкающей къ Терсъ-акканскому пикету, признана совершенно непригодной для русской колонизаціи, частью по совершенной безводности, частью въ виду преобладанія кокпековой степи, негодной для земледѣльческой культуры». Единственною мѣстностью, пригодною для образованія осѣдлаго поселенія, оказались окрестности бывшей (т.-е. брошенной!) станицы Улутавской; но и здѣсь удалось намѣтить лишь одинъ небольшой участокъ, площадью до 4600 дес., «съ преобладаніемъ притомъ неудобныхъ или малоудобныхъ солонцеватыхъ земель, причемъ и здѣсь центръ тяжести хозяйства предполагается не столько въ земледѣліи, сколько въ скотоводствѣ»... Въ Семипалатинской области до 1902 года включительно было осмотрѣно всего до семи милліоновъ десятинъ, — изъ этого огромнаго пространства были признаны пригодными для устройства осѣдлыхъ поселеній всего 360 тыс. десятинъ, или 5% обслѣдованной площади; въ частности, въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ было осмотрѣно до полуторыхъ милліоновъ десятинъ,—пригодными для выселенія найдено всего десять урочищъ, общею площадью до 40000 дес. или около 2,7% обслѣдованнаго пространства. Правда, повѣрочными обслѣдованіями обнаружены нѣкоторые пробѣлы первоначальныхъ рекогносцировокъ, обусловленные отчасти тѣмъ, что послѣднія производились въ исключительный по засушливости годъ,—но давъ довольно существенныя частныя поправки, эти повѣрочныя изслѣдованія всецѣло подтвердили то общее положеніе, что даже въ лучшихъ по естественнымъ условіямъ районахъ Семипалатинской области для колонизаціи пригодны лишь сравнительно ничтожныя пространства.

Вотъ какія указанія для рѣшенія вопроса о колонизаціонной вмѣстимости киргизскихъ степей даетъ опытъ свыше нежели десятилѣтнихъ землеотводныхъ работъ. Очень можетъ быть, что болѣе тщательные поиски, а въ особенности—болѣе широкое примѣненіе, въ сомнительныхъ по естественнымъ условіямъ мѣстностяхъ, научныхъ методовъ изслѣдованія, нѣсколько расширятъ колонизаціонные горизонты,—хотя съ другой стороны нельзя не отмѣтить что наша колонизаціонная практика оцѣниваетъ земли не снисходительнѣе, а строже, нежели землеотводныя партіи, и не мало земель, признанныхъ партіями за годныя для заселенія, признаются крестьянами за «неудобіе». Нѣкоторое расширеніе колонизаціонной ёмкости степного края будетъ, несомнѣнно, достигнуто, если безусловно обязательная, разумная охрана законныхъ земельныхъ и хозяйственныхъ нуждъ туземнаго киргизскаго населенія перестанетъ переходить въ такое принципіально-враждебное къ переселеніямъ отношеніе, какое проявляли и посейчасъ проявляютъ нѣкоторые мѣстные администраторы, и интересы, вообще, *киргизъ*, требующіе сохраненія за ними сравнительно умѣренныхъ

земельныхъ площадей, перестанутъ смѣшиваться съ интересами тѣхъ *киргизскихъ богачей*, которые обыкновенно говорятъ отъ имени «киргизскаго народа». Но все таки, въ настоящее время, не можетъ подлежать уже никакому сомнѣнію, что колонизаціонная ёмкость киргизскихъ степей не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ ихъ необъятными пространствами, что многіе десятки милліоновъ десятинъ навсегда останутся негодными для осѣдлаго заселенія.

Съ меньшею очевидностью рѣшается вопросъ о колонизаціонной необъятной сибирской тайги.

Вопросъ о систематическомъ заселеніи тайги — вопросъ сравнительно недавній: до середины 90-хъ годовъ переселенцы безъ затрудненій размѣщались въ старожильскихъ селеніяхъ и на свободныхъ или слабоиспользованныхъ старожилами «междугранкахъ». Тайга и урманы представлялись воображенію какъ заурядныхъ мѣстныхъ обывателей, такъ даже и знатоковъ сибирскаго края, въ видѣ необъятныхъ, дремучихъ лѣсовъ, годныхъ единственно лишь для звѣроловства и охоты, орѣшнаго промысла и т. п.; ютившіяся въ тайгѣ, по слухамъ, заимки представляли собою тоже нѣчто полулегендарное; знали только, что въ нихъ прячутся отъ «міра» старовѣры и сектанты, живущіе не то охотой и пчеловодствомъ, не то—разными темными дѣлами, включительно до охоты на «горбачей» и фабрикаціи фальшивой монеты. Къ серединѣ 90-хъ годовъ запасъ свободныхъ земель въ заселенныхъ мѣстностяхъ Сибири былъ болѣе или менѣе исчерпанъ; приходилось искать новыхъ земельныхъ запасовъ,—пришлось подумать и о возможности систематическаго заселенія тайги. Единственнымъ практически-возможнымъ способомъ колонизаціи тайги и урмановъ казался созданный самою жизнью способъ свободнаго ея заселенія единичными піонерами. Считали достаточнымъ нѣсколько урегулировать это свободное заселеніе, главнымъ образомъ чтобы предотвратить чрезмѣрное истребленіе лѣсовъ, и въ то же время поощрить колонизацію тайги увеличенными льготами и усиленными денежными пособіями. Эти именно начала были положены въ основу спеціальнаго закона о свободномъ заселеніи таёжныхъ и урманныхъ пространствъ, изданнаго 27 апрѣля 1896 года.

Но свободное заселеніе тайги давало хорошіе результаты, когда оно было дѣйствительно *свободнымъ* заселеніемъ—когда это былъ процессъ медленнаго, ничѣмъ не поощряемаго внѣдренія въ тайгу единичныхъ піонеровъ. Но законъ о свободномъ заселеніи оказался не соотвѣтствующимъ конкретнымъ условіямъ нынѣшняго массоваго переселенія, происходящаго подъ наблюденіемъ правительства и до нѣкоторой степени—при его содѣйствіи, а потому не получилъ практическаго примѣненія [1]).

Предпринятыя во исполненіе закона 27 апрѣля 1896 г. рекогносцировочныя изслѣдованія, имѣли однако огромное значеніе: охвативъ въ немного лѣтъ огромныя пространства тайги и урмановъ, они обнаружили, въ перемѣшку съ болѣе или менѣе обширными пространствами

[1]) Исторію этого вопроса см. въ составленномъ нами „Очеркѣ работъ по образов. переселенч. участковъ“.

сосновыхъ боровъ, или первобытной «черной», елово-пихтовой и кедровой тайги, очень обширныя, въ общемъ, пространства, успѣвшія, подъ вліяніемъ послѣдовательныхъ лѣсныхъ пожаровъ, совершенно измѣнить свой видъ и сдѣлаться болѣе или менѣе легко доступными для заселенія и культуры: мѣстами сплошные «бѣльники»— пространства, заросшія болѣе или менѣе молодымъ березовымъ и осиновымъ лѣсомъ, мѣстами «дубровы» съ уже старымъ лиственнымъ лѣсомъ и подмѣсью начавшей возстановляться хвойной породы, мѣстами наконецъ «сланныя» площади, гдѣ куртины лиственнаго лѣса чередуются съ совершено безлѣсными полянами. Благодаря огню, который уничтоживъ затѣнявшій почву дремучій лѣсъ и покрывавшій ее первобытный травяной или моховой покровъ, изъ почвы исчезла прежняя сырость, сама почва созрѣла для культуры, мохъ или таёжный бурьянъ уступилъ мѣсто доброкачественнымъ травамъ. Съ другой стороны, оказалось, что среди переселенцевъ, даже рядовыхъ, имѣются такіе элементы, которыхъ не страшитъ расчистка не слишкомъ крупнаго лиственнаго лѣса, и что поэтому участки, хотя бы сплошь покрытые лѣсомъ, могутъ, при извѣстномъ подборѣ переселенцевъ, разсчитывать на заселеніе. Указанныя обстоятельства вызвали значительное оживленіе землеотводныхъ работъ въ губерніяхъ коренной Сибири и въ то же время пробудили неугасшія и до сихъ поръ радужныя надежды на расширеніе ея колонизаціонной ёмкости. Въ 1896 году —когда землеотводныя партіи стали лицомъ къ лицу съ тайгою, работы по образованію переселенческихъ участковъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Сибири были почти совсѣмъ пріостановлены. Со слѣдующаго 1897 года онѣ возобновляются и затѣмъ въ теченіе ряда лѣтъ ежегодно даютъ, въ итогѣ по тремъ сибирскимъ губерніямъ—Тобольской, Томской и Енисейской, отъ 15 до 35 тысячъ душевыхъ долей, а начиная съ 1903 года возобновляются работы и въ Иркутской губерніи, которая прежде, послѣ небольшого опыта, была признана безнадежною въ колонизаціонномъ отношеніи.

И тѣмъ не менѣе землеотводныя работы въ сибирскихъ губерніяхъ сокращены до самой послѣдней степени, а при обсужденіи смѣты на 1905 годъ возникала даже мысль о совершенномъ ихъ прекращеніи... Очевидно, что за послѣдніе годы выяснилось что-то новое, и что возможность для тайги и урмановъ «принять, и не въ отдаленномъ будущемъ, а въ наше время, весьма большое число рядовыхъ переселенцевъ», оказалась не такою уже безспорною...

Прежде всего просторъ для «открытій» оказался далеко не столь значительнымъ, какъ можно было предполагать подъ впечатлѣніемъ первыхъ удачныхъ поисковъ. Мѣстами, правда, среди глухой тайги обнаруживались обширныя сплошныя «гари» и «елани». Но несравненно обширнѣе оказались пространства боровъ, уже по своей почвѣ негодныхъ для заселенія, и болотистой или гористой «черной тайги», среди которой вкраплены лишь клочки удобныхъ для культуры земель, — клочки, утилизація которыхъ для переселенческихъ цѣлей затрудняется уже самою ихъ изолированностью. Сошлюсь въ видѣ примѣра на рекогносцировки послѣднихъ лѣтъ въ Иркутской и

Енисейской губерніяхъ. Въ первой изъ нихъ, въ южной тайгѣ Нижнеудинскаго уѣзда была найдена одна сплошь удобная площадь въ 57 тыс. десятинъ; но тутъ же по смежности, въ другой дачѣ, — общею площадью свыше 30 тыс. дес., тѣмъ же изслѣдователемъ было найдено всего 8.700 дес. удобныхъ земель,—а въ 1904 году тотъ же изслѣдователь, продвинувшись дальше на юго-востокъ и обслѣдовавъ 623 тыс. дес., нашелъ удобныхъ всего 34.000 дес.— немногимъ болѣе 5% обслѣдованной площади. Въ Енисейской губерніи, въ томъ же 1903 году, было инструментально обслѣдовано, въ такъ-называемомъ Зачулымскомъ районѣ Ачинскаго уѣзда, 302 тыс. десятинъ, — изъ нихъ годными для заселенія признаны 40 тыс. дес.; глазомѣрныя рекогносцировки охватили въ томъ же году огромную площадь, почти въ четыре милліона десятинъ, и обнаружили всего 199 тысячъ десятинъ удобныхъ для колонизаціи. Конечно, глазомѣрныя рекогносцировки способны давать очень значительныя ошибки. Но если бы повѣрочныя изслѣдованія могли даже удвоить или утроить процентъ годныхъ для колонизаціи земель въ обслѣдованныхъ районахъ,—ихъ колонизаціонная ёмкость осталась бы, все же, очень незначительной...

Читатель видитъ, что «открытія» въ сибирской тайгѣ тоже далеко не безпредѣльны. Но конечно дѣло обстоитъ здѣсь не такъ, какъ въ киргизскихъ степяхъ. Прежде всего, въ тайгѣ почти не приходится имѣть дѣла съ населеніемъ—это «казенныя пустопорожнія пространства», которыми государство можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Съ другой стороны, процессъ освѣтлѣнія тайги, о которомъ мы упоминали, конечно не закончился, и постепенно все новыя и новыя пространства «черной» тайги будутъ переходить въ пригодное для культуры состояніе. Наконецъ та завѣса, которая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершенно скрывала тайгу отъ нашихъ взоровъ, вѣдь не совершенно разорвана—она только нѣсколько отодвинута, и за этою завѣсой несомнѣнно предстоятъ все новыя и новыя «открытія». Мы не можемъ поэтому даже приблизительно сказать, *какъ велико*, въ сибирскихъ лѣсахъ, количество земель, которыя нынѣ же могли бы быть заселены,—не знаемъ, будетъ ли ихъ десять, 20 или 100 милліоновъ десятинъ; тѣмъ болѣе мы не знаемъ, какія площади созрѣютъ для колонизаціи черезъ десять, двадцать пять или черезъ сто лѣтъ. Въ то время, какъ въ киргизскихъ степяхъ колонизація очень скоро упрется въ неподвижную стѣну, — въ сибирскихъ лѣсахъ она встрѣчаетъ только эластичную преграду, которая постепенно будетъ отступать вглубь остающейся невѣдомою тайги.

И несмотря на это, колонизаціонное значеніе сибирскихъ лѣсовъ, при данномъ подборѣ переселенцевъ, приходится признать весьма условнымъ. «Въ ближнюю Сибирь, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ работниковъ переселенческаго дѣла, А. А. Станкевичъ [1]), до Байкала, во всякомъ случаѣ нельзя ожидать массового движенія,— слишкомъ труденъ и удаленъ оставшійся земельный фондъ, слишкомъ

[1]) Записка 13 окт. 1902, № 2589.

мало въ немъ стени, которую продолжаетъ искать рядовой переселенецъ изъ малоземельныхъ губерній черноземнаго центра и юга»... И на этомъ соображеніи А. А. Станкевичъ основывалъ то совершенно оправдавшееся предсказаніе, что переселеніе въ Сибирь, уже въ 1901—1902 годахъ упавшее до 77—86 тыс. человѣкъ, и въ 1903 году не достигнетъ большаго размѣра.

Медленный ходъ заселенія таёжныхъ и вообще лѣсныхъ районовъ Сибири совершенно правильно ставится, такимъ образомъ, въ зависимость не только отъ «суровости природы» или «трудности разработки» но и отъ изолированности предназначаемыхъ для заселенія площадей, — т.-е. отъ обстоятельства, имѣющаго, въ значительной мѣрѣ, преходящее значеніе». Именно этому и другимъ подобнымъ обстоятельствамъ, нерѣдко, придается преобладающее значеніе, и высказывается убѣжденіе, что «съ устраненіемъ бездорожья свободныя земли должны быстро исчезнуть» [1]).

Какъ читатель знаетъ изъ первой части этой книги, мы тоже придаемъ вопросу о дорогахъ первостепенное значеніе. Но значеніе это—скорѣе отрицательное, нежели положительное: участки въ мѣстностяхъ, лишенныхъ дорогъ, *не* могутъ заселяться; но изъ этого не слѣдуетъ, что проложеніе дорогъ въ лѣсныхъ районахъ Сибири повлечетъ за собою скорое исчезновеніе свободныхъ земель. Таёжный характеръ участковъ и самъ по себѣ имѣетъ совершенно опредѣленное вліяніе на успѣшность ихъ заселенія,—вліяніе, которое не устранится и съ самымъ широкимъ развитіемъ дорожнаго дѣла. Въ этомъ убѣждаютъ хотя бы статистическія данныя о ходѣ заселенія участковъ въ періодъ 1893—1898 гг., когда лѣсные участки образовывались еще въ непосредственной смежности съ районами стараго заселенія и когда, поэтому, вопросъ о дорогахъ еще не игралъ той роли, какъ теперь.

Вотъ небольшая табличка, въ которой вліяніе характера участковъ на ихъ заселеніе совершенно изолировано отъ вліянія бездорожья и другихъ аналогичныхъ условій.

Для участковъ, образованныхъ въ двухлѣтія:	Процентъ заселенности участковъ		
	степныхъ	лѣсостепныхъ	лѣсныхъ.
1893—1894	86,3	84,1	65,4
1895—1896	85,4	70,1	47,7
1097—1898	67,0	61,1	41,8

Ясно, что характеръ отводимыхъ для колонизаціи земель имѣетъ рѣшающее вліяніе на ихъ заселеніе: позже образованные участки, въ видѣ правила, болѣе отдалены отъ Европейской Россіи и отъ линіи желѣзной дороги,—и тѣмъ не менѣе степные участки, образованные въ 1897—1898 гг., даютъ даже нѣсколько большій процентъ заселенія, нежели лѣсные (а это еще далеко не значитъ—таёжные!)

[1]) Журн. подгот. комиссіи, № 137, стр. 75.

участки, образованные въ первое двухлѣтіе систематическихъ земле-отводныхъ работъ. Если же разсматривать цифры отдѣльно по двухлѣтіямъ, то окажется, что среди какъ наиболѣе раннихъ, такъ и наиболѣе позднихъ по времени образованія участковъ степные даютъ наибольшій, лѣсные—наименьшій процентъ заселенности. Не умножая цифръ, сошлемся еще только на данныя о ходѣ заселенія излюбленнаго переселенцами колонизаціоннаго района Сибири—Алтайскаго округа. По имѣющимся въ нашемъ распоряженіи статистическимъ даннымъ за пятилѣтіе 1888—1892 гг., изъ четырехъ уѣздовъ этого округа принимали переселенцевъ степные уѣзды: Барнаульскій — отъ 57,2 до 71,7%, Бійскій отъ 24,9 до 36,1%; въ лѣсномъ Кузнецкомъ уѣздѣ ежегодно водворялось отъ 1,1 до 4,9%, въ Томскомъ — отъ 0,8 до 1,17% общаго числа переселенцевъ, устраивавшихся въ Алтайскомъ округѣ. А между тѣмъ Томскій и Кузнецкій уѣзды—какъ разъ наиболѣе богатые, Барнаульскій и особенно Бійскій — наиболѣе бѣдные землей; и такая же неравномѣрность въ распредѣленіи переселенцевъ наблюдается не только между уѣздами, но и внутри уѣздовъ: въ Барнаульскомъ уѣздѣ восточныя, горно-лѣсныя волости, приняли всего 24,2%, степныя, западныя—72,8% общаго числа водворившихся въ уѣздѣ за пятилѣтіе переселенцевъ. «И это соотвѣтствіе—говоритъ анонимный авторъ цитируемаго нами статистическаго очерка о переселеніи въ Алтайскій округъ [1]), отнюдь не случайное. Жителю средней полосы Россіи, т.-е. той именно, откуда беретъ начало главная волна переселенческаго движенія, трудно привыкать къ предгорьямъ Алтая, не говоря уже о самихъ горахъ, къ черневымъ лѣсамъ, къ тайгѣ и т. п.; трудно до того, что онъ или вовсе не селится въ этихъ мѣстностяхъ, или же, почему либо поселившись, вскорѣ бѣжитъ въ западную часть округа, въ степь, гдѣ ему привольнѣе, роднѣе. Разсказы переселенцевъ, какъ ихъ изъ Томской или Тарской тайги, гдѣ они сѣли на казенные участки съ превосходною почвой, «гнусъ выжилъ», т.-е. обиліе мошекъ, комаровъ, оводовъ и т. п.— вовсе не вымышлены. Нужно много времени, чтобы нашъ крестьянинъ средней Россіи свыкся съ совершенно чуждою ему природой восточной части Алтайскаго округа»...

Въ приведенной выдержкѣ констатируется не только *фактъ* болѣе быстраго и успѣшнаго заселенія степныхъ земель сравнительно съ лѣсными, но выясняется и его *причина*. Дѣло, именно, въ томъ, что *лѣсныя земли не соотвѣтствуютъ хозяйственнымъ потребностямъ и привычкамъ преобладающей массы переселенцевъ.* Если разсматривать вопросъ, такъ сказать, абсолютно, то ни степнымъ, ни лѣснымъ землямъ нельзя отдать рѣшительнаго преимущества. «Степь — говоритъ прекрасный наблюдатель, пасторъ Фрейбергъ, въ докладѣ Тобольскому губернскому сельскохозяйствен-

---

[1]) Алтайскій сборникъ, вып. I, стр. 247 и 249.

ному комитету [1]),—представляетъ много свободнаго простора, тутъ не трудно разработать пашню; она представляетъ хорошую почву, мѣстами даже черноземъ, для земледѣлія, уже готовые сѣнокосы и въ обиліи кормъ для скота,—но она имѣетъ много и неисправимо дурныхъ сторонъ: степь имѣетъ мало или плохой строевой лѣсъ», она «даетъ мало воды или соленую негодную воду, что часто дѣлаетъ переселившемуся колонисту жизнь невозможною; степь часто подвергается засухѣ, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ бываютъ неурожаи и голодъ, вслѣдствіе бездождія возникаетъ часто въ большомъ количествѣ кобылка и уничтожаетъ все, что на землѣ растетъ. Лѣсъ, или какъ его зовутъ, урманъ, представляетъ совсѣмъ иную картину; здѣсь, хотя и трудно прокладывать дороги, бороться иногда съ дикими животными, очищать землю и превращать ее въ пашню, но за то урманъ представляетъ колонисту строевой матеріалъ и дрова въ изобиліи, освѣжаетъ жаждущаго свѣжею ключевою водою; изъ его прохладныхъ долинъ поднимается обильно туманъ и ниспадаетъ дождемъ (но иногда—и вреднымъ инеемъ. А. К.), освѣжающимъ и оживляющимъ все, что растетъ и даетъ плоды»; и «плодородность урмана при солидной обработкѣ земли и нѣкоторомъ стараніи жителей вполнѣ достаточна, чтобы содержать водворенное въ немъ населеніе и удовлетворить его требованія». Какъ статистикъ, которому пришлось, въ свое время, изучать и описывать хозяйственный бытъ сибирскихъ старожиловъ и въ степныхъ, и въ лѣсныхъ уѣздахъ; какъ человѣкъ, котому пришлось въ теченіе ряда лѣтъ посѣщать разнообразнѣйшіе переселенческіе районы, я готовъ всецѣло подписаться подъ этою характеристикою. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, правда, не бываетъ тѣхъ огромныхъ урожаевъ, которые время отъ времени прокидываются въ степи,—но не бываетъ и слишкомъ частыхъ въ степи неурожаевъ; здѣсь нѣтъ того простора для скотоводства,—но не случается и періодическихъ безкормицъ; наряду съ земледѣліемъ и скотоводствомъ, природа лѣсныхъ районовъ открываетъ просторъ для разнообразныхъ промысловъ, и въ конечномъ результатѣ благосостояніе крестьянъ въ лѣсныхъ районахъ, не выражаясь въ такихъ высокихъ цифрахъ посѣвовъ и скота, однако несравненно устойчивѣе, нежели въ періодически-голодающихъ «житницахъ» Сибири и киргизской степи. Я сказалъ бы даже, что лѣсная природа оказываетъ воспитательное вліяніе на само населеніе: въ лѣсу каждый осьминникъ пашни, каждая копна покоса достается лишь цѣною тяжелаго труда; крестьянинъ привыкаетъ вѣрить только въ трудъ и не надѣяться на «фартъ», который въ степи можетъ и быстро обогатить, и еще быстрѣе—разорить крестьянина. Самая трудность разработки таёжныхъ земель далеко не такъ велика, какъ принято думать; чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно посмотрѣть лѣсныя расчистки сибирскихъ старожиловъ, или еще лучше—побывать въ глухихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Вятской или Вологодской губерніи; въ Сибири не слишкомъ густой березовый «бѣльникъ» признается уже труд-

[1]) Тобольская, стр. 377.

нымъ для переселенія; а вятичъ или вологжанинъ не колеблется разрабатывать такую первобытную «черную тайгу», какой въ Сибири вовсе не рѣшаются отводить подъ заселеніе.

Но бѣда въ томъ, что не всякій переселенецъ способенъ быть таёжнымъ піонеромъ. Прежде всего — и здѣсь опять одно изъ тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, которыми такъ чревато переселенческое движеніе,—чтобы обосноваться въ тайгѣ требуется, какъ само собой понятно, значительно больше средствъ, нежели для устройства въ степяхъ; условія разработки таёжныхъ земель заставляютъ гораздо дольше ожидать перваго урожая, удаленность ихъ повышаетъ цѣны на жизненные продукты и на инвентарь; въ тоже время до послѣдней степени сокращается возможность подспорныхъ заработковъ, и потому вопросъ о собственныхъ средствахъ переселенцевъ пріобрѣтаетъ первостепенно-важное значеніе. А между тѣмъ таёжные участки, «не представляя ничего заманчиваго для среднесостоятельныхъ крестьянъ, являются какъ бы естественно предназначеннымъ для бѣдныхъ, но достаточно сильныхъ рабочими руками домохозяевъ». Но вопросъ о средствахъ, требующихся для прочнаго устройства въ тайгѣ, еще не имѣетъ, на нашъ взглядъ, рѣшающаго значенія. Отсутствіе средствъ—такое же отрицательное условіе, какъ отсутствіе дорогъ, и наличность средствъ отнюдь не гарантируетъ еще успѣха таёжной колонизаціи. Для этого требуется еще наличность такихъ субъективныхъ качествъ, которыми не обладаетъ главная масса современныхъ переселенцевъ. Я уже не буду говорить о томъ, что нынѣшній переселенецъ, хлопочущій о разрѣшеніи, имѣющій въ виду проѣхать по удешевленному тарифу, опредѣленно разсчитывающій на казенное пособіе,—что этотъ переселенецъ имѣетъ немного общаго съ прежнимъ піонеромъ-колонизаторомъ, который уходилъ, несмотря на «крѣпкія заставы» и всяческія запрещенія, который не останавливался передъ многомѣсячною дорогой на телѣгѣ или пѣшкомъ, и твердо зналъ, что ему не на кого разсчитывать, кромѣ Бога и самого себя. Еще существеннѣе и, такъ сказать, объективнѣе другое обстоятельство: именно то, что на роль лѣсного піонера способенъ только такой переселенецъ, который и на родинѣ умѣлъ бороться съ лѣсомъ, и въ которомъ эта борьба, продолжавшаяся вѣками, выработала соотвѣтствующую энергію и выдержку. Этотъ фактъ констатировался наблюдателями и изслѣдователями переселенческаго движенія еще въ то время, когда массовая колонизація еще не проникала вглубь тайги и едва только начинала захватывать ея окраины. «Пермичи, вятичи, частью казанцы и нижегородцы—писалъ проф. Исаевъ [1]) въ 1890 году,—очень охотно селятся въ тайгѣ и за немного лѣтъ расчищаютъ изъ-подъ лѣса значительныя пространства. Куряне же, тамбовцы, орловцы рѣшительно не переносятъ тайги»,—и случайно попадавшіе въ тайгу новоселы этого типа, «выбившись изъ силъ, умоляли отвести имъ участки, болѣе соотвѣтствующіе ихъ привычкамъ». Въ частности, переселенцы-малороссы и вообще южане, весьма удовлетворительно

---

[1]) l. c., стр. 107. См. также отчетъ ст.-секр. Куломзина, стр. 183.

устраиваясь въ степныхъ мѣстностяхъ, мирясь и съ безлѣсьемъ, и съ не вполнѣ достаточнымъ водоснабженіемъ,—совершенно не выносятъ «гнуса» и не приспособляются къ необходимости расчистки лѣсныхъ земель. Недаромъ администрація Приморской области, имѣвшая очень много дѣла съ переселенцами-малороссами, въ настоящее время, когда въ краѣ заняты всѣ лучшія луговыя и степныя земли, и когда приходится переходить къ колонизаціи лѣсныхъ пространствъ, питаетъ «весьма мало надежды на то, чтобы переселенцы изъ малороссовъ водворялись въ такихъ мѣстностяхъ, а также мало надежды на то, чтобы малороссы, какъ землепашцы исключительно, могли успѣшно устраивать и развивать свое хозяйство».

Что это такъ,—въ достаточной мѣрѣ видно изъ цифровыхъ данныхъ относительно распредѣленія выходцевъ изъ различныхъ мѣстностей по разнымъ колонизаціоннымъ районамъ и по разнымъ типамъ земель, предлагаемыхъ подъ заселеніе [1]). Эти данныя, относящіяся также къ періоду 1893—1898 гг., показываютъ, что болѣе четверти общаго числа душъ, водворенныхъ на степныхъ участкахъ, составляли выходцы изъ трехъ южныхъ районовъ Европейской Россіи, болѣе трехъ пятыхъ — выходцы изъ средняго и сѣвернаго черноземныхъ районовъ, и около одной десятой — выходцы изъ черноземной полосы. На лѣсисто-степныхъ участкахъ выходцы изъ южныхъ районовъ составляли уже менѣе одной десятой, выходцы изъ сѣверно-и средне-черноземнаго районовъ составляли и здѣсь около трехъ пятыхъ, выходцы изъ нечерноземной полосы составляли уже почти треть, причемъ 19% приходилось на долю одного только западнаго района. На лѣсныхъ участкахъ выходцы изъ западныхъ губерній составляли уже болѣе двухъ пятыхъ общаго числа водворенныхъ душъ; довольно замѣтный процентъ приходился на долю сѣверо-восточныхъ заволжскихъ и сѣверо-западныхъ губерній, а также сибирскихъ, въ общей же сложности до двухъ третей переселенцевъ, водворенныхъ на лѣсныхъ участкахъ, составляли переселенцы, несомнѣнно вполнѣ приспособленные къ жизни въ мѣстностяхъ этого рода; около четверти приходилось, однако, на долю выходцевъ изъ сѣвернаго и средняго черноземныхъ районовъ,—и только 6,5% составляли совсѣмъ малопригодные для жизни въ лѣсахъ выходцы изъ трехъ южныхъ районовъ Европейской Россіи [2]). А нижеслѣдующая табличка показываетъ, какъ распредѣлялись по участкамъ разныхъ типовъ выходцы изъ отдѣльныхъ районовъ выселенія.

---

[1]) Подробнѣе см. въ „Очеркѣ раб. по образ. перес. участк.“, гл. VI.

[2]) Нельзя не отмѣтить, что и эти данныя относятся къ 1899 году, когда лѣсные участки еще не были таежными, а развѣ только „подтаежными“, или же располагались среди уже заселенныхъ районовъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если бы повторить такой же подсчетъ водворенныхъ на участкахъ разнаго типа переселенцевъ теперь, и если бы притомъ была возможность выдѣлить чисто-таежные участки отъ просто-лѣсныхъ, то % водворенныхъ на первыхъ выходцевъ изъ черноземной полосы упалъ бы, приблизительно, до нуля.

Названія районовъ выселенія:	Изъ каждыхъ ста душъ выходцевъ изъ поименованныхъ въ лѣвомъ столбцѣ районовъ водворено на участкахъ: степныхъ.	лѣсо-степныхъ.	лѣсныхъ.
Сѣверно-черноземный	43,6	49,9	7,2
Средне-черноземный	61,2	34,8	3,2
Юго-западный	63,4	25,8	2,8
Южный степной	69,4	25,8	2,8
Восточный и юго-восточный . .	79,2	13,6	7,2
Промышленный	42,2	45,5	12,3
Западный	14,9	48,6	36,5
Сѣв.-вост. заволжскій	20,9	30,7	48,7
Сѣверный и сѣв.-западный . . .	16,3	40,0	43,6
Прибалтійскій	35,1	29,0	35,9
Сибирскій	29,5	24,2	46,2
Прочія губерніи	50,4	22,6	26,6

И эти цифры подтверждаютъ, въ главнѣйшихъ чертахъ, наличность полнаго соотвѣтствія между условіями мѣстъ выхода переселенцевъ и характеромъ тѣхъ участковъ, на которыхъ они водворяются въ Азіатской Россіи. Но эти цифры позволяютъ сдѣлать еще одинъ въ высшей степени важный, практическій выводъ. Онѣ показываютъ, что степные участки, особенно привлекая степняковъ и вообще переселенцевъ изъ черноземной Россіи, не пренебрегаются выходцами и изъ мѣстностей промежуточнаго характера, и даже изъ лѣсныхъ районовъ; напротивъ, *лѣсные участки сколько нибудь охотно заселяются только выходцами изъ лѣсныхъ районовъ, и вовсе не могутъ разсматриваться какъ колонизаціонный фондъ, пригодный для переселенцевъ изъ южной и даже, въ значительной мѣрѣ, изъ средней Россіи,—т. е. именно изъ тѣхъ районовъ, которые до сихъ поръ еще даютъ подавляющее большинство переселенцевъ*. Иначе сказать, по мѣрѣ перемѣщенія центра тяжести землеотводныхъ работъ изъ степныхъ въ таёжные районы, отводимыя подъ заселеніе земли все менѣе и менѣе соотвѣтствуютъ, требованіямъ подавляющей массы переселенцевъ, — и скоро настанетъ время, когда въ Сибири останутся лишь земли, болѣе или менѣе исключительно пригодныя для выходцевъ изъ нечерноземной Россіи, и вовсе не будетъ земель, годныхъ для переселенцевъ именно изъ тѣхъ районовъ, которые, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, признавались наиболѣе нуждающимися въ разрѣженіи населенія [1]).

[1]) Эти выводы всецѣло подтверждаются данными о распредѣленіи выходцевъ изъ разныхъ мѣстностей Европейской Россіи по отдѣльнымъ губерніямъ и областямъ Сибири. Интересующихся подробностями позволимъ себѣ отослать къ стр. 80 и слѣд. нашей работы „Сибирское переселеніе на исходѣ XIX вѣка", гдѣ подробно разобраны цифровыя данныя за 1895—1898 гг. Здѣсь же приведемъ новѣйшія данныя, именно за 1899—1900 года,—причемъ для большей конкретности не будемъ группиро-

Не подлежитъ сомнѣнію, что затрудненія, связанныя съ колонизаціею таёжныхъ земель, могутъ быть въ значительной степени ослаблены рядомъ мѣръ попечительнаго характера. «Для облегченія доступа въ такія мѣстности, говоритъ Н. П. Архиповъ въ одномъ изъ своихъ представленій объ организаціи переселенческаго дѣла въ Приамурскомъ краѣ, далеко еще недостаточно одного проведенія дорогъ; необходимо обезпечить осѣдающихъ тамъ переселенцевъ своевременною медицинскою и продовольственною помощью, облегчить снабженіе ихъ предметами домоустройства, земледѣльческими орудіями, ссудами на домообзаведеніе, приблизить на первое время продовольственные запасы [1]). Съ тою же цѣлью предлагается и предполагается устраивать въ таёжныхъ районахъ временныя пристанища, бараки для первыхъ группъ новоселовъ, и т. п., а нѣкоторые рекомендуютъ производить предварительную расчистку земли на казенныя средства—мѣра, противъ которой я уже имѣлъ случай высказываться въ первой части этой книги. Но всѣ подобныя мѣры не устранятъ тѣхъ *общихъ* условій, которыя дѣлаютъ таёжныя земли негодными для переселенцевъ изъ черноземной полосы. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно вспомнить, опять таки, что анализированныя выше цифры

вать ихъ по районамъ, а приведемъ цифры по нѣсколькимъ наиболѣе характернымъ губерніямъ, поставивъ рядомъ губерніи однохарактерныя и выдѣливъ жирнымъ шрифтомъ цифры водворенія въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ Сибири, которыя привлекаютъ главную массу переселенцевъ изъ данной губерніи.

Изъ числа выходцевъ изъ губерній:	Водворилось въ губерніяхъ: Томской (казен. зем.).	Томской (кабинет. зем.).	Тобольской.	Акмолинской.	Енисейской.	Иркутской.
Кіевской	454	**2161**	435	**2080**	1044	75
Черниговской	2193	**6016**	1348	2393	2446	185
Полтавской	1387	**16319**	1340	**7020**	2838	33
Харьковской	1057	**10750**	688	2539	196	48
Воронежской	383	**12176**	**263**	**2231**	767	37
Курской	**6892**	**18710**	455	648	**3455**	3
Орловской	1739	**3553**	1180	1055	**2769**	397
Тамбовской	1757	**12648**	744	1021	2677	132
Тульской	822	**1244**	**289**	**146**	**1604**	80
Вятской	288	**5963**	415	208	485	128
Пермской	583	**5408**	**105**	**259**	630	125
Минской	**1889**	305	397	7	**4298**	543
Могилевской	**3724**	1283	**1504**	360	**5219**	418
Виленской	**2720**	64	602	34	**1875**	13
Витебской	**3647**	169	**2646**	263	**4764**	290
Гродненской	**1260**	228	435	130	**3395**	112

Цифры эти, взятыя изъ матеріаловъ челябинской регистраціи переселенцевъ, едва ли требуютъ комментаріевъ—совпаденіе ихъ съ сдѣланными въ текстѣ выводами изъ цифръ другого рода само собой бросается въ глаза.

[1]) Записка 15/22 окт. 1903 г. № 7103, стр. 43. См. тоже нашу работу „Матеріалы по вопросу о колониз. вмѣстимости с. Приамур. края"

*

относятся къ 1899 году, когда лѣсные участки образовывались еще по близости къ селеніямъ,—когда слѣдовательно вопросы о дорогахъ, временныхъ пристанищахъ, снабженіи новоселовъ продуктами не играли еще той роли, какъ теперь, при заселеніи глухой тайги,—когда притомъ не допускалось образованіе участковъ безъ нѣкотораго количества земель, годныхъ для пользованія безъ предварительной расчистки. И какъ уже въ то время, при отсутствіи всѣхъ перечисленныхъ осложняющихъ условій, лѣсные участки заселялись лишь при опредѣленномъ подборѣ переселенцевъ, такъ необходимость такого подбора не устранится и въ будущемъ, если даже соотвѣтственными мѣрами будетъ достигнуто существенное облегченіе условій заселенія сибирской тайги. Не даромъ сельскохозяйственные комитеты, не останавливаясь на такихъ частностяхъ, какъ проложеніе дорогъ для переселенцевъ, устройство складовъ инвентаря и продуктовъ и т. п. требуютъ, чтобы «переселенцы попадали въ мѣстности, сходныя по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ съ мѣстомъ ихъ прежней жизни», чтобы выселяющіеся попадали не только «на подходящія земли», но и вообще «въ соотвѣтствующія ихъ прежней жизни и обстановкѣ условія» [1]).

Въ тѣсной связи со сказаннымъ, несомнѣнно, стоятъ встрѣчающіяся въ трудахъ многихъ изъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ указанія на истощеніе въ Сибири запасовъ земель, подходящихъ для переселенцевъ. «Трудности и опасности переселенія—констатируютъ комитеты—съ теченіемъ времени увеличиваются, такъ какъ въ Сибири переселенцамъ приходится занимать все болѣе далекія и менѣе удобныя для сельскаго хозяйства мѣстности», и «неудачи многихъ попытокъ переселеній обусловливаются главнымъ образомъ чрезвычайною трудностью самого дѣла перемѣщенія большихъ массъ населенія на далекія и рѣзко отличающіяся по своимъ естественнымъ условіямъ окраины». Подобныя указанія, очевидно, не болѣе какъ отзвукъ тѣхъ свѣдѣній о Сибири, которыя приносятъ возвращающіеся съ отрицательнымъ результатомъ ходоки и обратные переселенцы, или тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыя «говорятъ намъ, что мечты земледѣльцевъ о далекихъ странахъ съ необъятными пространствами свободныхъ богатыхъ земель, по приходѣ ихъ на новыя мѣста, разбиваются въ пухъ и прахъ, а на мѣсто ихъ появляется та же самая безотрадная, холодная и голодная дѣйствительность, выгнавшая ихъ изъ разныхъ мѣстъ въ далекія страны» [2]). И отсюда—естественное желаніе многихъ комитетовъ найти какіе нибудь такіе колонизаціонные районы, которые болѣе соотвѣтствовали бы потребностямъ и привычкамъ переселяющихся крестьянъ, нежели суровая и негостепріимная Сибирь.

Что большинство желающихъ переселиться, дѣйствительно, не находитъ въ Сибири того, чего ищетъ,—это доказывается уже цифровыми данными о результатахъ ходачества. Такими данными мы рас-

[1]) Курская 13, Таврическая 57 и др.
[2]) Кіевская 299, 710, Самарская 103, 423, Псковская 130 и др.

полагаемъ за время съ 1895 по 1903 годъ. Только въ 1895 году бо́льшая половина ходоковъ—именно 55,3%, нашла себѣ землю въ Сибири; въ слѣдующіе три года процентъ ходоковъ, нашедшихъ и зачислившихъ за собою землю, колеблется между 37,6% въ 1896 и 30,5% въ 1898 году, составляя такимъ образомъ уже только около одной трети; въ слѣдующіе четыре года, съ 1899 по 1902, процентъ случаевъ удачнаго ходачества падаетъ еще ниже, колеблясь между 19,9% и 28,5% и только въ 1903 году опять поднимается до 31,9%, или почти до одной трети общаго числа зарегистрованныхъ ходоковъ. Такимъ образомъ, огромное большинство, отъ двухъ третей до четырехъ пятыхъ общаго количества проходящихъ черезъ Челябинскъ ходоковъ, не находитъ въ Сибири того, чего они искали. Правда, ходачество поставлено далеко неудовлетворительно, и извѣстная, можетъ быть даже значительная, часть случаевъ безрезультатнаго ходачества должна быть отнесена на счетъ тѣхъ или другихъ организаціонныхъ дефектовъ. Но организація ходачества была не лучше въ 1895 или въ 1896, нежели въ 1901 или 1902 году—напротивъ, въ послѣдніе годы она еще значительно улучшилась. И если процентъ безрезультатнаго ходачества, еще въ 1895 г. не достигавшій половины, колеблется теперь между двумя третями и четырьмя пятыми общаго количества ходоковъ,—то это неоспоримо доказываетъ, что найти въ Сибири подходящія мѣста для водворенія стало значительно труднѣе.

Приведемъ теперь въ процентахъ данныя о результатахъ ходачества отдѣльно по каждому изъ крупнѣйшихъ районовъ водворенія:

Губерніи и области:	Процентъ ходоковъ, зачислившихъ землю: 1895	1896	1897	1898	1899	1900	Итого за 1895—96 и 1898—900 г.
Акмолинская	65,4	35,5	28,1	15,4	22,4	22,4	24,3
Тобольская	65,3	54,9	55,8	43,5	39,5	47,7	46,3
Томская { казен. земли	64,2	51,1	34,4	47,7	44,1	48,9	47,7
Томская { кабинет. „	57,3	53,4		35,5	29,3	29,3	31,6
Енисейская	(6,9)	42,6	30,8	58,4	54,2	47,5	51,6
Иркутская	(11,1)	(100)	(0)	18,1	47,6	67,5	49,8
Забайкалье и Приам. кр.					(27,0)	48,2	

Такимъ образомъ, въ Акмолинской области процентъ случаевъ удачнаго ходачества, еще въ 1895 году составлявшій почти двѣ трети, въ слѣдующемъ же году падаетъ до трети съ небольшимъ, въ 1898 г. опускается даже до 15,4%, а въ слѣдующіе два года немногимъ превышаетъ одну пятую общаго числа прошедшихъ ходоковъ. Почти столь же рѣзко упалъ процентъ успѣшнаго ходачества и по Алтайскому округу,—здѣсь въ 1895 и 1896 гг. пріискало себѣ землю еще болѣе половины, въ послѣдніе два года разсматриваемаго періода—уже менѣе трети общаго числа прошедшихъ ходоковъ,—и такимъ образомъ именно по Алтайскому округу—наиболѣе популярному, вообще, изъ всѣхъ колонизаціонныхъ районовъ Сибири, и по Акмолинской области,

наиболѣе привлекающей выходцевъ изъ южной полосы Россіи, приходится констатировать рѣзко возрастающую трудность пріисканія земель. Менѣе неблагопріятно складываются погодныя данныя по гораздо менѣе популярнымъ, вообще, и въ особенности для южанъ, колонизаціоннымъ районамъ коренной Сибири. По району казенныхъ земель Томской губерніи и по Тобольской губерніи хотя и замѣчается убыль, но гораздо менѣе рѣзкая, и вѣроятность успѣха поисковъ здѣсь еще сравнительно благопріятна. Въ Енисейской же губерніи убыли процента ходоковъ, нашедшихъ землю, и вовсе не замѣчается. И это совершенно естественно: массовое движеніе въ эту губернію еще только начиналось, запасъ участковъ, заготовленныхъ въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, былъ еще великъ, и потому ходоки сравнительно легко могли найти себѣ подходящіе участки.

Цифровыя данныя о *причинахъ* безрезультатности ходачества за періодъ 1895 — 1898 гг. могутъ быть сведены въ слѣдующую табличку:

	Изъ ста случаевъ безрезультатнаго ходачества приходится на долю отдѣльныхъ причинъ у ходоковъ, возвращающихся изъ губерній и областей:					
	Акмолинской.	Тобольской.	Томск., земли казен.	Томск., земли кабин.	Енисейской.	Иркутской.
Неимѣніе разрѣшенія	36,1	21,2	13,5	4,7	12,1	11,6
Несвободность участка, недопущеніе приписки	44,4	43,7	45,7	5,6	33,1	1,8
Недостатокъ средствъ для обзаведенія	0,8	4,2	5,8	34,0	4,8	4,2
Дорогіе пріемные приговоры	0,6	2,1	7,9	43,1	2,1	0,5
Неудобство почвы	0,7	7,3	7,9	3,0	27,1	28,8
Недостатокъ воды	6,3	8,1	5,7	1,9	2,3	0,2
Отсутствіе лѣса	2,5	2,5	2,4	1,3	1,5	0,8
Суровый климатъ мошка и пр.	0,5	2,1	4,9	1,6	10,2	45,2
Случайныя и необозначенныя прич.	5,7	5,8	5,1	3,7	5,0	5,2

Рѣзко бросаются въ глаза, прежде всего, данныя по Алтайскому округу: здѣсь почти четыре пятыхъ всѣхъ случаевъ неуспѣха ходоковъ приходится на долю двухъ группъ причинъ: дороговизны пріемныхъ приговоровъ и недостатка средствъ на обзаведеніе. И это совершенно естественно: о неудобствѣ почвы, суровости климата въ этомъ переселенческомъ эльдорадо не можетъ быть и рѣчи. Результаты ходачества всецѣло зависятъ здѣсь отъ того, удастся ли ходоку, или нѣтъ, получить «по сходной цѣнѣ» пріемный приговоръ, и болѣе двухъ пятыхъ общаго числа случаевъ неудачи прямо объясняется дороговизною пріемныхъ приговоровъ—этимъ признакомъ уже начинавшагося на Алтаѣ «утѣсненія». Ссылка на «недостатокъ средствъ». несомнѣнно, имѣетъ здѣсь условное значеніе: въ такомъ богатомъ краѣ, какъ Алтай, предлагающій переселенцу обильные и выгодные заработки, дѣйствительный «недостатокъ средствъ» могъ бы играть меньшую роль, нежели во всякомъ другомъ колонизаціонномъ районѣ,—

и ссылка на «недостатокъ средствъ» является, въ видѣ правила, замаскированнымъ указаніемъ на ту же дороговизну пріемныхъ приговоровъ. Въ Акмолинской области четыре пятыхъ всѣхъ случаевъ безуспѣшнаго ходачества обусловливается двумя другими группами причинъ—«неимѣніемъ разрѣшенія» и «несвободностью участка или недопущеніемъ приписки»; замѣтный процентъ неудачъ объясняется безводностью участковъ или недостаткомъ лѣса; ссылокъ же на неудобство почвы, на суровость климата почти не встрѣчается. Безрезультатное ходачество для Акмолинской области—слѣдствіе, почти исключительно, невозможности заготовить достаточное количество участковъ,—съ тою же причиною тѣсно связаны и ссылки на «отсутствіе разрѣшенія»: самовольные переселенцы, какъ мы знаемъ, получаютъ землю лишь «по возможности», за удовлетвореніемъ всѣхъ легальныхъ переселенцевъ, и такой «возможности» очевидно, не было при общемъ недостаткѣ въ области земель, назначенныхъ для заселенія.

Несвободность участковъ и отсутствіе разрѣшенія обусловливаютъ около двухъ третей всѣхъ неудачъ и по району казенныхъ земель западной Сибири—по Тобольской губерніи и по сѣвернымъ уѣздамъ Томской,—но наряду съ этими причинами замѣтная роль принадлежитъ здѣсь уже причинамъ другого рода: недостатку воды, неудобству почвы, суровости климата. Это значитъ, что и здѣсь есть мѣстности, гдѣ наплывъ ходоковъ превышаетъ наличный запасъ свободныхъ земель; обнаружившееся пресыщеніе этихъ, наиболѣе привлекательныхъ для переселенцевъ мѣстностей заставляетъ ходоковъ направлять свои поиски въ менѣе благопріятные по естественнымъ условіямъ районы, гдѣ уже выступаютъ на сцену такія условія, какъ непригодность почвы, суровость климата или (на остающихся свободными, именно поэтому, участкахъ южной, степной полосы) недостаточность водоснабженія. И въ Енисейской губерніи до половины общаго числа неудачъ еще обусловливается несвободностью участковъ или отсутствіемъ разрѣшенія, т. е. тоже переполненіемъ болѣе привлекательныхъ для переселенцевъ мѣстностей. Но видное мѣсто по Енисейской губерніи занимаютъ уже и причины другого порядка — непригодность почвы (27,1%) и суровость климата (10,1%),—откуда уже само собою напрашивается заключеніе, что въ Енисейской губерніи гораздо больше участковъ, по своимъ естественнымъ условіямъ не отвѣчающихъ требованіямъ ходоковъ. И наконецъ въ Иркутской губерніи почти три четверти случаевъ безрезультатнаго ходачества обусловливались непригодностью почвы (28,8%) и особенно суровостью климата (45,2%), и лишь ничтожное число случаевъ—несвободностью участка: переселеніе въ Иркутскую губернію было настолько незначительно, что объ отсутствіи свободныхъ участковъ не могло быть еще и рѣчи.

Итакъ, разборъ данныхъ о ходачествѣ приводитъ насъ къ тому же общему выводу, къ которому мы уже ранѣе пришли на основаніи данныхъ и соображеній иного рода: пріискивать землю въ Сибири и въ Степномъ краѣ становится все труднѣе, такъ какъ въ районахъ, наиболѣе привлекательныхъ для переселенцевъ, приходится считаться, въ той или иной формѣ, съ признаками уже наступившаго «утѣсненія»,—

земли же, предлагаемыя переселенцамъ въ лѣсныхъ районахъ Сибири, гораздо меньше удовлетворяютъ требованіямъ переселенцевъ и ихъ ходоковъ.

Возрастающая трудность устраиваться на новыхъ мѣстахъ ясно доказывается затѣмъ данными объ обратномъ переселеніи. Еще за пятилѣтіе 1881—1885 гг. оно не превышало 3,4% общаго числа переселенцевъ, прошедшихъ въ Сибирь; за слѣдующія девять лѣтъ—съ 1885 по 1893, изъ Сибири вернулось всего 2.302 семьи и тоже около 3,6% передняго движенія. Очевидно, обратное переселеніе совершенно не могло разсматриваться, какъ какой нибудь тревожный признакъ. «Извѣстный процентъ обратныхъ переселеній—писалъ въ то время К. Р. Качоровскій—совершенно неизбѣженъ при какихъ угодно идеальныхъ условіяхъ переселенія, такъ какъ среди всякой толпы переселенцевъ найдется нѣсколько семей такихъ, которые не успѣютъ приспособиться къ новымъ, хотя бы и вполнѣ благопріятнымъ, условіямъ жизни» [1])...

Но начиная съ 1895 года процентъ обратныхъ переселенцевъ колеблется слѣдующимъ образомъ:

въ 1895 году	10,1%
» 1896 »	13,9%
» 1897 »	35,6%
» 1898 »	12,5%
» 1899 »	13,2%
» 1900 »	30,9%
» 1901 »	42,3%
» 1902 »	36,2%

Въ итогѣ же за шестилѣтіе 1897—1902 гг. изъ Сибири возвратилось 28337 семействъ, или почти 170 тысячъ душъ, т. е. 24,9 или четверть общаго числа переселенцевъ, прошедшихъ за то же время въ Сибирь...

Въ статьѣ нашей «Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній», написанной въ концѣ 1897 года, мы высказали убѣжденіе, что «обратное переселеніе будетъ расти и впредь, пока наплывъ въ Сибирь переселенцевъ не сократится до размѣра, соотвѣтствующаго дѣйствительной, очень незначительной и медленно растущей ёмкости страны». Дѣйствительность—какъ видно изъ приведенныхъ цифръ—не вполнѣ оправдала наши предположенія. Остановка въ ростѣ обратнаго переселенія не подлежитъ сомнѣнію, и причина ея, при несомнѣнной наличности условій, позволявшихъ ожидать непрерывнаго дальнѣйшаго роста обратныхъ переселеній,—несомнѣнно въ развитіи ходачества. Мы уже видѣли, что отъ двухъ третей до четырехъ пятыхъ ходоковъ возвращается съ отрицательными результатами. Посылавшія такихъ ходоковъ семьи, въ видѣ правила, отказываются отъ мысли о переселеніи, и въ этомъ-то и

[1]) Записки З.-Сиб. отд. Имп. Геогр. общ., т. XVI, вып. I, стр. 25.

Считаю долгомъ исправить довольно серьезную погрѣшность, вкравшуюся въ использованныя мною на стр. 248 цифры обратнаго переселенія. Цифры эти были заимствованы мною изъ источника, который я имѣлъ основаніе считать безусловно достовѣрнымъ,—изъ отчетовъ лица, завѣдывающаго челябинскимъ переселенческимъ пунктомъ. Какъ теперь, по отпечатаніи книги, оказывается, въ этихъ отчетахъ въ число обратныхъ переселенцевъ попали, частью, ходоки и крестьяне, возвращающіеся съ заработковъ (хотя въ заголовкѣ соотвѣтственной таблицы опредѣленно сказано, что она относится къ «обратному переселенію *семей*»); разработка первоисточниковъ, произведенная переселенческимъ управленіемъ, дала для пятилѣтія 1894—1898 гг. 13,8%, для 1899—1903 гг. 18,8% обратныхъ *), тогда какъ, по использованной мною сводкѣ челябинскаго переселенческаго пункта, процентъ обратныхъ за шестилѣтіе 1897—1902 гг. достигалъ 24,9%. Поправка эта не вліяетъ на выводы—ростъ обратнаго переселенія остается не менѣе правильнымъ и почти въ такой же степени устрашающимъ, а вліяніе его на сокращеніе переселенія остается неподлежащимъ сомнѣнію фактомъ. Тѣмъ не менѣе, я считаю обязанностью отмѣтить свою невольную ошибку съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ читателей этой книги, которые заинтересуются точными цифрами обратнаго переселенія, могли обратиться за ними къ имѣющему вскорѣ выйти оффиціальному изданію переселенческаго управленія.

2 мая.

А. К.

---

*) Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ Г. Ѳ. Чиркинымъ которому приношу за это искреннюю благодарность.

заключается огромное и несомнѣнно благотворное значенiе ходачества: не будь этихъ десятковъ тысячъ безрезультатно возвращающихся ходоковъ,—на мѣсто каждаго ходока, потерявшаго сравнительно небольшое количество рабочаго времени и затратившаго сравнительно немного денегъ, явилась бы одна или нѣсколько семей обратныхъ переселенцевъ, ликвидировавшихъ свое хозяйство и въ видѣ правила обреченныхъ на окончательное разоренiе.

Но хотя обратное переселенiе и перестало возрастать, но размѣры его, все-таки, громадны. И мы напрасно стали бы стараться объяснить обратное переселенiе «не экономическою необходимостью, а другими мотивами»—какъ «непривычный климатъ», неурожай, просто «случайныя причины», «бытовая и религiозная рознь»,—причины, при наличности которыхъ г. Качоровскiй отказывался считать обратныхъ «потерпѣвшими неудачу въ хозяйственномъ обзаведенiи». Напрасно также стали бы мы искать причины обратнаго переселенiя—какъ дѣлаютъ другiе—въ плохой организацiи переселенческаго дѣла. Всякiе случайные, нерѣдко совершенно невѣсомые, иногда и несерьезные мотивы, несомнѣнно, играютъ огромную роль въ возвращенiи переселенцевъ, какъ они играютъ ее и въ самомъ переселенiи,—и далеко не всякiй обратный переселенецъ возвращается вслѣдствiе абсолютной невозможности устроиться на «новыхъ мѣстахъ». Но подобнаго рода мотивы, какъ было выяснено уже г. Качоровскимъ, существовали и прежде, какъ существуютъ и теперь. Также точно, мы далеки отъ мысли отрицать наличность серьезныхъ дефектовъ и въ организацiи переселенческаго дѣла. Но вѣдь какъ бы ни была плоха современная организацiя—во всякомъ случаѣ она не хуже, а во много разъ лучше, нежели десять лѣтъ тому назадъ. И если тѣмъ не менѣе процентъ обратнаго переселенiя съ 3,4—3,6 возросъ, въ среднемъ, до 25, а въ отдѣльные годы поднимается до такихъ ужасающихъ цифръ, какъ 35—42%, то этотъ фактъ является неопровержимымъ доказательствомъ все того же положенiя—что переселенцу въ настоящее время несравненно труднѣе найти подходящiя земли, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ.

Имѣющiяся въ нашемъ распоряженiи статистическiя данныя позволяютъ затѣмъ выдѣлить тѣхъ обратныхъ переселенцевъ, которые возвращаются изъ Сибири въ томъ же году, когда они переселились, отъ тѣхъ, которые прожили въ Сибири болѣе или менѣе продолжительное время. Обратные первой категорiи составляли въ процентахъ къ общему числу обратныхъ:

Среди обратныхъ изъ губернiй и областей:	За трехлѣтiе 1895, 96 и 98.	За двухлѣтiе 1899—1900.
Акмолинской	73	29
Тобольской	44	41
Томской, казен. земли	79	49
„ кабин. земли	51	42
Енисейской	78	68
Иркутской	91	54

Значеніе группировки обратныхъ переселенцевъ по разсматриваемому признаку было также выяснено г. Качоровскимъ въ его уже цитированной работѣ. «Если прожившіе болѣе года—таковъ былъ выводъ г. Качоровскаго изъ анализированныхъ имъ цифръ,—всѣ вмѣстѣ даютъ обратныхъ въ четыре раза меньше, чѣмъ прожившіе до 1 года, а прожившіе болѣе 3 лѣтъ и особенно 5 лѣтъ и совсѣмъ почти перестаютъ выдѣлять обратныхъ,—то ясно, что и безхозяйныхъ неудачниковъ среди нихъ почти уже не имѣется». Иными словами: вернувшіеся въ томъ же году—это такіе, которые сразу признали «новыя мѣста» для себя неподходящими, вернувшіеся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ—это такіе, которыхъ попытка обосноваться на «новомъ мѣстѣ» окончилась, по той или иной причинѣ, неудачей. Ясно, что обратное переселеніе второго типа имѣетъ гораздо болѣе серьезный и тревожный характеръ, нежели возвращеніе переселенцевъ, не пытавшихся обосноваться. А между тѣмъ еще въ серединѣ 90-хъ годовъ обратные переселенцы, возвращающіеся въ томъ же году, составляли отъ трехъ четвертей до девяти десятыхъ общаго числа обратныхъ. Только въ наиболѣе раннихъ колонизаціонныхъ районахъ—на Алтаѣ и въ Тобольской губерніи, начинало играть болѣе видную роль обратное переселеніе новоселовъ, уже успѣвшихъ пожить на мѣстѣ новаго водворенія. Въ концѣ того же десятилѣтія, по всѣмъ безъ исключенія районамъ, число обратныхъ изъ поживвшихъ извѣстное время на новомъ мѣстѣ значительно возрастаетъ,—т. е. возрастаетъ то именно обратное переселеніе, которое наиболѣе ясно говоритъ о затруднительности устройства на «новыхъ мѣстахъ» даже для тѣхъ болѣе энергичныхъ элементовъ, которыхъ сразу не отпугиваютъ неблагопріятныя или непривычныя условія Сибири.

Матеріалы Челябинской регистраціи позволяютъ сдѣлать точный статистическій учетъ причинъ обратнаго переселенія, конечно въ субъективномъ освѣщеніи самихъ обратныхъ. Сведенныя въ проценты. эти данныя, за 1895—1899 гг., выразятся въ слѣдующей табличкѣ [1])

Причины обратнаго переселенія.	По губерніямъ и областямъ: Акмолинской.	Тобольской.	Томской, земли: казенныя	Томской, земли: кабинета	Енисейской.	Иркутской.
	надъ чертой — за 1895 — 1896 гг. / подъ чертой — за 1897 — 1899 гг.					
Неимѣніе разрѣшенія. .	7,4 / 51,8	1,3 / 21,9	2,2 / 9,6	2,8 / 2,4	3,3 / 3,9	— / 1,0
Несвободность участка.	17,9 / 7,5	16,2 / 3,6	11,7 / 1,9	4,4 / 1,3	9,3 / 1,9	— / —

[1]) Мы не приводимъ и не разбираемъ данныхъ о причинахъ возвращенія переселенцевъ съ пути, такъ какъ это сугубо прискорбное явленіе не имѣетъ прямого отношенія къ занимающему насъ вопросу и въ наибольшей мѣрѣ можетъ быть отнесено насчетъ дефектовъ организаціи.

По губерніямъ и областямъ

Причины обратнаго переселенія.	Акмолинской.	Тобольской.	Томской земли: казенныя	Томской земли: кабинета	Енисейской.	Иркутской.
	надъ чертой — за 1895 — 1896 гг. / подъ чертой — за 1897 — 1899 гг.					
Дорогіе пріемные приговоры	0,4	0,6	1,3	9,1	1,1	—
	0,1	0,3	2,1	21,9	0,6	—
Недостатокъ средствъ .	8,4	12,9	8,9	22,8	10,7	—
	7,2	16,0	17,6	25,9	15,9	7,8
Неудобство почвы . . .	11,0	11,7	27,8	13,9	22,2	—
	1,2	4,3	6,3	3,0	4,8	10,3
Недостатокъ воды . . .	33,1	30,3	26,6	11,8	8,1	—
	1,6	5,4	6,1	1,5	5,6	—
Отсутствіе лѣса	2,3	4,1	4,3	0,8	2,6	—
	1,6	0,8	0,9	0,7	0,2	1,0
Суровый климатъ, мошка, лѣсист. или болот. мѣстность.	11,9	2,3	8,5	7,8	35,9	—
	2,1	21,2	26,8	5,8	30,0	29,3
Неурожай	1,2	—	—	1,0	0,4	—
	0,3	—	4,6	3,9	5,4	—
Неизвѣстн. и случайн. причины.	16,3	18,4	8,5	23,5	10,0	—
	26,6	25,4	24,1	33,6	31,7	50,6

Подробный анализъ этихъ цифръ, въ связи съ условіями заселенія отдѣльныхъ колонизаціонныхъ районовъ, завелъ бы насъ слишкомъ далеко,—мы ограничимся поэтому выясненіемъ немногихъ существеннѣйшихъ чертъ, характеризующихъ обратное переселеніе изъ этихъ районовъ. Прежде всего отмѣтимъ однако, что очень значительный процентъ обратныхъ переселеній—отъ четверти до одной трети, по Иркутской губерніи даже половина, можетъ быть и очень характерный для субъективныхъ условій переселенческаго движенія, не имѣетъ значенія для характеристики условій заселенія отдѣльныхъ колонизаціонныхъ районовъ: это именно всѣ случаи, когда обратное переселеніе было вызвано разными случайными причинами или когда причина его осталась невыясненною при статистическомъ опросѣ. Затѣмъ, какъ въ безрезультатномъ ходачествѣ, такъ и въ обратномъ переселеніи, по обоимъ излюбленнымъ переселенцами колонизаціоннымъ районамъ, —Алтайскому округу и Акмолинской области, самое видное мѣсто занимаютъ тѣ группы причинъ, которыя являются, такъ или иначе, симптомами переполненія ихъ переселенцами: для перваго—дороговизна пріемныхъ приговоровъ и ея, до нѣкоторой степени, синонимъ,—недостатокъ средствъ для обзаведенія, терминъ, который, какъ мы выше выяснили, по отношенію къ Алтайскому округу можетъ имѣть лишь условное значеніе; для Акмолинской области, всегда переполненной самовольными переселенцами и хронически «закрытой» для водворенія за недостаткомъ готовыхъ участковъ,—не-

имѣніе разрѣшенія или несвободность участковъ: во второмъ трехлѣтіи неимѣніе разрѣшенія даетъ до двухъ третей выясненныхъ при опросѣ случаевъ обратнаго переселенія... Затѣмъ, въ 1895—1896 гг. какъ по Акмолинской области, такъ и по губерніямъ Тобольской и Томской виднѣйшее мѣсто въ числѣ причинъ обратнаго переселенія занимала безводность участковъ или плохое качество воды—въ послѣдующіе три года эта причина совершенно стушевывается: для Акмолинской области, можно думать, благодаря устройству на казенный счетъ колодцевъ на всѣхъ участкахъ съ неудовлетворительнымъ водоснабженіемъ и сопровождающему, въ настоящее время, образованіе переселенческихъ участковъ предварительному изслѣдованію условій водоснабженія; для губерній Тобольской и Томской—главнымъ образомъ потому, что землеотводныя работы, начиная съ 1897 года, перемѣщаются изъ безводныхъ степныхъ въ богатые водою лѣсные районы. Не поддается затѣмъ объясненію другое рѣзкое измѣненіе—именно убыль числа случаевъ, обусловленныхъ «неудобствомъ почвы»: разсуждая a priori слѣдовало ожидать *роста*, а не убыли этихъ цифръ, которую, можетъ быть, всего вѣрнѣе объяснить не измѣненіями въ условіяхъ, вызывающихъ обратное переселеніе, а несравнимостью рубрикъ, принятыхъ при регистраціи въ первые и въ послѣдующіе годы; если же разсмотрѣть данныя только за первые два года, то окажется, что «неудобство почвы», которое въ Акмолинской области и на Алтаѣ давало всего одну десятую, въ районѣ казенныхъ земель Томской губерніи и въ Енисейской губерніи обусловило уже около четверти случаевъ обратнаго переселенія. Но наиболѣе характерны цифры обратнаго переселенія, обусловливаемыя суровостью климата и такими условіями, какъ лѣсистый, болотистый или гористый характеръ мѣстности, «гнусъ» и т. п. Для излюбленныхъ переселенцами колонизаціонныхъ районовъ—Алтая и Киргизской степи—эта группа причинъ не играетъ никакой роли, какъ не играла она роли для Тобольской и Томской губерній, пока здѣсь заселялись исключительно степныя земли. Но для средне-сибирскихъ губерній, а также для обѣихъ западно-сибирскихъ съ того момента, какъ колонизація перешла въ лѣсные уѣзды, эта группа причинъ выступаетъ на самое видное мѣсто: треть всѣхъ случаевъ съ выясненными причинами возврата переселенцевъ въ Томской и Тобольской губерніяхъ, половина въ Енисейской и три пятыхъ въ Иркутской обусловливаются именно суровостью климата и т. п.,—и этимъ лишній разъ подчеркивается несоотвѣтствіе естественныхъ условій лѣсныхъ мѣстностей коренной Сибири потребностямъ современнаго нашего переселенія.

Какой же окончательный выводъ изъ приведенныхъ и разобранныхъ нами данныхъ о ходачествѣ и обратномъ переселеніи? «Если и въ настоящее время—писалъ еще въ 1889 году г. Гурвичъ [1])—каждый случай возвращенія переселенца отбиваетъ на нѣкоторое время охоту у его односельчанъ пытать счастья въ переселеніи, то можно ожидать, что по мѣрѣ учащенія подобныхъ случаевъ нынѣш-

[1]) l. c., стр. 89.

няя переселенческая горячка, охватившая крестьянство многихъ губерній, мало по малу начнетъ остывать... И чѣмъ интенсивнѣе будетъ ходъ переселенческаго движенія въ ближайшіе годы, тѣмъ быстрѣе наступитъ разочарованіе массы бѣдняковъ въ спасительности этого исхода». То же предсказаніе, черезъ нѣсколько лѣтъ, пришлось повторить автору настоящей книги, опираясь уже на фактическій ростъ обратнаго переселенія. «Переселеніе,—писали мы въ 1897 году—силою вещей осуждено возвратиться къ прежнимъ ничтожнымъ размѣрамъ, а можетъ быть временно и вовсе прекратиться,—и всякія мѣры, направленныя къ широкому развитію переселенія, повели бы только къ увеличенію той массы горя и разоренія, которое находитъ себѣ рельефное выраженіе въ обратномъ переселеніи». Какъ поэтически перефразировалъ ту-же мысль Виденфельдъ [1]): «можно безошибочно утверждать, что кульминаціонный пунктъ сибирскаго переселенія уже достигнутъ; въ теченіе нѣкотораго времени, можетъ быть, мощная волна переселенія еще будетъ переливаться въ Сибирь; но отливъ не заставитъ себя ждать, и только слабый ручеекъ будетъ струиться тамъ, гдѣ теперь лишь съ величайшими усиліями удается удерживать въ берегахъ бушующія волны переселенческаго потока».

Къ сожалѣнію—вѣдь данный вопросъ имѣетъ не одно только академическое значеніе! — въ неизбѣжное уменьшеніе сибирскаго переселенія и сейчасъ еще многіе не вѣрятъ. «Разсчитывать на убыль переселенческаго движенія въ ближайшіе годы — писалъ еще въ 1904 г. В. А. Розенбергъ, нѣтъ никакихъ (никакихъ!) основаній. Напротивъ — одинъ тотъ фактъ, что, напримѣръ, въ 1901 году въ Сибирь отправилось безъ малаго 25 тыс. ходоковъ [2]), служитъ признакомъ новаго подъема переселенческой волны».

А между тѣмъ убыль переселенческаго движенія въ Сибирь въ настоящее время—уже не предположеніе, а *фактъ*. Количество переселенцевъ (безъ ходоковъ), которое въ 1896 году достигло 186 тыс., а затѣмъ, послѣ временнаго паденія въ 1897 году, колебалось между 144 и 165 тысячами,—въ 1901 году упало до 86 тыс. въ 1902 и 1903 г.—до 77 въ годъ, не говоря уже о 1904 годѣ, когда переселеніе искусственно сократилось подъ вліяніемъ обстоятельствъ военнаго времени до 27 тысячъ. И это—несмотря на то, что съ 1900 года сухимъ путемъ пошло и уссурійское переселеніе, которое до тѣхъ поръ шло морскимъ путемъ и потому не входило въ вышеприведенныя максимальныя цифры переселеній, достигнутыя во второй половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Вопросъ, слѣдовательно, уже не въ томъ, можно ли разсчитывать на убыль переселенческаго движенія,—а въ томъ *есть ли основаніе разсчитывать на новый ростъ сибирскаго*

---

[1]) l. c., стр. 112.

[2]) Г. Розенбергъ, очевидно, забылъ, что въ предшествовавшіе годы число ходоковъ превышало 50 тыс., и такимъ образомъ приводимая имъ цифра уже сама по себѣ доказываетъ обратное тому, что̀ онъ хочетъ доказать.

переселенія. Намъ думается, что *такого основанія нѣтъ,*—и читатель, давшій себѣ трудъ вдуматься въ приведенныя данныя и соображенія, вѣроятно присоединится къ нашему мнѣнію. Но если бы оно и возрасло опять,—оно все же не могло бы пріобрѣсти серьезнаго значенія именно для тѣхъ районовъ Европейской Россіи, для которыхъ оно до сихъ поръ признавалось и признается особенно важнымъ и необходимымъ. Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени наблюдается не только *сокращеніе общихъ размѣровъ* переселенческаго движенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ,—и *перемѣщеніе его центра тяжести* изъ старыхъ переселенческихъ районовъ въ новые, впервые выступающіе на арену переселенія. Въ нижеслѣдующей табличкѣ сгруппированы, въ среднихъ по періодамъ абсолютныхъ числахъ и въ процентныхъ величинахъ, данныя о размѣрахъ переселенческаго движенія изъ отдѣльныхъ районовъ Европейской Россіи за 18-лѣтній періодъ, съ 1886 по 1903 годъ.

Изъ районовъ:	Прошло въ Сибирь душъ въ средн. на кажд. годъ нижепоказан. періодовъ: въ процентахъ всего движенія:			
	1886—1890 гг.	1891—1895 гг.	1896—1900 гг.	1901—1903 гг.
Сѣверно-черноземнаго.	13,042 / 60,9	32,906 / 46,6	53,891 / 36,5	14,071 / 17,7
Средняго „ .	2,225 / 10,4	21,327 / 30,2	31,339 / 21,2	15,738 / 19,8
Юго-западнаго „ .	—	85 / 0,1	4,333 / 2,9	5,631 / 7,1
Южнаго степного . . .	—	467 / 0,7	8,501 / 5,8	10,973 / 13,8
Восточн. и юго-восточн.	786 / 3,8	7,872 / 11,2	17,430 / 11,8	3,601 / 4,5
Промышленнаго . . .	85 / 0,4	31 / 0,0	3,039 / 2,0	1,648 / 2,1
Западнаго	429 / 2,0	356 / 0,5	20,296 / 13,8	22,410 / 28,2
Сѣверо-восточнаго . .	3,749 / 17,5	7,519 / 10,7	5,899 / 3,9	2,950 / 3,7
Прибалтійскаго	—	53 / 0,0	1,495 / 1,0	769 / 1,0

Такимъ образомъ переселеніе изъ сѣверо-восточнаго района, давшаго Сибири ея лучшихъ піонеровъ-колонизаторовъ, почти что прекратилось, переселеніе изъ сѣвернаго черноземнаго района сократилось втрое противъ пятилѣтія 1896—1900 года и почти возвратилось къ уровню второй половины 80-хъ годовъ. На мѣсто этихъ двухъ главныхъ, еще недавно, переселенческихъ районовъ выступилъ-было средній черноземный, иначе малороссійскій районъ, который въ первой половинѣ 90-хъ годовъ далъ треть общаго числа переселенцевъ; но со второй половины 90-хъ годовъ переселеніе изъ этого района начало убывать сначала въ относительныхъ, а въ са-

мые послѣдніе годы—и въ абсолютныхъ величинахъ, и въ 1901—1903 гг. отсюда переселилось уже вдвое меньше народу, чѣмъ въ предшествовавшее пятилѣтіе; въ самые послѣдніе годы рѣзко упало и переселеніе изъ восточнаго и юго-восточнаго района. Убыль переселенческаго движенія изъ всѣхъ этихъ коренныхъ переселенческихъ районовъ до извѣстной степени восполняется начавшимся во второй половинѣ 90-хъ годовъ переселеніемъ изъ двухъ южныхъ районовъ—степного и юго-западнаго, а въ особенности изъ западнаго, литовско-бѣлорусскаго района, гдѣ переселеніе во второй половинѣ 90-хъ годовъ достигаетъ уже одной седьмой, въ самые послѣдніе три года—свыше четверти всего переселенческаго движенія изъ Европейской Россіи.

Эти факты не остались неизвѣстными и сторонникамъ оптимистическаго взгляда на будущность русскихъ переселеній, которые констатируютъ, что «на сѣверо-западъ отъ главнаго переселенческаго очага образовался новый сплошной районъ, для котораго переселенческій вопросъ получилъ первостепенную важность», и отмѣчаютъ «признаки подъема переселенческой волны на югѣ и юго-западѣ», откуда заключаютъ, что «вопросъ о переселеніяхъ становится жизненнымъ все для большаго числа губерній [1])...

Мы далеко не увѣрены въ дѣйствительной жизненности этого вопроса для такихъ районовъ, какъ степной или юго-западный. Достаточно обратить вниманіе хотя бы только на тотъ фактъ, что переселенческое движеніе началось здѣсь во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ, т.-е. именно тогда, когда благопріятная переселеніямъ политика Сибирскаго комитета достигла своего полнаго развитія,—и есть всѣ основанія думать, что этотъ новый, столь внезапно загорѣвшійся очагъ переселеній такъ же быстро и погаснетъ подъ впечатлѣніемъ той холодной струи, которую прольютъ безрезультатныя развѣдки ходоковъ и обратныя переселенія. Иначе обстоитъ дѣло, конечно, съ западными, особенно бѣлорусскими губерніями. И здѣсь, правда, переселеніе началось подъ прямымъ вліяніемъ того-же случайнаго, внѣшняго толчка. Но переселенцы-бѣлоруссы прекрасно устраиваются въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Сибири и не боятся сибирской тайги. Весьма возможно, что зародившееся здѣсь переселенческое движеніе будетъ расти и еще въ теченіе нѣкотораго времени, можетъ быть достигнетъ даже такихъ размѣровъ, какъ недавно движеніе изъ черноземной полосы. По крайней мѣрѣ лица, вѣдающія передвиженіемъ и водвореніемъ переселенцевъ въ Сибири высказываютъ положительное убѣжденіе, что «доминирующее значеніе черноземной полосы должно, въ ближайшемъ будущемъ, перейти къ нечерноземнымъ губерніямъ», и констатируютъ тотъ фактъ, что «крестьяне черноземной полосы мало-по-малу уступаютъ мѣсто переселенцамъ изъ нечерноземныхъ и лѣсныхъ губерній» [2]). И въ этомъ-то и заключается корень всего вопроса. *Новые районы выселеній*

[1]) Розенбергъ, l. c., стр. 184—185.

[2]) Записка перес. чиновн. Пилкина, 10 окт. 1903 г., № 2,937 стр. 2 и 7.

не присоединяются къ старымъ, а постепенно замѣняютъ ихъ. Будущее сибирскаго переселенія принадлежитъ, безусловно, выходцамъ изъ западныхъ, вообще нечерноземныхъ губерній. Можетъ быть, оно необходимо и здѣсь. Но оно всегда признавалось и до сихъ поръ признается необходимымъ, прежде всего, для нашего черноземнаго центра,—а между тѣмъ Сибирь уже не можетъ болѣе служить пріемникомъ для избыточнаго населенія какъ этого центра, такъ и тѣмъ болѣе—южной полосы Россіи. Переселенческому движенію изъ черноземной полосы приходится, поэтому, искать себѣ другихъ пріемниковъ,—а правительству уже пришлось подумать о другихъ, ранѣе не початыхъ или мало использовавшихся для переселенія колонизаціонныхъ районахъ. Такими явились: Приамурскій край, Туркестанъ, Закавказье, наконецъ свободныя казенныя земли Европейской России.

Колонизація областей Приамурскаго края началась тотчасъ же за его присоединеніемъ къ Россіи, — но до сравнительно недавняго времени шла очень медленно. Въ первыя двадцать съ лишкомъ лѣтъ по присоединеніи края, Приамурье заселялось почти исключительно казаками, которые образовали рѣдкую цѣпь казачьихъ поселеній вдоль всего теченія Амура и его притока Уссури, по границѣ съ Китайскою имперіей. Крестьянская колонизація, несмотря на значительныя льготы, несмотря на то, что Амурскій край до изданія закона 13 іюля 1889 года былъ единственною мѣстностью Сибири, куда давалось разрѣшеніе переселяться, шла чрезвычайно медленно, и сплошь и рядомъ переселенцы ходатайствовали о разрѣшеніи переселиться на Амуръ съ заранѣе принятымъ рѣшеніемъ остаться въ какой-нибудь другой, болѣе близкой, но оффиціально «закрытой» для переселенія мѣстности. Особенно медленно шло переселеніе въ Приморскую область, въ частности въ Уссурійскій край; за все тридцатилѣтіе съ 1860 по 1890 годъ сюда прибыло всего 4.642 душъ переселенцевъ. Нѣсколько оживилось переселеніе на Дальній Востокъ только тогда, когда организована была морская перевозка въ Уссурійскій край—первые два года казенно-коштная, затѣмъ, хотя и своекоштная, но при самой широкой помощи и поддержкѣ правительства. Количество перевезенныхъ моремъ переселенцевъ достигло: въ десятилѣтіе 1883—1892 гг.—16.774 душъ, въ слѣдующія пять лѣтъ—14.443 души, всего за пятнадцатилѣтній періодъ съ 1883 по 1897 годъ—31.217 душъ, и почти такое же число переселенцевъ—именно 27.405 семей, переселилось за тоже время сухимъ путемъ въ Амурскую область. За шесть лѣтъ съ 1898 по 1903 годъ включительно въ Уссурійскій край переселилось 50.175 человѣкъ, въ Амурскую область 19.073 человѣкъ,—въ общей же сложности за весь 21-лѣтній періодъ въ Приамурскій край переселилось, по даннымъ П. П. Архипова, 127.870 чел.

Такимъ образомъ, колонизація нашего Дальняго Востока и до сихъ поръ сдѣлала лишь очень незначительные успѣхи—особенно незначительные, если сравнить ихъ съ успѣхами китайской колонизаціи сопредѣльныхъ областей Манчжуріи. Это обусловливалось, съ одной стороны, крайнею отдаленностью Приамурскаго края, особенно въ то

еще недавнее время, когда не было желѣзной дороги, и когда переселенцамъ рѣдко удавалось достигнуть Амура въ тотъ самый годъ, когда они оставляли родину. Морское переселеніе мало привлекало нашихъ переселенцевъ,—далеко не всегда удавалось набрать даже тотъ не слишкомъ значительный комплектъ, на который расчитывалось организованное морское переселеніе; такъ, за четырехлѣтіе 1894—1897 гг. предполагалось переселить морскимъ путемъ 21.000 душъ,—переселилось же немногимъ болѣе половины—11.296 человѣкъ. Для Приморской области это препятствіе въ настоящее время можетъ считаться болѣе или менѣе устраненнымъ: переѣздъ по желѣзной дорогѣ до Владивостока и дальше по Уссурійской дорогѣ въ настоящее время легче, нежели было десять лѣтъ тому назадъ переселеніе куда-нибудь въ Томскую губернію, — и лишь Амурская область, оставшись въ сторонѣ отъ желѣзнодорожной магистрали, вмѣстѣ съ тѣмъ осталась въ сторонѣ отъ главнаго переселенческаго потока,—и заселеніе ея особенно затрудняется крайне неблагопріятными условіями плаванія по Шилкѣ и Амуру и отсутствіемъ колесныхъ путей отъ узловой станціи сибирской магистрали. Но конечно, если бы вопросъ поставился достаточно остро, переселенцы не побоялись бы плаванія по Амуру, какъ еще недавно не боялись ужаснаго плаванія по Иртышу и Оби. Главный вопросъ теперь—въ колонизаціонной вмѣстимости Приамурья.

Не такъ давно она признавалась крайне незначительною. Еще въ 1894 году такой авторитетный географъ, какъ П. П. Семеновъ, такъ опредѣлялъ «очерченныя самою природою» границы колонизаціонной площади Амурской области: «не особенно широкая полоса вдоль Амура, занятая нынѣ Игнашинскимъ, Албазинскимъ и Черняевскимъ округами; громадная равнина, разстилающаяся отъ Амура черезъ Зею, ниже сліянія съ нею Селимжи, и Бурею до Буреинскаго хребта, и наконецъ широкая полоса вдоль Амура, ниже прорыва черезъ Хинганскій хребетъ, съ бассейнами Большой Биры и Тунгузки»; за предѣлами Зейско-Буреинской равнины и ея подгорной окраины «вся сѣверная часть области, а именно опускающееся къ верхнему теченію Амура (до Черняевской станицы) нагорье верхняго бассейна Зеи съ Гилюемъ и Селимжою выше ихъ сліянія, верхній бассейнъ Буреи, начиная отъ устья Тырмы, и все нагорье Буреинскаго и Станового хребтовъ навсегда останутся страною, по своимъ климатическимъ условіямъ недоступною для осѣдлой земледѣльческой колонизаціи». Предположенія эти, равно какъ и разнообразные ихъ варіанты, клавшіеся мѣстною администраціей въ основу ея соображенія о колонизаціи области, основывались главнымъ образомъ на данныхъ общихъ географическихъ изысканій,—ближайшимъ же образомъ была обслѣдована, въ колонизаціонныхъ цѣляхъ, только упомянутая Зейско-Буреинская равнина, въ которой исключительно и группировались крестьянскія селенія области, и границы которой отождествлялись съ границами возможной въ области земледѣльческой колонизаціи. Гораздо больше было сдѣлано для изученія Приморской области. Еще въ 60-хъ годахъ Будищевымъ было произве-

дено очень цѣнное общее обслѣдованіе земель и лѣсовъ области; не мало указаній дали, въ серединѣ 90-хъ годовъ, рекогносцировки воинскихъ охотничьихъ командъ; съ середины 90-хъ годовъ начались систематическія рекогносцировки спеціальныхъ переселенческихъ землемѣровъ, а съ 1899 года была сформирована и землеотводная партія такого же характера, какія съ 1893 года работали въ предбайкальской Сибири. И вся совокупность произведенныхъ изслѣдованій привела къ крайне неутѣшительнымъ заключеніямъ. За время до учрежденія партіи было отведено переселенцамъ до 800 тыс. десятинъ,—въ предѣлахъ такъ называемой Ханкайской равнины и по долинамъ ближайшихъ къ Владивостоку рѣкъ, впадающихъ въ Японское море. Партія, за время до 1901 года включительно, отвела подъ заселеніе 728 тыс. десятинъ, главнымъ образомъ по Уссури, его притокамъ и истокамъ. И уже въ началѣ 1903 года завѣдывавшій партіей г. Ковшаровъ высказывалъ убѣжденіе, что «образованіемъ даннаго числа участковъ можно считать колонизаціонную вмѣстимость Южно-Уссурійскаго края почти исчерпанною»; что въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ «горы въ громадномъ большинствѣ случаевъ настолько круты и каменисты, что о колонизаціи ихъ не можетъ быть и рѣчи, и земли, пригодныя для сельскохозяйственной культуры могутъ быть встрѣчены лишь по долинамъ рѣкъ»; что въ конечномъ результатѣ «главныя работы въ Приморской области будутъ закончены въ 1901 году».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ остановиться на тѣхъ данныхъ и соображеніяхъ, которыя заставили усумниться въ правильности приведенныхъ оцѣнокъ колонизаціонной вмѣстимости какъ Амурской, такъ и Приморской областей [1]). Позволяю себѣ только привести тѣ общія заключенія, къ которымъ привелъ рядъ рекогносцировокъ, сдѣланныхъ мною въ Амурской области вмѣстѣ съ завѣдывающимъ только что сформированною здѣсь въ 1901 году землеотводною партіей С. П. Каффка. «Во всѣхъ частяхъ области, куда только намъ ни удалось проникнуть, мы находили на лицо естественныя условія, обезпечивающія возможность земледѣльческой колонизаціи». А «изученіе характера растительности въ самыхъ крайнихъ пунктахъ пройденныхъ нами маршрутовъ, въ связи съ разспросными данными, приводило къ убѣжденію, что земледѣліе возможно еще гораздо дальше, нежели намъ удалось проникнуть,—дальше, иногда, не на одну сотню верстъ. А изъ этихъ положеній естественно вытекало то общее заключеніе, что имѣющійся въ Амурской области запасъ земель, пригодныхъ для колонизаціи, долженъ быть очень значителенъ», и что могущіе быть заготовленными участки «въ теченіе ряда лѣтъ будутъ удовлетворять предвидимому спросу со стороны переселенцевъ». По отношенію къ Уссурійскому краю выяснилось, что «колонизаціонная вмѣстимость края, оставаясь далеко меньшею, нежели можно было бы думать, исходя изъ однѣхъ только

---

[1]) Интересующихся вопросомъ я позволю себѣ отослать къ моей работѣ „Матеріалы по вопросу о колонизаціонной вмѣстимости Приамурскаго края“.

цифръ его общей площади, оказывается однако значительно большею, нежели ранѣе предполагалось. «Правда, непоколебленнымъ остается положеніе о горномъ массивѣ, который навсегда останется и долженъ остаться незаселеннымъ, и о томъ, что заселеніе и впредь пойдетъ по рѣчнымъ долинамъ». Но прежде всего долины, «составляя сложную сѣть долинъ перваго, второго, третьяго и т. п. порядковъ, изрѣзываютъ край во всевозможныхъ направленіяхъ, сближая между собою почти вездѣ, до самыхъ ничтожныхъ разстояній, системы главныхъ водныхъ артерій края и ихъ крупныхъ притоковъ». Далѣе, «горный массивъ или скелетъ, какъ болѣе или менѣе общее правило, не обрывается въ долины въ видѣ крутыхъ, недоступныхъ склоновъ или утесовъ, а спускается къ нимъ въ видѣ отлогихъ, по большей части пригодныхъ для культуры предгорій; даже горные хребты въ тѣсномъ смыслѣ слова нерѣдко оказываются имѣющими достаточно благопріятный рельефъ и доброкачественную почву», и склоны этихъ хребтовъ, мѣстами, уже разрабатываются китайцами и особенно корейцами. Наконецъ и самыя рѣчныя долины могутъ быть использованы для колонизаціонныхъ цѣлей гораздо шире, нежели это дѣлалось, при болѣе внимательномъ отношеніи къ заболоченнымъ и мокрымъ землямъ». Громадное большинство ихъ «находится въ состояніи постепеннаго обсыханія и весьма быстро созрѣетъ для культуры при условіи заселенія и такихъ связанныхъ съ нимъ осушающихъ вліяній, какъ вытаптываніе, выкашиваніе и т. п.».

За прошедшіе съ тѣхъ поръ три года дѣйствительность вполнѣ подтвердила правильность этихъ заключеній. Въ Уссурійскомъ краѣ, гдѣ запасъ удобныхъ земель въ 1901 году признавался совсѣмъ исчерпаннымъ,—землеотводныя работы, какъ теперь окончательно выяснилось, еще очень далеки отъ завершенія: площадь одníхъ только утвержденныхъ за слѣдующіе два года участковъ достигаетъ 259 тыс. десятинъ; еще значительно большая площадь частью уже запроектирована, частью намѣчена для съемки и ближайшаго изученія, а между тѣмъ—изслѣдованія охватили и посейчасъ еще только сравнительно небольшую часть Уссурійскаго края, не говоря уже о вовсе непочатомъ еще бассейнѣ Нижняго Амура. Въ Амурской области площадь окончательно запроектированныхъ участковъ за трехлѣтіе 1901—1903 гг. достигла 730 тыс. десятинъ, изъ которыхъ уже утверждено до 600 тыс. десятинъ. Изъ этой огромной площади всего только 95 тыс. десятинъ запроектировано въ отдаленномъ отъ центра амурской колонизаціи, лѣсистомъ и сравнительно суровомъ Черняевско-Зейскомъ районѣ; остальныя 635 тыс. десятинъ образованы все на той же Зейско-Буреинской равнинѣ, не исчерпавъ еще колонизаціонной ёмкости даже этого района старой амурской колонизаціи, границы котораго раздвинулись далеко за ранѣе намѣчавшіеся предѣлы. А между тѣмъ систематическія рекогносцировки партіи, охвативъ тоже, пока, лишь небольшую часть пространства области, уже выяснили наличность милліоновъ десятинъ, годныхъ для заселенія и земледѣльческой культуры.

Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что въ Приамурскомъ

краѣ и особенно въ Амурской области имѣется еще большой запасъ земель, годныхъ для колонизаціи. Съ другой стороны, сравнительная мягкость климата и богатство природы дѣлаютъ край—казалось бы—особенно привлекательнымъ для выходцевъ изъ черноземной полосы. Можно бы, поэтому, думать, что, вводя въ наши разсчеты Приамурскій край, мы совершенно подрываемъ наши выводы относительно возможной роли и вѣроятной будущности сибирскаго переселенія. Но на дѣлѣ это не такъ. Я не буду пока говорить о своеобразныхъ естественныхъ особенностяхъ края, которыя сильно затрудняютъ колонизацію и ставятъ подъ серьезное сомнѣніе конечные ея результаты,—этого вопроса намъ удобнѣе коснуться въ слѣдующей главѣ. Но даже и независимо отъ этого — вѣдь только ничтожная часть пространства края имѣетъ болѣе или менѣе открытый, степной или полустепной характеръ и, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ потребностямъ выходцевъ изъ южной и вообще черноземной Россіи. Въ Приморской области имѣется только одинъ болѣе обширный районъ подобнаго характера—Ханкайская равнина, въ настоящее время почти сплошь заселенная. Приблизительно сходный характеръ имѣетъ въ Амурской области значительно болѣе обширная Зейско-Буреинская равнина, обѣщающая принять еще довольно много, но все же, въ лучшемъ случаѣ, только десятки а не сотни тысячъ переселенческихъ семей. Все остальное—сплошная горно-лѣсистая тайга, въ Уссурійскомъ краѣ, впрочемъ, изрѣзанная безлѣсными, болѣе или менѣе широкими, превосходными по почвеннымъ условіямъ долинами (одна долина Имана съ Вакомъ какъ теперь уже выяснено, дастъ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ болѣе или менѣе безлѣсныхъ площадей), которыя, вѣроятно, тоже будутъ заселяться выходцами изъ черноземной Россіи. Вся остальная масса культуроспособныхъ земель годна для водворенія только выходцевъ изъ тѣхъ самыхъ лѣсныхъ мѣстностей Европейской Россіи, для которыхъ имѣется еще значительный просторъ и въ предбайкальской Сибири. Приамурье, поэтому, столь же мало можетъ послужить пріемникомъ для большихъ массъ переселенцевъ изъ тѣхъ южныхъ, малорусскихъ, вообще черноземныхъ губерній, для которыхъ теперь уже почти окончательно закрыта предбайкальская Сибирь,—и недаромъ администрація Приамурскаго края, какъ мы видѣли, уже хлопочетъ объ измѣненіи подбора направляемыхъ въ край переселенцевъ.

Совсѣмъ другое, конечно, приходится сказать о Туркестанѣ. По естественнымъ условіямъ Туркестанскій край годенъ главнымъ образомъ для выходцевъ изъ южной Россіи, и потому колонизація Туркестана пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе съ точки зрѣнія аграрныхъ задачъ переселенія. До сихъ поръ она шла весьма медленно. Русское населеніе Туркестана составляетъ всего около 230.000, или $4^1/_2$% всего населенія края—въ Ферганской области 0,4%, въ Закаспійской 1%, въ Самаркандской 1,5%, въ Сыръ-Дарьинской 3,5% и только въ Семирѣченской области—около 15%. Только въ Семирѣчьѣ русская колонизація, начавшаяся еще съ 1848 года, пріобрѣла болѣе серьезные размѣры: — въ предгорной полосѣ области существуетъ до 60 русскихъ поселеній, въ томъ числѣ 29 станицъ

Семирѣченскаго казачьяго войска и 31 крестьянское селеніе; временно затихнувъ, крестьянская самовольная колонизація съ новою силой возобновилась въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія, и въ настоящее время въ области проживаетъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, не менѣе 16.000 человѣкъ переселенцевъ, ожидающихъ устройства. Въ Сыръ-Дарьинской области русская колонизація началась въ 1876 г., но шла сначала крайне вяло: съ 1876 по 1890 гг. въ области было образовано всего 19 русскихъ поселеній, число же водворенныхъ переселенцевъ къ 1890 году не превышало 1.298 семействъ. Значительно усилилась русская колонизація Сыръ-Дарьинской области въ началѣ 90-хъ годовъ, отчасти подъ вліяніемъ бывшихъ въ Россіи и въ киргизскомъ переселенческомъ районѣ неурожаевъ, отчасти благодаря энергичной дѣятельности тогдашняго губернатора области, Н. И. Гродекова: въ два года (1891 и 1892) было образовано 23 русскихъ поселенія, на 1.259 семействъ,—общее же число пришедшихъ переселенцевъ превысило 12.000 душъ. Послѣ того крестьянская колонизація Сыръ-Дарьинской области опять пріостановилась, и въ настоящее время въ области имѣется 55 русскихъ селеній, которыя частью сгруппированы вокругъ Ташкента, частью расположились по сѣвернымъ предгорьямъ Таласскаго Алатау и Александровскаго хребта, составляя прямое продолженіе линіи Семирѣченскихъ поселеній. На русской земледѣльческой колонизаціи остальныхъ трехъ областей края, въ виду ея совершенно ничтожныхъ размѣровъ, намъ не стоитъ останавливаться.

При несомнѣнно существующемъ стремленіи русскихъ переселенцевъ въ Туркестанъ, крайне слабое развитіе русской колонизаціи этого края обусловливается прежде всего препятствіями юридическаго характера. Эти послѣднія болѣе или менѣе неустранимы въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ сосредоточилось многомилліонное туземное осѣдлое населеніе, густо заселившее и освоившее необширные, сравнительно, оазисы орошенныхъ земель. Для необъятныхъ пространствъ края, слабо использованныхъ однимъ только кочевымъ или полукочевымъ, киргизскимъ и туркменскимъ населеніемъ, земельный вопросъ имѣетъ свою длинную исторію. Суть ея въ томъ, что невыясненность земельнаго вопроса препятствовала широкой и правильной постановкѣ русской колонизаціи края. Земля для русскихъ поселеній получалась отъ киргизъ путемъ «добровольныхъ» уступокъ, конечно, одинаково мало ограждавшихъ и широко понятые интересы русской колонизаціи, и нужды «добровольно» уступавшихъ землю киргизъ. Въ настоящее время въ Семирѣчьѣ начинаются систематическія изслѣдованія и землеотводныя работы, имѣющія цѣлью выяснить свободные земельные излишки,—хотя грядущіе ихъ результаты приходится признать весьма проблематическими, такъ какъ интересы крестьянской колонизаціи края, несомнѣнно, столкнутся здѣсь съ широкими аппетитами мѣстнаго казачьяго войска. Такія же изслѣдованія предполагалось начать, еще къ 1904 году, въ Сыръ-Дарьинской области, но это дѣло отсрочено на неопредѣленное время: въ положеніи объ управленіи Туркестанскимъ краемъ не оказалось примѣчанія, подобнаго имѣю-

щемуся въ Степномъ положеніи, — примѣчанія, уполномочивающаго правительство пользоваться для государственныхъ цѣлей землями, могущими оказаться излишними для кочевниковъ.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что лежащее въ основѣ этой отсрочки юридическое недоразумѣніе рано или поздно—можетъ быть, слишкомъ поздно—разсѣется, потому что нельзя же серьезно примѣнять къ бытовымъ и земельнымъ отношеніямъ кочевниковъ или полукочевниковъ такихъ заимствованныхъ изъ X тома понятій, какъ право собственности на «недвижимости», принудительное отчужденіе и т. п. Здѣсь мы не имѣемъ ни мѣста, ни возможности заниматься обстоятельнымъ разборомъ этого недоразумѣнія,—и перейдемъ къ вопросу, непосредственно насъ интересующему,—возможной колонизаціонной ёмкости Туркестанскаго края.

Значеніе Туркестана для нашего переселенческаго движенія зависитъ не столько отъ запасовъ *земли*, сколько отъ запасовъ *воды*, могущей быть использованною для искусственнаго орошенія. Въ предгорныхъ мѣстностяхъ края существуетъ, правда, земледѣліе и безъ искусственнаго орошенія—такъ называемые богарные посѣвы. Значеніе ихъ въ мѣстномъ хозяйствѣ гораздо больше нежели принято думать — одни только данныя о количествѣ осадковъ (Ташкентъ 385 мм., Самаркандъ 346, Ошъ 335, Пишпекъ 396 мм., противъ 291 въ Барнаулѣ, 318 въ Курганѣ и 219 въ Акмолинскѣ) заставляютъ питать извѣстную увѣренность въ томъ, что богарные посѣвы въ предгорныхъ районахъ могутъ давать достаточно устойчивые урожаи. Достаточную надежность ихъ установилъ для ряда мѣстностей, такой высоко-компетентный изслѣдователь, какъ покойный академикъ Коржинскій, констатировавшій, что мѣстами «земледѣльцы орошаютъ поля больше по привычкѣ, ибо орошеніе здѣсь не составляетъ необходимости». Лично мнѣ также пришлось убѣдиться въ томъ, что богарные посѣвы въ предгорномъ районѣ Сыръ-Дарьинской области даютъ превосходные и въ смыслѣ средней высоты, и въ отношеніи постоянства, урожаи — въ худшіе года не ниже самъ 4—5; что за богарныя пашни платятъ, при арендѣ, не дешевле, а иногда дороже, нежели за орошаемыя,—и что крестьяне нѣкоторыхъ поселковъ постепенно сокращаютъ площадь орошаемыхъ полей и расширяютъ посѣвы подъ дождь. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что богарныя земли въ Туркестанѣ можно отводить переселенцамъ лишь въ комбинаціи съ поливными землями,—и что поэтому отъ наличности послѣднихъ зависитъ возможность водворенія въ краѣ русскихъ поселенцевъ. Но вопроса о наличности *земель*, годныхъ для хозяйства съ искусственнымъ орошеніемъ, не стоитъ даже и ставить: такихъ земель въ Туркестанѣ, несомнѣнно, несравненно, больше, нежели воды, которая, даже при наибольшемъ развитіи ирригаціи, могла бы быть использована для цѣлей орошенія. Это—главнымъ образомъ лёссовыя степи, широкими полосами окаймляющія всѣ нагорья края и разстилающіяся огромными сплошными пространствами по неизмѣримой среднеазіатской равнинѣ,—тѣ самыя «голодныя степи», которыя въ неорошенномъ видѣ лишь короткое время

въ году служатъ пастбищемъ для неприхотливаго туземнаго скота; затѣмъ—предгорья и приречныя заливныя, такъ называемыя тугайныя земли, заселеніе которыхъ, впрочемъ, сильно затрудняется опасностью затопленія селеній и посѣвовъ и потому возможно лишь при особенно тщательномъ выборѣ мѣстъ, а нерѣдко—лишь при устройствѣ особыхъ защитительныхъ плотинъ. Достаточно пересѣчь край въ любомъ направленіи, чтобы увидѣть развалины множества заброшенныхъ, сотни лѣтъ тому назадъ, селеній и городовъ, окруженныя, нерѣдко на десятки квадратныхъ верстъ сѣтями когда-то дѣйствовавшихъ оросительныхъ каналовъ и канавокъ..

Количество *свободной воды*, которая могла бы быть использована для цѣлей орошенія, не поддаваясь точному учету, сравнительно невелико. По примѣрному разсчету, сдѣланному Сыръ-Дарьинскимъ сельскохозяйственнымъ комитетомъ, только двѣ главныя водныя артеріи края—Сыръ и Аму-Дарья, могли бы оросить еще два милліона десятинъ,—и въ однихъ только тѣхъ районахъ Сыръ-Дарьинской области, которые по условіямъ рельефа могли бы быть орошены съ сравнительно небольшими затратами, комитетъ намѣчаетъ не менѣе 255 тыс. десятинъ земли, подлежащей орошенію. Въ Ферганской области, также по свидѣтельству мѣстнаго сельскохозяйственнаго комитета, «ждутъ орошенія около 150 тыс. десятинъ свободныхъ, годныхъ для культуры цѣнныхъ растеній». По другимъ разсчетамъ, насчетъ свободнаго запаса воды въ Сыръ-Дарьѣ и рѣкахъ, впадающихъ въ нее выше Ходжента, можно было бы оросить до 670 тыс. десятинъ, въ томъ числѣ въ Ферганской области 246 тыс., въ Голодной степи Самаркандской области 375 тыс. дес., остальныя 74 тыс. дес.—въ сѣверной части Сыръ-Дарьинской области; затѣмъ, считается возможнымъ оросить вновь до 170 тыс. десятинъ водами нѣкоторыхъ другихъ притоковъ Сыръ-Дарьи и самостоятельнаго бассейна р. Таласа, и до 130 тыс. десятинъ водами Аму-Дарьи—впрочемъ, исключительно въ предѣлахъ Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ и частью Аму-Дарьинскаго отдѣла. Гораздо шире перспективы для развитія ирригаціи, повидимому, въ Семирѣченской области—докладчикъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго комитета, агрономъ Скорняковъ, исчисляетъ площадь однѣхъ только земель «при орошеніи наиболѣе удобныхъ для земледѣлія», въ 4846000 десятинъ, по свидѣтельству же уѣздныхъ комитетовъ, основанному, въ значительной степени, на наличности слѣдовъ древнихъ поселеній и оросительныхъ системъ, площадь ожидающихъ орошенія земель достигаетъ: въ Вѣрненскомъ уѣздѣ милліона десятинъ, въ Копальскомъ—400 тыс., въ Джаркенскомъ—200 тыс., въ Пишпекскомъ—560 тыс. десятинъ. Какъ ни шатки эти указанія,—во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что неиспользованныя воды Туркестана позволили бы оросить не одинъ милліонъ десятинъ,—и площадь орошаемой земли могла бы быть еще значительно расширена, если бы удалось урегулировать водопользованіе и установить соотвѣтствующія дѣйствительной потребности нормы расхода поливной воды.

Но орошеніе милліоновъ десятинъ—это, прежде всего, огромное по

своей сложности технической дѣло, требующее затраты сотенъ милліоновъ рублей,—и громадной важности вопросъ, *на что выгоднѣе* истратить эти деньги: на орошеніе, въ колонизаціонныхъ цѣляхъ, среднеазіатскихъ пустынь, или на улучшеніе крестьянскаго хозяйства и подъемъ крестьянской культуры на мѣстахъ; *нашъ* отвѣтъ на этотъ вопросъ читателю уже извѣстенъ. Но допустимъ пока, что десятки и сотни милліоновъ рублей затрачены; пойдемъ еще далѣе въ нашихъ предположеніяхъ и предположимъ, что наши инженеры справятся съ такою огромною задачей, какъ созданіе необходимой для использованія водныхъ запасовъ Туркестана ирригаціонной сѣти; допустимъ даже совсѣмъ невѣроятное, — что эту сѣть удастся создать въ небольшое число лѣтъ. Но орошенная, въ результатѣ, земля не можетъ цѣликомъ поступить подъ русскую колонизацію. Основной принципъ, которымъ государство до сихъ поръ руководствовалось при рѣшеніи вопроса о возможности русской колонизаціи районовъ съ инородческимъ населеніемъ, — это принципъ использованія однѣхъ только *излишнихъ* земель. Отъ этого принципа, очевидно, нельзя отступать и при рѣшеніи вопроса о возможности использованія водъ. Въ такомъ краѣ, какъ Туркестанъ, вода дороже, нежели земля, — и ясно, что нельзя лишить воды нуждающихся въ ней туземцевъ и поставить ихъ въ невозможность развивать свое земледѣльческое хозяйство, чтобы переселить въ край нѣсколько десятковъ тысячъ русскихъ переселенцевъ. А разъ ставши на эту точку зрѣнія, мы должны вспомнить о томъ, что даже осѣдлое населеніе Туркестана далеко не вездѣ достаточно обезпечено водою. Но главное — мы не имѣемъ права забывать, что туркестанскіе кочевники—киргизы, туркмены и всякіе другіе, численность которыхъ опредѣляется также милліонами—уже давно находятся въ фазисѣ перехода къ земледѣльческому или по крайней мѣрѣ къ полуземледѣльческому хозяйству,—но пока лишь въ начальныхъ его стадіяхъ; они пока использовали, поэтому, лишь ничтожную часть того количества оросительной воды, которое понадобится для полнаго развитія у нихъ земледѣльческаго хозяйства. Эта будущая потребность кочевого населенія въ водѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оставлена безъ вниманія при рѣшеніи вопроса о количествѣ «излишней» воды, и государство ни въ какомъ случаѣ не можетъ успокоиться—какъ это нѣкоторые считаютъ возможнымъ—на своемъ формальномъ правѣ «оживителя», якобы позволяющемъ распоряжаться орошенными на государственныя средства землями уже безъ всякаго вниманія къ правамъ и интересамъ туземнаго населенія. *Это* было бы не менѣе серьезною аграрно-политическою ошибкою, нежели распространять на кочевой бытъ и кочевое землепользованіе совершенно чуждыя ему понятія X тома,—и правильное рѣшеніе вопроса можетъ быть исключительно одно: не останавливаться передъ такимъ передвиженіемъ крайне безпорядочнаго землепользованія и водопользованія кочевниковъ-туземцевъ, которое позволило бы государству возможно полно использовать земельные и водные запасы края, но во всякомъ случаѣ и прежде всего—брать только дѣйствительно *избыточную*, излишнюю землю и воду.

А разъ это такъ, то изъ тѣхъ милліоновъ десятинъ, которыя еще можно оросить свободными водами Туркестана, лишь небольшую часть окажется возможнымъ отвести подъ русскія поселенія, — и возможность переселенія въ Туркестанъ изъ Европейской Россіи будетъ поставлена въ очень тѣсные предѣлы...

Еще хуже, въ этомъ отношеніи, обстоитъ дѣло съ Закавказскимъ краемъ.

Къ 1902 году численность русскихъ не превышала здѣсь 235 тыс. человѣкъ, а за исключеніемъ городского населенія составляла 120 тыс., или около 2% всего населенія края. Изъ этого общаго числа до 70 тысячъ падаетъ на долю старообрядцевъ и уклоняющихся въ расколъ, водворенныхъ въ Закавказьѣ преимущественно по требованіямъ «внутренней государственной охраны». Вначалѣ попытки направить переселеніе въ Закавказскій край или, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, «усилить на Кавказѣ русскую народность», имѣли случайный характеръ—русскихъ переселенцевъ водворяли главнымъ образомъ на земляхъ выселившихся въ Турцію или водворенныхъ за разбои туземцевъ. Болѣе систематическій видъ переселенческое дѣло въ Закавказьѣ приняло съ 1900 года, когда учрежденъ былъ здѣсь особый отрядъ, по образцу сибирскихъ землеотводныхъ партій. Къ 1 октября 1903 года этимъ отрядомъ было отведено въ семи губерніяхъ и областяхъ Закавказскаго края 100.766 дес., и въ Черноморской области 52.324 десятины, — всего около 19.000 душевыхъ надѣловъ; водворено за то же время: въ Закавказьѣ 4.399 душъ, на Черноморьѣ 2.400 души, зачислено за ходоками около 2.700 долей, т. е. использована лишь половина заготовленныхъ земель.

Общіе размѣры тѣхъ земельныхъ запасовъ, которые могли бы быть использованы въ Закавказьѣ для водворенія русскихъ переселенцевъ, оффиціально исчисляются въ довольно значительныхъ цифрахъ. Къ тому же 1 октября 1903 года насчитывалось: земель, предназначенныхъ къ заселенію на ближайшее время—180.823 дес.; земель, изслѣдованныхъ, но пригодныхъ къ заселенію лишь послѣ меліораціонныхъ работъ,—371.788 дес. Затѣмъ, къ колонизаціонному фонду относятъ такъ называемыя казенныя зимнія пастбища—до $1^1/_2$ милліоновъ, и казенныя оброчныя статьи—до 240 тыс. десятинъ. Но уже естественныя условія Закавказскаго края ставятъ русскую колонизацію въ достаточно узкіе предѣлы. Оффиціально, опять-таки, констатируется, что изъ 7.750 свободныхъ на 1 октября 1903 года душевыхъ долей въ закавказскихъ губерніяхъ 285 были уже однажды заселены, но послѣ тяжелаго опыта водворенія партіи, потерявшей отъ маляріи много дѣтей и взрослыхъ, временно изъяты изъ состава земельнаго фонда [1]); 670 надѣловъ пріостановлены зачисленіемъ впредь до обезпеченія участковъ водой; 2.882 доли нарѣзаны на высотѣ отъ 5 до 7 тыс. футовъ, куда рядовые переселенцы рѣшительно отказываются идти. И все это — не пустыя фразы; за-

[1]) Посел. Милари. Печальную исторію его см. въ статьѣ покойнаго Ивановича напечатанной въ „Вѣстн. Европы“.

труднительность русской колонизацiи Закавказья подтверждается положительными фактами. Такъ, «поселки Шурагельской долины, Карсскаго уѣзда, получившiе послѣ турецкой кампанiи земли въ долинѣ, производятъ посѣвъ лишь для домашняго обихода, а живутъ преимущественно доходами отъ скотоводства на арендуемыхъ нагорныхъ пастбищахъ». Изъ 5.717 семействъ, получившихъ въ новѣйшее время разрѣшенiе на переселенiе, фактически водворилось менѣе полуторыхъ тысячъ: кубанскiе «иногородние», которыхъ, естественно, стремились устроить прежде всего, «находятъ участки Закавказья для себя неподходящими»,—явленiе, вытекающее изъ «несоотвѣтствiя привычнаго для упомянутыхъ крестьянъ способа веденiя хозяйства на черноземныхъ степяхъ Кубани съ совершенно новыми хозяйственными условiями орошаемыхъ низменностей и горныхъ районовъ Закавказья». И въ концѣ концовъ въ Закавказьѣ «50% наличнаго колонизацiоннаго запаса не могутъ служить текущимъ потребностямъ переселенческаго дѣла и окажутся (если окажутся!) пригодными лишь въ будущемъ». Нѣтъ никакого основанiя думать, чтобы полтора миллiона десятинъ зимнихъ пастбищъ и 238 тыс. десятинъ оброчныхъ статей—цифры, сами по себѣ довольно почтенныя, дали меньшiй процентъ сомнительныхъ въ томъ или другомъ отношенiи земель, нежели площади, уже изученныя землеотводнымъ отрядомъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнiю одно: что зимнiя пастбища — это обширныя, безплодныя въ лѣтнее время, степи въ низменной, жаркой полосѣ края, годныя для культуры единственно при условiи искусственнаго орошенiя, просторъ для развитiя котораго въ Закавказскомъ краѣ далеко меньше, нежели въ Туркестанѣ.

Такимъ образомъ, тотъ земельный фондъ, которымъ правительство могло бы воспользоваться для цѣлей русской колонизацiи Закавказскаго края, не великъ и мало привлекателенъ уже по своимъ естественнымъ условiямъ; использованiе его требуетъ болѣе строгаго нежели гдѣ либо (хотя бы уже въ виду вопроса о малярiи!) изслѣдованiя и выбора земель, при которомъ, вѣроятно, лишь сравнительно ничтожная часть ихъ окажется дѣйствительно пригодною для заселенiя. Но еще серьезнѣе другая сторона дѣла: русская колонизацiя Закавказья *неизбѣжно* столкнулась-бы съ насущными земельными правами и интересами туземнаго населенiя: сравнительно ограниченному земельному фонду Закавказскаго края противустоитъ многочисленное безземельное и малоземельное мѣстное населенiе, насущнѣйшiе нужды котораго, конечно, не могутъ быть принесены въ жертву интересамъ русскаго переселенiя. По даннымъ, собраннымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ еще въ серединѣ 80-хъ годовъ, среди однихъ только водворенныхъ на казенныхъ земляхъ государственныхъ крестьянъ четырехъ закавказскихъ губерний насчитывалось 22,000 душъ безземельныхъ, 66,000 съ надѣломъ до 1 десятины на душу м. п., 254,000—съ надѣломъ отъ 1 до 2 дес., 513 тыс. душъ съ надѣломъ отъ 2 до 4 десятинъ, итого почти миллiонъ населенiя съ надѣломъ меньшимъ противъ минимальной нормы надѣленiя русскихъ поселенцевъ края; въ Кутаис-

ской губерніи изъ 21 тыс. дымовъ насчитывалось безземельныхъ и съ надѣломъ до 1 дес. на дворъ — 2,540, отъ 1 до 2 дес. — 4,427, отъ 2 до 3 дес.—4,016 и отъ 3 до 5 дес.—5,323 дыма или двора. По оффиціальной оцѣнкѣ, «число селеній, вовсе не имѣющихъ казенной земли или мало ею обезпеченныхъ, составляетъ въ четырехъ губерніяхъ около 46%», а въ Кутаисской губерніи «необезпеченныхъ землею дворовъ считается около 33%»... Еще больше, конечно, окажется процентъ малоземельныхъ, если принимать въ соображеніе и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, вообще все разносоставное крестьянское населеніе Закавказскаго края. По подсчету Кутаисскаго сельскохозяйственнаго комитета, малоземельные въ губерніи составляютъ до 60—70%,—и картина арендныхъ отношеній, очерченная въ трудахъ того же комитета, по рѣзкости контуровъ нисколько не уступаетъ той, какая наблюдается въ наиболѣе перенаселенныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. И если тѣмъ не менѣе только одинъ Кутаисскій комитетъ рѣшался требовать «предоставленія земледѣльцамъ Кутаисской губерніи права расселяться на свободныя казенныя земли въ предѣлахъ всего Закавказскаго края», остальные же комитеты либо обходили этотъ вопросъ молчаніемъ, либо даже свидѣтельствовали, что «стремленія къ переселенію не замѣчается», что переселенческій вопросъ «недостаточно назрѣлъ» [1]), то въ этомъ слѣдуетъ видѣть выраженіе той специфической «кавказской политики» послѣднихъ лѣтъ, о которой мы упоминали въ началѣ нашей книги и которая повидимому уже теперь отошла въ область преданій, Для земельнаго устройства туземнаго безземельнаго и малоземельнаго населенія не хватитъ даже и всего того земельнаго фонда, которымъ въ данное время еще располагаетъ государство въ Закавказскомъ краѣ, и поэтому Закавказье должно быть совершенно исключено изъ учета тѣхъ земель, на которыя можетъ законнымъ образомъ разсчитывать русское переселенческое движеніе [2]).

Остается еще переселеніе внутри Европейской Россіи, которое теперь опять выступаетъ на передній планъ подъ вліяніемъ разочарованія въ возможности безграничнаго развитія переселеній въ Сибирь, а частью — и въ самой цѣлесообразности подобнаго переселенія. Переселеніе на свободныя земли Европейской Россіи все чаще противуставляется переселенію на отдаленныя окраины. «Первою задачею истинно-народной колонизаціонной политики—говоритъ напр. г. Новомбергскій [3]) — должно было бы быть разрѣженіе населенія въ мѣстахъ густонаселенныхъ посредствомъ перемѣщенія его по возможности въ предѣлахъ же коренной Россіи. Нѣтъ необходимости выходцамъ изъ литовско-русскаго полѣсья передвигаться въ Сибирь, когда въ 25 губерніяхъ нечерноземной полосы государству принадлежитъ 56,8% всей площади; нѣтъ также нужды переселен-

---

[1]) „Труды", Кавказск. край, и др., 32, 231, 438, 519.

[2]) Эти строки были сданы въ типографію *до* обнародованія извѣстнаго воззванія новаго намѣстника, гр. Воронцова-Дашкова, фактически поставившаго крестъ на русской колонизаціи Закавказья.

[3]) „По Сибири", стр 19, 22.

цамъ изъ черноземнаго района направляться въ Зауралье, когда въ южной и въ юго-восточной степной полосѣ и въ Закавказьѣ [1]) сотни тысячъ десятинъ казенной земли не приносятъ всей возможной пользы». Въ частности «на будущее въ Сибири пусть разсчитываютъ только наиболѣе состоятельные; маломощные должны быть задержаны въ Россіи, гдѣ найдется еще много мѣста и для многихъ сотенъ тысячъ, если умѣло использовать съ этою цѣлью казенныя и частныя земли». Такъ же ставится, въ самое послѣднее время, вопросъ и въ правительственныхъ сферахъ: «тяжелыя условія водворенія въ Сибири, — говоритъ статсъ-секретарь Куломзинъ въ запискѣ, легшей въ основу одного изъ первыхъ проектовъ новаго переселенческаго закона 6 іюня 1904 года, сами собой выдвигаютъ вопросъ о желательности возможно широкой постановки дѣла разселенія крестьянъ Европейской Россіи въ ея же предѣлахъ, гдѣ переселенцы могли бы устраиваться съ несравненно меньшею затратой силъ и капитала». Расходы по передвиженію—развиваетъ эту мысль А. Н. Куломзинъ, въ этомъ случаѣ значительно сокращаются, переселяющимся не приходится приспособляться къ новымъ климатическимъ условіямъ, выборъ мѣстъ для новаго поселенія можетъ производиться болѣе осторожно, такъ какъ переселяющіеся будутъ имѣть возможность, въ виду сравнительной близости разстоянія, неоднократно лично осмотрѣть выбранный участокъ; затѣмъ, при поселеніи вблизи отъ родины, сохраняя общеніе со своими бывшими односельчанами, переселенцы могутъ продавать свое имущество постепенно, а слѣдовательно и менѣе убыточно». А такъ какъ всѣ эти преимущества особенно ощутительны для бѣднѣйшихъ изъ среды переселенцевъ, то «главное назначеніе казенныхъ земель должно заключаться въ надѣленіи землею безземельныхъ или получившихъ даровой надѣлъ домохозяевъ, при условіи переселенія ихъ на отводимые участки». И въ то время, какъ за свыше нежели 20-лѣтній періодъ съ 1881 по 1901 годъ изъ казенныхъ земель южныхъ и юго-восточныхъ губерній было отведено переселенцамъ всего 402,000 дес., на 81,255 душъ мужескаго пола; въ то время притомъ, какъ съ 1897 года переселенческіе участки нарѣзались только въ трехъ губерніяхъ — Самарской, Уфимской и Оренбургской, причемъ въ послѣднихъ двухъ казенныя земли отводились уже исключительно мѣстнымъ безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ,—въ настоящее время землеотводныя работы въ предѣлахъ Европейской Россіи получили правильную и сравнительно широкую организацію: образована землеотводная партія для сѣверо-восточныхъ губерній, давшая уже свыше 250 тыс. десятинъ частью утвержденныхъ, частью еще только запроектированныхъ участковъ, другая—для юго-восточныхъ, которая въ первомъ же году по

---

[1]) Упоминаніе о Закавказьѣ едва ли можно объяснить иначе, какъ недосмотромъ: Закавказье не въ меньшей мѣрѣ отличается, по естественнымъ условіямъ, отъ районовъ выселенія, нежели Сибирь, или даже въ гораздо большей; съ другой же стороны казенныя земли Закавказья—какъ мы только что выяснили, едва ли правильно считать земельнымъ фондомъ для устройства переселенцевъ изъ Европейской Россіи.

своемъ сформированіи запроектировала до 80 тыс. десятинъ, главнымъ образомъ въ южныхъ уѣздахъ Самарской губерніи.

Что же, спрашивается, могутъ дать эти работы? Разсуждая чисто количественно—очень много. Въ одномъ только районѣ дѣятельности первой изъ упомянутыхъ землеотводныхъ партій—въ губерніяхъ Вологодской, Вятской, Пермской, Костромской и Олонецкой, площадь казенныхъ лѣсовъ достигаетъ 51,2, да въ Архангельской 43 милліона десятинъ. Само собою ясно, что такая огромная площадь лѣсовъ далеко больше, чѣмъ необходимо сохранить подъ лѣсомъ въ интересахъ мѣстнаго населенія или въ цѣляхъ экспорта лѣсныхъ матеріаловъ въ бѣдныя лѣсомъ мѣстности Россіи, а произведенныя партіею общія обслѣдованія, охватившія уже, въ сложности, нѣсколько милліоновъ десятинъ, въ связи съ данными лѣсоустройства, выяснили, что среди безпредѣльныхъ и крайне слабо использованныхъ сѣверныхъ лѣсовъ имѣются обширныя, измѣряемыя также милліонами десятинъ, пространства, не имѣющія ни лѣсохранительнаго, ни лѣсохозяйственнаго значенія и въ то же время — годныя для сельскохозяйственнаго пользованія и для колонизаціи. Нарѣзать здѣсь милліоны десятинъ подъ заселеніе было бы легко — лишь бы ассигновать достаточныя средства и сформировать достаточно сильныя землеотводныя партіи. Гораздо болѣе бережнаго отношенія заслуживаютъ, конечно, казенные лѣса другихъ губерній, главнымъ образомъ нечерноземной полосы и западнаго края; тѣмъ не менѣе, среди 13 милліоновъ десятинъ лѣсовъ и здѣсь, конечно, найдется также не мало площадей, не требующихъ, безусловно, сохраненія подъ лѣсомъ и годныхъ для заселенія и культуры. Но... въ лѣсныхъ участкахъ нѣтъ недостатка, мы знаемъ, и въ Сибири. Конечно, весьма желательно дать возможность разселиться на мѣстѣ тѣмъ переселенцамъ, которые еще недавно шли въ Сибирь изъ Пермской или Вятской губерній, теперь двинулись изъ Бѣлоруссіи и, можетъ быть, черезъ немного лѣтъ двинутся изъ Вологодскаго или Костромскаго полѣсья; но этимъ отнюдь не разрѣшится аграрный или въ частности—переселенческій вопросъ: центръ тяжести его — въ разрѣженіи населенія, главнымъ образомъ, черноземнаго центра Европейской Россіи, а выходцы изъ этого центра такъ же мало пригодны для колонизаціи вологодскихъ лѣсовъ, какъ для сибирской тайги или637 урмановъ.

Гораздо болѣе серьезное значеніе имѣютъ, съ этой точки зрѣнія, казенныя земли, эксплоатируемыя для сельскохозяйственнаго пользованія — такъ называемыя казенныя оброчныя статьи. Ихъ общая площадь въ Европейской Россіи достигаетъ 4.176,000 десятинъ, изъ которыхъ 3.886,000 десятинъ или около 93% въ 12 юго-восточныхъ и южныхъ губерніяхъ: Самарской (1,320 т.), Астраханской (799 т.), Херсонской (315 т.), Пермской (306 т.), Оренбургской, Саратовской, Таврической, Уфимской, Екатеринославской, Харьковской, Бессарабской и Тамбовской. Такимъ образомъ, главная масса казенныхъ оброчныхъ статей располагается какъ разъ въ мѣстностяхъ, сравнительно, наиболѣе подходящихъ къ потребностямъ и хозяйственнымъ привычкамъ главной массы переселяющихся, — именно той массы, которая

теперь съ каждымъ годомъ труднѣе находить себѣ мѣсто въ Азіатской Россіи, въ частности въ Сибири. Но насколько годны эти земли для устройства постоянныхъ крестьянскихъ поселеній? Пишущему эти строки въ 1903 году пришлось разбираться на мѣстахъ въ имѣвшихся данныхъ по вопросу о годности для заселенія оброчныхъ статей Самарской, Оренбургской и Уфимской губерній и прійти къ неожиданно-благопріятнымъ—*неожиданно* въ виду господствующихъ среди мѣстныхъ дѣятелей отрицательныхъ взглядовъ по данному вопросу—выводамъ [1]). Поскольку рѣчь идетъ о почвенныхъ условіяхъ, вообще о достоинствѣ земель, — эти выводы получили полное подтвержденіе въ первыхъ же шагахъ образованной въ 1904 году, землеотводной партіи: сформированная въ ничтожномъ составѣ, начавъ работать чуть не съ середины лѣта, партія въ одинъ годъ запроектировала въ участки до 80 тыс. десятинъ, и теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что въ доброкачественныхъ степныхъ земляхъ не встрѣтится недостатка и при дальнѣйшихъ ея работахъ. Но тѣ же первые шаги выяснили огромныя трудности, связанныя съ вопросомъ о водоснабженіи. Не говоря уже о почти совершенно отсутствующихъ естественныхъ водныхъ источникахъ,—гидрогеологическія условія изслѣдованной партіею мѣстности не даютъ надежды даже на сколько-нибудь удовлетворительное колодезное водоснабженіе. Единственный, въ видѣ правила, способъ обезпечить водоснабженіе могущихъ возникнуть здѣсь новыхъ поселеній — это устройство запрудъ; а между тѣмъ запруды, даже и независимо отъ своей дороговизны, представляютъ, какъ основной источникъ водоснабженія, немаловажныя хозяйственныя неудобства. Водныя изслѣдованія партіи, правда, охватили пока лишь очень небольшую площадь въ восточной части Николаевскаго уѣзда. Но дальше на югъ, въ южной части Новоузенскаго уѣзда и въ Астраханской губерніи, гдѣ сосредоточивается почти треть общаго количества оброчныхъ статей Европейской Россіи, условія водоснабженія будутъ еще менѣе благопріятны, — и потому возможность широкой колонизаціи этихъ мѣстностей подвержена самому серьезному сомнѣнію.

Впрочемъ, только детальныя изслѣдованія, при участіи особыхъ спеціалистовъ-гидротехниковъ, выяснятъ дѣйствительную пригодность для заселенія каждой данной площади казенныхъ земель. Можетъ быть, они позволятъ еще внести существенныя поправки въ только что высказанное заключеніе относительно земель крайняго юго-востока Европейской Россіи; съ другой стороны, они заставятъ, несомнѣнно, выбросить изъ счета извѣстную часть казенныхъ земель и въ каждомъ изъ другихъ районовъ оброчныхъ статей. Но если бы эти изслѣдованія привели къ самымъ благопріятнымъ результатамъ, на какіе можно надѣяться,—если бы они выяснили годность для заселенія, скажемъ, $2^1/_2$ или трехъ милліоновъ десятинъ казенныхъ земель, то нельзя

[1]) Интересующихся подробностями отсылаемъ къ нашей работѣ „Къ вопросу о заселеніи казенныхъ земель Самарской, Оренбургской и Уфимской губерній“.

забывать, что этотъ земельный фондъ ни въ какомъ случаѣ не поступитъ цѣликомъ въ переселенческіе участки. Не говоря уже о разнообразныхъ общихъ потребностяхъ, ради которыхъ государство должно оставить въ своихъ рукахъ извѣстную часть казенныхъ земель, по возможности равномѣрно разбросанную между крестьянскими землями, — интересы переселенческаго дѣла и здѣсь встрѣчаются съ интересами мѣстнаго населенія, и этотъ антагонизмъ интересовъ, нашедшій себѣ ясное выраженіе въ заключеніяхъ и ходатайствахъ нѣкоторыхъ земствъ и сельскохозяйственныхъ комитетовъ, угрожаетъ очень серьезно сократить значеніе казенныхъ земель Европейской Россіи, какъ пріемника для избыточнаго населенія перенаселенныхъ районовъ. Прежде всего, въ каждой изъ губерній, гдѣ имѣются казенныя земли, имѣется и свое безземельное или крайне недостаточно надѣленное землею населеніе,—въ Самарской губерніи однихъ только безземельныхъ и дарственниковъ насчитывается до 60 тыс. душъ, въ Уфимской численность безземельныхъ и малоземельныхъ значительно больше, нежели сколько можетъ быть устроено насчетъ весьма ограниченнаго мѣстнаго запаса казенныхъ оброчныхъ статей, и т. д. Но конечно не въ этомъ дѣло—было бы странно стремиться отдать казенныя земли какой нибудь Самарской губерніи, непремѣнно, безземельнымъ и малоземельнымъ полтавцамъ или черниговцамъ, разъ такіе же точно безземельные и малоземельные имѣются на мѣстѣ. А дѣло въ томъ, что *казенныя земли являются арендным фондомъ* для болѣе или менѣе значительной части мѣстнаго крестьянства. Еще недавно онѣ очень плохо служили этой цѣли, попадая, по большей части, въ руки либо предпринимателей, которые вели на нихъ крупное хозяйство, либо, чаще, посредниковъ-спекулянтовъ, которые пересдавали ихъ нуждающимся въ землѣ крестьянамъ. Со времени изданія въ 1893 и 1900 гг. законовъ о льготной арендѣ крестьянскихъ обществъ, оброчныя статьи постепенно переходятъ въ пользованіе такихъ обществъ, на болѣе или менѣе льготныхъ основаніяхъ. И вотъ, интересамъ переселенческаго дѣла вездѣ противупоставляются интересы этихъ арендаторовъ-крестьянъ.

Въ другомъ мѣстѣ[1]) я пытался подробно разобраться въ этомъ остромъ вопросѣ. Для меня выяснилось, что оброчныя статьи, по крайней мѣрѣ въ юго-восточныхъ губерніяхъ, арендуются преимущественно многоземельными, бывшими государственными крестьянами, служа для нихъ не столько восполненіемъ безземелья или малоземелья, сколько средствомъ къ поддержанію отжившихъ свой вѣкъ экстенсивныхъ формъ хозяйства, и такимъ образомъ не столько смягчая, сколько затягивая назрѣвшій хозяйственный кризисъ. Съ той точки зрѣнія, которую я пытался развить въ предыдущей главѣ, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считаться съ правами и нуждами интересовъ арендаторовъ казенныхъ земель, не представляетъ серьезныхъ затрудненій: разъ земля нужна для переселенія безземельныхъ или абсолютно-малоземельныхъ крестьянъ, — т. е. такихъ, которыхъ

---

[1]) См. тамъ же, часть II.

положеніе не можетъ быть улучшено иначе, какъ переселеніемъ,—то интересы переселенія, конечно, должны быть поставлены впереди интересовъ сравнительно обезпеченныхъ землею арендаторовъ. Но вопросъ стоитъ совершенно иначе для тѣхъ, для кого «малоземелье— понятіе условное, и острыя послѣдствія его могутъ сказываться не только въ густонаселенныхъ районахъ, но и въ малолюдныхъ мѣстностяхъ,—и тамъ, гдѣ у крестьянъ приходится на душу всего лишь «осьминникъ», и тамъ, гдѣ душевой надѣлъ выражается еще цѣлыми десятинами» [1]). Ибо нѣтъ никакого основанія предпочесть курянина, переселяющагося съ полнаго надѣла по положенію 1861 г., самарцу, получившему тоже полный надѣлъ по положенію 1866 г.: его пять или семь десятинъ на душу при залежномъ хозяйствѣ — такое же малоземелье, какъ $2^{3}/_{4}$ десятины ревизскаго надѣла курянина. Мало того: стоя на *этой* точкѣ зрѣнія, совершенно правильно будетъ поставить интересы самарца впереди интересовъ курянина: обращая подъ переселеніе арендуемую первымъ оброчную статью, мы потрясаемъ его status quo, ощутительно нарушаемъ его, можетъ быть, мнимые, но имъ непосредственно очень сильно ощущаемые интересы, тогда какъ курянинъ, нуждающійся въ переселеніи, можетъ искать земли гдѣ нибудь подальше, гдѣ онъ не стѣснитъ своимъ приходомъ другого, такого же нищаго и такъ же голодающаго крестьянина.

Повторяю,—я лично не раздѣляю этой послѣдней точки зрѣнія; не сталъ на эту точку зрѣнія и недавній законъ, регулирующій условія образованія переселенческихъ участковъ въ юго-восточныхъ губерніяхъ. Но эта точка зрѣнія — господствующая не только среди мѣстнаго крестьянства, но и среди мѣстной интеллигенціи, администраціи и въ земскихъ кругахъ—и еще въ мартѣ нынѣшняго года Новоузенскій земскій экономическій совѣтъ, при участіи представителей крестьянскихъ обществъ, постановилъ ходатайствовать о воспрещеніи переселенія въ уѣздъ крестьянамъ другихъ губерній [2])... А опытъ землеотводныхъ работъ въ достаточной мѣрѣ успѣлъ подтвердить справедливость того общеизвѣстнаго положенія, что законъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ въ самомъ себѣ, трудно провести въ дѣйствительную жизнь, если онъ противурѣчитъ господствующему въ обществѣ, хотя бы ошибочному взгляду. И потому приходится сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы казенныя земли Европейской Россіи, даже гдѣ онѣ вполнѣ пригодны для заселенія, удалось сколько нибудь широко использовать для водворенія переселенцевъ.

На предыдущихъ страницахъ мы имѣли въ виду однѣ только казен-

---

[1]) А. В. Пѣшехоновъ въ „Нуждахъ деревни“, стр. 25.

[2]) Чтобы оцѣнить по достоинству это ходатайство, нелишнее отмѣтить что по подсчету экономической комиссіи Самарскаго губернскаго земства (докладъ XXX очер. собранію) число малоземельныхъ въ уѣздѣ не превышаетъ 24.718 душъ, и имъ недостаетъ до полнаго надѣла 63.094 дес., площадь же казенныхъ земель уѣзда 587.062 дес.; можно еще замѣтить, что изъ 69 обществъ, арендующихъ казенныя земли, только 3 имѣютъ менѣе 7 дес., 17—отъ 10 до 15 дес., 30—отъ 15 до 20 дес., 8—болѣе 20 дес. на ревизскую душу.

ныя земли. Но если мы примемъ во вниманіе также и удѣльныя земли, до сихъ поръ не причислявшіяся къ переселенческому земельному фонду, то нашъ конечный выводъ измѣнится очень мало. Общая площадь удѣльныхъ земель въ 49 губерніяхъ достигаетъ, правда, 7.367 тыс. дес.—цифра, сама по себѣ, хотя и не огромная, но все же довольно почтенная. Но почти *двѣ трети* этой общей площади—4.540 тыс., приходятся на долю семи сѣверныхъ губерній, въ томъ числѣ: 1.651 тыс. дес.—Архангельской, 1.122 тыс. дес.—Вологодской, 735 тыс. дес.—Новгородской, 461 тыс. дес.—Костромской, 296 тыс. дес.—Петербургской, 202 тыс. дес.—Тверской и 163 тыс. дес.—Вятской. Очевидно, что эти $4^1/_2$ милліона десятинъ должны быть причтены къ запасу такихъ земель, какія въ избыткѣ имѣются и въ Сибири съ Приамурскимъ краемъ, и въ Европейской Россіи во владѣніи казны,—но не могутъ имѣть никакого значенія, какъ земельный фондъ для переселенцевъ изъ тѣхъ мѣстностей Европейской Россіи, которыя наиболѣе нуждаются въ разрѣженіи населенія. Въ границахъ черноземной полосы, вообще — южной половины Европейской Россіи, болѣе значительныя пространства удѣльныхъ земель имѣются только въ губерніяхъ Самарской и Симбирской—въ первой 1.045 тыс. дес., во второй—816 тыс. дес.; затѣмъ, въ губерніяхъ Нижегородской, Орловской, Уфимской, Кіевской и Подольской имѣется, въ каждой, отъ 60 до 137 тыс. дес.; во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ черноземной полосы удѣльныя земли—гдѣ таковыя имѣются—исчисляются немногими десятками тысячъ или даже тысячами десятинъ. Но, конечно, и на эти земли, даже въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ, лишь въ небольшой ихъ части можно было бы разсчитывать какъ на земельный колонизаціонный фондъ: очень значительная часть ихъ занята лѣсами, сохраненіе которыхъ необходимо не только и даже не столько съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ удѣла, сколько съ точки зрѣнія общенародной экономіи; сельскохозяйственныя же угодья—даже гдѣ они слагаются въ комплексы, годные для образованія самостоятельныхъ селеній, являются вѣдь, какъ и казенныя оброчныя статьи, и арендньмъ фондомъ для мѣстнаго населенія, — и въ конечномъ результатѣ лишь ничтожная ихъ доля—опять таки, повторяю, даже къ лучшемъ случаѣ—могла бы поступить для нуждъ переселенческаго дѣла.

Итакъ, мы видимъ, что запасы земель, могущихъ дѣйствительно служить для цѣлей переселенія и колонизаціи, хотя и исчисляются, конечно, милліонами десятинъ, однако совершенно ничтожны по сравненію съ тѣмъ, что потребовалось бы для такого развитія переселенія, при которомъ оно дѣйствительно, могло бы оказать серьезное вліяніе на аграрныя и хозяйственныя отношенія многомилліонной массы русскаго крестьянства. И это—въ особенности, если не ограничиваться простыми количественными подсчетами, а считаться съ дѣйствительными потребностями переселенческаго движенія. Практически неограниченнымъ можно признать предложеніе *лѣсныхъ* земель,—т. е. тѣхъ именно, на которыя предъявляется наименьшій спросъ и которыя обладаютъ наиболѣе одностороннею колонизаціонною пригодностью. И напротивъ—крайне ограниченъ запасъ такихъ земель, ко-

торыя были бы способны служить для водворенія переселенцевъ изъ черноземнаго центра и юга Европейской Россіи.

Сказаннымъ однако не исчерпываются соображенія, не позволяющія ни надѣяться на широкое развитіе переселеній, ни даже считать такое развитіе особенно желательнымъ. „Было бы ошибочно думать—говоритъ Леруа-Болье, что для того, чтобы сдѣлать силы природы доступными для колонистовъ, достаточно перевезти выселяющихся въ новую страну и предоставить имъ безплатное пользованіе почвой и другими производительными силами природы. Первостепенное значеніе въ числѣ элементовъ, отъ которыхъ зависитъ процвѣтаніе колоній, принадлежитъ тому, что англійскіе экономисты называютъ подготовкой — т. е. совокупности необходимыхъ работъ для оздоровленія мѣстности, расчистки почвы, межеванія и т. п.,—безъ которыхъ колонисты почти навѣрняка обрекаются на голодную смерть... Мало поставить людей лицомъ къ лицу съ первобытною природой и предоставить имъ трудиться, — необходимо, чтобы эта природа предварительно была приручена, сдѣлана болѣе гостепріимною и приспособлена къ принятію многочисленной иммиграціи“ [1]). Русская колонизація и русское переселеніе знали время, когда, дѣйствительно, достаточно было «поставить человѣка лицомъ къ лицу съ природой». Это было то еще близкое къ намъ время, когда переселенцы могли водворяться если не въ селеніяхъ сибирскихъ старожиловъ, то въ «междуганкахъ» или вообще вблизи крестьянскихъ старыхъ поселеній. Теперь это время безвозвратно прошло, и даже для поддержанія размѣра переселеній на томъ уровнѣ, какого они достигали во второй половинѣ 90-хъ годовъ, необходима сложная система подготовительныхъ работъ, могущихъ приспособить первобытную, мало гостепріимную природу къ потребностямъ переселенца. Широкая колонизація лѣсныхъ районовъ требовала бы систематическихъ работъ по проложенію дорогъ, а также такихъ мѣръ, какъ устройство складовъ продуктовъ и инвентаря, сооруженіе временныхъ жилищъ для первыхъ колонистовъ; колонизаціонная вмѣстимость многихъ изъ лѣсныхъ районовъ могла бы быть значительно расширена путемъ осушекъ, наконецъ поднимается—какъ мы уже знаемъ, вопросъ о предварительной расчисткѣ, на государственный счетъ, извѣстной площади земли подъ первые посѣвы и подъ сѣнокосъ. Въ степныхъ районахъ уже теперь приходится производить обширныя гидрогеологическія и гидротехническія изысканія для разыскиванія питьевой воды,—очень можетъ быть, что для болѣе твердой постановки степной колонизаціи было бы необходимо заняться и сооруженіемъ колодцевъ для переселенцевъ; для юго-восточныхъ степей Европейской Россіи уже сейчасъ выяснилась необходимость обратить вниманіе и на разнаго рода водосборныя сооруженія, а также подумать объ использованіи артезіанскихъ водъ. Въ такихъ же мѣстностяхъ, какъ Туркестанъ, колонизація возможна лишь на основѣ искусственнаго орошенія.

Но прежде всего, что все это должно стоить? Я рѣшительно за-

[1]) l. c., стр. 568. См. Новомбергскій, „По Сибири“, стр. 18—19.

трудняюсь опредѣлить, хотя бы приблизительно, какою суммой ляжетъ на душевой переселенческій надѣлъ стоимость серьезно-поставленныхъ дорожныхъ работъ, водныхъ изысканій, врачебно-продовольственной помощи въ районахъ водворенія, агрономической организаціи, которую я отношу къ числу *первостепенно*-необходимыхъ условій успѣха нашей колонизаціи, и т. п. Достаточно напомнить, что орошеніе пятнадцати десятинъ (предѣльная норма отводимой переселенцамъ въ Туркестанѣ орошаемой земли) обойдется въ среднемъ никакъ не менѣе, а скорѣе болѣе 750 рублей; что не менѣе 500 рублей на семью должна была бы обойтись расчистка изъ-подъ лѣса минимально необходимаго для переселенческой семьи количества пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій; казенный колодецъ средней глубины обходится въ Самарской губерніи въ 400—600 р., несложная запруда на небольшой поселокъ—отъ 4.000 до 7.000 рублей и т. д.

Въ предыдущей главѣ мы уже касались вопроса, насколько выгодны для государства такія значительныя затраты, и пришли къ тому заключенію, что тѣ тысячныя суммы, которыхъ будетъ стоить государству или самимъ переселяющимся, при такихъ условіяхъ, переселеніе одной семьи, несравненно вѣрнѣе и выгоднѣе могли бы быть затрачены на родинѣ, на улучшеніе условій землепользованія и хозяйства крестьянъ. Здѣсь мы остановимся на другой сторонѣ дѣла: на томъ, что тѣ огромныя дорожныя, осушительныя, оросительныя, вообще мелioративныя работы, которыя только и могли бы открыть возможность широкаго развитія переселенческаго движенія, по самому существу дѣла *не могутъ* быть выполнены въ короткое время: орошеніе однихъ, осушка и расчистка изъ-подъ лѣса другихъ милліоновъ десятинъ—все это такія грандіозныя предпріятія, которыя, очевидно, должны растянуться на десятки лѣтъ; а, слѣдовательно—на десятки лѣтъ должно быть растянуто и заселеніе орошенныхъ, осушенныхъ и расчищенныхъ земель. Не безъ основанія возлагаются, затѣмъ, извѣстныя надежды на совершающіеся въ дѣвственной природѣ процессы постепеннаго обсыханія заболоченныхъ и мокрыхъ земель, выщелачиванія и созрѣванія еще не готовой, въ настоящее время, для культуры почвы, на опрѣсненіе солонцовъ и т. п.; но и эти процессы, опять-таки, совершаются медленно и постепенно, и подъ вліяніемъ ихъ, въ каждый данный годъ, для культуры будутъ дѣлаться доступными лишь ничтожныя количества земли. Но и независимо отъ всего этого, медленный ходъ колонизаціи окраинъ обусловливается и соображеніями экономическаго характера. «Если уже и теперь — писалъ А. Н. Куломзинъ еще въ самомъ началѣ періода массоваго переселенія въ Сибирь [1])— замѣчается возвышеніе цѣнъ на съѣстные припасы и предметы первой необходимости, то что же произойдетъ, если число вновь пришедшихъ сразу же превыситъ количество мѣстнаго населенія? Явившіеся новоселы не только не будутъ въ состояніи найти какіе либо заработки, но даже для прокормленія ихъ можетъ оказаться

[1]) Отчетъ, стр. 105—106.

*

недостаточно имѣющихся на-лицо съѣстныхъ припасовъ, не говоря уже о томъ, что цѣны на послѣдніе дойдутъ, очевидно, до небывалыхъ размѣровъ»; и отсюда дѣлается выводъ: «допускать заселеніе лишь постепенно, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы число прибывающихъ ежегодно не превышало извѣстнаго процентнаго отношенія къ мѣстному населенію». Впрочемъ, при такомъ положеніи дѣла нѣтъ даже надобности въ томъ, чтобы «не допускать» массоваго переселенія: «въ ростѣ цѣнъ на предметы первой необходимости—говорилъ А. М. Беркенгеймъ чрезъ немного лѣтъ,—мы видимъ лучшій регуляторъ переселенческаго движенія, чѣмъ всякія разрѣшенія и запрещенія. Письма переселенцевъ домой, въ деревню, объ увеличивающейся трудности заводиться въ Сибири дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать гораздо сильнѣе всякихъ убѣжденій со стороны земскихъ начальниковъ»... Но на самую суть вопроса и г. Беркенгеймъ [1]) смотритъ совершенно такъ же: «вотъ эти то цѣны, говоритъ онъ, разныхъ предметовъ обихода, а съ другой стороны цѣны на ту или другую работу у старожиловъ, которыя при наплывѣ переселенцевъ, конечно, падаютъ, онѣ-то и входятъ въ составъ понятія о колонизаціонной ёмкости Сибири»... Или иначе сказать: переселеніе въ каждый данный районъ — будетъ ли это Тарскій урманъ, Уссурійская тайга или предгорныя степи Туркестана,—должно быть сообразовано *съ широтой того колонизаціоннаго базиса*, на который можетъ опереться дальнѣйшая колонизація; заселеніе каждаго отдѣльнаго района, хотя бы и съ неограниченно большими земельными запасами, должно и можетъ идти лишь съ такою постепенностью, при которой вновь возникающія поселенія имѣли бы достаточно крѣпкій и широкій базисъ, какъ въ смыслѣ заработковъ, такъ и въ смыслѣ пріобрѣтенія продуктовъ и инвентаря, въ ранѣе возникшихъ и окрѣпшихъ селеніяхъ того-же или непосредственно смежнаго района. Этому условію вполнѣ удовлетворяла сибирская колонизація до начала 90-хъ годовъ включительно,—и этимъ объясняются, въ значительной мѣрѣ, достигавшіеся ею благопріятные результаты. А массовое переселеніе въ совершенно пустынные, вообще—лишенные крѣпкаго колонизаціоннаго ядра, районы неизбѣжно обречетъ переселенцевъ либо на полную неудачу и окончательное обнищаніе, либо на неопредѣленное время сдѣлаетъ ихъ пансіонерами государства.

И конечный выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что даже тѣ сравнительно ограниченные запасы свободныхъ земель, которые могли бы служить пріемникомъ для нашего переселенческаго движенія, могутъ заселяться лишь съ большою постепенностью,—что поэтому переселеніе того даже и не слишкомъ большого числа людей, которое могло бы размѣститься на этихъ запасахъ, должно неизбѣжно распредѣлиться на болѣе или менѣе длинный рядъ лѣтъ, и что поэтому переселеніе каждаго даннаго года можетъ быть и будетъ лишь крайне незначительнымъ. Какъ до сихъ поръ оно не поглощало, такъ и въ

---

[1]) l. c., стр. 49. См. нашу работу „Матер. по вопр. о колониз. вмѣстим. Приамур. края“, стр. 287–290.

будущемъ оно не будетъ поглощать даже сколько-нибудь замѣтной дали естественнаго прироста сельскаго населенія Европейской Россіи. А разъ это такъ, то приходится признать что переселеніе, оказывая иногда ощутительное вліяніе на ту или иную общину, волость, быть можетъ, на уѣздъ, откуда уходитъ на новыя мѣста замѣтная часть населенія, представляетъ собою *нуль*, quantitè nègligeable, съ точки зрѣнія общаго хода развитія русскаго народнаго хозяйства. Оно безсильно стать *факторомъ* этого развитія, а остается лишь болѣзненнымъ *симптомомъ* его ненормальнаго положенія,—наружнымъ страданіемъ, происходящимъ отъ глубокихъ внутреннихъ причинъ. Разъ это такъ, то надо пожелать, чтобы и народныя массы, и общество, возможно скорѣе окончательно распрощались съ вѣрою въ «необъятный просторъ» и въ возможности безпредѣльнаго роста переселенія. Пока существуетъ такая вѣра,—до тѣхъ поръ можно спорить о пользѣ переселеній, хотя бы какъ палліативнаго средства. Разъ мы убѣдимся въ томъ, что этого палліатива самою природой отпущено лишь для ничтожной доли нуждающихся въ исцѣленіи,—намъ поневолѣ придется всю свою энергію направить на радикальное исцѣленіе болѣзни,—а такое исцѣленіе возможно лишь на почвѣ поднятія производительности народнаго труда [1]). Только этимъ путемъ мы *дѣйствительно* и *прочно* подинмемъ народное благосостояніе,—а вмѣстѣ съ тѣмъ—устранимъ и самую потребность въ переселеніи.

---

¹) См. Новомбергскій, назв. соч., стр. 28.

III.

Переселенцы на «новыхъ мѣстахъ».

Что же, спрашивается, находятъ переселенцы на тѣхъ «новыхъ мѣстахъ» куда они такъ жадно стремятся, въ погонѣ за землею и счастьемъ? Находятъ ли они дѣйствительно то прочное благополучіе, ради котораго они рѣшились разстаться съ родною деревней, ради котораго они переносили—еще недавно—невѣроятныя трудности пути, и ради котораго они еще и теперь претерпѣваютъ на «новыхъ мѣстахъ», въ первое время, всевозможныя лишенія? «Колонизація, писалъ еще въ 1891 году покойный Ядринцевъ, имѣетъ такое же врачующее и исцѣляющее значеніе, какое имѣетъ воздухъ съ перемѣной климата для больного, съ тою разницей, что здѣсь истощенныя экономическія силы народа возстановляются многоземельемъ, просторомъ и плодородіемъ». И подобные восторженные отзывы являлись лишь отзвукомъ не менѣе оптимистическихъ взглядовъ, господствовавшихъ и господствующихъ въ западно-европейской литературѣ, подъ вліяніемъ многовѣковаго опыта эмиграціи и колонизаціи. «Кто только имѣетъ крѣпкія руки—говоритъ напримѣръ Рошеръ [1]), кто только способенъ къ труду (betet und arbeitet),—тотъ едва ли пропадетъ въ земледѣльческой колоніи. Въ дѣвственной странѣ, которую приходится завоевывать для культуры, само собой спадаетъ большинство язвъ нашего пролетаріата... Приходится быть трудолюбивымъ, потому что трудолюбіе видитъ прямо передъ собой свою награду. Неограниченная возможность улучшать свое положеніе является сильнѣйшимъ побужденіемъ къ бережливости... Вѣрнѣе всего поправляетъ свое благосостояніе колонистъ, принадлежащій къ среднимъ по благосостоянію группамъ. Правда, ему приходится провести не мало тяжелыхъ годовъ, пока онъ самъ устроитъ свое благосостояніе,—но его дѣти, которыя на родинѣ, можетъ быть, попали бы въ разрядъ пролетаріевъ, могутъ съ увѣренностью разсчитывать на хорошее будущее»... А тѣ, правда, скудные факты, которые позволяли судить о результатахъ русскаго переселенія и русской колонизаціи,—эти факты, казалось, позволяли идти еще гораздо дальше въ оцѣнкѣ благотворныхъ результатовъ нашего переселенія: то благосостояніе, котораго западно-европейскій эмигрантъ достигалъ, въ

---

[1]) „Перес. дѣло на Алтаѣ“, стр. 99.

видѣ правила, послѣ многихъ лѣтъ труда и лишеній, а то — и во второмъ только поколѣніи, достигалось русскими переселенцами черезъ немного лѣтъ: переселенцы, прожившіе на «новомъ мѣстѣ» какихъ нибудь 4—5 лѣтъ, достигали, въ среднемъ, такого уровня благосостоянія, о которомъ даже и не могли мечтать на родинѣ. Попытка свести весь болѣе или менѣе отрывочный и трудно сравнимый между собой фактическій матеріалъ, который накопился за время до начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, была сдѣлана г. Качоровскимъ въ двухъ его уже многократно цитированныхъ работахъ, напечатанныхъ въ 1893 году. И выводы начинавшаго въ то время свою научную дѣятельность экономиста были не менѣе благопріятны. «Дѣйствительно—писалъ г. Качоровскій, всѣ безъ исключенія общіе отзывы и описанія разныхъ болѣе или менѣе компетентныхъ наблюдателей выставляютъ достиженіе громаднымъ большинствомъ новоселовъ Азіатской Россіи, черезъ 3—5 лѣтъ по поселеніи, полной хозяйственной самостоятельности какъ фактъ, не подлежащій спору и для всѣхъ очевидный; и всѣ безъ исключенія встрѣченныя мною цифры съ еще большею яркостью и убѣдительностью повторяютъ эти общія глазомѣрныя опредѣленія» и «рисуютъ такое завидное положеніе новоселовъ въ Азіатской Россіи, которое ихъ роднымъ и знакомымъ изъ внутренней Россіи должно казаться чуть не мужицкимъ раемъ, стоящимъ того, чтобы рискнуть изъ-за него на всѣ мытарства чистилища, «переселенческой эпопеи». Въ высшей степени трудно установить опредѣленное мѣрило, чтобы судить о степени дѣйствительнаго благосостоянія, достигнутаго переселенцами. Но не будетъ грубою ошибкою признать достаточными для переселенцевъ тѣ размѣры благосостоянія, какихъ достигло старожилое населеніе многоземельныхъ мѣстностей коренной земледѣльческой Сибири: для самого переселенца богатство «сибиряка»—это идеалъ, выше котораго не идутъ его мечты. А между тѣмъ, сопоставленіе данныхъ о благосостояніи новоселовъ съ данными о благосостояніи старожиловъ давало безусловно благопріятные для первыхъ результаты: «мы видимъ воочію—говоритъ напримѣръ одинъ изъ первыхъ мѣстныхъ изслѣдователей хозяйственнаго положенія алтайскихъ новоселовъ, С. Л. Чудновскій [1]), что какъ хлѣбопашцы старожилы безспорно обставлены хуже новоселовъ: изъ ихъ среды продаетъ хлѣбъ въ 2,3 раза меньшее (относительно) количество хозяевъ, причемъ и размѣръ выручки на среднюю наличную душу старожиловъ въ 1,2 раза меньше. Какъ скотоводы, новоселы по отношенію къ среднимъ размѣрамъ выручекъ стоятъ также на высшемъ уровнѣ, ибо размѣръ выручки отъ скотоводства у средняго двора новоселовъ въ 1,6 разъ больше, чѣмъ у старожиловъ, хотя на душу размѣръ выручки почти одинаковъ».

Мы не будемъ подробнѣе останавливаться на тѣхъ теперь уже устарѣлыхъ и притомъ не вполнѣ удобосравнимыхъ статистическихъ

---

1) l. c., стр. 34 и 35.

данныхъ, которыя вошли въ сводку г. Качоровскаго,—а перейдемъ непосредственно къ обзору болѣе свѣжаго статистическаго матеріала.

Мы располагаемъ, прежде всего, огромнымъ и достаточно свѣжимъ массовымъ цифровымъ матеріаломъ, кромѣ того представляющимъ,—по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ—преимущества единства программы и метода собиранія свѣдѣній. Это именно—«статистическія данныя по переселенческому дѣлу въ Сибири», собранныя и изданныя канцеляріею комитета министровъ въ 1898, 1899 и 1900 гг. и относящіяся въ 1898 г. къ 99.855, въ 1899 году къ 65.480 и въ 1900 году къ 73.398 переселенческимъ дворамъ или семействамъ. Главнѣйшія итоговыя данныя за каждый изъ этихъ трехъ годовъ, въ среднихъ величинахъ, сведены въ слѣдующую небольшую табличку, которую мы беремъ въ готовомъ видѣ изъ «статистическихъ данныхъ» за 1900 годъ.

Губерніи и года изслѣдованія:		Въ среднемъ на дворъ приходится:				
		Лошадей.	Рогатаго скота.	Мелкаго скота.	Землед. орудій.	Десятинъ посѣва.
Тобольская	1889 . . .	2,2	2,5	4,4	1,8	4,3
	1899 . . .	2,0	2,1	4,3	1,9	3,8
	1900 . . .	2,4	2,8	5,5	2,0	4,3
Томская казен. земли.	1898 . . .	2,5	2,5	4,4	1,7	4,3
	1899 . . .	2,2	2,2	3,8	1,6	3,4
	1900 . . .	2,5	2,5	4,3	1,7	3,6
Томская . . . (кабинет. зем.)	1898 . . .	3,7	3,9	7,7	2,0	5,4
Акмолинская	1898 . . .	1,7	4,1	2,6	2,0 (?)	5,7
	1899 . . .	1,6	3,7	2,9	1,2	5,5
	1900 . . .	1,5	4,0	3,0	1,2	5,9
Енисейская	1898 . . .	2,6	2,1	2,7	1,7	3,8
	1899 . . .	2,3	1,9	2,6	1,5	3,5
	1900 . . .	2,5	2,1	3,0	1,9	3,0
Иркутская	1898 . . .	1,6	1,0	1,4	1,5	2,2
	1899 . . .	1,4	1,0	1,3	1,5	2,9
	1900 . . .	1,6	1,2	1,7	1,7	3,0
Всего	1898 . . .	2,2	2,9	3,7	1,8	4,6
	1899 . . .	1,9	2,6	3,5	1,5	4,2
	1900 . . .	2,2	2,9	4,0	1,6	4,5

Мы сразу видимъ, такимъ образомъ, рѣзкое различіе въ среднемъ уровнѣ благосостоянія между отдѣльными губерніями и областями. Рѣзко выдѣляются надъ общимъ уровнемъ кабинетскія земли Томской губерніи—прославленный Алтайскій округъ, и почти на одномъ съ нимъ уровнѣ стоитъ Акмолинская область: размѣры запашекъ здѣсь даже нѣсколько больше, нежели на Алтаѣ, но по размѣрамъ скотоводства и въ особенности по количеству земледѣльческаго инвентаря Акмолинская область довольно замѣтно уступаетъ послѣднему. Значительно ниже цифры по четыремъ сибирскимъ губерніямъ: три

изъ нихъ стоятъ при этомъ, по всѣмъ сравниваемымъ признакамъ, приблизительно на одинаковомъ уровнѣ, не на слишкомъ много ниже Акмолинской области и Алтая. Рѣзко выдѣляется крайне низкими средними цифрами Иркутская губернія, что впрочемъ объясняется—весьма возможно—не столько какими либо особыми ея естественными или экономическими условіями, сколько болѣе позднимъ началомъ водворенія въ ней переселенцевъ.

А вотъ данныя о распредѣленіи переселенческихъ домохозяйствъ по главнѣйшимъ экономическимъ признакамъ—на этотъ разъ и въ дальнѣйшемъ мы имѣемъ данныя только за одинъ 1898 г., — матеріалъ за послѣдующіе два года разработанъ въ изданіи канцеляріи комитета министровъ гораздо менѣе детально, табличныя же данныя напечатаны въ такомъ видѣ, который лишаетъ насъ возможности самимъ продѣлать наиболѣе интересный подсчетъ—по годамъ водворенія переселенцевъ:

Губерніи и области.	% отношеніе къ общему числу колич. семействъ:									
	Имѣвшихъ жилища		не имѣвшихъ	имѣвшихъ лошадей			не имѣвшихъ	Не имѣвшихъ		
	постоянныя	временныя		болѣе трехъ	2-3	по 1		рогат. скота	земледѣл. орудій	самостоят. хозяйства
Тобольская	87	8	5	21	54	19	6	7	21	10
Томская, казен. зем.	72	24	4	13	57	24	6	6	16	5
Томская, кабин. земли.	92	4	4	41	35	20	4	6	21	12
Акмолинская	67	27	6	11	29	38	22	12	16	13
Енисейская	84	11	5	21	51	22	6	12	16	5
Иркутская	60	14	26	5	46	23	26	38	37	26

Такимъ образомъ, Алтайскій округъ и здѣсь рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ колонизаціонныхъ районовъ: на Алтаѣ почти нѣтъ не только бездомовыхъ, но даже имѣющихъ временныя жилища, почти нѣтъ безлошадныхъ, и большій нежели гдѣ либо процентъ многоскотныхъ домохозяйствъ. Въ Акмолинской области, напротивъ, огромный процентъ безлошадныхъ, весьма мало многолошадныхъ, и треть общаго числа новоселовъ либо вовсе не имѣетъ жилищъ, либо довольствуется временными жилищами; умѣренное въ 1898 году, количество безхозяйныхъ семей въ 1899 году возрастаетъ до огромнаго процента 34%, и почти на томъ же уровнѣ остается и въ слѣдующемъ 1900 году. Это—потому, что въ Акмолинской области осѣдаетъ наибольшее число самовольныхъ переселенцевъ, которые подолгу проживаютъ у родственниковъ или односельчанъ, не обзаводясь хозяйствомъ,—а высокій процентъ безлошадныхъ обусловливается въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что значительная часть осѣдающихъ въ Акмолинской области переселенцевъ-степняковъ, по принесенной съ родины привычкѣ, работаетъ волами. Изъ сибирскихъ губерній выдѣляется въ неблагопріятную сторону, опять таки, Иркутская губернія,—прямой результатъ, съ одной стороны, недавняго водворенія переселенцевъ, съ другой дороговизны обзаведенія въ этой губерніи. Остальныя три губерніи стоятъ на приблизительно одинаковомъ уровнѣ,

замѣтно уступая Алтаю; бросается въ глаза только значительный процентъ дворовъ съ временными жилищами въ Тобольской губерніи, что очевидно объясняется дороговизною строевого лѣса въ степной ея полосѣ.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ приведены затѣмъ важнѣйшіе признаки, характеризующіе благосостояніе переселенцевъ въ зависимости отъ продолжительности ихъ пребыванія на «новыхъ мѣстахъ»:

У переселенцевъ, прибывшихъ:	% дворовъ съ жилищами	имѣли лошадей		имѣли рогатый скотъ:		% семей съ самостоят. хозяйствомъ.	Въ среднемъ на семью дес. посѣва.
		% семей	въ средн. на семью	% семей	въ средн. на семью		
въ 1878 году	100	86	1,9	100	5,2	100	6,1
„ 1886 „	97	94	4,7	96	4,4	96	7,4
„ 1887 „	98	95	4,3	99	4,8	93	11,8
„ 1888 „	98	96	4,8	94	5,3	98	10,5
„ 1889 „	95	94	4,5	94	4,4	91	7,5
„ 1890 „	96	94	3,7	95	3,9	94	5,9
„ 1891 „	96	94	3,2	94	3,6	90	6,2
„ 1892 „	97	96	3,6	95	4,1	93	5,9
„ 1893 „	97	94	3,2	95	3,8	90	5,4
„ 1894 „	97	94	3,2	93	3,3	90	5,1
„ 1895 „	96	88	2,2	81	2,6	92	4,2
„ 1896 „	95	90	2,2	93	2,6	92	3,6
„ 1897 „	95	97	3,1	96	2,8	93	5,0
„ 1898 „	94	93	2,3	88	1,9	89	3,3

Такимъ образомъ, съ перваго же года водворенія около девяти десятыхъ общаго числа новоселовъ обзавелось жилищемъ, скотомъ и самостоятельнымъ хозяйствомъ, и затѣмъ этотъ процентъ лишь чрезвычайно медленно растетъ по мѣрѣ перехода къ высшимъ, по продолжительности проживанія, группамъ новоселовъ. Напротивъ, среднія цифры посѣвной площади, очень небольшія среди вновь прибывшихъ, съ большою постепенностью растутъ до самихъ высшихъ группъ. Другими словами: главная масса переселенцевъ—можетъ быть насчетъ выдаваемыхъ болѣе или менѣе всѣмъ казенныхъ ссудъ, сразу обзаводится минимальнымъ количествомъ скота, устраиваетъ себѣ жилища и приступаетъ къ самостоятельному земледѣльческому хозяйству; но затѣмъ послѣднее развивается медленно и лишь по истеченіи длиннаго ряда лѣтъ доходитъ до максимальнаго возможнаго, по мѣстнымъ условіямъ, размѣра. При этомъ характерно, что среднія цифры посѣвовъ, возрастая, въ общемъ, очень постепенно, дѣлаютъ рѣзкій прыжокъ отъ 1895 къ 1894 и затѣмъ — отъ 1890 къ 1889 году. Если соотвѣтственно этому сгруппировать переселенцевъ, по времени прибытія, на три большія группы, то средній размѣръ посѣвной площади у каждой изъ этихъ трехъ группъ окажется такой:

У прибывшихъ до 1889 года . . . 8,4 дес.
» въ 1890—1894 гг. . 5,5 »
» » 1895—1898 » . 3,9 »

Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь вліяла, кромѣ продолжительности проживанія, и нѣкоторая разница въ подборѣ переселенцевъ: 1890 годъ—это первый годъ, когда переселеніе въ Сибирь приняло массовый характеръ, и когда слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣми піонерами, которые прежде преобладали среди переселенцевъ, въ Сибирь пошли и болѣе слабые элементы, если не въ смыслѣ состоятельности, то во всякомъ случаѣ—въ смыслѣ энергіи и трудоспособности; середина 90-хъ годовъ—время, когда подъ вліяніемъ вызванныхъ политикою Сибирскаго комитета «преувеличенныхъ слуховъ о размѣрахъ правительственныхъ пособій, на переселеніе пошелъ, въ хвостѣ, такъ сказать, законныхъ переселенцевъ, болѣе бѣдный и невѣжественный людъ».

Наконецъ, приведемъ еще заимствованныя изъ того-же источника цифры, показывающія зависимость благосостоянія переселенцевъ въ каждомъ изъ главнѣйшихъ колонизаціонныхъ районовъ отъ продолжительности пребыванія на «новомъ мѣстѣ» и позволяющія, до извѣстной степени, сопоставить благосостояніе переселенцевъ на новомъ мѣстѣ и на родинѣ. Цифры эти могутъ быть сведены въ слѣдующую таблицу:

А. Процентъ семей, имѣвшихъ рабочій скотъ на родинѣ и на новомъ мѣстѣ:

Года прибытія переселенцевъ.	Тобольская губ.		Томская губ. (казен. земли)		Томская губ. (кабин. земли)		Енисейская губ.		Акмолинская обл.	
	на родинѣ	въ Сибири	на родинѣ	въ Сибири	на родинѣ	въ Сибири	на родинѣ	въ Сибири	на родинѣ	въ Сибири.
1889	—	—	73	85	88	98	—	—	—	—
1890	—	—	77	92	87	99	—	—	94	94
1891	65	90	79	89	84	96	—	—	78	78
1892	68	93	89	94	83	97	—	—	—	—
1893	58	92	75	96	80	96	—	—	78	98
1894	68	87	68	93	78	96	88	99	99	88
1895	72	94	73	96	82	95	83	92	69	82
1896	68	94	73	95	81	95	86	92	71	87
1897	79	92	78	96	89	97	86	96	—	—
1898	82	95	79	96	84	92	81	95	75	83

В. Средній размѣръ посѣвной площади на родинѣ и на новомъ мѣстѣ.

Года прибытія переселенцевъ.	Тобольская губ.		Томская губ. (казен. земли)		Томская губ. (кабин. земли)		Енисейская губ.		Акмолинская обл.	
	на родинѣ	въ Сибири	на родинѣ	въ Сибири	на родинѣ	въ Сибири	на родинѣ	въ Сибири	на родинѣ	въ Сибири.
1889	—	—	1,7	6,5	3,2	7,9	—	—	—	—
1890	—	—	1,7	6,8	3,4	7,0	—	—	7,2	3,4
1891	1,0	3,2	1,7	5,3	3,3	6,4	—	—	2,6	6,2
1892	1,8	5,0	2,0	4,2	3,0	6,0	—	—	—	—
1893	1,3	4,9	1,4	3,3	2,6	5,4	—	—	2,4	6,9
1894	1,6	4,7	2,2	4,0	2,9	5,2	2,1	6,8	2,5	4,6
1895	1,9	6,2	1,8	3,4	2,7	4,7	2,1	3,9	1,9	4,0
1896	1,8	3,4	1,8	2,9	2,9	4,4	2,3	3,6	2,7	3,6
1897	2,0	2,3	2,4	3,8	2,4	5,6	2,6	6,6	—	—
1898	4,4	2,2	2,4	2,6	2,7	4,0	2,9	3,4	7,7	0,5

Табличка эта даетъ основаніе для цѣлаго ряда выводовъ. Прежде всего, мы видимъ, что наиболѣе состоятельный элементъ все время шелъ въ Алтайскій округъ, замѣтно менѣе состоятельный—на казенныя земли сибирскихъ губерній, при чемъ рѣзко бросается въ глаза, что состоятельность переселенцевъ, идущихъ на Алтай, съ каждымъ годомъ падаетъ, средняя состоятельность переселенцевъ, идущихъ на казенныя земли, напротивъ замѣтно повышается, и такимъ образомъ замѣчается какъ бы тенденція къ болѣе равномѣрному распредѣленію различныхъ по состоятельности группъ переселенцевъ между разными колонизаціонными районами Сибири; соотвѣтственныя цифры по Акмолинской области представляютъ рѣзкія и безпорядочныя колебанія,—въ полномъ соотвѣтствіи съ безпорядочностью самого переселенія въ киргизскую степь. Ниже намъ придется подробнѣе остановиться на вопросѣ о томъ, какіе элементы больше и какіе—меньше выигрываютъ отъ переселенія, но уже сопоставленіе приведенныхъ только что среднихъ размѣровъ посѣвныхъ площадей алтайскихъ переселенцевъ съ данными, касающимися новоселовъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ трехъ сибирскихъ губерній, показываетъ, что тотъ плюсъ, который даетъ переселеніе, для менѣе состоятельныхъ больше, нежели для лучше обезпеченныхъ группъ переселенцевъ. Очень любопытно наконецъ, что весьма рѣзкая у недавно прибывшихъ переселенцевъ разница въ пользу Алтайскаго округа въ размѣрахъ посѣвовъ постепенно сглаживается, по мѣрѣ перехода къ высшимъ группаммъ, и переселенцы, прожившіе въ районѣ казенныхъ земель 7—8 лѣтъ, по среднему размѣру посѣвной площади мало уступаютъ алтайскимъ; такимъ образомъ, и лучшія мѣстныя условія Алтая, и бо̀льшая состоятельность переселенцевъ лишь облегчаютъ первоначальное обзаведеніе,—конечный же результатъ переселенія, выясняющійся лишь по истеченіи болѣе значительнаго числа лѣтъ, въ гораздо меньшей степени зависитъ отъ условій какъ того, такъ и другого порядка.

Мы не будемъ входить въ болѣе детальное разсмотрѣніе цифрового матеріала канцеляріи комитета министровъ [1]). При сплошномъ массовомъ характерѣ, внутренняя его цѣнность далеко не высока. Разработанныя въ изданіи канцеляріи комитета министровъ цифры получены «путемъ разсылки черезъ губернаторовъ крестьянскимъ начальникамъ особыхъ бланокъ вѣдомостей», которыя въ послѣднемъ счетѣ заполнялись, конечно, волостными писарями, и, слѣдовательно, страдаютъ всѣми недостатками, присущими нашей оффиціально-волостной статистикѣ. Что онѣ сильно преуменьшены,—это ясно изъ сопоставленія нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ цифръ посѣвной площади съ цифрами добытыми, приблизительно, около того же времени, путемъ экспедиціонныхъ мѣстныхъ изслѣдованій: для Алтайскаго округа средній размѣръ посѣвной площади, по даннымъ канцеляріи, 5,4 дес., по Акмолинской области 5,7 десятинъ,—по экспедиціоннымъ даннымъ соотвѣтственныя цифры достигаютъ 9,5 и

[1]) Отч. ст.-секр. Куломзина, стр. 5.

8,2 десятинъ — разница въ 75 и 45%... Къ цифрамъ экспедиціонныхъ изслѣдованій мы теперь и обратимся, чтобы составить себѣ болѣе ясное представленіе о благосостояніи переселенцевъ если не по всѣмъ, то по большинству важнѣйшихъ колонизаціонныхъ районовъ.

Начнемъ съ Тобольской губерніи. Вотъ, прежде всего, цифры сплошной подворной описи переселенческихъ поселковъ, произведенной А. А. Станкевичемъ въ 1893 году, всего по 4.164 домохозяйствамъ.

Года прибытія новоселовъ.	Въ Сибири.						На родинѣ.			
	Въ среднемъ на дворъ.			% дворовъ безъ			Въ средн. на дворъ.		% дворов. безъ	
	Лошадей.	Коровъ.	Десятинъ посѣва.	Лошадей.	Коровъ.	Посѣва.	Лошадей.	Десят. посѣва.	Лошадей.	Посѣва.
до 1883	1,8	1,5	4,0	18,8	29,8	8,0	2,0	3,7	11	13,7
1883—1885	2,3	1,7	2,9	11,7	19,4	12,2	1,5	2,7	9,4	11,2
1886—1888	2,0	1,8	3,7	13,3	20,2	10,5	1,5	3,2	15,8	13
1889—1891	1,4	1,0	2,2	20,8	30,5	14,4	1,3	3,2	17	12
1892 и 1893	1,3	0,7	1,6	21,8	43,9	32,1	1,3	3,2	27	14,3
Всего	1,5	1,2	2,6	18,8	31,7	18,6	1,5	3,2	18,1	13,1

Картина печальная... Правда, средніе размѣры посѣвовъ и скотоводства довольно правильно возрастаютъ, а процентъ безхозяйныхъ дворовъ довольно правильно убываетъ по мѣрѣ перехода отъ только-что прибывшихъ къ прожившимъ на «новыхъ мѣстахъ» болѣе продолжительное время. Но даже у проживщихъ въ Сибири 8, 10 и болѣе лѣтъ среднія цифры посѣвовъ и скотоводства не выше, процентъ безскотныхъ дворовъ — значительно выше, нежели былъ на родинѣ. «Тобольскіе новоселы проигрываютъ — говоритъ г. В. Владиславлевъ [1]) въ прекрасной работѣ, сдѣланной на основаніи данныхъ г. Станкевича: въ Сибири скота осталось почти то же, что было и на родинѣ; но зато въ Сибири стало больше нѣсколько-лошадныхъ и нѣсколькокоровныхъ хозяевъ, вслѣдствіе чего уменьшилось число однолошадныхъ и однокоровныхъ и увеличилось число безлошадныхъ и безскотныхъ, — средній слой крестьянства диффе-ренцировался, увеличивъ собою крайнія группы зажиточности»; и это потому, что въ условіяхъ сибирскаго хозяйства, «по сибирскому климату и почвѣ можно быть очень зажиточнымъ, если есть три лошади, но надо ликвидировать хозяйство, если есть только одна»... И неудовлетворительные результаты переселенія станутъ особенно ясны, если сопоставить цифры г. Станкевича съ данными, характеризующими благосостояніе старожилаго населенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ водворялись новоселы: по Ишимскому уѣзду средній размѣръ

[1]) „Русск. Бог." 1899 г., сент.

посѣвной площади составляетъ, напримѣръ, 5,4 дес., среднее количество рабочихъ лошадей 3,1, коровъ 2,0; % дворовъ безъ посѣва и съ посѣвомъ менѣе одной десятины — 14,2, безлошадныхъ 11,8, безъ рогатаго скота — 18,9: всѣ соотвѣтственныя цифры гораздо болѣе благопріятны, нежели у новоселовъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ данными о размѣрахъ хозяйства стоятъ и данныя о его результатахъ, въ частности — о потребительномъ значеніи земледѣлія. По подсчету г. Владиславлева, вполнѣ хватаетъ своего хлѣба только четыремъ поселкамъ съ 245 дворами, значительному большинству — въ пяти поселкахъ съ 196 дворами, болѣе чѣмъ половинѣ — въ двухъ поселкахъ съ 117 дворами, немногимъ — въ 4 поселкахъ съ 297 дворами, въ остальныхъ 48 поселкахъ не хватаетъ хлѣба почти никому: при меньшемъ размѣрѣ запашекъ, и урожайность новосельскихъ пашенъ далеко ниже, нежели у старожиловъ; только послѣдніе «вырабатываютъ избытки хлѣба, нужные для новосельскихъ хозяйствъ; у нихъ есть запасъ хлѣба, есть деньги и есть полный, никогда не прерывающійся темпъ хозяйственнаго движенія. Имъ не страшны ни неурожай, ни кобылка, ни зайцы, голодный годъ не съѣстъ у нихъ орудій производства, не разоритъ крышъ на кормъ скота, а скота не убьетъ на кормъ людямъ». По отношенію къ старожиламъ южной полосы Тобольской губерніи характеристика эта, несомнѣнно, грѣшитъ значительною дозой оптимизма — достаточно вспомнить о голодовкахъ 1870, 1883—1884, 1891—1892 гг.... Но тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ противуположеніе новоселовъ старожиламъ: если непрочно и благосостояніе послѣднихъ, то что же сказать о хозяйственномъ положеніи новоселовъ? Повторяемъ еще разъ: въ общемъ благосостояніе ихъ, по даннымъ г. Станкевича, хотя и медленно, но постепенно улучшается; «въ среднемъ новоселы лѣтъ черезъ 20 по приходѣ становятся на ноги; еслибы не неурожаи, вродѣ бывшаго въ 1884 году, этотъ тяжелый процессъ происходилъ бы быстрѣе, можетъ быть вдвое. Но увы — при нихъ мы должны сознаться, что самостоятельное хозяйство новоселовъ находится въ состояніи полнаго банкротства»...

Приведенные данныя и выводы рѣзко отличаются отъ всего, что намъ извѣстно по другимъ колонизаціоннымъ районамъ. Пишущему эти строки приходили, поэтому, сомнѣнія въ достовѣрности собранныхъ г. Станкевичемъ данныхъ, сомнѣнія, основанныя отчасти на томъ, что г. Станкевичъ наряду съ статистическимъ описаніемъ занимался также и выдачею переселенцамъ пособій,—обстоятельство, которое не могло, конечно, не послужить сильнѣйшимъ стимуломъ къ утайкѣ переселенцами, при статистическомъ опросѣ, своего дѣйствительнаго хозяйственнаго положенія—отчасти же и на томъ, что изслѣдованіе было произведено непосредственно вслѣдъ за «голодными», 1891—1892 г., которые не могли не повліять понижающимъ образомъ на благосостояніе новоселовъ. Мы и сейчасъ думаемъ, что внутренняя достовѣрность собраннаго г. Станкевичемъ статистическаго матеріала о тобольскихъ поселкахъ нѣсколько ниже, нежели достовѣрность данныхъ по другимъ районамъ водворенія. Въ этомъ убѣждаетъ хотя

бы сопоставленіе данныхъ г. Станкевича съ данными, собранными пять лѣтъ спустя Н. Я. Новомбергскимъ. Къ сожалѣнію, подлинный табличный матеріалъ этого изслѣдователя не увидѣлъ свѣта, и намъ приходится довольствоваться тѣми немногими относительными цифрами, которыя г. Новомбергскій помѣстилъ въ напечатанномъ при I-мъ томѣ «введеніи» къ своей работѣ. Цифры эти, относящіяся исключительно къ переселенцамъ, прожившимъ въ Сибири не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, могутъ быть сведены въ слѣдующую небольшую табличку.

Уѣзды.	Въ Сибири.								На родинѣ.					
	% дворовъ.					Въ средн. на дворъ.			% дворовъ.			Въ средн. на дворъ.		
	Безлошади.	Съ 1 лошадью.	Безкоровн.	Съ 1 коровой.	Безъ посѣва.	Лошадей.	Коровъ.	Десят. посѣва.	Безлошади.	Безкоровн.	Безпосѣвн.	Лошадей.	Коровъ.	Десят. посѣва.
Ишимскій . . .	6,3	35,9	9,7	51,9	3,9	1,7	1,3	2,9	25,6	32,7	13,6	1,2	0,9	2,5
Тюкалинскій .	8,3	43,0	8,5	36,1	0,9	1,8	1,8	2,0	26,2	31,6	17,0	1,3	1,2	2,0

Сопоставивъ эти цифры съ цифрами г. Станкевича, относящимися къ группѣ переселенцевъ 1889—1893 гг., т. е. къ прожившимъ въ Сибири до 4-хъ лѣтъ, читатель легко увидитъ, что среднія цифры г. Новомбергскаго замѣтно выше, процентъ безхозяйныхъ далеко ниже, чѣмъ у г. Станкевича. Конечно—говоритъ г. Новомбергскій [1]), благосостояніе новоселовъ и по этимъ цифрамъ хотя и «нѣсколько улучшилось по сравненію съ жалкимъ состояніемъ, въ какомъ оно находилось на родинѣ, но не достигло всетаки такого уровня, на которомъ хозяйство по мѣстнымъ условіямъ считается прочнымъ... несмотря на увеличеніе сибирскаго хозяйства новоселовъ на полъ-коровы и полъ-лошади, сила необезпеченности остается прежняя, россійская; можно было бы сказать, что настоящее положеніе переселенцевъ далеко хуже того горькаго положенія на родинѣ, при которомъ хозяйство велось все-же не наймомъ и безъ супряги, и долга въ 70—90 руб., за каждымъ дворомъ не имѣлось». Но г. Новомбергскій не упускаетъ изъ виду, что всѣ приведенныя цифры относятся къ переселенцамъ, прожившимъ въ Сибири не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, и что «при благопріятныхъ условіяхъ свободнаго развитія ничтожный жолудь превращается въ мощный дубъ, а слабое хозяйство достигаетъ цвѣтущаго состоянія».

Какъ бы то ни было, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что хозяйство тобольскихъ новоселовъ стоитъ ниже, нежели въ другихъ сибирскихъ губерніяхъ, не говоря уже объ Алтаѣ или Акмолинской области. И это можетъ объясняться прежде всего, самими условіями водворенія въ Тобольской губерніи. Условія эти на первый взглядъ благопріятны—продуктъ и инвентарь дешевы, кругомъ многочисленное и крѣпкое старожилое населеніе; но югъ Тобольской

---

[1]) „Матеріалы", стр. XXXVIII.

губерніи уже давно испытываетъ кризисъ; тѣ «мягкія» земли, которыя замежевывались въ переселенческіе участки и которыя особенно привлекали новоселовъ, уже давно выпаханы и истощены, а такъ какъ переселенцы, усваивая первобытные хозяйственные пріемы старожиловъ, уступаютъ имъ и по хозяйственной силѣ, и по знанію мѣстныхъ условій, то и ихъ хозяйство естественно даетъ, въ концѣ концовъ, худшіе результаты нежели въ мѣстностяхъ съ болѣе свѣжими, невыпаханными почвами. Съ другой стороны, самая близость Тобольской губерніи къ Европейской Россіи способствовала плохому подбору водворившихся въ ней переселенцевъ: здѣсь осѣдали всѣ тѣ, у кого не хватало либо средствъ, либо энергіи и рѣшимости для того, чтобы идти въ болѣе отдаленныя мѣстности Сибири,—а такіе элементы, естественно, являлись и плохими колонизаторами.

Нѣсколько благопріятнѣе данныя о хозяйственномъ положеніи новоселовъ уже по району казенныхъ земель Томской губерніи. Главнѣйшіе результаты подворнаго изслѣдованія, произведеннаго здѣсь въ 1894 году авторомъ настоящей книги и охватившаго 4.307 дворовъ съ 25.304 душами населенія, выразятся въ слѣдующихъ рядахъ цифръ:

	У переселенцевъ прихода:								
	раньше 1886 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.
Въ среднемъ на дворъ раб. лошадей	3,1	2,4	2,6	2,6	2,2	2,6	1,9	1,5	1,3
Дойн. коровъ	2,4	1,7	1,9	2,2	1,5	1,6	1,2	1,1	0,8
Десятинъ посѣва	6,6	4,4	5,4	5,3	4,4	4,3	3,7	2,6	1,7
% дворовъ: безъ избы	3,5	6,0	7,0	7,7	9,6	9,7	20,0	32,8	26,2
„ безъ посѣва или съ посѣвомъ менѣе 1 дес.	14,3	22,4	15,4	9,8	16,6	14,3	22,1	35,1	44,2
„ безлош. и однолошадныхъ	18,5	29,9	16,1	20,2	24,3	24,2	39,1	50,6	60,1
„ однихъ безлошадн.	4,7	4,6	7,0	5,6	8,0	8,9	13,0	18,0	22,9
„ съ посѣв. болѣе 10 дес.	19,4	7,5	14,0	11,0	7,2	5,6	4,3	3,7	0,3
„ съ 4 и болѣе лошадьми	33,9	17,0	21,7	25,6	15,4	17,8	8,0	4,2	3,1
„ покупающ. хлѣбъ	31,0	46,3	30,0	35,7	47,7	50,9	61,5	81,0	93,8
„ продающ. „	58,5	46,3	53,9	45,8	35,8	30,4	21,5	8,8	3,1
„ отпускающ. батраковъ	9,8	14,9	7,0	11,8	19,9	18,1	17,9	23,5	17,6

Цифры большей части строкъ, въ частности—такія, какъ процентъ дворовъ безъ избы, безъ посѣва, безъ рабочаго и дойнаго скота, слагаются въ совершенно аналогичные ряды: всѣ эти величины, очень высокія у вновь прибывшихъ переселенцевъ, быстро сокращаются по мѣрѣ перехода ко второй, третьей и четвертой погодной группамъ; въ слѣдующихъ погодныхъ группахъ пониженіе уже гораздо медленѣе, цифра же безпосѣвныхъ дворовъ и совершенно перестаетъ падать. Аналогичный характеръ имѣетъ движеніе среднихъ цифръ

посѣва и скота,—причемъ особенно интересенъ рядъ, показывающій среднее число рабочихъ лошадей: въ трехъ послѣднихъ погодныхъ группахъ это число меньше двухъ, т. е. минимума, безъ котораго въ Сибири невозможно самостоятельное земледѣльческое хозяйство: у переселенцевъ, проживших четыре года, среднее число лошадей сразу поднимается до 2,6 и уже не возрастаетъ дальше. Ясно, что переселенцы, прожившіе на мѣстѣ менѣе четырехъ лѣтъ, находятся еще въ фазисѣ первоначальнаго обзаведенія, четыре же года—достаточный срокъ, чтобы хозяйство новосела стало на ноги. И послѣ четырехъ лѣтъ среднее переселенческое хозяйство продолжаетъ развиваться и расти; но это уже просто *ростъ*, *развитіе*, а не процессъ *возникновенія* хозяйства, какъ въ теченіе перваго четырехлѣтія. Поэтому, чтобы уяснить себѣ хозяйственные результаты переселенія, слѣдуетъ взять среднія цифры лишь для переселенцевъ, уже прошедшихъ этотъ искусъ первоначальнаго обзаведенія, т. е. проживших на мѣстѣ четыре или болѣе лѣтъ. Для нихъ мы получимъ слѣдующія среднія и относительныя цифры:

	въ Сибири:	на родинѣ:
Въ среднемъ на дворъ засѣваютъ	4,9 дес.	3,6 дес.
„ „ рабоч. лошадей	2,5	1,6
„ „ дойн. коровъ	1,9	1,3
% дворовъ безъ избы	7,9	
„ „ посѣва	9,7	14,3
„ безлошадн. и однолошадн. . . .	22,1	55,2
% дворовъ, продовольствующихся своимъ хлѣбомъ.	58,0	
„ „ продающихъ хлѣбъ.	41,7	
„ „ отпускающихъ батраковъ	15,1	16,8

У старожилаго населенія земледѣльческаго района Томской губерніи въ среднемъ на дворъ приходится посѣвной площади 6,6 дес., рабочихъ лошадей—5,3, дойныхъ коровъ—2,5, процентъ дворовъ безъ посѣва—19,8 [1]). Такимъ образомъ, размѣры хозяйства переселенцевъ, и послѣ 4-хъ лѣтъ, значительно ниже, нежели у старожилаго населенія, но значительно выше размѣровъ хозяйства переселенцевъ на родинѣ: среднія цифры посѣвной площади увеличились приблизительно на треть, скотоводство даже на половину; количество безлошадныхъ понизилось съ 19,2 до 7,0%, дворовъ совершенно безъ посѣва—съ 14,3 до 9,7%. Казалось бы, результаты переселенія вполнѣ удовлетворительны. Но процентъ дворовъ, отпускающихъ работниковъ въ срочный наемъ, почти не измѣнился; болѣе двухъ пятыхъ общаго числа дворовъ продолжаютъ еще прикупать хлѣбъ, и только у другихъ двухъ пятыхъ земледѣліе даетъ возможность продавать хлѣбъ и этимъ способомъ добывать необходимыя въ хозяйствѣ денежныя средства. Конечные *результаты* хозяйства томскихъ новоселовъ, такимъ образомъ, гораздо менѣе благопріятны, нежели можно было

[1]) Какъ высокая средняя цифра лошадей, такъ и высокій процентъ безпосѣвныхъ дворовъ—слѣдствіе значительнаго развитія извоза и связанныхъ съ нимъ подсобныхъ занятій, которыя многихъ отвлекали отъ занятія хлѣбопашествомъ.

бы ожидать по его *размѣрамъ*,—и причина этой разницы станетъ совершенно понятна, если вспомнить, что такія величины, какъ лошадь, какъ десятина посѣва, имѣютъ въ Сибири—какъ намъ придется говорить подробнѣе черезъ нѣсколько страницъ,—далеко не то значеніе, какъ въ мѣстахъ выхода переселенцевъ.

Разобранныя на предыдущихъ страницахъ данныя относительно хозяйственнаго положенія переселенцевъ Тобольской и Томской губерній относятся исключительно къ переселенцамъ, водворенным въ отдѣльныхъ переселенческихъ поселкахъ. Собранныя въ 1890—1892 гг., при сплошномъ подворномъ изслѣдованіи, данныя о новоселахъ Енисейской губерніи, касающіяся 5140 дворовъ или хозяйствъ, относятся главнымъ образомъ къ переселенцамъ, водворившимся въ селеніяхъ старожиловъ,—разница, совершенно понятная, если принять въ соображеніе, что изслѣдованіе здѣсь было произведено задолго до начала правильнаго переселенія въ Енисейскую губернію, въ такое время, когда переселенцамъ почти не было другого способа устроиться, какъ поселиться въ старомъ селеніи и получить пріемный приговоръ отъ старожиловъ. Только получивъ такой приговоръ и причислившись къ обществу, новоселъ становился полноправнымъ жителемъ селенія и могъ наравнѣ со старожилами участвовать въ пользованіи землею; до тѣхъ поръ возможность такого пользованія всецѣло зависѣла отъ усмотрѣнія или произвола мѣстнаго крестьянскаго общества или отъ возможности аренды, и, слѣдовательно, его хозяйство и благосостояніе не могли стать на прочныя основанія. Нечего, поэтому, удивляться той крайне рѣзкой разницѣ въ размѣрахъ благосостоянія между причисленными и непричисленными новоселами, которая видна изъ слѣдующей таблички:

	Въ среднемъ на хозяйство.			% хозяйствъ.			
	рабочихъ лошадей.	крупнаго рогатаго.	десятинъ посѣва.	бездомовыхъ.	безлошадныхъ.	безкоровныхъ.	безпосѣвныхъ.
Причисленные.	4,0	4,0	6,8	6,0	4,5	10,7	9,0
Не причисленные въ нов. заселк.	2,5	1,6	2,9	15,7	8,0	33,8	24,7
„ „ „ стар. селен.	1,6	1,3	1,5	52,7	30,6	50,4	54,7

Разница, такимъ образомъ, огромная, и притомъ несравненно гораздо болѣе рѣзкая по отношенію къ непричисленнымъ, проживающимъ въ старожильскихъ селеніяхъ, нежели по отношенію къ лицамъ той же категоріи въ переселенческихъ поселкахъ: «Въ то время,—говоритъ по этому поводу В. Ю. Григорьевъ, авторъ монографіи о «населеніи» въ енисейскомъ статистическомъ сборникѣ, какъ моментъ причисленія переселенцевъ въ старыхъ селеніяхъ является необходимымъ условіемъ для ихъ прочнаго и цѣлесообразнаго устройства, въ новыхъ заселкахъ фактъ причисленія утрачиваетъ свое значеніе, уступая мѣсто другимъ обстоятельствамъ, вліяющимъ на исходъ переселеній». Во всякомъ случаѣ, однако, вполнѣ характерными для того благосостоянія, котораго могли достигать новоселы въ Енисей-

ской губерніи, являются только цифры, относящіяся къ *причисленнымъ* переселенцамъ, поставленнымъ въ опредѣленныя условія землепользованія и освобожденнымъ отъ гнета той неустойчивости, которую влечетъ за собою фактъ отсутствія причисленія. Главнѣйшія среднія и процентныя величины для причисленныхъ новоселовъ Енисейской губерніи изобразятся въ слѣдующей табличкѣ:

Продолжительность проживанія:		Въ средн. на хозяйство.			% хозяйствъ.				
		Рабоч. лошад.	Крупн. рогат.	Десят. посѣва.	Бездомовыхъ.	Безлошадн.	Безкоровн.	Безпосѣвн.	Работ. по найму.
Въ старыхъ селеніяхъ	свыше 15 лѣтъ . .	4,2	4,7	7,4	5,6	5,3	9,0	11,5	6,2
	5 — 15 „ . .	4,1	4,0	7,2	5,2	3,6	9,0	7,2	8,2
	менѣе 5 „ . .	3,4	2,6	5,3	6,7	2,2	16,1	6,0	15,2
Въ новыхъ поселкахъ	свыше 15 лѣтъ . .	4,1	4,7	8,0	1,3	—	7,7	2,6	6,0
	5 — 15 „ . .	4,4	4,4	7,1	5,4	4,1	5,4	6,8	8,1
	менѣе 5 „ . .	3,8	1,8	4,0	9,1	1,8	18,2	—	32,6
У старожилаго населенія		4,9	4,9	7,6	—	7,2	11,6	10,4	—

Такимъ образомъ енисейскіе новоселы—если сначала остановиться на однихъ только тѣхъ, которые прожили на «новомъ мѣстѣ» не менѣе 5 лѣтъ, по размѣрамъ благосостоянія нисколько не уступаютъ мѣстному старожилому населенію: средніе размѣры скотоводства немногимъ ниже, размѣры посѣвной площади—въ общемъ такіе же, какъ у старожиловъ; процентъ безхозяйныхъ дворовъ у новоселовъ даже меньше, чѣмъ у старожиловъ, и что̀ особенно характерно, это крайне низкій процентъ домохозяйствъ, такъ или иначе продающихъ рабочую силу,—всего отъ 6 до 8,2%. И общій выводъ изъ сказаннаго—что при приблизительно тождественныхъ среднихъ размѣрахъ благосостоянія, распредѣленіе послѣдняго у енисейскихъ новоселовъ даже благопріятнѣе, нежели у старожиловъ; водворяясь, главнымъ образомъ, въ старожильскихъ селеніяхъ, т. е. въ тождественныхъ условіяхъ со старожилами, причисленные новоселы безъ затрудненій достигали равной съ ними степени благосостоянія; а большая равномѣрность распредѣленія благосостоянія у новоселовъ можетъ быть объяснена слабымъ развитіемъ такихъ промысловъ, какъ извозъ и разные подспорные къ нему заработки, которые способствовали сильной дифференціаціи старожильскаго населенія.

Очень благопріятными оказываются также и данныя о положеніи переселенцевъ, проживншихъ «на новомъ мѣстѣ» менѣе пяти лѣтъ. Средніе размѣры запашекъ, среднее число лошадей и коровъ у этихъ только еще устраивавшихся новоселовъ не ниже, нежели у проживншихъ болѣе четырехъ лѣтъ, слѣдовательно—болѣе или менѣе устроившихся новоселовъ Томской, не говоря уже о Тобольской губерніи, а процентъ бездомовыхъ и безлошадныхъ дворовъ значительно меньше. Слѣдовательно, и условія первоначальнаго обзаведенія въ Енисейской губерніи были значительно легче и благопріятнѣе, нежели въ обѣихъ губерніяхъ западной Сибири.

Ниже намъ придется говорить о томъ, что всѣ вообще использо-

*

ванныя нами до сихъ поръ данныя едва ли соотвѣтствуютъ *современнымъ* условіямъ устройства переселенцевъ въ Сибири. По особенно это вѣрно именно по отношенію къ Енисейской губерніи. Здѣсь, какъ мы уже упоминали, главная масса описанныхъ въ 1890—1892 гг. новоселовъ проживала въ старожильскихъ селеніяхъ, да и подъ отдѣльные заселки въ то время поступали лучшіе клочки свободныхъ земель, въ видѣ правила—по выбору самихъ переселенцевъ. Условія водворенія и устройства всѣхъ вообще переселенцевъ, къ которымъ относятся разобранныя нами статистическія данныя, имѣютъ такимъ образомъ очень мало общаго съ условіями современнаго, массового водворенія переселенцевъ на массами заготовляемыхъ переселенческихъ участкахъ.

Переходимъ теперь къ Алтайскому округу. Подворное изслѣдованіе переселенческихъ поселковъ было произведено здѣсь въ 1894 году, по инициативѣ общества любителей изслѣдованія Алтая, охвативъ всего 18.521, въ томъ числѣ 10.633 причисленныхъ и 6,233 непричисленныхъ, домохозяйствъ. И въ Алтайскомъ округѣ вопросъ о причисленіи, играетъ такую же точно роль, какъ и въ Енисейской губерніи,—и рѣзкая разница въ благосостояніи между причисленными и непричисленными новоселами находитъ себѣ ясное выраженіе въ слѣдующихъ цифрахъ:

	% семей безъ жилищъ.	Въ средн. на дворъ. Рабоч. лошад.	Дойныхъ коровъ.	Десят. посѣва.	% дворовъ. Безъ посѣва.	Безъ рабоч. скота.	Безъ коровъ.	Отпускающихъ батраковъ.
Причисленные	2,3	4,2	2,8	9,5	3,2	5,1	6,0	10,4
Непричислен..	15,0	1,7	1,1	3,5	16,0	19,1	30,3	22,3

Цифры эти, очевидно, не требуютъ комментаріевъ, и въ дальнѣйшемъ мы можемъ совершенно не касаться непричисленныхъ, а говоритъ объ однихъ только причисленныхъ новоселахъ. Главнѣйшія относительныя и процентныя цифры, характеризующія ихъ хозяйственное положеніе, изображены въ нижеслѣдующей табличкѣ:

Проживаіе:	Въ средн. на дворъ. рабочихъ лош.	дойн. коровъ.	мелк. скота	дес. посѣва.	Процентъ дворовъ. без посѣва и съ посѣвомъ менѣе 1 дес.	засѣвающихъ 1-5 десятинъ	5-10 десятинъ	более 10 десятинъ	безлош. и съ 1 лош.	съ 5 и более лошадьми.	обрабатывающ. зем. наймомъ	супрягой.	нанимающ. батраковъ	отпускающ. батраковъ
до 1 года .	2,0	1,1	2,1	4,4	6,9	43,5	29,2	20,4	39,7	10,8	28,3	35,0	5,7	23,1
1—3 „	2,3	1,4	3,7	5,7										
3—5 лѣтъ .	3,1	1,9	8,2	8,0	3,3	27,7	31,1	37,9	24,8	23,0	20,0	36,0	7,7	14,3
5—10 „	4,2	2,8	14,9	10,0	3,8	17,9	25,7	52,6	11,5	44,0	12,7	17,9	20,5	6,6
болѣе 10 л.	5,7	3,6	18,8	11,1										
Итого. .	4,2	2,8	13,7	9,5	4,2	23,7	26,0	46,1	17,8	36,0	16,1	22,8	16,9	10,4

Прежде всего, и здѣсь бросается въ глаза легкость первоначальнаго обзаведенія новоселовъ: проживъ въ округѣ менѣе года, они имѣютъ уже въ среднемъ по парѣ лошадей и засѣваютъ по четыре съ лишнимъ десятины, а прожившіе отъ одного до трехъ лѣтъ, слѣдовательно тоже далеко еще не вышедшіе изъ фазиса первоначальнаго обзаведенія, имѣютъ въ среднемъ уже почти столько же рабочаго скота и значительно большую запашку, нежели въ районѣ казенныхъ земель Томской губерніи переселенцы, уже успѣвшіе на мѣстный масштабъ, укрѣпить свое хозяйство.

Не менѣе характерны и цифры, относящіяся къ новоселамъ, прожившимъ болѣе трехъ лѣтъ и, слѣдовательно, вышедшимъ изъ періода первоначальнаго устройства своего хозяйства. Къ сожалѣнію, статистическій сборникъ Алтайскаго общества не даетъ свѣдѣній о хозяйственномъ положеніи новоселовъ на родинѣ; равнымъ образомъ, мы не имѣемъ, для сравненія, сплошныхъ данныхъ о размѣрахъ благосостоянія алтайскихъ старожиловъ. Но это собственно и не важно: естественныя условія Алтая не менѣе, а гораздо болѣе благопріятны, нежели условія района казенныхъ земель Томской губерніи; если поэтому, какъ видно изъ приведенной таблички, скотоводство алтайскихъ новоселовъ выражается въ приблизительно такихъ же, запашка — въ гораздо болѣе высокихъ цифрахъ, чѣмъ у старожиловъ района казенныхъ земель, то изъ этого неизбѣжно вытекаетъ заключеніе, что новоселы на Алтаѣ достигаютъ болѣе нежели достаточной степени благосостоянія; при этомъ процентъ безпосѣвныхъ дворовъ для новоселовъ, проживщихъ въ краѣ болѣе 5 лѣтъ, падаетъ ниже 4%, дворы же съ посѣвною площадью выше 5 десятинъ составляютъ уже у проживщихъ отъ 5 до 10 лѣтъ болѣе двухъ третей, у проживщихъ больше десяти лѣтъ—почти четыре пятыхъ общаго числа дворовъ, почти половина новоселовъ этой послѣдней категоріи имѣетъ по пяти и болѣе лошадей. Однако, дифференціація вверхъ сопровождается и дифференціацією внизъ, и въ группѣ новоселовъ, проживщихъ на новомъ мѣстѣ отъ 5 до 10 лѣтъ, безлошадные дворы вмѣстѣ съ однолошадными, т. е. тоже не способными, по мѣстнымъ условіямъ, вести самостоятельное хозяйство, составляютъ 24,8%, т. е. даже большій процентъ, нежели въ соотвѣтствующихъ погодныхъ группахъ новоселовъ района казенныхъ земель. Очень великъ и процентъ домохозяйствъ, отпускающихъ срочныхъ работниковъ: у средней по продолжительности проживанія группы такіе дворы оставляютъ около одной седьмой, 14,3%,—немногимъ меньше, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ погодныхъ группахъ въ районѣ казенныхъ земель. Сборникъ Алтайскаго общества даетъ затѣмъ еще крайне любопытныя данныя, упущенныя изъ виду при статистическомъ изслѣдованіи новоселовъ другихъ, ранѣе разсмотрѣнныхъ районовъ,—именно данныя о числѣ дворовъ, обрабатывающихъ землю наймомъ или супрягой. И дворы этихъ категорій, иначе сказать имѣющіе неполный инвентарь даже среди проживщихъ болѣе десяти лѣтъ, составляютъ 30,6% или почти треть, въ группѣ проживщихъ на «новомъ мѣстѣ» отъ 3 до 5 лѣтъ—56%. Ясно, что разслоеніе новоселовъ на Алтаѣ идетъ

весьма энергично, и что Алтай, привлекая переселенцевъ большими шансами на недостижимое въ другихъ частяхъ Сибири хозяйственное процвѣтаніе, въ то же время грозитъ имъ и большимъ рискомъ болѣе или менѣе полной хозяйственной неудачи.

Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ, объясненнымъ въ предисловіи, я и здѣсь лишенъ возможности воспользоваться уже отпечатаннымъ цифровымъ матеріаломъ экспедиціи по изслѣдованію Степныхъ областей, касающимся переселенческихъ поселковъ киргизскаго края,—матеріаломъ, въ высшей степени интереснымъ какъ въ виду популярности, среди переселяющихся, киргизскаго колонизаціоннаго района и своеобразныхъ условій, которыя встрѣчаютъ здѣсь переселенцы, такъ по своей сравнительной свѣжести и новизнѣ (подворная перепись поселковъ произведена, по большей части, въ 1900 году). Я не рѣшаюсь пользоваться для характеристики хозяйственнаго положенія переселенцевъ степного края ни данными г. Фролова-Багрѣева по переселенческимъ поселкамъ Акмолинской области, ни данными объ арендаторскихъ поселкахъ и хуторахъ Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ, приведенными въ моей работѣ «Переселенцы-арендаторы Тургайской области»: первыми—потому что они слишкомъ устарѣли и по методу собиранія данныхъ не могутъ идти въ сравненіе съ данными экспедиціонныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, вторыми—въ виду ихъ выборочнаго характера и нетипичности относящихся къ арендаторскимъ поселкамъ данныхъ для хозяйственнаго положенія, вообще, водворившихся въ Степномъ краѣ переселенцевъ; тѣми и другими—потому, что ихъ приходится признать, въ значительной мѣрѣ, утратившими свое значеніе при наличности матеріала экспедиціи г. Щербины.

Послѣдній колонизаціонный районъ для котораго мы располагаемъ массовыми и притомъ, повидимому, достаточно достовѣрными, хотя для настоящаго времени тоже устарѣлыми данными,—это Южно-Уссурійскій край, колонизаціи котораго посвящена появившаяся въ 1896 году классическая работа покойнаго Ѳ. Ѳ. Буссе, въ теченіе ряда лѣтъ завѣдывавшаго здѣсь переселенческимъ дѣломъ. Ростъ благосостоянія уссурійскихъ новоселовъ характеризуется слѣдующими цифрами.

Продолжительность пребыванія новоселовъ на новомъ мѣстѣ:	Въ среднемъ на душу обоего пола: Засѣянныхъ десятинъ.	Избытокъ(+) или недостатокъ(−)хлѣба пудовъ.	Въ среднемъ на дворъ головъ рабочаго скота.
Годъ	0,20	−11,8	2,3
2 года	0,7	+8,7	3,0
3 „	0,9	+15,7	3,0
4 „	1,0	+19,4	3,1
5 „	1,0	+21,4	3,4
6 „	1,0	+21,8	3,6
7 „	1,1	+25,5	3,5
8 „	0,8	+14,8	3,6
9 „	1,2	+30	3,8

«Хлѣбопашество — заключалъ Ѳ. Ѳ. Буссе изъ приведенныхъ цифръ,—вполнѣ обезпечиваетъ продовольствіе и достаточный доходъ если же принять въ соображеніе продажу излишняго приплода скота зимній извозъ и мелкія поступленія отъ сбыта сельскихъ произве деній, то легко убѣдиться, какъ быстро переселенецъ можетъ достигнуть обезпеченности и довольствія».

Таковъ тотъ положительный, массовый матеріалъ, на основаніи котораго только и возможно строить сколько нибудь твердыя заключенія относительно благосостоянія достигаемаго переселенцами на «новыхъ мѣстахъ». Но матеріалъ этотъ изображаетъ *не настоящее* и тѣмъ болѣе—*не будущее*, а *прошлое* нашего переселенія и нашей колонизаціи. Использованныя нами данныя по большинству колонизаціонныхъ районовъ собраны 10—15 лѣтъ тому назадъ; а 10 или 15 лѣтъ—огромный промежутокъ времени при быстро измѣняющихся, притомъ измѣняющихся къ худшему, условіяхъ нашей колонизаціи. И не надо забывать, что важенъ не столько моментъ изслѣдованія, сколько моментъ *водворенія* изслѣдованныхъ переселенцевъ, такъ какъ вѣдь этимъ собственно моментомъ опредѣляются и выборъ земель подъ заселеніе, и условія первоначальнаго обзаведенія. А разъ это такъ, то даже сравнительно свѣжія данныя экспедиціи Ф. А. Щербины знакомятъ насъ съ результатами нестолько современной намъ колонизаціи Степного края, сколько съ результатами колонизаціи, происходившей десять или болѣе лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ условія колонизаціи еще въ недавнемъ прошломъ и колонизаціи въ настоящемъ, а тѣмъ болѣе—въ будущемъ, имѣютъ между собой немного общаго.

Какихъ нибудь 10, 12, 15 лѣтъ тому назадъ, условія колонизаціи Сибири были, дѣйствительно, крайне благопріятны. Переселенцы селились либо въ старожильскихъ селеніяхъ, либо въ «междуграпкахъ», внутри или по окраинамъ уже давно колонизованныхъ районовъ; даже въ Акмолинской области переселенцы селились главнымъ образомъ въ такихъ районахъ, въ которыхъ уже существовали сравнительно старыя, болѣе или менѣе окрѣпшія, крестьянскія и казачьи поселенія. Переселенцы садились при этомъ на лучшія земли, притомъ непосредственно-пригодныя для культуры и не требовавшія какихъ либо предварительныхъ затратъ труда на раскорчевку и т. п. И что особенно важно—водвореніе новоселовъ въ старожильскихъ селеніяхъ или въ непосредственной близости отъ нихъ создавало для нихъ чрезвычайно благопріятную экономическую обстановку. «Благодаря обилію свободной, чрезвычайно плодородной земли—говоритъ И. А. Гурвичъ, и недостатку рукъ для ея обработки, спросъ на послѣднія далеко превышаетъ предложеніе: вслѣдствіе этого уровень вознагражденія за трудъ несравненно выше, чѣмъ въ Европейской Россіи, такъ что за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, работнику остается излишекъ, употребляемый на возстановленіе ликвидированнаго на родинѣ хозяйства. Мало по малу, при помощи упорнаго труда и строгой воздержности, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переселенцу удается снова сдѣлаться вполнѣ само-

стоятельнымъ хозяиномъ,—при средствахъ же конечно можно совершенно устроиться и въ продолженіе одного года». Еще рельефнѣе и конкретнѣе изображалъ эти условія г. Качоровскій: получивъ сразу землю, переселенецъ «уже въ первый годъ по прибытіи, кромѣ батраческаго заработка, имѣетъ замѣтный доходъ какъ хозяинъ—отъ сдачи въ аренду части своего надѣла и отъ сѣнокошенія на немъ; кромѣ того, здѣсь практикуется постоянная форма вознагражденія за трудъ посѣвомъ: переселенецъ получаетъ за трудъ не деньги, а напримѣръ засѣянное поле, которое затѣмъ самъ убираетъ, или, вспахавъ старожилу (еще чаще киргизу. А. К.), инвентаремъ послѣдняго, участокъ, онъ за это получаетъ право тѣмъ же инвентаремъ и себѣ вспахать $^1/_2$—1 десятины, и т. д.; поэтому—замѣчаетъ почтенный авторъ, въ Азіатской Россіи существуетъ фактъ, почти немыслимый въ Европейской Россіи и особенно поражающій наблюдателя: здѣсь въ большинствѣ случаевъ среди переселенцевъ больше семей безъ домовъ, чѣмъ безъ посѣва, — еще не имѣя жилища, переселенецъ уже имѣетъ собственную жатву»,—и къ этому добавимъ еще другой, не менѣе характерный, уже отмѣченный нами выше фактъ, что количество безпосѣвныхъ дворовъ среди новоселовъ, особенно на Алтаѣ и въ киргизской степи, несравненно меньше, нежели число дворовъ безъ собственнаго земледѣльческаго инвентаря. «За жнитво десятины—писалъ покойный В. А. Остафьевъ, переселенцы берутъ въ урожайные годы не менѣе 8—10 рублей (или натурою—по моимъ личнымъ наблюденіямъ—до 25 пудовъ хлѣба. А. К.); поденно баба идетъ за 40—60 коп. на хозяйскихъ харчахъ, мужикъ—отъ 75 к. до 1 р. 20 к. Такъ что иногда за время страды каждый хорошій рабочій въ $2^1/_2$—3 мѣсяца можетъ смѣло заработать одинъ отъ 80 до 100 рублей, вдвоемъ же съ бабой 150 рублей, т. е. сразу почти всю ту сумму, которая необходима для перваго обзаведенія»... При такихъ условіяхъ съ значительнымъ правомъ можно было сказать, что «въ Сибири, несмотря на первоначальныя лишенія, въ концѣ концовъ благополучно устраиваются всѣ тѣ, кто умѣетъ трудиться и кого не покидаетъ энергія за первые тяжелые годы» [1]). Мнѣ припоминается одна семья чувашъ въ поселкѣ Симбирскомъ, Маріинскаго уѣзда: семья эта вышла изъ дому чуть не съ пятью копѣйками въ карманѣ, всю дорогу существовала подаяніемъ, гдѣ то останавливалась на заработки,—а черезъ четыре года послѣ водворенія засѣвала, помнится, что то въ родѣ сорока десятинъ... Факты подобнаго рода въ изобиліи разбросаны въ описаніяхъ переселенческихъ поселковъ, составленныхъ въ то время г. Станкевичемъ по Тобольской губерніи, мною по Томской,—и ниже мнѣ придется на точныхъ цифрахъ показать, что недостатокъ средствъ, въ то время, всецѣло возмѣщался энергіею и трудомъ.

Остановимся еще нѣсколько подробнѣе—съ рискомъ отступить отъ нити нашего изложенія, на вопросѣ объ отношеніяхъ между но-

---

[1]) Отч. ст. секрет. Куломзина, стр. 12 — 13; Исаевъ, Переселенія, стр. 107.

восслами и старожилымъ населеніемъ. Съ легкой руки проф. А. А. Исаева, новоселовъ и старожиловъ многіе представляли себѣ въ видѣ двухъ враждебныхъ лагерей, причемъ переселенецъ признавался, разъ на всегда, правымъ и страдающимъ, старожилъ—угнетателемъ эксплоататоромъ и притѣснителемъ. «Коренной сибирякъ, говоритъ г. Исаевъ, видитъ въ каждомъ переселенцѣ представителя новаго міра и отражаетъ его нападенія до послѣдней возможности. Въ нашей печати—продолжаетъ г. Исаевъ [1]), накопилось уже много фактовъ, свидѣтельствующихъ о борьбѣ, которую старожилы ведутъ съ новоселами. Есть двѣ главныя формы такой борьбы—1) высокая плата, которую старожилы взимаютъ за пріемный приговоръ, и 2) предоставленіе переселенцамъ жить въ теченіе многихъ лѣтъ арендаторами безъ выдачи имъ пріемныхъ приговоровъ»; но наряду съ такими способами легальной эксплоатаціи старожилы не брезгаютъ и гораздо болѣе грубыми пріемами борьбы: «съ наступленіемъ лѣта они выкашивали траву на самыхъ лучшихъ сѣнокосныхъ мѣстахъ» и даже «подсылали къ избамъ переселенцевъ тѣхъ изъ своихъ молодцовъ (sic), которые крали лошадей, а подчасъ готовы были даже убить...» Журналы передового направленія скорбѣли о «черезчуръ формальномъ отношеніи къ разбору жалобъ переселенцевъ со стороны большинства лицъ, вѣдающихъ дѣло на мѣстѣ» [2]), т. е. соглашались допустить въ разрѣшеніи недоразумѣній между переселенцами и старожилами административное усмотрѣніе и произволъ, чтобы только оградить первыхъ отъ притѣсненій вторыхъ.

Мы не будемъ останавливаться на такихъ совершенно недопустимыхъ, въ столь обобщенной формѣ, обвиненіяхъ, какъ «подсыланіе своихъ молодцовъ» для конокрадства и убійства. Но не можемъ не отмѣтить прежде всего, что прискорбныя проявленія эксплоатаціи, притѣсненій, даже прямого насилія отнюдь не есть нѣчто специфически присущее борьбѣ между *переселенцами* и *старожилами*. Такая же борьба, въ такихъ же формахъ, происходитъ и тамъ, гдѣ слабые и сильные, полноправные и безправные элементы имѣются въ средѣ самихъ переселенцевъ. Какъ и всякому, имѣвшему непосредственное дѣло съ переселенцами, мнѣ приходилось и въ лѣсахъ Башкиріи, и въ киргизской степи, и въ туркестанскихъ предгоріяхъ, и въ уссурійской тайгѣ встрѣчаться съ такими случаями притѣсненій и эксплоатаціи,—и тотъ самый журналъ [3]), который скорбѣлъ о «формальномъ отношеніи» администраціи къ конфликтамъ между старожилами и переселенцами, немного времени спустя констатировалъ, что «приписные переселенцы относятся часто крайне недружелюбно къ непричисленнымъ»; если непричисленный не можетъ платить обществу, «ему мѣшаютъ вести хозяйство и стараются сдѣлать ему жизнь по возможности тяжелой, чтобы принудить его уйти или платить». Но иногда притѣсняютъ и платящихъ, «и если преслѣдованіе не-

---

[1]) l. c., стр. 100—103.
[2]) Русск. Мысль 1905, авг., стр. 94, статья А. А. Ч.
[3]) Русск. Мысль 1897, мартъ, стр. 27, статья Н. Х.

платящихъ находитъ себѣ объясненіе въ желаніи приписныхъ освободиться отъ элемента, который, не неся никакихъ тягостей, стѣсняетъ свободный выборъ земель для запашки приписныхъ», то преслѣдованіе платящихъ—уже просто результатъ ихъ безправнаго положенія. Далѣе: даже и въ борьбѣ старожиловъ съ новоселами послѣдніе отнюдь не всегда и не вездѣ играютъ роль пассивнаго, страдающаго и притѣсняемаго элемента. Общеизвѣстный фактъ, что переселенцы, водворяясь на только что образованномъ переселенческомъ участкѣ, не стѣсняются засѣвать распаханные старожилами пары, а сплошь и рядомъ и забрать посѣянный хлѣбъ или накошенное старожилами сѣно [1]). Когда старожилы-заимщики попадаютъ въ границы переселенческихъ участковъ, переселенцы подвергаютъ ихъ разнообразнымъ притѣсненіямъ, въ результатѣ которыхъ заимщики, большею частью, уходятъ съ насиженныхъ мѣстъ. Самъ проф. Исаевъ констатировалъ тотъ фактъ, что старожилъ, «побѣжденный, уходитъ дальше въ тайгу съ надеждой, что переселенецъ хотя тамъ не найдетъ его». Г. Исаевъ видитъ въ этомъ побѣду высшей культуры надъ низшею. Но гораздо проще видѣть и здѣсь побѣду, просто, *грубой силы*, гдѣ она перешла на сторону переселенцевъ: «возросши въ числѣ,—говоритъ г. Исаевъ [2]),—переселенцы дѣйствуютъ, какъ одинъ человѣкъ: выбираютъ изъ своей среды сельскаго старосту и другихъ должностныхъ лицъ и заводятъ порядки великорусской деревни», и «въ результатѣ старожилы начинаютъ себя чувствовать стѣсненными и понемногу выселяются». Мы не будемъ уже говорить объ отношеніяхъ новоселовъ къ коренному населенію инородческихъ районовъ, напримѣръ, къ киргизамъ: это для нихъ—«орда», нехристи, и новоселъ не допускаетъ мысли, чтобы интересы *его*, крестьянина, отбывающаго воинскую повинность, могли быть принесены въ жертву хотя бы законнѣйшимъ правамъ киргиза; а, получивъ надѣлъ, онъ не стѣсняется подвергать киргизъ самой беззастѣнчивой эксплоатаціи на почвѣ потравъ или кулаческаго кредита.

Говоря все это, я отнюдь не хочу сказать, что такія грустныя

---

[1]) „Если гдѣ и существуютъ—говоритъ А. Н. Куломзинъ, многократно цитированный „Отчетъ“ котораго составленъ, въ общемъ, въ самомъ благожелательномъ по отношенію къ переселенцамъ тонѣ, непріязненныя отношенія между старожилами и новоселами, то главная вина всегда лежитъ на переселенцахъ. Они весьма придирчивы въ отношеніи своихъ правъ на землю и ея неприкосновенности. Зашла ли скотина въ ихъ участокъ, срубилъ ли кто колъ или метелку въ ихъ лѣсу, они сейчасъ же поднимаютъ шумъ, загоняютъ скотину, идутъ съ жалобами... Чаще всего, конечно, столкновенія происходятъ при самомъ водвореніи переселенцевъ, но и здѣсь—по винѣ послѣднихъ и обыкновенно въ случаяхъ совмѣстнаго поселенія значительнаго числа выходцевъ изъ одной и той же мѣстности, т. е. когда новоселы считаютъ себя болѣе сильными...“ (стр. 101—102). И наоборотъ—представляющее собою общее правило „миролюбивое отношеніе старожиловъ къ переселенцамъ объясняется въ извѣстной степени привычкою сибиряковъ видѣть въ своей средѣ лицъ, постороннихъ къ обществу, т. е. ни къ нему, ни къ волости не приписанныхъ“ (106).

[2]) l. c., стр. 100, 104.

явленія происходятъ *всегда* и *вездѣ*,—сплошь и рядомъ между старожилами и переселенцами, между русскими и инородцами устанавливаются даже дружественныя отношенія. Я тѣмъ болѣе не имѣю въ виду набрасывать какую нибудь особенную тѣнь, именно, на новоселовъ,—я хотѣлъ бы только снять ту тѣнь, которая была наброшена ихъ не въ мѣру горячими заступниками и защитниками на старожилое населеніе Сибири. Я считаю безполезнымъ останавливаться на извѣстныхъ каждому мѣстному дѣятелю и изслѣдователю случаяхъ самаго горячаго альтруизма, проявляемаго отдѣльными личностями и изъ старожиловъ, и изъ болѣе раннихъ переселенцевъ,—бываетъ, что зажиточный заимщикъ надѣляетъ скотомъ, деньгами и хлѣбомъ десятки и сотни новоселовъ [1]). *Такого* рода случаи, конечно, являются исключеніями,—и, напротивъ, гоббзовское изреченіе homo homini lupus, или, что̀ то же самое—«своя рубашка ближе къ тѣлу», имѣетъ несравненно болѣе широкое примѣненіе, нежели этого хотѣли бы доброжелательные оптимисты...

Однако, при извѣстной совокупности условій добрыя отношенія между старожилами и новоселами являются даже общимъ правиломъ,—и это потому, что совмѣстное поселеніе переселенцевъ со старожилами, до извѣстнаго предѣла, соотвѣтствуетъ интересамъ *обѣихъ* сторонъ: пока царитъ, практически, неограниченный просторъ, старожилы не чувствуютъ неудобствъ отъ приселенія переселенцевъ—земли такъ много, что ея нечего жалѣть. Переселенцы для нихъ—это дешевыя рабочія руки, въ которыхъ такъ нуждаются зажиточные старожилы; пріемъ переселенцевъ для старожиловъ очень рѣдко населенныхъ мѣстностей—способъ облегчить себѣ бремя натуральныхъ повинностей. Такъ или иначе — но несомнѣнно, что старожилы въ такихъ мѣстностяхъ чрезвычайно охотно принимали новоселовъ, за самую ничтожную денежную плату или даже за умѣренное «угощенье». А при *такомъ* положеніи дѣла «встрѣча въ Сибири новоселовъ съ старожилами съ экономической точки зрѣнія даетъ первымъ значительныя выгоды; нѣтъ никакого сомнѣнія—замѣчаетъ А. Н. Куломзинъ [2]), что колонизація края не могла бы идти такъ успѣшно, какъ она идетъ теперь, если бы переселенцы находили въ Сибири одни пустующія пространства». И выгоды эти особенно значительны, разъ новоселъ поселяется и получаетъ приговоръ въ старожильскомъ селеніи. «Большинство переселенцевъ,—говоритъ анонимный авторъ прекрасной монографіи, помѣщенной въ I-мъ томѣ «Алтайскаго сборника» [3]), является на Алтай или безъ всякихъ средствъ, или съ самыми ни-

---

[1]) „Нѣкоторые поселенцы—говоритъ А. А. Станкевичъ въ одной своей оставшейся мнѣ неизвѣстною работѣ, которую я цитирую по книгѣ г. Тернера (стр. 215),—отзываются о сибирякахъ, какъ о самыхъ великодушныхъ и заботливыхъ сосѣдяхъ. Когда новоселовъ поражаетъ какое либо бѣдствіе, неурожай или пожаръ, что̀ случается довольно часто, то иногда цѣлыя села въ теченіе всей зимы кормятся Христа-ради у сосѣднихъ сибиряковъ“. См. также мою книжку „По новымъ мѣстамъ“, стр. 58—61.

[2]) l. c., стр. 109.

[3]) Стр. 251.

чтожными средствами; поэтому большинство не можетъ сразу обзавестись не только прочнымъ, но даже и какимъ нибудь хозяйствомъ и вынуждено извѣстный періодъ времени существовать какими нибудь сторонними заработками, лишь постепенно заводя свое собственное хозяйство. Уже поэтому поселеніе въ деревнѣ старожиловъ, гдѣ есть возможность чужимъ инвентаремъ воздѣлать пашню, расплатившись за это личнымъ трудомъ, и гдѣ существуетъ спросъ на трудъ, представляетъ громадныя преимущества передъ поселеніемъ на свободныхъ участкахъ, гдѣ нельзя найти ни заработка, ни достаточнаго количества рабочаго скота и свободныхъ земледѣльческихъ орудій, гдѣ всѣ одинаково бѣдняки, равно нуждающіеся въ заработкѣ и въ средствахъ къ существованію, гдѣ каждому приходится все необходимое заводить самому и притомъ все сразу».

Вотъ почему переселенцы такъ стремятся или точнѣе—стремились въ старожильскія селенія; вотъ почему многіе изъ нихъ предпочитали идти въ старожильское селеніе и нести извѣстные расходы по пріемкѣ и причисленію даже тогда, когда имѣли полную возможность водвориться на еще пустомъ или даже начавшемъ заселяться переселенческомъ участкѣ и такимъ образомъ, безъ всякихъ расходовъ, пріобрѣсти самостоятельное право на земельный надѣлъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ прежній необъятный просторъ отходитъ въ область преданій, вступленіе въ старожильскія общества становится труднѣе. «Чѣмъ сильнѣе притокъ переселенцевъ,—писалъ еще въ 1889 году г. Гурвичъ, чѣмъ ощутительнѣе становится, благодаря этому, сокращеніе земельныхъ угодій, тѣмъ выше взимаемая обществами плата. На дороговизну послѣдней—уже въ то время!—единогласно жалуются всѣ переселенцы: еще недавно за приписку брали по 14 рублей съ ревизской души, нынѣ же требуютъ 40—50 и даже 70 рублей [1]). По мѣрѣ дальнѣйшаго заселенія—предсказывалъ, и совершенно вѣрно, г. Гурвичъ,—плата эта будетъ возрастать все болѣе и болѣе, и тѣмъ затруднительнѣе станетъ переселенцу вступленіе въ новое общество. Наконецъ уже и теперь и на Алтаѣ встрѣчаются такія общества, которыя безусловно отказываются принять въ свою среду переселенцевъ за какую бы то ни было плату; съ дальнѣйшимъ теченіемъ колонизаціи число такихъ обществъ будетъ все увеличиваться,—само собою разумѣется, что это поведетъ къ еще большему возвышенію цѣнъ на пріемные приговоры». И это—съ одной стороны потому, что «селенія, отличающіяся особеннымъ удобствомъ расположенія относительно рынковъ и путей сообщенія или славящіяся плодородіемъ

---

[1]) Цифры эти относятся, очевидно, только къ Алтайскому округу; въ другихъ мѣстностяхъ, въ меньшей степени привлекавшихъ переселенцевъ, цѣны пріемныхъ приговоровъ еще значительно позднѣе, чѣмъ когда писалъ г. Гурвичъ, держалось гораздо болѣе низкія; укажу, напримѣръ, на районъ казенныхъ земель Томской губерніи, гдѣ еще въ 1894 году, во время моего изслѣдованія, очень обычнымъ оставался пріемъ за „угощеніе“, денежная же плата рѣдко подпималась выше 5—10 рублей съ семьи.

почвы, обиліемъ лѣсовъ, рыбной ловли и другихъ угодій, привлекаютъ къ себѣ множество новыхъ поселенцевъ, готовыхъ даже заплатить высшую плату за право основать здѣсь свое хозяйство»; а съ другой стороны потому, что «громадный наплывъ переселенцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все увеличивавшійся спросъ на землю постепенно поднимали въ глазахъ старожиловъ цѣнность этой послѣдней, сообразно чему повышалась и плата за пріемные приговоры». И это понятно. «Каждое общество,—говоритъ анонимный авторъ уже цитированной работы о переселеніи на Алтай,—вправѣ дать или не дать свое согласіе на пріемъ новаго члена; это во 1-хъ. Принимая въ свою среду новаго члена, общество должно отказаться отъ части земли, которою хотя въ данную минуту фактически и не пользовалось, тѣмъ не менѣе сохраняло право на пользованіе въ будущемъ, — во вторыхъ; наконецъ. принимая въ свою среду новое лицо, общество обязывается съ нимъ круговою отвѣтственностью по уплатѣ оброка и другихъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей,—въ-третьихъ»; поэтому «совершенно понятно, что, давая пріемный приговоръ, старожилъ стремится извлечь какія нибудь матеріальныя выгоды отъ этого приговора»,—и, конечно, эти выгоды должны быть тѣмъ больше, чѣмъ ощутительнѣе ущербъ, причиняемый обществу вступленіемъ въ его составъ переселенцевъ.

Какъ бы то ни было,—но несомнѣнный фактъ, что вступленіе новоселовъ въ старожильскія общества становится все болѣе труднымъ, а въ концѣ концовъ—и совершенно невозможнымъ. Еще въ 1884 году въ старожильскихъ селеніяхъ водворилось 83,9% всего числа переселенцевъ, прибывшихъ въ Алтайскій округъ; постепенно понижаясь, этотъ процентъ въ 1889 году падаетъ до 43,1, въ 1890 году—до 24,1%. Черезъ нѣкоторое время образованіе переселенческихъ участковъ на Алтаѣ было пріостановлено. Пріемные приговоры старожильскихъ обществъ остались единственнымъ способомъ для переселенцевъ устроиться въ этомъ излюбленномъ краѣ; но зато «дорогіе пріемные приговоры», какъ мы знаемъ, обусловили 43,1% всѣхъ случаевъ безрезультатнаго ходачества,—и къ той же дороговизнѣ пріемныхъ приговоровъ приходится отнести еще и значительную часть тѣхъ 34% случаевъ безрезультатнаго ходачества, которые отнесены регистраціею на счетъ «недостатка средствъ для обзаведенія на мѣстѣ».

Наряду съ этимъ, ухудшаются и общія условія обзаведенія и устройства переселенцевъ на «новыхъ мѣстахъ». Прежде всего рѣзко понижается если не абсолютная пригодность отводимыхъ подъ заселеніе земель, то во всякомъ случаѣ степень соотвѣтствія ихъ потребностямъ и нуждамъ главной массы переселяющихся. Мы уже разбирали этотъ вопросъ въ предыдущей главѣ, теперь только напомнимъ, что въ степяхъ, чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ засушливѣе климатъ, тѣмъ больше отличается почва отъ привычнаго для переселенцевъ чернозема, тѣмъ, въ конечномъ результатѣ, ниже средняя урожайность и тѣмъ чаще болѣе или менѣе полные неурожаи. Въ коренной Сибири говорить о такомъ абсолютномъ пониженіи качества остающихся незанятыми земель пока нѣтъ достаточнаго основанія; но нынѣ поступающія подъ

заселеніе таёжныя земли несравненно труднѣе для разработки, а по условіямъ почвы и климата несравнѣнно менѣе соотвѣтствуютъ или вѣрнѣе—совершенно не соотвѣтствуютъ тому, что желали бы найти выходцы изъ главнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, эмиграціонныхъ районовъ.

Но главное,—рѣзко измѣнились къ худшему экономическія условія нашей колонизаціи. Ухудшеніе это, опять таки, было предсказано еще г. Гурвичемъ въ концѣ 80-хъ годовъ: «скопленіе бездомнаго неимущаго люда, говорилъ г. Гурвичъ [1]), какой представляетъ изъ себя большинство переселенцевъ, поведетъ къ усиленной конкурренціи между послѣдними и, съ тѣмъ вмѣстѣ, понизитъ общій уровень вознагражденія за трудъ, такъ что для превращенія несостоятельнаго переселенца въ настоящаго хозяина потребуется гораздо больше времени и усилій. Съ одной стороны, труднѣе станетъ дѣлать сбереженія изъ своего заработка, съ другой—потребуется больше этихъ сбереженій для пріобрѣтенія осѣдлости въ краѣ. Это неизбѣжно поведетъ къ увеличенію шансовъ неудачнаго переселенія и къ умноженію случаевъ возвращенія переселенцевъ на родину». Къ серединѣ 90-хъ годовъ это становится уже фактомъ, причемъ выясняются и нѣкоторыя такія стороны дѣла, которыя г. Гурвичемъ были оставлены въ тѣни. «Устроиться въ Сибири—говоритъ А. Н. Куломзинъ [2]) въ 1896 году, годъ отъ года становится труднѣе», прежде всего уже потому, что подъ заселеніе предлагаются уже почти исключительно земли, «которыя надо чистить, корчевать и такимъ путемъ разрабатывать подъ пашни, или же хотя и открытыя, но никогда не паханнія цѣлины, для поднятія которыхъ нужны 2—3 хорошихъ лошади, иногда же 5—6 паръ воловъ». Далѣе—«прежніе участки были разбросаны среди старожильскихъ земель, и потому переселенцы всегда находили въ непосредственной близости надежный пріютъ до возможности устройства на новыхъ мѣстахъ. Нынѣшніе участки, въ общемъ, значительно удалены отъ старожильскихъ селеній, а слѣдовательно отъ какихъ-либо заработковъ, а свободныя земли Акмолинской области—тѣ прямо на огромныя разстоянія отстоятъ отъ какого бы то ни было человѣческаго жилья». Наконецъ по мѣрѣ удаленія отъ запада къ востоку хлѣбныя цѣны возрастаютъ, и соотвѣтственно этому повышаются цѣны на лошадей, коровъ и прочіе необходимые предметы крестьянскаго хозяйства».

Въ первой части этой книги [3]) мы привели рядъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ. удостовѣряющихъ прогрессирующее и дальше ухудшеніе экономическихъ условій устройства и обзаведенія переселенцевъ на «новыхъ мѣстахъ». Здѣсь мы позволимъ себѣ привести еще только одну выдержку изъ уже цитированной работы Н. Я. Новомбергскаго [4]), которая еще конкретнѣе освѣтитъ разницу между преж-

[1]) с., стр. 85 и 88; Качоровскій въ Р. Мысли, 1894 г., іюнь, стр. 79.
[2]) Отчетъ, стр. 183—4 105—6.
[3]) Стр. 59—61, 85—88.
[4]) „Матеріалы“, стр. XXIV—X.

ними и современными условіями водворенія переселенцевъ въ Сибири. «Раньше—говоритъ г. Новомбергскій, продукты сельскаго хозяйства были въ нѣсколько разъ дешевле, ихъ было много, а сбытъ ничтожный. Съ проведеніемъ желѣзной дороги цѣны на продукты на мѣстномъ рынкѣ стала возрастать. Рядомъ съ этимъ прежнія натуральныя отношенія между старожиломъ и новоселомъ исчезли: въ настоящее время за работу расплачиваются уже не пудовкой хлѣба, не лошадью, не коровой, а деньгами,—хлѣбомъ расплата производится лишь при заборѣ подъ будущіе отработки и конечно въ невыгодѣ переселенца. Если прежде за двухнедѣльную работу можно было получить сколько хлѣба, сколько необходимо семьѣ для продовольствія въ теченіе мѣсяца и болѣе, то теперь таже работа едва ли обезпечитъ продовольствіемъ такую же семью въ продолженіе недѣли»... А главное—добавимъ отъ себя—при отводѣ подъ заселеніе земель въ глухой тайгѣ или въ степи, удаленной отъ окрѣпшихъ поселеній на сотни верстъ, заработки становятся вовсе невозможными, такъ какъ для этого переселенецъ долженъ былъ бы на продолжительное время совершенно оторваться отъ обзаведенія и устройства своего хозяйства. Но возвращаемъ слово г. Новомбергскому: «болѣе денежный характеръ современной хозяйственной жизни Сибири,—говоритъ онъ, особенно неблагопріятенъ для новосела, который первые годы ничего не продаетъ, а только покупаетъ: потерявъ въ цѣнѣ хлѣба, инвентаря живого и мертваго, потерявъ на заработкахъ, переселенецъ ничего не выигралъ на цѣнѣ другихъ необходимыхъ въ обиходѣ предметовъ: за пудъ соли онъ и теперь платитъ 60—70 к., за фунтъ керосина—7 к., и т. д. Если еще лѣтъ 10 тому назадъ достаточно было 100—150 руб., чтобы обзавестись полнымъ хозяйствомъ, то въ настоящее время нужно имѣть по крайней мѣрѣ 200 руб., потому что теперь корова стоитъ не 5—6 руб., а 18—20 руб., лошади продаются не по 10—15 руб., а по 30—35 руб., за пудъ пшеницы платятъ не 15—18 коп., а 40—45 коп., и такъ во всемъ необходимомъ для самостоятельнаго хозяйства»...

Въ конечномъ результатѣ, въ настоящее время совершенно иначе ставится вопросъ о значеніи для переселенцевъ денежныхъ средствъ, нежели какія нибудь 10—15 лѣтъ тому назадъ. Условія обзаведенія и устройства, существовавшія еще недавно, сводили до минимума значеніе вопроса о средствахъ, приносимыхъ съ собой переселенцами, и, при наличности рабочей силы, трудолюбія и энергіи, позволяли даже круглымъ бѣднякамъ достигнуть достаточнаго, а нерѣдко—и завиднаго благосостоянія. Для одного, правда, территоріально незначительнаго, района, именно для района казенныхъ земель Томской губерніи [1]), мы имѣемъ возможность доказать это на точныхъ цифрахъ. Въ нижеслѣдующей табличкѣ сопоставлены важнѣйшія данныя, характеризующія вліяніе съ одной стороны средствъ, съ другой—трудоспособности семьи.

---

[1]) См. нашу работу „Томскіе переселенцы“ въ „Сборн. Правовѣд. и обществ. знаній“ томъ VII.

У переселенцевъ:	Одторабочіе дворы. Въ средн. на дворъ. Рабоч. лошад.	Дойн. коровъ.	Десят. посѣва.	% безлошадн. и однолошадн.	% продающихъ хлѣбъ.	Дворы съ 3 и болѣе рабочими. Въ средн. на дворъ. Рабоч. лошад.	Дойн. коров.	Десят. посѣва.	% безлошадн. и однолошадн.	% двор., продающ. хлѣбъ.
Пришедшихъ безъ денегъ.	1,3	0,9	1,9	55,7	1,2	3,2	1,7	6,4	12,2	32,0
Принесшихъ до 25 р.	1,6	1,1	2,5	46,0	21,5	3,3	1,9	6,4	3,8	40,0
26—50 „	1,9	1,4	3,2	35,5	30,6	4,3	2,6	9,5	—	66,7
51—100 „	2,2	1,6	4,3	22,3	40,3	4,7	3,2	11,0	—	68,9
101—200 „	2,4	1,9	4,9	24,6	50,0	5,0	3,4	14,3	—	81,3
болѣе 200 „	2,9	1,8	5,2	15,4	60,0	4,9	3,2	13,4	5,6	75,0

Размѣры хозяйства сильныхъ по рабочему составу дворовъ, хотя бы даже и совершенно неимѣвшихъ денегъ для первоначальнаго обзаведенія, оказываются такимъ образомъ даже нѣсколько выше размѣровъ хозяйства дворовъ, пришедшихъ съ значительными денежными средствами, но слабыхъ по своему рабочему составу, причемъ однако въ отношеніи продовольственнаго результата хозяйства первые еще замѣтно отстаютъ отъ вторыхъ. И это понятно: сильные по рабочему составу дворы имѣютъ и значительный потребительный составъ, по сравненію съ которымъ 6,4 дес. ихъ средней посѣвной площади значатъ меньше, нежели 5,2 дес., засѣваемыя высшею по размѣрамъ средствъ группою однорабочихъ, слѣдовательно—вообще малочисленныхъ семей. Но уже въ третьей по порядку группѣ, принесшей отъ 26 до 50 рублей, т. е. сумму, до смѣшного ничтожную по сравненіи съ потребностями многочисленной семьи, и потребительное значеніе земледѣлія выражается болѣе благопріятною цифрою, нежели у высшей группы однорабочихъ.

Мы сможемъ существенно дополнить этотъ выводъ, сопоставивъ въ нижеслѣдующей табличкѣ дворы еще обзаводящіеся съ имѣвшими уже время выйти изъ фазиса первоначальнаго обзаведенія:

Въ среднемъ на дворъ у переселенцевъ:	А. Переселенцы 1880—1889 гг. Однорабочіе. Лошад.	Десят. посѣва.	Многорабочіе. Лошад.	Десят. посѣва.	Б. Переселенцы 1892—1893 гг. Однорабочіе. Лошад.	Десят. посѣва.	Многорабочіе. Лошад.	Десят. посѣва.
пришедшихъ безъ денегъ	1,6	2,9	3,5	7,7	0,8	0,9	1,8	2,2
принесшихъ до 25 р.	1,8	3,0	3,7	7,5	1,0	1,2	2,7	3,5
„ 26—50 „	2,0	3,6	4,0	10,0	1,3	1,6	2,8	5,0
„ 51—100 „	2,4	4,8	5,0	12,4	1,5	2,2	3,7	7,3
„ 101—200 „	2,8	5,8	5,4	13,1	1,6	3,1	3,5	6,8
„ болѣе 200 „	2,6	5,4	5,6	14,9	2,2	3,5	3,7	8,7

Среди недавнихъ переселенцевъ многорабочіе дворы, пришедшіе безъ денегъ, по размѣрамъ хозяйства стоятъ, такимъ образомъ,

значительно ниже высшей по принесеннымъ съ собою деньгамъ группы одноробочихъ. Среди домохозяйствъ, прожившихъ на новомъ мѣстѣ пять или болѣе лѣтъ, даже пришедшія безъ всякихъ средствъ засѣваютъ почти въ полтора раза больше, нежели наиболѣе обезпеченная деньгами группа однорабочихъ. Такимъ образомъ, *деньги имѣютъ преобладающее значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что сокращаютъ продолжительность періода первоначальнаго обзаведенія;* разъ переселенецъ прожилъ болѣе продолжительное время и успѣлъ найти полное приложеніе для своей рабочей силы,—вліяніе этого послѣдняго фактора выступаетъ на первый планъ и перевѣшиваетъ вліяніе размѣра принесенныхъ средствъ.

Для современнаго періода мы не располагаемъ сгруппированными подобнымъ же образомъ цифровыми данными. Если же остаться на почвѣ общихъ соображеній, то нельзя упускать изъ виду, что нѣкоторыя преимущества и теперь остаются за многорабочими дворами—хотя бы уже то, что они могутъ отпустить на заработки, безъ ущерба для хозяйства, часть своихъ рабочихъ силъ. Но денегъ и на обзаведеніе, и на продовольствіе, пока хозяйство станетъ на ноги, требуется несравненно больше; условія для приложенія избыточнаго труда несравненно менѣе благопріятны, и поэтому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что размѣръ принесенныхъ денежныхъ средствъ пріобрѣтаетъ, вмѣсто прежняго второстепеннаго, доминирующее, первостепенно-важное значеніе. И такимъ образомъ теперь приходится либо, вмѣстѣ съ г. Новомбергскимъ [1]), примириться съ тѣмъ, что «на будущее въ Сибири пусть разсчитываютъ только наиболѣе состоятельные»,—либо стать на ту точку зрѣнія, которая такъ распространена въ нашей прогрессивной литературѣ, которая нашла себѣ столькихъ сторонниковъ въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ, а въ самое послѣднее время и въ правительственныхъ сферахъ,—поощрять переселеніе бѣднѣйшихъ элементовъ, но при этомъ во много разъ увеличить размѣры денежной помощи переселенцамъ, либо въ кредитной формѣ, либо даже безвозвратно. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы уже высказывались по этому вопросу. Мы согласились съ г. Пѣшехоновымъ въ томъ, что при широкой помощи на ссудныхъ основаніяхъ «на землю были бы опять возложены непосильныя обязательства», и лежащій на переселенцахъ долгъ либо привелъ бы ихъ къ окончательному разоренію, либо—какъ къ тому на практикѣ идетъ—выродился бы въ безвозвратное пособіе. А противъ безвозвратной денежной помощи мы должны были высказаться въ виду того, что такая помощь неизбѣжно ослабитъ въ переселенцахъ ту энергію и предпріимчивость, которыя являются такимъ первостепенно-важнымъ условіемъ успѣха всякой колонизаціи. На благопріятный результатъ послѣдней, при современныхъ условіяхъ, возможно было бы разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если бы переселялись энергичныя и предпріимчивыя, сильныя по рабочему составу, но въ то же время и состоятельныя семьи. Но можно ли, спрашивается, разсчиты-

1) „По Сибири", стр. 22.

вать на такой составъ переселенцевъ? Несомнѣнно—нѣтъ. Опытъ прежнихъ переселеній уже давно выработалъ въ народѣ афоризмъ, что «бѣдному переселяться не на что, богатому—не для чего»,—и справедливость этого афоризма подтверждается безъ исключенія всѣми наблюдателями и изслѣдователями переселенческаго движенія. «Если принять въ разсчетъ причины—говоритъ проф. Исаевъ [1]),—которыя въ огромномъ большинствѣ случаевъ побуждаютъ выселяться, то окажется, что достаточные крестьяне или совсѣмъ не имѣютъ такихъ побужденій, или имѣютъ ихъ только въ весьма слабой степени»; г. Исаеву приходилось не разъ убѣждаться, что когда семья переселенца имѣетъ довольно большія деньги, рублей 500, даже 300,—она руководствуется неправильными представленіями о Сибири, и это потому, что «богатый мужикъ можетъ гораздо лучше устроиться въ Европейской Россіи». И справедливость этого взгляда можетъ быть опять-таки подтверждена точными цифровыми данными. Въ нижеслѣдующей табличкѣ [2]) сгруппированы относящіяся къ тому же Томскому району данныя, позволяющія судить объ относительной выгодности переселенія для различныхъ по благосостоянію на родинѣ группъ переселенцевъ.

У семей, на родинѣ:	На родинѣ имѣли въ среднемъ:			Въ Сибири имѣютъ въ среднемъ:			Выиграли (+) или проиграли (—) въ средн.:		
	Рабоч. лошад.	Дойн. коровъ.	Десят. посѣва.	Рабоч. лошад.	Дойн. коровъ.	Десят. посѣва.	Рабоч. лошад.	Дойн. коровъ.	Десят. посѣва.
не сѣявшихъ хлѣба . .	0,2	0,3	—	1,7	1,3	2,8	+1,5	+1,0	+2,8
засѣвавшихъ до 1 дес. .	0,6	0,7	0,8	2,0	1,3	2,9	+1,4	+0,6	+2,1
„ 1—3 „ . . .	1,3	1,0	2,3	2,3	1,6	4,4	+1,0	+0,6	+2,1
„ 3—6 „ . . .	2,0	1,6	4,7	2,8	2,0	6,2	+0,8	+0,4	+1,5
„ 6—8 „ . . .	2,8	2,0	7,3	3,4	2,3	7,7	+0,6	+0,3	+0,4
„ болѣе 8 „ . . .	3,6	2,8	11,5	3,7	2,5	8,7	+0,1	—0,3	—2,8

Цифры трехъ послѣднихъ столбцовъ представляютъ прямо-таки поразительную правильность: чѣмъ выше стояла группа переселенцевъ по размѣрамъ хозяйства на родинѣ, тѣмъ меньше, даже въ абсолютныхъ, а тѣмъ болѣе въ относительныхъ цифрахъ, превышеніе размѣровъ хозяйства на новомъ мѣстѣ надъ размѣрами хозяйства на родинѣ, а послѣдняя, высшая группа засѣваетъ даже значительно меньше, нежели засѣвала на родинѣ. Другими словами: переселенцы, говоря вообще, тѣмъ менѣе выигрываютъ отъ переселенія, чѣмъ лучше было ихъ хозяйственное положеніе на родинѣ; для болѣе состоятельныхъ крестьянъ переселеніе, если даже разсматривать однѣ только приведенныя цифры, не входя въ оцѣнку ихъ, такъ сказать, относительнаго вѣса, положительно невыгодно: въ Сибири имъ не удается,

---

[1]) „Переселенія“, стр. 34 и 113.
[2]) Въ нее вошли данныя о переселенцахъ, проживщихъ на новомъ мѣстѣ не менѣе 5 лѣтъ.

въ общемъ выводѣ, довести своей запашки даже и до тѣхъ размѣровъ, какихъ она у нихъ достигала на родинѣ [1]).

Само собою разумѣется, что тотъ жизненный опытъ, который находитъ себѣ выраженіе въ приведенныхъ цифрахъ, мало по малу, черезъ письма ходоковъ и обратныхъ переселенцевъ, проникаетъ въ крестьянскую среду. И подъ вліяніемъ этого жизненнаго опыта среди болѣе состоятельныхъ элементовъ нашего крестьянства—даже если бы условія оставались неизмѣнными—должно было бы все сильнѣе укрѣпляться убѣжденіе въ томъ, что переселяться *для нихъ* нѣтъ разсчета, что переселеніе имѣетъ смыслъ только для того, кому на родинѣ нечего терять. Но вѣдь условія измѣняются, какъ мы видѣли, къ худшему. Они измѣняются къ худшему даже въ Степномъ краѣ, по мѣрѣ образованія худшихъ по качеству и болѣе отдаленныхъ участковъ; въ настоящее время киргизскія степи, правда, продолжаютъ еще привлекать и зажиточные элементы, передъ которыми здѣсь открывается широкій просторъ для крупнаго спекулятивнаго хозяйства и которые не останавливаются передъ рискомъ, въ надеждѣ преодолѣть неблагопріятныя случайности и найти широкое и выгодное приложеніе своему капиталу. Но по мѣрѣ того, какъ хищническое арендаторское хозяйство сниметъ пѣнки съ цѣлинныхъ черноземныхъ степей,—а этотъ процессъ идетъ чрезвычайно быстро, и какъ будетъ развиваться самостоятельное земледѣльческое хозяйство у киргизъ,—степь все болѣе и болѣе будетъ терять свою былую привлекательность для болѣе состоятельныхъ элементовъ. Что̀ касается до коренной Сибири и Приамурскаго края, то здѣсь остаются, какъ мы знаемъ, почти исключительно таёжныя и подтаёжныя земли, которыя не могутъ представлять ничего привлекательнаго для состоятельнаго переселенца, такъ какъ не даютъ никакого простора для приложенія рентирующаго капитала. «Имѣющіяся для водворенія переселенцевъ земли,—писало переселенческое управленіе въ 1903 году,—расположены почти исключительно въ глухихъ таёжныхъ углахъ и посему, не представляя ничего заманчиваго для среднесостоятельныхъ (даже для среднесостоятельныхъ!), являются какъ бы естественно предназначенными для бѣдныхъ, но достаточно сильныхъ рабочими руками домохозяевъ» [2])... И въ конечномъ результатѣ участіе въ переселеніи состоятельныхъ элементовъ, которые и прежде составляли лишь сравнительно небольшую подмѣсь къ преобладающей массѣ среднесостоятельныхъ и совсѣмъ бѣдныхъ переселенцевъ, уже и теперь замѣтно сократилось и неизбѣжно будетъ сокращаться и дальше, особенно когда будетъ окончательно исчерпанъ запасъ степныхъ земель и для переселенія останутся открытыми только «глухіе таёжные углы».

---

[1]) Неиспользованнымъ и здѣсь, по независящимъ отъ меня причинамъ, остается интереснѣйшій матеріалъ экспедиціи по изслѣдованію Степныхъ областей.

[2]) Записка 22 апрѣля 1903 г. № 5011—о пересмотрѣ ссудныхъ правилъ.

*

Итакъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что современное, а тѣмъ болѣе—будущее переселеніе по характеру земель, предлагаемыхъ подъ заселеніе, по экономическимъ условіямъ, а до извѣстной степени и по подбору переселенцевъ (ниже мы увидимъ, что не только въ смыслѣ матеріальной ихъ обезпеченности!), значительно отличается къ худшему отъ переселенія какихъ нибудь 15, даже 10 лѣтъ тому назадъ. Каково бы ни было, поэтому, то окончательное заключеніе, къ которому мы придемъ на основаніи разобраннаго выше цифрового матеріала,—во всякомъ случаѣ это заключеніе нельзя будетъ распространить безъ серьезныхъ поправокъ ни на настоящее, ни на возможное будущее нашего переселенія: какъ бы ни оцѣнивать результаты *прошлыхъ* переселеній,—во всякомъ случаѣ *въ будущемъ* можно ожидать не лучшихъ и даже не такихъ же, а только худшихъ результатовъ.

Если же возвратиться къ разобраннымъ цифровымъ даннымъ, то необходимо прежде всего напомнить о необходимости той «уцѣнки», о которой мы уже упоминали въ предыдущемъ изложеніи. Переселенцы-великороссы пахали одноконнымъ орудіемъ; въ Сибири пашутъ пароконнымъ, а для подъема цѣлинъ приходится запрягать и тройку лошадей. А въ такомъ случаѣ придется—какъ мы это, впрочемъ и дѣлали, — приравнивать дворы, имѣющіе въ Сибири по одной лошади, не къ *одно*лошаднымъ, а къ *без*лошаднымъ, и совершенно иначе оцѣнивать среднія цифры: тѣ 2,5 рабочихъ лошадей, которыми располагаютъ въ среднемъ томскіе переселенцы, значатъ отнюдь не *больше*, а скорѣе *меньше*, нежели значили на родинѣ 1,6 лошади. «Если мы примемъ во вниманіе—говоритъ А. М. Беркенгеймъ [1]),—что сибирскія коровы въ среднемъ даютъ меньше молока, чѣмъ коровы Европейской Россіи; если мы обратимъ вниманіе на то, что, при трудности вспахиванія дѣвственной почвы, хозяйственное значеніе лошади уменьшается, мы легко поймемъ, что увеличеніе средняго количества коровъ или лошадей на 0,4 или 0,6 на дворъ въ дѣйствительности обозначаетъ не ростъ благосостоянія новоселовъ по сравненію съ ихъ бытомъ на родинѣ, а, наоборотъ, паденіе». И то же вѣрно и по отношенію къ посѣвной площади. «Необходимо принять въ соображеніе—писали мы въ нашей работѣ о томскихъ переселенцахъ,—что десятина посѣва въ залежномъ хозяйствѣ—далеко не то, что десятина въ господствовавшемъ на родинѣ у большинства переселенцевъ навозномъ трехпольѣ; первая въ гораздо меньшей мѣрѣ гарантируетъ хозяину постоянный урожай, нежели вторая,—и это обстоятельство тоже въ значительной мѣрѣ ослабляетъ, если не вполнѣ уничтожаетъ значеніе той разницы въ среднихъ размѣрахъ посѣвной площади», которую мы констатировали на предыдущихъ страницахъ. И если такъ можно было говорить о Томскомъ переселенческомъ районѣ,—мѣстности со сравнительно высокими средними урожаями, и что особенно важно—со сравнительно рѣдкими неурожаями, то тѣмъ справедливѣе это по отношенію къ степной полосѣ и въ особенности—

---

[1]) См., также у Новомбергскаго, „Матеріалы", стр. XXXVIII.

къ киргизскому району. Среднее количество осадковъ, еще въ Курганѣ составляющее 318, а въ Барнаулѣ—290 мм., въ Акмолинскѣ падаетъ до 219 мм.—тогда какъ еще на крайнемъ югѣ Самарской губерніи, гдѣ уже думаютъ о мѣрахъ къ сбереженію почвенной влаги и даже поставленъ вопросъ объ искусственномъ орошеніи, количество осадковъ не опускается ниже 272 мм. Чѣмъ дальше къ югу отъ границы Тобольской губерніи, тѣмъ горячѣе печетъ солнце, тѣмъ чаще и сильнѣе дуютъ жгучіе вѣтры среднеазіатской пустыни, тѣмъ замѣтнѣе почва даже лучшихъ земель отличается даже отъ сибирскаго, не признаваемаго за «настоящій» чернозема. А въ конечномъ результатѣ—тѣмъ ниже средняя урожайность и тѣмъ чаще тѣ высокіе урожаи, которые являются главною приманкой для переселенцевъ, смѣняются полными неурожаями, которые притомъ въ видѣ правила повторяются по два года подрядъ: первый годъ, обычно, поглощаетъ всѣ запасы отъ урожайныхъ годовъ, а второй подвергаетъ новоселовъ всѣмъ ужасамъ голодовки. За послѣднія 35 лѣтъ общіе неурожаи, повторялись въ 1870, 1874, 1878, 1879, 1883, 1888, 1890, 1892, 1897, 1900, 1901 и мѣстами въ 1902 гг. [1])—не говоря уже о частныхъ неурожаяхъ, какіе случаются каждогодно, охватывая то здѣсь, то тамъ, то болѣе, то менѣе обширные районы. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ сколько-нибудь точными данными относительно среднихъ размѣровъ урожайности, а тѣмъ болѣе относительно той постепенности, съ которою она понижается, а неурожаи учащаются въ направленіи съ сѣвера на югъ. Но самый фактъ пониженія и учащенія не подлежитъ сомнѣнію,—какъ не подлежитъ сомнѣнію и крайняя неустойчивость, при такихъ условіяхъ, благосостоянія новоселовъ. «Въ неурожайные года—читаемъ мы въ названной въ выноскѣ [2]) сводной работѣ,—населеніе не только не имѣетъ никакихъ излишковъ для продажи, но очень часто ему даже не хватаетъ хлѣба и для своего продовольствія, и для обсѣмененія своихъ полей. Большинству населенія приходится продавать все, что только можно бываетъ продать, приходится сильно задолжаться, существовать на средства частной благотворительности и правительственной помощи, а такъ какъ и того, и другого бываетъ обыкновенно далеко недостаточно для полнаго удовлетворенія потребностей, то приходится и голодать... Хозяйство земледѣльческаго населенія въ такіе годы совершенно разстраивается; цынга, тифъ и другія, развивающіяся на почвѣ голода и недоѣданія, болѣзни находятъ себѣ немало жертвъ», и «за послѣдніе годы продовольственное дѣло въ краѣ составляло одну изъ настоятельныхъ заботъ комитета Сибирской желѣзной дороги». А недоимочность, продовольственная и всякая иная, является нагляднымъ показателемъ неустойчивости хозяйственнаго положенія новоселовъ. По подсчету, сдѣланному на 1 іюля 1903 года, акмолинскіе новоселы за время съ 1890 по 1898 годъ, получили продовольственныхъ ссудъ изъ казны 752.232 р., изъ

---

[1]) „Россія", подъ ред. П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, Киргизскій край, стр. 234.
[2]) Тамъ же стр. 235.

земскихъ средствъ 34.569 р., разнаго рода ссудъ изъ фонда Сибирской желѣзной дороги 1,954.586 р., да еще какихъ-то «неразнесенныхъ» 19.553 р. Наступили сроки платежа, по всѣмъ этимъ категоріямъ, на сумму 507.225 р.,—изъ нихъ уплочено всего 72.737 рублей; по манифестамъ сложено продовольственныхъ ссудъ на сумму 403.009 рублей. По окладнымъ сборамъ на 1 января 1903 года числилось: недоимки 175.850 р., оклада 1903 года 171.817 рублей; по 1 іюля поступило недоимки 36.454 р., оклада 5.212 р.,—оставалось недоимки 138.711 р., оклада—165.703 рубля. А объ обременительности платежей акмолинскихъ переселенцевъ, казалось бы, смѣшно и говорить... И все это—въ краѣ, гдѣ пашутся, пока, исключительно цѣлинныя земли, гдѣ недостатокъ послѣднихъ въ переселенческихъ надѣлахъ пока безъ затрудненія восполняется арендой у киргизъ или у мало обрабатывающихъ свои обширные надѣлы казаковъ... Переселенцы въ Степномъ краѣ терпятъ, въ концѣ концовъ, все то же самое, что терпѣли въ Самарской губерніи при вдвое, или на Полтавщинѣ—при вчетверо меньшихъ размѣрахъ посѣвовъ и при вдесятеро меньшемъ размѣрѣ надѣльнаго землевладѣнія... Совершенно ясно, что посѣвная десятина у акмолинскаго новосела—совершенно не то, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда ушли переселенцы, и что одно только сопоставленіе размѣровъ посѣвныхъ площадей, какъ и сопоставленіе размѣровъ скотоводства, совершенно не можетъ дать правильнаго представленія о томъ, что, какъ будто бы, выигрываютъ и что, въ дѣйствительности, теряютъ переселенцы.

И съ аналогичными, по внутреннему смыслу, явленіями мы встрѣчаемся болѣе или менѣе во всѣхъ другихъ колонизаціонныхъ районахъ. Начнемъ хотя бы съ Уссурійскаго края — тоже одной изъ мѣстностей, наиболѣе привлекающихъ выходцевъ изъ черноземныхъ губерній. Здѣсь также пока еще не можетъ быть рѣчи о кризисѣ,—но при той кажущейся мягкости климата, которая такъ привлекаетъ переселенцевъ-южанъ, колонизація края сильно затрудняется нѣкоторыми неблагопріятными мѣстными особенностями, обусловленными главнымъ образомъ преобладающимъ вліяніемъ теплыхъ и влажныхъ морскихъ вѣтровъ-муссоновъ, періодически смѣняющихся холодными вѣтрами; таковы безснѣжныя и притомъ суровыя зимы, совершенно устраняющія возможность культуры озимыхъ хлѣбовъ; громадная сила произрастанія, до крайности затрудняющая борьбу съ сорными травами; избытокъ атмосферной и почвенной влаги во время произрастанія хлѣбовъ, ведущій къ чрезмѣрному развитію вегетативныхъ частей растеній и дурно отражающійся на урожаѣ и качествѣ зерна; весьма обычное совпаденіе дождливаго періода съ временемъ уборки хлѣбовъ; и въ тѣсной зависимости отъ этихъ климатическихъ особенностей—ужасающее развитіе разнаго рода болѣзней хлѣбныхъ растеній, въ особенности—такъ называемаго «пьянаго хлѣба», опустошившаго уже не одно селеніе. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1896 году, покойный Буссе приводилъ деревню Душкину, какъ примѣръ выдающагося плодородія лѣсныхъ земель Уссурійскаго края. «Крестьяне—писалъ онъ—не нахвалятся плодородіемъ земли, урожаи

у нихъ за всѣ эти года лучше, нежели у ихъ сосѣдей». Въ 1901 году мнѣ пришлось быть въ этой деревнѣ — это была уже жалкая деревня съ запущенными, мѣстами и заколоченными постройками, съ разваливающимися заборами, уже при самомъ поверхностномъ взглядѣ представляющая всѣ видимые признаки полнаго разложенія и упадка. И Душкина, и расположенныя неподалеку отъ нея Промысловка и Домашлина — все это поселенія, изъ которыхъ «пьяный хлѣбъ» уже частью выжилъ, частью выживаетъ переселенцевъ.

Впрочемъ, въ видѣ правила, крестьянскія поселенія Уссурійскаго края пока представляютъ всѣ видимые признаки высокаго благосостоянія. Но благосостояніе это, говоря словами П. М. Головачева,— «лишь видимое, казовое и потому мнимое. Оно не имѣетъ подъ собой солиднаго хозяйственнаго фундамента — серьезныхъ экономическихъ основъ, и поддерживается лишь внѣшнимъ воздѣйствіемъ и искусственными мѣрами: широкими льготами, щедрыми казенными ссудами и пособіями, почтовою гоньбой, перевозкой грузовъ военнаго вѣдомства, казенными поставками по ненормально высокимъ цѣнамъ— достаточно сказать, что въ самые послѣдніе годы интендантство закупало хлѣбъ въ Амурской области по 80 копѣекъ, тогда какъ въ частной торговлѣ цѣна его не превышала 60—65 копѣекъ,—всякими заказами интендантства, корейскою и китайскою арендой». Объ этомъ послѣднемъ явленіи намъ придется подробно говорить ниже — пока мы только констатируемъ, что благосостояніе уссурійскихъ крестьянъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше зиждется на эксплоатаціи чужого труда, что они все въ большей степени становятся простыми землевладѣльцами, получателями весьма высокой—благодаря эксплоатаціи китайскаго труда, земельной ренты. А между тѣмъ, какъ справедливо было отмѣчено еще г. Крюковымъ, при такомъ способѣ хозяйства «земля быстро истощается, такъ какъ никто не заинтересованъ въ ея плодородіи,—и создается элементъ праздныхъ людей, тунеядцевъ, нежелательныхъ особенно въ новомъ краю»...

О кризисѣ извѣстной системы хозяйства можно, очевидно, говорить только тогда, когда извѣстные хозяйственные порядки, прежде вполнѣ умѣстные и цѣлесообразные, оказываются отжившими свой вѣкъ, и когда жизнь начинаетъ настойчиво требовать замѣны ихъ другими, болѣе соотвѣтствующими измѣнившимся условіямъ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить, напримѣръ, о кризисѣ пастбищнаго хозяйства въ киргизской степи, о кризисѣ навознаго трехполья въ средней и сѣверной полосѣ Европейской Россіи. Но, очевидно, не можетъ быть рѣчи о кризисѣ русскаго земледѣльческаго хозяйства ни въ киргизской степи, ни тѣмъ болѣе—въ Уссурійскомъ краѣ, вообще—въ Приамурьѣ: здѣсь тѣ способы и пріемы земледѣльческаго хозяйства, которые русскіе переселенцы приносили съ родины, варіируя ихъ только въ направленіи самой крайней экстенсивности, *никогда* не соотвѣтствовали мѣстнымъ условіямъ, хотя могли и соотвѣтствовать личной выгодѣ извѣстныхъ группъ переселенцевъ. Здѣсь поэтому приходится говорить не о *кризисѣ*, а просто о *негодности* системы

земледѣльческаго хозяйства нашихъ новоселовъ, какъ о коренной причинѣ отмѣченныхъ нами неутѣшительныхъ явленій.

Совсѣмъ другое приходится сказать о другихъ колонизаціонныхъ районахъ. Намъ уже нѣтъ надобности останавливаться на хозяйственномъ положеніи какъ коренного населенія, такъ и новоселовъ въ юго-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, свободныя земли которыхъ всегда разсматривались, какъ колонизаціонный фондъ, особенно пригодный для водворенія малоземельныхъ крестьянъ южныхъ и среднихъ черноземныхъ губерній. Періодически повторяющіеся здѣсь неурожаи, сопровождающіеся голодовками, колоссальная недоимочность и т. п. угрожающіе признаки, въ связи съ происходящимъ изъ юго-восточныхъ губерній выселеніемъ, неопровержимо доказываютъ, что крестьянское хозяйство уже переживаетъ здѣсь самые острые или болѣзненные моменты того кризиса, который всегда сопровождаетъ всякую ломку издавна установившагося хозяйственнаго строя. Сгустившееся населеніе уже взяло съ земли все то, что можно было взять при выродившемся въ пестрополье переложномъ хозяйствѣ. Съ полною ясностью проявились и послѣдствія подобнаго разграбленія природы, включительно до измѣненія къ худшему климата. Жизнь еще не успѣла выработать и примѣнить на практикѣ тѣхъ новыхъ основъ и пріемовъ сельскаго хозяйства, которые могли бы поправить испорченное и возвратить землѣ ея истощенную производительность. И особенно тяжело положеніе новоселовъ, которые не обладаютъ и тѣмъ единственнымъ плюсомъ, на который можетъ опираться мѣстный крестьянинъ, — именно знаніемъ мѣстныхъ условій, и притомъ сразу садятся на ограниченный надѣлъ. Конечно, можно говорить о недостаточности нормъ надѣленія новоселовъ—при душевомъ надѣлѣ въ 15 или 20 десятинъ они могли бы нѣкоторое время вести, съ болѣе или менѣе удовлетворительными результатами, привычное въ данной мѣстности залежное хозяйство. Но такой огромный надѣлъ былъ бы вопіющею несправедливостью въ губерніи, гдѣ сгустившееся старожилое населеніе, въ силу своего естественнаго прироста, сидитъ на 4, 5 или 7-десятинномъ, на наличную мужскую душу, надѣлѣ. Если кто,—то, конечно, это старожилое населеніе имѣло бы право на увеличеніе своего надѣла до размѣровъ, достаточныхъ для поддержанія стараго залежнаго хозяйства... А при данныхъ надѣльныхъ нормахъ новоселамъ приходится *начинать* съ того самаго безпорядочнаго пестрополья, кризисъ котораго гонитъ и старожиловъ съ насиженныхъ мѣстъ. И въ конечномъ выводѣ крестьянинъ, маломальски имѣющій еще возможность вести на родинѣ самостоятельное земледѣльческое хозяйство, хотя бы и малоземельный, едва ли выиграетъ и, наоборотъ, скорѣе потеряетъ отъ переселенія.

Въ почти столь же рѣзкихъ чертахъ хозяйственный кризисъ, и уже застарѣлый, проявляется въ Тобольской губерніи, и именно въ той ея южной, степной части, которая до сихъ поръ еще признается многими за одну изъ «житницъ» Сибири. Въ 1887—1888 годахъ пишущему эти строки пришлось производить изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства одного изъ южныхъ уѣздовъ Тобольской губерніи,

и пришлось убѣдиться въ томъ, что нѣкоторыя, худшія по почвеннымъ условіямъ, мѣстности «достигли уже низшихъ ступеней той экономической лѣстницы, спускаться по которой онѣ были осуждены вліяніемъ истощающихъ землю хозяйственныхъ порядковъ. Дальше— говорили мы уже въ то время, — по этой лѣстницѣ спускаться некуда; разсматриваемая мѣстность въ настоящее время переживаетъ тотъ хозяйственный кризисъ, который въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ предстоитъ и остальнымъ мѣстностямъ Ишимскаго округа, какъ неизбѣжный результатъ существующихъ способовъ хозяйства. Изъ этого кризиса возможенъ двоякій исходъ: разсматриваемая мѣстность или перейдетъ къ хозяйству съ удобреніемъ, которое уже и теперь (1888 годъ!) довольно серьезно испытывается въ нѣкоторыхъ волостяхъ, или значительная часть ея населенія должна будетъ выселиться и тѣмъ дать возможность остальной части вернуться къ болѣе экстенсивному способу хозяйства». И дѣйствительно: въ одномъ только Алтайскомъ округѣ, по произведенной въ 1892 году регистраціи переселенцевъ, оказалось на-лицо свыше 20 тысячъ душъ выходцевъ изъ Тобольской губерніи... Но, конечно, на возможное вліяніе выселенія мы въ то время смотрѣли слишкомъ оптимистически. Все обостряющійся кризисъ нашедшій себѣ рѣзкое выраженіе въ страшныхъ голодовкахъ 1891—1892, 1898, 1901—1902 годовъ, не нашелъ себѣ разрѣшенія и до настоящаго времени. Неизбѣжная интенсификація земледѣльческаго хозяйства пока еще сдѣлала, повидимому, слишкомъ незначительные успѣхи, — и еще въ 1902 году предсѣдатель Ишимскаго уѣзднаго сельскохозяйственнаго комитета, агрономъ С. В. Соколовъ [1]), настаивалъ на томъ, что «сельское хозяйство сейчасъ переживаетъ критическій моментъ...; каждый лишній годъ такого хозяйничанья, какъ сейчасъ, несетъ въ будущемъ неисчислимыя бѣды, борьба съ которыми потребуетъ потомъ со стороны правительства не только много времени, но и много средствъ». Для старожилаго населенія юга Тобольской губерніи кризисъ значительно облегчился благодаря колоссальному развитію маслодѣлія и молочнаго скотоводства, повидимому, открывающему совершенно новые пути для эволюціи мѣстнаго земледѣльческаго хозяйства. Но, конечно, вліяніе маслодѣлія могло коснуться только болѣе состоятельныхъ элементовъ старожилаго населенія, новоселы же, съ ихъ огромнымъ процентомъ безкоровныхъ и однокоровныхъ домохозяйствъ, попрежнему стоятъ лицомъ къ лицу передъ кризисомъ, изъ котораго для нихъ все еще не предвидится выхода.

Уже наставшій для степного района Тобольской губерніи, между прочимъ—и благодаря его неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ, кризисъ первобытнаго экстенсивнаго хозяйства является грознымъ предсказаніемъ и для другихъ губерній коренной Сибири. Старожилое населеніе здѣсь до самаго послѣдняго времени пользовалось неограниченнымъ просторомъ; только въ теченіе послѣднихъ, примѣрно, десяти лѣтъ взятіе подъ казенную охрану лѣсовъ, образованіе

---

¹) Труды, Тобольская губ., стр. 273, 284 и др.

переселенческихъ участковъ и начавшееся съ 1898 года поземельное устройство ввели землепользованіе старожиловъ въ сравнительно ограниченные предѣлы. Это стѣсненіе землепользованія пока еще не успѣло, повидимому, отразиться на условіяхъ земледѣльческаго хозяйства старожиловъ. Но, конечно, и для старожиловъ, и для новоселовъ съ ихъ 15-десятинными надѣлами, кризисъ залежнаго хозяйства—дѣло тѣмъ болѣе близкаго будущаго, что новоселы получили въ надѣлъ либо земли, изъятыя изъ свободнаго пользованія старожиловъ, и въ такомъ случаѣ — уже болѣе или менѣе выпаханныя, либо участки, болѣе или менѣе покрытые лѣсомъ; но новоселы либо вовсе не расчищають лѣсныхъ площадей, либо эта расчистка идетъ чрезвычайно медленно; оборотъ залежнаго хозяйства можетъ происходить лишь на безлѣсной части площади участка, а это неизбѣжно поведетъ за собою преждевременное истощеніе производительныхъ силъ земли и— опять-таки—близкій кризисъ со всѣми его тяжелыми послѣдствіями.

Такимъ образомъ, даже въ тѣхъ колонизаціонныхъ районахъ, естественныя условія которыхъ наиболѣе соотвѣтствуютъ хозяйственнымъ привычкамъ и навыкамъ переселенцевъ, ихъ хозяйство либо уже вступило, либо скоро вступитъ въ тотъ самый критическій періодъ, тяжелые симптомы котораго являются,—какъ мы это старались доказать, основною причиною переселеній. А при такихъ условіяхъ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи *о прочности* благосостоянія переселенцевъ.

Однимъ изъ характернѣйшихъ симптомовъ неустойчивости этого благосостоянія является наблюдаемое болѣе или менѣе во всѣхъ колонизаціонныхъ районахъ броженіе, связанное съ переходами переселенцевъ съ одного мѣста на другое. Мы уже говорили, напримѣръ, о разбредающихся селеніяхъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Но броженіе далеко не ограничивается здѣсь приведенными мною случаями: земледѣльческое населеніе—говоритъ г. Крюковъ [1]),—какъ старое, такъ и вновь прибывшее, стремится занимать все новыя мѣста, а старыя деревни постепенно пустѣютъ; колонизація Южно-Уссурійскаго края идетъ подобно волнамъ: хлынетъ въ какую нибудь мѣстность волна народная, а потомъ постепенно сбѣгаетъ; но вслѣдствіе такого волнообразнаго движенія физіономія края существенно измѣняется—лѣсъ истребляется до-чиста, почва истощается и заростаетъ такими бурьянами, съ которыми труднѣе справиться, чѣмъ съ дикой цѣлиною; новому переселенцу жутко на такихъ мѣстахъ, да и заманить его трудно». А обратное переселеніе, еще недавно составлявшее совершенно ничтожный процентъ, въ 1903 году достигло уже для Приморской области 7%, для Амурской — даже 20% прямого движенія. То же явленіе, если перескочить съ крайняго востока на ближній западъ, замѣчается и въ юго-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. За время дѣйствія закона 13 іюля 1889 года на казенныхъ земляхъ Самарской губерніи было водворено 20.142 души, принята обратно земля отъ 2.952 душъ, — въ общемъ по губерніи это сравни-

---

[1]) Сельское хозяйство Прим. обл., стр. 140.

тельно небольшой процентъ—14%, — но по отдѣльнымъ участкамъ бѣгство переселенцевъ принимаетъ, въ полномъ смыслѣ слова, массовый характеръ, измѣряясь сотнями душъ, сдавшихъ въ казну свои земельные надѣлы. По Уфимской губерніи за пятилѣтіе 1898—1902 гг. было водворено переселенцевъ 1.519 душъ [1]), возвратило землю 726, т. е. почти половина общаго числа водворенныхъ переселенцевъ. Изъ двухъ уѣздовъ Оренбургской губерніи, гдѣ переселенцамъ отводилась казенная земля, въ одномъ, Челябинскомъ, случаи ухода немногочисленны, зато въ Оренбургскомъ уѣздѣ число оставившихъ участки—668 душъ—втрое больше, чѣмъ водворенныхъ за то же время (216 душъ).

При этомъ далеко не всѣ случаи ухода могутъ быть объяснены плохимъ качествомъ участковъ, вообще—дѣйствительною невозможностью устроиться; напротивъ, къ числу участковъ, гдѣ бѣгство переселенцевъ принимало массовый характеръ, принадлежатъ и нѣкоторые изъ завѣдомо наилучшихъ по естественнымъ условіямъ. Но во всякомъ случаѣ массовое бѣгство переселенцевъ нельзя не признать за крайне ненормальное явленіе. И отчасти оно обусловливается, несомнѣнно, изобиліемъ неустойчивыхъ или даже—съ полнымъ правомъ можно сказать—бродячихъ элементовъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству земскихъ статистиковъ, существуетъ масса бродячихъ переселенцевъ, которые постоянно переходятъ съ одного мѣста на другое, бросая одну землю и требуя другую, болѣе удобную [2]).

Сильно развито это броженіе и въ другихъ колонизаціонныхъ районахъ. Внутри Алтайскаго округа, этого переселенческаго эльдорадо, за четыре только года, съ 1889 по 1892 гг., перешло съ мѣста на мѣсто 22½ тысячи человѣкъ. Въ Тобольской губерніи, изъ числа поселковъ, образованныхъ въ 1893 и 1894 гг., до 60-ти поселковъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, «до сихъ поръ настолько не устроены, что водворенные на нихъ переселенцы возбуждаютъ ходатайства о переводвореніи на другіе участки». Болѣе подробному учету это явленіе было подвергнуто пишущимъ эти строки для района казенныхъ земель Томской губерніи и частью — для Тургайской области [3]). Изъ 4.307 переселенческихъ дворовъ, переписанныхъ въ Томскомъ районѣ, 631, или почти 15%, успѣли ранѣе пожить на какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Среди переселенцевъ, прибывшихъ до 1889 г., такіе составляли всего 9,6%, въ слѣдующіе четыре года — вдвое и втрое больше: въ 1890 г.—17,8%, въ 1891 г.—22,2, въ 1892 г.—23,6, въ 1893 г.—27,5%; очевидно, болѣе ранніе переселенцы находили еще много свободнаго мѣста и потому могли селиться сразу тамъ, гдѣ находили все по своему вкусу; начавшійся съ 1888 года массовый наплывъ переселенцевъ скоро заполнилъ всѣ лучшія мѣста; переселенцы, утомленные поисками, садились на такіе участки, которые, нерѣдко, не

[1]) Сюда включены и 454 души, которыя ушли, не сдавъ отведенныя имъ земли въ казну, а прямо были замѣщены вновь прибывшими переселенцами.

[2]) См. выше, стр. 190—193.

[3]) Новѣйшими данными экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей мы лишены возможности воспользоваться.

удовлетворяли ихъ ожиданій, а затѣмъ, посидѣвъ и осмотрѣвшись, переходили на мѣста, которыя находили болѣе подходящими.

Чрезвычайно любопытный матеріалъ пишущему эти строки удалось собрать, въ 1896 г., въ арендаторскихъ поселкахъ Тургайской области. Самому старому изъ поселковъ въ то время было еще только 12 лѣтъ отъ роду, и однако выселеніе происходило уже давно, и въ огромныхъ размѣрахъ. Уходить начали уже въ самые первые годы существованія поселковъ—такъ, изъ Владимірскаго поселка еще въ 1887 г. ушло до двухъ третей всего населенія. Но особенно усилилось выселеніе подъ вліяніемъ страшныхъ неурожаевъ 1891 и 1892 г. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, за эти два года ушло изъ категоріи причисленныхъ — 195 семей, изъ числа получившихъ ссуды на продовольствіе — 357 семей; а между тѣмъ значительное большинство ушедшихъ принадлежало къ категоріи *не* причисленныхъ и *не* пользовавшихся ссудой; изъ одного только Боровского поселка ушло внесшихъ плату за пріемный приговоръ 233 семьи, да не менѣе того изъ проживавшихъ безъ приговора; изъ Александровскаго поселка ушло не менѣе 150 семей, изъ Михайловскаго и Владимірскаго — «больше ушло, чѣмъ осталось»; уходили въ Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую области «на Ишимъ»—въ Кокчетавскій и Петропавловскій уѣзды; уходили обратно на родину, въ казачьи поселки Оренбургской линіи, въ Алтайскій округъ, на Амуръ, въ киргизскіе аулы, гдѣ устраивались хуторами. Къ 1896 г. наличное населеніе поселковъ опять поднялось до 1.535 семей,—но изъ нихъ значительная часть уже опять собиралась выселяться: нѣкоторые—изъ-за неопредѣленности землепользованія, вытекавшей изъ отсутствія земельнаго надѣла и шаткости заключаемыхъ съ киргизами арендныхъ договоровъ; другіе, напротивъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ уклонялись отъ приписки и земельнаго надѣла. Изъ ста съ небольшимъ дворовъ поселка Борисовскаго до 60 отказывались отъ приписки и не возводили капитальныхъ усадебныхъ построекъ; изъ 90 семей поселка Романовскаго о рѣшительномъ нежеланіи получить земельный надѣлъ заявляли мнѣ 21 семья; въ поселкѣ Степановскомъ отъ надѣла отказывались 42 изъ 96 семей,—изъ нихъ 32 подавали оффиціальныя заявленія, сначала уѣздному начальнику, а потомъ и губернатору. Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ желаніе уйти мотивировалось то выпаханностью земли, то плохимъ ея качествомъ, то недостаточнымъ водоснабженіемъ, то безлѣсьемъ или неудобствами конфигураціи ожидавшагося надѣла. Но, конечно, ни о какой крайней необходимости выселенія не могло быть, въ данномъ случаѣ, и рѣчи,— это видно уже изъ того, что выселяться собирались *наиболѣе состоятельные*, тогда какъ бѣднѣйшіе мечтали только о скорѣйшемъ надѣленіи землею.

Вообще, переходы новоселовъ съ одного мѣста на другое, сами по себѣ, отнюдь не всегда служатъ безспорнымъ доказательствомъ негодности тѣхъ мѣстъ, откуда уходятъ новоселы: весьма часто переходъ съ одного мѣста на другое обусловливается и обстоятельствами совершенно иного порядка — религіозною или племенною

рознью, вообще—недоразумѣніями внутри поселковыхъ обществъ, въ частности притѣсненіями, которыя болѣе слабымъ группамъ приходится претерпѣвать отъ болѣе сильныхъ; затѣмъ, одна изъ наиболѣе распространенныхъ причинъ — истощеніе надѣльныхъ земель и обусловленное этимъ пониженіе ихъ производительности; наконецъ, простая погоня за цѣлинами или безграничное исканіе «мѣстъ получше». Но какою бы изъ этихъ причинъ ни обусловливались переходы,— во всякомъ случаѣ, разъ они становятся массовымъ явленіемъ, ихъ приходится признать очень печальнымъ симптомомъ: они показываютъ, что либо въ самой природѣ колонизуемыхъ мѣстностей, либо въ экономической обстановкѣ, которую находятъ здѣсь переселенцы, либо въ организаціи переселенія, либо наконецъ въ самихъ колонизаторахъ, кроются какія-то условія, дурно отражающіяся на результатахъ колонизаціи и заставляющія сомнѣваться въ ихъ прочности и устойчивости.

Въ предыдущей главѣ мы подробно разбирали, между прочимъ, данныя о ростѣ обратнаго переселенія, какъ показателя все возрастающей трудности устраиваться «на новыхъ мѣстахъ». Но обратные переселенцы—*это далеко не всѣ*, кто не нашелъ того, что надѣялся найти въ отдаленныхъ и невѣдомыхъ странахъ. Возвратиться на родину легко только тому, кто ее совсѣмъ недавно оставилъ и не успѣлъ окончательно порвать своихъ старыхъ связей и отношеній; для этого требуются средства на обратный путь и на родинѣ, требуется извѣстная энергія и рѣшимость, которыхъ очень часто не оказывается у переселенца-неудачника. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду и болѣе тонкихъ психическихъ мотивовъ: разорившійся переселенецъ сплошь и рядомъ уже изъ самолюбія не захочетъ показаться на родину, гдѣ его знали въ лучшія времена.

Какъ бы то ни было, но фактъ, что обратное переселеніе отнюдь не исчерпываетъ пассива переселенческаго движенія—это доказываетъ уже простое сопоставленіе числа обратныхъ переселенцевъ съ числомъ тѣхъ новоселовъ, которые вступаютъ на «новыхъ мѣстахъ» въ ряды сельскаго пролетаріата или стоятъ близко къ этому пролетаріату. Въ самомъ дѣлѣ: процентъ обратныхъ въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ не превышалъ 3,6%,—процентъ, дѣйствительно, неизбѣжный при какихъ угодно идеальныхъ условіяхъ переселеній и не могшій внушать какихъ бы то ни было опасеній. А между тѣмъ процентъ безлошадныхъ съ однолошадными у томскихъ переселенцевъ того періода составлялъ, по даннымъ регистраціи 1894 года, 22,1%, процентъ дворовъ, отпускавшихъ срочныхъ работниковъ—15,1%; среди алтайскихъ новоселовъ безлошадные съ однолошадными составляли 11,5%, дворы, обрабатывавшіе землю супрягою или наймомъ — 30,6%, не говоря уже о Тобольской губерніи, гдѣ одни только безлошадные дворы составляли въ погодныхъ группахъ отъ 11,7 до 18,8%, безпосѣвные—отъ 11,2 до 13,7%. Общее число неудачниковъ, такимъ образомъ, во много разъ превышаетъ число обратныхъ переселенцевъ. А если это такъ, то цифры обратнаго переселенія послѣднихъ лѣтъ принимаютъ уже

прямо-таки угрожающій характеръ: въ итогѣ за шестилѣтіе возвратилась *почти четверть* общаго числа переселенцевъ, переступившихъ за то же время за рубежъ Сибири, и при этомъ возрасло, въ громадной пропорціи, обратное переселеніе лицъ, проживших на «новыхъ мѣстахъ» болѣе года [1]), т. е. именно то обратное переселеніе, которое наиболѣе ясно говоритъ о дѣйствительной трудности устройства на «новыхъ мѣстахъ». Трудно, конечно, да и тяжело рѣшаться на какія либо опредѣленныя предсказанія относительно будущности тѣхъ переселенцевъ послѣдняго времени, которые не вошли и не войдутъ въ ряды обратныхъ переселенцевъ; нельзя предполагать и строгой пропорціональности между числомъ обратныхъ и числомъ, вообще, неудачниковъ переселенія. Но можно съ увѣренностью утверждать, что *нынѣшніе* переселенцы, дающіе въ нѣсколько разъ большій процентъ обратныхъ, нежели давали переселенцы 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, дадутъ и на «новыхъ мѣстахъ» еще гораздо большій процентъ сельскаго пролетаріата, для котораго притомъ пока не предвидится мѣста и въ другихъ, кромѣ сельскаго хозяйства, видахъ добывающей и обрабатывающей промышленности.

Въ чемъ же, спросимъ себя теперь, коренныя причины столь неутѣшительныхъ уже и въ настоящемъ и столь угрожающихъ въ будущемъ результатовъ нашего переселенія? Намъ думается, что коренныхъ причинъ нельзя искать—какъ дѣлаютъ нѣкоторые—ни въ недостаточности даваемыхъ переселенцамъ земельныхъ надѣловъ, ни въ недостаткахъ организаціи переселенческаго дѣла; что рѣшающаго значенія нельзя придавать ни бѣдности нашей переселенческой массы, ни даже суровости тѣхъ естественныхъ условій, въ которыя попадаютъ переселенцы. Конечно, при 30-десятинномъ надѣлѣ, переселенцы не такъ скоро выпахали бы свои надѣлы, какъ при 15 десятинахъ, и слѣдовательно дольше пользовались бы преимуществами эксплоатаціи цѣлинъ. Но, съ одной стороны, никакое хозяйство не можетъ быть основано исключительно на сниманіи пѣнокъ съ первобытной природы; а, съ другой стороны, практика показываетъ, что переселенцы въ лѣсныхъ мѣстностяхъ не въ состояніи использовать даже своего 15-десятиннаго надѣла, въ степныхъ же мѣстностяхъ тотъ практически-безграничный просторъ, который создается легкостью аренды киргизской цѣлинной земли, отнюдь не гарантируетъ ни постоянныхъ урожаевъ и прочнаго благосостоянія, ни устойчивой осѣдлости переселенцевъ. Мы не думаемъ отрицать и разнообразныхъ недочетовъ въ современной организаціи переселенческаго дѣла,—но позволимъ себѣ напомнить то уже высказанное нами, гдѣ-то раньше, соображеніе, что 12—15 лѣтъ тому назадъ организація переселенческаго движенія была

---

[1]) См. выше, стр. 249—250.

несравненно хуже, а между тѣмъ результаты переселенія были значительно лучше. Не отрицаемъ мы и значенія состоятельности переселенцевъ. Но напомнимъ еще разъ, что недостатокъ средствъ, по нашему глубокому убѣжденію, не можетъ быть восполненъ на почвѣ ни казеннокоштности переселенія, ни дѣлового кредита: этотъ послѣдній обременитъ переселенцевъ непосильными, при низкой рентабельности ихъ хозяйства, платежами [1]); казеннокоштность же лишь усилитъ вліяніе тѣхъ неблагопріятныхъ для нашей колонизаціи моментовъ, къ которымъ намъ сейчасъ предстоитъ перейти. А, съ другой стороны, замѣтимъ, что вопросъ о средствахъ можетъ имѣть развѣ только *отрицательное*, а никакъ не рѣшающее *положительное* значеніе: безъ средствъ, напримѣръ, нельзя или чрезвычайно трудно поселиться въ глухой сибирской или амурской тайгѣ. Но вѣдь было время, и еще недавно, когда «воздухъ колонизаціи», иначе сказать, необычайно благопріятное соотношеніе между землею и трудомъ, давалъ даже бѣднѣйшимъ, но сильнымъ физически и нравственно, переселенцамъ полную возможность скораго обзаведенія на «новыхъ мѣстахъ»; и тѣмъ не менѣе наша колонизація уже въ то время давала именно тѣ весьма посредственные результаты, съ которыми мы познакомились на предшествующихъ страницахъ; и мы видѣли, кромѣ того, что наиболѣе состоятельные переселенцы менѣе всего выигрываютъ отъ переселенія, даютъ очень замѣтный процентъ дворовъ безъ самостоятельнаго хозяйства, и что на ихъ именно счетъ приходится отнести, въ очень значительной долѣ, такія неутѣшительныя явленія, какъ перемѣны мѣстъ осѣдлости и обратное переселеніе. Самое серьезное значеніе, изъ всѣхъ перечисленныхъ моментовъ, мы склонны придавать неблагопріятнымъ естественнымъ особенностямъ большинства нашихъ колонизаціонныхъ районовъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что эти естественныя неудобства отнюдь не всегда неустранимы,—если не все, то главное дѣло, значитъ, *не въ негодности земель*, а *въ нашемъ неумѣніи приспособиться* къ природѣ и использовать ее наиболѣе цѣлесообразно. А если все это такъ, то намъ приходится остановиться на послѣднемъ факторѣ, котораго мы до сихъ поръ почти совершенно не вводили въ нашъ учетъ; мы должны именно постараться выяснить, *что такое представляетъ собою нашъ переселенецъ*, какъ колонизаціонный матеріалъ.

Громадное значеніе этого, такъ сказать, субъективнаго элемента или фактора не можетъ быть устранено или восполнено ни денежными средствами, ни какою либо административною организаціей. «Всякій—говоритъ Рошеръ,—кто крѣпокъ тѣломъ, кто энергично работаетъ (wer betet und arbeitet), не пропадетъ въ молодой земледѣльческой колоніи». Это, конечно, совершенно вѣрно, но въ то же время вѣрно и то, что процвѣсти и устроиться въ колоніи можетъ *только* тотъ, кто дѣйствительно крѣпокъ тѣломъ и духомъ, кто способенъ энергично и цѣлесообразно работать. Сельскохозяйственные комитеты констатируютъ тотъ фактъ, что «въ нѣкото-

---

1) Исключеніе, можетъ быть, составляетъ Амурскій край.

рыхъ селахъ, при сильно развитомъ и продолжающемся много лѣтъ переселеніи, число возвратившихся переселенцевъ вполнѣ ничтожно, въ другихъ же селахъ, напротивъ, оно довольно значительно», что вообще «изъ нѣкоторыхъ селъ переселеніе почти постоянно идетъ хорошо, изъ другихъ всегда хуже» [1]). Сопоставленіе хозяйственнаго положенія двухъ смежныхъ и находящихся въ совершенно аналогичныхъ условіяхъ переселенческихъ поселковъ дастъ, напримѣръ, такіе факты, что «въ одномъ изъ нихъ, несмотря на то, что значительное количество хлѣба было продано въ предшествовавшемъ году, запасъ пшеницы превышалъ 200.000 пудовъ на 86 дворовъ, въ другомъ всѣ запасы были истреблены и переселенцы ходатайствовали о пособіи» [2]). Подобные факты, ставшіе, конечно, общимъ мѣстомъ для каждаго, имѣвшаго дѣло съ переселеніемъ и переселенцами и во множествѣ зарегистрированные въ имѣющихся печатныхъ матеріалахъ, трактующихъ хозяйственное положеніе переселенцевъ—такіе факты неизбѣжно приводятъ къ тому выводу, что «на экономическое положеніе переселенцевъ значительно вліяетъ ихъ собственное трудолюбіе и способъ обработки» [3]), что вообще благосостояніе переселенцевъ «въ концѣ концовъ и преимущественно зависитъ отъ степени энергіи и духовной крѣпости переселенцевъ» [4]). И громадное, едва ли требующее, впрочемъ, доказательства или подтвержденія, значеніе этого нравственнаго фактора такъ велико, что такой горячій сторонникъ широкаго и свободнаго развитія переселеній, какъ А. А. Исаевъ, находилъ необходимымъ «установленіе нравственнаго ценза», какъ «гарантію того, что переселенцы идутъ на новое мѣсто вполнѣ трудоспособными» [5]). Я, конечно, не рѣшился бы высказаться за установленіе «нравственнаго ценза»,—кто и какъ, въ самомъ дѣлѣ, будетъ его опредѣлять? Но я счелъ нелишнимъ привести это мнѣніе, какъ иллюстрацію того первостепеннаго значенія, которое принадлежитъ индивидуальнымъ и—въ частности—нравственнымъ качествамъ переселенцевъ или колонистовъ.

И въ оффиціальныхъ нашихъ сферахъ, и въ литературѣ широко распространена вѣра въ особые колонизаціонные таланты и способ-

---

1) Воронежская 129.

2) Тернеръ, назв. соч., стр. 211.

3) Тамъ же.

4) „Статист. данныя“ за 1898 г., стр. XXV. „Практика переселенческаго дѣла—говоритъ г. Г. Тарновскій въ статьѣ, посвященной русскимъ поселкамъ Закаспійской области (Р. М., 1895, май, стр. 40), выяснила, что успѣшно примѣняются къ новой обстановкѣ лишь люди твердаго характера и нравственно-устойчивые, умѣвшіе жить въ сравнительномъ достаткѣ и у себя на родинѣ, короче, люди хозяйственные, могущіе подняться въ путь и дойти до новыхъ мѣстъ, несмотря на трудности дороги въ 4—5 тысячъ верстъ, исправно“. Едва ли не напрасно только почтенный авторъ какъ бы отождествляетъ твердый характеръ и нравственную устойчивость со сравнительнымъ достаткомъ на родинѣ: намъ кажется—и исторія сибирской колонизаціи это несомнѣнно подтверждаетъ, что каждый изъ этихъ двухъ признаковъ можетъ существовать совершенно независимо отъ другого.

5) Переселенія, стр. 170—171.

ности русскаго народа. Въ «самостоятельномъ движеніи и самопроизвольной устроительности» нашихъ переселенцевъ убѣжденные народники видятъ просящійся наружу «народный геній созидательнаго творчества общинной жизни по-божески» [1]); что же касается «русскаго крестьянина, его способности къ переселенію и приспособляемости къ новымъ условіямъ жизни, то этотъ вопросъ уже достаточно исчерпанъ—по мнѣнію многихъ—фактами нашей прошлой и настоящей колонизаціи» [2]). Эта вѣра въ колонизаціонные таланты русскаго народа нашла себѣ доступъ и въ западно-европейскую литературу колонизаціоннаго вопроса. Въ активъ русской колонизаціи ставится даже то, что, по нашему глубокому убѣжденію, является главною статьею ея пассива, наша «близость къ человѣку-варвару, къ первобытнымъ племенамъ [3]), которая дѣлаетъ насъ «способными общаться съ варварами, понимать ихъ и быть ими понятымъ, ассимилировать ихъ съ такою легкостью, какой не встрѣчается въ колоніяхъ другихъ европейскихъ народовъ».

Посмотримъ, прежде всего, какіе элементы — въ смыслѣ нравственной силы и трудоспособности — даютъ главный элементъ переселенцевъ? По убѣжденію однихъ, переселенцы—это *лучшіе*, наиболѣе сильные и энергичные элементы нашего крестьянства, которые не могутъ мириться съ надвинувшимся на родинѣ «утѣсненіемъ» и не желаютъ, сложа руки, глядѣть на быстро надвигающееся окончательное разореніе. По мнѣнію другихъ — переселенцы, это *худшіе* элементы нашего крестьянства: это тѣ, кто не можетъ и не умѣетъ приспособиться къ измѣнившимся условіямъ, и способенъ лишь идти по линіи наименьшаго сопротивленія, приводящей его къ исканію «новыхъ мѣстъ». И это послѣднее мнѣніе является лишь отзвукомъ взгляда, довольно распространеннаго и въ Западной Европѣ: «желающіе эмигрировать—говоритъ Леруа-Болье,—это, въ видѣ правила, лѣнтяи, люди капризные и ничѣмъ недовольные», — по даннымъ англійскихъ анкетъ, «среди способныхъ и дѣятельныхъ работниковъ нѣтъ ни малѣйшаго стремленія къ эмиграціи» [4]).

Мы считаемъ рѣшительно невозможнымъ присоединиться, по отношенію *ко всей массѣ* русскихъ переселенцевъ, къ той или другой изъ резюмированныхъ въ предшествующихъ строкахъ общихъ характеристикъ. «Переселенецъ» — это не собирательный *типъ*, а только собирательное *названіе*, объединяющее подъ одинъ, въ значительной мѣрѣ внѣшній, признакъ, представителей самыхъ разнообразныхъ типовъ нашего крестьянства, начиная отъ піонера-таёжника или трудолюбиваго латыша и бѣлорусса и кончая переселенцемъ-ростовщикомъ или дѣйствительно-бродячимъ «кустанайцемъ».

Переселенцы—говоритъ уже нѣсколько разъ цитированный нами

1) Пономаревъ—въ „Сѣв. Вѣстн.“, 1897 г., май, стр. 76.
2) А. А. Ч.—„Русск. Мысль“ 1895, авг., стр. 82.
3) l. c., стр. 441 и 423.
4) l. c., стр. 486—487.

прекрасный наблюдатель, пасторъ Фрейбергъ [1]), — распадаются на три категоріи: одна—«люди, которые послѣ серьезныхъ размышленій оставили родину, чтобы основать трудомъ новыя мѣста жительства; они никакихъ трудовъ не боятся; они знаютъ, для кого работаютъ, разсчитывая на плоды своихъ трудовъ, которыми все-таки будутъ пользоваться ихъ дѣти,—это самые истинные переселенцы, придающіе всему переселенческому движенію его серьезное значеніе». Вторая категорія — это «люди, никогда не принимающіеся серьезно за что-нибудь, дѣлающіе, безъ всякихъ идеальныхъ цѣлей, отъ привычки, то, что и другіе дѣлаютъ, и утѣшающіе себя тѣмъ, что они Богомъ созданы для трудовъ; они работаютъ, если видятъ, что и другіе работаютъ; странствуютъ, не спрашивая почему, если другіе это дѣлаютъ, и недовольны своей судьбой, если другіе выражаютъ свое неудовольствіе»; наконецъ третья категорія — это «люди, оставившіе родину, чтобы искать золотыя горы; лѣнивые къ работѣ, не будучи въ состояніи долго прожить на одномъ мѣстѣ, они непрерывно гоняются за какимъ-то эльдорадо, гдѣ они могли бы кормиться безъ всякаго труда»...

И, конечно, эта характеристика не исчерпываетъ и сотой доли безконечнаго разнообразія тѣхъ типовъ, которые представлены среди переселенческой массы.

Мы рѣшительно отказываемся, такимъ образомъ, дать какую либо общую характеристику «переселенца», какъ собирательнаго типа,—но мы не можемъ не отмѣтить одного существенно важнаго обстоятельства—это именно *пониженія средняго типа* нашихъ переселенцевъ. Въ исторіи нашихъ переселеній и нашей колонизаціи, по крайней мѣрѣ сибирской, какъ и въ исторіи западно-европейской эмиграціи [2]), необходимо отличать первыхъ піонеровъ-поселенцевъ отъ рядовой, сѣрой, двинувшейся позднѣе переселенческой массы. Къ первой категоріи приходится отнести, напримѣръ, алтайскихъ «каменщиковъ», или «семейскихъ» въ Забайкальѣ, вообще—потомковъ тѣхъ піонеровъ, которые нѣкогда уходили отъ крѣпостного гнета или религіозныхъ притѣсненій въ невѣдомую Сибирь, преодолѣвая всякія запрещенія и препятствія и не надѣясь ни на кого, кромѣ Бога и самихъ себя. «Крестьяне — характеризуетъ покойный Н. М. Ядринцевъ алтайскихъ «каменщиковъ», — единственно только подъ давленіемъ нравственнаго побужденія «жить въ мірѣ», сумѣли не только не погибнуть въ непривычной для нихъ обстановкѣ, но устроились самымъ завиднымъ образомъ... Населеніе это крупное, рослое, атлетическаго тѣлосложенія; не только мужчины могучи и сильны,—сильны здѣсь также и женщины... Въ Кумышскомъ округѣ, изъ 10 семей богатырей, населеніе разрослось до 1260 душъ народа, могучаго, сильнаго, работящаго, вполнѣ къ тому же сохранившаго свои симпатіи къ крестьянству», превратилось въ «совершенныхъ горцевъ, приспособившихся наилучшимъ образомъ къ условіямъ гор-

---

1) Труды комитетовъ, Тобольская губ., 383.
2) Leroy-Beaulieu, l. c., стр. 620.

ной природы». Къ тому же типу переселенцевъ-піонеровъ принадлежатъ и современные заимщики, проникающіе со своими заимками въ невѣдомую тайгу и показывающіе путь менѣе энергичнымъ и предпріимчивымъ, рядовымъ переселенцамъ. Это то же, что скваттеры въ заморскихъ колоніяхъ западно-европейскихъ народовъ: «скваттеръ служитъ развѣдчикомъ и піонеромъ; онъ пролагаетъ для культуры новые пути, весьма сильно содѣйствуя ея территоріальному распространенію; онъ не опирается (какъ и наши заимщики и вообще — первоначальные вольные колонисты Сибири!) ни на какой легальный титулъ владѣнія, но въ его чисто-индивидуальномъ трудѣ есть такія положительныя черты, которыми должны стараться воспользоваться молодыя гражданскія общества» [1]).

Такіе элементы, до сравнительно недавняго времени, преобладали въ нашемъ сибирскомъ переселеніи, — а «сдержанное и отрицательное» отношеніе правительства къ переселеніямъ въ значительной мѣрѣ способствовало подбору наиболѣе энергичныхъ и сильныхъ элементовъ. Пока государство не хотѣло знать переселенія и переселенцевъ, переселялся, дѣйствительно, только тотъ, кто надѣялся на Бога и на самого себя, — и только самые сильные и безстрашные элементы могли отважиться на переселеніе въ далекую и невѣдомую Сибирь. Составъ сибирскихъ переселенцевъ началъ нѣсколько измѣняться уже въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ. Возникавшіе въ то время зачатки помощи переселенцамъ, представлявшіеся народному воображенію въ до крайности преувеличенномъ видѣ, правительственныя распоряженія, перетолковывавшіяся въ смыслѣ прямого «наклика» на переселеніе, подняли на переселеніе гораздо болѣе слабые, матеріально и нравственно, элементы. Съ другой стороны, путь въ Сибирь былъ уже проторенъ, самое передвиженіе было нѣсколько облегчено развитіемъ пароходства на сибирскихъ рѣкахъ и проложеніемъ желѣзныхъ дорогъ къ Тюмени и Челябинску. Уже въ то время, поэтому, наряду съ переселенцами-піонерами въ Сибирь устремляются менѣе сильные колонизаціонные элементы. Однако, въ то время этотъ процессъ только еще начинался, и еще въ 1896 году А. Н. Куломзинъ [2]) могъ съ полнымъ правомъ утверждать, что «идущіе нынѣ среднесостоятельные крестьяне, сознающіе въ себѣ извѣстный запасъ душевной энергіи и физическихъ силъ, не имѣющихъ выхода на родинѣ, несутъ съ собой надежнѣйшій залогъ будущаго преуспѣянія колонизируемаго района». Гораздо сильнѣе измѣнился къ худшему составъ переселенцевъ въ періодъ дѣятельности Сибирскаго комитета. Подъ вліяніемъ вызванныхъ ею «преувеличенныхъ слуховъ о размѣрахъ правительственныхъ пособій на переселеніе — какъ еще въ 1896 г. свидѣтельствовалъ А. Н. Куломзинъ—

---

[1]) Leroy-Beaulieu, l. c., стр. 579.

[2]) Отчетъ, стр. 5.

*

пошелъ по паспортамъ, въ хвостѣ, такъ сказать, законныхъ переселенцевъ [1]), болѣе темный и невѣжественный людъ: «народъ пошелъ, ну и мы пошли»... И это качественное измѣненіе состава переселенцевъ — фактъ извѣстный всякому, кто имѣетъ и имѣлъ дѣло съ переселенцами. «Въ этомъ отношеніи,—говоритъ А. М. Беркенгеймъ [2]),—вмѣшательство правительства въ переселенческое дѣло принесло отнюдь не пользу, а скорѣе вредъ. По согласному мнѣнію всѣхъ лицъ, причастныхъ переселенческому дѣлу въ Сибири, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, и по нашему собственному наблюденію, въ этомъ отношеніи контингентъ переселенцевъ значительно ухудшился... Преувеличенныя надежды и мечты о пособіяхъ подняли на переселеніе такія семьи, которыя до 90-хъ годовъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы на это трудное, невѣдомое для нихъ дѣло». И хотя правительство и заботилось,—выражаясь оффиціальнымъ языкомъ,—«о предупрежденіи въ населеніи превратнаго толкованія закона въ смыслѣ поощренія переселенческаго движенія»,—но «народъ,—по словамъ г. Новомбергскаго [3]),—принялъ его именно за поощреніе; высшій размѣръ ссуды, который, по народному убѣжденію, долженъ выдаваться каждой переселенческой семьѣ, произвелъ такой переворотъ въ настроеніи массы, что пришли въ движеніе даже наименѣе состоятельные и наименѣе рѣшительные, раньше никогда не помышлявшіе о переселеніи и связанныхъ съ нимъ трудностяхъ».

Мы имѣемъ здѣсь, очевидно, дѣло, еще съ однимъ изъ тѣхъ роковыхъ внутреннихъ противорѣчій, которыми такъ чреватъ переселенческій вопросъ. Правительство въ 90-хъ годахъ пошло навстрѣчу *несомнѣнной* и *настоятельной* народной нуждѣ и нѣсколько улучшило матеріальную обстановку нашего переселенческаго движенія. Но съ тѣмъ вмѣстѣ оно ослабило ту духовную силу, которая двигала переселенцами,—и чѣмъ дальше шло улучшеніе матеріальной обстановки переселенія, тѣмъ въ большей степени переселенцы-герои, переселенцы-піонеры замѣнялись сѣрою, инертною переселенческою массой. И легко себѣ представить, какъ ухудшились бы «нематеріальныя условія», такъ вліяющія на успѣхъ переселенія, если бы послѣднее дѣйствительно стало казенно-коштнымъ, какъ этого желали бы многіе изъ лучшихъ представителей литературы и общественнаго мнѣнія...

Но сильная и энергичная воля—это лишь одинъ изъ тѣхъ индивидуальныхъ, субъективныхъ факторовъ, отъ которыхъ зависитъ результатъ переселеній и колонизаціи. Другой не менѣе важный факторъ—это факторъ *знанія и умѣнья*. Что же, спрашивается, представляютъ собою въ этомъ отношеніи наши переселенцы?

---

[1]) Здѣсь дѣло, конечно, не въ „законности“ или въ переселеніи по паспортамъ—напротивъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ самовольные переселенцы—*болѣе* предпріимчивый и энергичный элементъ, нежели законные, — а въ темнотѣ и невѣжествѣ тѣхъ массъ, которыя идутъ въ хвостѣ переселенія.

[2]) l. c., стр. 38—39.

[3]) Матеріалы, стр. XXII.

Къ сожалѣнію, и тутъ въ нашемъ обществѣ и въ литературѣ распространено не мало розовыхъ иллюзій. Я уже не буду говорить о чрезвычайно широко понимаемой многими роли нашего мужика-переселенца въ дѣлѣ пріобщенія къ «русской культурѣ» и къ «русской гражданственности» туземнаго населенія окраинъ—этотъ вопросъ выходитъ изъ рамокъ настоящей работы. Но и въ чисто хозяйственной области крестьянамъ-переселенцамъ приписывается чрезвычайно видная культурная роль. «Тотъ, кто не былъ въ степи,—говоритъ Ф. А. Щербина,—и не имѣлъ возможности наблюдать соприкосновеніе русской народности съ киргизскою, не можетъ себѣ представить, насколько велико культурное вліяніе нашего крестьянина-переселенца на киргиза—кочевника. Переселенецъ является прежде всего учителемъ киргиза въ области хозяйственной,—онъ учитъ его пахать, сѣять, косить, молотить и даже потреблять хлѣбъ. Живымъ примѣромъ собственнаго хозяйства, непосредственнымъ участіемъ въ выполненіи для кочевника земледѣльческихъ работъ, совѣтами и практическими указаніями переселенецъ втянулъ уже киргиза въ кругъ интересовъ и понятій земледѣльца и видоизмѣнилъ самые взгляды кочевника на значеніе земли для хозяйства». Въ такихъ же, приблизительно, чертахъ обрисовывается вліяніе русской колонизаціи и на другія инородческія народности азіатской Россіи. Такъ, по мнѣнію изслѣдователя минусинскихъ инородцевъ, П. Е. Кулакова [1]), успѣхамъ земледѣлія у минусинскихъ татаръ болѣе всего способствовалъ примѣръ сосѣдей—русскихъ крестьянъ, который дѣйствовалъ вдвойнѣ: «съ одной стороны, у инородцевъ подъ вліяніемъ русскихъ расширялись потребности, причемъ прежде всего инородцы заимствовали хлѣбъ, какъ основной элементъ питанія; съ другой стороны—для того, чтобы не нарушить въ своемъ бюджетѣ равновѣсія, инородцы должны были сами заняться хлѣбопашествомъ, причемъ переходъ ихъ къ земледѣльческому хозяйству, въ смыслѣ усвоенія техники земледѣлія, значительно облегчался благодаря примѣру сосѣдей-русскихъ». Отъ русской колонизаціи ожидаютъ благотворнаго воздѣйствія даже на культуру такихъ высококультурныхъ народностей, каковы, напримѣръ, осѣдлыя племена Туркестана; водвореніе русскихъ переселенцевъ признается «однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ проникновенія въ массу туземнаго населенія новыхъ пріемовъ обработки земли, новыхъ пріемовъ животноводства, обращенія къ новымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и т. п.», и потому дѣло русской колонизаціи края признается заслуживающимъ развитія въ интересахъ самого же туземнаго населенія [2]).

Но благотворная роль переселенцевъ не оканчивается и на этомъ: они несутъ свѣтъ культуры даже къ старожилому населенію тѣхъ мѣстностей, куда направляется переселенческая волна. «Сибирскій крестьянинъ,—говоритъ А. А. Исаевъ,—отличается боль-

---

[1]) Минус. и Ачинск. инородцы, стр. 70—71, 104.

[2]) Труды с.-х. комитетовъ. Турк. край, стр. 15.

шою зажиточностью», которой онъ «достигаетъ при самыхъ несовершенныхъ пріемахъ труда и съ помощью первобытныхъ орудій. Его коса, соха, цѣпъ далеко уступаютъ тѣмъ же орудіямъ въ Европейской Россіи... Навозное удобреніе, кромѣ южныхъ округовъ (почтенный авторъ вѣроятно обмолвился и имѣлъ въ виду *сѣверные* округа, гдѣ издавна упрочилось навозное хозяйство), вовсе не извѣстно»... Совсѣмъ другое—переселенецъ: онъ—«членъ многочисленнаго и хорошо вооруженнаго войска, которое плохо обуто и одѣто, но имѣетъ кое-что, всего болѣе нужное для подчиненія природы: его соха, особенно изъ сѣверныхъ губерній, гораздо глубже вспахиваетъ землю, нежели сибирская колесуха. Сибирякъ умѣетъ молотить только короткими цѣпами, а многіе переселенцы, вскорѣ послѣ водворенія, заводятъ ручныя и даже конныя молотилки». Переселенецъ притомъ «подходитъ къ дѣлу съ правильнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ; онъ вовсе не спрашиваетъ, какой доходъ давала старожиламъ земля: онъ пытается выяснить, что она *ему* можетъ дать, если онъ перенесетъ на нее свои орудія, свое трудолюбіе и свои рабочіе пріемы» [1]).

Мы не разъ имѣли случай касаться вопроса о взаимоотношеніи переселенческой и старожильской культуры въ области сельскаго хозяйства. Въ данную минуту вопросъ этотъ имѣетъ для насъ лишь второстепенное значеніе. Замѣтимъ только, что болѣе, нежели когда либо, мы убѣждены въ неосновательности подобнаго противуположенія «переселенца» сибирскому старожилу. Мы уже говорили о крайнемъ разнообразіи тѣхъ элементовъ, которые множествомъ мелкихъ ручейковъ вливаются въ широкій переселенческій потокъ,—и не меньшее разнообразіе хозяйственныхъ и бытовыхъ типовъ мы могли-бы прослѣдить среди сибирскихъ старожиловъ. И тѣмъ менѣе основанія ставить средняго или собирательнаго переселенца, какъ колонизатора, выше собирательнаго или средняго сибиряка. Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, рядъ свидѣтельствъ, которыя можно найти въ трудахъ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Такъ, Тобольскій губернскій агрономъ Н. Л. Скалозубовъ, дѣятель, уже болѣе десяти лѣтъ внимательно изучающій мѣстное крестьянское хозяйство принимаетъ, «какъ отправной пунктъ для дальнѣйшихъ соображеній способность крестьянскаго населенія губерніи къ воспринятію и усвоенію всего полезнаго въ хозяйствѣ, наличность у многихъ крестьянъ интереса къ сельскохозяйственнымъ улучшеніямъ, а также наличность общественности, способности сърганизоваться для совмѣстнаго осуществленія различныхъ предпріятій». Барнаульскій инструкторъ полеводства г. Солдатовъ заявляетъ, что мѣстное сибирское крестьянство «гораздо зажиточнѣе россійскаго—оно не знало гнета нужды и кабалы, нашъ крестьянинъ независимъ, предпріимчивъ и гораздо болѣе развитъ въ умственномъ отношеніи, чѣмъ россійскій»,—равнымъ образомъ и въ Томскомъ губернскомъ комитетѣ было отмѣчено, что «старожильское крестьянское населеніе Сибири въ отношеніи умственнаго развитія стоитъ

[1]) „Переселенія", стр. 99—101.

выше крестьянскаго населенія европейской Россіи и неизмѣримо выше крестьянскаго населенія южной полосы и Царства Польскаго» [1]).

А съ другой стороны, что такое этотъ собирательный переселенецъ, который разсматривается многими какъ носитель, par excellence, высшей сельскохозяйственной культуры и вообще прогресса во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ? Это—тотъ самый сѣрый, темный, невѣжественный, лишенный матеріальныхъ средствъ крестьянинъ, котораго бѣдность и темнота единодушно признаются въ настоящее время такими рѣшительными препятствіями для перехода къ сколько нибудь болѣе совершеннымъ пріемамъ и способамъ хозяйства, и, слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ являются основною и существенною причиной самаго переселенія. «Русскія переселенія,—говорилъ тотъ-же А. А. Исаевъ,—въ своей массѣ оттягиваютъ изъ среды крестьянства тотъ контингентъ, которому не подъ силу какія либо улучшенія въ хозяйствѣ, которому подъ силу только самое экстенсивное земледѣліе; та же часть крестьянства, которая имѣетъ хотя малую возможность сберечь копѣйку и затратить ее на улучшеніе своего хозяйства, въ массѣ своей остается дома»... И этотъ-то темный и невѣжественный крестьянинъ, разъ онъ перевалилъ за Уральскій хребетъ, становится какимъ-то носителемъ высшей сельскохозяйственной и всякой иной культуры; даже его соха,—та самая соха-ковырялка, которая годна только для того, чтобы безъ конца перебалтывать уже въ конецъ распаханную землю, разсматривается какъ нѣкоторое откровеніе...

Правда, переселенцы, въ видѣ правила, идутъ изъ такихъ мѣстностей, гдѣ земельный просторъ, еще существующій даже въ самыхъ густо населенныхъ мѣстностяхъ Сибири, уже давно отошелъ въ область преданій, и гдѣ хозяйство уже приспособилось къ условіямъ гораздо большей земельной тѣсноты. И, неся съ собой свою культуру, свои пріемы и способы обработки земли, переселенцы, казалось бы, несутъ съ собой нѣчто въ высокой степени прогрессивное по сравненію съ хозяйствомъ тобольскаго или забайкальскаго старожила. Но дѣйствительно ли переселенцы несутъ на «новыя мѣста» *свои*, «россійскіе», пріемы и способы хозяйства? Казалось бы, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только положительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: если крестьянинъ среднихъ губерній переселяется, чтобы имѣть возможность продолжать вести хозяйство издавна усвоенными способами и пріемами, чтобы избѣжать тяжелой и непосильной для него ломки хозяйственнаго строя, то естественно было бы предполагать, что онъ на «новомъ мѣстѣ» будетъ держаться именно этихъ, привычныхъ ему способовъ и пріемовъ,—и это тѣмъ болѣе, что на «новомъ мѣстѣ» переселенецъ, нерѣдко, уже воочію видитъ симптомы приближающаго кризиса. Такъ думаютъ многіе изъ авторитетнѣйшихъ наблюдателей и изслѣдователей переселенческаго движенія. И сами переселенцы, двигаясь въ Сибирь, всегда разсчитываютъ примѣнить

[1]) Труды комитетовъ, Тобольская, 53—4, Томская, 9, 218.

на «новомъ мѣстѣ» свои, россійскіе, порядки, свои, россійскія, орудія; они строго осуждаютъ, первые дни и недѣли пребыванія въ Сибири, экстенсивное хозяйство окрестнаго старожилаго населенія, обѣщаясь «выучить» старожиловъ работать, «показать имъ, что можетъ дать земля», развести фруктовые или ягодные сады,—и это невинное хвастовство импонируетъ многимъ «друзьямъ переселенцевъ» и несомнѣнно отражается на ихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ.

Дѣйствительность трудно подвести подъ какой либо одинъ шаблонъ. Въ средѣ переселенцевъ, дѣйствительно, встрѣчаются такіе, которые ведутъ образцовое, даже и не для своего только района, хозяйство. Въ глухомъ тарскомъ урманѣ мнѣ пришлось попасть въ только - что за годъ передъ тѣмъ возникшіе латышскіе поселки; за одинъ годъ латыши расчистили изъ подъ густого лѣса широкіе квадраты пахатныхъ полей,—и не только расчистили, но сняли покрывавшій почву густой войлокъ мертвой травы и мха, который, перепрѣвъ, долженъ былъ пойти на удобреніе почвы; эти поля были разбиты на небольшія полосы, па которыхъ уже были сдѣланы первые посѣвы какого-то мудренаго плодосмѣннаго сѣвооборота; на усадьбахъ, кромѣ чистыхъ и просторныхъ жилыхъ домовъ, у нѣкоторыхъ уже были готовы теплые хлѣва и сѣновалы,—словомъ, можно было вообразить себя гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Дерпта или въ имѣніи новгородскаго помѣщика, раздавшаго землю подъ хутора эстонцамъ или латышамъ. Оставаясь въ предѣлахъ своихъ только личныхъ наблюденій, назову, напримѣръ, еще менонитовъ въ новоузенской степи, которые завели у себя правильное пятипольное хозяйство съ навознымъ удобреніемъ, въ то время, какъ многіе, даже ученые агрономы, не видятъ другого способа поднять благосостояніе крестьянъ данной мѣстности, какъ путемъ искусственной поддержки уже отживщаго свой вѣкъ залежнаго хозяйства; или такихъ же менонитовъ около Аульеата, въ предгорьяхъ Туркестанскихъ горъ,—гдѣ они одни изъ всѣхъ переселенцевъ завели правильное унаваживаніе полей и плодосмѣнное хозяйство съ правильными посѣвами люцерны, не говоря уже объ идеально-содержанныхъ фруктовыхъ садахъ и образцовомъ скотоводствѣ; или, пожалуй, еще объ амурскихъ молоканахъ—ихъ хозяйство имѣетъ въ общемъ не менѣе хищническій характеръ, нежели хозяйство другихъ русскихъ поселенцевъ края, но ихъ починъ сыгралъ важную роль въ дѣлѣ распространенія въ краѣ заводскихъ орудій и сельскохозяйственныхъ машинъ, въ дѣлѣ улучшенія скотоводства и т. п.

Очень характерно, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ передовыми въ хозяйственномъ отношеніи элементами являются группы новоселовъ, отличающіяся и отъ старожиловъ, и отъ остальной переселенческой массы, либо происхожденіемъ, либо по крайней мѣрѣ принадлежностью къ раціоналистическимъ сектамъ, во всякомъ случаѣ—такія группы, которыя и по общему уровню своей культурности стоятъ далеко выше средняго, зауряднаго переселенца. Очень часто если не такія же, то во всякомъ случаѣ особо благопріятныя свойства приписываютъ переселенцамъ-малороссамъ по сравненію съ вы-

ходцами изъ великороссійскихъ губерній. «Колонизаторскія способности полтавцевъ,—говоритъ одинъ изъ уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ Полтавской губерніи[1]),—не подлежатъ сомнѣнію»; это—«хозяйственно-крѣпкое населеніе, прекрасно доказавшее свою конкурентоспособность». Намъ думается, что переселенцы-малороссы существенно отличаются отъ другихъ переселенцевъ только однимъ: благодаря возможности продать по хорошей цѣнѣ свои подворные участки, они являются на «новыя мѣста» съ гораздо бо̀льшими денежными средствами, которыя значительно облегчаютъ имъ первоначальное обзаведеніе. Затѣмъ, они несомнѣнно болѣе, нежели выходцы изъ великорусскихъ губерній, сохраняютъ характерныя особенности въ устройствѣ жилищъ, въ одеждѣ, вообще въ хозяйственномъ бытѣ,—они пожалуй чаще дѣлаютъ тщетныя попытки разводить фруктовые сады, во что бы то ни стало желаютъ сѣять гречу или подсолнухъ,—но въ существѣ своемъ хозяйство переселенцевъ-малороссовъ ничѣмъ не отличается отъ хозяйства выходцевъ изъ великороссійскихъ губерній. И что̀ притомъ особенно существенно—это то, что малороссы, какъ и вообще переселенцы-южане, какъ мы знаемъ, являются колонизаціоннымъ элементомъ съ наиболѣе одностороннею пригодностью и совершенное не годны для роли піонеровъ сибирской тайги.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что въ хозяйствѣ новоселовъ можно найти не мало частныхъ отличій отъ хозяйства окрестныхъ старожиловъ; можно констатировать и факты, когда среди новоселовъ быстро распространялись тѣ или другія хозяйственныя улучшенія: стоитъ упомянуть, напримѣръ, объ улучшенномъ льноводствѣ витебскихъ переселенцевъ, о встрѣчающихся среди новоселовъ, хотя и не слишкомъ часто, попыткахъ навознаго удобренія или по крайней мѣрѣ правильнаго безнавознаго трехполья; о чрезвычайно быстромъ распространеніи среди нихъ улучшенныхъ орудій, подъ вліяніемъ дѣятельности сельскохозяйственныхъ складовъ переселенческаго управленія и т. п. А, съ одной стороны, только при совершенномъ незнакомствѣ съ сибирскимъ крестьянскимъ хозяйствомъ можно признавать такія улучшенія за специфическую особенность хозяйства новоселовъ. А главное, занося на «новыя мѣста» и иногда сохраняя тѣ или другія мелочи второстепеннаго значенія, новоселы въ томъ, что̀ составляетъ сущность хозяйственнаго строя, *не только не учатъ* старожиловъ, а напротивъ—*учатся* у нихъ; оставивъ родину, чтобы избѣгнуть, такъ сказать, *прогрессивной* ломки своего хозяйственнаго строя, они безъ всякихъ затрудненій совершаютъ, на новыхъ мѣстахъ, *регрессивную* ломку. Вышли ли они съ сѣверо-востока, изъ Малороссіи или изъ средне-русскихъ губерній, водворились ли они въ тарскомъ урманѣ, въ уссурійской тайгѣ, въ киргизскихъ степяхъ или на амурской преріи,—они, все равно, усваиваютъ выработавшіеся у старожилаго населенія сибирскихъ много-

[1]) Труды, Полт. губ., стр. 797.

земельныхъ районовъ порядки захватнаго землевладѣнія и залежнаго хозяйства. Мало того: залежно-паровое хозяйство сибирскихъ старожиловъ приходится признать еще очень совершеннымъ, если сравнить его съ тѣмъ въ полномъ смыслѣ слова безобразнымъ хозяйствомъ, которое ведется новоселами въ киргизскихъ степяхъ. И такимъ образомъ «власть земли», которая на родинѣ была безсильна одолѣть устарѣвшіе пріемы и привычки, на «новомъ мѣстѣ» легко беретъ верхъ надъ ними. И это понятно: на родинѣ этой власти было бы необходимо опираться на союзниковъ, въ лицѣ знанія и капитала; чтобы вернуться къ первобытнымъ формамъ залежнаго хозяйства, нѣтъ нужды ни въ томъ, ни въ другомъ, а потому этотъ прыжокъ назадъ совершается безъ всякаго затрудненія.

Опять-таки и въ данномъ случаѣ мы отнюдь не имѣли въ виду брать на себя роль апологетовъ сибирскаго старожила. Намъ важно было только констатировать, что въ основѣ своей хозяйство новоселовъ, въ видѣ правила, стоитъ отнюдь не выше хозяйства сибирскихъ старожиловъ. А разъ это такъ, значитъ они и въ этомъ отношеніи поставлены въ значительно *худшія* условія. Прежде всего, громадная разница уже въ томъ, что у сибирскихъ старожиловъ данная система хозяйства выработалась въ то время, когда они располагали безпредѣльнымъ земельнымъ просторомъ; веденное при такой системѣ земледѣліе въ теченіе долгаго времени давало вполнѣ удовлетворительные результаты, и достигнутая, при такихъ условіяхъ, высокая зажиточность позволяетъ или еще недавно позволяла старожиламъ сравнительно легко переносить послѣдствія уже наступившаго или надвигающагося хозяйственнаго кризиса. Новоселы возвращаются къ той-же первобытной системѣ хозяйства при сравнительно ограниченномъ земельномъ обезпеченіи. Для нихъ, поэтому, кризисъ наступаетъ очень скоро, и перенести этотъ кризисъ для нихъ тѣмъ тяжелѣе, что они не могутъ—подобно старожиламъ—опираться на накопленное поколѣніями высокое благосостояніе. При равномъ недостаткѣ въ научныхъ знаніяхъ, новоселы не обладаютъ однимъ существенно-важнымъ преимуществомъ сибирскихъ старожиловъ—*знаніемъ мѣстныхъ условій*. Счастье ихъ, если они имѣютъ передъ глазами земледѣльческій опытъ старожиловъ и во-время начинаютъ руководствоваться имъ; бываетъ и такъ, что новоселы, дѣйствительно, пытаются вести хозяйство «по-своему», т. е. такъ, какъ они привыкли у себя на родинѣ, и только послѣ ряда неудачъ начинаютъ перенимать хозяйственные пріемы старожиловъ; но и тутъ простое подражаніе не можетъ въ немного лѣтъ дать имъ того, что даетъ старожиламъ опытъ ряда поколѣній. Съ другой стороны, новоселы не располагаютъ и такимъ инвентаремъ, вообще—такою хозяйственною силой, какія имѣетъ къ своимъ услугамъ полный хозяинъ-старожилъ. И въ конечномъ результатѣ обработка старожильскихъ земель безконечно выше новосельской и по приспособленности земледѣльческихъ пріемовъ къ почвѣ и климату, и по обилію средствъ обработки—орудій, скота и т. п. А затѣмъ,

чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, по мѣрѣ того, какъ колонизація проникаетъ вглубь урмановъ и тайги, сельскохозяйственный опытъ старожиловъ и вовсе отказывается служить новоселамъ, либо потому, что послѣдніе уже не имѣютъ его передъ глазами, либо потому, что земли даннаго типа въ данной мѣстности еще и вообще не поступали подъ правильную земледѣльческую культуру. А такъ какъ притомъ и сами естественныя условія таёжныхъ и урманныхъ земель представляютъ нѣкоторыя своеобразныя особенности— суровый климатъ, иней и заморозки, нерѣдко не вполнѣ созрѣвшая для культуры или мало плодородная почва—то водворяющіеся при такихъ условіяхъ новоселы, если только они не вятичи или пермяки, оказываются уже окончательно въ безвыходномъ положеніи. «Пришедшіе издали переселенцы—говоритъ пасторъ Фрейбергъ—въ большинствѣ случаевъ не знаютъ, какимъ образомъ они должны на новомъ мѣстѣ обрабатывать землю: вслѣдствіе того, каждый культивируетъ то, къ чему онъ привыкъ на родинѣ, не спрашивая, возможно ли это здѣсь, или нѣтъ; такимъ образомъ новоселъ нерѣдко экспериментируетъ посѣвами безъ всякаго смысла и понятія и, не получая никакихъ урожаевъ, начинаетъ сомнѣваться въ томъ, будетъ ли при такихъ условіяхъ вообще возможно жить въ урманѣ».

Обращаемся затѣмъ къ хозяйству новоселовъ въ киргизскомъ районѣ. Мы уже видѣли, что новоселамъ многіе склонны приписывать благотворное вліяніе на хозяйство кочевниковъ - киргизъ въ смыслѣ перехода къ земледѣлію и осѣдлому образу жизни. Даже для сѣверной, черноземной полосы киргизскихъ степей это мнѣніе можно принять лишь съ довольно существенными оговорками. Именно, не отрицая извѣстнаго вліянія русской колонизаціи на развитіе земледѣлія у сѣверныхъ киргизъ, уже по чисто-хронологическимъ соображеніямъ нельзя видѣть во вліяніи русскихъ поселеній *коренную причину* развитія въ степи земледѣльческаго промысла. Въ Тургайской области площадь киргизскихъ посѣвовъ за время съ 1875 по 1882 годъ, слѣдовательно, *до* образованія въ области первыхъ русскихъ поселеній, возрасла съ 17 до 44 тыс. десятинъ, т. е. больше нежели въ $2^1/_2$ раза. Съ другой стороны, многія изъ мѣстностей, гдѣ гуще всего распространились русскія поселенія, по развитію земледѣлія далеко отстали отъ такихъ, гдѣ русскихъ поселеній совершенно нѣтъ. И это понятно: наплывъ переселенцевъ-арендаторовъ, давая киргизамъ возможность усвоить земледѣльческіе навыки, вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ на нихъ крайне деморализующее вліяніе: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, пахать киргизу пашню, когда онъ можетъ получить готовую пашню, хлѣбъ, деньги отъ арендаторовъ-испольщиковъ? И фактически, наряду съ распространеніемъ запашекъ, мнѣ лично приходилось наблюдать, напр., въ Кустанайскомъ районѣ или въ окрестностяхъ Аульеата, какъ киргизы, подъ вліяніемъ наплыва переселенцевъ, бросали собственную запашку, предпочитая сдавать землю въ издольную аренду... Очень любопытенъ, въ данномъ отношеніи, фактъ крайне слабаго развитія земледѣлія у киргизъ сѣверныхъ уѣздовъ Акмолинской области, непосредственно прилегающихъ къ по-

лосѣ сплошной земледѣльческой колонизаціи и усѣянныхъ многочисленными русскими поселеніями: здѣсь хозяйство у киргизъ—частью скотоводческое, частью промысловое, и такимъ образомъ ясно, что близость русскихъ поселеній лишь тогда ведетъ къ развитію земледѣлія у киргизъ, когда это вытекаетъ изъ экономическихъ условій мѣста и времени и потребностей киргизскаго хозяйства, въ данномъ фазисѣ его прогрессивнаго развитія.

Повторяемъ, однако, что для сѣверныхъ степей извѣстное вліяніе, въ данномъ смыслѣ, крестьянской колонизаціи представляетъ собою фактъ. Но въ южныхъ степяхъ этого вліянія *совершенно* не было, а между тѣмъ земледѣліе, и притомъ поливное, существовало у киргизъ южныхъ уѣздовъ Тургайской области еще въ концѣ XVIII столѣтія. Земледѣліе проникало сюда не съ сѣвера, отъ русскихъ, а съ юга, отъ сартовъ,—и въ южныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области имѣется многочисленное полуосѣдлое киргизское населеніе, перенявшее отъ сартовъ выработанные ихъ многовѣковою культурой хозяйственные пріемы, включительно до травосѣянія, плодосмѣннаго хозяйства и интенсивныхъ культуръ, вродѣ хлопководства и плодоводства.

Ясно отсюда, что на развитіе земледѣлія у киргизъ вліяла не *русская* колонизація, *какъ таковая*, а просто близость земледѣльческаго населенія, разъ только условія времени и мѣста толкали ихъ къ занятію земледѣліемъ. Чтобы говорить о *культурномъ вліяніи русской колонизаціи*, необходимо выяснить себѣ, *чему* собственно, *какому* земледѣлію учились и могли выучиться киргизы отъ русскихъ поселенцевъ.

Я вспоминаю, съ какимъ негодованіемъ я читалъ, около десяти лѣтъ тому назадъ, книжку г. Кигна-Дѣдлова «Переселенцы и новыя мѣста [1]), въ которой, между прочимъ, крайне отрицательными чертами обрисовывается хозяйство кустанайскихъ новоселовъ. «Я понимаю мужика,—говорилъ, между прочимъ, г. Дѣдловъ,—но его поведеніе въ «вольномъ городѣ», его манера обращаться съ новыми мѣстами просто ужасаютъ меня. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, земля выпашется, другой земли киргизы не даютъ,—и опять «тѣсно», опять начинай сначала, опять кончай тѣмъ же, опять бреди снимать сливки «подъ новый кустъ» или «на китайскій клинъ»... Хорошо знакомый въ то время только съ хозяйствомъ сибирскихъ старожиловъ, я былъ готовъ считать такіе отзывы за клевету на мужика, подсказанную несимпатичными мнѣ и по сіе время общими взглядами г. Дѣдлова. Не далѣе какъ черезъ два года мнѣ пришлось и самому довольно основательно познакомиться съ кустанайскимъ райономъ и не менѣе рѣзкими отрицательными чертами обрисовывать хозяйство кустанайскихъ новоселовъ... Но я уступаю слово, сначала, другому наблюдателю—г. Полферову, одному изъ тѣхъ авторовъ, которые наиболѣе горячо доказывали благотворное вліяніе русской колонизаціи на развитіе земледѣлія у киргизъ. «Въ 80-хъ годахъ,—писалъ тотъ же г. Полферовъ

1) Стр. 57—58.

въ 1903 году [1]),—вблизи укрѣпленія Актюбе выросъ обширный переселенческій поселокъ; на каждый дворъ отведено по 30 дес. отличной земли. Кажется, можно бы хозяйничать... Но актюбинскій новоселъ иначе распорядился своимъ «вольготнымъ» положеніемъ: черезъ 8 лѣтъ,—говоритъ г. Полферовъ—мнѣ лично пришлось принимать участіе въ перемѣнѣ отведенныхъ участковъ, въ виду жалобъ переселенцевъ на малоземелье, причемъ девять десятыхъ оказалось дѣйствительно негодной выпашью, благодаря хищнической системѣ воздѣлыванья 3—4 года подрядъ одной пшеницы. Мало того, на 30—40 верстъ по радіусу всюду распаханы киргизскія земли. Лѣса и талъ вырублены, луга и камыши выкошены, а кобылка, ютившаяся въ этихъ мѣстахъ, стала откладывать яички по пашнямъ и окончательно добила хозяйство новосела,—тогда послѣдній проникъ вглубь степи на правахъ арендатора и снова принялся за свое хищничество»... Я своими глазами видѣлъ туже безотрадную картину и въ томъ же Актюбинскѣ, и въ «вольномъ городѣ» Кустанаѣ, и по арендаторскимъ поселкамъ Кустанайскаго района,—и для меня картина отнюдь не становилась менѣе безотрадною подъ впечатлѣніемъ распространенности среди зажиточныхъ новоселовъ улучшенныхъ орудій и сельскохозяйственныхъ машинъ. «Въ дѣйствительности—къ такому общему выводу приводило изученіе хозяйства кустанайскихъ переселенцевъ-арендаторовъ, характеръ хозяйства новоселовъ остается въ высшей степени хищническимъ, а улучшеннныя орудія и машины являются лишь усовершенствованнымъ средствомъ для извлеченія изъ почвы послѣднихъ ея соковъ». О хищническомъ характерѣ хозяйства тургайскихъ переселенцевъ свидѣтельствовали «обширныя пространства, заросшія бурьяномъ и совершенно ушедшія изъ-подъ культуры, которыя широкимъ кольцомъ окружаютъ городъ Кустанай, а также почти совершенно пустующіе «общественные» участки поселковъ Александровскаго и Борисовскаго: и кустанайскіе мѣщане, и александровцы съ борисовцами успѣли уже вытянуть всѣ соки изъ ближайшихъ къ городу и названнымъ поселкамъ земель и расползтись во всѣ стороны, въ поискахъ за новыми и новыми цѣлинами»; о томъ же свидѣтельствовало «и самое стремленіе тургайскихъ новоселовъ къ выселенію, въ другія мѣстности, стремленіе, въ которомъ проявляется та же погоня за цѣлинными землями и то же нежеланіе затрачивать болѣе усиленный трудъ на обработку земли»... А вотъ свидѣтельство Т. И. Тихонова [2]), имѣвшаго случай близко наблюдать акмолинскихъ переселенцевъ. «Захватно-переложнее пользованіе у переселенцевъ, говоритъ г. Тихоновъ,—при тонкомъ слоѣ мѣстнаго чернозема и ежегодныхъ посѣвахъ одного рода хлѣба, преимущественно пшеницы, и почти безъ плодосмѣна, рискованно и разорительно: оно ведетъ къ хищнической эксплоатаціи пахатной земли. И дѣйствительно, уже теперь еще недавно образованныя крестьянскія селенія, которыя по количеству и качеству земли могли бы считаться на-

---

1) Цитирую по „Русск. Мысли“ 1904 г., дек., стр. 53—54,

2) Русск. Вѣстн., 1896, г. іюль, стр. 323 и сл.

долго обезпеченными землею, признают свои пахатныя земли выпаханными и свое существованіе мало обезпеченным,—а десятки тысяч десятин арендуемой киргизской земли, постоянные недороды, кормежки и бѣгство новоселов съ их въ конец запакощенных безобразным хозяйством земель достаточно краснорѣчиво подтверждает справедливость такой характеристики хозяйства акмолинских новоселов». Г. Тихонов пытается дать объясненіе такому—как он правильно выражается—«ненасытному стремленію къ хищнической эксплоатаціи» отведенных переселенцам земель. Такой характер землепользованія и хозяйства—говорит он—«может быть объяснен и тѣм, что большинство крестьян-переселенцев вышло из густонаселенных и малоземельных губерній Европейской Россіи. На родинѣ земельные надѣлы достигли ничтожных размѣров, стало так тѣсно жить, что не къ чему рук приложить... Кое как собравшись въ путь и придя на свободныя, плодородныя и непочатыя земли Сибири, переселенцы попали въ положеніе путника, томимаго невыносимою жаждой и очутившагося вдруг у обильнаго воднаго источника. Результат чрезмѣрнаго утоленія жажды и въ том, и въ другом случаѣ станет понятен: он выразится въ каком нибудь болѣзненном явленіи, которое потом может и пройти благополучно, не оставив слѣда».

Однако, такое объясненіе приходится признать неудовлетворительным или во всяком случаѣ неполным: такое же точно хищническое хозяйство ведут въ киргизской степи и выходцы из сравнительно богатых землею восточных губерній европейской Россіи. Дѣло скорѣе въ том, что киргизская степь съ ея легкою и дешевою арендой создает слишком благопріятную почву для азартнаго, спекулятивнаго хозяйства. На почвѣ легкой и—опять-таки при удачѣ—выгодной эксплоатаціи киргиз и их земли создается особый тип переселенца, который вовсе и не думает о прочной осѣдлости, слѣдовательно, не имѣет надобности заботиться о землѣ. Когда истощится надѣл, он будет арендовать киргизскую землю, когда истощатся въ округѣ и киргизскія земли,—он переселится еще куда нибудь, на новый невыпаханный надѣл и на новыя аренды.

Мнѣ нѣт надобности говорить о том, что даже въ сѣверной киргизской степи, которой естественныя условія наиболѣе близки къ естественным условіям юго-восточной Россіи и юго-западной Сибири, новоселы крайне нуждаются въ улучшеніи техники своего хозяйства въ направленіи, главным образом, борьбы съ засухами и съ проистекающими от них слишком уже частыми неурожаями. Они крайне нуждаются поэтому въ агрономической помощи, пожалуй, въ большей мѣрѣ, нежели новоселы таёжных районов. Но на *успѣх* такой помощи крайне трудно разсчитывать, пока среди новоселов господствует то настроеніе, которое мы только-что пытались охарактеризовать.

Коренная Сибирь и сѣверная киргизская степь—это единственные колонизаціонные районы, гдѣ наш переселенец находит при-

близительно подходящія для себя естественныя условія и гдѣ онъ, по мнѣнію даже такого осторожнаго автора, какъ Виденфельдъ, является «почти идеальнымъ» колонизаторомъ. Что же сказать о другихъ районахъ, гдѣ «принесенные изъ Европейской Россіи хозяйственные навыки отказываются служить», гдѣ вообще «къ активности и твердости характера русскаго колониста предъявляются такія требованія, которымъ онъ въ видѣ правила не въ состояніи удовлетворить»? [1])

Весьма утѣшительную картину представляетъ, на первый взглядъ, русская колонизація Туркестана. Конечно, только при большой долѣ ослѣпленія можно мечтать о культурномъ воздѣйствіи русскаго переселенца на хозяйство туркестанскаго туземца. Даже такой фанатикъ дѣла русской колонизаціи Туркестана, какъ Н. П. Гейеръ [2]),—и тотъ признаетъ, что отъ русскаго поселенца въ краѣ требуется «перевоспитаніе себя въ отношеніи способа обработки земли», что русскій крестьянинъ въ первое время послѣ переселенія чувствуетъ себя въ безпомощномъ состояніи. Явившись въ край прямо отъ русскаго плуга, усвоивъ привычки своихъ отцовъ, онъ становится въ положеніе человѣка, попавшаго въ чужую страну, гдѣ его никто не понимаетъ».

Замѣчу прежде всего, что во время моихъ многолѣтнихъ экскурсій по разнообразнымъ колонизаціоннымъ районамъ я нигдѣ не встрѣчалъ, среди переселенцевъ, такого всеобщаго благосостоянія и такого полнаго довольства своимъ положеніемъ, какъ въ поселкахъ Сыръ-Дарьинской области. Не подлежитъ затѣмъ сомнѣнію, что крестьяне быстро усваиваютъ технику мѣстной ирригаціи,—настолько быстро, что изъ ихъ среды, иногда, выбираются мирабы при общемъ съ киргизами пользованіи водою. Но уже на этомъ пунктѣ приходится отмѣтить и нѣкоторыя не вполнѣ утѣшительныя явленія; крайне расточительное пользованіе оросительною водою, по сравненію съ туземнымъ населеніемъ; систематическое уклоненіе отъ работъ по очисткѣ и ремонту арыковъ,—если новоселы и даютъ себя привлечь къ участію въ такихъ работахъ, то они пристраиваются въ надсмотрщики или десятники, предоставляя туземцамъ черную работу; наконецъ, нежеланіе признавать выработанное вѣками водное обычное право, которое, при общемъ водопользованіи переселенцевъ со старожилами, замѣняется насиліемъ и произволомъ. А затѣмъ, къ далеко не утѣшительнымъ заключеніямъ придется прійти, если разсматривать хозяйство русскихъ переселенцевъ Туркестана не съ точки зрѣнія высоты достигнутаго ими, въ данный моментъ, благосостоянія, а съ точки зрѣнія *прочности* послѣдняго и характера ихъ сельскохозяйственной культуры. Земледѣльческое хозяйство русскихъ переселенцевъ—исключительно зерновое и почти лишено тѣхъ элементовъ плодосмѣна, которые такъ характерны для хозяйства сартовъ и, хотя и въ болѣе слабой степени, для хозяйства

---

[1]) Wiedenfeld, l. c., стр. 112.
[2]) „Сѣв. Вѣстн." 1893, іюль, стр. 5—6.

киргизъ; въ то же время оно ведется безъ навознаго удобренія, причемъ крестьяне либо обрабатываютъ свои поля непрерывно, либо ведутъ залежное хозяйство съ короткими періодами залежности. Характерно, что крестьяне, въ видѣ правила, не только не расширили культурной площади въ границахъ отведенныхъ имъ надѣловъ, но наоборотъ—запустили не мало такихъ площадей, которыя раньше обрабатывались туземцами; такъ, въ поселкѣ Георгіевскомъ заброшена и превратилась въ почти безплодный каменистый выгонъ довольно значительная часть прежнихъ киргизскихъ пашенъ: «такую землю только киргизскимъ омачемъ пахать—объясняли мнѣ крестьяне,—а нашимъ плугомъ нешто такой камень вспашешь!»; также точно, исключены изъ передѣла всѣ каменистыя площади, хотя бы ранѣе пахавшіяся, въ надѣлѣ пос. Высокаго—«только плугъ переломаешь», говорятъ крестьяне. Въ рядѣ случаевъ часть киргизскихъ пашенъ была запущена крестьянами подъ сѣнокосъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ довольно правильнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ,—довольно правильнымъ, пока стоять на почвѣ крестьянскаго зернового хозяйства, нуждающагося, конечно, въ отдѣльномъ сѣнокосѣ. Но самый зерновой сѣвооборотъ—уже шагъ назадъ по сравненію съ плодосмѣннымъ хозяйствомъ сартовъ и киргизъ, существеннымъ элементомъ котораго является разведеніе люцерны и другихъ кормовыхъ растеній. Новоселы, если сѣютъ люцерну, то почти исключительно въ огородахъ, и не разводятъ ни джугары, ни кормового проса, которые также являются у киргизъ существенными элементами плодосмѣна. Изъ спеціальныхъ культуръ извѣстнымъ распространеніемъ пользуется у новоселовъ плодоводство, хотя сады русскихъ поселенцевъ по обработкѣ и уходу, а потому—и по качеству плодовъ не представляютъ ничего похожаго на сады осѣдлыхъ туземцевъ или колонистовъ-менонитовъ. Хлопководство, ставшее, какъ извѣстно, главною отраслью сельскаго хозяйства Туркестана, довольно распространено и у крестьянъ тѣхъ мѣстностей, которыя по своему географическому положенію принадлежатъ къ хлопковому району. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь приходится отмѣтить весьма характерную разницу между туземцами и русскими поселенцами,—подмѣченную еще А. А. Половцовымъ въ его работѣ о крестьянской колонизаціи края [1]). «Среди крестьянъ—говоритъ г. Половцевъ,—нигдѣ еще посѣвы хлопка не достигли значительныхъ размѣровъ и являются только вспомогательною отраслью хозяйства, основаннаго преимущественно на воздѣлываніи хлѣбныхъ злаковъ. По отзывамъ этихъ крестьянъ—говоритъ далѣе г. Половцовъ, наблюденія котораго, въ данномъ случаѣ, совершенно совпадаютъ съ моими личными впечатлѣніями,—«нельзя разводить много хлопковыхъ полей за недостаткомъ оросительной влаги, хотя, быть можетъ, вѣрнѣе это приписать тому, что богатый урожай волокна получается лишь при очень тщательной культурѣ и при большой снаровкѣ»,—а между тѣмъ, «слѣдуя примѣру почти всѣхъ рус-

[1]) „Отч. о полож. перес. дѣла въ Турк. краѣ", стр. 171.

скихъ переселенцевъ, ташкентскіе главнымъ образомъ заботятся объ обезпеченіи себя собственнымъ хлѣбомъ». Иначе сказать: крестьяне, привыкнувъ видѣть признакъ довольства и благополучія въ большихъ запасахъ собственнаго хлѣба, въ большой площади запашекъ, предпочитаютъ увеличивать доходность своего хозяйства путемъ увеличенія площади подъ зерновыми хлѣбами, нежели получать такой же или, можетъ быть, даже большій доходъ отъ хлопководства и вообще отъ спеціальныхъ культуръ, при гораздо большей затратѣ кропотливаго труда, съ гораздо меньшей площади обработанной земли.

Итакъ, существеннѣйшими характерными чертами хозяйства сыръ-дарьинскихъ новоселовъ—надо замѣтить, что я говорю о лучшемъ, по характеру хозяйства новоселовъ, колонизаціонномъ районѣ Туркестана, обходя молчаніемъ ту безотрадную картину, которую представляютъ, напримѣръ, русскіе поселки Голодной степи,—являются безпощадная эксплоатація первоначальныхъ производительныхъ силъ почвы и преобладаніе въ сѣвооборотахъ зерновыхъ хлѣбовъ, дающихъ сравнительно низкій валовой и чистый доходъ. Отмѣтимъ прежде всего, что при *такомъ* характерѣ хозяйства ограниченная площадь культуро-способныхъ и пока свободныхъ земель Туркестанскаго края, можетъ конечно, обезпечить благосостояніе во много разъ меньшаго населенія, чѣмъ при господствующей въ краѣ интенсивной культурѣ. Мало того: мы видимъ, что русскіе поселенцы не могутъ и не желаютъ довольствоваться даже своими, по мѣстнымъ понятіямъ, огромными надѣлами [1]). Преобладаніе сравнительно малодоходныхъ культуръ при достигнутой крестьянами въ массѣ, высокой зажиточности побуждаетъ ихъ стремиться къ увеличенію своего дохода и къ утилизаціи капитала путемъ расширенія площади хозяйства; а истощающее почву безнавозное хозяйство заставляетъ новоселовъ распахивать все новыя и новыя земли, либо чтобы дать отдыхъ слишкомъ истощеннымъ надѣльнымъ пашнямъ, либо чтобы наряду съ послѣдними, получить въ свое распоряженіе еще не истощенныя земли и такимъ образомъ повысить общую доходность своего хозяйства. А отсюда, прежде всего, постоянныя жалобы на недостаточность надѣловъ и просьбы о прирѣзкахъ; вотъ, напримѣръ, пос. Антоновскій—всего 26 приписныхъ дворовъ, имѣющихъ въ среднемъ на дворъ по 22 десятины поливной земли, съ урожайностью надѣльныхъ земель, не падающею, по свѣдѣніямъ г. Гейера, ниже самъ $9^1/_2$. И тѣмъ не менѣе уже въ 1891 году, *черезъ четыре года по возникновеніи поселка*, «былъ поднятъ вопросъ о новой прирѣзкѣ земли для пашенъ, такъ какъ отведенный въ началѣ надѣлъ уже не удовлетворялъ крестьянъ». Еще въ концѣ 90-хъ годовъ, во время обслѣдованій гг. Гейера и Половцова, аренда не пользовалась большимъ распространеніемъ. Теперь дѣло совершенно измѣнилось, и благосостояніе если не всѣхъ,

[1]) Крестьянамъ отведено въ среднемъ: въ Ташкентскомъ уѣздѣ по 26, въ Чимкентскомъ по 35, въ Аульеатинскомъ по 34 дес. на надѣльный дворъ; а осѣдлые туземцы въ Ферганской области имѣютъ въ среднемъ на дворъ по 5,1 десятинъ.

то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ поселковъ въ настоящее время зиждется уже не столько на надѣльной, сколько на арендованной у киргизъ землѣ. И это—очень тревожный признакъ, такъ какъ арендный фондъ въ данной мѣстности отнюдь не безпредѣленъ, а съ истощеніемъ его начнется, или, вѣрнѣе, усилится массовое бѣгство новоселовъ куда нибудь на новыя, еще не выпаханныя земли.

Далеко рѣзче и безспорнѣе проявляется культурная слабость русскихъ переселенцевъ въ Приамурскомъ краѣ. Выше мы охарактеризовали уже тѣ неблагопріятныя особенности мѣстнаго климата, которыя до крайности затрудняютъ, особенно въ Уссурійскомъ краѣ, веденіе сельскаго хозяйства привычными для русскаго крестьянина способами и пріемами,—которыми, по словамъ Виденфельда [1]), «безусловно исключается малѣйшее сходство между пріемами обработки земли, общепринятыми въ европейской Россіи, и тѣми способами ея эксплоатаціи, которые цѣлесообразны на Амурѣ и Уссури». Присоединеніе Приамурья къ Россіи застало здѣсь довольно многочисленное китайское, корейское и манджурское населеніе, сплошь заселившее такъ называемый «зазейскій районъ» въ Амурской области и разсѣявшееся небольшими поселеніями по рѣчнымъ долинамъ Уссурійскаго края. Китайцы и корейцы продолжали проникать въ Уссурійскій край и послѣ присоединенія края,—«подвинувшись отъ своей родины къ сѣверу, въ предѣлахъ той же климатической зоны, въ какой жили сотни ихъ предшествовавшихъ поколѣній, они не нашли тамъ никакихъ препятствій для своего привычнаго образа жизни, для своихъ традиціонныхъ пріемовъ земледѣльческой культуры» [2]). А русскій крестьянинъ-переселенецъ оказывается совершенно неспособнымъ приноровиться къ своеобразной мѣстной природѣ и къ требованіямъ мѣстнаго хозяйства. «Исторія Амура,—говоритъ агрономъ Н. А. Крюковъ, авторъ нѣсколькихъ работъ по сельскому хозяйству Амурскаго края,—доказываетъ нашу полную неспособность и непригодность для колонизаціи», а главное—непосильность для насъ конкурренціи съ представителями желтой расы, притомъ одинаково на поприщѣ сельскаго хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли. «Колонизаціонный оплотъ нашъ,—говоритъ въ одной изъ своихъ записокъ Н. П. Архиповъ, нынѣ завѣдывающій переселенческой организаціей на дальнемъ востокѣ,—въ лицѣ земледѣльческаго контингента, какой удалось внѣдрить до сего времени въ краѣ, еще *слишкомъ слабъ въ своихъ хозяйственныхъ устояхъ, чтобы съ успѣхомъ выдерживать борьбу въ мирной культурной работѣ* (курсивъ нашъ. А. К.),—въ то время, какъ «желтымъ сосѣдямъ нѣтъ надобности приноравливаться къ особенностямъ климата и другимъ условіямъ наполняемой ими страны, нашимъ колонистамъ Приамурскаго края приходится потратить не мало силъ и энергіи, прежде чѣмъ укорениться въ новой, малоизвѣданной обстановкѣ»,—и въ конечномъ результатѣ наша колонизація, пока, «можетъ опираться

---

[1]) l. c., стр. 80.

[2]) П. М. Головачевъ, „Россія на Дальн. Востокѣ“, стр. 106.

только на вооруженную силу,—но опора эта имѣетъ свои предѣлы, и хозяйственному росту сосѣдей край долженъ въ концѣ концовъ противопоставить собственный хозяйственный ростъ» [1]). А г. Архиповъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ его многолѣтняя работа въ области организаціи переселеній,—одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ «друзей переселенцевъ», человѣкъ, склонный скорѣе преувеличивать, нежели умалять культурную миссію русскаго переселенца...

Мы не будемъ останавливаться подробнѣе на характеристикѣ крестьянскаго хозяйства въ одномъ изъ двухъ крупныхъ колонизаціонныхъ районовъ нашего дальняго востока—въ Амурской области. Климатическія особенности Приамурья выразились здѣсь еще не особенно рѣзко, а потому русская крестьянская культура—какъ и въ Туркестанѣ—до сихъ поръ не успѣла особенно ярко обнаружить своего безсилія. Хозяйство русскихъ поселенцевъ области,—это обычное русское крестьянское хозяйство самыхъ многоземельныхъ районовъ: огромныя запашки, чисто-зерновой переложный сѣвооборотъ съ преобладаніемъ пшеницы и овса, безъ какого бы то ни было плодосмѣна, отсутствіе интенсивныхъ культуръ, до самого простого огородничества включительно. Метеорологическія особенности края не оказывали до сихъ поръ какого либо специфическаго вреднаго вліянія на земледѣльческое хозяйство русскихъ поселенцевъ,—вредъ, причиняемый въ дождливые годы избыткомъ влаги, уравновѣшивался или даже перевѣшивался такимъ важнымъ преимуществомъ, какъ сравнительная рѣдкость засухъ; а затрудненія, сопряженныя съ уборкой хлѣбовъ и травъ при столь частыхъ во второй половинѣ лѣта дождяхъ, въ значительной мѣрѣ парализуются огромнымъ распространеніемъ среди амурскихъ поселенцевъ всякаго рода уборочныхъ машинъ. Благодаря огромному, 100-десятинному на семью надѣлу, не особенно давали себя чувствовать и обычныя послѣдствія безпорядочнаго переложнаго хозяйства. Однако, въ богатыхъ старыхъ селеніяхъ области уже появляются жалобы и на истощенность почвы, и, въ особенности, на недостатокъ кормовъ,—и въ самые послѣдніе годы прошлаго столѣтія русскіе поселенцы начали вводить въ сѣвооборотъ китайскіе бобы, съ одной стороны—какъ кормовое растеніе, съ другой—какъ способъ поддержанія производительности почвы; характерно при этомъ, что они не разводили своихъ сѣмянъ, а покупали сѣмена у за-зейскихъ манджуръ; и когда въ 1900 году эти манджуры были частью перебиты, частью прогнаны за китайскую границу, невозможность достать сѣмянъ вызвала прекращеніе,—надо, впрочемъ, думать временное,—культуры этого очень важнаго, при мѣстныхъ условіяхъ, растенія.

Чтобы исчерпать предметъ, мнѣ пришлось бы остановиться еще на зависимости хозяйства амурскихъ поселенцевъ отъ дешеваго китайскаго труда и отъ конкурренціи дешеваго китайскаго хлѣба, на былой роли за-зейскихъ манджуръ, какъ поставщиковъ огородныхъ

---

[1]) Записка о кредитахъ на перес. дѣло въ Приамур. краѣ на 1903 г., стр. 23.

*

овощей и т. п. продуктовъ, наконецъ на значеніи китайцевъ и китайскаго труда въ промышленной жизни края,—но всѣ эти вопросы имѣютъ для насъ лишь второстепенное значеніе, а потому мы ограничимся сказаннымъ для характеристики условій крестьянскаго хозяйства въ Амурской области,—условій, которыя приходится признать, сравнительно, еще весьма благопріятными.

Гораздо рѣзче, и при томъ тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ ближе къ Тихому океану и къ границѣ Кореи, выражены климатическія особенности дальняго востока въ Уссурійскомъ краѣ. Вдавшійся клиномъ въ корейскія владѣнія Посьетскій участокъ, благодаря постояннымъ дождямъ и туманамъ, а также гористому рельефу признается окончательно негоднымъ для русской колонизаціи. А между тѣмъ въ этомъ участкѣ живетъ до 15 тысячъ корейцевъ, и земледѣліе у нихъ въ цвѣтущемъ состояніи. Впрочемъ, представленія о годности или негодности земель для заселенія у представителей желтой расы и вообще совершенно не тѣ, что у русскихъ поселенцевъ. Мало-мальски значительный уклонъ, связная глинистая почва, подмѣсь въ почвѣ камня, сколько нибудь густая лѣсная поросль, всѣ эти условія дѣлаютъ землю, въ глазахъ русскаго поселенца, негодною для разработки. А китаецъ или кореецъ пашетъ все—и «горы», и «камень», и «глину», по терминологіи русскихъ поселенцевъ, и не смущается расчисткой самаго густого лѣса. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Хабаровска имѣется нѣсколько крестьянскихъ селеній, образованныхъ притомъ даже не степняками-малороссами, а привычными къ лѣсу могилевцами. Крестьяне этихъ деревень, зарабатывая хорошія деньги продажей въ городѣ дровъ, нарубленныхъ на своемъ надѣлѣ, совершенно не начинали (во всякомъ случаѣ—до 1901 года, когда я былъ въ Приамурскомъ краѣ) обрабатывать надѣльныхъ земель и такъ громко прокричали о совершенной ихъ негодности, что послѣдняя сдѣлалась чуть не общимъ мѣстомъ среди администраціи края. А между тѣмъ тутъ же, подъ Хабаровскомъ, расположилась группа корейскихъ деревень, снабжающая весь Хабаровскъ молочными и огородными продуктами; корейцы разработали изъ подъ лѣса сплошныя полосы по приамурскимъ уваламъ, и пашни ихъ залѣзли на такія кручи, которыя, дѣйствительно, легко было бы признать совершенно негодными для культуры.

Крестьянскія поселенія въ краѣ образовывались до сихъ поръ исключительно на совершенно безлѣсныхъ долинныхъ земляхъ, съ наилучшею черноземною почвой. Русская колонизація большею частью заставала здѣсь китайскія земледѣльческія фанзы и импани,—мало того, наличность ихъ служила главнымъ и наиболѣе безспорнымъ признакомъ, по которому судили о годности земель для земледѣльческой колонизаціи. За владѣльцами этихъ импаней и фанзъ, какъ за элементомъ, который былъ признанъ вреднымъ не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи, не признавалось никакихъ правъ на занятыя ими земли, изъ которыхъ съ особенною охотой образовывались и участки для водворенія русскихъ переселенцевъ и надѣлы для церковныхъ причтовъ, и участки для «наса-

жденія» въ краѣ частнаго землевладѣнія. Но согнанные съ занятыхъ и разработанныхъ ими земель, китайцы по большей части оставались жить на нихъ, арендуя землю у почившихъ ее въ надѣлъ переселенцевъ. И такое превращеніе хлѣборобовъ-крестьянъ въ землевладѣльцевъ, живущихъ насчетъ высокой китайской или корейской ренты—неизбѣжное слѣдствіе негодности русской сельско-хозяйственной культуры и невозможности конкурренціи ея съ китайскою или корейскою. Техническія преимущества послѣдней стали также общимъ мѣстомъ—намъ достаточно сослаться на работы Буссе, Крюкова, Унтербергера, Ритгиха, на труды Хабаровскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ:—это грядовая обработка съ чередованіемъ грядокъ, рядовой посѣвъ, крайне тщательная раздѣлка почвы, посѣвы бобовыхъ и просовыхъ растеній; ихъ важнѣйшія послѣдствія—сбереженіе производительности почвы, меньшая воспріимчивость посѣвовъ къ избытку влаги и къ грибнымъ болѣзнямъ, большая устойчивость сѣмянъ. Всѣ эти преимущества, какъ я могъ и лично удостовѣриться во время экскурсіи по Уссурійскому краю, отлично сознаются нашими крестьянами,—да трудно было и не сознать ихъ, когда послѣ немногихъ лѣтъ русской обработки превосходныя китайскія поля приходится забрасывать изъ-за «пьянаго хлѣба». И, однако, мнѣ извѣстно лишь одно селеніе, гдѣ крестьяне, въ основныхъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ, усвоили пріемы китайскаго хозяйства. Это дер. Пермская, вблизи залива св. Ольги: здѣсь послѣ двухъ-трехъ хлѣбовъ, посѣянныхъ «по-русски», поле раздѣлывается китайскимъ плугомъ въ грядки, которыя засѣваются рядовымъ посѣвомъ, а во время произрастанія хлѣба междурядія нѣсколько разъ пропахиваются и мотыжатся. Въ рядѣ другихъ селеній крестьянами усвоены отдѣльные элементы китайской земледѣльческой культуры — послѣ двухъ-трехъ посѣвовъ зернового хлѣба сдаютъ, напримѣръ, землю китайцамъ подъ посѣвъ черныхъ бобовъ, или раздѣлываютъ поля на широкія гряды, которыя однако засѣваютъ не рядами, а разбросным способомъ. Въ видѣ общаго правила, однако, крестьяне, сознавая превосходство китайской культуры, продолжаютъ однако держаться обычныхъ «русскихъ» пріемовъ. «Намъ ихніе порядки не годятся,—объясняли мнѣ крестьяне-старовѣры въ деревнѣ Петропавловкѣ:—китаецъ—онъ весь на пашнѣ и умираетъ на пашнѣ, а крестьянину этого нельзя: мы и такъ сѣна накосить не поспѣваемъ»...

Суть дѣла, значитъ, очень проста. Китайскіе пріемы, будучи *технически* весьма совершенными, невозможны для крестьянъ *экономически*, такъ какъ стоимость обработки по китайскому способу, при существующей въ краѣ высокой расцѣнкѣ русскаго труда, не можетъ окупиться стоимостью продукта при нынѣшнихъ, сравнительно невысокихъ его цѣнахъ. Китайская культура экономически возможна только для китайца, котораго трудъ и вообще оцѣнивается въ нѣсколько разъ дешевле, который притомъ, если онъ хозяинъ-одиночка, вовсе не учитываетъ своего труда, если же онъ работникъ или арендаторъ, работаетъ на разныхъ кабальныхъ или испольныхъ условіяхъ, еще болѣе обезцѣнивающихъ его трудъ. Вотъ почему и въ

частновладѣльческихъ хозяйствахъ края, и на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ распространеніе столь желательнаго явленія, какъ китайская культура, всегда сопровождается явленіемъ столь нежелательнымъ, хотя бы по его деморализующему вліянію, какъ китайская или корейская аренда и испольщина. Самимъ обрабатывать землю по-русски—плохо, по китайски—невыгодно, и сдача земли въ аренду остается такимъ образомъ наилучшимъ исходомъ. Ясенъ и единственный выходъ изъ этого положенія: русское сельское хозяйство въ Приамурьѣ вообще, а во всякомъ случаѣ въ Уссурійскомъ краѣ, должно усвоить тѣ элементы китайской культуры, которые были бы примѣнимы въ экономической обстановкѣ русскаго и ведущагося русскими рабочими хозяйства. Эта задача непосильна ни для крестьянскаго, ни для существующаго въ краѣ частновладѣльческаго хозяйства: даже лучшія хазяйства края, какъ хозяйство Г. А. Фика или К. Г. Гольденштета, работаютъ китайцами и корейцами-батраками или испольщиками, не говоря уже о заурядныхъ владѣльцахъ изъ купцовъ или чиновниковъ, все хозяйство которыхъ сводится къ эксплоатаціи китайскаго и корейскаго труда. Разрѣшить эту задачу можетъ только научно и въ то же время—практически поставленная агрономическая помощь, организація которой и является для Уссурійскаго края, можетъ быть въ нѣсколько меньшей степени для Амурской области, дѣломъ самой настоятельной необходимости. При существующемъ же положеніи вещей приходится мириться съ такими фактами, равносильными полному культурному пораженію нашей колонизаціи, какъ быстро-прогрессирующее распространеніе китайской и корейской аренды, и въ связи съ этимъ, мѣстами, даже совершенное забрасываніе крестьянами, а тѣмъ болѣе казаками, собственнаго хозяйства. Еще авторъ книги о Приморской области, бывшій мѣстный губернаторъ, П. Ф. Унтербергеръ, свидѣтельствовалъ, что «изъ числа крестьянъ, отдавшихъ землю въ обработку инородцамъ, часть совсѣмъ прекратила заниматься земледѣліемъ и живетъ насчетъ чужого труда». А мнѣ лично довелось быть въ одномъ небольшомъ казачьемъ поселкѣ, недалеко отъ станціи Иманъ, гдѣ сами казаки обрабатываютъ какихъ нибудь двѣ или три десятины (замѣтьте, не на дворъ, а *на весь поселокъ!*), но гдѣ китайцами-арендаторами засѣвается *до трехсотъ* десятинъ, съ платою по 12 пудовъ пшеницы или деньгами по 12 рублей за десятину... [1]).

Остановимся, въ заключеніе, еще на одномъ колонизаціонномъ районѣ,—на Черноморскомъ побережьѣ, гдѣ съ особенною ясностью проявилось культурное безсиліе русскаго переселенческаго движенія. Мартирологъ нашихъ черноморскихъ колонизаціонныхъ экспериментовъ достаточно извѣстенъ. Мы позволимъ себѣ отослать читателя къ недавно появившейся книжкѣ Л. С. Личкова [2]), извѣстнаго ста-

---

[1]) См. выше, стр. 310—311. Позволю себѣ сослаться на мою работу „Матер. для изуч. колониз. вмѣстости Приамурскаго края“, гдѣ этотъ вопросъ разобранъ подробно.

[2]) „Очерки изъ прошл. и настоящ. Черном. побережья“.

тистика и изслѣдователя крестьянскаго хозяйства. «Не зная мѣстныхъ условій—говоритъ г. Личковъ,—не зная, какъ надо вести здѣсь хозяйство, засельщики могли вести его только такъ, какъ вели у себя на родинѣ. Легкія почвы, требующія слабаго взрыхленія, они пахали тяжелыми плугами... Отъ глубокой задѣлки сѣмянъ поля заболачивались, сѣмена вымокали и урожай пропадалъ. На землѣ, пригодной только для винограда или табаку, засельщики сѣяли хлѣбъ; сады устраивались внѣ защиты отъ губительнаго нордъ-оста и на почвѣ, пригодной для какихъ либо иныхъ культуръ. Вырубая лѣса для сбыта, рубили ихъ тамъ, гдѣ они защищали посадки либо отъ нордъ-оста, или отъ вѣтровъ съ моря. Словомъ, дѣлали почти все, наперекоръ природѣ и наоборотъ тому, какъ поступали горцы. Хозяйство не шло, новоселы проѣдались, разорялись и, убѣждаясь въ невозможности вести хозяйство въ этой трущобѣ, приходили въ полное отчаяніе». И при этомъ новоселамъ «негдѣ и не отъ кого было получить какихъ бы то ни было указаній и совѣтовъ. Пришедшіе до нихъ знали столько же или почти столько же, сколько и они; мѣстное начальство тоже не знало мѣстныхъ условій». А конечный результатъ колонизаціи края, гдѣ еще недавно благоденствовало многочисленное туземное населеніе, изображается другимъ изслѣдователемъ, И. И. Клингеномъ, въ такихъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ: «населеніе побережья не прибавлялось, а скорѣе регрессировало, и колоніи прозябали, а не процвѣтали; ничтожная производительность земли, всюду жалкая культура, уныніе въ сердцахъ, вѣчные вздохи о покинутой родинѣ, бѣдность, болѣзни, общій упадокъ и одичаніе,—вотъ что рѣжетъ глаза на каждомъ шагу»... Отсюда — возникшій въ мѣстномъ сельскохозяйственномъ комитетѣ вопросъ объ отмѣнѣ установленнаго, въ политическихъ видахъ, запрещенія иностраннымъ подданнымъ и вообще лицамъ нерусскаго происхожденія селиться и пріобрѣтать землю въ краѣ. Комитетъ, большинствомъ, высказался за сохраненіе этого запрещенія, исходя изъ того убѣжденія, что и русскіе поселенцы «прекрасно осваиваются съ незнакомою имъ природой и, при условіи извѣстной поддержки, дѣятельно принимаются за неизвѣстные имъ дотолѣ виды хозяйственныхъ работъ» [1]).

Мы отнюдь не думаемъ, чтобы русскіе переселенцы были безнадежно-неспособны осваиваться съ незнакомою имъ природой и привыкать къ новымъ видамъ сельскохозяйственнаго труда; пока, какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, этого не замѣчалось. Но мы не можемъ представить себѣ болѣе рѣшительнаго приговора надъ русскою колонизаціею Черноморья, нежели нижеслѣдующія слова одного изъ рьяныхъ защитниковъ привиллегій «лицъ русскаго происхожденія», г. Трувеллера, секретаря Сочинскаго общества сельскаго хозяйства. Для г. Трувеллера иностранный элементъ— «не что иное, какъ «кукушкино отродье», выбрасывающее законныхъ птенцовъ изъ выростившаго ихъ (?) гнѣзда»; по его мнѣнію, «необходимо дать русскимъ поселенцамъ время безъ конкурренціи пу-

1) Труды к-товъ, Кавказ. край, стр. 540 и 582—3.

стить корни въ краѣ, необходимо обезпечить ихъ *тѣми самыми землями, которыя занимаютъ инородцы* (курсивъ нашъ. А. К.), предоставить имъ свободу дѣйствій и дать возможность сплотиться между собою и прочно утвердиться на всѣхъ поприщахъ. Тогда наплывъ въ край инородцевъ, если бы и послѣдовалъ, не будетъ угрозой для русской народности и русскихъ стремленій»... Къ сожалѣнію, приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что русскіе поселенцы *уже были* посажены на тѣ самыя земли, на которыхъ, до завоеванія края, благоденствовали туземцы; что ихъ *всемѣрно старались* оградить отъ иностранной и инородной конкурренціи, и что отъ этого всего получилась только «жалкая культура и уныніе въ сердцахъ». Если желать дѣйствительнаго развитія и роста русской колонизаціи— а мы этого искренно желаемъ, разъ *русскіе переселенцы* сами не являются «кукушкинымъ отродьемъ», то для этого надо искать другихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало еще испытанныхъ нами, способовъ и средствъ...

Возможенъ ли, спрашивается, какой либо общій выводъ изъ того ряда характеристикъ, который мы представили вниманію читателя на послѣднихъ нѣсколькихъ страницахъ? На первый взглядъ—никакого. Что общаго между «уныніемъ въ сердцахъ», этимъ конечнымъ результатомъ русской колонизаціи Черноморья, или хроническими голодовками новоселовъ киргизскаго края, — и завиднымъ благосостояніемъ русскихъ поселеній Туркестана и Приамурья?.. Стоитъ заглянуть поглубже,—и объединяющій признакъ найдется. Въ столь непохожихъ другъ на друга симптомахъ выражается та самая тяжелая болѣзнь, однимъ изъ проявленій которой приходится признать, въ конечномъ счетѣ, и самое переселеніе. Мѣстами эта болѣзнь не вышла еще изъ инкубаціоннаго періода, и ея не замѣчаетъ не только самъ больной, но даже и посторонніе наблюдатели: что, казалось бы, худого, если высокое благосостояніе туркестанскихъ новоселовъ побуждаетъ ихъ расширять свое хозяйство путемъ аренды у киргизъ?.. Иногда болѣзнь также еще не ощущается самимъ больнымъ, но врачи констатируютъ уже глубокія внутреннія разрушенія въ организмѣ,— таково положеніе столь зажиточныхъ, на поверхностный взглядъ, уссурійскихъ новоселовъ, уже выдѣлившихъ изъ себя многочисленный элементъ «праздныхъ людей, тунеядцевъ, нежелательныхъ особенно въ новомъ краю» [1]). Мѣстами болѣзнь уже выразилась въ очевидныхъ для каждаго острыхъ симптомахъ, въ видѣ хроническихъ голодовокъ, или неизбѣжно породитъ такіе же симптомы, какъ только прекратится искусственное питаніе организма еще неистощившимися окончательно запасами цѣлинныхъ земель. Мѣстами, какъ на Черноморьѣ, болѣзнь — эта своего рода малярія, сразу сломила попавшій въ непривычныя и чуждыя условія организмъ, который тщетно пытаются оживить искусственными вдыханіями и электризаціями. *Но болѣзнь—вездѣ одна и та же*, и это надо ясно и отчетливо сознать, чтобы найти въ себѣ внутреннюю силу и отыскать матеріальныя

---

[1]) Крюковъ, l. c., стр. 140.

средства побороть ее въ корнѣ, а не тратить силъ на тщетную борьбу съ ея симптомами. Эта болѣзнь—*культурное безсиліе*, находящее себѣ выраженіе и въ неумѣніи приспособлять хозяйство къ категорическимъ требованіямъ времени и мѣста,—и въ свойственномъ низкой культурѣ стремленіи во что бы то ни стало *расширять, а не углублять* свое хозяйство. «Малодѣятельный и трудно-доступный для новизны, говоритъ К. Виденфельдъ [1]), переселенецъ и въ Сибири ищетъ тѣхъ условій, къ которымъ онъ привыкъ на родинѣ; если онъ ихъ не находитъ, у него не хватаетъ знанія, рѣшимости, выдержки, наконецъ и матеріальныхъ средствъ, чтобы преодолѣть встрѣченныя затрудненія,—онъ очень скоро теряетъ терпѣніе и покидаетъ только что полученную землю, къ которой его ничто не привязываетъ, на которой ему нечего терять»... Въ зависимости отъ тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыя попадаетъ зараженный болѣзнью организмъ, болѣзнь принимаетъ гдѣ болѣе, гдѣ менѣе острыя формы и требуетъ гдѣ болѣе, гдѣ менѣе радикальнаго леченія. Въ такихъ районахъ, какъ коренная Сибирь или сѣверныя киргизскія степи, то хозяйство, которое ведутъ или стремятся вести русскіе переселенцы, въ принципѣ болѣе или менѣе раціонально и требуетъ лишь нѣкотораго частичнаго приспособленія и измѣненія. Въ Туркестанѣ, Черноморьѣ, Уссурійскомъ краѣ хозяйство русскаго переселенца негодно *въ принципѣ* и должно быть замѣнено совершенно инымъ хозяйствомъ, въ соотвѣтствіи съ принципіально-отличными естественными условіями этихъ окраинъ.

Опытъ достаточно доказалъ, что нашъ крестьянинъ-переселенецъ самостоятельно *не можетъ* справиться съ этою задачей; и настоятельною, вопіющею потребностью переселенческаго дѣла является, поэтому, широко, но *жизненно* и *практически* поставленная агрономическая помощь. Въ зависимости отъ коренной разницы условій, задачи и организація этой помощи должны быть однѣ въ районахъ, гдѣ можно довольствоваться частичными поправками къ принятымъ у русскихъ новоселовъ способамъ и пріемамъ веденія хозяйства,—и совершенно другія въ мѣстностяхъ, гдѣ эти способы и пріемы оказываются принципіально-непригодными. Во второмъ случаѣ задача несравненно сложнѣе и труднѣе, а можетъ быть она и вовсе неразрѣшима, въ виду тѣхъ соображеній, которыми намъ придется черезъ нѣсколько страницъ закончить эту книгу.

Но раньше мы должны остановиться еще на одномъ частномъ вопросѣ. Именно, возможно ли ограничиться одною *спеціально-агрономической* помощью переселенцамъ, и можетъ ли такая помощь дать надлежащіе результаты безъ *общаго подъема ихъ культурнаго уровня?* Въ извѣстныхъ, ограниченныхъ рамкахъ на этотъ вопросъ можно дать утвердительный отвѣтъ. Мы видѣли, что нашъ крестьянинъ, при всей своей некультурности, оказался въ состояніи усвоить технику туркестанскаго ирригаціоннаго хозяйства. Хозяйственная исторія Сибири за послѣднія $1^1/_2$—2 десятилѣтія показываетъ, какъ

[1]) l. c., стр. 112.

быстро и легко распространяются тѣ или иныя частныя улучшенія, разъ населеніе имѣло случай убѣдиться въ ихъ цѣлесообразности и выгодности [1]). Такіе факты ясно показываютъ, что крестьянинъ-новоселъ, даже какъ онъ есть теперь, отнюдь не недоступенъ улучшеніямъ своего традиціоннаго хозяйства. Поэтому агрономическая помощь и сейчасъ имѣетъ передъ собой широкое поприще, и съ организаціей ея нѣтъ основанія ждать общаго подъема культурнаго уровня нашихъ переселенцевъ-новоселовъ. Но сфера возможнаго вліянія спеціально-агрономической помощи при данномъ уровнѣ культурности населенія остается очень ограниченною. Всякое серьезное хозяйственное улучшеніе требуетъ нѣкоторой интенсификаціи хозяйства, нѣкотораго увеличенія затратъ труда на обработку единицы площади земли; а нашъ крестьянинъ, при данномъ уровнѣ своей общей культурности, стремиться и неизбѣжно будетъ стремиться къ количественному его расширенію. Предпочесть интенсификацію такому расширенію можетъ лишь тотъ, кто считается не только съ потребностями и выгодами настоящаго момента, но также и съ тѣмъ близкимъ будущимъ, когда неизбѣжно проявятся вредныя послѣдствія экстенсивно-хищническаго переселенческаго хозяйства. Но такая предусмотрительность чужда человѣку, стоящему на извѣстномъ низкомъ уровнѣ культуры, и лишь повышеніе послѣдней можетъ замѣнить «авось» и погоню за рискованными выгодами ближайшаго момента болѣе планомѣрными и дальновидными разсчетами.

Но недостатокъ общей культурности выражается отнюдь не въ одной только сферѣ агрономической помощи переселенцамъ. Некультурность послѣднихъ,—мы должны здѣсь немного уклониться отъ нити нашего изложенія,—даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу, во всѣхъ моментахъ той сложной организаціи, которая необходима, чтобы упорядочить процессъ какъ обзаведенія переселенцевъ на «новыхъ мѣстахъ», такъ даже и ихъ передвиженія. Извѣстно, что великороссамъ, какъ колонизаторамъ, приписываются одни, малороссамъ—другія преимущества; но «когда дѣло коснется до исполненія какой нибудь общественной обязанности, то тѣ и другіе становятся одинаково азіатами, и тѣ и другіе могутъ наслаждаться жизнью, когда вокругъ страшный смрадъ, благодаря собственной безпечности, или мокнуть подъ дождемъ, дрожать отъ холода, когда въ двухъ шагахъ чуть не дѣвственный лѣсъ... До другихъ товарищей по несчастью ни тѣмъ, ни другимъ нѣтъ никакого дѣла: будетъ ли кто жить послѣ ихъ ухода на томъ мѣстѣ, которое они загадили, или въ той юртѣ, войлоки съ которой они украли,—объ этомъ никто не думаетъ... Попробуйте ихъ заставить чистить лагерь, внушить имъ, что больные корью требуютъ изоляціи,—и въ результатѣ получится одно глупое разсужденіе о безполезности». И эти строки выписаны,—замѣтьте, читатель—не изъ какого нибудь человѣконенавистническаго изданія; авторъ ихъ, г. Омельченко, очевидно, бывшій «пунктовой студентъ», и перомъ его водила искренняя и истинная любовь къ этому бѣдному,

---

[1]) См. выше, стр. 203 и др.

темному, сѣрому мужику... Во время экскурсіи по Амурской области мнѣ пришлось, между прочимъ, пересѣчь, въ нѣсколькихъ мѣстахъ «зазейскій районъ», въ которомъ еще за годъ передъ тѣмъ благоденствовало нѣсколько десятковъ, теперь уничтоженныхъ, манзовскихъ селеній. На бойкой проѣзжей дорогѣ мой экипажъ увязъ въ болотѣ—пришлось посылать за народомъ на ближайшія молоканскія заимки. И что же оказалось? Еще за годъ передъ тѣмъ на всѣхъ дорогахъ существовали прекрасныя, крѣпкія манзовскія гати; всѣ эти гати разобрали на дрова переселенцы-могилевцы, которымъ мѣстное начальство позволило снять хлѣбъ, брошенный на манзовскихъ поляхъ. А вотъ, читатель, какъ относятся новоселы къ стоившимъ милліоновъ гидротехническимъ сооруженіямъ, благодаря которымъ только и сдѣлалось возможнымъ образованіе десятковъ переселенческихъ селеній: «переселенцы Убинской волости,—читаемъ мы въ одномъ актѣ о пріемѣ гидротехническихъ сооруженіи,—недостаточно бережно обращаются съ этими сооруженіями, какъ-то: устраиваютъ переѣзды и прогоняютъ скотъ черезъ каналы и канавы, даже ѣздятъ по самимъ каналамъ», они «не всегда удовлетворительно ограждаютъ колодцы, построенные на казенныя средства, не закрываютъ ихъ крышками, недостаточно часто очищаютъ ихъ отъ заносовъ и пр.». Или вотъ другое свидѣтельство, которое тѣмъ менѣе основанія заподозрить въ намѣренномъ преувеличеніи, что оно приводится какъ мотивъ необходимости постройки казною возможно бо́льшаго количества мостовъ черезъ осушительные каналы: «крестьяне, въ случаѣ необходимости переѣхать каналъ, заваливаютъ его кочками, соломой и сѣномъ и такимъ образомъ засоряютъ его»... Мы уже не будемъ останавливаться на такихъ фактахъ, какъ безобразно-хищническая вырубка лѣсовъ,—дѣло, въ которомъ новоселы далеко оставили за собою сибирскихъ старожиловъ; какъ систематическое зanaвоживаніе озеръ и рѣчекъ,—все это факты слишкомъ общеизвѣстные и не представляющіе собою чего либо характернаго именно для переселенцевъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что лишь съ повышеніемъ общаго уровня культурности переселенецъ перестанетъ уподобляться тому, если я не ошибаюсь, пошехонцу, который подрубалъ сукъ, предохранявшій его отъ паденія...

Итакъ, правильно и цѣлесообразно-организованная агрономическая помощь и поднятіе общаго уровня культурности,—таковы двѣ насущнѣйшихъ потребности, или можетъ быть, точнѣе—такова насущнѣйшая потребность нашего переселенческаго дѣла, разсмотрѣнная въ ея ближайшихъ, конкретныхъ, и въ ея болѣе, общихъ проявленіяхъ. Только съ такимъ оружіемъ въ рукахъ мы могли бы конкуррировать съ опирающеюся если не на точное знаніе и не на научно поставленный экспериментъ, то во всякомъ случаѣ на многовѣковое приспособленіе къ мѣстнымъ условіямъ культурою такихъ народовъ, какъ китайцы или корейцы на дальнемъ востокѣ, или сарты и другіе осѣдлые туземцы въ русскомъ Туркестанѣ. Но сказать это—значитъ подойти едва ли не къ самому существенному изъ тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, которыми такъ чреватъ переселенческій вопросъ. Вѣдь самое переселеніе, для

главной массы переселенцевъ, является въ послѣднемъ счетѣ слѣдствіемъ несоотвѣтствія издавна установившихся способовъ эксплоатаціи земли современнымъ условіямъ населенности и землевладѣнія, и обусловливаемой слабостью нашей общей культуры неспособности нашего крестьянства къ достаточно быстрому прогрессивному развитію своего хозяйства. Если наше *относительно* малоземельное крестьянство переселяется, то именно потому, что низкій уровень культурности мѣшаетъ ему повысить уровень своей сельскохозяйственной культуры. Между тѣмъ, и на новыхъ мѣстахъ переселенецъ оказывается лицомъ къ лицу все съ тою же альтернативой: либо терпѣть, если не сейчасъ, то въ близкомъ будущемъ, все отъ того же хроническаго кризиса, опять голодать и опять переселяться,—либо рѣшиться на болѣе или менѣе серьезную ломку привычнаго и кажущагося ему единственно-возможнымъ хозяйства. Но въ такомъ случаѣ—*зачѣмъ же ему переселяться?* Если крестьянинъ,—а въ этомъ мы не сомнѣваемся,—способенъ къ культурному и хозяйственному прогрессу,—этотъ прогрессъ достанется ему гораздо легче на родинѣ, гдѣ онъ располагаетъ по крайней мѣрѣ эмпирическимъ знакомствомъ съ мѣстными условіями, гдѣ ему не приходится производить связанной съ переселеніемъ разорительной ликвидаціи стараго хозяйства и гдѣ кромѣ того самое приспособленіе потребуетъ менѣе рѣзкой ломки всѣхъ установившихся хозяйственныхъ порядковъ, нежели гдѣ нибудь въ Туркестанѣ или Приамурьѣ. Съ этой точки зрѣнія еще имѣло бы смыслъ переселеніе въ коренную Сибирь или киргизскій край, если бы были на лицо достаточные земельные запасы: крестьянская колонизація могла бы давать здѣсь достаточно прочные результаты при сравнительно несложныхъ и нетрудныхъ улучшеніяхъ методовъ и пріемовъ крестьянскаго хозяйства. Но въ Туркестанѣ или въ Уссурійскомъ краѣ эти методы или пріемы приходится цѣликомъ выбросить за бортъ и замѣнить другими, основанными на совершенно новыхъ принципахъ, — и передъ русскимъ колонизаторомъ Приамурья или Туркестана стоитъ такимъ образомъ гораздо болѣе трудная задача, нежели передъ оставшимися на родинѣ его сосѣдями или односельчанами.

А отсюда, кажется намъ, вытекаетъ все тотъ же, въ существѣ, конечный выводъ, къ которому мы уже подходили разными путями въ предыдущихъ главахъ: что переселеніе, вполнѣ раціональное для тѣхъ *абсолютно-малоземельныхъ* элементовъ, которые еще не порвали своей связи съ земледѣліемъ и которые притомъ никакимъ другимъ способомъ не могутъ получить земельнаго обезпеченія въ предѣлахъ Европейской Россіи, не можетъ быть признано для *относительно* малоземельныхъ не только *радикальнымъ* рѣшеніемъ вопроса—такимъ его теперь уже никто и не считаетъ, но и сколько нибудь раціональнымъ и цѣлесообразнымъ палліативомъ. Разоряя сложившееся хозяйство переселенца, ставя его лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ рискомъ и случайностью, оно предъявляетъ, при данныхъ конкретныхъ условіяхъ, не *меньшія*, а скорѣе *большія* требованія и къ спеціально-сельскохозяйственной, и къ общей культурности крестья-

нина, и къ его матеріальнымъ средствамъ. Переселеніе, поэтому, должно быть вычеркнуто изъ числа средствъ разумнаго *воздѣйствія* на крестьянское землепользованіе и хозяйство. Переселеніе слѣдуетъ разсматривать исключительно *какъ фактъ*, и вся переселенческая политика должна быть направлена съ одной стороны къ тому, чтобы облегчить переселеніе тѣмъ, кто еще не желаетъ отказаться отъ мысли выселенія; а съ другой—къ тому, чтобы по возможности уменьшить число такихъ желающихъ переселяться. Для этой цѣли хороши *всѣ* способы—кромѣ запрещеній и принужденій: ходачество, распространеніе среди народа правильныхъ свѣдѣній объ условіяхъ устройства и обзаведенія на новыхъ мѣстахъ, но главное—положительныя мѣры къ улучшенію условій крестьянскаго землепользованія и хозяйства на мѣстахъ. И во всякомъ случаѣ слѣдуетъ твердо помнить, что переселеніе не можетъ ни на одну минуту отдалить, не можетъ ни на одну іоту ослабить переживаемый нашимъ крестьянствомъ кризисъ, и что поэтому заботы о переселеніи ни на одну минуту не могутъ отвлекать отъ болѣе коренныхъ, но конечно, болѣе трудныхъ заботъ о повышеніи крестьянскаго благосостоянія и крестьянской культуры.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Переселенческій вопросъ

въ литературѣ

и общественномъ мнѣніи.

поворотъ въ этой политикѣ,—то и этотъ поворотъ не можетъ быть отнесенъ на счетъ давленія общественнаго мнѣнія, по крайней мѣрѣ, въ его гласныхъ проявленіяхъ. Онъ былъ обусловленъ, съ одной стороны невозможностью вести дѣло дальше въ прежнемъ направленіи, съ другой—вліяніемъ совершенно постороннихъ дѣлу обстоятельствъ, выдвинувшихъ на первый планъ колонизаціонные интересы. Конечно, всѣ мысли, воплотившіяся въ политикѣ комитета Сибирской желѣзной дороги,—кромѣ, можетъ быть, мысли о планомѣрномъ развитіи ходачества,—почти всѣ эти мысли задолго до того высказывались и мотивировались, какъ мы сейчасъ увидимъ, нашею литературой. Но нѣтъ, опять-таки, никакихъ данныхъ думать, чтобы проведеніе этихъ идей въ практическую жизнь въ какой либо мѣрѣ было вызвано указаніями общественнаго мнѣнія. Сравнительно сильнѣе непосредственное вліяніе общественнаго мнѣнія и общественныхъ движеній отразилось если не на детальной разработкѣ и окончательной редакціи, то во всякомъ случаѣ—на первоначальной формулировкѣ идей переселенческаго закона 6 іюня 1904 года: здѣсь ясно чувствуется вліяніе мыслей, высказывавшихся довольно многими мѣстными сельскохозяйственными комитетами,—но еще яснѣе можно прослѣдить зарожденіе идей закона 6 іюня подъ непосредственнымъ давленіемъ тѣхъ крестьянскихъ волненій, которыя имѣли мѣсто въ малороссійскихъ губерніяхъ лѣтомъ 1902 года.

Настоящее приложеніе къ нашей книгѣ мы намѣрены посвятить обзору тѣхъ главнѣйшихъ теченій и взглядовъ, которые нашли себѣ выраженіе въ литературѣ переселенческаго вопросахъ, въ земскихъ ходатайствахъ и заключеніяхъ и въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ 1902 года [1]).

Обзоръ литературныхъ мнѣній авторъ имѣлъ сначала въ виду дать отдѣльно по двумъ крупнымъ эпохамъ: до и послѣ учрежденія комитета Сибирской желѣзной дороги. Мы знаемъ, какъ рѣзко переселенческая политика Сибирскаго комитета отличалась отъ политики,

---

[1]) Мы совершенно не задавались цѣлью исчерпывающимъ образомъ изучить относящійся къ данному вопросу матеріалъ. Такъ, обозрѣвая литературу, мы ограничиваемся отдѣльными монографіями по переселенческому вопросу, общими сочиненіями экономическаго и аграрнаго содержанія и журнальными статьями. Говоря о земствахъ, мы будемъ пользоваться исключительно данными, сведенными г. Сазоновымъ въ его „обзорѣ дѣятельности земствъ“ за 1865—1895 гг. и въ изданіи министерства земледѣлія—„нужды сельскаго хозяйства и т. д. по отзывамъ земскихъ собраній“ (2-ое изданіе, Спб. 1902). Разбираться въ газетномъ матеріалѣ и въ безчисленныхъ томахъ земскихъ докладовъ и постановленій было бы задачей, для насъ совершенно непосильною. И только заключенія комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности авторъ, не смотря на существованіе двухъ сводовъ — оффиціальнаго г. Сосновскаго („Сводъ трудовъ комитетовъ. Землевладѣніе“, глава II), и неоффиціальнаго—г. Пѣшехонова („Нужды деревни“, т. II, статья „земельныя нужды деревни“) счелъ необходимымъ подвергнуть совершенно самостоятельной обработкѣ—впрочемъ пользуясь, при этомъ, постраничнымъ указателемъ г. Сосновскаго.

господствовавшей съ 1861 по 1892 годъ, и какъ измѣнилась обстановка переселенческаго движенія, благодаря сравнительно широкой финансовой постановкѣ дѣла: знаемъ, что за короткое время, протекшее съ 1893 года, было на практикѣ испытано многое изъ того, что еще недавно казалось недосягаемымъ идеаломъ; знаемъ, съ другой стороны, что безбрежные колонизаціонные планы, строившіеся на милліонахъ квадратныхъ верстъ и милліардахъ десятинъ нашихъ колонизаціонныхъ территорій, разбились о фактически выяснившуюся ограниченность запасовъ, дѣйствительно пригодныхъ для заселенія земель. Зная сверхъ того, что благосклонная для переселеній правительственная политика новѣйшаго періода отразилась и на цензурныхъ условіяхъ, ослабивъ тѣ ограниченія, которыми до 1892 г. было обставлено обсужденіе въ печати переселенческаго вопроса, мы были вправѣ ожидать, что новѣйшій періодъ исторіи нашей переселенческой политики будетъ и самостоятельнымъ періодомъ въ исторіи литературы переселенческаго вопроса. Однако, ничего подобнаго въ дѣйствительности не оказалось. Основныя идеи, господствующій тонъ въ литературѣ переселенческаго вопроса остались тѣ же, что и въ предшествовавшую эпоху, и звучащія по временамъ диссонирующія ноты также не составляютъ специфической особенности новѣйшаго періода. Современная литература весьма мало воспользовалась тѣмъ матеріаломъ для фактической характеристики переселенческого движенія и его результатовъ, который можно извлечь изъ переселенческой статистики и изъ оффиціальныхъ источниковъ. Въ частности, переселенческая политика Сибирскаго комитета осталась почти незамѣченною въ нашей литературѣ, которая почти не касалась общихъ принциповъ этой политики и болѣе или менѣе игнорировала заслуги комитета въ дѣлѣ попеченія о переселенцахъ на пути и въ мѣстахъ новаго водворенія. Характеризуя современное положеніе переселенческаго дѣла, литеретура прибѣгаетъ къ тѣмъ же краскамъ, какими пользовались въ свое время Ядринцевъ или Исаевъ, сплошь и рядомъ говоря, какъ о desiderata, о такихъ вещахъ, которыя уже успѣли получить болѣе или менѣе полное осуществленіе. Не умножая примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго упомянемъ хотя бы о томъ, что г. Кирьяковъ, авторъ очень полезной, въ общемъ, книжки о переселеніи, вышедшей въ свѣтъ въ 1902 году, обрисовываетъ современное положеніе дѣла передвиженія переселенцевъ при помощи цитатъ изъ статей Ядринцева, Исаева и др., писанныхъ въ началѣ 90-хъ годовъ, а въ подтвержденіе вѣрности нарисованной имъ безотрадной картины приводитъ статистическія данныя о смертности переселенцевъ, собранныя пишущимъ эти строки тоже въ началѣ 90-хъ годовъ и относящіеся, въ главной своей массѣ, къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія. А г. Бѣлевскій, авторъ статьи, появившейся осенью 1904 г. въ такомъ солидномъ журналѣ, какъ „Русское Богатство“ [1]), видитъ и „въ обильныхъ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ движенія, и въ требованіи представленія пересе-

[1]) Августъ, 1904 г.

ленцами денежныхъ средствъ, достаточныхъ для переѣзда и устройства на мѣстѣ, и въ скудости домообзаводственныхъ пособій",—логическое послѣдствіе той основной посылки, что „мотивомъ послѣдовавшей перемѣны въ переселенческой политикѣ послужили нужды желѣзной дороги, а не населенія, жаждущаго земли"; мало того—г. Бѣлевскій признаетъ, что именно эта политика „создала и величайшее зло современнаго эмиграціоннаго дѣла — обратное переселеніе". А между тѣмъ ясно, что въ пассивъ переселенческой политики, имѣвшей своимъ исходнымъ пунктомъ нужды Сибирской желѣзной дороги, можно отнести все, что угодно, но только не стѣсненія и ограниченія движенія, которыя, наоборотъ, были совершенно противны видамъ этой собственно политики.

Какъ я уже упоминалъ, безъ измѣненія остался, въ общемъ, и господствующій тонъ нашей литературы, поскольку она занимается переселенческимъ вопросомъ,—господствующій тонъ, опредѣлявшійся въ значительной мѣрѣ тѣмъ опасливымъ и недоброжелательнымъ отношеніемъ правительства къ переселенію, которое безраздѣльно господствовало до 1893 года. Основною своею задачею литература ставила доказать неосновательность такого отношенія къ переселенческому вопросу и выяснить важное положительное значеніе переселеній. Еще кн. А. И. Васильчиковымъ, въ 1876 году, было высказано, что „никакое поземельное положеніе, никакой аграрный и соціальный строй не можетъ быть признанъ довершеннымъ, полнымъ и прочнымъ, если онъ не дополняется правильною системой колонизаціи. Это—замѣчаетъ князь—послѣдній нашъ выводъ, послѣднее слово нашихъ изслѣдованій о поземельномъ бытѣ разныхъ странъ и народовъ". Въ частности, „поземельное положеніе, введенное въ Россіи въ 1861 году, хотя и составляетъ лучшую страницу въ исторіи современныхъ гражданствъ, остается полумѣрой, покуда оно не продолжено, не дополнено широкою системой колонизаціи, вольнаго перехода и переселеній; только совокупностью этихъ двухъ мѣръ можетъ быть предупреждено излишнее скопленіе населенія въ однихъ мѣстахъ, малоземелье и тѣснота въ другихъ, и достигнуто, насколько, вообще, достижимо совершенство въ человѣческихъ учрежденіяхъ, равномѣрное распредѣленіе поземельной собственности". Конечно, даже самые горячіе сторонники переселеній не видѣли въ нихъ всеспасающаго и единоспасающаго средства для уврачеванія всѣхъ русскихъ экономическихъ и соціальныхъ золъ. „Никто конечно — говорилъ Ядринцевъ въ своей извѣстной книгѣ „Сибирь какъ колонія",—не будетъ указывать на колонизацію, какъ на разрѣшеніе всѣхъ народно-экономическихъ вопросовъ, которые находятся въ связи съ аграрными законами, установившимися соціальными отношеніями, распредѣленіемъ богатствъ, знаній и т. п. Въ этомъ отношеніи колонизація, безъ сомнѣнія, должна быть признана палліативою соціальныхъ золъ, но она важна тѣмъ, что въ переходныя времена кризисовъ, по мѣрѣ движенія экономическаго прогресса, она предотвращаетъ бѣдствія и катастрофы, открывая во-время клапанъ жизни".

И такъ же точно, въ существѣ дѣла, ставитъ вопросъ, въ самое новѣйшее время, одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ экономистовъ, А. В. Пѣшехоновъ, въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ 2-мъ томѣ „Нуждъ деревни по работамъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ". Признавая массовое переселеніе, какъ единственный способъ къ уврачеванію нашихъ аграрныхъ затрудненій, и не выполнимымъ по существу, и „нецѣлесообразнымъ до нелѣпости", опредѣленно высказывая, что осуществить планъ такого „новаго переселенія народовъ" значило бы „отказаться отъ большей части того, что нажито тысячелѣтнею культурой", г. Пѣшехоновъ придаетъ однако огромное значеніе переселенію „въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо для того, чтобъ устроить избыточную часть населенія и регулировать земельныя отношенія въ мѣстахъ выселенія" — задача, впрочемъ, какъ мы старались показать во 2-ой части нашей книги, также неосуществимая на практикѣ.

Въ числѣ разнообразныхъ возраженій, которыя выдвигались противъ переселенія его гласными и негласными противниками, не послѣднюю роль играло угрожающее ослабленіе центра, обусловленное бѣгствомъ населенія на окраины. Литература естественно стремится доказать полную неосновательность этого опасенія. Россія—это подчеркивалось многими авторами—поставлена въ этомъ отношеніи въ особо благопріятныя условія: переселенія у насъ не только не приносятъ государству никакой потери въ населеніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ—въ матеріальной и духовной силѣ, но напротивъ—способствуютъ пріобщенію къ культурѣ обширныхъ незаселенныхъ территорій и увеличиваютъ мощь народа и государства. „Мы не найдемъ преувеличеній въ предсказаніи покойнаго — говоритъ А. А. Исаевъ въ статьѣ, посвященной памяти Н. М. Ядринцева [1]), что устройство переселенческаго дѣла, при богатой природѣ Сибири, ея плодородной почвѣ, обильныхъ залежахъ минеральныхъ богатствъ, поможетъ извлекать изъ нея въ сто разъ болѣе дохода, нежели она даетъ въ настоящее время. Мы должны—притомъ—помнить, что нашими восточными сосѣдями являются Китай и Японія съ многомилліоннымъ населеніемъ. Разъ эти государства усвоятъ начатки европейской цивилизаціи, разъ въ нихъ проснется національный духъ, они могутъ стать для насъ очень опасными сосѣдями. Нужно торопиться, чтобы не дать имъ культурою обогнать наши восточныя окраины...." А писатели народническаго направленія подчеркиваютъ, что „колонизація есть самое могучее средство къ расширенію народнаго землевладѣнія, т. е. къ распространенію теоретически наилучшей формы поземельнаго строя. Это—говоритъ г. Южаковъ [2]), должно отразиться не только на экономическомъ преуспѣяніи населенія и страны, но и на укрѣпленіи и усиленіи правильныхъ и здравыхъ общественныхъ идеаловъ, на ослабленіи интересовъ, враждебныхъ этимъ идеаламъ".

Противники переселеній видѣли въ нихъ проявленіе какихъ

---

[1]) Сѣв. Вѣст. 95, апр.
[2]) Сѣв. Вѣст. 1889, авг.

то особыхъ бродяжескихъ инстинктовъ русскаго народа и опасались, какъ бы при открытіи свободы для переселеній все русское крестьянство не пошло бродить по лицу русской земли. Литература одною изъ своихъ основныхъ задачъ ставитъ доказать, что переселеніе—неизбѣжный результатъ малоземелья, вообще тяжелыхъ экономическихъ и общественныхъ условій, оставляющихъ крестьянамъ выборъ только между переселеніемъ и полнымъ экономическимъ упадкомъ. „Пусть сытые бездѣльники—восклицаетъ А. А. Исаевъ [1]), говорятъ о какомъ-то бродячемъ инстинктѣ русскихъ людей, который гонитъ ихъ изъ насиженнаго гнѣзда и мѣшаетъ развитію чувства домовитости. Мы должны знать, должны твердо помнить, что за рѣдкими исключеніями всѣхъ этихъ людей гонитъ только нужда". Причины переселенія, какъ формулировалъ ихъ еще Чаславскій [2]) — это „малоземелье, малые надѣлы, развитіе при крѣпостномъ правѣ частной поземельной собственности", вообще „прямыя послѣдствія крѣпостного права. Эти послѣдствія выразились, во 1-хъ, въ чрезмѣрномъ сгущеніи населенія въ одной полосѣ Россіи, между тѣмъ какъ рядомъ лежитъ почти пустая страна съ дѣвственными степями, ожидающими еще заселенія и разработки; во 2-хъ,—въ надѣленіи этихъ крестьянъ ничтожными участками земли, даже въ многоземельной Новороссіи, — участками, съ которыхъ они, въ большинствѣ, не могутъ добывать даже средствъ продовольствія и за которыя они должны платить большія повинности". И такъ же, въ существѣ, ставится вопросъ о причинахъ переселенія и въ настоящее время. „Разъ люди,—говоритъ, напримѣръ, г. Бѣлевскій въ уже цитированной статьѣ, сотни тысячъ людей, во всѣхъ концахъ Россіи, бросая насиженныя мѣста и знакомыя условія жизни, ликвидируютъ хозяйство и задешево распродаютъ свою немудреную „худобу", чтобы пуститься въ тысячаверстныя странствованія,—это значитъ, что дома жить нельзя, что дома въ глаза смотритъ нищета, что дома даже изумительно низкій уровень потребностей русскаго крестьянства оказывается неудовлетворимо - высокимъ... Народу, стѣсненному дома землею, надо дать землю тамъ, гдѣ она есть еще въ избыткѣ, людямъ, голодающимъ дома, надо дать возможность быть сытыми на новыхъ мѣстахъ". Или какъ перифразируетъ то же положеніе г. Воропоновъ [3]), „переселенческій вопросъ — главнымъ образомъ вопросъ голода, хлѣба, сноснаго существованія", сущность переселенческаго вопроса—„дать выходъ голодному, помогать наиболѣе нуждающимся, стѣсненнымъ, не находящимъ себѣ мѣста" на родинѣ.

Непосредственное послѣдствіе переселенія—очевидно, разрѣженіе населенія. Въ такомъ разрѣженіи одни видятъ одно изъ самыхъ желательныхъ послѣдствій переселенія, полагая, напримѣръ, что, „желанное преобразованіе арендныхъ отношеній можетъ осуществиться въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ и достичь поставлен-

---

[1]) Тоже, 1895, янв.
[2]) Сборн. государств. знаній, т. II, стр. 198—199.
[3]) Газ. „Наша Жизнь" 1904, № 5.

ной цѣли лишь въ случаѣ организаціи переселенческаго дѣла на широкихъ основаніяхъ [1]). Другіе видятъ въ немъ антипрогрессивный факторъ, задерживающій переходъ къ другимъ, болѣе высокимъ формамъ земледѣльческой культуры. „Противники переселенія—говоритъ г. Исаевъ [2]) — нерѣдко выдвигаютъ тотъ аргументъ, что непрерывная погоня за новыми, еще дѣвственными землями служитъ легкимъ и доступнымъ выходомъ для небрежности русскаго поселянина, его косности, его нежеланія усвоить болѣе совершенные земледѣльческіе пріемы... Если средствомъ отъ бѣдъ, вытекающихъ изъ нашей обветшалой земледѣльческой культуры, будетъ служить только оставленіе старыхъ земель и передвиженіе въ пустыни Сибири или средней Азіи, то Россіи въ теченіе еще длиннаго ряда поколѣній будутъ чужды успѣхи сельскаго хозяйства, которые стали совершаться въ западной Европѣ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Плохо родитъ земля—бросилъ ее, ушелъ за тысячу верстъ, занесъ туда ветхозавѣтные пріемы сельскаго хозяйства и собираешь съ ихъ помощью удовлетворительную, а иногда и превосходную жатву. Можетъ ли при такихъ условіяхъ быть рѣчь о какихъ либо успѣхахъ земледѣльческой техники?“ Эти опасенія—съ тѣми или другими оговорками—раздѣляютъ даже нѣкоторые изъ горячихъ сторонниковъ переселенія. Такъ, г. Южаковъ опасается, что широкое разселеніе народа „сопровождалось бы не только большими матеріальными потерями, неизбѣжными при всякихъ сельскохозяйственныхъ мутаціяхъ, но и привело бы къ существенному пониженію уровня цивилизаціи и культуры вслѣдствіе разрѣженія населенія и къ задержкѣ матеріальнаго и моральнаго прогресса“. Но преобладаетъ въ литературѣ обратный взглядъ, отрицающій какое либо вредное вліяніе переселеній на цивилизацію и культуру. „Переходъ къ высшему хозяйству, говоритъ Ядринцевъ, совершается не подъ вліяніемъ только тѣсноты и малоземелья, но для этого нужны и другія условія—извѣстное накопленіе средствъ, орудія и умѣнье, т. е. капиталъ и знанія, которое не вдругъ пріобрѣтетъ бѣдное и невѣжественное населеніе. Человѣкъ нужды и голода не изобрѣтетъ машины Уатта, Аркрайта, парового плуга и т. д., а если додумается до новыхъ орудій, до новыхъ пріемовъ хозяйства, то не въ состояніи будетъ примѣнить ихъ, потому что на это нужны будутъ средства. Обрекать же населеніе на голодъ и разореніе въ ожиданіи, когда оно накопитъ эти средства—слишкомъ дорогая цѣна ожидаемаго прогресса“. Не менѣе рѣшительно отвергаетъ всѣ опасенія и проф. Исаевъ. „Экономія цѣлаго народа—говоритъ онъ—можетъ быть съ полнымъ правомъ уподоблена типичному среднему хозяйству. Какъ для средняго хозяина естественно, благоразумно и необходимо прежде всего отыскивать въ своемъ имѣньи лучшие клочки и изъ нихъ извлекать доходъ съ помощью старинныхъ пріемовъ, всѣмъ извѣстныхъ и не требующихъ затратъ, и уже позднѣе переходить къ болѣе сложнымъ и дорогимъ нововведеніямъ, такъ и для

[1]) Южаковъ l. c.
[2]) Пересел. въ руск. нар. хоз., стр. 129—130.

цѣлаго народа ближайшею и простѣйшею задачей служитъ планомѣрное размѣщеніе по всей территоріи и занятіе тѣхъ земель, которыя обѣщаютъ обильно вознаграждать трудъ поселенцевъ. Неослабное стремленіе къ этой цѣли возвышаетъ уровень благосостоянія, увеличиваетъ въ хозяйствѣ свободные запасы и позволяетъ совершать крупныя и коренныя улучшенія въ земледѣльческой техникѣ".

Будучи иногда совершенно искренними, всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя и другія возраженія противъ переселеній въ другихъ случаяхъ являлись лишь прикрытіемъ для самыхъ элементарныхъ, нерѣдко ничѣмъ даже не прикрывавшихся, сословно-классовыхъ, помѣстно-дворянскихъ интересовъ. „Потребовалось болѣе четверти вѣка—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ мѣстныхъ изслѣдователей переселенческаго дѣла, г. Новомбергскій [1]), чтобы разсѣялись опасенія за судьбу помѣщичьяго хозяйства въ случаѣ переселенія малоземельныхъ крестьянъ въ мѣстности съ широкимъ земельнымъ просторомъ. Когда оффиціальными данными подтвердилось, что ежегодный отливъ переселенцевъ не составляетъ и 50% ежегоднаго прироста населенія,—то были сняты запретительные барьеры и волна внутренняго колонизаціоннаго движенія направилась за Уралъ". И какъ серьезно приходилось считаться съ этимъ факторомъ, — ясно видно хотя бы изъ того, что г. Исаевъ, въ книгѣ своей, вышедшей въ свѣтъ въ 1891 году, посвятилъ цѣлую главу вопросу о вліяніи переселеній на частновладѣльческое хозяйство. Путемъ довольно сложной аргументаціи онъ старается доказать, „во 1-хъ, что переселенія, даже въ 5—10 разъ превышающія ихъ нынѣшніе размѣры, не могутъ имѣть замѣтнаго вліянія на высоту заработной платы, и во-вторыхъ, что даже замѣтное ея повышеніе не послужитъ причиной крупныхъ затрудненій для нашихъ сельскихъ хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ". Первое изъ этихъ положеній неопровержимо, поскольку рѣчь идетъ о всей Европейской Россіи или крупныхъ ея районахъ. Но для отдѣльныхъ мѣстностей, ставшихъ главными очагами переселенческаго движенія, послѣднее, несомнѣнно, могло привести къ замѣтному разрѣженію населенія, а слѣдовательно—и къ повышенію заработной платы. И вотъ, на сцену выступаетъ второе изъ приведенныхъ положеній: „мы убѣждены,—говоритъ г. Исаевъ,—что небольшое повышеніе платы, если бы оно дѣйствительно произошло, доставитъ выгоду хозяйствамъ, примѣняющимъ наемный трудъ. Это обстоятельство дастъ землевладѣльцу новый толчокъ къ тому, чтобы разстаться со старою, заржавѣвшею колеей и перейти къ системамъ хозяйства, болѣе соотвѣтствующимъ условіямъ внутренняго и международнаго рынковъ, а потому и болѣе выгоднымъ. Вотъ почему—заключаетъ почтенный ученый—переселенія, разсматриваемыя даже съ такой узкой, частно-хозяйственной точки зрѣнія, не представляются противными интересамъ капиталистическаго сельскаго хозяйства; они могли бы послужить для него поводомъ къ замѣтному движенію впередъ". А еще 15-ю годами раньше, Чаславскій старался устранить

[1]) „По Сибири. Сборникъ статей". Спб. 1903.

землевладѣльческіе страхи соображеніями другого рода: главный источникъ затрудненій, претерпѣваемыхъ частновладѣльческимъ хозяйствомъ перенаселенныхъ губерній трехпольной полосы, онъ усматриваетъ въ конкурренціи экстенсивнаго хозяйства рѣдко населенныхъ окраинъ. Только съ отливомъ населенія въ степную полосу, говорилъ онъ, съ окончаніемъ ея колонизаціи и водвореніемъ въ ней трехпольной системы хозяйства, конкурренція ея, такъ опасная теперь для трехпольной полосы, будетъ уничтожена, и только тогда для послѣдней явится возможность идти къ болѣе раціональному, болѣе продуктивному и, слѣдовательно, болѣе выгодному хозяйству"...

Однако, убѣдить такими доводами землевладѣльческій классъ было довольно трудно. Экономической теоріи давно извѣстно, что сокращеніе рабочаго времени и повышеніе заработной платы, въ концѣ концовъ, выгодны для промышленности и предпринимателей; но много ли фабрикатовъ и заводчиковъ охотно соглашалось на 8-часовой рабочій день или на существенное повышеніе заработной платы? Тѣмъ менѣе, конечно, такого рода аргументы могли воздѣйствовать на наше малокультурное, воспитанное на крѣпостныхъ традиціяхъ помѣстное дворянство, которое, конечно, продолжало предпочитать синицу въ рукахъ журавлю въ небѣ, въ видѣ проблематическихъ прибылей отъ проблематическаго интенсивнаго хозяйства. Приходилось поэтому прибѣгать къ аргументамъ другого, болѣе принципіальнаго характера: „опасеніе—говоритъ Ядринцевъ, будто мѣста, покидаемыя переселенцами, останутся безъ рабочихъ рукъ,—опасеніе совершенно неосновательное; между тѣмъ, всякое стѣсненіе свободы, несправедливое въ самомъ принципѣ, повело бы къ величайшимъ несправедливостямъ при практическомъ разрѣшеніи вопроса о переселеніи крестьянъ... Чѣмъ виноваты люди, которыхъ новая мѣра задержитъ въ мѣстности, откуда они стремятся, подъ предлогомъ, что кто-то можетъ пострадать отъ недостатка рабочихъ рукъ! Такая задержка равнялась бы наложенію на свободныхъ людей обязанности продавать свой трудъ въ пользу другихъ лицъ по низшей цѣнѣ сравнительно съ стоящею на рынкѣ. И задержка переселенія во имя землевладѣльческихъ интересовъ несправедлива не только съ точки зрѣнія интересовъ задерживаемыхъ крестьянъ: вѣдь наряду съ землевладѣльцами районовъ выселенія есть землевладѣльцы рѣдконаселенныхъ мѣстностей, куда стремится переселеніе и гдѣ заработная плата, благодаря отсутствію рабочихъ рукъ, дѣйствительно, слишкомъ высока. „Эти хозяева—говоритъ А. А. Исаевъ, жаждутъ, чтобы ихъ районы привлекали возможно большее число переселенцевъ, способныхъ, по ихъ убѣжденію, понизить заработную плату и сдѣлать веденіе хозяйства болѣе выгоднымъ. Если государство приводитъ переселенія въ связь съ интересами сельскихъ хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, то какія имѣетъ оно основанія для предпочтенія выгодъ полтавскихъ, рязанскихъ или курскихъ землевладѣльцевъ интересамъ землевладѣльцевъ въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ?" Мало того—и здѣсь слѣдуетъ уже аргументъ, направленный главнымъ образомъ ad usum delphini:

„слѣдуетъ почаще вспоминать о томъ, что задерживая переселенія, мы препятствуемъ увеличенію доходовъ земель Его Императорскаго Величества", и „чѣмъ болѣе суживаютъ переселенія, тѣмъ болѣе вѣроятія, что громадныя площади казенныхъ земель будутъ приносить только ничтожный доходъ, а наибольшая масса этихъ земель останется и вовсе необитаемою. А такое отношеніе выражало бы непонятное ненормальное предпочтеніе частныхъ выгодъ интересамъ государственной казны"...

Но какъ бы ни смотрѣть на причины и значеніе переселенческаго движенія,—существуетъ, однако, точка зрѣнія, которая объединяетъ и принципіальныхъ сторонниковъ переселенія, и его противниковъ, разъ они не рѣшаются забыть о томъ, что переселяются живые люди: это точка зрѣнія на переселенія, как ъ на фактъ, съ которымъ приходится считаться,—та самая точка зрѣнія, къ которой пришли и мы, въ концѣ всѣхъ нашихъ разсужденій и соображеній по существу переселенческаго вопроса. Эту точку зрѣнія проводитъ К. Ф. Головинъ на страницахъ „Русскаго Вѣстника" [1]): „на переселенія,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на фактъ, съ которымъ надо считаться, а вовсе не какъ на цѣлебную мѣру, необходимую для спасенія насъ отъ чрезмѣрнаго накопленія рабочаго класса"; переселенческое движеніе „можетъ вызывать лишь такія мѣры, которыя бы обезпечили эмигрантовъ отъ послѣдствій ихъ неосторожности и незнанія мѣстности, въ которую они направляются", причемъ въ кругъ допускаемыхъ имъ мѣръ г. Головинъ включаетъ и отводъ казенныхъ земель, и государственный кредитъ на покупку частновладѣльческихъ земель, и удешевленные желѣзнодорожные тарифы, и широкую организацію помощи переселенцамъ въ пути. Такъ же смотритъ на дѣло А. И. Скворцовъ,—одинъ изъ опредѣленнѣйшихъ представителей того изъ нашихъ направленій, которое въ моментъ своего появленія приняло названіе марксизма [2]): рѣшительно отрицая благотворное вліяніе переселеній на условія землевладѣнія и хозяйства въ районахъ выселенія, г. Скворцовъ тѣмъ не менѣе настаиваетъ на томъ, что „переселенія должны быть организованы, чтобы они служили не къ разоренію переселяющихся, какъ это часто случается теперь, а къ увеличенію ихъ благостоянія". И тѣмъ рѣшительнѣе становятся, конечно, на эту точку зрѣнія убѣжденные сторонники переселеній, прибѣгая къ ней какъ къ послѣднему, неотразимому аргументу противъ еще недавно господствовавшихъ „пассивно-недружелюбныхъ" по отношенію къ переселенію тенденцій. „Помощь идущимъ на переселеніе — восклицаетъ Ядринцевъ—вызывается, помимо всякихъ теорій сочувствія или несочувствія выселеніямъ, практическою жизненною необходимостью. Разъ переселенецъ въ пути, съ этимъ слѣдуетъ примириться какъ съ фактомъ. Обреченіе переселенца на бѣдствія, какъ возмездіе за его рѣшимость, будетъ холодною жестокостью. Постоянно повторяющіяся

---

[1]) 1881 г., ноябрь.

[2]) „Экономич. этюды", Спб. 1904 г.

несчастья съ переселенцами и ихъ семьями представляютъ столь вопіющее явленіе, предъ которымъ закрывать глаза уже невозможно. Такія несчастья должны разсматриваеться какъ всякія другія бѣдствія, подобно эпидеміямъ, пожарамъ и пр., для которыхъ невозможно быть глухимъ ни государству, ни обществу [1]). И первое, чего требуетъ эта точка зрѣнія,—это, рѣшительнаго отказа отъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, сдерживающихъ переселенческое движеніе. „Должно получить господство убѣжденіе—говоритъ г. Исаевъ [2]), — что переселенія вызываются необходимостью, а потому и должны быть сняты всѣ запрещенія, которыми нерѣдко старяются задержать крестьянъ, желающихъ искать удачи на дальнихъ окраинахъ".

Требованіе полной свободы для переселеній — одинъ изъ мотивовъ, чаще всего встрѣчающихся въ нашей переселенческой литературѣ. Но наряду съ этимъ нѣкоторые требуютъ и систематическаго поощренія переселеній изъ мѣстностей съ наиболѣе неудовлетворительными условіями крестьянскаго землевладѣнія, проводя такимъ образомъ ту самую идею, которая, значительно позднѣе, была положена въ основу закона 6 іюня 1904 года. „Не довольно пожелать, говорилъ г. Исаевъ въ 1895 году, чтобы мѣстная администрація не удерживала отъ переселеній: ей должно быть вмѣнено въ обязанность заботиться о возможно большемъ содѣйствіи переселенцамъ изъ тѣхъ мѣстностей, которыя поставлены въ особенно невыгодныя хозяйственныя условія. Условіями, побуждающими особенно тщательно изслѣдовать быть тѣхъ, кто желаетъ переселиться, должны служить: малый надѣлъ, меньше 2-хъ дес. на наличную муж. душу въ черноземныхъ губерніяхъ и 3½ въ нечерноземныхъ, безплодная почва, песчаные наносы и кочковатыя болота, занимающія въ надѣлѣ обширныя площади, большая распространенность отхожихъ промысловъ для сельскохозяйственныхъ работъ, такъ какъ именно эти условія свидѣтельствуютъ о дурномъ положеніи крестьянскаго хозяйства". Но основнымъ принципомъ организаціи переселенческаго дѣла долженъ все-таки оставаться, по господствующему въ литературѣ убѣжденію-принципъ свободы переселенія и — что практически признается особенно важнымъ — свободы, для переселенцевъ, выбора земель подъ водвореніе. Еще кн. Васильчиковъ, за нимъ Южаковъ и многіе другіе, настаивали на необходимости построить нашу колонизацію на принципѣ „свободной почвы", заключающемся въ „одобреніи начала свободнаго занятія свободной земли всякимъ хозяиномъ, лично обрабатывающимъ землю и въ размѣрѣ, въ среднемъ выводѣ не превышающемъ силы семьи". „Необходимость свободы выбора мѣстъ, — говоритъ Ядринцевъ, — въ противоположность насильственному водворенію переселенца на отведенный участокъ, обусловливается многими вѣскими соображеніями. Какъ межевщику, землемѣру, такъ и агроному трудно ручаться, что извѣстный участокъ будетъ удовлетворять хозяйственнымъ условіямъ крестьянина. Надо предоставить это чутью крестьяни-

[1]) „Вѣстн. Евр." 1891, авг.

[2]) „Сѣв. Вѣстн. 1895, янв.

на, его навыку, его соображенію. Есть много ускользающихъ отъ посторонняго взгляда обстоятельствъ, которыя усмотритъ только хозяинъ; есть такія крестьянскія потребности, которыя упускаются нами изъ виду. Тамъ, гдѣ старались усадить переселенца, помимо его желанія, на отводимые участки, оказывалась прискорбная ошибка, — это доказала казенная колонизація Амура и искусственное заселеніе трактовъ въ акмолинской степи. Поэтому, заключаетъ Ядринцевъ, переселенцу слѣдуетъ предлагать на выборъ удобные участки, но не обязывать на нихъ селиться во что бы то ни стало". И вообще, Ядринцевъ является самымъ горячимъ проповѣдникомъ принципа „вольнонародной колонизаціи". Исторія показываетъ, что „государство намѣчаетъ остроги, крѣпости, проводитъ линіи, наконецъ пролагаетъ тракты и такимъ образомъ создаетъ, такъ сказать, вѣхи и колья, межи и планъ для колонизаціи. Народная колонизація, въ видѣ народа-плотника, мало того, что осуществляетъ планъ, но и наполняетъ всѣ промежутки и сѣтку колонизаціи живымъ матеріаломъ; мало того, она часто идетъ дальше архитектора, расширяетъ зданіе, причемъ вѣхи, колья и планъ являются послѣ того, какъ уже началась постройка". Казенная колонизація „весьма часто дѣлаетъ промахи, увлекается планомъ и фасадомъ, не сообразивъ прочности почвы и окружающихъ удобствъ, она ломитъ и заставляетъ создавать массу непроизводительной работы, не щадитъ силъ и не соблюдаетъ экономіи"; а главное — „эта искусственная колонизація не можетъ создать настоящаго импульса жизни: здѣсь недостаетъ живой силы, могучей воли, энергіи, творчества, народнаго вдохновенія. Сама по себѣ, она одна не создала бы Сибири, не заселила бы всѣхъ пространствъ ея, не одухотворила бы жизнь и не привлекла бы къ работѣ такую массу населенія. Это могла сдѣлать только добровольная колонизація" [1]).

Итакъ, политика правительства и его мѣропріятія въ области переселенческаго дѣла не должны задаваться цѣлью ни создавать, ни задерживать переселенческое движеніе. Они должны предоставить ему полную свободу и лишь создать для него такую обстановку, при которой съ наименьшими затратами, лишеніями и жертвами достигались бы наибольшіе положительные результаты и для самихъ переселяющихся, и для районовъ выселенія, и для колонизаціи окраинъ. И этой организаціонной дѣятельности придается огромное значеніе, а къ дефектамъ ея многіе сводятъ причины всѣхъ трудностей и неудачъ, испытываемыхъ переселенцами. Мы уже приводили выше мнѣніе г. Бѣлевскаго, полагающаго, что современная переселенческая политика „создала и величайшее зло современнаго эмиграціоннаго дѣла — обратное переселеніе". Не умножая примѣровъ, упомяну еще только о статьѣ на-дняхъ скончавшагося Н. А. Карышева „Къ переселенческому вопросу" [2]), вызванной одною изъ наиболѣе раннихъ моихъ работъ по изслѣдованію положенія переселенцевъ. Въ

---

[1]) См. также у П. М. Головачева, „Россія на дальн. Вост.", стр. 30—31.

[2]) „Русск. Бог." 1898 г., май.

этой работѣ, посвященной арендаторскимъ поселкамъ Тургайской области, я нарисовалъ довольно печальную картину русской колонизацiи области и въ частности — прославившагося въ свое время кустанайскаго колонизацiоннаго района. По убѣжденiю покойнаго Карышева, „во всемъ этомъ мартирологѣ десятковъ тысячъ людей всѣ эти засухи, кобылки, низкiя хлѣбныя цѣны играютъ столь второстепенную роль, что не о нихъ прежде всего надо говорить. Дѣло гораздо шире и глубже. Если такое громадное явленiе, какъ наше переселенiе, имѣетъ свои корни въ извѣстныхъ сторонахъ хозяйственнаго строя населенiя, если его нельзя, нежелательно, безцѣльно пытаться прекратить или остановить, то ему надо идти навстрѣчу и организовать его. Если такой организацiи нѣтъ, если отсутствуетъ система, подготовительныя мѣры и работы на мѣстахъ для того, чтобы человѣческiй потокъ могъ по прибытiи на „новыя мѣста“ немедленно осѣсть и приняться за производительный трудъ, то „разные барышники сельскаго и несельскаго состоянiя расхищаютъ производительную силу земли и эксплоатируютъ рабочую силу массы, увеличивая бѣдность и кабалу, русскiя дѣти становятся киргизами, а дѣвушки дѣлаются киргизскими наложницами“...

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на разнообразныхъ предлагавшихся мѣрахъ попеченiя о переселенцахъ; мы упоминали уже о томъ, что литературою были уже давно намѣчены болѣе или менѣе всѣ мѣры, осуществившiяся въ самое послѣднее время, по инициативѣ комитета Сибирской желѣзной дороги; добавимъ только, что литература требовала и продолжаетъ требовать и дальнѣйшаго улучшенiя условiй передвиженiя переселенцевъ, и болѣе правильной организацiи землеотводныхъ работъ, и развитiя справочной части, и содѣйствiя переселенцамъ въ выборѣ земель для водворенiя; литература не перестаетъ настаивать на широкой матерiальной помощи переселенцамъ, причемъ одни желаютъ поставить дѣло на почву правильно организованнаго кредита, другiе — къ этому вопросу мы сейчасъ вернемся — признаютъ необходимымъ отнести расходы по переселенiю, цѣликомъ, на государственныя средства; литература требуетъ и широкой организацiи агрономической помощи переселенцамъ, и усиленныхъ заботъ объ удовлетворенiи ихъ культурныхъ потребностей. Литература уже давно доказывала и необходимость той объединенной организацiи переселенческаго дѣла, которая въ недавнее время получила осуществленiе въ созданiи особаго переселенческаго управленiя съ его переселенческими чиновниками, и въ той объединяющей роли, которая свыше десяти лѣтъ принадлежала Сибирскому комитету. Еще кн. Васильчиковымъ, въ 1875 году, было высказано, что „дѣла о колонизацiи должны быть непремѣнно сосредоточены въ центральномъ учрежденiи, министерствѣ или главномъ управленiи, и имѣть мѣстныхъ агентовъ, непосредственно зависящихъ отъ главнаго управленiя“; та же мысль высказывалась, затѣмъ, Южаковымъ, Ядринцевымъ, Исаевымъ, Чудновскимъ и рядомъ другихъ авторовъ, писавшихъ о переселенческомъ вопросѣ, — въ томъ числѣ и такими, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ стремленiи къ

административной централизаціи. „Даже въ такихъ государствахъ,— писалъ кн. Васильчиковъ въ обоснованіе этой мысли,—какъ Англія и Соединенные Штаты, гдѣ принципъ мѣстнаго самоуправленія развитъ въ высшей степени, дѣла колоніальныя всѣ сосредоточены въ высшемъ правительствѣ... Оно не можетъ быть иначе, если сообразить, что это вѣдомство имѣетъ дѣло съ людьми, переходящими изъ одной губерніи въ другую или приходящими изъ чужихъ краевъ и не избравшими еще окончательно новыхъ мѣстъ жительства. Но кромѣ того — продолжаетъ князь,—всѣ дѣла о переселеніи, выборъ колонистовъ, временное ихъ размѣщеніе, выборъ и отводъ земель такъ рѣзко отличаются отъ другихъ обыкновенныхъ формъ канцелярскаго и полицейскаго дѣлопроизводства, что должностныя лица общихъ присутственныхъ мѣстъ рѣшительно теряются въ такихъ экстраординарныхъ случаяхъ". О роли земства въ переселенческомъ дѣлѣ кн. Васильчиковъ прямо не говоритъ, но повидимому считаетъ ихъ некомпетентными вести такое экстерриторіальное дѣло, какъ переселеніе. Господствуетъ, однако, въ литературѣ, безусловно противоположный взглядъ — привлеченіе земства признается необходимѣйшимъ условіемъ правильной постановки переселенческаго дѣла. „Въ дѣлахъ текучей и измѣнчивой экономической жизни, говоритъ г. Бѣлевскій въ уже цитированной статьѣ, дѣйствительно компетентны только участники ея, а никакъ не сторонніе наблюдатели. Затѣмъ, экспертиза по столь жизненнымъ вопросамъ должна быть поставлена подъ возможно свободный контроль и общества, и печати. Выводъ изъ этихъ соображеній ясенъ: къ участію въ дѣлѣ землеустройства колонистовъ должны быть привлечены мѣстные люди. И введеніе земства въ Сибири, необходимое для нея во многихъ отношеніяхъ, необходимо и для упорядоченія переселенческаго дѣла". Съ другой стороны, и самое „опредѣленіе размѣровъ потребности въ выселеніи и размѣра необходимаго пособія всего правильнѣе было бы передать самому населенію, въ лицѣ его представительныхъ учрежденій. Эти учрежденія — земства,—могли бы войти въ предварительныя сношенія съ сибирскими земствами, выяснить такимъ образомъ себѣ и заинтересованному населенію условія новыхъ мѣстъ и взять на себя заботу о переселенцахъ до момента ихъ отправки, а можетъ быть, отчасти, и послѣ. Такая совмѣстная дѣятельность русскихъ и сибирскихъ земствъ, по мнѣнію г. Бѣлевскаго, довела бы до минимума возможность неожиданностей, исключила бы тотъ элементъ случайности, которымъ окруженъ переселенецъ и который создаетъ высокій процентъ неудачныхъ и обратныхъ переселеній". Какъ мы уже высказывали въ первой части этой книги, — мы лишь съ большими оговорками раздѣляемъ эти розовые взгляды на значеніе земскаго участія въ переселенческомъ дѣлѣ. Для тобольскаго, забайкальскаго, акмолинскаго земства, разъ оно будетъ дѣйствительнымъ представителемъ интересовъ мѣстнаго населенія, новоселы неизбѣжно будутъ такими же чуждыми и нежелательными пришельцами, каковы они теперь для земства херсонскаго, самарскаго или вологодскаго,— а въ тѣхъ глухихъ таёжныхъ и степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь

все болѣе сосредоточивается водвореніе переселенцевъ, и вовсе не можетъ существовать какого либо мѣстнаго земства. Наиболѣе серьезное значеніе имѣло бы участіе послѣдняго, вмѣстѣ съ представителями центральнаго правительства, въ выборѣ переселенцевъ, имѣющихъ право на особое поощреніе насчетъ государственныхъ или общественныхъ средствъ. „Нужда въ устройствѣ быта малоземельнаго крестьянства внутреннихъ губерній — говоритъ В. А. Розенбергъ [1]), — представляетъ чрезвычайную важность, для всего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ она является одной изъ насущнѣйшихъ мѣстныхъ нуждъ тѣхъ же губерній; мысль объ организаціи переселеній въ цѣляхъ удовлетворенія этой нужды обречена на безплодность, если къ осуществленію ея не будутъ привлечены мѣстныя общественныя силы". И необходимость совмѣстной дѣятельности, въ данной сферѣ, земствъ и центральной правильственной власти опирается на весьма простое соображеніе: „если забота объ устройствѣ быта малоземельнаго крестьянства безспорно должна составлять одну изъ первыхъ задачъ государственной поземельной политики, то въ одинаковой мѣрѣ она не можетъ быть чужда и мѣстному самоуправленію, призываемому и закономъ, и положеніемъ вещей въ настоящее время къ „воспособленію" зависящими отъ него способами мѣстному земледѣлію".

На комъ бы однако ни лежало общее и мѣстное завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ, не подлежитъ сомнѣнію одно: что широкая организація переселенческаго дѣла должна потребовать значительныхъ расходовъ со стороны государства. Литература издавна усиленно подчеркиваетъ эту сторону дѣла, — настаивая съ одной стороны на безусловной необходимости подобнаго рода расходовъ, а съ другой — на выгодности ихъ не только съ точки зрѣнія широко-понимаемыхъ нуждъ народнаго хозяйства, но даже и съ точки зрѣнія непосредственныхъ выгодъ государственнаго казначейства. Въ то время, когда дѣйствительные расходы государства на переселенческое дѣло исчислялись въ десяткахъ тысячъ, — литература доказывала необходимость затрачивать милліоны, причемъ ея разсчеты приходится признать скорѣе скромными, нежели преувеличенными. Привѣтствуя учрежденіе Сибирскаго комитета и намѣчая систему необходимыхъ мѣръ помощи переселенцамъ, А. А. Исаевъ [2]) опредѣлялъ размѣръ необходимыхъ на первое время расходовъ на годовое переселеніе 50.000 семей, примѣрно, въ 5 милліоновъ въ годъ, въ томъ числѣ 4 милліона на выдачу ссудъ и полмилліона — на всѣ остальныя стороны дѣла. Мы знаемъ, что Сибирскій комитетъ, при вдвое меньшихъ, въ послѣдніе годы, размѣрахъ переселенческаго движенія, затрачивалъ свыше трехъ милліоновъ въ годъ, по смѣтѣ же 1904 года ассигновалъ болѣе 4 милліоновъ на переселенческое дѣло, — причемъ, надо замѣтить, алтайскіе переселенцы до настоящаго времени не

---

[1]) Сборникъ „Очерки по крест. вопросу", подъ ред. А. А. Мануилова, вып. I. Москва 1894 г.

[2]) Сѣв. Вѣстн. 1895 г., янв.

пользуются правомъ на ссуды и вообще — на денежныя пособія отъ казны. Вообще, лишь сравнительно небольшая часть отпускаемыхъ кредитовъ отпускается на ссуды, и наоборотъ, на другія стороны переселенческаго дѣла, на которыя г. Исаевъ клалъ круглымъ счетомъ полмилліона, въ дѣйствительности въ настоящее время расходуется, при далеко меньшихъ размѣрахъ переселенія, гораздо болѣе значительная сумма. И расходы на переселеніе, повторяемъ, единодушно признаются крайне выгодными даже для самого государственнаго казначейства. „Только съ окончаніемъ колонизаціи всей страны, писалъ Чаславскій еще въ 1875 году, съ распредѣленіемъ народныхъ силъ сообразно естественнымъ богатствамъ разныхъ ея частей, возможенъ правильный прогрессъ въ развитіи народныхъ силъ и богатства. Огромная пустынная полоса въ 400 тыс. кв. верстъ, съ ея перелогами, съ первобытною культурою, рѣдкимъ населеніемъ, представляетъ уже сама по себѣ мало выгодную область. А между тѣмъ, при заселеніи, она могла бы съ избыткомъ дать казнѣ всѣ тѣ налоги, которые платятъ теперь малоземельные крестьяне, ходящіе туда по нуждѣ изъ года въ годъ, чтобы пахать ее, косить и обрабатывать". Другими авторами вопросъ о финансовой выгодности затратъ на переселенческое дѣло ставится гораздо шире. „Трудно — писалъ въ 1893 году проф. Иванюковъ [1]), затратить нашему государству деньги болѣе плодотворно, какъ на оказаніе матеріальной помощи переселенію. Не можетъ быть займа болѣе производительнаго, чѣмъ заемъ для организаціи переселеній. Девять десятыхъ переселенцевъ суть бѣдняки; большинство изъ нихъ — хроническіе недоимщики по прямымъ податямъ и дающіе мало косвенныхъ налоговъ. Но вотъ проходитъ немного лѣтъ послѣ переселенія, и положеніе нашего бѣдняка рѣшительно измѣняется. Жизненный обиходъ переселенцевъ часто представляетъ картину благосостоянія, рѣшительно неизвѣстнаго въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи". Г. Иванюковъ цѣликомъ принимаетъ разсчетъ проф. Исаева, что устроившаяся переселенческая семья будетъ давать казнѣ, въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, до 40 рублей. Поэтому — говоритъ онъ — „переселеніе есть не только самое могущественное и самое легкое средство для поднятія народнаго благосостоянія, — но въ то же время одно изъ надежнѣйшихъ средствъ для улучшенія финансовъ государства".

Но, конечно, степень выгодности переселеній для государства всецѣло зависитъ отъ того, какъ устраиваются переселенцы на новыхъ мѣстахъ, насколько быстро они достигаютъ прочнаго благосостоянія; возможное ихъ вліяніе на аграрныя и экономическія отношенія внутреннихъ районовъ Россіи — отъ возможныхъ размѣровъ переселенческаго движенія, которые, въ свою очередь, всецѣло зависятъ отъ колонизаціонной ёмкости тѣхъ частей государства, куда можетъ направляться переселенческое движеніе. Преобладаетъ, несомнѣнно, мнѣніе, что переселеніе, въ общемъ, даетъ вполнѣ благопріятные результаты, и что земельные запасы нашего отечества позволяютъ

---

[1]) „Русск. Мысль" 1893 г., ноябрь.

развить переселеніе до неограниченныхъ, практически, размѣровъ. Г. Качоровскій [1]) въ 1893 году далъ себѣ трудъ свести весь опубликованный до того времени описательный и цифровой матеріалъ, характеризующій степень благосостоянія новоселовъ. „Всѣ безъ исключенія общіе отзывы и описанія разныхъ болѣе или менѣе компетентныхъ наблюдателей выставляютъ достиженіе громаднымъ большинствомъ новоселовъ Азіатской Россіи, черезъ 3—5 лѣтъ по поселеніи, полной хозяйственной самостоятельности какъ фактъ, не подлежащій спору и для всѣхъ очевидный; и всѣ безъ исключенія встрѣченныя мною цифры съ еще большею яркостью и убѣдительностью повторяютъ эти общія глазомѣрныя опредѣленія", рисуя „картину такого высокаго благосостоянія новоселовъ, что мы начинаемъ понимать реальное основаніе для тѣхъ полубаснословныхъ разсказовъ о Сибири и о сибирскомъ привольѣ, которые влекутъ сюда новыя и новыя толпы „рассейцевъ". Просторъ для переселеній, какъ я уже упоминалъ, казался необъятнымъ. „Періодъ нашихъ разселеній и колонизаціи—писалъ Ядринцевъ въ 1882 году, какъ и задачи ея, не прекратились, но только начинаются... въ Сибири весьма много свободныхъ земель, представляющихъ всѣ удобства для земледѣлія и скотоводства и слѣдовательно огромный выборъ этихъ земель для переселенцевъ". Если—такъ обосновывалъ Ядринцевъ это положеніе, мы представимъ себѣ хоть часть пространства, занимаемаго Тобольскою и Томскою губерніями, а именно всю среднюю полосу, безусловно годную къ заселенію, населенною такъ же какъ Европа, то мы получимъ, что край этотъ можетъ пропитать не менѣе 51.360.000 жителей; если же населить ее подобно Франціи и Англіи, то гораздо больше"...

Съ тѣхъ поръ выяснилось много фактовъ, заставляющихъ переписать картину настоящаго и будущаго нашихъ переселеній совершенно другими, гораздо менѣе розовыми тонами. За послѣднее десятилѣтіе, именно, рѣзко измѣнились условія самого водворенія переселенцевъ. Такое измѣненіе было предсказано еще И. А. Гурвичемъ въ его книжкѣ „Переселенія крестьянъ въ Сибирь", вышедшей въ 1889 году и представляющей собою, несомнѣнно, одно изъ самыхъ серьезныхъ и глубокихъ изслѣдованій въ области переселенческаго вопроса. Констатировавъ наличность причинъ, уже въ то время „обусловливавшихъ неудачный исходъ иныхъ переселеній и обратное возвращеніе неудачниковъ на родину", г. Гурвичъ высказывалъ, что „съ дальнѣйшимъ развитіемъ переселеній можно ожидать еще болѣе усиленнаго дѣйствія этихъ причинъ. Конкурренція переселенцевъ будетъ все понижать уровень вознагражденія за трудъ и наоборотъ—увеличивать цѣнность земли или, что то же, общественныхъ пріемныхъ приговоровъ. Съ одной стороны, труднѣе станетъ дѣлать сбереженія изъ своего заработка, съ другой—потребуется больше этихъ сбереженій для пріобрѣтенія осѣдлости въ краѣ. Это неизбѣжно приведетъ къ увеличенію шансовъ неудачнаго переселенія и къ умно-

[1]) „Записки З.-Сиб. отд. Геогр. Общ.", вып. XVI; „Русск. Мысль", 1894, мартъ и іюнь.

женію случаевъ возвращенія переселенцевъ на родину". Къ этому присоединились еще другія обстоятельства, которыхъ не могъ предусмотрѣть г. Гурвичъ: истощеніе земельныхъ запасовъ въ районахъ стараго заселенія, заставившее колонизацію двинуться въ глухіе таёжные и степные районы, гдѣ и обзаведеніе представляло гораздо большія трудности, и возможность сторонних заработковъ сводилась окончательно къ нулю. Въ результатѣ — рядъ тревожныхъ признаковъ, изъ которыхъ самый тревожный—страшный ростъ обратнаго переселенія. И тѣмъ не менѣе, въ литературѣ все еще преобладаетъ оптимистическій взглядъ если не на дѣйствительные, то на возможные результаты переселенія, связанный съ тенденціей всѣ переселенческія неудачи объяснять—какъ было упомянуто, недостатками организаціи переселенческаго дѣла. Мы уже видѣли, напримѣръ, что по мнѣнію г. Бѣлевскаго одна только плохая переселенческая политика „создала величайшее зло современнаго эмираrціоннаго дѣла — обратное переселеніе". И попытки такого рода объясненія представляютъ собою скорѣе общее правило, нежели исключеніе, — причиной неудачи переселенцевъ признается „общее неустройство всего дѣла, полное незнаніе особенностей участковъ, которые отводятся переселенцамъ" [1]... Мы уже видѣли затѣмъ, что все возрастающія трудности разысканія подходящихъ земель для заселенія и громадный процентъ безрезультатнаго ходачества и обратнаго переселенія заставили правительственныя сферы отказаться отъ убѣжденія въ неограниченной колонизаціонной емкости Сибири. Пессимистическіе взгляды нашли себѣ доступъ и въ литературу. Еще въ 1893 году, хроникеръ „Русскаго богатства" [2]) отмѣчаетъ, что огромныя пространства, лежащія вдоль линіи Сибирской желѣзной дороги, „вовсе не представляетъ сплошныхъ мѣстностей, удобныхъ для поселеній, и въ значительной части негодны для земледѣльческой культуры. Мѣстами это болота, къ сѣверу переходящія въ сплошныя тундры, а на югѣ—въ безводныя степи. Самый черноземъ здѣсь быстро выпахивается и требуетъ особыхъ пріемовъ обработки, совершенно чуждыхъ большинству переселенцевъ". Картина западно-сибирскаго колонизаціоннаго района „во многомъ напоминаетъ современное состояніе южно-русскихъ степей, превращающихся постепенно въ пустыню, — а полчища „самоходовъ", которые съ ранней весны и до глубокой осени тянутся непрерывною вереницей вдоль тракта, возбуждаютъ страхъ за собственную участь. Тѣмъ болѣе, что земли годной для крестьянской культуры съ ея устарѣлыми пріемами вовсе не такъ много, какъ принято думать, особенно въ Тобольской и Томской губерніяхъ"... Съ тѣхъ поръ предпринятыя въ широкихъ размѣрахъ землеотводныя работы, въ частности — въ таежныхъ и глухихъ степныхъ районахъ, дали много ф а к т и ч е с к а г о матеріала для освѣщенія вопроса о дѣйствительной колонизаціонной ёмкости

---

[1]) „Русск. Мысль" 1896, декабрь, Внутр. обозр.
[2]) Февраль.

Сибири. И тѣмъ не менѣе, убѣжденіе въ необъятности колонизаціонныхъ запасовъ Азіатской Россіи до сихъ поръ еще не окончательно поколеблено, — и требуются, надо думать, еще большія гекатомбы обратныхъ переселенцовъ, чтобы убѣдить не желающихъ убѣждаться въ томъ, что необъятные земельные запасы — простая фикція, основанная на голыхъ ариѳметическихъ разсчетахъ и разсыпающаяся въ прахъ передъ неумолимою дѣйствительностью [1]). И напримѣръ для г. Розенберга, помѣстившаго въ появившемся въ свѣтъ въ 1904 году сборникѣ проф. Мануилова „Очерки по крестьянскому вопросу", между прочимъ, и статью, посвященную переселенческому вопросу, всякія сомнѣнія въ данномъ смыслѣ — не болѣе, нежели Ueberwudener Standpunkt: „разсчитывать на убыль переселенческаго движенія въ ближайшіе годы нѣтъ никакихъ основаній",—и „нельзя отрицать, что въ теченіе еще многихъ лѣтъ переселенія крестьянъ въ Сибирь, будутъ составлять крупное явленіе въ хозяйственной жизни страны" [2]).

Мы представили такимъ образомъ вниманію читателя обзоръ тѣхъ взглядовъ, которые можно признать преобладающими въ литературѣ переселенческаго вопроса, какъ въ эпоху, предшествовавшую учрежденію комитета Сибирской желѣзной дороги—эпоху борьбы противъ господствовавшихъ въ то время въ правительственныхъ сферахъ враждебныхъ переселенію тенденцій, такъ, въ значительной мѣрѣ, и въ новѣйшее время. Для полноты картины, мы должны теперь остановиться на тѣхъ диссонирующихъ нотахъ, которыя раздавались иногда въ общемъ хорѣ сочувственныхъ переселенію отзывовъ и мнѣній. Чаще всего такія ноты звучали, несомнѣнно, изъ того литературнаго лагеря, главными представителями котораго являются въ

[1]) Какъ трудно отказаться, какъ разъ въ этомъ вопросѣ, отъ ходячихъ представленій, видно напримѣръ изъ сопоставленія двухъ внутреннихъ обозрѣній „Русской Мысли"—одного изъ наиболѣе интересующихся переселенческимъ вопросомъ журналовъ. Въ ноябрѣ 1901 года, обсуждая новый законъ о продажѣ земель въ Сибири въ частную собственность, почтенный журналъ, ссылаясь на работы пишущаго эти строки, говоритъ, какъ о фактѣ, „о скоромъ окончательномъ истощеніи запасовъ степныхъ и даже полустепныхъ земель Сибири" (стр. 746). А въ майскомъ обозрѣніи за 1900 годъ внутренній обозрѣватель журнала, говоря о „расхолаживающей" брошюрѣ для переселенцевъ, выпущенной въ свѣтъ по иниціативѣ А. Н. Куломзина, задаетъ вопросъ, „зачѣмъ расхолаживать переселенцевъ, разъ переселенія вызываются густотой населенія и недостаточностью земли, а въ Сибири переселенецъ находитъ достаточно земли, вознаграждающей его трудъ".

[2]) Стр. 183, 192—199. Статьи, помѣщенныя въ сборникѣ, какъ видно изъ предисловія, были помѣщены въ газетахъ и журналахъ въ послѣдніе 10—12 лѣтъ. Къ сожалѣнію, отдѣльныя статьи не датированы, но по содержанію статьи о переселенческомъ дѣлѣ видно, что она была написана въ началѣ или серединѣ 1901 года, т. е. подъ впечатлѣніемъ максимальнаго размѣра, достигнутаго переселеніемъ въ 1899 и 1900 годахъ. Въ сборникѣ статья напечатана, повидимому, безъ измѣненій, а съ тѣхъ поръ размѣры переселенія въ Сибирь сократились почти вдвое и возможность ожидать новаго ихъ возрастанія болѣе нежели проблематична.

ежедневной печати — „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ", въ ежемѣсячной—„Русскій Вѣстникъ" — существуетъ даже представленіе, что противники переселеній принадлежатъ исключительно къ этому лагерю, и какъ въ однѣхъ сферахъ признавалось „неприличнымъ для благонамѣреннаго человѣка" говорить о переселеніяхъ и тѣмъ болѣе имъ сочувствовать, такъ въ другихъ сочувствіе переселеніямъ и вѣра въ ихъ высокое значеніе признавались многими за обязательные аттрибуты человѣка прогрессивнаго направленія. Однако, такое обобщеніе будетъ вѣрно лишь съ большими оговорками. При несомнѣнномъ, въ общемъ, несочувствіи къ переселенческому движенію тѣхъ общественныхъ круговъ, которыхъ взгляды и интересы имѣютъ своими представителями „Русскій Вѣстникъ" и „Гражданинъ", даже и эти органы отнюдь не всегда проявляютъ приписываемое имъ безусловно отрицательное отношеніе къ переселеніямъ. „Теоретическое рѣшеніе переселенческаго вопроса — пишетъ г. Головинъ на страницахъ „Русскаго Вѣстника" [1]), до того просто, до того очевидно, что, казалось бы, призадумываться надъ нимъ нечего. Съ одной стороны, избытокъ рабочихъ рукъ, тщетно ищущихъ занятій, при несомнѣнной тѣснотѣ крестьянскаго землевладѣнія, съ другой — обширныя и богатыя степи, тщетно ожидающія сохи. Простое сопоставленіе этихъ двухъ данныхъ ясно показываетъ, что избытокъ населенія слѣдуетъ направить къ разработкѣ нетронутыхъ почвенныхъ богатствъ, обезпечивая тѣмъ самымъ и бытъ переселенцевъ, и приращеніе общей производительности страны. Необходимо устранить искусственныя препятствія, созданныя закономъ для задержанія населенія въ центрѣ Россіи, и содѣйствовать его историческому тяготѣнію къ окраинамъ, надѣливъ его землею на льготныхъ условіяхъ", для чего намѣчается такая же, въ сущности, система мѣръ попеченія о переселенцахъ, какая предлагается и нашею прогрессивною литературой. И еще въ 1904 году [2]) тотъ же „Русскій Вѣстникъ" съ прискорбіемъ констатируетъ, что „заселеніе Сибири идетъ черепашьимъ шагомъ, хотя охотниковъ переселяться десятки милліоновъ, и собственно говоря, намъ необходимо выселить ихъ туда, потому что въ центрѣ Россіи они вымираютъ отъ недостатка земли и заработковъ"... Но преобладаютъ въ печати разсматриваемаго направленія, несомнѣнно, либо явно враждебные переселенію взгляды, либо стремленіе заставить переселеніе служить совершенно другимъ задачамъ, нежели какія имѣются въ виду сторонниками переселеній изъ прогрессивнаго лагеря. „При каждомъ экономическомъ бѣдствіи — говоритъ напр. г. Емельяновъ [3]), присяжный спеціалистъ „Русскаго Вѣстника" по сибирскимъ и переселенческимъ вопросамъ, у насъ прежде всего рекомендуется прибѣгнуть въ широкихъ размѣрахъ къ переселеніямъ, къ разжиженію населенія въ центральныхъ областяхъ государства, — въ переселеніяхъ видятъ панацею

---

[1]) 1881 г., ноябрь. См. также „Внутр. обозр." за августъ 1889 г.
[2]) Мартъ.
[3]) 1899 г., октябрь.

отъ всѣхъ экономическихъ золъ и напастей. А между тѣмъ — замѣчаетъ г. Емельяновъ, они являются однимъ изъ самыхъ палліативныхъ и малонадежныхъ средствъ", — прежде всего уже потому, что усиленное выселеніе всегда сопровождается усиленнымъ естественнымъ приростомъ населенія, и потому „переселенія приходится признать средствомъ только временно облегчающимъ положеніе населенія, и къ тому же средствомъ далеко не изъ лучшихъ": г. Емельяновъ предпочитаетъ покупку земель черезъ крестьянскій банкъ, аренду, наконецъ „наиболѣе вѣрное средство — подъемъ производительности земли". „Какое изъ перечисленныхъ средствъ — говоритъ онъ дальше, мы ни избирали бы для борьбы съ малоземельемъ, — всякое изъ нихъ окажется менѣе рискованнымъ, чѣмъ переселенія" — положеніе, которое мотивируется, съ одной стороны, „неизбѣжными потерями при ликвидаціи земли и имущества, съ другой — дороговизною обзаведенія, благодаря которой крестьяне только и могутъ переселяться съ матеріальнымъ содѣйствіемъ правительства". Принципіальнѣе ставитъ вопросъ г. Головинъ въ уже цитированной нами статьѣ. Онъ рѣшительно оспариваетъ тотъ взглядъ, что „каждый русскій непремѣнно долженъ быть землевладѣльцемъ, и притомъ въ извѣстномъ размѣрѣ, а что затѣмъ если этого размѣра не окажется, государство или общество непремѣнно обязаны отыскивать ему гдѣ либо свободныя земли"; онъ думаетъ, что „осуществленіе такой программы въ довольно близкомъ будущемъ натолкнулось бы на явную физическую невозможность, а прежде достиженія такого предѣла вело бы не къ обогащенію страны, а къ ослабленію ея производительности". Достиженіе нормальныхъ размѣровъ надѣленія крестьянъ землею возможно, въ самомъ дѣлѣ, лишь при выселеніи изъ нѣкоторыхъ губерній до половины всего крестьянскаго населенія, а въ общемъ итогѣ для центрально-черноземной полосы—по крайней мѣрѣ одной трети населенія, и получается „невѣроятное заключеніе, что наша черноземная полоса, т. е. одна изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей въ мірѣ, будетъ процвѣтать лишь тогда, когда населеніе ея опустится до 1.600 душъ на кв. милю, т. е. далеко ниже самыхъ пустынныхъ мѣстностей Европы". Что же дѣлать тому населенію, у котораго недостаточно земли для удовлетворенія насущныхъ его потребностей? „У многихъ, — отвѣчаетъ нашъ журналъ на этотъ вопросъ, — дѣйствительно земли недостаточно, но этотъ недостатокъ можетъ пополняться другимъ путемъ — или заработками, или арендою окрестныхъ земель, или занятіемъ какими-нибудь промыслами. Только лженародничество могло додуматься до нелѣпой мысли, что каждому крестьянину необходимо сдѣлаться собственникомъ земли въ размѣрѣ достаточномъ для приложенія полностью рабочей силы его семьи". Здѣсь, какъ видитъ читатель, уже съ достаточною ясностью выступаютъ владѣльческіе интересы. Но еще яснѣе они выражены въ другой статьѣ того же г. Емельянова, напечатанной въ ноябрьской книжкѣ 1898 года. „Мѣстами — читаемъ мы здѣсь, изъ года въ годъ повторяющіяся выселенія крестьянъ тяжело отзываются на среднихъ и крупныхъ хозяйствахъ, не только искусственно под-

нимая цѣну на рабочіе руки, но даже вовсе лишая ихъ работниковъ. Само собою понятно, что цѣнность производства хлѣба, и безъ того высокая въ Россіи, увеличивается еще больше, облегчая нашимъ конкуррентамъ борьбу съ продуктами русскаго сельскаго хозяйства на международномъ рынкѣ". Въ конечномъ результатѣ, публицисты „Русскаго Вѣстника", если и мирятся съ переселеніемъ, то лишь постольку, поскольку оно либо можетъ служить государственнымъ колонизаціоннымъ интересамъ—политической или иной необходимости въ заселеніи тѣхъ или иныхъ окраинъ, либо можетъ быть приведено въ связь, опять-таки, съ интересами владѣльческаго класса. При нашихъ условіяхъ, когда переселеніе происходитъ, въ значительной мѣрѣ, на средства правительства, „вольная колонизація является нелѣпостью—разъ она ведется на казенный счетъ, она должна служить интересамъ всего государства, а не обогащенію отдѣльныхъ единицъ, ничѣмъ не заслужившихъ такой милости"[1]). Тѣ средства- которыя теперь расходуются для проведенія въ жизнь этого послѣдняго принципа, „могутъ быть употреблены съ гораздо большею пользой на водвореніе переселенцевъ, хотя и въ меньшемъ числѣ, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ присутствія ихъ требуютъ общегосударственные интересы страны. Но для этого прежде всего нужно отказаться отъ желанія создавать переселенческія эльдорадо и возвратиться на путь старой переселенческой политики, при которой за каждую жертву со стороны государства, за каждую предоставленную льготу переселенцы должны были платить тѣми или иными услугами пріютившему ихъ краю. Этого требуетъ простая справедливость по отношенію къ интересамъ всѣхъ остальныхъ жителей государства"[2]). Съ этой точки зрѣнія всецѣло одобряется крайне неудачно веденная—какъ оффиціально признано — первоначальная трактовая колонизація акмолинской степи и не менѣе оффиціально забракованная первоначальная колонизація побережья Амура; рекомендуются такія мѣры, какъ крестьянская колонизація калмыцкой степи Донского войска или переселеніе въ районъ Сибирской желѣзной дороги волынскихъ нѣмцевъ съ тѣмъ, чтобы на оставленныя ими земли посадить русскихъ крестьянъ. И для достиженія такого рода государственно-политическихъ цѣлей предлагается такая любопытная организація дѣла: „пусть каждое министерство, чувствующее потребность въ заселеніи той или иной мѣстности, заявитъ объ этомъ государственному совѣту, который, сообразуясь съ количествомъ ожидаемыхъ выселенцевъ, рѣшитъ, слѣдуетъ ли удовлетворить, отклонить или отложить подобное ходатайство. Вмѣстѣ съ этимъ государственный совѣтъ можетъ опредѣлить и размѣръ тѣхъ льготъ, которыя могутъ быть предоставлены переселенцамъ въ зависимости отъ большей или меньшей трудности колонизаціи избраннаго для заселенія края"[3]). Что же касается до интересовъ частныхъ собственниковъ, то, по

---

[1]) 1899, іюнь.
[2]) 1898, мартъ.
[3]) 1899, октябрь, Внутр. обозр.

мнѣнію публицистовъ „Русскаго Вѣстника“, „едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что взаимная выгода землевладѣнія и земледѣлія состоитъ въ возможно равномѣрномъ разселеніи земледѣльцевъ на черноземныхъ почвахъ и тѣмъ именно способомъ, какой предпочитается здравымъ смысломъ самого народа (sic) — т. е. путемъ устройства переселенцевъ на земляхъ частныхъ собственниковъ“. Переселенцамъ „рѣшительно все равно, на какомъ правѣ они будутъ вести самостоятельное хозяйство; для нихъ важна не юридическая форма, а экономическія условія пользованія полевыми угодьями и усадьбами, дѣйствительная возможность жить своимъ трудомъ, по человѣчески“. Поэтому нужно не помогать крестьянамъ покупать землю, а организовать переселеніе на частновладѣльческія земли на арендныхъ началахъ. И это — именно потому, что интересы владѣльцевъ трогательно-солидарны съ интересами крестьянъ. „Въ разобщеніи съ нуждами владѣльческаго хозяйства въ мѣстностяхъ, куда направляются переселенческое движеніе, послѣднее всегда будетъ имѣть у насъ характеръ азартныхъ предпріятій, на которыхъ легче разориться, чѣмъ нажить состояніе“. Наши переселенцы—темная и нищая масса, и не могутъ „создавать прочныя самостоятельныя хозяйства безъ посторонней помощи, безъ разумнаго руководительства. Если — поэтому—правительство не можетъ прійти ему на помощь своими средствами, то необходимо дисциплинировать совершенно стихійное у насъ переселенческое движеніе, овладѣть этимъ движеніемъ, чтобы дать ему направленіе, соотвѣтствующее пользѣ народнаго хозяйства“, что̀ и можетъ быть, по мнѣнію обозрѣвателя, достигнуто путемъ устройства переселенцевъ на земляхъ частныхъ собственниковъ [1]).

Само собою разумѣется, что идеи э т о й категоріи могли исходить исключительно изъ лагеря „Русскаго вѣстника“ и его единомышленниковъ. Но говоря общѣе, диссонирующія ноты идутъ далеко не исключительно изъ одного только реакціоннаго лагеря. Выше мы уже указывали на то разномысліе, которое существуетъ въ нашей литературѣ по вопросу о результатахъ переселенія для переселяющихся въ настоящемъ и въ близкомъ будущемъ, а также по не менѣе важному вопросу о размѣрахъ колонизаціоннаго земельнаго фонда, слѣдовательно—и о возможныхъ размѣрахъ переселенческаго движенія, — вопросы, которые уже были подробно разобраны во II части этой книги. Тамъ же приведены разнорѣчивыя литературныя мнѣнія и по вопросу о причинахъ переселенія, а потому здѣсь мы приведемъ диссонирующія мнѣнія только по одному коренному вопросу—о вліяніи переселеній на условія землевладѣнія и хозяйства въ мѣстностяхъ выселенія.

И въ этомъ направленіи скептическіе отзывы появляются въ нашей литературѣ не со вчерашняго дня. Еще въ 1880 году одинъ изъ крупнѣйшихъ экономистовъ народническаго направленія, г. Николай—онъ, обозрѣвая возможные способы помощи разстроенному крестьян-

---

[1]) 1889, августъ, „Внутр. обозр.“.

скому хозяйству, опредѣленно утверждалъ, что „никакого хозяйственнаго улучшенія нельзя ждать также и отъ всѣми излюбленнаго переселенія. При другихъ наличныхъ неизмѣняющихся хозяйственныхъ условіяхъ, переселенія, можетъ быть, нѣсколько облегчатъ, только на первое время, и переселенцевъ, и остающихся на мѣстѣ,—но это облегченіе если и произойдетъ, то оно будетъ кратковременнымъ, затѣмъ все приметъ прежній видъ, и мы опять будемъ кричать о переселеніи, какъ будто бы намъ и въ самомъ дѣлѣ тѣсновато". Съ тѣхъ поръ это положеніе выставлялось много разъ, причемъ подчеркивалась, между прочимъ, невозможность разсчитывать на сколько-нибудь широкія народно-хозяйственныя послѣдствія переселеній уже въ силу самой незначительности ихъ размѣровъ. „Все тридцатилѣтнее переселеніе говорилъ, напримѣръ, г. Качоровскій въ 1893 году, давшее лишь отъ милліона до 1.300.000 душъ переселенцевъ, не могло оказать замѣтнаго противодѣйствія" процессу оскудѣнія нашего крестьянства, „результаты котораго, въ видѣ милліонныхъ итоговъ земельнаго дефицита и безхозяйности, стоятъ теперь передъ нами". Г. Качоровскій, какъ и многіе другіе, утѣшался тою мыслью, что переселенія, слишкомъ ничтожныя, чтобы воздѣйствовать на народное хозяйство в о о б щ е, оказываютъ однако замѣтное воздѣйствіе на землевладѣніе и хозяйство тѣхъ собственно мѣстностей, откуда выселеніе происходитъ въ болѣе замѣтныхъ размѣрахъ. „И инвентарь, и дома уходящихъ переходятъ въ крестьянскія руки, съ уходомъ ихъ улучшаются условія аренды и заработка, и, наконецъ, самое главное, вся почти земля уходящихъ безспорно достается остающимся и не выходитъ изъ крестьянскихъ рукъ. Стало быть—заключаетъ г. Качоровскій, переселеніе одною своею стороною—выселеніемъ, дѣйствительно осуществляло и можетъ осуществлять задачу расширенія крестьянскаго землевладѣнія и возстановленія разрушающагося крестьянскаго хозяйства" [1]). Однако, еще нѣсколькими годами раньше г. Гурвичъ въ своей также уже цитированной книгѣ убѣдительно доказалъ невозможность успокаиваться на такихъ слишкомъ общихъ положеніяхъ, какъ переходъ земли и имущества выселяющихся въ крестьянскія же руки. „При подворно-наслѣдственномъ способѣ землевладѣнія, — говорилъ онъ, выселеніе хотя бы половины наличнаго числа жителей ни въ чемъ не облегчитъ положенія другой половины: земля, путемъ частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, перейдетъ въ руки зажиточныхъ крестьянъ, у которыхъ имѣются средства, чтобы сразу уплатить владѣльцамъ договорную цѣну . . . Слѣдовательно, выселенія изъ мѣстностей съ подворнымъ или четвертнымъ землевладѣніемъ еще усиливаютъ неизбѣжно существовавшую и ранѣе неравномѣрность въ распредѣленіи поземельной собственности"; но и при общинномъ владѣніи „самымъ общимъ послѣдствіемъ переселеній является уменьшеніе числа среднихъ хозяевъ и сосредоточеніе ихъ земельныхъ надѣловъ въ рукахъ наиболѣе состоятельныхъ общинниковъ". Единственное существенное

[1]) „Русск. мысль" 1893, мартъ.

облегченіе, которое приносятъ выселенія, заключается въ увеличеніи простора для скота,—но и это облегченіе не касается бѣднѣйшей части деревенскаго населенія—деревенскихъ пролетаріевъ-безхозяйныхъ"; въ конечномъ же результатѣ „выселенія не только не облегчаютъ положенія остающихся на старомъ мѣстѣ, но еще обостряютъ здѣсь экономическое неравенство". И отсюда получается такое положеніе дѣлъ: „съ одной стороны трезвый взглядъ на вещи и потребность въ самопомощи будутъ все болѣе распространяться въ массѣ, съ другой стороны, переселенія чѣмъ дальше, тѣмъ меньше будутъ оправдывать возлагаемыя на нихъ надежды и все недоступнѣе будутъ дѣлаться маломощнымъ крестьянамъ,—соціально-экономическое противорѣчіе, изъ котораго можно заключить, что переселенія составляютъ только преходящую форму пробуждающейся народной иниціативы". Съ нѣсколько иной стороны освѣщаетъ вопросъ о значеніи переселеній проф. А. И. Скворцовъ. Исходная точка его разсужденій—что „для крестьянина чрезвычайно важно, чтобы цѣна зерна не падала слишкомъ низко". Между тѣмъ, по мѣрѣ роста выселеній и расширенія культурной площади на окраинахъ хлѣбныя цѣны неминуемо должны упасть и „доходы крестьянскихъ хозяйствъ центральной черноземной полосы настолько понизятся, что хозяйства эти окажутся несостоятельными какъ передъ государствомъ, такъ и передъ частными землевладѣльцами, у которыхъ они арендуютъ землю. Въ результатѣ они лишатся конечно аренды, а безъ нея, какъ мы видѣли, они и при хорошихъ цѣнахъ существовать не могутъ. И отъ этого краха не только не спасетъ увеличеніе надѣловъ на мѣстѣ, но еще усилитъ его",—потому что увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ „будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивать массу поступающаго на рынокъ зерна и еще болѣе понижать его цѣну". Еще съ большею опредѣленностью проводился безусловно отрицательный взглядъ на переселенія въ ежемѣсячныхъ органахъ правовѣрнаго марксизма. „Сдѣлать изъ бѣднаго крестьянина зажиточнаго,—говорилъ напримѣръ внутренній обозрѣватель журнала „Начало" [1]), возможно только при условіи удаленія избыточнаго населенія съ земли. Для того же, чтобы оно не являлось опаснымъ конкуррентомъ тѣмъ, которые останутся на отцовской землѣ, избыточное населеніе должно сѣсть не на новыя земли, а совершенно оторваться отъ земли. Ибо, переселившись на новыя земли, „избыточные земледѣльцы будутъ производить на продажу хлѣбъ, а такъ какъ они смогутъ производить его дешевле, чѣмъ тѣ, кто остался на старыхъ земляхъ, то первые будутъ экономически подрывать вторыхъ".

Скептическое отношеніе къ переселенческому вопросу, вообще, значительно усилилось въ первой половинѣ 90-хъ годовъ, въ разгарѣ полемики между экономистами народническаго и марксистскаго направленія. „Прошло то время — читаемъ мы въ Сѣверномъ вѣстникѣ за 1896 годъ [2]), когда переселеніями восторгались и въ организаціи

---

1) Цитирую по статьѣ г-на С. Ф. въ „Русск. Бог." 1901, іюнь.

2) Сентябрь.

переселеній видѣли залогъ нашего прогресса, силы и могущества". Однако, такой поворотъ во взглядахъ нашей литературы на переселенческій вопросъ, если онъ и былъ, имѣлъ, въ общемъ, временный характеръ и въ настоящее время — таково, по крайней мѣрѣ, наше общее впечатлѣніе, все еще продолжаетъ преобладать оптимистическій взглядъ и на возможное, въ количественномъ смыслѣ, развитіе переселеній, и на ихъ значеніе для русскаго народнаго хозяйства.

II.

Земства о переселенческомъ вопросѣ.

Гораздо труднѣе, какъ намъ кажется, прослѣдить какую-либо преобладающую тенденцію во взглядахъ на переселенческій вопросъ земствъ, поскольку они выразились въ разсужденіяхъ, заключеніяхъ и ходатайствахъ земскихъ собраній. „Земство—говоритъ В. А. Розенбергъ [1]) въ уже неоднократно цитированныхъ очеркахъ,—не можетъ оставаться безучастнымъ къ такой насущной нуждѣ мѣстнаго населенія", какъ переселенія. „Земскія ходатайства объ организаціи переселенія начались еще въ семидесятыхъ годахъ, когда въ правящихъ сферахъ относились къ переселеніямъ вполнѣ отрицательно. Земскія статистическія работы затронули переселенческій вопросъ впервые еще въ началѣ 80-хъ годовъ и безспорно много содѣйствовали его разъясненію и измѣненію взгляда на него въ позднѣйшее время. Затѣмъ въ теченіе 20—25 лѣтъ земскія учрежденія не прекращали ни своихъ изслѣдованій, ни своихъ представленій по вопросу о малоземельи крестьянъ и о значеніи для нихъ переселенческаго дѣла". Намъ думается, что такая обобщенная характеристика отношенія земствъ къ переселенческому вопросу даетъ довольно одностороннее представленіе о дѣйствительности. Какъ я уже упоминалъ, я не имѣлъ возможности изучить вопроса по первоисточникамъ. Но знакомясь съ соотвѣтствующими данными по „обзору дѣятельности земствъ" за тридцатилѣтіе 1865—1895 гг., составленному г. Сазоновымъ по порученію департамента земледѣлія, и съ отвѣтами земствъ на запросъ министерства земледѣлія, я удивлялся, скорѣе, слишкомъ индифферентному отношенію земствъ къ такому насущному, для многихъ мѣстностей Россіи, дѣлу какъ переселенія, и слишкомъ малому вниманію, которое удѣлялось земствами переселенческому вопросу. Доказать это не трудно уже путемъ чисто количественныхъ данныхъ. Если подсчитать, по сводкѣ г. Сазонова, всѣ случаи, гдѣ земскія собранія касались переселенческаго вопроса, то мы найдемъ, что за тридцатилѣтній періодъ изъ губернскихъ земскихъ собраній

[1]) Назв. соч., стр. 185.

переселенческимъ вопросомъ занимались: Полтавское—5 разъ, Таврическое—4 раза, Черниговское и Екатеринославское по 3 раза, Новгородское, Вятское, Орловское, Симбирское, Курское и Тамбовское—по два раза, и 11 другихъ—по одному разу. Сужденіями уѣздныхъ собраній, по даннымъ той же сводки, переселенческій вопросъ былъ затронутъ: по Орловской губерніи 3 раза, по Полтавской 2 раза, въ 8 другихъ губерніяхъ—по одному разу. Едва ли эти цифры, уже и сами по себѣ, свидѣтельствуютъ о послѣдовательномъ и систематическомъ интересѣ „земства" къ переселенческому вопросу...

Конечно, этимъ собственно цифрамъ нельзя придавать рѣшающаго, а можетъ быть даже и исчерпывающаго значенія: земства вѣдь не пользовались полною свободою заниматься переселенческимъ вопросомъ. Въ той же сводкѣ г. Сазонова [1]) зарегистрировано нѣсколько случаевъ, гдѣ желаніе земскихъ сообраній принять тѣ или другія мѣры переселеній или даже только обсуждать переселенческій вопросъ встрѣтило препятствія со стороны губернаторовъ или предсѣдателей собраній. Такъ, въ 1876 году Черниговскимъ губернаторомъ было опротестовано постановленіе Черниговскаго уѣзднаго земства относительно оказанія матеріальной помощи ходокамъ, на томъ основаніи, что „вопросъ этотъ выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій, которыя не могутъ входить ни въ какія распоряженія по частнымъ потребностямъ сословій". Въ 1877 году сенатъ отвергъ жалобу Ардатовскаго земства на послѣдовавшее со стороны администраціи запрещеніе волостнымъ правленіемъ доставлять управѣ затребованныя ею свѣдѣнія по вопросу о причинахъ переселеній, „находя обсужденіе послѣднихъ не подлежащимъ не только волостнымъ правленіямъ, но и земскимъ учрежденіямъ". А въ 1886 году сенатъ, по жалобѣ Скопинскаго земства, призналъ, „что земство не можетъ быть лишено права собирать свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи края, но не должно вмѣшиваться въ дѣла подвѣдомственныя другимъ учрежденіямъ", а потому опредѣлилъ: „постановленіе относительно собиранія свѣдѣній, полезныхъ для переселенцевъ, оставить въ силѣ; возложеніе же на управу сообщенія ихъ желающимъ отмѣнить", предоставивъ земству „свѣдѣнія эти сообщать въ губернское крестьянское присутствіе". А въ 1893 году, по поводу предположенія „ходатайствовать о разрѣшеніи безземельнымъ и малоземельнымъ жителямъ губерніи переселяться на свободныя казенныя земли за предѣлы губерніи и объ облегченіи способовъ къ такому переселенію", предсѣдатель Полтавскаго губернскаго собранія „заявилъ, что этотъ вопросъ не входитъ въ сферу земской дѣятельности", что впрочемъ не помѣшало собранію поручить управѣ составить докладъ по данному вопросу. Конечно, приведенные примѣры характерны для той атмосферы, въ которой приходилось работать земствамъ, и въ которой очевидно, не могли свободно выражаться и вырабатываться взгляды ихъ по переселенческому вопросу.

---

[1]) Т. II, стр. 747, 757, 167, 778.

Гораздо характернѣе, поэтому, тѣ отзывы земскихъ собраній о „нуждахъ сельскаго хозяйства и мѣрахъ ихъ удовлетворенія, которые были вызваны сдѣланнымъ въ 1894 году запросомъ министерства земледѣлія: они давались земствами внѣ зависимости отъ тѣхъ внѣшнихъ стѣсненій, которыя при обычныхъ обстоятельствахъ мѣшали выработкѣ и выраженію мнѣній земствъ по переселенческому вопросу. И вотъ, оказывается, что изъ общаго числа 33-хъ губерній, по которымъ имѣются отзывы, переселенческій вопросъ затронутъ, опять-таки въ какомъ бы то ни было смыслѣ, губернскими и частью уѣздными собраніями по 15 губерніямъ,—именно: Вологодской, Воронежской, Вятской, Костромской, Курской, Нижегородской, Пермской, Полтавской, Рязанской, Самарской, Таврической, Тульской, Харьковской, Херсонской и Черниговской. Затѣмъ, въ числѣ 18 земствъ, въ отзывахъ которыхъ переселенческій вопросъ отстался совершенно незатронутымъ, мы находимъ и такія, какъ Рязанское губернское, Пензенское, Тамбовское, Симбирское, т. е. земства такихъ губерній, въ которыхъ переселенческое движеніе въ то или другое время достигало значительной интенсивности и изъ которыхъ, напримѣръ, Тамбовская, по размѣрамъ его, еще недавно занимала, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ.

Обращаясь теперь къ содержанію отзывовъ земствъ по переселенческому вопросу, мы должны отмѣтить прежде всего тотъ фактъ, что многія земства касались этого вопроса лишь такими общими фразами, которыя оставляютъ совершенно открытымъ вопросъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ выраженіями продуманнаго и основаннаго на дѣйствительномъ знаніи мѣстныхъ потребностей убѣжденія, или съ простымъ повтореніемъ общепринятаго шаблона. Отзывы такого типа особенно часты въ отвѣтахъ земствъ на запросъ министерства земледѣлія о нуждахъ сельскаго хозяйства и мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію [1]). Таковъ, напримѣръ, отзывъ Вологодскаго земства—„упрощеніе переселенія крестьянъ на казенныя земли"; Костромского—„организація переселеній", Рязанскаго—„организація переселеній при помощи государства и при помощи земства", Бердянскаго уѣзднаго—„переселеніе части малоземельнаго крестьянства на казенныя земли". Или въ сводкѣ г. Сазонова ходатайства Казанскаго земства о расширеніи землевладѣнія населенія „чрезъ облегченіе способовъ разселенія въ предѣлахъ губерніи на казенныя земли или же переселенія въ прочія мѣста имперіи, нуждающіяся въ колонизаціи", Пирятинскаго—объ употребленіи части выкупныхъ платежей „на правильную организацію переселеній для тѣхъ, которые по недостатку свободныхъ земель не могутъ ни нанять, ни купить ихъ въ необходимомъ количествѣ", Псковскаго уѣзднаго—„ходатайствовать объ организаціи добровольнаго переселенія излишка населенія въ плодородныя губерніи, имѣющія еще обширныя пустопорожнія казенныя земли"—замѣтимъ, что Псковская губернія, какъ и Вологодская принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ переселенческаго дваженія

[1]) „Нужды сел. хоз.", стр. 12, 14, 34, 46, 95, 108, 164.

совершенно не существуетъ; Екатеринославскаго уѣзднаго—„ходатайствовать передъ правительствомъ объ регулированіи переселеній". Не безынтересно, что по поводу этого послѣдняго ходатайства губернская управа нашла себя вынужденною высказать, что ходатайство, затрагивающее вопросъ большой важности, но не достаточно мотивированное, едва ли можетъ имѣть значеніе", почему и полагала „передать вопросъ обратно уѣздному земству для всесторонней разработки",—съ чѣмъ согласилось и губернское собраніе [1]).

Лишь въ видѣ исключенія мы находимъ въ имѣющемся въ нашемъ распоряженіи матеріалѣ болѣе или менѣе обстоятельную принципіальную мотивировку постановленій о необходимости мѣръ къ облегченію и урегулированію переселеній; чаще—болѣе или менѣе разработанные планы практическихъ мѣропріятій въ этомъ направленіи и соображенія относительно участія въ дѣлѣ земскихъ учрежденій. Едва ли не подробнѣе всего вопросъ о переселеніяхъ былъ разработанъ Воронежскимъ губернскимъ собраніемъ 1880 года,—но и здѣсь принципіальная мотивировка отнюдь не отличается силою и обоснованностью. На организацію переселеній въ разсужденіяхъ собранія указывается „какъ на исходную точку мѣропріятій земства въ дѣлѣ увеличенія надѣловъ": недостаточность надѣловъ — „несомнѣнный фактъ, и нынѣ же слѣдуетъ заняться правильною организаціею переселеній на государственныя земли. Народный инстинктъ и здравый смыслъ—такъ мотивируется далѣе необходимость широкой переселенческой политики, указываютъ путь, которымъ должно идти. Переселеніе въ жизни народной было и будетъ культурною задачей, и всѣ попытки остановить его такъ же тщетны, какъ остановить дѣйствіе законовъ природы,—оно является слѣдствіемъ малоземелья и необходимости вести экстенсивное хозяйство". Конкретнѣе мотивируется необходимость переселеній и правительственнаго имъ содѣйствія въ докладѣ С. С. Бехтѣева Орловскому губернскому собранію. Въ докладѣ этомъ мы находимъ—правда, для одного только Елецкаго уѣзда—статистическія данныя о числѣ малоземельныхъ крестьянъ, съ надѣломъ менѣе 2 десятинъ; „при несомнѣнности факта,—говоритъ затѣмъ авторъ доклада,—что при надѣлѣ менѣе 2 десятинъ не только нѣтъ возможности имѣть хорошій рабочій скотъ, но бѣдняки и вовсе его не имѣютъ, совершенно понятно, что малоземелье есть одинъ изъ факторовъ, не только вредно вліяющихъ, но и совершенно разрушающихъ крестьянское хозяйство", а необходимое увеличеніе землевладѣнія для мѣстностей, гдѣ земля дорога, лучше всего можетъ быть достигнуто переселеніемъ крестянъ на свободныя государственныя земли. „Народъ, не смотря на всѣ создаваемыя ему препятствія, перенося всякія лишенія, переселяется, маскируя это уходомъ цѣлыми селеніями на заработки, даже въ Томскую губернію"; съ другой стороны, „исчисляя рабочихъ, потребныхъ на воздѣлываніе площади уѣзда, оказывается излишекъ около 16000 душъ; та же цифра получается при опредѣленіи по паспортамъ, выдавае-

[1]) „Обзоръ", стр. 715, 717, 726, 758, 759, 760, 768.

мымъ для заработковъ внѣ уѣзда; ею же выражается число душъ въ дворахъ съ упразднившимися хозяйствами,—очевидно, что такое совпаденіе не есть простая случайность. Наличность всѣхъ этихъ обстоятельствъ требуетъ, чтобы земство серьезно занялось этимъ вопросомъ", и г. Бехтѣевъ надѣется, что „увеличеніе надѣловъ путемъ переселенія прекратило бы въ народѣ всѣ толки о передѣлѣ частной поземельной собственности, и безспорно улучшило бы матеріальное положеніе крестьянъ". Итакъ, г. Бехтѣевъ надѣется на прекращеніе, благодаря переселенію, толковъ о передѣлѣ частныхъ земель,—а между тѣмъ необходимость прекратить такого рода толки постоянно выставлялась въ пореформенный періодъ какъ одинъ изъ сильнѣйшихъ доводовъ въ пользу мѣръ, ограничивающихъ переселеніе!.. Сходные мотивы мы находимъ въ докладѣ Задонской уѣздной управы губернскому собранію по поводу голода 1891 года, въ которомъ управа видитъ „печальный результатъ не одного только неурожайнаго года, а цѣлаго ряда условій, расшатавшихъ устои крестьянскаго хозяйства", на первомъ мѣстѣ—малоземелья, надѣла менѣе 2 дес. на наличную муж. душу: „когда приходится тѣсниться на такихъ ничтожныхъ клочкахъ, то не только нельзя вынести тяготы неурожая, но едва-едва возможно поддерживать существованіе и въ средніе по неурожайности годы", и потому „казна и общество ежеминутно должны быть готовы принять на свое содержаніе ту или другую неурожайную мѣстность. Единственный выходъ отсюда по мнѣнію Задонской управы, переселеніе",—единственный потому, что „если въ 1861 году считалось нужнымъ дать по 2,48 десятинъ на ревизскую душу, то нѣтъ основанія предполагать, что тотъ же человѣкъ въ 1894 году можетъ обходиться 1,87 десятинами. Другими словами, та площадь земли, которая 30 лѣтъ тому назадъ должна была кормить 100 человѣкъ, теперь должна давать средства къ жизни 132. Изъ положенія этого—высказываетъ гл. В. М. Андреевскій въ Тамбовскомъ губерн. собраніи 1893 года,—есть два исхода: или выселить лишнихъ на новыя мѣста, или поднять производительность земли. Послѣднее кажется по многимъ причинамъ невозможнымъ",—а потому „едва ли можно сомнѣваться въ необходимости постоянно разрѣжать населеніе путемъ выселенія". Безъ увеличенія количества владѣемой крестьянами земли,—высказывалъ гласный Дойниковъ нъ Курскомъ губернскомъ собраніи 1889 года,—„ни надѣленіе крестьянъ лошадьми и другимъ сельскохозяйственнымъ имуществомъ, ни обученіе лучшимъ способамъ обработки земли, ни разселеніе хуторами не въ состояніи улучшить ихъ благосостояніе" [1]).

Однако, наряду съ такими безусловно благопріятными для переселеній мнѣніями, въ земской средѣ раздавались и голоса, относящіяся къ переселеніямъ съ болѣе или менѣе рѣшительнымъ отрицаніемъ. Иногда въ мнѣніяхъ этой послѣдней категоріи ясно слышится отзвукъ классовыхъ и сословныхъ интересовъ и настроеній,—

[1]) Тамъ же, стр. 744, 752—753, 758, 771—72, 774, 786.

какъ этотъ отзвукъ слышится, впрочемъ, и въ приведенномъ благопріятномъ для переселеній мнѣніи г. Бетхѣсва. Къ этой категоріи несомнѣнно относится данный въ 1895 году, на запросъ министерства земледѣлія, отзывъ Харьковскаго губернскаго земства, которое высказалось за урегулированіе переселенческаго дѣла въ томъ смыслѣ, чтобы выселенія происходили лишь изъ тѣхъ районовъ, гдѣ не хватаетъ земли и гдѣ нѣтъ надлежащихъ заработковъ. Харьковская губернія,—по отзыву земства,—нуждается въ заселеніи, а не въ переселеніи. Сѣверная половина ея имѣетъ массу промышленныхъ заведеній, требующихъ много рабочихъ рукъ даже изъ сосѣднихъ губерній (полка, уборка и перевозка свекловицы сахарныхъ заводовъ), а южная, степная, мало населенная, нуждается въ рабочихъ рукахъ для посѣвовъ и уборки хлѣбовъ и травъ" [1]. Къ той же категоріи я склоненъ отнести сообщеніе Пирятинскому уѣздному собранію 1868 кода его предсѣдателя о томъ, „что во многихъ мѣстахъ уѣзда обнаружилось усиленное стремленіе къ переселеніямъ, въ связи съ распространившимися слухами объ указѣ правительства поэтому предмету",и заключеніе собранія—„сообщить объ этомъ губернатору" [2]. А изъ приводимыхъ г. Масловымъ [3] данныхъ мы узнаемъ, что въ 1901 году „предсѣдатель Псковской губернской управы предложилъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ вопросъ объ обсужденіи ходатайства о томъ, чтобы переселеніе крестьянъ изъ Псковской губерніи при содѣйствіи правительства было признано преждевременнымъ",—а Псковское уѣздное земское собраніе „нашло переселеніе крестьянъ нежелательнымъ въ интересахъ экономическаго благосостоянія уѣзда и признало необходимымъ принятіе энергическихъ мѣръ борьбы и даже экстренныхъ мѣръ къ временному прекращенію переселенческаго движенія изъ Псковскаго уѣзда въ Сибирь". Эти примѣры, правда, единичны, и даже въ нихъ (кромѣ перваго) классовая тенденція скорѣе чувствуется, нежели высказывается. Но въ сведенныхъ г. Сазоновымъ матеріалахъ имѣются указанія на то, что проявленія этой тенденціи были, въ дѣйствительности, гораздо болѣе распространены. Такъ, гласному Плотникову пришлось напоминать Воронежскому губернскому земскому собранію 1880 года, что „правительство и общество сжились уже съ мыслью, что въ рѣшеніи столь важныхъ вопросовъ должно участвовать и послѣднее, и потому земскія учрежденія болѣе чѣмъ гдѣ либо должны отрѣчься отъ личныхъ сословныхъ интересовъ"; а гл. Комсинъ, въ Тамбовскомъ губернскомъ собраніи 1895 года, указывалъ на то, что „земство состоитъ болѣе чѣмъ на половину изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ переселеніе невыгодно" и это „легко можетъ навлечь на него упрекъ въ пристрастномъ рѣшеніи" [4].

---

[1] „Нужды с. х.", стр. 112.
[2] „Обзоръ", стр. 742.
управы г. Горбуновъ, находя, что переселеніе вредно отражается
[3] Сел. Хоз. въ Россіи, стр. 282.
[4] „Обзоръ", стр. 752, 786.

Затѣмъ, однако, въ сужденіяхъ и постановленіяхъ земствъ выражаются и такія принципіально неблагопріятныя для переселенія мнѣнія, которыя опираются на болѣе или менѣе вѣскіе доводы и соображенія и во всякомъ случаѣ не могутъ быть сведены къ классовымъ тенденціямъ. Едва ли не наибольшій принципіальный интересъ представляютъ сужденія Вятскаго губернскаго земства въ отзывѣ на запросъ министерства земледѣлія—тѣмъ большій интересъ, что Вятское земство несомнѣнно стоитъ внѣ всякаго вліянія землевладѣльческаго элемента. Говоря о необходимости расширенія крестьянскаго землевладѣнія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи, Вятское земство настаиваетъ на „непосредственномъ со стороны министерства земледѣлія содѣйствіи къ усиленію интенсивности малоземельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ", надѣясь, что съ осуществленіемъ этихъ мѣръ населеніе постепенно пріучалось бы извлекать большія выгоды отъ своего хозяйства не путемъ расширенія владѣній, а черезъ усиленіе и улучшеніе культуры земли" (курсивъ нашъ. А. К.[1]). Мало того: въ Вятской губерніи возникаетъ „вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ излишка земли въ тѣхъ случаяхъ, когда доходъ отъ земли не покрываетъ расходовъ", и такіе земельные излишки земство предлагаетъ обращать подъ зарощеніе лѣсомъ. Съ иной точки зрѣнія, но не менѣе принципіально разсматриваетъ вопросъ Полтавская губернская управа въ докладѣ земскому собранію 1881 года. По мнѣнію управы, „факты и здравыя экономическія соображенія не подтверждаютъ" убѣжденія въ пользѣ переселеній изъ Полтавской губерніи: управа, прежде всего, не считаетъ возможнымъ считать Полтавскую губернію густо населенною, такъ какъ населеніе ея въ 2, 3 и 4 раза рѣже населенія западно-европейскихъ странъ,—„если она и страдаетъ отъ малоземелья, то это не столько отъ густоты населенія, сколько отъ неправильнаго распредѣленія земли, такъ какъ за крестьянами ея числится 47,6%, тогда какъ въ Воронежской губерніи—69%, въ Курской—62%, а въ 8 центральныхъ губерніяхъ—58%". Управа не видитъ доказательства перенаселенности и въ значительномъ развитіи отхожихъ промысловъ, возникающихъ „отъ естественнаго стремленія умножающагося населенія, вмѣсто улучшенія сельскаго хозяйства путемъ болѣе интенсивной обработки земли, направлять увеличивающуюся рабочую силу на расширеніе хозяйства въ ширь". А между тѣмъ, „большая густота населенія содѣйствуетъ промышленному и общественному развитію страны, составляетъ неизбѣжное условіе большей интенсивности земледѣлія, развитія обрабатывающей промышленности, способствуетъ улучшенію дорогъ, умноженію школъ, больницъ и т. п.",—въ конечномъже выводѣ управа полагаетъ, „что Полтавская губернія далеко

[1] „Нужды с. х.", стр. 25. Короче, но ту же въ существѣ мысль высказало Ливенское уѣздное собраніе 1876 года: по мнѣнію собранія, „невыгоды малоземелья могутъ вознаграждаться лучшимъ уходомъ за землей, для чего желательно распространеніе, посредствомъ народныхъ школъ, элементарныхъ свѣдѣній о лучшей обработкѣ земли" („Обзоръ", II, стр. 748).

*

еще не достигла той степени перенаселенности, при которой эмиграція являлась бы мѣрою благодѣтельною", „и что въ виду этого всякая поощрительная мѣра къ выселенію поведетъ къ пониженію производительности страны" [1]). Въ другихъ случаяхъ неблагопріятный взглядъ на переселеніе обосновывается доводами, касающимися тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ сторонъ вопроса. Высказывается, что „поощреніе изъ многоземельныхъ уѣздовъ не должно быть поощряемо", „что надо всѣми мѣрами противодѣйствовать ему, а отнюдь не поощрять эту порочную язву",—или что „ничѣмъ не вызванныя переселенія вредны во всѣхъ отношеніяхъ и потому крайне нежелательны",—хотя „задержка искусственнымъ путемъ этого явленія принесетъ еще больше вреда", что поэтому „нужны общія мѣры поднятія народнаго благосостоянія, которыя однѣ могутъ принести пользу". Иногда подчеркиваются трудности, связанныя съ переселеніемъ для самихъ переселяющихся; указывается, что противъ переселенія говоритъ и привязанность человѣка къ родинѣ, и масса непроизводительныхъ расходовъ и потерь"; что „переселеніе есть только переводъ съ одного мѣста на другое нищеты и невѣжества". Предлагается заботиться о разселеніи на надѣльныхъ земляхъ „въ видахъ значительнаго уменьшенія разорительнаго переселенческаго движенія". Подчеркиваются и вредныя послѣдствія переселенія для мѣстностей, оставляемыхъ переселенцами; высказывается пожеланіе объ ограниченіи переселенія дѣйствительно нуждающимися, „дабы край черезъ это не пустѣлъ", или указывается на то, что „уходящій уноситъ затраченные на него расходы и свои сбереженья, и все это непроизводительно растрачиваетъ въ пути и на мѣстѣ поселенія. Задача земства—изслѣдовать причины ухода и по возможности ихъ устранить,—для чего необходимо поднять культуру и общее благосостояніе. Подъемъ экономическаго благосостоянія есть дѣло земское, а содѣйствіе переселеніямъ антиземское, ведущее къ упадку"; мѣры облегченія переселеній признаются „самоубійствомъ", ибо „идутъ лучшіе, наиболѣе энергичные люди, силы которыхъ необходимы для культуры и общаго благосостоянія", и поэтому „переселеніе только ухудшитъ положеніе населенія" [2]).

Однако, въ большинствѣ случаевъ, когда земства касались переселеній, они высказывались сочувственно къ этому явленію народной жизни. Какъ я затѣмъ уже упоминалъ въ нашемъ матеріалѣ встрѣчается гораздо больше указаній на тѣ или другія конкретныя стороны переселенческаго дѣла, нежели принципіальныхъ доводовъ въ пользу необходимости переселеній. Прежде всего, земства интересуются вопросомъ к у д а, предпочтительно, слѣдуетъ развивать и поощрять переселеніе. Во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ они высказываются за переселеніе въ б л и ж а й ш і я мѣстности, гдѣ имѣются свободныя казенныя земли или гдѣ есть возможность пріобрѣтенія частно-владѣльческихъ земель. Въ большинствѣ случаевъ земства

---

[1]) „Обзоръ", стр. 761—762.

[2]) „Обзоръ", стр. 704, 741, 744, 745, 773, 778—9, 780, 784, 791, 794.

касаются этого собственно вопроса только мимоходомъ, именно говорятъ о переселеніи „на ближайшія свободныя земли", о „разселеніи въ предѣлахъ губерніи" или о „поселеніи безземельныхъ на свободныхъ земляхъ губерній". И только въ двухъ случаяхъ мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе подробную мотивировку такого рода указаній. Самарское земство мотивируетъ предположеніе организовать переселеніе и разселеніе въ предѣлахъ Самарской губерніи на свободныя казенныя земли „нежелательностью, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, растущаго въ послѣдніе годы переселенія крестьянъ", причемъ путемъ сопоставленія числа безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ съ количествомъ свободныхъ земель доказываетъ полную возможность устроить въ предѣлахъ губерніи всѣхъ нуждающихся въ землѣ мѣстныхъ крестьянъ. А Пермская губернская управа, въ докладѣ собранія 1893 года, высказываетъ, что „задачи разумной поземельной политики, въ примѣненіи къ губерніи, заключаются въ разселеніи, а не въ переселеніи. Малолюдность обширныхъ районовъ— объясняетъ управа, и обиліе свободныхъ земель представляютъ благопріятныя условія для заселенія, случаи же переселенія (подразумѣвается, очевидно, переселеніе въ Сибирь), довольно многочисленные за послѣднее время, какъ явленіе ненормальное, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія правительства и общественныхъ учрежденій" [1]).

Однако, въ переселеніи внутри Европейской Россіи, разъ оно выходитъ за предѣлы губерніи, заинтересованы земства не только тѣхъ мѣстностей, откуда выходятъ переселенцы, но и тѣхъ, куда они направляются. Иногда земства вполнѣ благопріятно относятся къ вселенію переселенцевъ, причемъ однако на сужденіяхъ этой категоріи ясно отражается вліяніе сильно представленныхъ въ данныхъ земствахъ частновладѣльческихъ интересовъ. Мы уже знаемъ напримѣръ, что Харьковское земство признаетъ свою губернію нуждающеюся въ заселеніи, мотивируя этотъ взглядъ исключительно недостаткомъ рабочихъ рукъ для владѣльческихъ хозяйствъ и сахарныхъ заводовъ. Таврическое губернское собраніе 1866 года желаетъ привлечь переселенцевъ на продаваемыя частными землевладѣльцами въ разсрочку, „по примѣру ссудъ Херсонскаго банка", земли. Исключительно о переселеніи (эстовъ) на владѣльческія земли говоритъ Новгородская губернская управа въ докладѣ собранію 1870 года,—но въ собраніи обнаружилось иное настроеніе, и потому собраніе признало нужнымъ для водворенія въ губерніи эстовъ „избрать нѣсколько казенныхъ незаселенныхъ имѣній, списокъ которыхъ представить на усмотрѣніе правительства"; характерно, если вспомнить о нынѣшней, также многими признаваемой плохою и во всякомъ случаѣ далеко не идеальной постановкѣ землеотводнаго дѣла, что назначеніе мѣстъ, отводъ земель и т. п. операціи земство полагаетъ „поручить полиціи или другому начальству". Довольно ясно чувствуются частновладѣль-

---

[1]) „Нужды с. х.", стр. 46, 59, 62, 64, 65, 108, 117; „Обзоръ", стр. 780.

ческіе интересы и въ тѣхъ соображеніяхъ, которыми мотивируется желательность вселенія въ принятомъ Екатеринославскимъ губернскимъ собраніемъ 1879 года докладѣ гласнаго Поля: „владѣльцы,—замѣчаетъ между прочимъ авторъ доклада,—не могутъ пригласить къ себѣ новыхъ поселенцевъ въ значительной массѣ, такъ какъ, при существованіи паспортной системы и условій, которыми обставлено всякое переселеніе цѣлыми селами, это выполнить крайне затруднительно", въ виду чего и признано необходимымъ ходатайствовать объ измѣненіи этихъ условій. Совершенно внѣ видимой зависимости отъ частновладѣльческихъ интересовъ вопросъ о вселеніи переселенцевъ-крестьянъ обсуждался, въ сочувственномъ смыслѣ, только въ Таврическомъ губернскомъ собраніи 1874 года, но здѣсь исходною точкою зрѣнія было обусловленное націоналистическими мотивами желаніе ослабить иноплеменную колонизацію края,—желаніе, съ полною ясностью выразившееся въ предложеніи гласнаго Филиберта ходатайствовать „о прекращеніи безполезной отдачи земель подъ переселеніе иностранцевъ и о предоставленіи ихъ крестьянамъ только изъ русскихъ губерній".

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ земства становились на точку зрѣнія интересовъ мѣстнаго крестьянства, они высказывались **противъ** допущенія въ свои губерніи и уѣзды переселенцевъ изъ постороннихъ губерній. Такъ, комиссія, избранная Херсонскимъ губернскимъ собраніемъ 1880 года для выработки инструкціи члену губернской управы Ф. П. Никитину, вызванному на совѣщаніе свѣдущихъ людей по переселенческому дѣлу, отмѣтила, „что четвертной надѣлъ получили до 15.000 душъ и вовсе не получили таковаго также до 15.000, что имѣется масса безземельныхъ мѣщанъ, а свободныхъ казенныхъ земель, кромѣ лѣсовъ, около 340.000 дес.", а потому „полагала невозможнымъ переселеніе на послѣднія крестьянъ другихъ губерній", что впрочемъ, не помѣшало комиссіи высказаться за облегченіе тѣхъ препятствій и „формалистики, установленной законоположеніями", которыя затрудняли водвореніе переселенцевъ на частновладѣльческихъ земляхъ. Собраніе согласилось съ заключеніями комиссіи, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1885 году, постановило „повторить ходатайство, чтобы казенныя земли губерніи были оставлены для нуждъ ея и ихъ не заселяли переселенцами изъ другихъ губерній". Около того же времени, въ 1883 году, Днѣпровское земство признало, что „для всей Таврической губерніи, въ частности и для Днѣпровскаго уѣзда, необходимо не переселеніе извнѣ, а разселеніе своего коренного населенія внутри уѣзда и губерніи, вслѣдствіе чего земство не можетъ принять участія въ образованіи общества для содѣйствія переселеніямъ", а Таврическое губернское собраніе еще въ 1880 году признало необходимымъ „казенные участки предоставить малоземельнымъ или безземельнымъ крестьянамъ губерніи, и лишь по удовлетвореніи ихъ отдавать подъ поселеніе крестьянъ другихъ губерній". Тотъ же смыслъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, имѣетъ и постановленіе Самарскаго губернскаго собранія 1881 года—ходатайствовать, „чтобы переселеніе

крестьянъ изъ другихъ губерній въ Самарскую производилось по соглашенію съ земствомъ, и чтобы, — прибавляетъ собраніе, оно допускалось при наличности условій, необходимыхъ для прочнаго устройства хозяйства на новыхъ мѣстахъ,—иначе земству придется прокармливать нищихъ изъ новыхъ переселенцевъ" [1]). Обращаемъ особенное вниманіе читателя на постановленія и мнѣнія этого типа: они подтверждаютъ нашу мысль, что существующее или желаемое земство районовъ водворенія, какъ представитель исключительно *мѣстныхъ* интересовъ, едва ли подходящій органъ для завѣдыванія водвореніемъ и устройствомъ переселенцевъ, самый фактъ вселенія которыхъ, весьма часто, нежелателенъ съ точки зрѣнія этихъ самыхъ мѣстныхъ интересовъ, по крайней мѣрѣ, какъ они преломляются въ сознаніи представляемаго земскими учрежденіями населенія.

Наряду съ вопросомъ, *куда* переселяться, имѣетъ первостепенно важное значеніе вопросъ о томъ, *кому* переселяться. И этому вопросу земства удѣляютъ довольно много вниманія. Одни земства ограничиваются такими общими пожеланіями, какъ переселеніе „дѣйствительно нуждающихся семей", „облегченіе переселеній въ обществахъ, гдѣ особенно сильно малоземелье", „изданіе закона, по которому на государственный счетъ могли бы переселяться и люди неимущіе" или „разрѣшеніе переселенія безземельныхъ крестьянъ", или высказываютъ сожалѣніе по поводу того, что „выселяются семьи зажиточныя, обладающія достаточнымъ количествомъ и рабочихъ рукъ, и средствъ". Другія ставятъ переселенію опредѣленную аграрную задачу. Такъ, въ Сѣвскомъ земствѣ обсуждается вопросъ о разрѣшеніи переселенія только „извѣстному проценту населенія" съ тѣмъ, притомъ, „чтобы оставшіяся отъ переселенцевъ земли переходили къ крестьянамъ"; въ Воронежскомъ губернскомъ собраніи 1880 года предлагается предоставить право переселенія прежде всего безземельнымъ, затѣмъ получившимъ даровой надѣлъ и наконецъ всѣмъ обществамъ, недостаточно надѣленнымъ землею. Комиссія Волчанскаго уѣзднаго собранія 1884 года признаетъ переселеніе „желательнымъ для крестьянъ, дѣйствительно обдѣленныхъ землей, какими слѣдуетъ признать бывшихъ дворовыхъ, получившихъ даровые надѣлы и владѣющихъ менѣе половины нормальнаго, а комиссія Ливенскаго собранія 1893 года признаетъ необходимымъ прямо ходатайствовать о выселеніи изъ уѣзда излишка населенія въ 35.000 муж. душъ и столькихъ же женщинъ. Тульское земство, въ отвѣтѣ своемъ на запросъ министерства земледѣлія призналъ необходимымъ вести выселеніе изъ губерніи „въ размѣрахъ прироста населенія сверхъ того числа, которое можетъ найти обезпеченный заработокъ въ мѣстѣ выселенія и въ размѣрѣ необходимой рабочей силы въ мѣстахъ переселенія". Харьковское, вообще несочувствующее переселенію, предлагаетъ хотя бы „ограниченіе послѣднихъ извѣстнымъ процентомъ или соразмѣрностью земельныхъ надѣловъ, т. е. чтобы обязательно оставалось столько, на сколько душъ

1) „Обзоръ", стр. 742, 743, 745, 749, 759, 766, 791.

имѣется земли по среднему земельному надѣлу". Нѣкоторыя же земства выступаютъ и съ болѣе разработанными проектами организаціи дѣла. Такъ, Пермское земство признаетъ необходимъ „произвести спеціальныя изслѣдованія, съ помощью которыхъ можно было бы опредѣлить для разныхъ мѣстностей Пермской губерніи нормальный надѣлъ, обезпечивающій потребности крестьянской семьи, и постепенно, путемъ дополнительныхъ прирѣзокъ или путемъ переселеній и разселеній, довести до этой нормы, по возможности, всѣ недостаточные надѣлы". А въ Тамбовскомъ губернскомъ собраніи 1895 года гласнымъ Андреевскимъ было высказано, что земство „должно имѣть свѣдѣнія о количествѣ населенія и надѣльной земли въ каждомъ селѣ и деревнѣ, и должно указывать на необходимость, сообразуясь съ мѣстными условіями, густотой населенія и желаніемъ крестьянъ, выселить такой или иной % домохозяевъ на заранѣе осмотрѣнные и отмежеванные участки". Въ нѣкоторыхъ земствахъ та же идея облекалась въ фомру ссылокъ на дореформенное законодательство о переселеніяхъ—Тульское губернское собраніе 1880 года ходатайствуетъ просто о „возстановленіи законоположеній о переселеніи государственныхъ крестьянъ". Но дальше всѣхъ въ данномъ направленіи идетъ Малмыжская уѣздная земская управа, предложившая собранію 1878 года ходатайствовать „объ обязательномъ выселеніи изъ татарскихъ деревень, владѣющихъ ограниченнымъ надѣломъ, до третьей части наличнаго числа душъ на казенныя земли, съ пособіемъ отъ земства бѣднымъ переселенцамъ" [1]).

Это послѣднее мнѣніе остается однако совершенно одинокимъ и земства, въ томъ числѣ и тѣ, которыя опредѣленно ставятъ вопросъ объ аграрныхъ задачахъ переселенія, такъ же мало сочувствуютъ принудительному выселенію тѣхъ, чье выселеніе желательно въ аграрно-политическихъ видахъ, такъ и принудительному удержанію отъ переселенія тѣхъ, чье выселеніе не имѣетъ за себя достаточнаго оправданія. Задаваясь цѣлью урегулировать переселенія, они надѣются достигнуть этой цѣли безъ принудительныхъ мѣръ въ какомъ бы то ни было направленіи, при помощи единственно льготъ, пособій и другихъ мѣръ къ облегченію переселенія для нуждающихся въ томъ элементовъ. Нѣкоторыя же земства прямо указываютъ на выясненную опытомъ совершенную безрезультатность всѣхъ принудительныхъ мѣръ, при помощи которыхъ имѣлось въ виду ограничить переселенія. И это—отнюдь не слѣдствіе одной только слабости или недостаточно послѣдовательнаго проведенія ограничительныхъ мѣръ: „переселеніе въ народной жизни,—говоритъ гл. Плотниковъ въ докладѣ Воронежскому губернскому собранію, было и будетъ культурною задачей, и всѣ попытки остановить его также тщетны, какъ остановить дѣйствіе законовъ природы". „Переселеніе нельзя остановить—заявлялъ гл. Дубяга въ Полтавскомъ губернскомъ собраніи 1893 года: оно—явленіе стихійное; если запрете

[1]) „Нужды с. х.", стр. 60, 161, 165, 167; „Обзоръ", стр. 748, 752, 754, 756, 758, 759, 760, 774, 776, 786.

двери, переселенцы полѣзутъ въ окно; послѣ запрещенія переселяться безземельнымъ и недостаточнымъ крестьянамъ не только не уменьшилось число переселенцевъ, а напротивъ, увеличилось". Естественный выводъ отсюда—ходатайство Черниговскаго губернскаго собранія 1880 года „объ отмѣнѣ стѣснительныхъ для переселенцевъ правилъ" или, какъ шире формулировалъ гл. Плотниковъ въ Воронежскомъ губернскомъ собраніи, „о пересмотрѣ законовъ о переселеніи, прося сдѣлать его по возможности свободнымъ, ибо всякое стѣсненіе не приведетъ къ цѣли, вызывая лишь нелегальное движеніе народныхъ массъ [1]).

Мы не будемъ подробно останавливаться на пожеланіяхъ, касающихся организаціи переселенческаго движенія и попеченія о переселенцахъ и коснемся лишь вопроса объ участіи самого земства въ переселенческомъ, дѣлѣ. Сужденія земствъ по этому послѣднему вопросу можно разбить на двѣ главныхъ категоріи: роль земства въ мѣстностяхъ, гдѣ водворяются переселенцы, и функціи его въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, откуда они выселяются. Первый изъ этихъ частныхъ вопросовъ затрогивается, естественно, лишь сравнительно немногими земствами. Такъ, Таврическое земство высказывается за „предоставленіе земскимъ управамъ участія при водвореніи переселенцевъ въ губерніи, безъ вмѣшательства мировыхъ посредниковъ", и за „составленіе управами обществъ, т. е. группировки переселенцевъ изъ одной или двухъ сосѣднихъ губерній въ одно село"; Екатеринославское признаетъ необходимымъ „устроить при губернской управѣ справочное бюро, гдѣ каждый землевладѣлецъ, желающій пригласить на свои земли поселенцевъ или колонистовъ, могъ бы заявить свои условія, и лица, пожелавшія переселяться, могли бы получать точныя и вѣрныя данныя объ этомъ"; Фатежское земство, предполагая организовать переселеніе малоземельныхъ крестьянъ главнымъ образомъ на частновладѣльческія земли своей же губерніи и уѣзда, признало нужнымъ „учредить при губернской управѣ столъ, въ которомъ имѣлись бы свѣдѣнія, описанія и планы свободныхъ участковъ, годныхъ для переселенія", организовавъ притомъ дѣло такимъ образомъ, чтобы „при заявленіи кѣмъ-либо желанія имѣть подобный участокъ, губернская управа сносилась съ подлежащими властями и по сообщеніи, что онъ свободенъ, выдавала по уплатѣ денегъ владѣнную запись". Наконецъ упомянемъ объ Уфимскомъ земствѣ, которое неоднократно ставило вопросъ сначала вообще объ организаціи кредита для покупки крестьянами земель, а потомъ объ упорядоченіи и расширеніи дѣятельности крестьянскаго банка по скупкѣ башкирскихъ земель съ цѣлью перепродажи ихъ переселенцамъ и въ особенности—мѣстнымъ малоземельнымъ крестьянамъ, и проектировало для этого особую земскую ссудную кассу; въ концѣ-концовъ, впрочемъ, земство отказалось отъ мысли объ учрежденіи такой кассы, признавъ,

---

1) „Обзоръ", стр. 748, 753, 754, 758, 759, 762, 773, 779.

что дѣло это должно быть задачею правительственнаго кредитнаго учрежденія [1]).

Гораздо чаще встрѣчаются сужденія и пожеланія относительно участія въ переселенческомъ дѣлѣ земствъ тѣхъ собственно мѣстностей, откуда выходятъ переселенцы. Нерѣдко въ этомъ смыслѣ высказываются лишь совершенно общія пожеланія—организація переселеній „при участіи правительства и земства"; необходимость „земству и правительству озаботиться правильною организаціей переселеній"; выработка „мѣръ содѣйствія земства переселенцамъ въ смыслѣ попечительства и въ матеріальномъ отношеніи", и т. д. [2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ объ участіи земства въ переселенческомъ дѣлѣ разработывался болѣе детально, земства обращали преимущественное вниманіе на двѣ стороны дѣла, особенно подчеркнутыя въ отзывѣ Курскаго земства на запросъ министерства земледѣлія: „матеріальная помощь переселяющимся—по мнѣнію Курскаго земства—должна быть отнесена на средства государства", на земствѣ же должно лежать „доставленіе свѣдѣній касающихся переселенія, и указаніе на нуждающіяся въ переселеніи мѣстности (курсивъ нашъ А. К.) [3]). Въ виду сего земство признаетъ желательнымъ, чтобы всѣ свѣдѣнія о свободныхъ участкахъ, объ условіяхъ правительственной помощи и пр. сосредоточивались въ уѣздныхъ управахъ, и чтобы губернскому собранію было разрѣшено входить съ представленіемъ къ правительству о мѣстностяхъ, дѣйствительно нуждающихся въ переселеніяхъ, по предварительномъ разсмотрѣніи этихъ вопросовъ на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ". Для достиженія первой изъ двухъ цѣлей предлагается устройство переселенческихъ конторъ, приглашеніе особыхъ лицъ для собиранія свѣдѣній о мѣстностяхъ и условіяхъ поселенія, устройство особыхъ бюро для собранія и передачи въ управу свѣдѣній, необходимыхъ переселенцамъ, и т. п. [4]), пріисканіе черезъ земскихъ агентовъ мѣстъ, пригодныхъ для переселенія, и вообще изслѣдованіе мѣстностей, годныхъ для этой цѣли. Нѣкоторыя земства, не ограничиваясь разсужденіями и ходатайствами, пытались и на практикѣ взять на себя роль справочныхъ агентствъ по переселенческому дѣлу, но эти попытки встрѣтили, какъ мы уже знаемъ, отпоръ со стороны мѣстной администраціи и разъясненіе сената, предоставившее земскимъ управамъ собирать свѣдѣнія, полезныя для переселенцевъ, но... запретившее сообщать эти свѣдѣнія желающимъ ихъ получить [5]).

Въ довольно разнообразныя формы предлагается облечь и участіе земства въ выполненіи второй изъ указанныхъ выше задачъ. Такъ, комиссія Воронежскаго губернскаго собранія, намѣтивъ—какъ мы

---

[1]) „Обзоръ", стр. 696, 745, 749, 759.
[2]) Тоже, 749, 755, 758.
[3]) „Нужды с. х.", стр. 162
[4]) „Обзоръ", стр. 747, 756, 759, 768, 774, 775; см. „Сѣв. Вѣстн." 1892 г., іюль, ст. г. Бѣлоконскаго, стр. 27.
[5]) „Обзоръ", стр. 768.

выше видѣли, условія поощряемаго переселенія, ограничилась общимъ указаніемъ, что „вопросъ, подходятъ ли извѣстные крестьяне подъ необходимыя условія, долженъ рѣшаться уѣзднымъ земствомъ". Тамбовское земство, какъ мы тоже видѣли, возлагаетъ на земство обязанность имѣть свѣдѣнія о населенности и землевладѣніи по каждому селенію и на основаніи этихъ свѣдѣній указывать на необходимость выселенія, въ каждомъ случаѣ, опредѣленнаго процента населенія, а Пермское земство беретъ на себя путемъ спеціальнаго изслѣдованія опредѣлить размѣръ нормальнаго надѣла для разныхъ мѣстностей, долженствующій быть положеннымъ въ основу разсчетовъ относительно прирѣзокъ и переселенія [1]).

Гораздо рѣже въ сужденіяхъ и постановленіяхъ земствъ говорится объ оказаніи матеріальной помощи переселенцамъ или ходокамъ. Въ этомъ направленіи можно отмѣтить возникшую въ Курскомъ губернскомъ собраніи мысль объ учрежденіи особаго земскаго банка и о выпускѣ выигрышнаго займа съ тѣмъ, чтобы прибыли отъ этихъ операцій обращались „на нѣскольколѣтнія ссуды и частью на безвозвратныя выдачи переселенцамъ и крестьянамъ, остающимся на родинѣ, для пріобрѣтенія сельскохозяйственнаго имущества и земли"; постановленіе Волчанскаго уѣзднаго собранія 1888 года о выдачѣ ссудъ изъ 6% желающимъ переселить односельцевъ обществамъ, у которыхъ меньше 2 десятинъ на наличную душу, на каковой предметъ Волчанское земство получило ссуду въ 15.000 рублей отъ Харьковскаго губернскаго земства [2]). Постановленія эти имѣютъ въ виду, впрочемъ, не столько непосредственную помощь переселяющимся, сколько матеріальное участіе земства въ разрѣшеніи первостепенно важнаго вопроса о судьбѣ переселенческихъ надѣловъ. Этотъ вопросъ, вообще, очень интересуетъ земскія учрежденія, которыя констатируютъ тотъ фактъ, что при неурегулированномъ положеніи даннаго вопроса „переселенія часто ведутъ къ обезземеленью цѣлыхъ обществъ", такъ какъ надѣлы „часто попадаютъ въ руки другихъ сословій, лишая неимущую часть земельнаго обезпеченія", чѣмъ и мотивируются, между прочимъ, и прямыя ходатайства о томъ, „чтобы надѣлы переселенцевъ оставались за обществами". Однако, само собою ясно, что въ этомъ случаѣ ничего нельзя сдѣлать одними законодательными запрещеніями, и потому рядъ земствъ, въ томъ числѣ и поименованныя выше, признаютъ необходимымъ дѣйствовать и путемъ положительныхъ мѣропріятій, оказывая обществамъ, черезъ посредство крестьянскаго банка или чаще—на земскія средства, заимообразную помощь для пріобрѣтенія оставляемыхъ переселенцами надѣльныхъ земель. Въ Тамбовскомъ же губернскомъ собраніи 1895 года вопросъ былъ поставленъ еще шире—въ смыслѣ вмѣненія въ обязанность земству покупать „по заранѣе опубликованной расцѣночной вѣдомости остающееся имущество выселяющихся" [3]).

---

1) „Обзоръ", стр. 774, 786; „Нужды", стр. 60.
2) „Обзоръ", стр. 747, 772.
3) „Обзоръ", 738—7 39,765, 769, 772—773, 786.

Таковы важнѣйшія формы непосредственнаго участія земствъ въ завѣдываніи переселенческимъ дѣломъ, какъ онѣ обрисовываются въ сужденіяхъ и ходатайствахъ земствъ. Но только въ докладѣ гл. П. М. Плотникова Воронежскому губернскому собранію 1880 года начертана законченная система дѣятельности проектируемаго при губернской управѣ особаго переселенческаго отдѣла, въ программу котораго вводятся слѣдующія функціи: 1) „собрать подробнѣйшія свѣдѣнія о мѣстахъ, намѣченныхъ народомъ для переселенія; 2) войти въ сношеніе съ министерствомъ государственныхъ имуществъ объ условіяхъ заселенія земель; 3) собирать точныя свѣдѣнія о желающихъ переселиться, разбивая ихъ на партіи, давая имъ свѣдѣнія, ведя запись, не теряя ихъ изъ виду до водворенія на новыхъ мѣстахъ; 4) составлять маршрутъ, выдавая планъ съ объяснительнымъ текстомъ и съ разсчетомъ, во что обойдется переселеніе; 5) изслѣдовать число переселенцевъ, законныхъ и незаконныхъ, и причины ихъ вызывавшія; 6) изслѣдовать способы облегченія и удешевленія передвиженія; 7) имѣть при отдѣлѣ агентовъ изъ крестьянъ для предварительнаго изученія заселяемой мѣстности и сопровожденія переселенцевъ на новыя мѣста; 8) являться посредникомъ между общиною и переселенцами, облегчая имъ сдѣлки; 9) представлять о необходимой имъ ссудѣ съ мотивами; 10) слѣдить, какое вліяніе оказываетъ эта мѣра на экономическую жизнь общины и на ближайшія окрестности“ [1]. Не менѣе широко предполагало, повидимому, поставить свою дѣятельность на пользу переселенія и Вятское земство, по иниціативѣ котораго статистикомъ земства Н. Н. Романовымъ было выполнено самое раннее по времени мѣстное изслѣдованіе переселеній, долженствовавшее дать твердую фактическую основу для системы будущихъ земскихъ мѣропріятій. Но эта система мѣропріятій не получила ни дальнѣйшей разработки, ни тѣмъ болѣе—практическаго осуществленія,—и горячее отношеніе Вятскаго земства къ переселенческому вопросу, можетъ быть, подъ вліяніемъ данныхъ и заключеній Н. Н. Романова, смѣнилось, какъ видно изъ вышеприведеннаго его отзыва на запросъ министерства земледѣлія, гораздо болѣе сдержаннымъ отношеніемъ къ вопросу о количественномъ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. Но едва ли не наиболѣе радикально поставило вопросъ о земскомъ участіи въ переселенческомъ дѣлѣ Задонское уѣздное земство, въ 1893 г. постановившее ходатайствовать передъ правительствомъ „о назначеніи 10.000 дес. земли въ Уфимской или другой губерніи для водворенія на ней, при участіи Задонскаго земства, крестьянъ, недостаточно обезпеченныхъ на родинѣ надѣломъ“; земству, „извѣстны экономическія условія уѣзда, оно можетъ собрать группу крестьянъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ другъ другу, жившихъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, привыкшихъ къ одному способу веденія хозяйства. Поселеніе ихъ колоніей можетъ дать имъ на новомъ мѣстѣ устойчивость, которой часто новоселы достигаютъ только въ теченіе немногихъ лѣтъ. Зем-

[1]) Тоже, стр. 753—754.

ство надѣется тѣмъ облегчить рѣшеніе этой задачи, что предварительно земли будутъ осмотрѣны ходоками-крестьянами вмѣстѣ съ интеллигентными лицами, уполномоченными отъ земства" [1]).

Въ нашу задачу не входитъ въ настоящее время критика земскихъ взглядовъ по переселенческому вопросу. Но мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу послѣдняго предположенія Задонскаго земства, которое въ свое время возбудило большое вниманіе въ періодической печати, послужило предметомъ особаго доклада, сдѣланнаго Н. А. Хвостовымъ въ петебургскомъ переселенческомъ обществѣ, а впослѣдствіи тѣмъ-же г. Хвостовымъ было вновь поднято въ Елецкомъ сельскохозяйственномъ комитетѣ. Мы лично не склонны придавать этимъ предположеніямъ серьезнаго значенія. Самое въ нихъ существенное—это идея подбора для совмѣстнаго переселенія и водворенія группъ пересселенцевъ изъ одного или немногихъ сосѣднихъ селеній; но такое групповое переселеніе, разъ въ извѣстной мѣстности существуетъ массовое стремленіе переселяться, всегда осуществлялось само собой, и для активной роли земства здѣсь едва-ли остается много мѣста. Значеніе участія земскихъ представителей въ выборѣ земель для водворенія, какъ я уже высказывалъ въ своемъ мѣстѣ кажется мнѣ довольно сомнительнымъ, потому что земскій представитель, въ видѣ правила, отнюдь не будетъ компетентенъ сдѣлать цѣлесообразный выборъ при чуждыхъ ему условіяхъ мѣстностей водворенія. Что же касается до отвода въ распоряженіе земства значительныхъ площадей земли подъ водвореніе выходцевъ изъ извѣстнаго уѣзда, то эта идея въ свое время была встрѣчена сдержанно даже очень горячими сторонниками, вообще, земскаго участія въ переселенческомъ дѣлѣ [2]). „Участіе земства въ образованіи переселенческихъ партій—писалъ внутренній обозрѣватель „Русской Мысли" въ 1894 году—будетъ очень полезно и въ томъ случаѣ, если правительство не будетъ давать въ распоряженіе каждаго отдѣльнаго земства особаго участка земли. Мы полагаемъ даже, что въ послѣднемъ вовсе нѣтъ надобности. Нужно только, чтобы земли... были тщательно изслѣдованы, обмежеваны и нарѣзаны участками различныхъ размѣровъ,—изъ этого готоваго земельнаго фонда и могли бы получить участки тѣ земства, которые будутъ составлять партіи переселенцевъ" [3]).

---

[1]) „Обзоръ", стр. 780. Мотивы мы цитируемъ по изложенію ихъ въ „Русской Мысли" 1894 г. (апрѣль, „Внутр. обозр.", стр. 164—165), на основаніи доклада Н. А. Хвостова въ обществѣ вспомощ. нуждающ. переселенцамъ.

[2]) Мы не можемъ между прочимъ, отдѣлаться отъ недовѣрія, внушаемаго намъ подобными предположеніями, между прочимъ, и въ виду разительнаго ихъ сходства съ изложенными въ своемъ мѣстѣ идеями дворянина Павлова,—хотя считаемъ долгомъ оговорить самымъ торжественнымъ образомъ, что ни въ ходатайствахъ Задонскаго земства, насколько намъ извѣстенъ ихъ текстъ, ни позже—въ докладѣ Н. А. Хвостова елецкому комитету—нѣтъ ни намека на самое характерное для саратовскихъ дворянскихъ идей—именно на награжденіе лицъ, безкорыстно заботящихся о переселенцахъ, участками казенной земли по смежности съ переселенческими надѣлами.

[3]) „Русск. Мысль" 1894 г., апрѣль, стр. 165.

III.

Переселенческій вопросъ въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Несравненно больше матеріала по переселенческому вопросу, нежели сужденія и постановленія земствъ, даютъ труды сельскохозяйственныхъ комитетовъ 1902 года,—и это несмотря на то, что въ преподанной комитетамъ особымъ совѣщаніемъ программѣ вопросъ о переселеніи былъ затронутъ только одною своею стороной—„привлеченіемъ сельскихъ обществъ къ расходамъ по выселенію прироста ихъ населенія и по выдачѣ необходимыхъ воспособленій лицамъ, изъ нихъ выселяющимся". Какъ, повидимому, и во всѣхъ другихъ вопросахъ, обсуждавшихся комитетами, ихъ сужденія по переселенческому вопросу отличаются крайнею пестротой какъ въ смыслѣ принципіальнаго взгляда на переселеніе и выводимыхъ изъ него практическихъ послѣдствій—единственное, чего *нельзя* найти въ трудахъ комитетовъ, это требованія принудительныхъ мѣръ, направленныхъ къ удержанію переселенческаго движенія; такъ и въ отношеніи того фактическаго матеріала, какимъ располагали комитеты въ своихъ сужденіяхъ и который лежалъ въ основѣ ихъ заключеній. На ряду съ мнѣніями, основанными на вполнѣ ясныхъ представленіяхъ о дѣйствительномъ положеніи и фактической обстановкѣ переселенческаго движенія, мы встрѣчаемъ немало и такихъ, которыя никоимъ образомъ на доказываютъ достаточнаго знакомства съ дѣйствительными условіями этого послѣдняго. Въ видѣ курьеза укажемъ на постановленіе одного изъ уѣздныхъ комитетовъ Самарской губерніи, признавшаго желательнымъ „участіе крестьянскаго поземельнаго банка въ пріобрѣтеніи земель на мѣстахъ Сибири",—явное недоразумѣніе, ибо въ Сибири нѣтъ другихъ земель, кромѣ казенныхъ и кабинетскихъ, которыя не продаются, а отводятся въ надѣлъ переселенцамъ, и, слѣдовательно, вовсе нѣтъ мѣста для дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка [1]).

---

[1]) Очень характернымъ кажется намъ обмѣнъ мнѣній, имѣвшій мѣсто въ Кіевскомъ уѣздномъ комитетѣ. Одинъ изъ членовъ настаивалъ на необходимости „указать правительству на отсутствіе въ этомъ важномъ народномъ дѣлѣ какой бы то ни было (!) организаціи и просить его обратить на это вниманіе, такъ какъ существующій теперь переселенче-

Насъ очень интересовалъ вопросъ о зависимости проявленнаго комитетами интереса къ переселенческому вопросу отъ большаго или меньшаго фактическаго значенія переселеній для той или иной губерніи. Ниже мы увидимъ, что преобладаніе въ комитетахъ тѣхъ или иныхъ точекъ зрѣнія по общему вопросу о переселеніи или по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ иногда можетъ быть, дѣйствительно, приведено въ связь съ мѣстными условіями. Но это—скорѣе въ видѣ исключенія, нежели въ видѣ правила. Общее же впечатлѣніе, вынесенное нами изъ ознакомленія съ трудами комитетовъ, таково, что и принципіальные взгляды комитетовъ, и степень проявленнаго ими интереса къ переселенческому вопросу, зависѣла главнымъ образомъ отъ случайнаго подбора членовъ комитетовъ и наличности среди нихъ лицъ, интересующихся, въ томъ или иномъ направленіи, переселенческимъ вопросовъ. Конечно, такое впечатлѣніе очень субъективно. Желая его провѣрить, я прибѣгъ къ статистическому, до нѣкоторой степени, пріему, который, при всей своей крайней грубости, совершено устранялъ вліяніе субъективной оцѣнки, — именно сопоставилъ по каждой губерніи число случаевъ, въ которыхъ комитеты занимались переселенческимъ вопросомъ (по указателю г. Сосновскаго), съ размѣрами переселенческаго движенія за пятилѣтіе 1896—1900 гг. Въ подстрочномъ примѣчаніи [1]) мы приводимъ ре-

---

скій комитетъ (?)—учрежденіе мертвое, о которомъ никто не знаетъ (?) и которое не приноситъ пользы дѣлу переселенія". Другой членъ—проф. Пихно, „не находилъ возможнымъ высказаться по этому вопросу съ полною опредѣленностью, такъ какъ мы стоимъ далеко отъ дѣла, но правительство давно обратило на него вниманіе. Въ Сибири производится нарѣзка переселенческихъ участковъ; ѣздившая на мѣсто комиссія выработала мѣру ходачества, на желѣзныхъ дорогахъ установленъ особый тарифъ для ходоковъ для выбора мѣстъ въ западной Сибири, а на Амуръ возятъ даже на казенный счетъ; предоставлены извѣстныя удобства въ пути и на промежуточныхъ станціяхъ въ отношеніи питанія и санитарнаго надзора за переселенцами, но массовый характеръ переселенія не даетъ возможности правительству съ нимъ справиться". (Кіевская 830).

[1])
[2])

ГУБЕРНІИ.	Число переселенцевъ, тысячъ.	Число случаевъ обсужденія перес. вопроса въ комитетахъ.	Мѣсто губерніи по числу переселенцевъ.	Мѣсто по числу случ. обсужденія перес. вопроса.
Архангельская	0,2	14	43	14
Олонецкая	0,0	0	45	—
Вологодская	3,0	8	31	19
С.-Петербургская	0,2	2	43	24
Новгородская	1,0	7	38	20
Псковская	2,9	14	32	14
Вятская	16,2	11	14	17
Пермская	12,5	9	21	18
Уфимская	6,2	12	26	16

зультаты этого сопоставленія, которые, несомнѣнно, позволяютъ заключать, что интересъ комитетовъ къ переселенскому вопросу былъ отнюдь не пропорціоналенъ значенію вопроса для каждой данной губерніи и, слѣдовательно, зависѣлъ преимущественно отъ подбора членовъ комитетовъ и ихъ личнаго интереса къ переселенческому дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ комитетовъ, проявившихъ наибольшій—насколько можно судить по данному признаку—интересъ къ переселенію, мы находимъ и комитеты по такимъ крупнымъ очагамъ переселенія, какъ Полтавская, Курская и Тамбовская губерніи, и комитеты по Кіевской губерніи, для которой переселенческій вопросъ не имѣетъ, говоря вообще, существеннаго значенія. Комитеты по Черниговской губерніи, занимающей, по размѣру переселеній, второе мѣсто, не болѣе интересовались переселенческимъ вопросомъ, нежели комитеты по Подольской губерніи, дающей въ 35 разъ менѣе переселенцевъ; комитеты по Московской, губерніи, гдѣ переселенческаго движенія, можно сказать, не существуетъ, не менѣе интересовались переселенческимъ вопросомъ, нежели комитеты по губерніямъ Пермской и Пензенской, давшихъ—первая 12, вторая—17 тыс. переселенцевъ; Херсонская губернія дала въ восемь разъ большее переселеніе, нежели смежная съ нею Бессарабская,—и между тѣмъ комитеты Бессарабской губерніи далеко болѣе интересовались переселенческимъ вопросомъ, нежели херсонскіе. Конечно, крайняя грубость признака, взятаго нами за основаніе для сопоставленій, значительно ослабляетъ ихъ значеніе. Но все же выводъ, который приходится сдѣлать изъ этихъ сопоставленій, не лишенъ извѣстной убѣдительности, такъ какъ онъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ субъектив-

Оренбургская	1,7	5	37	21
Самарская	43,5	33	6	6
Астраханская	0,4	2	41	24
Нижегородская	2,3	28	33	9
Казанская	5,2	19	29	13
Симбирская	10,3	22	23	10
Пензенская	17,7	9	13	18
Саратовская	17,9	19	12	13
Тамбовская	44,9	60	4	2
Воронежская	35,1	22	7	10
Харьковская	33,1	21	8	11
Курская	57,7	41	3	4
Орловская	44,1	29	5	8
Тульская	19,5	19	11	13
Рязанская	14,2	19	17	13
Владимірская	0,3	5	42	24
Костромская	0,9	11	39	17
Ярославская	0,0	3	45	23
Тверская	0,7	3	40	23
Московская	0,1	7	44	20
Калужская	4,6	1	30	25
Смоленская	9,5	4	24	22
Курляндская	1,9	0	34	—
Лифляндская	5,6	5	27	21
Эстляндская	0,0	0	45	—

нымъ впечатлѣніемъ, которое остается отъ пересмотра самихъ трудовъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ.

Обращаясь теперь къ обзору содержанія разсужденій и заключеній комитетовъ по переселенческому вопросу, мы должны, прежде всего, выдѣлить довольно значительную группу комитетовъ, которые сочли совершенно излишнимъ даже отвѣчать на подлежащій вопросъ програмы, какъ не имѣющій рѣшительно никакого практическаго значенія для губерніи или уѣзда. Московскій уѣздный комитетъ констатируетъ, напримѣръ, что данный вопросъ „никакого практическаго значенія, въ силу сложившихся мѣстныхъ условій, для Московскаго уѣзда не имѣетъ"; по заключенію Енотаевскаго комитета, „въ привлеченіи сельскихъ обществъ къ расходамъ по выселенію прироста ихъ населенія необходимости не имѣется, въ виду рѣдкаго населенія уѣзда"; Кишиневскій совершенно исключилъ данный вопросъ изъ своего разсмотрѣнія, „по отсутствію въ немъ мѣстнаго значенія для Кишиневскаго уѣзда"; Сергачскій, Нижегородской губерніи, ограничивается указаніемъ на то, что „выселеніе въ настоящее время не вызывается необходимостью", и т. д. И если сопоставить подобнаго рода отзывы съ цифровыми данными о размѣрахъ переселеній, то станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ совершенно основательнымъ не желаніемъ комитетовъ заниматься обсужденіемъ вопроса, дѣйствительно въ данной мѣстности не существующаго. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ комитеты и опредѣленно констатируютъ фактическое отсутствіе переселенческаго движенія. Такъ, Даниловскій, Ярославской губерніи, данный вопросъ программы „оставилъ открытымъ, такъ какъ случаевъ переселенія крестьянъ изъ Даниловскаго уѣзда не встрѣчалось" [1]. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ переселенческій вопросъ былъ предметомъ болѣе или менѣе оживленнаго обсужденія, несмотря на то, что переселеніе либо вовсе не существуетъ, либо происходитъ лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ и потому не можетъ имѣть для мѣстности серьезнаго практическаго значенія. Необходимость обсужденія переселенческаго вопроса мотивировалась, въ такихъ случаяхъ, возмож-

Витебская	31,0	36	10	5
Могилевская	31,4	13	9	15
Минская	15,1	9	16	18
Виленская	12,6	11	20	17
Ковенская	1,0	3	38	23
Гродненская	10,4	30	22	7
Волынская	5,8	7	28	20
Кіевская	13,9	59	18	3
Подольская	2,0	22	34	10
Полтавская	88,4	65	1	1
Черниговская	71,3	20	2	12
Екатеринославская	13,4	21	19	11
Таврическая	6,2	13	25	15
Херсонская	15,6	3	15	23
Бессарабская	1,8	12	36	16

[1]) Труды комитетовъ: Петербургск. 18, Яросл. 83, Псков. 32, Волог. 32, Тверск. 357, Астрах. 175, Моск. 437, Нижегор. 562, Бесс. 289, Пенз. 129, Перм. 504.

ностью возникновенія переселенческаго движенія въ будущемъ [1]). А нѣкоторые комитеты, отрицая общее значеніе переселеній для своихъ губерній или уѣздовъ, признаютъ, однако, необходимымъ считаться съ интересами отдѣльныхъ мѣстностей или группъ населенія, для которыхъ переселенческій вопросъ имѣетъ существенное жизненное значеніе. Такъ ставитъ вопросъ, напримѣръ, Вятскій губернскій комитетъ, признающій, что переселенческій вопросъ имѣетъ значеніе лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, малоземельныхъ и съ почвой плохого качества. Такихъ мѣстностей—по мнѣнію комитета—въ Вятской губерніи немного, а потому вопросъ о выселеніи прироста населенія изъ предѣловъ губерніи не можетъ имѣть серьезнаго общаго значенія. Однако „въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ районахъ губерніи можно наблюдать случаи не только недостаточнаго надѣла, какъ у удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ юга губерніи, но даже и крайняго малоземелья, а потому и желательно примѣненіе какихъ либо мѣръ въ этихъ мѣстахъ для выселенія прироста за предѣлы надѣла“. Николаевскій уѣздный комитетъ Самарской губерніи исходитъ изъ того основного положенія, что „малоземелье у насъ не такое острое зло, какъ въ центральной Россіи, и если вѣрно то, что мужикъ безъ земли не человѣкъ, то вѣрно и то, что многоземелье само по себѣ не всегда есть еще залогъ благосостоянія; нужна кромѣ того еще хозяйственность, т. е. ловкость, знанія и капиталъ. Тѣмъ не менѣе—продолжаетъ однако комитетъ,—населеніе увеличивается, есть селенія съ ничтожнымъ надѣломъ, и потому казалось бы желательнымъ предоставленіе избытку населенія возможности переселяться на свободные участки [2]).

Мы уже упоминали о томъ, что принципіальныя воззрѣнія на переселенческій вопросъ, нашедшія себѣ отраженіе въ трудахъ комитетовъ, отличаются крайнею пестротою, причемъ даже нельзя замѣтить преобладанія принципіально сочувственныхъ переселенію взглядовъ даже и въ такой степени, въ какой оно все же обнаруживается въ разсужденіяхъ и постановленіяхъ земствъ. И намъ думается, что дѣло очень просто: постановленія и отзывы земствъ, которыми мы пользовались въ предыдущемъ изложеніи, относятся главнымъ образомъ къ 80-мъ годамъ, когда еще только начинался ростъ переселенческаго движенія и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, общественное мнѣніе должно было бороться, прежде всего, съ индифферентно-враждебнымъ отношеніемъ правящихъ сферъ къ переселенію, — а затѣмъ къ началу и серединѣ 90-хъ годовъ, когда переселеніямъ только что была дана относительная свобода и правительство только что стало на болѣе дружелюбную имъ точку зрѣнія. А сельскохозяйственные комитеты засѣдали въ 1902 году, когда съ одной стороны переселенческое движеніе успѣло доказать на практикѣ свое безсиліе устранить недостатки аграрнаго и хозяйственнаго строя нашей деревни, даже въ тѣхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно достигло наибольшаго раз-

---

[1]) Костр. 40, Бессараб. 18.
[2]) Самар. 374, Сарат. 459, Вят. 26.

витія, а съ другой, — факты доказали несостоятельность прежней вѣры во всеисцѣляющую способность „воздуха колонизаціи“,—когда поэтому прежнее идиллическое отношеніе къ переселенію должно было уступить мѣсто инымъ, болѣе трезвымъ взглядамъ.

Намъ нѣтъ надобности напоминать читателю, что вопросъ о переселеніи, какъ одной изъ мѣръ къ устраненію малоземелья, принципіальною своею стороной тѣснѣйшимъ образомъ сплетается съ общимъ вопросомъ объ экономическихъ и культурно-техническихъ основахъ крестьянскаго хозяйства. И въ такой именно связи переселенческій вопросъ обсуждается, въ видѣ правила, и сельскохозяйственными комитетами. Лишь въ сравнительно небольшомъ числѣ случаевъ переселеніе разсматривается внѣ такой связи,—иначе сказать, переселеніе, вмѣстѣ съ другими способами количественнаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія, признается способнымъ разрѣшить проблему малоземелья. Такъ, извѣстный земскій дѣятель Л. Д. Брюхатовъ, въ своемъ докладѣ Шацкому комитету, перечисляетъ всего лишь три способа борьбы съ малоземельемъ—расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, переселеніе крестьянъ на свободныя казенныя земли внутри государства—очевидно, имѣются въ виду казенныя земли въ Европейской Россіи—и „переселеніе въ Сибирь и на другія рѣдко-населенныя и совсѣмъ пустующія окраины государства, веденное по строго выработанному плану. Этими средствами—полагаетъ г. Брюхатовъ—„при условіи ихъ планомѣрнаго и послѣдовательнаго осуществленія, можно съ успѣхомъ устранить недостаточность крестьянскихъ надѣловъ“. Въ видѣ другихъ примѣровъ столь же безусловнаго признанія значенія переселеній, какъ мѣры къ устраненію столь же безусловно признаваемаго малоземелья, приведемъ, напримѣръ, постановленіе Балашовскаго комитета признавшаго, что „вредныя послѣдствія малоземелья могутъ быть устранены слѣдующими мѣрами: а) переселеніемъ наиболѣе нуждающихся крестьянъ на казенныя и удѣльныя земли въ предѣлахъ уѣзда, а за недостаткомъ такихъ земель—и внѣ его“, — и б) покупкою земли черезъ крестьянскій банкъ,—или Зѣньковскаго, который призналъ, что выходомъ изъ существующаго положенія „должна быть забота объ улучшеніи экономическаго положенія неимущей части населенія, — а это можетъ быть достигнуто главнымъ образомъ организаціею переселеній насчетъ казны на плодородныя земли Сибири и Европейской Россіи, благо, что такія земли имѣются“ или заявленіе И. И. Олифана въ Гайсинскомъ комитетѣ, Подольской губерніи,— что единственный способъ вывести крестьянъ изъ нынѣшняго положенія состоитъ „въ надѣленіи крестьянъ землею, — а этого можно достигнуть переселеніемъ за счетъ государства избытка населенія такъ, чтобы оставшимся досталось необходимое для существованія количество земли; тогда — надѣется г. Олифанъ, — повысится и плата на рабочія руки, рента крупныхъ хозяйствъ сильно понизится, многіе крупные землевладѣльцы будутъ принуждены продать свои имѣнья крестьянамъ и увеличить такимъ образомъ ихъ надѣлъ; это, въ свою очередь, повыситъ благосостояніе крестьянъ

*

и увеличить ихъ платежную силу на нужды просвѣщенія, народнаго здравія и т. д." [1]). Къ такого рода соображеніямъ иногда присоединяется и политическій мотивъ — переселенія разсматриваются какъ средство предупрежденія аграрныхъ преступленій. Такъ, крестьянинъ Ѳ. Е. Горяный въ „соображеніяхъ", представленныхъ Каневскому комитету высказывается за самое широкое содѣйствіе переселеніямъ, включительно до постройки переселенцамъ домовъ за счетъ казны, полагая, что „тогда крестьянскія частныя общества и помѣщики не остались бы въ убыткахъ отъ поземельнаго налога", а главное—„избавились бы отъ возмущенія, самоправія, воровства и поджоговъ, а также отъ политическихъ возмущеній". А Зѣньковскій комитетъ, одинъ изъ тѣхъ комитетовъ Полтавской губерніи, которые, какъ мы увидимъ ниже, разработали идею планомѣрнаго переселенія почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она черезъ два года выразилась въ основныхъ положеніяхъ закона 6 іюня 1904 года,—подчеркиваетъ, что при организованномъ переселеніи „будетъ менѣе благопріятной почвы для такихъ печальныхъ преступныхъ явленій, какія были вызваны весною этого года въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Полтавской и Харьковской губерній" [2]).

Несравненно чаще, однако, вопросъ о переселеніи и вообще о мѣрахъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія разсматривается комитетами въ той или другой связи съ вопросами качественнаго—выражаясь въ самой общей формѣ—улучшенія крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Въ видѣ правила, комитеты не могли обойти молчаніемъ вопроса, ч т ò т а к о е, собственно, это крестьянское малоземелье, можетъ ли оно быть дѣйствительно радикально устранено переселеніемъ и другими мѣрами того же порядка, и не слѣдуетъ ли отдать предпочтенія мѣрамъ, направленнымъ къ улучшенію крестьянскаго землепользованія и къ подъему крестьянскаго хозяйства. Разъ поставивъ себѣ такой вопросъ, комитеты почти всегда давали на него утвердительный отвѣтъ. Отсюда многіе—какъ мы увидимъ ниже—приходили къ отрицательному взгляду на значеніе переселеній въ хозяйственной и культурной жизни населенія. Другіе останавливались на полупути и высказывались за переселеніе, какъ безусловно необходимый палліативъ,—въ виду невозможности достаточно быстро осуществить тѣ аграрныя и хозяйственныя преобразованія, которыя разрѣшили бы въ корнѣ вопросъ о малоземельѣ и тѣмъ устранили бы необходимость въ переселеніи. „Чтобы наличное земледѣльческое населеніе—говоритъ агрономъ А. Н. Терскій въ Кіевскомъ уѣздномъ комитетѣ, нашло на родинѣ мѣсто приложенія своего труда, необходимо въ корень измѣнить его хозяйство, сдѣлать его интенсивнымъ; это во-первыхъ; во-вторыхъ, необходимо снабдить населеніе профессіональнымъ знаніемъ и умѣньемъ, чтобы населеніе могло использовать свой трудъ въ свободное время отъ

---

[1]) Тамб. 463, Бессар. 243, Подол. 478, Сарат. 349, Гродн. 544, Полт. 72, 202, 603, Пенз. 148, Перм. 67.

[2]) Кіевск. 540, Полт. 202.

сельскохозяйственныхъ работъ, и въ третьихъ—необходимо снабдить его капиталомъ и для веденія интенсивнаго хозяйства, и для приложенія своего культурнаго труда внѣ сельскохозяйственной среды". Но „всѣ эти коренныя измѣненія въ хозяйствѣ и культурности населенія совершиться по волшебству не могутъ. Для коренного измѣнія всего экономическаго строя населенія, необходимо затратить огромныя средства, массу труда въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ. Земледѣльческое же населеніе настолько расшатано экономически, что не можетъ ожидать многіе годы осуществленія этихъ благихъ результатовъ",—„при наличныхъ условіяхъ культурности населенія его трудъ въ массѣ можетъ быть приложенъ только къ землѣ. Отсюда само собою вытекаетъ—по мнѣнію г. Терскаго и представителей того же взгляда на переселеніе, что параллельно со всею совокупностью мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію экономической жизни земледѣльческаго населенія какъ то: всеобщее образованіе, широкое распространеніе профессіональныхъ знаній и умѣній, упорядоченіе правоотношеній землепользованія и т. д., необходимо принять мѣры и къ переселенію части населенія, причемъ оставшееся населеніе на мѣстѣ неминуемо станетъ въ лучшія условія для благодѣтельнаго воздѣйствія при помощи перечисленныхъ мѣропріятій". Позволю себѣ привести еще не менѣе обстоятельную мотивировку того же взгляда, сдѣланную бюро Елецкаго уѣзднаго комитета. „Елецкій комитетъ—говоритъ бюро, — съ полнымъ убѣжденіемъ высказывался во многихъ докладахъ, что единственною существенною мѣрой къ поднятію общей производительности земледѣлія является переходъ къ болѣе высокимъ формамъ культуры. Въ этомъ отношеніи,—настаиваетъ бюро—Россія должна подчиниться общему закону, и развитіе ея сельскаго хозяйства должно слѣдовать также по пути перехода отъ экстенсивныхъ формъ къ интенсивнымъ. Неизбѣжный при возрастаніи населенія процессъ дробленія земельной собственности не оказываетъ вреднаго вліянія на общую производительность сельскаго хозяйства, а по утвержденію нѣкоторыхъ изслѣдователей въ области сельскохозяйственной экономіи вліяніе этого процесса даже обратное". И, однако, „все это не избавляетъ комитетъ отъ необходимости коснуться вопроса о такъ называемомъ малоземельѣ". Переходъ отъ экстенсивныхъ формъ хозяйства къ интенсивнымъ „требуетъ извѣстной экономической подготовленности хозяйствъ. Такой экономической подготовленности мы напрасно стали бы искать у значительной части нашихъ крестьянъ. Мы совершенно убѣждены — продолжаетъ бюро, — что если не травосѣяніе, то во всякомъ случаѣ болѣе высокая культура возможна и на одной шестой десятины; при такой культурѣ можетъ успѣшно разрѣшиться и вопросъ о кормѣ для скота, и объ увеличеніи количества навоза; но мы столько же увѣрены и въ томъ, что переходъ къ такимъ формамъ сельскаго хозяйства совершенно недоступенъ для тѣхъ нищенскихъ крестьянскихъ хозяйствъ, въ которыхъ по системѣ отцовскаго трехполья обрабатываются и двухдесятинные надѣлы". А отсюда выводъ, формулированный комитетомъ въ видѣ слѣдующей

резолюціи: не усматривая въ увеличеніи земельной собственности крестьянъ разрѣшенія вопроса объ ихъ матеріальномъ благосостояніи, и считая, что это благосостояніе должно быть поднято съ помощью перехода къ интенсивнымъ формамъ хозяйства, комитетъ признаетъ однако необходимымъ, въ видѣ временной мѣры, увеличеніе тѣхъ крестьянскихъ надѣловъ, которые при нынѣшнихъ условіяхъ не могутъ прокормить своихъ владѣльцевъ", — однимъ изъ средствъ для чего признается широко организованное переселеніе.

Въ сужденіяхъ другихъ сторонниковъ взгляда на переселеніе, какъ на неизбѣжный палліативъ, вопросъ о переселеніяхъ связывается съ вопросомъ о вредномъ—по ихъ мнѣнію—вліяніи на хозяйство существующаго склада землепользованія. „Въ Россіи — говоритъ М. И. Коваленко въ докладѣ Константиноградскому, Полтавской губерніи, комитету,—много еще свободныхъ земель, но все же площадь ихъ имѣетъ ганицы; дробить ихъ можно не до безконечности, тѣмъ болѣе что сельское хозяйство выгодно вести лишь только при извѣстной предѣльной минимальной площади. Отсюда, по мнѣнію г. Коваленка, слѣдуетъ тотъ выводъ, что нельзя возлагать всѣ надежды по упорядоченію быта деревни на одни переселенія. Это вѣрно—но вѣрно также и то, что въ данный моментъ это единственный выходъ. Если за 40 лѣтъ крестьянина не научили сельскохозяйственной мудрости, то теперь, когда онъ въ своемъ матеріальномъ положеніи, а также въ нравственномъ развитіи дошелъ до минимума (sic), всякія иныя мѣры, кромѣ переселеній и организаціи рабочаго труда, мало дѣйствительны. Изъ этого, понятно, не слѣдуетъ, что не нужно распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній, улучшеніе администраціи и т. д. Все это, понятно, необходимо, но какой смыслъ говорить крестьянамъ объ улучшеніи скота, о заведеніи иныхъ породъ, когда у нихъ скотъ полгода голодаетъ, а полгода не доѣдаетъ!.." Наконецъ, третьи изъ сторонниковъ того же взгляда выдвигаютъ на первый планъ еще иную точку зрѣнія, ясно выраженную въ заключеніяхъ Саратовскаго губернскаго комитета. Послѣдній включаетъ переселеніе въ число мѣръ необходимыхъ „въ цѣляхъ урегулированія излишняго прироста населенія, значительно осложняющаго экономическое положеніе деревни", и высказывается за государственную помощь переселенцамъ, „такъ какъ они, идя на переселеніе, тѣмъ самымъ вполнѣ отвѣчаютъ интересамъ государства, разрѣжая излишнюю густоту населенія внутри и колонизируя земли, до этого не приносившія дохода, а иногда являясь и пограничнымъ, такъ сказать, оплотомъ"; но въ то же время и этотъ комитетъ находитъ, что однѣми такими мѣрами, какъ разселеніе и переселеніе, недостаточно еще бороться съ прогрессирующимъ приростомъ населенія, что это еще не устраняетъ въ извѣстныхъ случаяхъ малоземелья и не создаетъ для населенія лучшаго экономическаго положенія, потому что всегда и вездѣ будетъ оставаться въ наличности извѣстная часть населенія, не тяготѣющая къ землѣ и которая не станетъ выселяться для земледѣческаго труда [1]).

[1]) Полт. 284, Кіевск. 707, Орловск. 339,—370—, Сарат. 158, Смол. 240, Самарск. 320 и др.

Отъ благопріятныхъ для переселенія взглядовъ, какъ они формулированы въ приведенныхъ выдержкахъ, уже не очень рѣзкій переходъ къ взглядамъ, болѣе или менѣе неблагопріятнымъ для переселенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ не маломъ числѣ случаевъ отрицательное отношеніе къ переселенію, обнаружившееся въ сужденіяхъ и заключеніяхъ комитетовъ, было не болѣе, нежели отраженіемъ классовыхъ землевладѣльческихъ интересовъ,—причемъ, конечно, не случайность, что всѣ безъ исключенія случаи ничѣмъ неприкрытаго выраженія такихъ интересовъ и стремленій относятся къ западной полосѣ Имперіи—къ юго-западнымъ, сѣверо-западнымъ, прибалтійскимъ и къ Псковской губерніи. Едва ли не наиболѣе безцеремонно дворянско-помѣщичье отношеніе къ несомнѣнной народной нуждѣ выразилось въ лаконическомъ заключеніи Юрьевскаго, Лифляндской губерніи уѣзднаго комитета: „мы вовсе не имѣемъ желанія поощрять переселеніе". Мы... не имѣемъ желанія!.. Такая постановка вопроса, очевидно, и не могла явиться нигдѣ, какъ въ средѣ прибалтійскаго дворянства съ его феодально-господскими традиціями. Но если менѣе безцеремонно, то не менѣе откровенно выразилась помѣщичья точка зрѣнія въ сужденіяхъ и заключеніяхъ ряда другихъ комитетовъ, въ томъ числѣ и въ чисто-русской, притомъ земской, Псковской губерніи. „Выселеніе прироста населенія изъ нашего уѣзда,—говоритъ Великолуцкій комитетъ,—не только не подняло бы у насъ сельскохозяйственной промышленности, а окончательно бы ее уронило. Всѣ землевладѣльцы въ нашемъ уѣздѣ бѣдствуютъ отъ недостатка рукъ, и сельское хозяйство падаетъ, потому что поневолѣ приходится пользоваться отребьемъ земледѣльческаго населенія, и притомъ въ недостаточномъ количествѣ; крестьяне, благодаря нескончаемымъ раздѣламъ, хозяйничаютъ на четверти надѣла, понапрасну теряя время и трудъ,—но въ работники къ сосѣднему землевладѣльцу не идутъ, находя что быть хозяиномъ даже въ нищетѣ привольнѣе, чѣмъ въ довольствѣ быть работникомъ". Брестскій комитетъ, Гродненской губерніи, не желаетъ поощрять переселенія, такъ какъ „землевладѣльцамъ и теперь приходится испытывать значительныя затрудненія съ рабочими" По мнѣнію Себежскаго, Витебской губерніи, „въ Себежскомъ уѣздѣ въ виду сравнительнаго обилія пустующихъ частновладѣльческихъ земель, развитія отхожихъ промысловъ и сдачи надѣльной земли въ аренду, переселеніе въ Сибирь не заслуживаетъ поощренія, тѣмъ болѣе, что оно лишаетъ уѣздъ послѣднихъ рабочихъ, необходимыхъ на мѣстѣ". Почти столь же яснымъ представляется дѣло и въ рядѣ другихъ, болѣе многочисленныхъ случаевъ, когда въ комитетѣ не говорятъ прямо о землевладѣльцахъ и частновладѣльческихъ имѣньяхъ а свое отрицательное отношеніе къ переселенію мотивируютъ, просто, недостаткомъ рабочихъ рукъ въ данной мѣстности или изобиліемъ заработковъ, возмѣщающихъ для населенія недостаточность земельныхъ надѣловъ. Такъ, Лифляндскій губернскій комитетъ, „присоединяясь къ мнѣнію уѣздныхъ комитетовъ, находитъ, что въ Лифляндской губерніи, въ которой чувствуется скорѣе недостатокъ, нежели избытокъ рабочихъ силъ, нѣтъ надобности въ выселеніи прироста

населенія"; Бѣлостокско-Сокольскій, Гродненской губерніи, отрицаетъ необходимость въ переселеніи на томъ основаніи, что „избытка населенія у насъ нѣтъ, — напротивъ, чувствуется постоянный недостатокъ его для полевыхъ работъ, и если бы не помощь находящихся войскъ въ рабочее время, невозможно было бы убрать урожая"; а Гайсинскій комитетъ, Подольской губерніи, опредѣленно заявляетъ, что „выселеніе прироста крестьянскаго населенія не является пока необходимостью, такъ какъ, несмотря на фактъ несомнѣннаго малоземелья, крестьяне находятъ всегда достаточные заработки вслѣдствіе обширнаго развитія свекловичныхъ плантацій". Тутъ же, впрочемъ, въ Гайсинскомъ комитетѣ было выяснено и дѣйствительное значеніе этихъ заработковъ для крестьянъ, обреченныхъ малоземельемъ на судьбу рабочихъ въ крупныхъ хозяйствахъ. „Такого рабочаго—возражалъ большинству комитета И. И. Олифанъ,—эксплоатируютъ наши крупныя хозяйства, платя ему нищенскую плату, гораздо ниже настоящей заработной платы; такимъ образомъ современное положеніе нашего крестьянства обезпечиваетъ высокую ренту крупныхъ хозяйствъ, такъ какъ крестьяне прикрѣплены къ крупному хозяйству своимъ малоземельемъ и своей численностью [1]).

Независимо отъ такого рода „открытыхъ программныхъ заявленій", г. Пѣшехоновъ въ своей работѣ о „земельныхъ нуждахъ деревни" [2]) приписываетъ классовымъ, землевладѣльческимъ теченіямъ и взглядамъ широкую закулисную роль. „Они дѣйствовали — говоритъ г. Пѣшехоновъ — главнымъ образомъ въ скрытомъ видѣ: не столько въ формѣ ясно формулированныхъ программъ, сколько въ формѣ смутныхъ инстинктовъ; не столько въ комитетахъ, работавшихъ при яркомъ свѣтѣ публичности, сколько въ тѣхъ темныхъ уголкахъ, гдѣ засѣдали только „свои люди", не столько, наконецъ, въ лицѣ активныхъ дѣятелей, державшихъ камертонъ, сколько въ лицѣ сѣрой массы, опредѣлявшей своимъ настроеніемъ возможную высоту тона".

Мы не думаемъ, чтобы въ исканіи „классовыхъ, притомъ не крестьянскихъ" и даже „враждебныхъ крестьянскимъ интересамъ" тенденцій слѣдовало идти такъ далеко, какъ, дѣлаетъ г. Пѣшехоновъ не думаемъ этого, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ переселенческому вопросу. Очень можетъ быть, что у того или иного комитета у того или иного докладчика, и были чуждыя, интересамъ крестьянъ заднія мысли,—но такія мысли могли быть и у тѣхъ, кто высказывался въ благопріятномъ для переселенія смыслѣ: если недружелюбное отношеніе къ переселеніямъ въ однихъ случаяхъ вытекало изъ боязни помѣстнаго класса потерять дешевыхъ рабочихъ или дорогихъ арендаторовъ,—то вѣдь и въ доказательство необходимости широкихъ мѣръ въ благопріятномъ для переселенія смыслѣ приводились такіе доводы, какъ сокращеніе аграрныхъ проступковъ и предотвращеніе повторенія событій 1902 года. И что̀ такое, въ самомъ

[1]) Лифл. 9, 167, 232, Витебск. 265, 515, 531, Гродн. 250, 341, 363—5, Подол. 477—8, 485, Кіевск. 298, Псковск. 32, 110, Полт. 321.
[2]) „Нужды деревни", Ч. II, стр. 10 — 11.

дѣлѣ, взгляды, чуждые крестьянскимъ интересамъ? Дѣло было бы просто, если бы рѣчь шла о крестьянскомъ пониманіи своихъ интересовъ: крестьяне, несомнѣнно, видятъ корень зла въ малоземельѣ и желаютъ всевозможныхъ мѣръ къ его устраненію, въ томъ числѣ желаютъ и переселенія,—было бы только куда переселяться!. Но каковы дѣйствительные интересы крестьянъ — въ самомъ ли дѣлѣ корень зла заключается въ малоземельѣ, и въ самомъ ли дѣлѣ оно можетъ быть устранено путемъ широкой постановки переселеній,—это вопросъ чрезвычайно сложный, и разнообразіе взглядовъ здѣсь возможно при полной добросовѣстности и при самомъ искреннемъ желаніи выяснить насущные интересы народныхъ массъ: вѣдь В. Н. Григорьевъ, Н. Н. Романовъ и другіе изслѣдователи, уже 25 лѣтъ тому назадъ давшіе матеріалъ для болѣе осторожнаго взгляда на переселеніе; Н. А. Гурвичъ, Николай-онъ, А. И. Скворцовъ,—экономисты, мотивировавшіе этотъ взглядъ теоретически, все это были люди, несомнѣнно, одушевленные самымъ безкорыстнымъ стремленіемъ къ истинѣ и во всякомъ случаѣ — свободные отъ всякаго подозрѣнія въ склонности служить классовымъ, некрестьянскимъ интересамъ. И, намъ думается, искать въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ отраженія этихъ интересовъ слѣдуетъ только тамъ гдѣ они проявляются совершенно ясно и опредѣленно, — во всѣхъ остальныхъ случаяхъ слѣдуетъ считаться съ высказывавшимися въ комитетахъ мнѣніями лишь по существу ихъ. Кто бы ни говорилъ и почему бы ни говорилъ—это, въ концѣ концовъ, неважно—важно только то, что было сказано и какими доводами доказывается это сказанное...

Противники переселеній—напоминаю, что я имѣю въ виду исключительно противниковъ принципіальныхъ, потому что неблагопріятные для переселенія взгляды нигдѣ не переходятъ въ практическія предложенія запретительныхъ мѣръ противъ переселенія,—противники переселенія, говорю я, прежде всего, отрицаютъ для своихъ губерній и уѣздовъ самую необходимость въ переселеніи,—иначе сказать, отрицаютъ наличность такого перенаселенія и такого малоземелья, при которомъ неизбѣжно требовалось бы разрѣженіе населенія. Такъ аргументируетъ, напримѣръ, предсѣдатель Лохвицкой уѣздной управы А. Н. Ходолей. „Различая въ переселеніи колонизаціонное движеніе, вызываемое спекулятивными соображеніями, и переселенческое движеніе въ собственномъ смыслѣ слова, изъ-за земельной нужды на мѣстахъ“, онъ не видитъ глубокихъ основаній для этого послѣдняго движенія изъ предѣловъ Полтавской губерніи. При существующей плотности населенія, наряду съ переселеніемъ наблюдается и вселеніе изъ сосѣднихъ губерній; наше переселеніе—движеніе толпы, вызываемое главнымъ образомъ не экономическими причинами, а общими условіями мѣстной жизни, вслѣдствіе чего для поощренія переселеній нѣтъ основанія“. Слонимскій (Гродн. губ.) комитетъ сопоставляетъ численность населенія въ уѣздѣ съ площадью землевладѣнія разныхъ категорій и приходитъ къ заключенію что „цифровыя данныя о землевладѣніи не даютъ тревожныхъ указаній“, что „мѣстныя цѣны на рабочія руки постепенно повышаются

и спросъ на рабочихъ увеличивается", безнедоимочное же поступленіе податей съ крестьянскихъ обществъ и низкія цѣны на хлѣбъ, въ которомъ значительная часть крестьянскаго населенія нуждается уже весною, убѣждаютъ комитетъ, что „сельскохозяйственный кризисъ почти не коснулся крестьянскаго хозяйства"; при 540 выданныхъ по уѣзду ходаческихъ свидѣтельствахъ, окончательно переселилось изъ уѣзда за шесть лѣтъ всего 33 семьи—„и эти данныя тоже даютъ указанія, что экономическое положеніе крестьянскаго населенія Слонимскаго уѣзда пока удовлетворительно", и что поэтому переселенческій вопросъ для уѣзда не можетъ имѣть серьезнаго значенія" [1]).

Въ приведенномъ мнѣніи г. Ходолея переселенческое движеніе изъ Полтавской губерніи характеризуется, между прочимъ, какъ „движеніе толпы", и такимъ образомъ подчеркивается стадность его, зависимость не столько отъ экономическихъ причинъ, сколько отъ психологическихъ побужденій. Въ сужденіяхъ нѣкоторыхъ комитетовъ этотъ мотивъ, выдвигается на первый планъ и развивается болѣе подробно. „Казалось бы — говоритъ, напримѣръ, предсѣдатель Витебскаго губернскаго комитета, — нѣтъ основанія желать массоваго переселенія крестьянъ изъ Витебской губерніи. Правда, временно и здѣсь населеніе переживало переселенческую горячку: административныя учрежденія были завалены ходатайствами крестьянъ; многіе изъ нихъ уходили въ Сибирь безъ разрѣшенія. Но въ настоящемъ (1902) году движеніе значительно улеглось, а единичные случаи переселенія еще не даютъ основаній къ тому, чтобы считать безусловно необходимымъ содѣйствовать его широкому распространенію". И такое мнѣніе находитъ себѣ опору въ отзывѣ Себежскаго комитета (Себежскій уѣздъ—одинъ изъ главныхъ переселенческихъ центровъ Витебской губерніи), что „бывшее въ уѣздѣ, одно время, движеніе къ переселенію было вызвано скорѣе разными преувеличенными слухами о Сибири и распространеніемъ переселенческихъ брошюръ". — Но особенно рѣзко психологическій моментъ въ переселенческомъ движеніи былъ подчеркнутъ предсѣдателемъ Кременчугской уѣздной земской управы г. Милорадовичемъ — впрочемъ, однимъ изъ тѣхъ противниковъ переселенческаго движенія, одинъ изъ главныхъ противъ которые, какъ него аргументовъ, приводятъ нужду въ рабочихъ помѣстнаго землевладѣнія: г. Милорадовичъ главную причину переселенія видитъ въ „модѣ, стихійномъ движеніи крестьянъ, желающихъ найти лучшее, чѣмъ оставляемое дома" [2]).

Другіе углубляются однако въ самую сущность вопроса и стараются выяснить, дѣйствительно ли корень разстройства нашего крестьянскаго хозяйства заключается въ малоземельѣ, въ недостаткѣ земли. „Обезпеченіе земледѣльческаго населенія — говоритъ комиссія Пензенскаго комитета, зависитъ не отъ одного размѣра надѣла, но и отъ качествъ его, отъ существованія зара-

---

[1]) Полт. 67, Гродн. 274, 365, 526, Кіев. 298.
[2]) Витеб. 91, 265, 515, Полт. 321.

ботковъ и отъ многихъ другихъ условій, а доходность надѣловъ не исключительно соразмѣрна съ ихъ величиною, но находится въ тѣсной связи съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ культуры и умѣлымъ приложеніемъ къ нимъ труда". А если это такъ, то и разрѣшеніе вопроса не въ переселеніи, а въ усовершенствованіи культуры и улучшеніи крестьянскаго земледѣльческаго труда: „при интенсивномъ хозяйствѣ, — заявляетъ въ Кіевскомъ уѣздномъ комитетѣ проф. С. М. Богдановъ, извѣстный ученый-агрономъ, и существующаго населенія недостаточно", и комитетъ высказываетъ убѣжденіе, что „избытка населенія у насъ нѣтъ, и въ принятіи мѣръ къ его уменьшенію надобности не существуетъ". Подобнымъ же образомъ разсуждаютъ и многіе другіе комитеты: такъ, Роменскій уѣздный комитетъ „не признаетъ, чтобы теперь существовало малоземелье въ размѣрахъ, угрожающихъ спокойствію общества. Дѣйствительно — есть совсѣмъ безземельные и малоземельные крестьяне, одноусадебники или владѣющіе 1 — 2 десятинами земли, — но такихъ относительно немного... Не въ малоземельѣ бѣда, а въ плохой обработкѣ земли и въ отсталости пріемовъ хозяйства: если вмѣсто 40 пудовъ съ десятины получить 80, то это равносильно расширенію землевладѣнія вдвое, а 80-пудовый урожай не есть что либо недосягаемое и не предѣлъ хозяйственности". Такъ же, въ сущеcтвѣ, смотритъ на вопросъ Виленскій уѣздный комитетъ. „Исторія переселенческаго вопроса — говоритъ онъ, ясно доказала, что многіе крестьяне съ 5-десятиннымъ и большими надѣлами бросали свои земли и переселялись въ Сибирь, тогда какъ другіе съ значительно меньшимъ надѣломъ крѣпко привязаны къ своей землѣ и живутъ въ извѣстномъ довольствѣ. Количество земли—продолжаетъ комитетъ,—вовсе не служитъ гарантіею благосостоянія крестьянина, если знаніе и умѣнье веденія хозяйства въ немъ отсутствуютъ, — а это явленіе составляетъ отличительную почти поголовную черту крестьянства,—поэтому имъ слѣдуетъ прибавить не земли, а знаніо дѣла, просвѣщенія и оборотный капиталъ". А, по убѣжденію г. Тышко, члена Бѣлостокско-Сокольскаго комитета, „при раціональной правильной и своевременной обработкѣ имѣющагося количества нынѣ запущенной земли, плоды ея могутъ удовлетворить нуждѣ въ пять разъ большаго населенія и обезпечить ему полное благосостояніе" [1])..

Какъ извѣстно, вопросъ о возможности интенсификаціи крестьянскаго хозяйства очень многими связывается съ вопросомъ объ измѣненіи господствующихъ нынѣ формъ землепользованія; естественно, что съ этимъ послѣднимъ вопросомъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ, связывается и вопросъ о необходимости переселенія. „Одно надѣленіе крестьянъ новыми землями,—говоритъ небезъизвѣстный саратовскій дѣятель г. Юматовъ въ запискѣ Вольскому уѣздному комитету,—не можетъ быть признано мѣрою дѣйствительной. Не слѣдуетъ забывать, что если бы даже крестьяне и были теперь надѣлены новою землей, — это нисколько не гарантировало бы отъ того, что черезъ

---

[1]) Пенз. 66, Кіев. 651 — 652, Полт. 90, 776, Гродн. 327, Вил. 90 и мн. друг.

20—30 лѣтъ населеніе опять увеличится, и слѣдовательно неминуемо должно повториться то-же самое, что мы видимъ теперь. Слѣдовательно, раздача казенныхъ земель при существующемъ порядкѣ вещей есть непроизводительная затрата государственнаго богатства. На казенныя земли нужно смотрѣть какъ на средство для окончательнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса разъ навсегда. Но для этого— и здѣсь мы переходимъ къ наиболѣе интересующей насъ сторонѣ соображеній г. Юматова—надо прежде всего отучить нашего крестьянина отъ взгляда, что земля Божья или государева, взгляда, соединяющая въ себѣ понятіе о неограниченномъ ея количествѣ и о томъ, что крестьянину будетъ всегда отводиться новая земля, какъ только старой будетъ у него мало. Взглядъ этотъ — полагаетъ г. Юматовъ. сложился у нашего населенія благодаря тому, что оно никогда не владѣло землею на правахъ собственности. Это-то сознаніе права собственности и надо прежде всего привить крестьянамъ. Для этого необходимо измѣнить весь строй ихъ жизни, необходимо предоставить имъ полную имущественную и личную свободу, согласующуюся и основанную на общихъ законахъ обязательныхъ для всѣхъ русскихъ подданныхъ". Иначе освѣщаетъ вопросъ Ф. И. Ладыженскій въ обстоятельной запискѣ, представленной въ Пензенскій губернскій комитетъ. „Переселеніе въ Сибирь, говоритъ онъ, на отводимыя государствомъ земли оттянетъ, конечно, часть народонаселенія изъ разныхъ мѣстностей, но остающимся и ихъ хозяйственному будущему ощутительной пользы отъ того ждать еще нельзя. Дѣйствительная польза можетъ оказаться лишь при условіи окончательнаго освобожденія крестьянства отъ переходной ограниченной формы земельной собственности, черезъ которую оно должно было пройти послѣ отмѣны частной крѣпостной зависимости", иначе сказать — общиннаго землевладѣнія. Но какъ бы ни смотрѣть на общину, очевидно, что не въ современномъ нашемъ подворномъ владѣніи можно видѣть идеальную форму землепользованія, — и потому не удивительно, что и въ районѣ господства подворнаго владѣнія вопросъ о переселеніяхъ приводится въ связь съ вопросомъ объ упорядоченіи землевладѣнія. Заславскій (Волынск. губ.) комитетъ высказываетъ убѣжденіе, что „необходимо лишь только завести хуторное хозяйство, и тогда существующая земля можетъ прокормить въ 20 разъ (sic) больше населенія, чѣмъ теперь". По убѣжденію Ковенскаго губернскаго комитета, „если становится тѣсно на своей землѣ, то вся вина лежитъ въ плохой постановкѣ права собственности, въ отсутствіи увѣренности, постоянства владѣнія, въ плачевномъ состояніи черезполосныхъ надѣловъ и вообще въ низкомъ уровнѣ крестьянскаго хозяйства" [1]).

Такимъ образомъ, по убѣжденію ряда комитетовъ, переселеніе, не воздѣйствуя на коренныя причины крестьянской бѣдности, не можетъ привести къ прочному улучшенію народнаго благосостоянія. Довольно многіе идутъ однако дальше и считаютъ переселеніе прямо вреднымъ для прогресса сельскохозяйственной культуры. По мнѣнію

[1]) Сарат. 409, Пенз. 45, Волын. 48, 97, Ков. 30.

Харьковск. комитета, „переселеніе части населенія въ Сибирь имѣетъ за собой невыгодную сторону, такъ какъ большая густота населенія содѣйствуетъ промышленному и культурному развитію страны, составляетъ необходимое условіе для прогресса земледѣлія и большаго развитія обрабатывающей промышленности"; по мнѣнію Кишиневскаго, „переселеніе если въ нѣкоторомъ смыслѣ спасительно и желательно для государственныхъ цѣлей на вновь отвоеванныхъ окраинахъ, то съ другой стороны оно и очень нежелательно, такъ какъ тормозитъ техническое дѣло по улучшенію земледѣльческаго промысла въ смыслѣ интенсированія труда". Но дальше всѣхъ, въ этомъ направленіи, идетъ Костромская уѣздная земская управа, въ докладѣ своемъ мѣстному уѣздному-же комитету. „Прежде—говоритъ управа, все человѣчество вело кочевую жизнь, затѣмъ оно осѣло на опредѣленныхъ мѣстахъ. Но Русь мало по малу начинаетъ возвращаться въ первобытное состояніе: она снова начинаетъ кочевать — кочуетъ въ Сибирь, кочуетъ на фабрики и заводы, кочуетъ въ большіе города, кочуетъ на заработки, гдѣ по слухамъ, или скорѣе ни на чемъ ни основаннымъ предположеніямъ, обильный урожай хлѣбовъ и травъ. Жители Екатеринославской губерніи переселяются въ Курскую, а куряне, недовольные своею жизнью, идутъ искать счастья на Амуръ, и т. д. Все движется, переходитъ съ мѣста на мѣсто, ищетъ лучшаго и всюду несетъ свою нищету, отъ которой нигдѣ не можетъ избавиться". И это неразрывно связывается съ хищническимъ характеромъ крестьянскаго хозяйства. „Крестьянское населеніе не доросло еще до пониманія, что слѣдуетъ лишь пользоваться плодами земли, дарами природы; оно истощаетъ землю, разомъ уничтожаетъ лѣсъ, старается быстро выжать изъ земли все, что она можетъ дать въ данный моментъ, и выжавъ изъ нея всѣ соки, бросаетъ землю, какъ выбрасывается выжатый лимонъ" [1]).

Противъ переселеній приводится затѣмъ и то возраженіе, что они вовсе не способствуютъ или слишкомъ мало способствуютъ улучшенію условій землевладѣнія крестьянской массы. „Земли лицъ, уходящихъ на переселеніе, читаемъ мы въ докладѣ Полтавскому губернскому комитету мѣстной губернской земской управы, переходятъ въ руки крупныхъ собственниковъ деревни по дешевымъ цѣнамъ, вслѣдствіе особыхъ условій крестьянскаго и казачьяго землевладѣнія и отсутствія покупательныхъ силъ у населенія, наиболѣе нуждающагося въ земляхъ, оставляемыхъ переселяющимися"; въ такомъ видѣ — подчеркиваетъ г. Дрозинъ, авторъ доклада Кобелякскому уѣздному комитету, „переселеніе вовсе не приноситъ пользы остающимся малоземельнымъ: малоземелье въ уѣздѣ нисколько не ослабляется, а лишь усиливается экономическое неравенство разныхъ группъ крестьянства". Подобнаго рода указанія идутъ и изъ мѣстностей съ общиннымъ землевладѣніемъ, — и напримѣръ Малоархангельскій уѣздный комитетъ (Орл. губ.) свидѣтельствуетъ, что довольно распространенное при переселеніяхъ „разрѣшеніе обществомъ переселяющемуся

[1]) Гродн. 274, Харьк. 149, Бессар. 252, Костр. 422—3.

уступать свою усадьбу не только членамъ своего общества, но даже и другимъ, вело къ тому, что усадьбы переходили не къ дѣйствительно нуждающимся, а къ крестьянамъ-кулакамъ, равно какъ и надѣльная земля снималась въ аренду не всегда нуждающимися въ ней" [1]).

Одно изъ дальнѣйшихъ вредныхъ послѣдствій переселенія, отмѣчаемыхъ довольно многими комитетами, — это удаленіе наиболѣе сильныхъ и лучшихъ элементовъ, отражающееся на среднемъ, такъ сказать, качественномъ уровнѣ остающагося на мѣстѣ населенія. „Съ переселеніемъ, говоритъ Кишиневскій уѣздный комитетъ, уходитъ наиболѣе молодая и сильная часть населенія"; переселенія, по свидѣтельству Константиноградскаго уѣзднаго комитета, „извлекаютъ отъ насъ крестьянъ зажиточныхъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ стоящихъ надъ уровнемъ окружающей толпы, разсудительныхъ, хозяйственныхъ и трудолюбивыхъ, — т. е. самый лучшій элементъ"; а Полтавская губернская земская управа въ уже цитированномъ докладѣ къ числу самыхъ тяжелыхъ сторонъ переселенческаго движенія относитъ „уходъ изъ губерніи не самыхъ неимущихъ классовъ, а мелкихъ хозяевъ, которые при болѣе нормальномъ положеніи сельскохозяйственнаго производства въ Россіи могли бы безбѣдно существовать и никогда бы не думали о переселеніи" [2]).'И при этомъ— замѣчаетъ Харьковскій губернскій комитетъ,—„переселеніе требуетъ отъ населенія громадныхъ и безвозвратныхъ жертвъ; уничтоженіе существующаго хозяйства и заведеніе новаго поглощаютъ все накопленное богатство переселяющихся и во многихъ случаяхъ разоряютъ ихъ окончательно",—и въ результатѣ „часть переселившихся, не найдя на мѣстѣ переселенія того благополучія, какое они разсчитывали тамъ встрѣтить, возвращается обратно и увеличиваетъ собою процентъ безземе льныхъ и безлошадныхъ". „Рекомендовать въ крупныхъ размѣрахъ переселеніе—говоритъ Кіевскій губернскій комитетъ, можно было бы только при большей увѣренности, что переселившіеся крестьяне дѣйствительно значительно улучшатъ свою судьбу и облегчатъ экономическое положеніе остающагося населенія. Но опытъ свидѣтельствуетъ, что весьма значительной части переселенцевъ не удается устроиться, причемъ неудачныя попытки ведутъ къ полному разоренію возвращающихся семействъ, прежде зажиточныхъ". И „трудности и опасности переселенія съ теченіемъ времени не ослабѣваютъ, а скорѣе увеличиваются, такъ какъ въ Сибири переселенцамъ приходится занимать все болѣе далекія и менѣе удобныя для сельскаго хозяйства мѣстности". При томъ „неудачи многихъ попытокъ переселенія обусловливаются главнымъ образомъ чрезвычайною трудностью самаго дѣла перемѣщенія большихъ массъ населенія на далекія и рѣзко отличающіяся по своимъ естественнымъ условіямъ окраины". А вотъ и конкретныя, взятыя прямо изъ жизни иллюстраціи къ этой общей картинѣ: „переселеніе 1895 года—читаемъ мы въ

[1]) Полт. 90, 220, 285, Могил. 110, Орл. 638, Харьк. 150 и др.

[2]) Бессар. 252, Ков. 42, Полт. 90, 285.

уже цитированномъ докладѣ Ф. И. Ладыженскаго Пензенскому губернскому комитету, дало повидимому немного благопріятныхъ результатовъ, такъ какъ часть переселенцевъ, побывавшихъ въ Сибири, вернулась назадъ. Остались тѣ, которые попали въ исключительно благопріятныя условія, и тѣ, которые, истративъ все, что имѣли, не нашли средствъ вернуться на родину... Переселенцы-неудачники—продолжаетъ г. Лодыженскій, были крайне поражены тою массою препятствій, преодолѣть которыя было необходимо для устройства на мѣстѣ и заведенія хозяйства. Вернувшіеся жаловались въ большинствѣ случаевъ не на качество и количество земли, а на то что она не пахана, что нужны не сохи, а плуги для ея обработки, что много земель, поросшихъ кустарникомъ, отъ котораго пришлось бы очищать пашни (!),—въ однихъ мѣстахъ лѣсъ далекъ, въ другихъ все занялъ и пахать можно лишь въ прогалинахъ. Нѣкоторые ссылались на недостатокъ воды — рѣки мѣстами пересыхаютъ, озера съ солоноватою водой, заросшія по берегамъ камышами. Другіе указывали на хозяйственныя неудобства края — дальность сбыта, отсутствіе хотя маленькаго заработка на мѣстѣ, ничтожность поденной платы въ городахъ, вѣроятно еще упавшей отъ скопленія переселенцевъ, сибирскій скотъ показался мелокъ и плохъ, а лошади непригодны для полевыхъ работъ. Въ общемъ—заключаетъ авторъ доклада, переселенцы надѣялись на широкую помощь отъ правительства и мало думали какъ о своихъ личныхъ силахъ, такъ и о денежныхъ средствахъ, которыми они могли располагать для заведенія хозяйства въ новыхъ, имъ чуждыхъ условіяхъ, доказавъ тѣмъ свое легковѣріе и малую колонизаторскую разсчетливость" [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что принципіальные противники массоваго переселенческаго движенія выдвинули въ комитетахъ длинный рядъ болѣе или менѣе твердо обоснованныхъ аргументовъ. Иногда дѣятели комитетовъ прямо-таки не находили выхода изъ столкновенія этихъ аргументовъ съ тѣми доводами, которые приводятся въ пользу переселенія, — и напримѣръ Витебскій губернскій комитетъ, „за отсутствіемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, не призналъ возможнымъ прійти къ тому или иному опредѣленному выводу о желательности и цѣлесообразности" массоваго переселенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ „выразилъ пожеланіе, чтобы насколько возможно было упорядочено самое переселеніе". Такимъ образомъ, Витебскій комитетъ становится на ту-же точку зрѣнія, которая является конечнымъ выводомъ изъ настоящей книги: онъ смотритъ на переселеніе какъ на фактъ, независимо отъ его желательности или нежелательности, и хочетъ лишь ввести это жизненное явленіе въ возможно правильное русло. Также смотритъ на дѣло и рядъ такихъ комитетовъ, которые принципіально пришли къ неблагопріятнымъ для переселенія заключеніямъ. Даже Гайсинскій комитетъ, въ принципѣ рѣзко враждебный переселенію, „признаетъ, однако, фактъ существованія переселенческаго движенія въ уѣздѣ" и находитъ, что „необходимо

[1]) Харьк. 149, Полт. 90, Кіев. 29, Пенз. 44—5.

принять особыя мѣры для упорядоченія и урегулированія этого движенія отъ бѣдъ, несчастій и неудачъ, сопутствующихъ очень часто переселенію". Не умножая другихъ примѣровъ, приведемъ еще только формулировку, данную вопросу извѣстнымъ земскимъ и общественнымъ дѣятелемъ гр. П. А. Гейденомъ, какъ предсѣдателемъ Опочецкаго уѣзднаго комитета и истолкователемъ его взглядовъ предъ губернскимъ комитетомъ. „Опочецкій комитетъ—говорилъ гр. Гейденъ, не входилъ въ обсужденіе вопроса, нужно ли переселеніе и вызывается ли оно густотой населенія, а принялъ переселеніе, какъ наличный фактъ, какъ явленіе, поощряемое правительствомъ, — и съ этой точки зрѣнія пришелъ къ заключенію о неправильной постановкѣ современной системы переселенческаго дѣла" [1]). И что особенно важно—цѣлый рядъ комитетовъ, изъ числа принципіально несочувствующихъ переселенію, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ всякаго рода запретительныя мѣры противъ переселенческаго движенія. „Ни въ какомъ случаѣ — заявляетъ Гайсинскій комитетъ не слѣдуетъ принимать никакихъ особыхъ запретительныхъ мѣръ, ограничивающихъ личную свободу крестьянъ въ дѣлѣ переселенія". Комиссія Полтавскаго уѣзднаго комитета, также признающая, что „переселеніе не разрѣшаетъ мѣстнаго вопроса о земельной тѣснотѣ", однако самымъ рѣшительнымъ образомъ оговариваетъ, что „о стѣсненіи переселенія рѣчи, разумѣется, быть не можетъ—каждый имѣетъ право жить тамъ, гдѣ пожелаетъ". Съ величайшимъ единодушіемъ комитеты констатируютъ безрезультатность и вредъ тѣхъ рестриктивныхъ мѣръ, при помощи которыхъ правительство думало сдерживать переселенія. Особенно подробно говоритъ на эту тему Лохвицкій комитетъ, одинъ изъ немногихъ, опирающихся въ своихъ сужденіяхъ, между прочимъ, на свидѣтельства мало распространенныхъ оффиціальныхъ источниковъ. „Прямымъ послѣдствіемъ административныхъ стѣсненій переселенческаго дѣла, заявляетъ комитетъ — является то, что около половины переселенцевъ принуждено переселяться на свой собственный страхъ и рискъ, не пользуясь обычными льготами и подвергаясь опасности вернуться на родину послѣ окончательнаго разоренія и обнищанія. Неудивительно, что наряду съ могучею переселенческою рѣкой, направляющейся изъ Россіи въ Сибирь, наблюдается и обратное теченіе изъ Сибири въ Россію переселенцевъ, потерпѣвшихъ полное крушеніе въ своихъ попыткахъ найти свободную землю и принужденныхъ возвратиться на ту самую родину, которая оказалась по отношенію къ нимъ такою суровою мачихой"; практическое пожеланіе Лохвицкаго комитета — „чтобы переселенія были свободны и не стѣснялись требованіемъ какихъ-бы то ни было формальныхъ разрѣшеній". Повторимъ еще разъ, что въ средѣ комитетовъ не нашлось ни одного голоса въ пользу какихъ либо запрещеній, вообще принудительныхъ мѣръ къ удержанію или сокращенію переселенческаго движенія. Одни изъ принципіальныхъ противниковъ переселенческаго движенія высказывались лишь про-

[1]) Витеб. 91, Кіев. 652, Подол. 485, Псков. 33, Харьк. 150.

тивъ поощрительныхъ мѣръ, способствующихъ искусственному росту переселенческаго движенія, — другіе становились на точку зрѣнія, превосходно формулированную Я. К. Имшенецкимъ въ Полтавскомъ губернскомъ комитетѣ: „свободѣ въ этомъ дѣлѣ—говорилъ г. Имшенецкій, могутъ быть противупоставлены задерживающія переселеніе разнаго рода стѣсненія и формальности, врядъ ли желательныя: если переселеніе, съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ — зло, то этому злу необходимо противупоставить экономическія мѣропріятія для улучшенія благосостоянія мѣстнаго населенія, которыя будутъ задерживать переселеніе на мѣстахъ и парализовать стремленіе къ переселенію въ большей мѣрѣ, чѣмъ внѣшнія стѣсненія переселенія" (курсивъ нашъ А. К.). И урегулированія переселенія, въ смыслѣ направленія, подбора желательныхъ элементовъ и т. п. комитеты находили, за немногими исключеніями, возможнымъ достигать также не запрещеніями или ограниченіями, а исключительно градаціею поощрительныхъ мѣръ, направленною къ тому, чтобы сдѣлать невыгодными тѣ проявленія переселенческаго движенія, которыя признавались нежелательными съ точки зрѣнія общей народной экономіи. Передъ такою постановкой дѣла не останавливались даже принципіальные сторонники свободы переселенія, вродѣ А. Ф. Русинова, который, формулируя передъ губернскимъ Полтавскимъ комитетомъ вышеприведенныя заключенія Лохвицкаго комитета, счелъ необходимымъ пояснить, что „эти заключенія компенсируются другимъ заключеніемъ Лохвицкаго комитета—именно пунктомъ, направленнымъ къ тому, чтобы переселеніе было невыгодно для зажиточныхъ хозяевъ, чтобы такіе домохозяева какъ элементъ, приспособленный къ культурно-экономическому прогрессу, остались на мѣстѣ", такъ какъ обратное „было бы невыгодно для интересовъ края" [1]).

Вообще, вопросъ о томъ, какимъ элементамъ надлежитъ переселяться изъ каждой данной мѣстности, принадлежитъ къ числу наиболѣе интересующихъ комитеты, какъ принципіально сочувствующіе, такъ и принципіально несочувствующіе переселенію. И комитетамъ пришлось здѣсь встрѣтиться съ одною изъ основныхъ дилеммъ переселенческаго вопроса,—съ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ между аграрными задачами переселенія, вообще—интересами мѣстности, отпускающей переселенцевъ, и тѣми условіями, отъ которыхъ въ конечномъ счетѣ, зависитъ непосредственный результатъ самого переселенія. „Требованіе 300 рублей,—говорилъ въ Семеновскомъ комитетѣ Н. М. Лѣнивцевъ по поводу извѣстныхъ, циркулярнымъ путемъ установленныхъ, условій выдачи разрѣшенія на переселеніе,—очень стѣснительно: если бы у крестьянъ было по 300 рублей, они и переселяться не подумали бы, а сумѣли бы и здѣсь устроиться сносно; на переселеніе толкаетъ крайняя нужда, и нужно помогать желающимъ переселиться, а не спрашивать съ нихъ капиталовъ,

[1]) Подол. 485, Полт. 70—71, 604—6, 751, Псков. 32, Екатериносл. 198, Нижегор. 508 и мн. др.

которыхъ у нихъ быть не можетъ; помогать нужно въ виду того обстоятельства, что на переселеніе идетъ народъ болѣе предпріимчивый, который долженъ явиться желаннымъ колонизаторомъ окраинъ, а кромѣ того послѣ переселившихся остается земля, которая должна дать возможность оставшимся лучше поставить свое хозяйство". Правительство,—возражалъ на это Н. Я. Бѣляевъ,—„требуетъ отъ переселенца 300 рублей для того, чтобы онъ могъ обзавестись хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ; желательно,—пояснилъ онъ,—заселить новыя мѣста стойкими, хозяйственными людьми, чтобы они могли прочно устроиться и укрѣпиться тамъ,—очень часто переселенцы попадаютъ въ суровую обстановку, и нужно, чтобы они устояли въ борьбѣ съ природой". Въ этомъ обмѣнѣ мнѣній довольно ясно выразилась сущность тѣхъ двухъ принципіально различныхъ взглядовъ, которые высказывались въ комитетахъ по разсматриваемому вопросу. Но второй взглядъ имѣетъ несравненно менѣе сторонниковъ, нежели первый. Наиболѣе общую и притомъ принципіальную формулировку даетъ ему Кіевскій губернскій комитетъ, отказывающійся „рекомендовать преимущественное выселеніе наиболѣе бѣдныхъ крестьянъ,—на которомъ, надо замѣтить, настаиваютъ многіе изъ уѣздныхъ комитетовъ губерніи—такъ какъ переселеніе требуетъ сильныхъ элементовъ, способныхъ вынести крутой переломъ въ своей жизни, и справиться съ трудностями устроенія хозяйства на новыхъ далекихъ мѣстахъ"; въ связи съ этимъ Кіевскій комитетъ „не можетъ рекомендовать широкихъ воспособленій или полнаго обезпеченія и снабженія капиталами переселенцевъ", такъ какъ „переселенческое движеніе и нынѣ столь значительно, что усиленіе его большими воспособленіями можетъ вызвать едва ли побѣдимыя для правительства трудности по устройству быта переселенческихъ массъ". Въ другихъ случаяхъ, сторонники этого взгляда останавливаются и на вопросѣ о практическихъ мѣрахъ проведенія его въ жизнь, причемъ одни, „чтобы побудить болѣе обезпеченныхъ хозяевъ, къ переселенію, предлагаютъ предоставить имъ значительно большіе земельные участки, нежели какіе теперь отводятся", а другіе, правда, единичные голоса, раздаются въ пользу административныхъ мѣръ въ данномъ направленіи—мѣръ, напомнимъ, рѣшительно осужденныхъ практикой переселенческаго дѣла. Гораздо многочисленнѣе, однако, представители противоположнаго взгляда, желающіе сдѣлать переселеніе доступнымъ если не исключительно, то преимущественно для тѣхъ именно бѣдныхъ и беземельныхъ элементовъ, которые, по общераспространенному мнѣнію, наиболѣе нуждаются въ переселеніи и больше всего къ нему стремятся. Этотъ взглядъ, по большей части неразрывно связывающійся съ мыслью о необходимости цѣликомъ принять на государственныя средства расходы переселенія и устройства на новыхъ мѣстахъ, обосновывается мотивами двоякаго порядка: съ одной стороны—аграрными задачами переселенія, какъ способа устройства нуждающагося въ землѣ сельскаго населенія, съ другой—опасеніемъ обезсилить мѣстности выселенія, лишая ихъ наиболѣе сильныхъ и хозяйственныхъ элементовъ". „Вы-

селенію—кратко формулируетъ свои пожеланія Зеньковскій комитетъ подлежитъ бѣднѣйшая и безземельная часть населенія, и только такому элементу должна быть оказываема помощь"; зато для такихъ переселенцевъ „проѣздъ и содержаніе въ пути должны быть даровые; на мѣстѣ поселенія должна быть оказана первоначальная помощь въ устройствѣ и дана многолѣтняя льгота, т. е. свобода отъ всякихъ повинностей. Всѣ эти расходы должны быть приняты на счетъ государства, а не возлагаемы на одно только сословіе переселяющихся, для которыхъ всякій налогъ будетъ непосильною тягостью". Попытки обоснованія этого взгляда въ обоихъ намѣченныхъ выше направленіяхъ отличаются по большей части чрезвычайною краткостью; необходимость переселять „не болѣе состоятельныя, а наоборотъ, самыя малоземельныя, неимущія семьи, всецѣло за счетъ государства", разсматривается, очевидно, какъ аксіоматически-ясный выводъ изъ того формулируемаго комиссіею Елецкаго комитета положенія, „что переселеніе необходимо сдѣлать мѣрою государственной помощи малоземельнымъ крестьянамъ". И только въ докладѣ предсѣдателя Тамбовской губернской земской управы Л. Д. Брюхатова дѣлается попытка подробнѣе обосновать эту точку зрѣнія: „казалось бы, говоритъ г. Брюхатовъ, что элементъ, экономически болѣе состоятельный, скорѣе способенъ упрочить свое положеніе на мѣстѣ или путемъ переселенія и не нуждается въ особыхъ заботахъ о себѣ со стороны правительства. Бѣднѣйшій же элементъ и нуждается въ этой помощи, и безъ нея, несмотря на нѣкоторый отливъ болѣе состоятельныхъ, не въ силахъ будетъ улучшить своего положенія". О другомъ мотивѣ, побуждающемъ многихъ высказываться за выселеніе, преимущественно, бѣднѣйшихъ крестьянъ, намъ приходилось уже говорить: это высказываемое, впрочемъ, почти исключительно принципіальными противниками переселенія—убѣжденіе, что переселенія—разъ уходятъ „крестьяне зажиточные и по своимъ нравственнымъ качествамъ стоящіе надъ уровнемъ окружающей толпы", дурно отражается на среднемъ качественномъ уровнѣ остающагося на родинѣ населенія,—тогда какъ выселеніе бѣдняковъ усиливаетъ преобладаніе на мѣстѣ выселенія тѣхъ элементовъ, которые признаются наиболѣе полезными для общаго развитія и упроченія мѣстнаго хозяйства [1]).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ и во многихъ другихъ на одну доску ставятся два признака, по существу вовсе не стоящіе между собой въ неразрывной связи: бѣдность и малоземелье или безземелье. Въ видѣ общаго для земледѣльческихъ мѣстностей правила малоземельные и безземельные дворы являются вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднѣйшими,—но только въ предѣлахъ отдѣльныхъ обществъ или мѣстностей, совершенно однородныхъ въ отношеніи качества отдѣльныхъ земель и другихъ естественныхъ и экономич. условій. Но параллелизмъ этихъ двухъ признаковъ совершенно исчезаетъ, если разсматривать во-

[1]) Нижегород. — 508, Полтавск.—90.202, Екатеринославск. — 43.101, Казанск.—147, Псковск.—8, Тамбовск.—46.113, Орлов.—372, Кіевск.—917 Подольск.—818.

просъ съ болѣе общей точки зрѣнія: малоземельный полтавецъ отнюдь не будетъ бѣднѣе многоземельнаго самарца... Но и внутри отдѣльныхъ губерній, нерѣдко и болѣе мелкихъ территоріальныхъ дѣленій, наблюдается въ видѣ правила такое крайнее разнообразіе въ естественной и экономической обстановкѣ крестьянскаго хозяйства, при которомъ исчезаетъ всякая пропорціональность между степенью благосостоянія крестьянъ и цифрою ихъ земельнаго обезпеченія, а потому вопросъ о подборѣ переселенцевъ по степени зажиточности или благосостоянія по существу долженъ былъ бы разсматриваться совершенно независимо отъ вопроса о подборѣ ихъ по размѣрамъ земельнаго обезпеченія. Это и сдѣлано въ сужденіяхъ и заключеніяхъ довольно многочисленной группы комитетовъ, ставящихъ переселенію строго-опредѣленную аграрную задачу: обезпечить землею на новыхъ мѣстахъ извѣстную часть наиболѣе малоземельнаго населенія и этимъ самымъ расширить землевладѣніе тѣхъ крестьянъ, которые не пойдутъ на переселеніе, — ту самую задачу, которую преслѣдуетъ новый переселенческій законъ 6 іюня 1904 года. Эта идея формулируется нѣкоторыми комитетами лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, иногда позволяющихъ лишь догадываться о мысли комитетовъ. Такой нѣсколько неопредѣленный характеръ носятъ, напримѣръ, предположенія бюро Елецкаго комитета, которое ограничивается формулировкою того лишь общаго положенія, что „переселеніе должно стать мѣрой государственной помощи малоземельнымъ крестьянамъ, совершаться по иниціативѣ и за счетъ государства“, или Зеньковскаго, по плану котораго „согласно съ опредѣленнымъ процентомъ возможнаго съ помощью государства переселенія, каждое сельское общество назначаетъ осенью, какія семьи будутъ имѣть право выселиться, и составляетъ о томъ приговоръ...; остальнымъ желающимъ переселяться также не должно быть запрета, но безъ помощи правительства“. Нѣсколько опредѣленнѣе высказываетъ ту же мысль, въ докладѣ Ардатовскому комитету (Симб. губ.) А. Ф. фонъ-Вендрихъ, между прочимъ связывающій этотъ вопросъ—какъ это впослѣдствіи было сдѣлано и составителями закона 6 іюня 1904 года, съ вопросомъ объ истощеніи колонизаціоннаго земельнаго фонда: „государственныя земли Сибири и азіатскихъ владѣній, говоритъ г. фонъ-Вендрихъ, свободныя доселѣ, являются едва ли не главнѣйшимъ фондомъ для будущей борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, находящимся въ рукахъ государства, въ виду чего, казалось бы, слѣдуетъ быть бережливымъ съ этимъ фондомъ... „Въ будущемъ —продолжаетъ г. фонъ-Вендрихъ, должно допускаться переселеніе или безземельнаго крестьянства, или крестьянъ малоземельныхъ обществъ, изъ числа притомъ наименѣе зажиточныхъ, при условіи первоначальнаго субсидированія ихъ, за счетъ казны, въ достаточномъ размѣрѣ на мѣстахъ новаго поселенія“. Такая постановка переселенія, въ связи съ дѣятельностью крестьянскаго банка, „поможетъ крестьянству перенести настоящій тяжелый кризисъ сдѣлавъ его болѣе зажиточнымъ, крѣпкимъ къ землѣ и способнымъ къ сельскохозяйственному прогрессу“. Ясно ставитъ задачу и Саранскій комитетъ (Пенз. губ.): „съ крестьянской точки зрѣнія важно,

говоритъ онъ, чтобы министерство земледѣлія разрѣшило хотя бы принципіально вопросъ о нормѣ крестьянскаго земельнаго надѣла на которомъ можетъ вестись крестьянское хозяйство, съ тѣмъ, чтобы крестьяне, не имѣющіе такой нормы, пользовались правомъ на извѣстный % выселенія, дабы урегулировать ту норму, которая будетъ обусловливать возможность правильнаго веденія крестьянскаго хозяйства". Но подробнѣе всего такая планомѣрная постановка переселенія разработана въ сужденіяхъ Полтавскаго губернскаго комитета, въ непосредственной связи съ тѣми предположеніями мѣстнаго губернскаго присутствія, которыя, какъ мы знаемъ, послужили исходною точкой для переселенческаго закона 6 іюня 1904 года. Схема для организованнаго переселенія была предложена двоякая: съ одной стороны, предсѣдатель губернской земской управы Ф. А. Лизогубъ высказалъ мнѣніе, къ которому, послѣ преній, присоединился комитетъ, — „что въ первую очередь слѣдовало бы оказывать содѣйствіе усадебникамъ, какъ элементу, не порвавшему еще своей связи съ землею, элементу, стѣсненному на родинѣ и вполнѣ годному для колонизаціи; за безземельными, во вторую очередь, могутъ идти и малоземельные; третья группа переселенцевъ можетъ составиться изъ домохозяевъ, владѣющихъ землею до 3 десятинъ; только этимъ тремъ группамъ переселяющихся и слѣдуетъ, по мнѣнію Ф. А. Лизогуба, оказывать содѣйствіе, — объ остальныхъ переселенцахъ, владѣющихъ землею свыше 3 десятинъ, можно и не заботиться". Съ другой, мѣстный непремѣнный членъ познакомилъ комитетъ съ проектомъ полтавскаго губернатора, кн. Урусова, въ то время уже подвергшимся разсмотрѣнію губернскаго присутствія, — проектомъ, гдѣ преимущества поощряемаго переселенія предполагалось предоставить болѣе широкому кругу домохозяевъ: „въ первую группу переселяющихся могли бы войти всѣ безземельные; во вторую — владѣющіе землею до 3 дес., въ третью—обезпеченные отъ 3 до 9 десятинъ". Существенная поправка къ той и другой схемѣ была предложена Я. К. Имшенецкимъ: „вопросъ, кому содѣйствовать въ переселеніи, — вопросъ очень трудный, не разрѣшающійся только такимъ признакомъ какъ владѣніе тѣмъ или другимъ количествомъ десятинъ земли; хозяйственная мощность зависитъ не только отъ размѣра землевладѣнія, но и отъ соотношенія рабочихъ силъ въ составѣ семьи, отъ энергіи, способностей и вообще — отъ внутренняго склада хозяевъ". Съ этой точки зрѣнія г. Имшенецкій признавалъ вообще „нежелательнымъ устанавливать градацію уходящихъ на переселеніе на основаніи земельнаго обезпеченія" [1]), если же останавливаться на

[1]) Такимъ образомъ г. Имшенецкій сводитъ вопросъ съ признака земельнаго обезпеченія къ признаку хозяйственной обезпеченности переселяющихся домохозяйствъ. Гораздо правильнѣе — кажется намъ, ставитъ вопросъ комиссія Пензенскаго губернскаго комитета, высказывающаяся противъ приведеннаго въ текстѣ проекта Саранскаго уѣзднаго комитета на томъ основаніи, что „обезпеченіе земледѣльческаго населенія зависитъ не отъ одного размѣра надѣла, но и отъ качествъ его, отъ существованія заработковъ и отъ многихъ другихъ условій, а доходность надѣловъ не исключительно сорав-

какомъ либо внѣшнемъ признакѣ, считалъ необходимымъ принять за такой признакъ не 3, а 6 десятинъ, „такъ какъ ниже этой нормы начинается уже нужда". Но шире всего ставитъ вопросъ о переселеніи Хорольскій уѣздный комитетъ. По его убѣжденію, „переселеніе должно производиться настолько энергично, чтобы не только покрывался весь приростъ, но и захватывалась нѣкоторая часть самого ядра населенія. Ежегодное выселеніе 12—15 тыс. семействъ (изъ губерніи) уже по прошествіи 10—15 лѣтъ оказало бы — по мнѣнію комитета, замѣтное вліяніе на улучшеніе экономическаго положенія остающагося на мѣстѣ" [1]). Въ нѣкоторыхъ комитетахъ возбуждался вопросъ объ организаціи принудительнаго выселенія. За такую мѣру высказался, напримѣръ, Цивильскій уѣздный комитетъ,—мнѣніе котораго, впрочемъ, было категорически отвергнуто Казанскимъ губернскимъ комитетомъ. Въ Бобруйскомъ уѣздномъ комитетѣ, Минской губерніи „представители крестьянъ заявили, что разселеніе признаютъ возможнымъ только по жребію или во исполненіе закона". Авторъ спеціальнаго доклада Тамбовскому уѣздному комитету М. М. Устиновъ высказывалъ, что „только путемъ принудительнаго и раціонально поставленнаго выселенія всего излишняго прироста населенія еще возможно разрѣшить назрѣвшую потребность", но и здѣсь идея принудительности встрѣтила рѣшительныя возраженія, и въ заключеніи комитета мы находимъ пожеланіе лишь относительно „организаціи переселенія крестьянъ на возможно льготныхъ условіяхъ" [2]).

Другихъ случаевъ, когда поднимался бы вопросъ о принудительномъ переселеніи, мы не нашли даже въ трудахъ комитетовъ, но въ Полтавской губерніи, гдѣ эта идея повидимому пользовалась, послѣ безпорядковъ 1902 г., довольно широкою популярностью. Въ громадномъ большинствѣ комитеты имѣютъ въ виду исключительно добровольное переселеніе. Лишь въ очень немногихъ случаяхъ дѣлаются опредѣленныя оговорки, что переселенія должны происходить не иначе, какъ „по ходатайству или съ согласія переселяющихся". И конечно правъ г. Пѣшехоновъ, говоря, что „при общемъ, несомнѣнно, либеральномъ направленіи общественной мысли, какое преобладало въ комитетахъ, такія оговорки были въ сущности излишни. Въ нихъ сказалось лишь недовѣріе мѣстныхъ дѣятелей къ тѣмъ условіямъ русской жизни, при которыхъ всякое попеченіе о трудящихся массахъ легко превращается въ опеку или даже въ прямое насиліе надъ ними" [3]).

мѣрна съ ихъ величиной, но находится въ связи съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ культуры и приложеніемъ труда". Чрезмѣрно механическому рѣшенію вопроса на основаніи голой, однообразной для цѣлой губерніи или иного обширнаго района цифры надѣльнаго обезпеченія, комиссія противопоставляетъ такимъ образомъ не *индивидуальныя условія* переселяющейся *семьи*, какъ дѣлаетъ г. Имшенецкій, а *совокупность* культурныхъ и экономическихъ *условій данной мѣстности*.

[1]) Полт. 68—72, 90, 202, 797, Орл. 375, Симб. 269, Пенз. 66 и 148, Харьк. 181.

[2]) Казан. 23 и 144, Тамб. 115 и 351, Симб. 269, Минск. 121.

[3]) „Нужды деревни", II, стр. 77.

Меньше вниманія комитеты удѣляютъ другому коренному вопросу—вопросу о томъ, куда переселяться. Кажется, только одинъ Екатеринославскій комитетъ ставитъ на первый планъ переселеніе на отдаленныя окраины: „такъ какъ переселеніе — говоритъ онъ,—на необработанныя еще и незаселенныя земли, увеличивая ростъ національнаго богатства, усиливаетъ производство новыхъ цѣнностей, содѣйствуетъ успѣху культуры въ некультурномъ краѣ и слѣдовательно наиболѣе выгодно съ точки зрѣнія интересовъ государственныхъ, то на такое переселеніе, преимущественно на окраины государства, и должна быть направлена государственная помощь". Въ видѣ правила комитеты мало сочувствуютъ переселенію на отдаленныя окраины: „Истинныя нужды губерніи — говоритъ Д. Я. Слободчиковъ, авторъ записки, представленной Самарскому комитету-требуютъ не переселенія жителей ея на далекія окраины, а разселенія въ предѣлахъ губерніи, ибо, помимо уже того обстоятельства, что въ Сибири въ настоящее время остается все менѣе и менѣе запаса такихъ переселенческихъ земель, обработка которыхъ была бы подъ силу свыкнувшимся съ мѣстными пріемами и обычаями сельскимъ обывателямъ Самарской губерніи, обыватели эти по большей части не обладаютъ необходимымъ для переселенія благосостояніемъ и, истративъ послѣднія средства, явятся въ мѣста переселенія еще болѣе истощенными, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы они оставались на родинѣ". Очень интересны, по своему глубоко жизненному характеру, сужденія, имѣвшія мѣсто въ Опочецкомъ комитетѣ (Псковск. губ.)· Одинъ изъ участниковъ комитета—крестьянинъ [1]) заявилъ, что „его сынъ былъ ибранъ селеніемъ ходокомъ въ Сибирь, и ему при осмотрѣ разныхъ переселенческихъ мѣстъ въ Сибири всѣ условія мѣстности очень не понравились, такъ что полученное впечатлѣніе отбило всякую охоту къ переселенію. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ также заявили, что многіе переселенцы наталкиваются въ Сибири на самыя неблагопріятныя условія", въ виду чего комитетъ призналъ, что „правительству, прежде чѣмъ заботиться о переселеніи прироста населенія въ Сибири, слѣдовало бы принять мѣры къ равномѣрному разселенію внутри Европейской Россіи, гдѣ тоже еще много не густонаселенныхъ мѣстъ и продается много разныхъ земель". Практическіе выводы сходятся только въ одномъ: въ желаніи сократить сибирское переселеніе и за счетъ его развить переселеніе въ другія, признаваемыя болѣе соотвѣтствующими мѣстности. Въ остальномъ высказываемыя пожеланія весьма разнообразны. Иногда выдвигается на первый планъ приблизительное сходство естественныхъ условій мѣстностей водворенія съ мѣстностями выселенія, и отсюда выводится, напримѣръ, заключеніе, что „переселеніе изъ Полтавской губерніи съ наибольшимъ успѣхомъ могло бы быть направлено не въ Сибирь, а въ Туркестанъ, Закавказье и Крымъ". Въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ Опочецкомъ, Елецкомъ комитетахъ подчеркивается, что „переселеніе должно направляться прежде всего на свободныя земли

[1]) Фамилія его не названа.

Европейской Россіи", что „новыя поселенія должны быть устраиваемы прежде всего на казенныхъ земляхъ въ Европейской Россіи, что потребуетъ гораздо менѣе расходовъ отъ правительства и облегчитъ скорое и прочное устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ". Третьи — напримѣръ, Тамбовскій уѣздный комитетъ, выдвигая на первый планъ „самыя широкія мѣропріятія по разселенію крестьянъ въ предѣлахъ Тамбовской губерніи на казенныхъ земляхъ", на вторую очередь ставятъ „колонизацію менѣе населенныхъ восточныхъ и юго-восточныхъ губерній". Нерѣдко внутри-губернское разселеніе даже какъ бы противупоставляется выселенію за предѣлы губерніи. Такъ, Псковскій губернскій комитетъ, отвергая выселеніе за предѣлы губерніи, какъ „не вызываемое въ настоящее время ни густотой населенія, ни малоземельемъ", желаетъ всѣми мѣрами „поощрять дальнѣйшее переселеніе крестьянъ въ предѣлахъ самой же губерніи, гдѣ это явленіе въ видѣ частичнаго, но весьма правильнаго и послѣдовательнаго перехода отдѣльныхъ лицъ и группъ населенія изъ сѣверо-западнаго льноводнаго района въ юго-восточный лѣсной, гдѣ они селятся въ качествѣ мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ, наблюдается уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ",—и этимъ способомъ „предоставить возможность мѣстному малоземельному и безземельному населенію использовать всю ту громадную площадь пустопорожнихъ и некультурныхъ земель, которая ждетъ приложенія труда и въ результатѣ дастъ ему вѣрное матеріальное обезпеченіе взамѣнъ безплодныхъ, а иногда и прямо разорительныхъ исканій лучшей доли въ далекихъ тайгахъ Сибири". Указанія на желательность использованія мѣстныхъ запасовъ казенныхъ земель имѣются по Тамбовской, Псковской, Вологодской и др. губерніямъ,—но особенное значеніе вопросъ объ этихъ запасахъ казенныхъ земель пріобрѣтаетъ въ Самарской губерніи, располагающей свыше нежели милліономъ десятинъ казенныхъ земель и въ то-же время имѣющей довольно значительный контингентъ безземельныхъ и малоземельныхъ: „въ Самарской губерніи оказывается полная возможность устранить малоземелье путемъ выселенія излишка населенія на свободные казенные участки въ своей же губерніи". Наконецъ, въ сужденіяхъ нѣкоторыхъ комитетовъ, въ противувѣсъ сибирскому переселенію, выдвигается разселеніе исключительно на владѣльческія земли, и въ такихъ случаяхъ болѣе или менѣе явственно выступаютъ на сцену „классовые не-крестьянскіе" интересы и соображенія. Особенно характерны, въ этомъ направленіи, являются разсужденія члена Двинскаго уѣзднаго комитета г. Шахно. Причина переселеній, по его убѣжденію — „погоня за легкимъ трудомъ, за привольною жизнью безъ заботъ. Такіе инстинкты людей не должны поощряться правительствомъ, какъ растлѣвающіе народную нравственность. Несравненно цѣлесообразнѣе было бы серьезное содѣйствіе крестьянамъ къ пріобрѣтенію въ собственность продающихся въ краѣ земель, что пріучило бы ихъ къ усвоенію правильнаго понятія о томъ, что даромъ ничего не дается, что польза получается только отъ труда, что не слѣдуетъ ожидать чернаго передѣла земель; при полной матеріальной выгодѣ отъ владѣнія землею на родинѣ, пріобрѣтаемою

на выгодныхъ условіяхъ, эта мѣра имѣла бы и воспитательное значеніе для народа..." [1]).

Сильно отражается на сужденіяхъ ряда комитетовъ и антагонизмъ интересовъ и воззрѣній, вытекающій изъ заинтересованности мѣстнаго населенія въ тѣхъ земляхъ, которыя могли бы быть использованы для водворенія переселенцевъ изъ другихъ мѣстностей. Мы уже видѣли, что довольно многіе комитеты желаютъ переселять своихъ малоземельныхъ, преимущественно, на казенныя земли другихъ губерній Европейской Россіи. Но комитеты этихъ губерній, въ рядѣ случаевъ, высказываются противъ допущенія на нихъ переселенцевъ. Такъ, Николаевскій уѣздный комитетъ (Самарской губ.) желаетъ, чтобы „казенныя и удѣльныя земли отдавались въ пользованіе не пришлымъ переселенцамъ, а мѣстнымъ малоземельнымъ крестьянамъ". Уфимскій губернскій и Златоустовскій комитеты „до разселенія мѣстныхъ жителей признаютъ нежелательнымъ допущеніе переселенцевъ на свободныя пока башкирскія земли, такъ какъ весьма вѣроятно, что таковыхъ не хватитъ на мѣстныхъ жителей" и т. п.

Послѣдній принципіальный вопросъ, точнѣе группа вопросовъ, на которыхъ мы должны еще остановиться, — это вопросъ объ участіи крестьянскихъ обществъ въ расходахъ выселенія своихъ членовъ и тѣсно связанный съ нимъ, основной съ точки зрѣнія аграрныхъ задачъ переселенія, вопросъ о судьбѣ оставляемыхъ переселенцами надѣльныхъ земель и о вознагражденіи за нихъ переселяющихся. По первому частному вопросу, насколько онъ ставится отдѣльно отъ второго, я не берусь указать какой-либо господствующей тенденціи,— число голосовъ за привлеченіе сельскихъ обществъ повидимому не уступаетъ числу голосовъ высказывающихся противъ такого рѣшенія вопроса. Утвердительный отвѣтъ либо вовсе не мотивируется, представляя собою лишь положительную формулировку поставленнаго въ программѣ особаго совѣщанія вопроса, либо мотивируется лишь въ самыхъ краткихъ и—надо признаться—неслишкомъ убѣдительныхъ выраженіяхъ. Такъ, Кирсановскій уѣздный комитетъ исходитъ, просто, изъ того теоретическаго положенія, что „конечно, нѣтъ ничего лучше, какъ самопомощь, а потому привлеченіе самихъ сельскихъ обществъ къ расходамъ по выселенію прироста ихъ населенія является мѣрой и желательной, и вполнѣ справедливой"; Чебоксаро-Козьмодемьянскій, Глуховскій и другіе обосновываютъ свое мнѣніе на томъ тоже слишкомъ простомъ соображеніи, что „общія экономическія выгоды и удобства, создаваемыя для остающихся выселеніемъ прироста населенія, даютъ основаніе привлечь общество къ возмѣщенію казнѣ части того пособія", которое можетъ требоваться для переселенцевъ, что „сельскія общества отъ переселенія прироста сохраняютъ остающуюся землю за собой и тѣмъ получаютъ выгоду.

„Нельзя конечно отрицать—справедливо говоритъ по поводу такой

[1]) Псковск. 32, 130, 145, Витебск. 265, Волынск. 26, 131, Тамб. 115, 341, 396, Самарск. 103, 491, 539, Орловск. 375, Екатер. 43, Костр. 216, Курск. 862.

мотивировки А. Н. Пѣшехоновъ, что съ уходомъ переселенцевъ положеніе ихъ однообщественниковъ можетъ улучшиться за счетъ оставляемой въ ихъ пользу земли. Но вѣдь переселеніе, разсматриваемое съ государственной точки зрѣнія, тѣмъ особенно и цѣнно" — я сказалъ бы больше: весь его смыслъ, съ аграрно-государственной точки зрѣнія, въ томъ именно и заключается, „что оно открываетъ возможность лучше устроиться не только тѣмъ, кто уходитъ, но и тѣмъ, кто остается"; а между тѣмъ „взваливать на послѣднихъ новыя тягости, хотя бы пропорціональныя тѣмъ выгодамъ, которыя они получатъ отъ переселенія, — это значитъ, въ сущности, обезцѣнивать результаты послѣдняго". Гораздо полнѣе и разностороннѣе обосновывается комитетами противуположный, отрицательный отвѣтъ на вопросъ программы особаго совѣщанія. На первый планъ выдвигается здѣсь чисто практическій мотивъ—непосильность подобнаго рода расходовъ для обществъ, отпускающихъ переселенцевъ: „всѣ расходы по выселенію прироста населенія—кратко формулируетъ этотъ взглядъ Городнянскій уѣздный комитетъ (Черниг. губ.), и выдачѣ переселеній воспособляющимся должны лежать на правительствѣ, такъ какъ для сельскихъ обществъ, по крайней скудости средствъ, такіе расходы были бы непосильны; и это тѣмъ болѣе, что „приростъ населенія является особенно обременительнымъ для крестьянскихъ обществъ, имѣющихъ небольшіе надѣлы, слѣдовательно—мало обезпеченныхъ". Въ другихъ случаяхъ вопросъ освѣщается съ другой, болѣе принціпіальной стороны: такъ, Я. К. Имшенецкій въ Полтавскомъ губернскомъ комитетѣ высказывается противъ содѣйствія обществъ выселяющимся на томъ основаніи, что „отъ переселенія получаютъ выгоды не сельскія общества, а отдѣльныя лица, очень часто слабо связанныя, а иногда и почти не связанныя съ сельскими обществами". Мало того: „общество — какъ полагаетъ Климовичскій (Могилевской губ.) уѣздный комитетъ, никогда добровольно не согласится субсидировать уходящаго члена, въ виду несправедливости вознагражденія лица, уходящаго по доброй волѣ въ лучшія условія, людьми остающимися въ худшихъ". И въ концѣ концовъ привлеченіе обществъ къ матеріальному содѣйствію переселяющимся—цитируя докладъ А. Ф. фонъ-Вендриха, „было бы невозможно и несправедливо: невозможно потому, что обѣднѣвшему и разорѣнному крестьянству внутренней Россіи, конечно, не подъ силу субсидировать выселяющихся членовъ своихъ; несправедливо—въ силу того, что необходимость разселенія крестьянства и снабженія его землей есть нужда не даннаго селенія, не вопросъ сословно-крестьянскій, даже и не мѣстный,—это вопросъ общегосударственной важности и значенія, почему и расходы, вызываемые его разрѣшеніемъ должны лежать на всей странѣ, на всей совокупности населенія".

Въ рядѣ случаевъ, затѣмъ, комитеты, воздерживаясь отъ категорическаго разрѣшенія вопроса въ ту или другую сторону, считаются съ существующими фактами, когда общества въ той или другой формѣ берутъ на себя извѣстную долю расходовъ по выселенію прироста своего населенія, — и, высказываясь противъ обязательности

подобнаго матеріальнаго участія обществъ, предусматриваютъ однако добровольное матеріальное содѣйствіе переселяющимся со стороны остающихся крестьянъ. Но на такое добровольное содѣйствіе можно разсчитывать, — какъ формулируетъ Могилевскій губернскій комитетъ,—только „въ тѣхъ случаяхъ, когда выселеніе отдѣльныхъ членовъ вызывается признаніемъ необходимости этого выселенія со стороны общества". А такое признаніе естественно зависитъ отъ судьбы надѣльныхъ земель, оставляемыхъ переселенцами, и отъ цѣнности надѣловъ по сравненію съ лежащими на нихъ казенными и иными платежами, чѣмъ и установляется прямая связь даннаго вопроса съ другимъ вопросомъ—о судьбѣ надѣльныхъ земель, оставляемыхъ переселенцами. Эта связь, иногда, выражается въ нѣсколько неопредѣленной формѣ; напримѣръ, Корсунскій (Симбирск. губ.) комитетъ признаетъ „привлеченіе сельскихъ обществъ къ расходамъ по выселенію возможнымъ въ томъ лишь случаѣ, если земля съ избыткомъ окупаетъ всѣ лежащія на ней повинности, въ необременительномъ для остающихся крестьянъ въ размѣрѣ",—очевидно, что все это разсужденіе предполагаетъ переходъ надѣла въ распоряженіе общества. Въ другихъ случаяхъ эта связь выражается съ совершенною ясностью и категоричностью. Какъ формулируетъ вопросъ В. И. Мезенцевъ въ докладѣ Харьковскому губернскому комитету, „общества могутъ привлекаться къ подобнымъ расходамъ единственно какъ покупщики земли, принадлежавшей переселенцамъ — другого основанія не можетъ быть" [1]).

Мы подошли такимъ образомъ къ принципіально едва ли не наиболѣе важной сторонѣ вопроса, — важной потому, что отъ правильнаго рѣшенія вопроса о судьбѣ переселенческихъ надѣловъ зависитъ, въ сущности, все значеніе переселенія съ аграрно-политической точки зрѣнія. Но здѣсь, обнаруживается рѣзкій и весьма трудно устранимый антагонизмъ между непосредственным интересами переселяющихся и аграрно - политическими задачами переселенія: надѣлы легче и выгоднѣе всего продать, если земля будетъ выброшена на открытый рынокъ, безъ всякаго ограниченія круга покупателей. Такое свободное обращеніе переселенческой земли совершенно исключаетъ возможность достиженія упомянутыхъ аграрно-политическихъ цѣлей, а между тѣмъ размѣръ суммъ, которыя переселенцамъ удастся выручить за надѣльную землю, является однимъ изъ первостепенно важныхъ условій успѣшности переселенія. Ничего удивительнаго, если нѣкоторые комитеты высказываются за неограниченную — при подворномъ владѣніи — свободу отчужденія переселенческихъ надѣловъ; отвергая участіе обществъ въ расходахъ по выселенію, они признаютъ „болѣе правильнымъ предоставить переселяющимся крестьянамъ возможность свободно распорядиться принадлежащими имъ надѣльными землями съ тѣмъ, чтобы выручаемыя суммы и служили имъ фондомъ для успѣшнаго

[1]) Черниговъ. 151, 185, 442, Полт. 71, 742, Могил. 10, 88, Казан. 23, 147, Харьк. 150, Симб. 268, Тамб. 225, 411, Курск. 414, Уф. 37, Орл. 295.

домоустройства на новыхъ мѣстахъ". Другіе комитеты ограничиваютъ права переселенцевъ въ отношеніи отчужденія надѣльныхъ земель. Одни изъ нихъ не идутъ при этомъ дальше простого запрещенія продавать ихъ лицамъ, не принадлежащимъ къ крестьянскому сословію, но признаютъ „желательнымъ предоставить переселяющимся право свободной продажи ихъ земельныхъ участковъ лицамъ, принадлежащимъ къ сельско-земледѣльческимъ сословіямъ", — замѣняя такимъ образомъ правильную социальную точку зрѣнія на вопросъ совсѣмъ не разрѣшающею его и нимало не устраняющею концентраціи надѣльныхъ земель сословною точкою зрѣнія. Гораздо правильнѣе, съ аграрно-политической точки зрѣнія, ставитъ вопросъ Изюмскій (Харьковской губерніи) комитетъ, который предоставляетъ обществамъ право преимущественной покупки переселенческихъ надѣловъ, при неосуществленіи же имъ этого права открываетъ переселяющимся полную свободу отчужденія надѣльныхъ земель. Другіе комитеты предпочитаютъ дѣйствовать не посредствомъ ограничительныхъ постановленій, а путемъ положительныхъ мѣръ,—кредита или государственной скупки переселенческихъ надѣловъ съ цѣлью передачи ихъ наиболѣе малоземельнымъ элементамъ изъ числа остающихся на мѣстѣ выселенія. Такъ, Полтавскій губернскій комитетъ желаетъ, „чтобы крестьянскій банкъ скупалъ земли уходящихъ переселенцевъ для переуступки ихъ остающимся маломощнымъ общественникамъ"; другіе предлагаютъ привлечь къ этому дѣлу тотъ же крестьянскій банкъ, но уже на кредитныхъ началахъ, именно „открыть малоземельнымъ возможность купить землю переселяющихся, снабдивъ ихъ ссудами изъ крестьянскаго банка"; третьи говорятъ объ организаціи кредита на покупку переселенческихъ надѣловъ, не упоминая объ участіи въ этомъ дѣлѣ крестьянскаго банка: „для того, чтобы земли —говоритъ Полтавск. губернск. земск. управа,— оставляемыя переселяющимися, пріобрѣтались ихъ малоземельными сосѣдями, а не мѣстными богачами, таковымъ долженъ быть открытъ денежный кредитъ на покупку освобождающихся земель, какъ пахотныхъ, такъ и усадебныхъ"; а „такъ какъ въ большинствѣ случаевъ такія земли — въ виду отмѣченныхъ въ первой части этой книги особенностей нашего подворнаго владѣнія — не могутъ быть покупаемы общимъ порядкомъ и принимаемы въ залогъ, то кредитъ этотъ долженъ быть личнымъ, вслѣдствіе чего эта кредитная операція является повидимому крайне рискованною, и единственнымъ органомъ, могущимъ взять на себя веденіе этого дѣла, является земство".

Совсѣмъ иначе, въ однихъ отношеніяхъ проще, въ другихъ сложнѣе, ставится вопросъ при общинномъ владѣніи. Разсуждая строго юридически, „отдѣльнымъ крестьянамъ при общинномъ землевладѣніи принадлежитъ, въ сущности, не право собственности, а право владѣнія"; но фактически, какъ свидѣтельствуютъ Суджанскій и многіе другіе комитеты, подъ видомъ передачи земли по общественному приговору недопускаемая закономъ продажа переселенцами надѣльной земли фактически всегда имѣетъ мѣсто, и переселенецъ получаетъ

за свой надѣлъ плату". Такой порядокъ, выгодный для переселяющихся, однако противорѣчитъ аграрнымъ задачамъ переселенія, а потому нѣкоторые комитеты, „во избѣжаніе сосредоточенія надѣльныхъ земель въ рукахъ немногихъ зажиточныхъ домохозяевъ въ ущербъ менѣе зажиточнымъ, полагаютъ установить передачу такихъ участковъ исключительно цѣлому обществу, а не отдѣльнымъ членамъ его". Вопросъ о правѣ на землю и особенно о правѣ на вознагражденіе за нее сильно осложняется участіемъ переселяющихся, въ теченіе продолжительнаго времени, въ отбываніи выкупныхъ платежей. Въ то время, какъ крестьянинъ Васильевъ въ Козельскомъ уѣздномъ комитетѣ (Калуж. губ.), „полагаетъ вполнѣ справедливымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выселяется весь дворъ, обязывать общество выдавать выселяющемуся двору воспособленіе на переселеніе въ размѣрѣ погашенной имъ выкупной ссуды за землю, такъ какъ земля эта остается во владѣніи общества", при выселеніи же части членовъ двора—налагать такую же обязанность на остающихся членовъ. Новооскольскій комитетъ, признавъ первоначально „справедливымъ выселяющимся изъ общества крестьянамъ возвращать хотя бы часть уплаченныхъ ими выкупныхъ платежей и то только въ случаѣ, если она выкуплена болѣе нежели на половину, — затѣмъ однако, „въ виду заявленія представителей отъ крестьянъ, что это подорветъ права общины, которую крестьяне считаютъ для даннаго времени необходимой, постановилъ: желательно оставить для лицъ, выселяющихся изъ общества, существующій въ настоящее время порядокъ, оберегающій всѣ права и прерогативы общины". А въ докладѣ Е. Л. Маркова Щигровскому комитету предлагается „узаконить право каждаго хозяина при выходѣ изъ общества получать съ сельскаго общества, а при несогласіи его—съ другихъ лицъ того же сословія, желающихъ пріобрѣсти его надѣлъ, опредѣленную закономъ сумму за землю или по крайней мѣрѣ уплаченную имъ и предшественниками его выкупную сумму" [1])

Мы не будемъ затѣмъ подробно останавливаться на сужденіяхъ комитетовъ, касающихся собственно организаціи переселеній,—отчасти потому, что насъ интересуетъ исключительно принципіальная сторона переселенческаго вопроса—отчасти же потому, что въ вопросахъ организаціи переселенческаго дѣла сильнѣе всего проявилась довольно слабая освѣдомленность комитетовъ относительно дѣйствительнаго положенія дѣла, о которой намъ приходилось уже упоминать. Достаточно замѣтить, что комитеты подвергаютъ существующую постановку и организацію переселенческаго дѣла весьма рѣзкой, иногда и чрезмѣрно рѣзкой критикѣ, и привести въ видѣ примѣра выдержку изъ доклада агронома А. Н. Терскаго Кіевскому уѣздному комитету. „На мѣстахъ выселенія, говоритъ г. Терскій, переселенческимъ дѣломъ вѣдаютъ волостныя правленія, мировые посред-

[1]) Полт. 72, 220, 713, Харьк. 51, 150, Черн. 16 — 17, 442, Курск. 452, 685, 740, 863, Калуж. 75, 88, 262, 313, Могил. 10, 78, Вит. 391, Пенз. 98 и друг.

ники или земскіе начальники, губернскія присутствія и губернаторы, а на мѣстахъ водворенія крестьянскіе начальники; такимъ образомъ переселенческое дѣло—дѣло огромное, многосложное, требующее отъ его руководителей основательныхъ спеціальныхъ, агрономическихъ и экономическихъ познаній, ввѣрено такимъ учрежденіямъ, которыя и безъ того завалены своею текущею работой; переселенческое дѣло имъ чуждо и обременительно, благодаря своей сложной процедурѣ". Вообще, „переселеніе идетъ такою массой, что всѣ учрежденія, призванныя руководить передвиженіями этой массы, очевидно не могутъ управиться" съ возложенною на нихъ задачей,—и въ концѣ концовъ „при настоящихъ условіяхъ переселенческое дѣло имѣетъ характеръ огромной государственной благотворительности: государствомъ на это дѣло ежегодно затрачиваются милліоны рублей и безплатно раздаются милліоны десятинъ земли—неоцѣнимаго національнаго богатства. До какихъ предѣловъ можетъ дойти эта благотворительность съ возрастающею изъ года въ годъ потребностью въ переселеніи—сказать невозможно; но и оставлять дѣло въ томъ же положеніи едва ли возможно" [1]). Этимъ и многочисленнымъ другимъ, указываемымъ тѣми или иными отдѣльными комитетами, дефектамъ современной организаціи переселенческаго дѣла приписывается огромное, нѣкоторыми комитетами—явно преувеличенное значеніе. „Въ настоящее время—говоритъ напримѣръ Прилукскій комитетъ, переселеніе поставлено въ такія условія, при которыхъ переселяющіеся часто разоряются и возвращаются нищими". Бѣлостокско-Сокольскій комитетъ настаиваетъ на необходимости „главное, правильно организовать переселенческое дѣло, чтобы потомъ переселенцы не возвращались нищими на родину и не гибли массами отъ болѣзней и голода по пути и на отведенныхъ имъ новыхъ земляхъ, въ непосильной борьбѣ съ суровыми и незнакомыми имъ климатическими, географическими и другими мѣстными условіями и т. д." [2]). Мы не будемъ останавливаться на такихъ, явно опровергаемыхъ дѣйствительными фактами, указаніяхъ, какъ „гибель массами въ пути отъ болѣзней и голода"—такія указанія можно отнести единственно на счетъ малой освѣдомленности даннаго комитета относительно современнаго фактическаго положенія дѣла. Но самое для насъ интересное въ данную минуту—это то, что въ приведенныхъ выдержкахъ въ дефектахъ организаціи переселенческаго дѣла усматривается основной источникъ всѣхъ бѣдствій и неудачъ, претерпѣваемыхъ переселенцами, до обратнаго переселенія включительно, и на организаціонныя реформы возлагаются совершенно несбыточныя, на нашъ взглядъ, надежды,—будто бы онѣ способны устранить вліяніе неблагопріятствующихъ переселенію и колонизаціи климатическихъ, географическихъ и т. п. условій,—иллюзія, поддержаніе которой грозитъ въ будущемъ новыми десят-

---

[1]) Кіев. 708—711.

[2]) Полт. 765, Кіев. 1053, Гродн. 293.

ками тысячъ обратныхъ переселенцевъ или погибшихъ въ непосильной борьбѣ съ суровою природой. Изъ отдѣльныхъ дефектовъ современной организаціи переселенческаго дѣла комитеты особенно охотно останавливаются на недостаточности оказываемой переселенцамъ матеріальной помощи, причемъ нѣкоторые желаютъ постановки этой стороны дѣла на чисто кредитную почву, съ отнесеніемъ переселенческаго кредита къ обязанностямъ крестьянскаго банка или съ созданіемъ для этой цѣли особаго переселенческаго банка; на дурной постановкѣ землеотводнаго дѣла—Елецкій комитетъ даже говоритъ объ особой „политикѣ заселенія сомнительныхъ по негодности участковъ"; а въ особенности—на совершенной неосвѣдомленности переселенцевъ съ условіями, ожидающими ихъ на мѣстахъ новаго водворенія, и полной недостаточности мѣръ, принимаемыхъ ради распространенія среди крестьянъ болѣе правильныхъ свѣдѣній и представленій о новыхъ мѣстахъ и объ условіяхъ переселенія.—И что̀ было для меня особенно неожиданно—комитеты съ полнымъ отрицаніемъ относятся къ такому выработанному жизнью явленію, какъ посылка ходоковъ. Въ однихъ случаяхъ указывается на то, что „требованіе посылать предварительно ходоковъ отъ каждой семьи тяжело въ матеріальномъ отношеніи для крестьянъ", такъ какъ „ходачество поглощаетъ третью часть тѣхъ денегъ, которыя нужны для переселенія"; другіе утверждаютъ, что „ходачество въ томъ видѣ, какъ теперь, служитъ во многихъ случаяхъ лишь средствомъ наживы для ловкихъ оборотливыхъ аферистовъ". Третьи напираютъ на то, дѣйствительно наиболѣе существенное обстоятельство, что „при ограниченности руководителей на мѣстахъ новаго водворенія, они обыкновенно разбредаются по необъятнымъ пространствамъ новыхъ мѣстъ и многіе изъ нихъ, не добившись толка, возвращаются ни съ чѣмъ обратно". Нѣкоторые заходятъ такъ далеко, что желаютъ „ходоковъ, какъ большое зло бывшихъ до этого времени переселеній, устранить, или по крайней мѣрѣ лишить ихъ роли оцѣнщиковъ земель", взамѣнъ того признаютъ необходимымъ „руководящее участіе въ переселенческихъ партіяхъ интеллигентныхъ лицъ, назначеніе которыхъ съ наибольшею пользою для дѣла могло бы быть поручено земству".

Мы уже говорили, что мы будемъ подробно разбирать и мѣръ, предлагаемыхъ для организаціи переселенческаго дѣла, — позволимъ себѣ только вкратцѣ резюмировать заключенія Лохвицкаго уѣзднаго комитета, выработавшаго, несомнѣнно, наиболѣе связную и полную систему организаціонныхъ мѣръ. Сюда входятъ: полная свобода переселеній и устраненіе всѣхъ формальностей; устройство справочныхъ бюро по переселенческимъ дѣламъ; предоставленіе льготнаго проѣзднаго тарифа тѣмъ лишь переселенцамъ, которымъ уже отведены участки для поселенія, и тѣмъ лишь ходокамъ, которые ѣдутъ по указаніямъ земствъ, опредѣляющихъ районы для переселенія; улучшеніе условій передвиженія переселенцевъ въ смыслѣ скорости поѣздовъ и устройства продовольственной и медицинской помощи; увеличеніе размѣровъ и увеличеніе сроковъ возврата домообзаводственныхъ ссудъ; нормально-достаточные размѣры отводимыхъ пере-

селенцамъ надѣловъ; предоставленіе запаснымъ нижнимъ чинамъ изъ переселенцевъ льготъ при мобилизаціи; организація на мѣстахъ агрономической помощи; расширеніе землеотводныхъ работъ какъ въ Азіатской, такъ и въ Европейской Россіи и прекращеніе раздачи государственныхъ земель въ Сибири и Приамурскомъ краѣ дворянамъ, совершающейся нынѣ въ видахъ насажденія крупнаго дворянскаго землевладѣнія; реорганизація крестьянскаго банка, дѣятельность котораго—замѣтимъ здѣсь же мимоходомъ — подвергается, вообще, самому единодушному осужденію, въ соотвѣтствіи съ задачами аграрной политики, наконецъ — продажа казною крестьянамъ принадлежащихъ ей земель въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ съ покупкой взамѣнъ того земель въ менѣе населенныхъ мѣстностяхъ для продажи или для отдачи въ аренду переселенцамъ на льготныхъ условіяхъ [1]).

Перечисляя пожеланія Лохвицкаго комитета, мы нарочно не упоминали о тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся до роли земства въ организаціи переселенческаго дѣла. Вопросъ этотъ, гдѣ только ставился, разрѣшался въ утвердительномъ смыслѣ. Единственное, кажется, исключеніе составляетъ Полтавскій губернскій комитетъ. Здѣсь поднятый нѣкоторыми уѣздными комитетами вопросъ о предоставленіи земству активной роли въ переселенческомъ дѣлѣ встрѣтилъ цѣлый рядъ возраженій. Говорилось, что „направленіе переселенія — дѣло государственное, а никакъ не земское, прямая же задача земства — имѣть дѣло съ послѣдствіями переселенія“, именно способствовать переходу переселенческихъ надѣловъ въ руки малоземельной части населенія; что „наше переселеніе искони стремится на окраины — это историческая черта русскаго элемента“, — откуда дѣлается выводъ, что „регулировать переселеніе необходимо не крестьянскому банку и не земству, а правительству, имѣющему (sic) возможность держать это большое дѣло въ своихъ крѣпкихъ рукахъ“. Съ попыткою отстоять участіе земства выступилъ С. С. Хрулевъ, отмѣтившій „большую сложность переселенскаго вопроса, въ которомъ требуется согласовать весьма важные мѣстные экономическіе интересы и болѣе широкіе интересы колонизаціонной дѣятельности государства“, и отсюда выводившій пожеланіе, „чтобы весьма важный, сложный и трудный переселенческій вопросъ разрѣшался центральнымъ правительствомъ при участіи представителей заинтересованныхъ земствъ“, — но встрѣтилъ весьма характерное возраженіе со стороны предсѣдателя комитета, губернатора кн. Урусова, — именно, что „этотъ вопросъ проводится черезъ губернскія присутствія, въ которыхъ имѣютъ возможность высказать свои взгляды представители мѣстныхъ интересовъ въ лицѣ губернскихъ предводителей дворянства и предсѣдателей губернскихъ управъ“. — И въ конечномъ результатѣ Полтавскій комитетъ призналъ, что земства, въ качествѣ представителей мѣстныхъ интересовъ, могутъ быть замѣнены... уѣздными съѣздами земскихъ начальниковъ: „при всемъ сочувствіи къ проектируемымъ мѣрамъ (имѣется въ виду перво-

---

[1]) Полт. 606.

начальный проектъ закона 6 іюня) желательно участіе мѣстныхъ уѣздныхъ съѣздовъ при разрѣшеніи вопроса, изъ какихъ мѣстностей въ томъ или иномъ году назначить очередь массовыхъ переселеній" [1]).

Мы не будемъ — въ виду ея общеизвѣстности — останавливаться на той аргументаціи которою другіе комитеты обосновывали свои положительные отвѣты на вопросъ объ участіи земствъ въ руководительствѣ переселеніемъ. Нѣкоторые комитеты дали такой отвѣтъ лишь въ самой общей, даже неопредѣленной формѣ, — чтобы „правительство, давъ необходимыя средства и принявъ на себя общую организацію переселенія, предоставило возможность земству и мѣстнымъ дѣятелямъ принять въ немъ участіе". Другіе комитеты отводятъ земству роль справочныхъ и посредническихъ учрежденій, или предлагаютъ привлечь ихъ къ непосредственному участію въ выборѣ переселенцами земель подъ поселеніе. Высказывается, напримѣръ, пожеланіе, чтобы земскія управы были снабжены планами отводимыхъ подъ заселеніе участковъ, со всѣми необходимыми для ихъ характеристики данными; чтобы земству былъ порученъ выборъ тѣхъ интеллигентныхъ лицъ, которыми нѣкоторые желаютъ замѣнить крестьянскихъ ходоковъ; чтобы земствамъ было предоставлено право устраивать, вообще, справочныя по переселенческимъ дѣламъ бюро, которыя „состояли бы изъ людей, хорошо знакомыхъ съ потребностями своей мѣстности, а также могли бы указать партіи переселенцевъ осмотрѣнный уже участокъ земли, дать имъ надлежащіе совѣты и проводить до мѣста"; чтобы земству было предоставлено участіе въ организаціи переселенческихъ партій на мѣстѣ и снабженіи ихъ медицинскою помощью. Н. А. Хвостовъ и съ нимъ Елецкій, а также Константиноградскій комитетъ пытаются воскресить идею Задонскаго земства о предоставленіи въ распоряженіе уѣздныхъ земствъ сплошныхъ территорій для заселенія ихъ крестьянами изъ соотвѣтствующихъ уѣздовъ, и т. п. Но наиболѣе широко ставитъ участіе въ дѣлѣ земства Лохвицкій комитетъ, который желаетъ, чтобы „общій надзоръ за переселенческимъ дѣломъ былъ предоставленъ земству при участіи правительства", причемъ первое должно направлять переселенцевъ въ тѣ или другіе районы сообразно съ обычаями и складомъ жизни переселенцевъ и мѣстными условіями земель, отводимыхъ для переселеній [2]).

[1]) Тоже 67 — 72.
[2]) Полт. 202, 606, Орл. 110, 373, 518, 570, Пенз. 148, Сарат. 496, Курск. 315 и др.

Того же автора:

	ЦѢНА.
«По новымъ мѣстамъ» (по Амуру и Приамурью; въ арало-каспійской степи)	1 р.—к.
«Крестьянская община въ Сибири»	1 » 75 »
«Документы и живая исторія русской общины» —	» 30 »

ЦѢНА 2 РУБ.

Складъ изданія—книжный магазинъ т-ва **«Общественная Польза»** (Спб., Б. Подъяческая, 39).

Типографія Т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяч., 39.

